947
П-121

Павлов
Русская исто-
рия.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Зак. 4226. Утильцех 1-й Образцовой тип. Москва

На домъ не выдается

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ВѢКОВЪ РОДНОЙ СТАРИНЫ.)

(1362—1862 гг.) — ошибка?

Томъ третій.

Н. М. ПАВЛОВЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

947
П 12

Московская Центральная
Публичная Библиотека

МОСКВА.
...о-лит. ...-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовск. ул., соб. д.
1904.

947

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Вторженіе нѣмцевъ и „Орденъ Ливонскихъ Рыцарей“.** Происшедшія къ XII-му вѣку измѣненія въ Варягахъ. Древнерусскія окраины на Варяжскомъ взморьѣ. Происки съ Запада. Крещеніе Двинянъ Латинцами. Закрѣпощеніе рыцарями полоцкихъ приморскихъ владѣній. Закрѣпощеніе Рижанами новгородскихъ приморскихъ владѣній. Смертный подвигъ князя Вячка. Послѣдствія водворенія нѣмцевъ на русскомъ взморьѣ 1

II. **Такъ называемое „литовское государство“** 62

III. **Сынъ Ярослава Всеволодовича** (великій князь кіевскій и владимірскій) **Святой Александръ Невскій.** Личныя достоинства Александра. Слава Александровыхъ побѣдъ. Отношенія Александра къ Ордѣ. Александръ отклоняетъ происки Рима. Назначеніе Александра владимірскимъ великимъ княземъ. Отношеніе Александра къ новгородцамъ. „Финляндскій“ походъ Александра Невскаго. Татарскіе численники и новыя смуты въ Новгородѣ. Послѣдніе подвиги Александра. Особенность эпохи Александра Невскаго . 68

IV. **Литва и „Корона Литовская“.** I. До временъ Батыева плѣненія включительно 129

V. **Что пошло въ Русской Землѣ послѣ Александра Невскаго** 152

VI. **Войны и усобицы владимірскихъ князей во времена Даніила московскаго**—при его дядяхъ, братьяхъ Александра Невскаго 158

VII. **Войны и усобицы владимірскихъ князей во времена Даніила Московскаго**—при его братьяхъ, сыновьяхъ Невскаго. Общее бѣдственное состояніе Русской Земли и благотворная дѣятельность митрополита Кирилла 170

VIII. **Святой Даніилъ Александровичъ—первый князь Московскій.** Особенности и отличія Московскаго княженія. Мирная слава Даніила. Княжеская дѣятельность Даніила. Сохранялась ли память о первомъ московскомъ князѣ? 204

Стр.

IX. **Общее ослабленіе южной Руси при Даніилѣ Александровичѣ московскомъ.** Убыль русскихъ владѣній на югѣ. Запустѣніе древнихъ черниговскихъ мѣстъ. Упадокъ княженія и захудалость князей Галицко-Волынской области 229

X. **Слава потомковъ Александра Невскаго въ роду Даніила.** 250

XI. **Литва и „Корона Литовская“.** II. До временъ Ягайла и Витовта 254

XII. **Ягайло и Ядвига** 277

XIII. **Распаденіе Руси въ XIV-мъ вѣкѣ** 290

XIV. **Кипчакская Орда въ XIV-мъ вѣкѣ** 300

XV. **Великій князь Московскій и всея Руси Иванъ Даниловичъ Калита.** I. Отъ кончины отца его Даніила до вокняженія на Владимірскомъ престолѣ (1303—1328 гг.). Времена Іоанна и личныя свойства князя. Юрьева неправда къ Тверскому князю Михаилу Ярославичу. Святой мученикъ Михаилъ Ярославичъ Тверской. Прославленіе памяти Михаила Тверского. Дальнѣйшая судьба княжествъ: Тверского и Московскаго 304

XVI. **Великій князь Московскій и всея Руси Иванъ Даниловичъ Калита.** II. Отъ вокняженія на Владимірскомъ престолѣ до кончины (1328—1340 гг.). Походъ на Псковъ противъ князя Александра Михайловича. Сближеніе Пскова съ Литвою. Исключительное положеніе Московскаго Князя. Отношеніе Іоанна къ Новгороду. Первенство Іоанна между всѣми князьями. Убіеніе въ Ордѣ князя Александра Михайловича Тверского и сына его Ѳеодора. Послѣдніе годы великокняженія Іоанна. Заключеніе древней Русской Исторіи 383

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ III-ГО ТОМА.

Вторженіе нѣмцевъ и „Орденъ Ливонскихъ Рыцарей“.

Бѣда—по русскому присловью—одна не приходитъ. Пришелъ врагъ съ востока, а другой ужъ идетъ съ запада: съ нашествіемъ татаръ изъ-за Урала одновременно послѣдовало вторженіе въ русскіе предѣлы еще и нѣмцевъ со стороны Варяжскаго моря.

Происшедшія къ XII-му вѣку измѣненія въ «Варягахъ».

О тамошнихъ вольныхъ станицахъ и никому не подвѣдомыхъ морскихъ пристанищахъ, гдѣ издревле гнѣздились славившіеся мореходствомъ разныхъ племенъ витязи и образовались цѣлыя шайки морской вольницы — о Варягахъ однимъ словомъ—къ этому времени стали пропадать и слухи. Замѣсто ихъ ужъ были цѣлыя королевства: Англія — въ углу моря, а Данія и Швеція ближе къ Руси; тогда же завладѣли здѣшними мѣстами и собственно такъ называемые *Германцы*. Начавъ еще въ IX-мъ столѣтіи, при своемъ Карлѣ Первомъ, тѣснить западныхъ славянъ изъ нѣдръ материка, Германцы уже не прекращали изъ вѣка въ вѣкъ этого натиска на востокъ: распространились до Варяжскаго моря.

Все здѣшнее побережье, такимъ образомъ, видоизмѣнилось.

Мѣстами еще не перевелись тутъ свободные поморяне изъ славянъ, но уже затеривались въ новопришломъ германскомъ населеніи. Древлеславянскія урочища Бремя, Гамбогъ, Любечь, Жданскъ, Щетинъ и прочіе уже кликались тутъ понѣмецки: Бременъ, Гамбургъ, Любеккъ, Данцигъ, Штеттинъ

и такъ далѣе *). Богатѣйшіе изъ здѣшнихъ приморскихъ городовъ Бременъ и Любеккъ числились въ XII-мъ вѣкѣ *„бискупскими городами“*, ихъ же духовные владыки (бискупы и архибискупы) почитались по западному обычаю свѣтскими чинами — *имперскими князьями* — и подъ покровительствомъ Германскаго императора, съ тѣмъ вмѣстѣ подъ главенствомъ Папы — властвовали тутъ какъ прямые государи. Такъ называемая „священно-римская Германская имперія“ къ этому времени совсѣмъ затѣснила западныхъ славянъ.

Но хотя и замерли слухи о Варягахъ, а старинный духъ еще не вымеръ въ Поморьѣ. Остаткомъ варяжской старины уцѣлѣла здѣсь сама—на круговой порукѣ—вольная община приморскихъ городовъ, объединявшая прибалтійскія урочища (не взирая и на ихъ принадлежность разнымъ государствамъ) въ одну общую международную семью: союзъ для новопришлыхъ Нѣмцевъ, незнакомыхъ со здѣшней стариной, казавшійся непонятнымъ учрежденіемъ. По измѣнившимся временамъ, дѣйствительно, многое должно было казаться неудобовразумительнымъ въ здѣшнемъ товарищевскомъ союзѣ. Самое имя его — *Ганза*—было для всѣхъ новое, но духъ его былъ старый; не тѣ или другіе изъ германскихъ властителей учредили Ганзейскій союзъ, а онъ сложился самъ собою: его создалъ самъ здѣшній бытъ. Когда одна часть здѣшнихъ городовъ отошла въ составъ Даніи, другая — Норвегіи, третья — Швеціи, а остальная часть Поморья досталась собственно такъ называемымъ Германцамъ — это и значило другими словами: затихнулъ тутъ и миновалъ уже безвозвратно прежній военный промыселъ здѣшнихъ приморскихъ витязей и такъ называемыхъ „морскихъ королей“, которые въ былыя времена, какъ царства съ царствами, вели тутъ безпрерывныя войны другъ съ другомъ или соединялись въ вольныя дружины, чтобы вмѣстѣ нападать на отдаленнѣйшіе страны и народы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ то же время не прекратились тутъ по всѣмъ берегамъ, по морскимъ проливамъ и заливамъ, по островамъ и полуостровамъ—не только не прекратились, а можно бы сказать: тогда-то и развелись тутъ и уже не

*) Самое море, по латинскому слову balteus, западные Латинцы начали звать Балтійскимъ; впрочемъ, производятъ и отъ славянскаго: *блато, болото.*

унимались мелкіе грабительства и разбои, чѣмъ стали промышлять нѣкоторые изъ темныхъ полудикихъ народцевъ, таившіеся по глухимъ окраинамъ здѣшняго моря и ускользавшіе по недоступности ихъ притоновъ отъ всякой власти. То были суровѣйшія изъ племенъ лютой Корси, наиболѣе одичалые изъ дикихъ Пруссовъ и дальняя Чудь, такъ называемая „Чудь морская“, гнѣздившаяся по здѣшнимъ глухимъ притонамъ и достигавшая острова Эзеля. Варяжскіе города—издревле славившіеся предпріимчивымъ, мореходнымъ населеніемъ—и взялись тогда сами собой управиться съ этими злодѣйными племенами, не признававшими надъ собой ничьей власти и не хотѣвшими подчиниться новымъ заводимымъ порядкамъ. Сами „города у моря“ (по-нѣмецки am-See) и возобновили стародавнее товарищество свое: составили *„амзейскій* союзъ“, т.-е. Ганзейскій—для самообороны: это и была Ганза, вольная международная община—торговый оборонительный союзъ, имѣвшій, кромѣ того, и другія купеческія цѣли. Въ немъ состояли, разумѣется, и Новгородцы съ Полочанами, союзные съ варяжскимъ моремъ искони. Такимъ образомъ, хотя вѣкъ за вѣкомъ многое измѣнилось на Балтійскомъ Поморьѣ, но связь старинныхъ урочищъ, тянувшихся по здѣшнему береговому урѣзу на всемъ пути древнихъ Варяговъ, удерживалась еще сама собою; многовѣковое общеніе древле-славянскихъ урочищъ отъ Полабскаго взморья (при устьѣ Эльбы) до самой Невы съ Ладогой продолжалось еще и въ XII вѣкѣ. Это и повело къ тому, что разные имперскіе князья — духовные и свѣтскіе чины Германской имперіи—утвердясь въ юго-западномъ Балтійскомъ поморьѣ и подчинивъ все его даже до послѣднихъ поморскихъ князьковъ „Римско-апостольскому престолу“—начали наконецъ оттуда простирать свои виды еще и дальше на сѣверо-востокъ: въ ту сторону морского залива за Рюгенъ и за древнюю Винету, къ острову Готланду, гдѣ уже туманилась Русская даль.

Древнерусскія окраины на Варяжскомъ взморьѣ. Тамошнія русскія владѣнія по окраинамъ моря оставались вольны и нехранимы. Свое побережье противъ готландскаго острова Русскіе звали попросту *„Готскимъ берегомъ“* и оставляли безъ призору. Мѣстами еще вовсе безлюдный, дикій и пустынный, а индѣ заселенный разсѣянными племенами—раз-

ными мелкими народцами не то финскаго, не то литовскаго корня—этотъ край управлялся заглазно и дѣлился надвое: одна часть туземцевъ платила дань Пскову съ Новгородомъ, а другая—Полоцкому княженью.

Къ Полоцку относились собственно *Корсь* и *Ливъ*—Курляндъ и Лифляндъ, какъ ихъ прозвали Нѣмцы,—два чуждыхъ другъ другу племени, дробившіяся на множество мельчайшихъ подраздѣленій, сосѣдившія съ Полочанами у приморскаго устья Западной Двины. А далѣе на сѣверъ шли разнообразныя племена Чуди, подвластныя новгородцамъ и Пскову. Также и эти чудскія племена, дробясь на множество подраздѣленій, отличались множайшими именами; а нѣмцы звали ихъ всѣхъ заодно *Эстами*: къ Курляндіи и Лифляндіи, такимъ образомъ, прибавилась еще и Эстляндія.

Сами Русскіе не давали отъ себя прозвищъ здѣшнимъ инородцамъ; а въ случаѣ надобности перечисляли всѣхъ по собственнымъ ихъ родовымъ именамъ, какъ сами себя они называли—Торма, Очела, Ерева, Толова, Емь, Водь, Ижора, Корела и прочіе и проч.—лучшій знакъ, что русскіе князья предоставили своимъ данникамъ, всѣмъ этимъ племенамъ, жить по старинѣ каждому своимъ родомъ особо и не вмѣшивались въ ихъ бытъ. Которые изъ этихъ язычниковъ упорствовали въ бѣсовской вѣрѣ и темномъ волхвованіи, тѣхъ звали *„погаными“*, какъ и всѣхъ вообще некрещеныхъ; а которые изъ инородцевъ отставали отъ язычества и крестились въ православную вѣру, тѣхъ ужъ нельзя было и отличить отъ Руси. Коротко сказать: хотя всѣ эти племена и платили дань—одни Полоцку, другіе въ Новгородъ—но, опричь того, житье ихъ было вольное: во всемъ прочемъ они оставались самобытны. Русскіе дорожили въ тѣхъ мѣстахъ лишь вольнымъ выходомъ въ море—Новгородцы съ Волхова въ Ладогу и далѣе Невой рѣкою, а Кривичи Западной Двиною,—но ни тѣ ни другіе осѣдлостью въ тѣхъ дальнихъ окраинахъ не дорожили: вся та прибрежная полоса и оставалась въ распоряженіи самихъ туземцевъ, мелкихъ здѣшнихъ народцевъ (Корсь, Ливь, Эсты) *).

*) Такъ повелось издревле. Область, состоявшую нѣкогда подъ заморскимъ княземъ Рогвольдомъ, еще женившись на его дочери Рогнѣдѣ, Владиміръ Святой и выдѣлилъ въ особый удѣлъ Рогнѣдичей: они же ни твердынь не ставили въ тѣхъ мѣстахъ, ни въ полную неволю тѣхъ племенъ не закрѣпощали. Тоже продолжалось во дни Мудраго Ярослава:

Изрѣдка новгородцамъ приходилось наказывать ослушныя племена легкими походами къ нимъ за данью; когда же дерзость этихъ племенъ увеличивалась до того, что они грозили Юрьеву и тамошнимъ смежнымъ владѣніямъ— тогда и Русскіе князья предпринимали къ нимъ болѣе грозные походы и облагали данью пуще прежняго,— тѣмъ не менѣе однако, втеченіи двухъ вѣковъ и послѣ Ярослава Мудраго, ни твердынь у тамошнихъ племенъ не воздвигали, ни закрѣпощать ихъ въ полную неволю не считали нужнымъ. Явнымъ тому доказательствомъ уже служитъ то самое, что при всѣхъ случавшихся походахъ въ ту сторону — никогда новгородцы не перечисляли городовъ и селеній у тамошнихъ племенъ, а приводятъ лишь неисчислимыя ихъ инородческія прозвища, въ которыхъ трудно и разобраться—именно по ихъ разнообразію безъ числа. Единственное мѣстечко, упоминаемое всякій разъ, если по ослушанію туземцевъ приходилось углубиться внутрь страны—это *Оденпе:* самое ужъ имя *Оденпе* даетъ знать, что это укрѣпленіе было построено не русью, а туземцами; Русскіе же звали этотъ городокъ *Медвѣжьей Головою.* Изрѣдка упоминается еще *Раковоръ* — мѣстечко прославившееся позднѣе при дальнѣйшей борьбѣ Руси съ находниками Нѣмцами, но существовавшее и раньше: тѣмъ и замѣчательное, что находилось близъ моря. Оно и упоминается лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда по особой дерзости ослушныхъ племенъ требовался къ нимъ и походъ чрезвычайный; о каждомъ изъ такихъ походовъ и отмѣчалось всегда въ лѣтописи: *„прошли ихъ страну до самаго моря“*.

Еще болѣе, чѣмъ о псковичахъ съ новгородцами, можно было сказать именно о Полочанахъ, что они не злоупотребляли походами къ своей *Корси* и *Ливи*, жили въ полномъ мирѣ съ своими данниками и твердынь въ ихъ землѣ не воздвигали. Важнѣй всего было для Полочанъ, разумѣется, утвердить за собой водный путь Двиною до самаго

оградивъ послѣ крещенія Руси, по необходимости, Изборскъ и Псковъ отъ нападенія темныхъ племенъ языческой чуди, Ярославъ выдвинулъ только имъ навстрѣчу православный городъ своего имени *Юрьевъ* (тамъ, гдѣ было мѣстечко, звавшееся у туземцевъ Дерпьта) и далѣе не пошелъ, требуя отъ нихъ лишь безопасности морского берега и свободнаго хода къ морю.

моря,—но на всемъ нижнемъ теченіи Западной Двины, кромѣ Полоцка, извѣстны лишь два городка: *Герсике* и *Куйкеносъ*,—опять ужъ сами ихъ имена даютъ знать: городки туземные. И *Герсике* и *Куйкеносъ*, по незначительности своей, составляли удѣлы такихъ мелкихъ владѣльцевъ изъ „*Полоцкой княжьи*“, что напослѣдокъ ихъ и именъ даже не знали. Сидѣвшіе тутъ русскіе державцы мало чѣмъ ужъ и отличались отъ самихъ здѣшнихъ земляковъ, почитавшихъ ихъ за своихъ коренныхъ прирожденныхъ князей. Въ описываемую пору княжилъ, напримѣръ, въ Герсикѣ совершенно неизвѣстный Всеволодъ: о нёмъ знали только, что онъ дружилъ съ литвою и что сама его жена была родомъ изъ литвы. А въ Куйкеносѣ сидѣлъ нѣкій Вячеславъ, неизвѣстный поотчеству—князь, котораго даже не величали полнымъ именемъ, а привычно было звать Вячкою. Дальше Куйкеноса уже до самаго моря вовсе не было значительныхъ селеній, а города—ни одного. Даже самое устье Двины, во всю ея семиверстную ширь близъ моря, оставалось открытымъ: тамъ на взморьѣ находилось не то латышское, не то литовское селенье *Риге*, звавшееся такъ по протекавшей здѣсь рѣчкѣ этого имени.

Даже и это важное мѣсто Русью укрѣплено не было и оставалось подъ призоромъ самихъ туземцевъ. Очевидно, полоцкимъ князьямъ не было и повода вторгаться къ своимъ послушнымъ данникамъ грозною войною. Укрощать мятежи въ ихъ землѣ приходилось болѣе изъ-за ихъ же собственныхъ племенныхъ раздоровъ. Дробясь на безконечное множество родовъ-племенъ, всѣ здѣшніе инородцы и не прекращали мелкихъ племенныхъ ссоръ, одни противъ другихъ, по сосѣдству. Не переводилась тутъ чисто-семейная вражда къ Зимголѣ Летголы, Литвы къ Латышу, наконецъ самого Летта къ Чуди. Въ этомъ отношеніи, общая ихъ подвластность Руси—однихъ инородцевъ Полоцку, а другихъ Новгороду—приносила всѣмъ имъ общую пользу: служила для нихъ щитомъ и покровомъ, обуздывая ихъ же собственныя непримиримыя распри. Но господство Руси въ здѣшнихъ мѣстахъ, не говоря уже о прямомъ покровительствѣ, было вообще не безвыгодно для туземцевъ. Дань, платимая ими, была не обременительна; а лежавшія на нихъ повинности по содержанію пристаней, волоковъ и перевозовъ,

обязанность подавать помощь при кораблекрушеніяхъ или затрудненіяхъ на порогахъ, наконецъ разныя ихъ услуги торговымъ гостямъ—все это оплачивалось если и не щедро, однакожъ доставляло самимъ здѣшнимъ народонаселеніямъ выгоды и прибытки. Какъ въ древнюю, такъ и въ описываемую пору—мало тяготясь своимъ подчиненіемъ Полоцку и Новгороду—всѣ эти инородцы не только не ожесточались противъ Руси, а сами еще исподволь, тихо и незамѣтно, прилагались къ русскому народу, къ его вѣрѣ и языку. Они русѣли, можно бы сказать, не только безъ понужденія, а даже безъ вѣдома русскихъ князей: въ этомъ отношеніи здѣшнимъ землякамъ приходилось жаловаться не на насиліе русской власти, а развѣ на ея бездѣйствіе. По всѣмъ здѣшнимъ волостямъ, напримѣръ, всегда находилось довольно инородцевъ изъ Чуди и Литвы, изъ Корси и Ливи, настолько уже обрусѣлыхъ, что они ждали только случая окреститься и сами просили о томъ,—а съ ними не торопились. У русскихъ державцевъ завелся обычай: лишь изрѣдка отъ времени до времени насылать сюда священниковъ, когда въ томъ или другомъ участкѣ накопится достаточное число желающихъ креститься, — а до того времени приходилось откладывать и дожидаться. Такъ за однимъ столѣтіемъ прошло другое сто лѣтъ—для исторіи здѣшнихъ мѣстъ тихо и незримо. Вдругъ все измѣнилось, и стало узнать нельзя здѣшняго края.

Происки съ Запада.—Когда уже все Балтійское поморье въ мѣстахъ древнихъ Варяговъ отошло къ Нѣмцамъ—именно втеченіи XII-го вѣка — начали они свою власть оттуда простирать и сюда. Уже около 1180-го года одинъ изъ Датскихъ Королей (Вальдемаръ I)—„*истребитель Вендовъ*“, какъ его титуловали на Западѣ—съ благословенія папы и съ согласія Германскаго императора, ходилъ своими кораблями къ „*Эсталъ*, *Ливи и Корси*“ обращать ихъ въ латинскую вѣру; ему не удалось однако подчинить здѣшнихъ владѣній „римскому апостольскому престолу“: онъ окрестилъ тогда огнемъ и мечемъ лишь островъ *Рюгенъ*, разрушивъ тамъ древнія капища варяжскихъ временъ или даже еще и древнѣйшія. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и пошли раздоры у Новгородцевъ съ Готландскими нѣмцами, окончившіеся полнымъ разрывомъ. Новгородцы (около 1188-го года) съ

подчиненными Чудьскими племенами, сами предприняли морской походъ къ шведскому берегу; купцовъ съ Варяжскаго моря заточили въ тюрьмы и отказались вступать съ послами оттуда въ какіе бы то ни было переговоры, „*а на весну не пустиша изъ Новгорода своихъ ни единаго мужа за море*“. Древле-товарищевскія сношенія Руси съ Балтійскими городами, такимъ образомъ, становившіяся годъ-отъ-году глуше и неопредѣленнѣй, прервались вовсе.

Еще и прежде (по мѣрѣ того, какъ тамъ все болѣе утверждалась власть Нѣмцевъ и крѣпли ихъ владѣнія, а вольныя общины старинныхъ Поморянъ—одни приходили въ упадокъ, а другіе и вовсе перевелись) уже Полочане и Новгородцы все рѣже заглядывали въ дальнее Поморье, а ограничивались бо́льшею частью поѣздками лишь на островъ Готландъ. Послѣднее время почти исключительно здѣсь только, по близости отъ своего собственнаго „*Готьскаго берега*“, и обмѣнивались они (въ городѣ Визби)—приходившимъ изъ Нѣмецкихъ городовъ товаромъ, а отъ стариннаго хода къ Варягамъ начали отвыкать. Послѣ же того, какъ вся Поморская страна окончательно обратилась въ сплошную окрaину „Священно-римской Германской имперіи“ и тамъ сплошь водворилось латинство—окончательно запала туда дорога и для Руси: ни самъ Новгородъ, ни тѣмъ болѣе Полочане прямыхъ сношеній съ бискупами и архибискупами Бремена и Любекка не имѣли.

Но „находники Нѣмцы“—эти новопришлые властители Балтійскаго Поморья, сами новосёлы Бремена и Любекка,—по мѣрѣ ослабленія съ ними сношеній со стороны Новгорода и Полоцка, напротивъ того, къ этому именно времени и зачастили морскими прогулками въ русскіе предѣлы. Постоянно навѣщая „*Готскій берегъ*“,—ужъ они не переставали заглядывать въ разныя мѣста Финскаго побережья: всюду проникали къ здѣшнимъ старинным данникамъ Руси, стараясь завести съ ними такія сношенія, которыя бы можно было утвердить впрокъ. Подъ предлогомъ то починки своихъ кораблей, то необходимости перегрузить товары, а то даже будто занесенные бурей или удерживаемые противными вѣтрами, все чаще и чаще нѣмецкія суда дѣлали продолжительныя стоянки въ русскихъ водахъ и гостили у русскихъ береговъ: пріѣзжіе гости изъ Бремена

и Любекка засиживались тутъ подолгу,— и вступали уже въ прямые договоры съ туземными данниками Руси, все болѣе забирали не только здѣшнюю торговлю, но и страну въ свои руки. Не прошло много времени, ихъ виды стали еще опредѣленнѣй; ихъ соблазнялъ уже полный захватъ этой страны. Обглядясь на здѣшнихъ мѣстахъ по всему побережью, ознакомясь съ мирнымъ бытомъ здѣшнихъ невоинственныхъ племенъ,—а главное, убѣдясь продолжительнымъ опытомъ: въ какой простотѣ и съ какой безпечностью Русскіе держатъ свои окраины — нѣмцы Балтійскаго поморья, коротко сказать, рѣшились воспользоваться оплошностью Руси. Они же дивились притомъ русской лѣности и даже издѣвались надъ неспособностью Русскихъ: „такой, дескать, изобильный и нетронутый край! да съ такимъ еще не озлобленнымъ первобытнымъ населеніемъ! и два вѣка коснѣлъ онъ даромъ подъ державою русскихъ князей! не въ руку имъ такое сокровище и богатство: они пользоваться имъ не умѣютъ!“— участь Корси, Ливи и Эстовъ, такимъ образомъ, въ умѣ западныхъ завоевателей уже была рѣшена: хищники рѣшились похитить этотъ край.

Къ устью Двины, гдѣ она пала въ море, стали приплывать изъ Бремена цѣлыя флотиліи: не то торговыя, а не то военныя суда; стали притекать во множествѣ, не то купцы, не то воинствующіе подвижники,— не то *слуги Божіи*, нищая братія, проповѣдники евангелія, а не то грозные завоеватели въ монашескомъ платьѣ. Вслѣдъ затѣмъ явились уже цѣлыя полчища настоящихъ, собственно такъ называемыхъ рыцарей — люди, вооруженные съ ногъ до головы въ желѣзо, для кого война очевидно составляла обычный промыселъ и средство къ скорому разбогатѣнью. Съ ними вмѣстѣ прибыли и все прибывали духовные чины разныхъ римско-католическихъ вѣдомствъ: *„воинствующіе пилигримы“*, какъ ихъ звали на Западѣ; напослѣдокъ завелись тутъ не только простые монахи, но уже и высшее латинское духовенство,—и все это одно за другимъ вскорѣ. Кончилось тѣмъ, что во владѣніи полоцкихъ князей, псковскихъ и новгородскихъ, на русскомъ побережьѣ, оказались въ наличности сами „князья священно-римской Германской Имперіи“, прямо и называвшіеся *„имперскими князьями“*. То были бискупы и архибискупы, кровавившіе свои руки

въ походахъ, воздвигавшіе себѣ для жительства каменные замки съ башнями и подъемными мостами,—строившіе ихъ притомъ руками покореннаго и закрѣпощеннаго въ неволю здѣшняго народонаселенія,—отбиравшіе себѣ у него села и угодья и всю землю для разведенія собственныхъ обширныхъ маэтностей. И въ краткій промежутокъ времени отъ 1185-го года до 1224-го—въ самомъ дѣлѣ стало узнать нельзя прежняго края, глухого здѣшняго Финскаго побережья.

Первые шаги, при водвореніи нѣмцевъ въ здѣшнемъ краѣ, отличались безукоризненною осторожностью, также и послѣдующіе велись съ большимъ тактомъ. Нѣмцы начали съ того, что испросили у Полоцкаго державца разрѣшеніе на христіанскую проповѣдь тёмной Чуди въ его обширныхъ владѣніяхъ; а занявъ край твердою ногою, настроивъ уже крѣпостей среди порабощенныхъ язычниковъ—нѣмцы продолжали тѣмъ, что не отказывались нѣкоторое время вносить дань, прежде платимую этими племенами, препровождая ее лично отъ себя въ Новгородъ и Полоцкъ—въ удовлетвореніе Руси. Обрушившееся въ ту-же пору на русскую землю нашествіе татаръ и монгольское иго вскорѣ избавило нѣмецкихъ рыцарей отъ надобности соблюдать осторожность.

Крещеніе Двинянъ Латинцами. Ранѣе, уже упомянутаго, морскаго похода *„истребителя Вендовъ“* къ берегамъ Корси и Ливи (датскій Вальдемаръ I-й королевствовалъ отъ 1156 до 1182 года) и прежде чѣмъ сношенія Поморянъ и Новгородцевъ дошли до явнаго разрыва (какъ сказано: въ 1188-мъ году) — Бременцы уже освоились съ приморскими Двинянами настолько, что завели у нихъ собственныя пристанища — правда не большія, однакожъ цѣлые поселки. Одно изъ своихъ здѣшнихъ мѣстечекъ они звали — *Даленъ*, другое—*Гольмъ*, третье—*Икскуль*. Послѣднее стояло на самомъ берегу Двины въ 35-ти верстахъ отъ ея морского устья и было ни что другое, какъ деревушка самихъ туземцевъ *Икескола*: подъ нимъ нѣмцы и воздвигли свой городокъ, гдѣ у нихъ былъ гостинный дворъ для склада товаровъ и военный острожекъ. Ниже Икесколы облюбовали они островъ да Двинѣ—весьма удобный для укрѣпленія: также и здѣсь воздвигли городокъ и прозвали его Гольмомъ. Пріѣзжіе

изъ Бремена и наѣзжавшіе изъ прочихъ мѣстъ Германіи находили въ здѣшнихъ ново-возникшихъ поселкахъ—уже не мало своихъ земляковъ, довольно водворившейся здѣсь братіи,—и располагались между ними какъ у себя дома. Въ тѣ времена торговое ремесло мало чѣмъ отличалось отъ военнаго и каждый купецъ былъ вмѣстѣ вооруженный дружинникъ,—по необходимости и торговыя становища нѣмцевъ имѣли видъ военныхъ укрѣпленій. Западные мореплаватели хорошо знали, что берегъ, на которомъ они сѣли, принадлежалъ Руси; знали и то, что относился онъ именно къ Полоцкому княженію; больше того: знали даже самое имя того Князя, съ которымъ надлежало имѣть дѣло. Это былъ Полоцкій князь Владиміръ,—объ немъ же, сказать по правдѣ, рѣдко кто тогда слышалъ даже и на Руси *).

Къ этому-то князю Владиміру прибылъ нежданно-негаданно въ Полоцкъ—*Божій человѣкъ* изъ нищей братіи, благочестивый старецъ: съ Аѳона ли монахъ или изъ Иверской земли—подобные дальніе странники изъ чужихъ странъ не составляли тогда рѣдкости на Руси. Но онъ такъ назвалъ монастырскихъ своихъ братій (не то *цистеріане*, не то *августинцы*), что въ Полоцкѣ подобной благочестивой братіи еще и не слыхивали до тѣхъ поръ, а по имени сказался: Мейнгардтъ. Старецъ, случайно занесенный на нѣмецкомъ кораблѣ въ Полоцкія владѣнія—(чуть ли не буря загнала ихъ прямо въ устье Двины!)—не имѣлъ, подобно прочимъ корабельнымъ спутникамъ своимъ, нарочитыхъ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ: торговлею онъ не занимался, а всю свою жизнь посвятилъ Богу и, попавъ въ Полоцкія владѣнія, пребывалъ на томъ же. По

*) Къ концу XII вѣка вообще Полоцкіе князья потеряли извѣстность; если лѣтописцы нѣтъ-нѣтъ и приводятъ ихъ имена, всегда уже сбивчиво и неопредѣленно; большею же частью, вовсе не обозначая ихъ именъ, зовутъ всѣхъ за одно Кривскими князьями или еще глуше „*Полоцкою княжьею*“. Малъ и ничтоженъ былъ, напримѣръ, своякъ Литвы Всеволодъ, сидѣвшій въ *Герсикѣ*; таковъ же былъ и сосѣдъ его Вячко, княживший въ *Куйкеносѣ*,—не на много превосходилъ ихъ знатностью и главный здѣшній державецъ самъ князь Владиміръ, сидѣвшій въ Полоцкѣ. Тѣмъ не менѣе однако по здѣшней ничтожности захудалыхъ удѣловъ—(такихъ именно, какъ Герсика и Куйкеносъ) — и по выбытіи изъ рода Рогнѣдичей болѣе крупныхъ владѣній, какъ Минскъ, Друцкъ, Витебскъ и прочіе въ чужія руки къ Черниговскимъ, Смоленскимъ и Волынскимъ князьямъ—у нихъ и захудалый Полоцкъ почитался великимъ стольнымъ городомъ и царилъ на всю Кривскую землю.

словамъ Мейнгардта: занесенный неисповѣдимыми судьбами на чужбину и зная, что власть въ сихъ мѣстахъ поручена Вседержителемъ державцу Полоцка, онъ, Мейнгардтъ, и почелъ своимъ долгомъ поклониться могущественному Монарху, содержавшему тотъ край по всей Двинѣ до самаго моря: въ его княжескихъ владѣніяхъ испрашивалъ себѣ старецъ пути ко спасенію. Августинецъ почтительнѣйше просилъ: пожаловать не отказать, дозволить ему проповѣдь Слова Божьяго среди такихъ темныхъ племенъ, какъ Летгола и Зимгола: больше ему ничего не надо. Владиміръ не возбранилъ ему спасаться въ полоцкихъ владѣніяхъ, разрѣшилъ и проповѣдь—сколько ему въ томъ Богъ поможетъ. Какъ приняли старика съ честью въ великокняжеской столицѣ, также и отпустили со многими дарами. Съ тѣхъ поръ объ немъ не было и слуховъ; шли годы—объ немъ даже не вспоминали: живъ ли онъ? Какъ въ Герсикѣ у Всеволода, такъ и въ Куйкеносѣ у Вячка, также и въ самомъ Полоцкѣ у князя Владиміра—все шло по-прежнему тихо, мирно и спокойно. Прошло съ тѣхъ поръ около десяти лѣтъ... и вдругъ огласилось на всю Полоцкую землю, что *Корсь и Ливъ бьютъ нѣмцевъ!* вооружаясь всей землею, Корсь и Ливь прогнали отъ себя латинскихъ монаховъ! Слухи эти, какъ басни или сказки какія, казались невѣроятными... но похожее на сказку и басню оказалось сущею правдой. Съ тѣхъ поръ, какъ старецъ Мейнгардтъ побывалъ въ Полоцкѣ, творились на *„Готьскомъ берегу“* втеченіи именно около десяти лѣтъ такія дѣла, о которыхъ на Руси даже и не подозрѣвали.

Какъ только благочестивый старецъ Мейнгардтъ возвратился во время-оно отъ князя Владиміра къ себѣ въ Икесколу и объявилъ собравшимся вкругъ него мірянамъ, что, ласково принятый въ Полоцкѣ и почтенный тамъ многими дарами, привезъ имъ поклонъ отъ Князя—и радъ теперь, что возвратился къ нимъ къ своимъ дѣтямъ, — будетъ имъ теперь добрымъ и вѣрнымъ пастыремъ — народъ льнулъ къ нему какъ въ ульѣ пчелы къ маткѣ. Августинецъ самъ дивился успѣху своей христіанской проповѣди; паства его не по днямъ, а по часамъ возрастала; и ближніе и дальніе охотно изъявляли желаніе креститься: вначалѣ окрещалъ онъ цѣлыми семьями, а вслѣдъ затѣмъ уже крестилъ цѣлыми селеньями. Онъ сейчасъ-же выстроилъ тогда и божницу въ

Икесколѣ, также и на островѣ Гольмѣ поставилъ кирку: по этой киркѣ и самый островъ звалъ онъ *Кирхгольмъ*. Но Мейнгардтъ того лучше умѣлъ строить крѣпости; кромѣ того, что это былъ духовный отецъ, казалось еще: былъ замѣчательно-искусный воинъ, въ совершенствѣ знавшій военное дѣло. У здѣшней Летголы (по́просту у латышей) не переводились мелкія ссоры съ инородцами изъ племенъ сосѣднихъ. Случилось въ первую же зиму, что на Икесколу напали эти всегдашніе хищники, награбились добычей и погнали съ собой плѣнныхъ. Мейнгардтъ вооружилъ тогда своихъ духовныхъ чадъ дубинами и топорами, самъ повелъ Икескольцевъ въ бой и научилъ сдѣлать засаду на враговъ. Побѣда подъ его предводительствомъ удалась полная, и послѣ того крещеніе здѣшней страны пошло еще успѣшнѣй. А Мейнгардтъ убѣдилъ земляковъ: въ огражденіе отъ такихъ-же нападеній на будущее время немедля поставить каменную крѣпость въ Икесколѣ. Съ Готланда, на его зовъ, сейчасъ-же явились нѣмецкіе каменщики и мастера всякаго рода, навезли матеріала, и тѣмъ же лѣтомъ воздвигли цѣлый замокъ: большой каменный замокъ въ Икесколѣ съ башнями и бойницами—совсѣмъ, какъ надо быть крѣпости. Точно также, по согласію съ Икескольцами, и ниже селенія ближе къ морю, именно въ Кирхгольмѣ, Мейнгардтъ заложилъ другую каменную-же крѣпость. Изъ здѣшнихъ насельниковъ, помогавшихъ ему нѣмцевъ, кромѣ купцовъ и воиновъ, были у Мейнгардта и вообще всякіе умѣлые люди, а для проповѣди—своя-же братья, латинскіе монахи.

Одинъ изъ нихъ, по имени *Дитрихъ*, былъ имъ посланъ проповѣдывать въ сосѣдній округъ (Торейда, на рѣкѣ Аа) и также старался снискать расположеніе жителей. Онъ зналъ свойства цѣлебныхъ травъ: тѣмъ особенно и нравился населенію, что удачно лѣчилъ травами. Къ нему съ довѣріемъ обращались даже матери семействъ; а старухъ было труднѣе крестить, чѣмъ стариковъ: матери семействъ на новую вѣру были упорнѣй. Дитрихъ не былъ, однако, также простъ, какъ и Мейнгардтъ; помстилось народу, что латинскій монахъ держитъ что-то себѣ на умѣ;—кончилось тѣмъ, что Дитриха схватили и приговорили къ сожженію. Однако-жъ народъ остерегся: самовольничать тоже не приходилось! надо было напередъ спросить своихъ старшихъ и

вѣдуновъ; а по ихъ гаданіямъ вышло, что надо отпустить нѣмца: они положили копье нàземь и повели коня черезъ; конь ступилъ *„ногою жизни“*. Народъ было не повѣрилъ и зашумѣлъ, а начальство и вѣщіе люди гадали второй разъ: опять вышло по-ихнему. Дитриха отпустили; но съ тѣхъ поръ Мейнгардтъ держалъ его уже безотлучно при себѣ главнымъ совѣтчикомъ и сотрудникомъ, а приводить народъ къ крещенію болѣе не поручалъ ему. Кромѣ Дитриха впрочемъ были и другіе сподвижники у Мейнгардта; а главное, онъ такъ привлекъ сердца пасомыхъ, что напослѣдокъ матери даже сами приводили ему малолѣтнихъ дѣтей на воспитаніе. Уважаемѣйшіе и почтеннѣйшіе изъ народныхъ старшинъ—первые были ему вѣрными слугами. Онъ составилъ себѣ изъ нихъ почетную стражу; завелись у него между ними истинно-преданные клевреты, награждаемые имъ и отличаемые противъ прочихъ, возвышаемые имъ разными почестями въ цѣломъ народонаселеніи: ихъ онъ больше и посылалъ ужъ теперь для увѣщанія. И мало по-малу склонялись къ доброму пастырю даже упорнѣйшіе старовѣры.

Между тѣмъ, торговля у нѣмцевъ процвѣтала; годъ отъ году ихъ все прибывало; количество судовъ, приплывавшихъ изъ Германіи, все прибавлялось. Что только требовалось Мейнгардту,—сподвижниковъ-ли, строительнаго-ли матерьяла, военныхъ-ли запасовъ—изъ Бремена доставляли изобильно. Уже отъ Кирхгольма и отъ *„Икскуля“*—какъ нѣмцы звали Икесколу—ихъ выселки съ товарными складами и вооруженнымъ населеніемъ, съ кирками и латинскими священниками распространялись все далѣе и далѣе даже за Торейду. По имени Ливовъ латинцы ужъ всю здѣшнюю страну окрестили латинскимъ именемъ, Livonia, и не иначе называли своихъ пасомыхъ, какъ *„Ливонская церковь“*. И правду сказать: паства Мейнгардта такъ умножилась, распространилась и утвердилась напослѣдокъ, что казалась неколебимою навсегда.

Вдругъ произошелъ взрывъ народный,—и неистовый мятежъ разразился по всей странѣ. Неслыханное въ исторіи явленіе и еще невиданное въ лѣтописяхъ христіанства зрѣлище—ожесточеніе обращенныхъ и отреченіе новокрещеновъ—предстали тогда очамъ *„Апостола Ливоніи“* (какъ нѣкоторые звали Мейнгардта). На глазахъ „миссіонера“—пріявшіе отъ него крещеніе бросались въ Двину и отмы-

вались отъ его апостольскаго прикосновенья; Двиняне, окунаясь въ воду, смывали съ себя помазаніе латинца; погружаясь въ рѣку на его глазахъ, вопили своему крестителю: „вотъ мы очистились отъ Германскаго крещенія“, и, глядя на волны родной рѣки, стремившейся вдаль къ морю на западъ, прибавляли: прочь отъ насъ, дальше! плыви оно туда, откуда пришло“. Такимъ образомъ, вся страна отдала свое крещеніе назадъ латинскому монаху. Его не мучили и не терзали; никакой иной обиды и не сдѣлали тогда августинцу въ дикой и разъяренной толпѣ,—а онъ ужъ не зналъ куда и дѣться отъ своей паствы. Онъ больше не хотѣлъ оставаться среди неблагодарныхъ и грозилъ имъ своимъ отъѣздомъ. Онъ говорилъ, что уплыветъ отъ нихъ назадъ въ свое отечество, наберетъ тамъ цѣлые сонмы вѣрныхъ христовыхъ защитниковъ и съ ними уже на безчисленныхъ корабляхъ возвратится опять сюда: тогда-то самъ Богъ покараетъ вѣроотступниковъ! увидятъ они явно гнѣвъ Божій и силу того народа, грозное могущество того владыки — Божьяго намѣстника на землѣ — отъ кого онъ къ нимъ прибылъ. Толпа пришла въ ужасъ и его молили не оставлять ихъ. Всѣ теперь, крещеные и некрещеные, единогласно просили старца: остаться съ ними и ужъ лучше не уѣзжать. Мейнгардтъ не вдругъ склонился на ихъ просьбу, однакожъ уступилъ. Вмѣсто того, чтобы съ вѣстями о случившемся ѣхать самому, онъ отправилъ въ Бременъ главнаго своего сотрудника Дитриха: того самаго, котораго туземцы хотѣли сжечь, — а самъ осторожно пребывалъ въ Икесколѣ.

Чѣмъ можно было объяснить этотъ взрывъ народный? „Произошло это по грубости и дикости, мало чѣмъ отличавшагося отъ звѣрей, здѣшняго народа; къ тому-же, послѣ всякаго сильнаго возбужденія по необходимости слѣдуетъ и обратное дѣйствіе (реакція), а дѣйствіе Мейнгардтовой проповѣди вначалѣ было такъ сильно и успѣшно, что самъ проповѣдникъ дивился тому“. Такъ толкуютъ себѣ нѣкоторые историки; но въ дополненіе къ подобнымъ объясненіямъ слѣдуетъ прибавить и еще одно,—по ихъ-же словамъ: „Мейнгардтъ началъ внушать Ливамъ покорность Бременскому архибискупу и требовать десятину на церковь“,— то-есть, объявилось напослѣдокъ, что „*Апостолъ Ливоніи*“

былъ отъ начала избраннымъ орудіемъ Папской политики; Мейнгардтъ былъ вѣрнымъ слугою и исполнителемъ велѣній Бременскаго архибискупа и самого Римскаго Папы. Описанный взрывъ народнаго негодованія постигъ Мейнгардта передъ его кончиной, послѣдовавшей въ 1196-мъ году; а онъ еще восемь лѣтъ тому назадъ уже былъ назначенъ состоять ливонскимъ бискупомъ въ подчиненіи „духовнаго имперскаго князя“ Бременскаго—папскою буллою отъ 25-го сентября 1188-го года. Таковъ историческій фактъ.

Тревожныя вѣсти, привезенныя Дитрихомъ, смутили „священно-римскую“ имперію. Папа обнародовалъ тогда на весь Западъ *„отпущеніе грѣховъ“* всѣмъ добровольцамъ, которые пойдутъ спасать „юную Ливонскую церковь“. Датскій флотъ сейчасъ-же понесся къ *„Готъскому берегу“* подчинять дикую страну „апостольскому Римскому престолу“; а изъ разныхъ мѣстъ Германіи—даже отъ Франковъ и отъ Фризовъ — долго еще не переставали стекаться въ Бременъ всякаго рода воинствующіе пилигримы и рыцари разныхъ орденовъ. Оттуда ихъ спѣшили доставить какъ можно скорѣе въ „Ливонію“, ибо въ самый спѣхъ этихъ военныхъ приготовленій пришло извѣстіе о кончинѣ Мейнгардта: тѣмъ временемъ *„Апостолъ Ливоніи“* и ея первый „бискупъ“ приказалъ *долго жить*. Охотниковъ *„послужить святому дѣлу“*: плыть въ Ливонію и *смывать* тамъ *грѣхи*—набралось великое множество.

Назначенный вмѣсто Мейнгардта новый латинскій монахъ, услыхавъ по пріѣздѣ къ своей паствѣ, что народъ совѣщается: сжечь ли его въ киркѣ или утопить въ Двинѣ—аббатъ цистерьянскаго Ордена Бертольдъ заперся въ Гольмѣ. Съ нимъ однакоже были такіе воины—въ шлемахъ и забралахъ, съ ногъ до головы въ уборахъ изъ стали и желѣза, съ увѣсистыми мечами при бедрѣ, а на перевѣсѣ коня съ длиннѣйшими копьями—какихъ Летгола и Зимгола еще не видывали до тѣхъ поръ. Эта конница состояла изъ собственно такъ называемыхъ „Рыцарей“ и ихъ было тутъ не мало. Народъ послалъ спросить „бискупа“ — такъ ужъ звали Бертольда въ самомъ народѣ—зачѣмъ онъ войско привезъ съ собою? Данъ былъ отвѣтъ „для наказанія отступниковъ“. Народъ, сдумавши, послалъ ему сказать: „отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое бискупство; кто крестился—съ тѣхъ и взыскивай пожалуй, а остальныхъ убѣждай словами,

15398

а не палками". Бискупъ по такому настроенію въ народѣ изготовился къ прямой войнѣ; онъ оставилъ Гольмъ и отступилъ къ устью Двины, расположился станомъ на самомъ холму при мѣстечкѣ *Риге*. Тогда, въ помощь къ своимъ землякамъ, стали собираться и всѣ окружныя народонаселенія: шайки почти голыхъ дикарей, вооруженныхъ кольями, дубинами и топорами. И чѣмъ болѣе сгущались они толпы за толпами, видимо ободряясь возраставшею многочисленностью своей и уже похваляясь передъ Рыцарями—тѣмъ боязливѣй и нерѣшительнѣй становился непріятель—казалось имъ. Нѣмцы медлили, долго медлили; давали имъ собираться еще и еще,—не начинали.

3201

И не было въ ихъ странѣ битвы кровопролитнѣе—разразившейся тотъ разъ.

Когда понеслись Рыцари, съ развѣвавшимися знаменами подъ гербами всѣхъ западныхъ націй—не долго пришлось имъ оспаривать побѣду у темныхъ шаекъ. А долго было колоть и рубить, пробиваясь сквозь гущу убѣгавшаго многолюдства; трудно было ужъ и разобраться въ грудахъ тѣлъ, задыхаясь кровью и паромъ человѣчьяго мяса; нельзя было и остановить напоръ побѣдителей въ давкѣ и тѣснотѣ всюду отступавшаго непріятеля. Бискупъ Бертольдъ, лично принимавшій участіе въ сраженіи, слишкомъ увлекся преслѣдованіемъ бѣгущихъ; рьяный конь занесъ его въ сторону, въ дальній край отступавшихъ: Ливь своими топорами изрубила его въ куски. Но кромѣ этого несчастья, постигшаго нѣмцевъ, побѣда на ихъ сторонѣ была полная.

И они страшно воспользовались тогдашнею побѣдой; можно бы сказать: воины креста, послѣ битвы, обратились въ палачей. Народъ на колѣняхъ просилъ помилованія и колѣнопреклоненно изъявлялъ согласіе снова принять крещеніе, выражалъ готовность допустить опять въ свои села изгнанныхъ священниковъ: назначали даже, почемъ будутъ имъ платить съ плуга... но всѣ были осуждены на казнь, никому не было пощады. Рыцари, на побѣдномъ полѣ, на самомъ мѣстѣ боя, многопорядливо производили судъ и расправу надъ побѣжденными,—и это продолжалось не малое время. Отдѣльные же рыцарскіе отряды ходили еще и по всѣмъ окружнымъ селеніямъ и вездѣ являли примѣръ: сколь грозная кара ожидаетъ вѣроотступниковъ; вездѣ возстановили Мейнгардтово

Московская Центральная Публичная библиотека

крещеніе, вездѣ утвердили преданность „апостольскому римскому престолу“,—отовсюду изгнанное повсюду же и водворили опять латинское священство. *„Юная Ливонская церковь“*, такимъ образомъ, была возстановлена въ завоеванномъ краѣ; но умиротворивъ его и возстановивъ въ немъ полный порядокъ, западные крестоносцы почли свое дѣло исполненнымъ и грѣхи свои смытыми,—сѣли на корабли и отплыли во-свояси. Съ новой неожиданностью разразился тогда и новый взрывъ народнаго негодованія по всей странѣ. Въ мѣстахъ, только что обагренныхъ цѣлыми потоками крови, народъ кинулся на „поганую латыню“: никого не убили и не били, не тронули ни одного изъ „цистеріанцевъ“ и „августинцевъ“; но отобрали у нихъ все, что было, и всѣхъ прогнали. Хотѣли точно также поступить и съ остальными нѣмцами, со всѣми чужими зашельцами, расплодившимися въ краѣ; но торговые люди откупились тотъ разъ большими дарами: торговымъ людямъ дали миръ. А сами новокрещеные Двиняне опять погружались въ родную рѣку, вторично отмывались отъ Германскаго крещенія, отсылая его по волнамъ на Западъ.

Закрѣпощеніе Рижанами Полоцкихъ приморскихъ владѣній. Когда въ свою очередь и эти политическія извѣстія достигли Рима и Бремена—ими уже тамъ не смутились. Какого образа дѣйствій держаться далѣе въ виду подобныхъ обстоятельствъ—становилось ясно само собою. Съ одной стороны, сгинувшее миссіонерство Мейнгардта, повершенное еще убійствомъ Бертольда; а съ другой: подтвердившееся уже самимъ опытомъ невѣроятно-легкое овладѣніе заброшеннымъ краемъ, которымъ не только не пользуются Русскіе, какъ бы можно и должно было по западнымъ понятіямъ, а куда русскіе князья и глазъ не кажутъ—сами эти обстоятельства и указывали для дальнѣйшихъ дѣйствій вѣрный путь. Въ Римѣ и Бременѣ рѣшено было не медлить долѣе, а окончательно укрѣпить за собой *„Ливонію“* уже навсегда.

Для этого нужно было только дать ей надлежащее устройство; надлежало въ ней удерживать благочиніе и порядокъ уже не съ помощью временныхъ наѣзжихъ рыцарей, заносимыхъ туда случайно, а завести въ Ливоніи постоянную

„воинствіющую о Христѣ братію“,—создать тамъ собственное, прочное тому мѣсту, *„благородно-владѣющее мечомъ сословіе“*, которое-бы приняло на себя обязанность постоянно разить туземцевъ и распространять латинскую вѣру. Надлежало—по толкованію одного изъ историковъ—стать твердой ногою на тамошней почвѣ—не робкими полувоенными и полуторговыми поселеніями, а вывести сильную нѣмецкую колонію и основать грозный городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Коротко сказать, долженствовалъ и Ливонскій бискупъ получить право *бить монету* въ покоренныхъ земляхъ, завести собственное войско и рыцарство, ставить города и раздавать имъ разныя привилегіи, учреждать цехи и сословія,—однимъ словомъ: государствовать подобно прочимъ нѣмецкимъ князьямъ. По такому важному подвигу нуженъ былъ, разумѣется, и достойный подвижникъ: настоящій бискупъ-рыцарь, который ни въ чемъ-бы не уступалъ тогдашнимъ „князьямъ имперіи“, а могъ бы еще во всемъ соперничать съ ними. Такого кавалера нашелъ Бременскій архибискупъ въ лицѣ одного изъ собственныхъ сослуживцевъ—въ духовенствѣ состоявшемъ подъ его начальствомъ. Это былъ нѣкто Альбертъ фонъ Апельдернъ Буксгевденъ—*„Божій дворянинъ“* хотя не изъ самознатныхъ, но и не худого рода—мужъ добрый: твердый въ браняхъ и въ совѣтѣ. Его и сдѣлали бискупомъ „всея Ливоніи“, а для полнаго ея завоеванія и удержанія въ своей власти Папа разрѣшилъ ему учредить новый рыцарскій орденъ: завести такихъ крестоносцевъ, которые бы всю жизнь свою посвятили на распространеніе „юной Ливонской церкви“ и были бы навсегда пріурочены тому мѣсту: тамъ и имѣли бы постоянное жительство. „Воинствующую о Христѣ братію“ для эпархіи Альберта, такъ называемый *Орденъ Ливонскихъ Рыцарей*, учредили по уставу прочихъ западныхъ крестоносцевъ. Но такъ какъ въ отличіе отъ прочихъ, эти Рыцари носили плащъ, на которомъ были вышиты красный крестъ и огромный красный мечъ, то на Руси, дивясь ихъ кровожадности, ихъ и прозывали обыкновенно не крестоносцами, а именно *„Меченосцами“*: впрочемъ, они и сами охотно величались такимъ названіемъ и титуловали свою христіанскую братію „братствомъ меча“.

Устроить въ полномъ порядкѣ этотъ орденъ Ливонскихъ рыцарей и пріумножить его, выговорить для будущаго своего государства у папы и императора разнообразныя льготы и привилегіи и потомъ ихъ осуществить на дѣлѣ, наконецъ обзавестись обширными маэтностями и настроить замковъ для раздачи ихъ своимъ сподвижникамъ и вельможеству—все это успѣлъ Альбертъ въ самое короткое время: менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ; лишь первоначальные два-три года его владычества были не легки для него. Впрочемъ, уже съ самаго прибытія къ своей паствѣ новый Ливонскій бискупъ не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ: это ужъ былъ не Бертольдъ и не Мейнгардтъ, а истинный властелинъ и повелитель того государства, которому по волѣ „священно-римской Германской имперіи“ положено было тутъ возникнуть. Назначенный на свой высокій постъ тогда-же вслѣдъ за гибелью Бертольда (1198 г.), Альбертъ объѣхалъ предварительно въ Германіи всѣ ея важнѣйшіе города, отовсюду собралъ дружины рыцарей и щедрыя приношенія на „патріотическое дѣло“; посѣтилъ потомъ усерднаго слугу папы Датскаго короля и получилъ отъ него богатое вспомоществованіе съ обѣщаніемъ присылки и войска. Въ заключеніе Альбертъ заѣхалъ еще на островъ Готландъ: тамъ подрядилъ купцовъ и мастеровъ на построеніе крѣпостей въ своемъ краѣ; кромѣ того захватилъ и оттуда съ собой еще пять сотенъ случившихся тамъ рыцарей и наконецъ уже въ окруженіи цѣлаго воинства, съ обильнѣйшими запасами всякаго рода и съ богатыми денежными средствами причалилъ къ берегу своего новаго отечества на двадцати трехъ корабляхъ. Онъ началъ съ того, что заперъ устье Двины вооруженнымъ острожкомъ, обращеннымъ вскорѣ въ сильную крѣпость, звавшуюся у нѣмцевъ Дюнамундъ (Усть-двинскъ); сейчасъ же приступилъ и къ построенію своей Бискупской столицы на самомъ томъ холму у туземнаго мѣстечка Ригге, гдѣ воевалъ его предшественникъ Бертольдъ. Черезъ два года тутъ ужъ высился каѳедральный соборъ и была воздвигнута цѣлая крѣпость: городъ Рига.

Такъ, прибывши въ Ливонію, Альбертъ фонъ Апельдернъ Буксгевденъ—по словамъ вышеупомянутаго одного изъ историковъ—„*мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ и нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего*

племени надъ язычествомъ и туземцами". Съ самаго пріѣзда онъ не пошелъ въ Икесколу, а пребывалъ въ Гольмѣ. Народонаселеніе приняло его на первыхъ порахъ столь недружелюбно, что это пребываніе въ Гольмѣ обратилось въ *осадное сидѣнье*; но Апельдернъ Буксгевденъ, кромѣ того, что былъ храбрымъ воиномъ, былъ еще и искусный политикъ: бискупъ прибѣгнулъ къ военной хитрости. Онъ вступилъ въ мирные переговоры съ осаждавшими и, когда сельскіе старшины собрались къ нему въ замокъ заключать миръ, онъ объявилъ ихъ плѣнниками своими. Грозя всѣхъ ихъ заключить въ оковы и отправить въ Германію—одно имя которой наводило на нихъ ужасъ—онъ потребовалъ отъ старшинъ дать ему тридцать сыновей отъ себя въ заложники, и этихъ мальчиковъ отправили въ Бременъ на воспитаніе. Такъ кротко и мирно, сравнительно говоря, началъ свои дѣйствія новый бискупъ и далѣе—съ помощью ново-основаннаго Ордена Ливонскихъ Рыцарей—продолжалъ завоеваніе страны весьма успѣшно. Правда, въ самомъ непродолжительномъ времени возникли уже ревнивые счеты между государемъ Ливоніи, Рижскимъ бискупомъ и Орденомъ рыцарей, которые хотѣли въ свою очередь также почитаться полными хозяевами завоеванной страны. Но эти взаимныя несогласія Ордена и Бискупа, чреватыя множайшими послѣдствіями въ грядущемъ, на первыхъ порахъ пришли къ благополучному концу. Дѣло о томъ восходило на разсмотрѣніе Папы,—и въ Римѣ рѣшили на томъ, что вся земля въ Ливоніи, уже покоренная и *имѣющая быть завоевана впредь*, должна поровну дѣлиться на три части: одна треть поступаетъ самому Бискупу, другая треть—его каѳедральному городу Ригѣ, остальная треть—Ордену Рыцарей.

Весьма скоро уже „меченосцы" не довольствовались пребывать въ одномъ городѣ съ Бискупомъ, а имъ хотѣлось имѣть собственную столицу; въ новопокоренной области, сосѣдней съ Рижскимъ округомъ, они поставили замокъ *Венденъ*: этотъ городъ и сдѣлался столицей Ордена. Въ немъ пребывалъ начальникъ Рыцарства: гохмейстеръ или гросмейстеръ Ордена, какъ называли его нѣмцы, а русскіе звали его просто „мейстеръ" или даже мастеромъ. Вкругъ Вендена начали распространяться замки и маэтности бароновъ и графовъ. Эти графскія и баронскія усадьбы плодились уже безъ

числа: по народной поговоркѣ росли, какъ грибы, по всей странѣ,—ибо, по мѣрѣ того какъ мѣстное населеніе побѣждалось и обращалось рыцарями въ латинскую вѣру, селяне становились крѣпостными рабами Нѣмцевъ. Руками самого закрѣпощеннаго народа и воздвигались тутъ по всей странѣ неприступные замки, устраивались графскія и баронскія усадьбы.

Альбертъ казнилъ жестоко лишь тѣхъ, кто не хотѣлъ креститься; въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи предавалъ лютому мучительству тѣхъ только, которые не желали принимать латинскихъ священниковъ; на однихъ только этихъ „дерзкихъ ослушниковъ“ и показывалъ онъ примѣръ прочему населенію жесточайшихъ каръ и лютаго истязанія,—а преданныхъ ему старшинъ народныхъ награждалъ щедро, жаловалъ ихъ дарами и возвышалъ въ прочемъ населеніи милостями и особыми отличіями, отбиралъ у нихъ дѣтей учить ихъ латынѣ и уже изъ самихъ латышей выводилъ пасторовъ. Нѣмцы только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ народъ искалъ освободиться отъ поработителей, избивали плѣнныхъ цѣлыми толпами, вырѣзывали сплошь все мужское населеніе и самыя села выжигали дотла; а въ прочихъ селеніяхъ они своихъ вѣрныхъ подданныхъ, въ случаѣ надобности, сами обучали военному искусству и водили съ собой въ походы къ сосѣднимъ еще не покореннымъ племенамъ. Соотечественники бискупа ставили ему въ особенную заслугу, что онъ не только оружіемъ дѣйствовалъ на пользу нѣмецкаго дѣла, но именно и *„искусною политикой“*. Онъ постоянно ссорилъ и безъ того враждовавшія другъ съ другомъ здѣшнія племена и, помогая то тѣмъ, то другимъ, являлся какъ-бы ихъ ревностнымъ защитникомъ; а на самомъ дѣлѣ, поддерживая между ними кровную вражду и племенные раздоры, истреблялъ однихъ другими. Также расчетливо и осторожно возбуждалъ онъ чудскія племена противъ Руси, внушалъ имъ не платить дани ни во Псковъ, ни въ Новгородъ и сулилъ имъ освобожденіе съ помощью Нѣмцевъ. Альбертъ дѣйствительно помогалъ имъ при ихъ набѣгахъ въ русскіе предѣлы и, какъ бы союзя съ ними, распространялъ между ними свое вліяніе и бралъ ихъ подъ свое покровительство: никогда еще возстанія тѣхъ племенъ противъ Руси не доходили до такой дерзости, какъ въ эту именно пору.

О храбрости и непобѣдимости Нѣмцевъ, о невозможности сопротивляться этимъ воинамъ въ желѣзныхъ шлемахъ и латахъ вся Зимгола и Летгола уже разсказывала чудеса. Случилось, напримѣръ, что одно изъ злѣйшихъ племенъ Корси, почитавшееся прямо ужъ за злобную литву, вторгнулось опустошительнымъ набѣгомъ къ Ливи и возвращалось съ богатою добычей и ведя множество плѣнныхъ. Горсть нѣмецкихъ воиновъ, кучка Ливонскихъ рыцарей пришла тогда въ помощь къ Зимголѣ. Къ этой горсти нѣмцевъ пристали латыши многочисленными толпами,—и что же? едва настигли злобную литву, Зимгола не знала, куда дѣться отъ страха: не смѣли даже и приступить къ многочисленному непріятелю. А кучка рыцарей, блистая на солнцѣ желѣзными шлемами и латами, панцырями и обнаженными увѣсистыми мечами своими, горсть нѣмцевъ безбоязненно понеслась впередъ и навела такой ужасъ на непріятелей, что тѣ безъ боя кинулись въ бѣгство. Тогда уже и Зимгола за предводителями своими обратилась на бѣгущихъ: ихъ рѣзали какъ барановъ. Побѣда была полная: самъ главный князекъ и другіе многіе изъ предводителей злобной Литвы были перебиты. Нѣмцы раздарили ихъ головы латышамъ, и они ихъ увезли съ собой на память; а отбитые тотъ разъ плѣнники оказались „некрещеною Ливью“: ихъ всѣхъ нѣмцы изрубили тутъ же на мѣстѣ. Зимгола много утѣшалась тогда этою побѣдой; сказывали, что у той побитой челяди всѣ вдовы передавились съ горя по мужьямъ: въ одномъ только селеніи, напримѣръ, удавилось тогда до пятидесяти женщинъ *).

Можетъ ли быть однако, чтобы Кривскіе князья, хотя и захудалые, тѣмъ не менѣе продолжавшіе держать Полоцкую землю, допустили такъ безнаказанно чужихъ зашельцевъ захватить древнія русскія владѣнія? неужели съ ихъ стороны не было даже попытокъ противъ вторгнувшихся чужеземцевъ? Попытки были.

Изъ Герсики, приглашенные тамошнимъ княземъ Всеволодомъ, преданные ему Литовцы ходили было вооруженною толпой навѣдаться къ Ригѣ; но лишь издали поглядѣли

*) Мѣстные бытописатели изъ латышей, отъ юности воспитанные здѣшними латинцами, уже съ восхищеніемъ заносили подобные разсказы въ свои хроники.

на стѣны и башни воздвигавшагося города и отошли прочь. Вслѣдъ затѣмъ самъ Владиміръ изъ Полоцка пошелъ на Икесколу. Нѣмцы, застигнутые врасплохъ, вынесли ему дары, и онъ, не тронувъ города, подступилъ далѣе къ Гольму. Но Кирхгольма уже нельзя было захватить изгономъ; изъ Риги подоспѣли сюда подкрѣпленія,—и, удовольствовавшись собранною данью, князь Владиміръ возвратился во-свояси. Альбертъ: впрочемъ, не выразилъ удивленія, что Полоцкій князь приходилъ въ полюдье; напротивъ того, поспѣшилъ заявить съ своей стороны, что дань, изстари платимая Полоцку здѣшними племенами—священное дѣло въ его глазахъ: впредь онъ самъ берется доставлять эту дань въ Полоцкъ. Къ удивленію Владиміра оказывалось такимъ образомъ, что княжескія его права ничѣмъ не были нарушены, и впредь, по собственному увѣренію нѣмцевъ, будутъ же цѣлы и нерушимы. А что касается до того, что нѣмцы просвѣщаютъ зимголу и летголу христіанствомъ — крестятъ Корсь, Ливь и Чудь—это дѣлается на законномъ основаніи: въ силу его же княжескаго разрѣшенія, испрошеннаго въ свое время еще *„первымъ Ливонскимъ бискупомъ, блаженной памяти Мейнгардтомъ“*. Какъ ни раздумывалъ послѣ того князь Владиміръ,—прошелъ еще и другой годъ въ тяжкомъ раздумьи князя,—казалось, и въ самомъ дѣлѣ: прямого повода ни къ какимъ объясненіямъ нѣтъ и не было—сколько онъ ни думалъ. Объясняться ему съ рижскимъ Архибискупомъ и переговариваться имъ другъ съ другомъ было не въ чемъ и не объ чемъ—(Папа повысилъ къ этому времени Рижскаго державца уже въ санъ архибискупа). Вскорѣ однако самъ Альбертъ почувствовалъ надобность въ переговорахъ и въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ, самъ онъ и снарядилъ (въ 1206-мъ году) въ Полоцкъ къ князю Владиміру цѣлое посольство.

Тогда Рижане находились подъ страхомъ всеобщаго возстанія въ окружавшей ихъ странѣ. Одинъ изъ туземныхъ старшинъ, уважаемѣйшихъ въ народѣ, латышъ Ако, возмутилъ противъ нѣмцевъ цѣлыя народонаселенія; повсюду заподымались борцы противъ зашельцевъ и слышно было, что самъ Полоцкій Князь спѣшитъ къ нимъ на помощь. Дѣйствительно, въ стольномъ городѣ у князя собралось тогда множество народныхъ старшинъ отъ разныхъ народонаселеній; со всѣхъ сторонъ прислали къ нему выборныхъ молить о

заступленіи и защитѣ. Въ Полоцкѣ происходило великое ратное движеніе и князь уже готовился выступить въ походъ. Вдругъ въ самый разгаръ этихъ военныхъ приготовленій и прибыло въ Полоцкъ торжественное посольство отъ Альберта: во главѣ стоялъ аббатъ Теодерихъ, привезшій дары и дружелюбныя предложенія изъ Риги. Владиміръ смутился отъ такого нечаяннаго прихода пословъ; подумавъ съ дружиной, рѣшился однако допустить ихъ до пріема, но не иначе какъ въ присутствіи выборныхъ и старшинъ, съѣхавшихся къ нему съ жалобами на Альберта. Такое рѣшеніе смутило въ свою очередь аббата Теодериха съ товарищами; но князь иначе не соглашался допустить до себя Рижанъ: на этомъ настоялъ. И, открывшись торжественнымъ подношеніемъ даровъ, пріемъ пословъ чуть было не обратился въ одинъ изъ тѣхъ бурныхъ сеймовъ, что оканчиваются рукопашнымъ боемъ. Какъ только на поклонъ пословъ и князь по обычаю привѣтилъ ихъ милостивымъ словомъ: „здоровъ ли ихъ владыко, отецъ Альбертъ, и съ чѣмъ они отъ него прибыли?“ едва только аббатъ Теодерихъ успѣлъ выговорить, что присланы они для утвержденія мира и дружбы—Зимгола и Летгола подняли такой шумъ въ княжескихъ палатахъ... Владиміръ поспѣшилъ прекратить пріемъ пословъ. „Развѣ съ Нѣмцами можно ужиться въ мирѣ?.. на нашихъ головахъ мирятся!.. не миръ имъ нуженъ!.. Нѣмцы не хотятъ мира!.. никогда ни съ кѣмъ они не уживутся въ мирѣ!..“ стономъ стонали Латыши. Пословъ отпустили, и велѣно имъ было во дворахъ дожидаться дальнѣйшаго княжескаго рѣшенія.

Аббатъ Теодерихъ вполнѣ оправдалъ тотъ разъ то высокое довѣріе, по которому его именно избралъ Альбертъ справить это важное посольство: аббатъ *„нашелъ нищаго“* въ Полоцкѣ, а нищій оказался изъ Гольма,—онъ съ этимъ нищимъ и послалъ спѣшныя вѣсти въ запечатанномъ письмѣ въ Ригу. Теодерихъ сообщалъ все то, разумѣется, что всякій, находившійся въ Полоцкѣ, могъ тогда видѣть собственными очами и слышать собственными ушами; а именно: весь городъ переполненъ ратями и съѣхавшимися отовсюду народными старшинами, князь готовъ уже выступить въ походъ, хотятъ изгономъ захватить Ригу. Но простодушные бытописатели той страны, изъ обращенныхъ Латышей, изъ клевретовъ Риж-

скаго архибискупа, дивятся при этомъ: какъ „удалось аббату вывѣдать всѣ эти государственныя тайны подкупомъ одного важнаго боярина“, а тому, что въ Полоцкѣ могъ найтись нищій изъ Гольма—не дивятся. Такъ или иначе, Рига приготовилась къ оборонѣ; мейстеръ Ордена разослалъ изъ Вендена приказы во всѣ концы о сборѣ мечеоносцевъ; самъ архибискупъ не скидавалъ съ себя оружія, день и ночь распоряжался укрѣпленіемъ своей столицы,—и о томъ въ свою очередь узналъ Полоцкъ.

Пропала надежда у Владиміра захватить Ригу изгономъ, и полоцкій князь не зналъ: что дѣлать? Подумавъ съ дружиной, онъ рѣшилъ на томъ, чтобы вызвать Альберта къ себѣ для разбора взведенныхъ на него обвиненій,—хотѣлъ разсудить по Божьей правдѣ между нимъ и народными старшинами. На такомъ рѣшеньи мирно отпустили аббата съ товарищи, а вмѣстѣ съ ними отправили посольство и отъ себя. Доплывъ до удѣла Вячка, Рижане спустились Двиною дальше, поплыли внизъ къ Ригѣ; а полоцкіе послы тутъ и остановились въ Куйкеносѣ; лишь одного только изъ своихъ отпустили они съ Рижанами объявить Альберту волю князя, что онъ поручилъ имъ разобрать: на чьей сторонѣ правда? Въ ожиданіи Альберта судьи разослали еще отъ себя въ разныя стороны приказы, чтобы всѣ собирались въ Куйкеносѣ—у кого есть какая жалоба на Рижанъ; назначили къ тому и срокъ. Безъ того уже было довольно съѣхавшихся къ нимъ старшинъ—тѣхъ самыхъ, которые были въ Полоцкѣ; а какъ начали еще сбираться со всей Двинской обаполи, жалобщикамъ уже не было и числа. Альберта не дождались, а онъ прислалъ съ обратнымъ—какъ показалось полоцкимъ судьямъ—прегордый отвѣтъ: „Послы де не вызываютъ къ себѣ владѣтельныхъ особъ, къ кому посланы; а сами являются къ нимъ съ поклономъ“—ежели у нихъ есть до него дѣло, звалъ ихъ—если имъ угодно—къ себѣ въ Ригу. Міряне, собравшіеся съ жалобами къ назначенному сроку, въ изумленіи обращались къ Полоцкимъ посламъ, спрашивая: что жъ дальше? А Полочане, больше ничего не имѣя имъ сказать отъ себя, поѣхали назадъ во-свояси. Увидавъ, что на Полоцкъ больше надежды нѣтъ, несчастные приверженцы Ако пошли съ нимъ брать Гольмъ; тамъ ихъ валили и рѣзали, какъ барановъ: произошло страшное

кровопролитіе, поразившее ужасомъ всю страну. Немногіе изъ возставшихъ Латышей были оставлены въ живыхъ для торжественнаго зрѣлища ихъ казни въ Ригѣ, куда ихъ погнали въ цѣпяхъ и оковахъ; прочіе были истреблены на мѣстѣ; всѣ народные старшины пали съ оружіемъ въ рукахъ, въ ихъ числѣ былъ Ако. Самъ архибискупъ не счелъ и нужнымъ выходить въ это „Гольмское сраженіе“, спокойно оставался у себя въ столицѣ. Послѣ обѣдни Альбертъ находился еще въ каѳедральномъ соборѣ, когда ему одинъ рыцарь поднесъ окровавленную голову Ако, какъ вѣсть побѣды.

„*Ако, одинъ Ако былъ всему виною!* — обвиняютъ своего собрата обращенные латыши, клевреты Альберта,— *это онъ возбудилъ Полоцкаго князя противъ Рижанъ, онъ подготовилъ все это народное возстаніе*“... Имъ бы, „*грубой некрести*“, мирно сидѣть по домамъ, а то еще вздумали жаловаться въ Полоцкъ! могли бы, дескать, сами разсудить: кто жъ у нихъ въ самомъ-то дѣлѣ добрый и вѣрный пастырь—полоцкій ли Князь или рижскій архибискупъ? „*Ако, одинъ Ако былъ всему виною!*“ такъ оправдываютъ мѣстные бытописатели разразившуюся тогда въ ихъ краѣ жестокость Нѣмцевъ.

Не вытерпѣлъ однако, надумался князь Владиміръ и рѣшилъ выступить въ походъ. Къ нему въ столицу все время приходили вѣсти изъ Герсики и Куйкеноса. Въ Полоцкъ давали знать, что *Ливы* опять вездѣ приняли „крещеніе“ и допустили у себя латинскихъ патеровъ; а которыя села сопротивлялись—выжжены дотла: гдѣ избиваютъ плѣнныхъ кучами, а гдѣ мужское населеніе вырѣзано и все сполна. Потомъ стали приходить вѣсти, что *Корсь* усмирена вконецъ; начали уже крестить дальше: нѣмцы пошли къ „Еревѣ“, а подъ Ригой тишина. Наконецъ, пришло и другое важное извѣстіе: по наступившей тишинѣ Альбертъ уплылъ за-море; бискупа въ Ригѣ нѣтъ: слышно, поѣхалъ набирать новыхъ рыцарей.

И правда, Альбертъ то и дѣло отлучался за-море и набиралъ тамъ новыхъ рыцарей: орденъ Ливонскихъ меченосцевъ не оскудѣвалъ, постоянно пополнялся новою братіей. Кромѣ нихъ, впрочемъ, были еще и вольные иностранные рыцари на службѣ у Альберта: архибискупъ имѣлъ составленное изъ нихъ свое собственное войско, кромѣ орденскаго. За это время въ лѣтописяхъ уже не прекращаются

извѣстія: „пріидоша въ силѣ велицѣй Нѣмцы изъ-за моря въ Ригу“. Уставъ Ливонскаго Ордена написанъ былъ самый строгій: внесены были правила для рыцарей о монашескомъ воздержаніи, о безбрачіи, о нестяжательности и прочія. Но обычай у латинцевъ таковъ: чѣмъ болѣе всего этого вносится въ писаные уставы, тѣмъ менѣе почитается оно обязательнымъ для исполненія. По крайней мѣрѣ, Ливонскіе рыцари постоянно доказывали на дѣлѣ, что отъ нихъ никто даже и не требовалъ соблюденія ихъ устава *). Укрѣпясь въ здѣшнихъ замкахъ, осѣвши въ богатыхъ маэтностяхъ среди завоеванной страны, они дали полный разгулъ необузданнымъ страстямъ и производили невѣроятныя безчинства. Неудобьсказуемы образцы того разврата, насилія надъ женами и дочерьми, губительства и грабительства, которыя они позволяли себѣ въ порабощенномъ населеніи. Жалобы на нихъ къ мейстеру Ордена или Рижскому архибискупу не вели ни къ чему: съ рыцарями сами ихъ начальники не могли сладить. Меченосцы то и дѣло переходили къ расправѣ мечемъ даже и сами между собою. Одинъ изъ такихъ подвижниковъ напалъ на самого́ Великаго мейстера Винно фонъ-Рорбахъ и убилъ до смерти. За то, впрочемъ, онъ былъ казненъ торжественно на всемъ народѣ въ Ригѣ (въ 1209 году), и на мѣсто Винно Альбертъ назначилъ новаго мейстера Волквина: русскіе звали его Фолькунъ. Кромѣ набора рыцарей, у Альберта много было и другихъ важныхъ дѣлъ, по которымъ онъ часто отлучался за-море. Уже въ Ригѣ находился легатъ отъ римскаго папы; случались безпрестанно послы изъ разныхъ королевствъ, изъ герцогствъ и княжествъ Германской Имперіи; нерѣдко различные принцы гащивали въ Ригѣ. Но Альберту необходимо было еще испрашивать и личныхъ аудіенцій у Римскаго Папы; приходилось вступать въ словесные переговоры и съ разными монархами. Особенно были важны для него объясненія съ архибискупомъ Бременскимъ, который уже начиналъ ревновать къ самостоятельности Ливо-

*) Ихъ общая безнравственность и распутство были такъ общеизвѣстны, что когда вскорѣ потомъ они захотѣли, чтобы къ нимъ присоединился одинъ изъ другихъ рыцарскихъ орденовъ Германіи, тамошніе долго не соглашались пристать къ нимъ, именно *„боясь ихъ дурной славы“*: такъ объ нихъ отзывались сами соотечественники ихъ.

ніи, первоначально бывшей у него въ подчиненіи; мимоѣздомъ заглядывалъ еще Альбертъ всякій разъ и во владѣнія своего друга Датскаго короля. Притомъ не только рыцарей вызывалъ онъ съ запада, а цѣлыми толпами переселялъ еще нѣмцевъ всякаго рода—и промышленныхъ и ремесленныхъ людей; ему нужны были и цеховые. Къ тому привыкли, что онъ то и дѣло отлучался въ Германію и возвращался изъ Германіи. Именно въ одну изъ такихъ отлучекъ и заподымались мстители за кровь Ако,—снова тогда послали угнетенныя населенія и въ Полоцкъ молить князя о защитѣ. Владиміръ совѣтовался съ дружиной, и сами дружинники укоряли его: „не медли, князь! ихъ кровь на насъ падетъ“—походъ былъ рѣшенъ.

Но этотъ новый походъ изъ Полоцка былъ еще неудачнѣй предыдущаго и только пуще надѣлалъ вреда несчастной Корси и Ливи, поднявшейся—ужъ который разъ—„смывать съ себя германское крещеніе“. На этотъ разъ Владиміръ засталъ Гольмъ и Икесколу не прежними слабыми городами, какими видѣлъ ихъ года два-три назадъ. Кромѣ бойницъ и башень, изъ которыхъ осажденные метали стрѣлы и камни на осаждающихъ, сами же оставались безопасны подъ прикрытіемъ, у нѣмцевъ были еще устроены такія башни на колесахъ, которыя передвигались то туда, то сюда,—и съ нихъ прехитрымъ устроеніемъ бросали огонь и метали камни подъ силу развѣ доброму коню, а не человѣку. Владиміръ отступилъ отъ Икесколы съ большимъ урономъ; хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, взять Гольмъ, извѣстясь, что тамъ затворился лишь слабый отрядъ нѣмцевъ, а сидѣвшая съ ними Корсь да Ливь обѣщали передаться. Но и тутъ передвижная башня метала камни, губившіе полочанъ. Князь велѣлъ и своимъ воинамъ попытаться метать камни; приспособили тогда и полочане такое же сооруженіе, но съ перваго же раза—въ крѣпость не попало, а ушибло своихъ. Тѣмъ не менѣе, подневольные сидѣльцы изъ Корси и Ливи прислали сказать, что нѣмцы ужъ готовы сдаться: всего лишь на нѣсколько дней хватитъ ихъ силъ выдерживать осаду. Вдругъ прибѣжали вѣрные князю двиняне изъ подъ самой Риги и дали знать, что „видимо-невидимо показалось кораблей съ моря“ въ виду Риги: Гольмъ былъ оставленъ полочанами. Князь Владиміръ потерялъ тогда много людей въ этомъ

походѣ: какъ отъ Икесколы, также и отъ Кирхгольма отступили съ большимъ урономъ.

А флотъ, показавшійся на морѣ, былъ датскій; но датчане пріѣзжали тотъ разъ, повидимому, для того только, чтобы опознаться въ намѣченныхъ ими для завоеванія мѣстахъ, которыя нѣмцы звали „*Эстландъ*“; сожгли на тамошнемъ берегу чухонское селеніе, звавшееся у чуди Ревелемъ, а у русскихъ Колыванью,—и обѣщали притти слѣдующій разъ въ бо̀льшей силѣ. Эта вторая неудачная попытка Владиміра, такимъ образомъ, обрушилась второй разъ тяжелымъ бѣдствіемъ на гибель несчастныхъ племенъ, понадѣявшихся на полоцкую помощь. Вся ихъ страна была второй разъ залита кровью и подавлена новымъ ужасомъ изъ края въ край. Возстаніе привело только къ вящему покоренію всей Корси и Ливи: тяжелѣй прежняго стало ихъ ярмо. Послѣ того нѣмцамъ, дѣйствительно, оставалось крестить развѣ лишь дальнюю область къ озеру Вице-Ерве: мѣста́, гдѣ за Оденпе уже былъ самъ Юрьевъ; а въ зовомой ими „*Курляндіи*“ все было крещено кругомъ. Даже глухія уцѣлѣвшія мѣстечки, гдѣ народъ, крѣпясь до послѣднихъ силъ, еще открещивался до тѣхъ поръ отъ нѣмцевъ, отчаялись теперь и изнемогли: отовсюду поступали прошенія къ рыцарямъ о помилованіи и заявленія къ рижскому архибискупу о томъ, что примутъ ихъ священниковъ и дадутъ крестить себя. Такъ „*добрый и вѣрный пастырь Ливоніи*“ умиротворилъ свою эпархію.

Онъ съ княземъ Владиміромъ не входилъ въ препинанія о послѣднихъ его приступахъ къ Гольму и Икесколѣ: даже не упоминалъ, ровно и не зналъ о томъ. Напротивъ, въ это самое время онъ завязалъ съ сосѣдомъ дружелюбныя сношенія и вступилъ въ тайные переговоры совсѣмъ о другомъ—о Литвѣ. Указывая на то, что злобная Литва все чаще и грознѣе дѣлала набѣги по сосѣдству и все болѣе вредитъ двинской торговлѣ, рижскій архибискупъ предлагалъ князю заключить обоюду-выгодный дружескій союзъ,—во-первыхъ, *военный*, чтобы за одно борониться отъ общихъ враговъ, и, во-вторыхъ, *торговый*, дабы—равно для ихъ общихъ выгодъ важную торговлю по Двинѣ—привести на будущее время въ должный порядокъ. Состоялось торжественное посольство изъ Риги въ Полоцкъ по этому поводу.

Въ 1210-мъ году прибылъ рижскій посолъ Рудольфъ, уполномоченный Альбертомъ во что бы то ни стало заключить такой дружескій союзъ,—и посольское искусство Рудольфа увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Въ Полоцкѣ, повидимому, и не догадались, что не союзъ былъ дорогъ Альберту,—а дороже того было то самое, что оный установленъ обѣими сторонами на обоюдномъ признаніи полноправія обѣихъ-же сторонъ къ веденію подобныхъ переговоровъ. Съ одной стороны было постановлено, что Ливы обязаны ежегодно вносить слѣдующую съ нихъ дань полоцкому князю, или *самъ рижскій архибискупъ будетъ вносить за нихъ*; съ другой стороны Владиміромъ была допущена для латинскихъ купцовъ свободная торговля въ Полоцкѣ. Такъ уладился Альбертъ съ главнымъ стольнымъ городомъ Кривской земли и съ ея державцемъ княземъ Владиміромъ; что же касается до удѣльныхъ князей Герсики и Куйкеноса—съ ними обошлись проще.

Куйкеносъ, тѣснимый все болѣе и болѣе придвигавшимися къ нему владѣніями Ордена, очутился напослѣдокъ на самой ихъ границѣ: прямо уже возлѣ него шелъ Венденскій округъ, принадлежавшій рыцарямъ. Большой крѣпкій замокъ Венденъ стоялъ на холмистомъ берегу рѣки *Аа* и царилъ на всю окрестность. Здѣсь было мѣстопребываніе Гросмейстера и средоточіе всѣхъ земель Ордена; а кругомъ во всѣ стороны раскинулись и все умножались замки графовъ и бароновъ,—сидя въ которыхъ, они властвовали надъ порабощеннымъ населеніемъ. Ихъ маэтности уже совсѣмъ сомкнулись съ владѣніями Вячка,—и этотъ бѣдный князь, горемычный сосѣдъ здѣшнихъ графовъ и бароновъ—такихъ знатныхъ рыцарей, какимъ былъ, напримѣръ, фонъ-Леневерденъ—болѣе не обманывалъ себя, что ему съ ними никакъ не сдобровать. Этотъ самый рыцарь—фонъ-Леневерденъ—и ворвался разъ ночью въ Куйкеносъ: занялъ своимъ отрядомъ городъ безъ сопротивленія, объявилъ здѣшнихъ жителей военноплѣнными и отобралъ ихъ имѣнія, а Вячка заключилъ въ оковы. Тогда Альбертъ вызвалъ сейчасъ же обоихъ—князя Вячка и его сосѣда фонъ-Леневердена—къ себѣ въ Ригу и примирилъ ихъ другъ съ другомъ. Альбертъ даже дарилъ тогда изъ своихъ рукъ плѣннаго князя, жаловалъ его конями и парчами и далъ ему отъ себя утвержденную грамоту на Куйкеносъ: возвра-

тилъ назадъ все имѣніе. Тогда же онъ убѣдилъ Вячка: для береженія на будущее время отъ Литвы ввести въ городъ нѣмецкую стражу, на что Вячко и былъ вынужденъ дать согласіе. Вскорѣ однако не посчастливилось отъ литвы не Куйкеносу, а самой Ригѣ.

Одно изъ смѣшанныхъ племенъ—(не то Корсь, а не то уже и Литва)—постоянно промышлявшее морскимъ разбоемъ, напало на Ригу врасплохъ съ моря; а самъ Альбертъ, по слухамъ, былъ тогда въ отлучкѣ. Граждане ударили въ набатъ, вооружили всѣхъ церковнослужителей, даже и женщинъ; наспѣхъ дали знать въ Венденъ, разослали и во всѣ концы за помощью. Рига едва удержалась въ тотъ день,—дикари, какъ обѣсившіеся, лѣзли на стѣны и дрались съ остервенѣніемъ: кто изъ нихъ падалъ полумертвый отъ ранъ, тому ближній товарищъ отрубалъ голову. Рижане, изнемогши за весь день въ отчаянной борьбѣ, уже считали свою гибель неизбѣжною, когда наконецъ къ вечеру стали къ нимъ отовсюду стекаться подкрѣпленія, и дикари устрашились. Разведя на морскомъ берегу огонь для сожженія павшихъ, они кинули въ него всѣхъ своихъ убитыхъ—и уплыли обратно.

Всякій разъ, при слухахъ о малѣйшей неудачѣ Рижанъ, всѣ окружныя народонаселенія, ободряясь надеждами, подымались и сами; при всеобщемъ возбужденіи противъ завоевателей страны, удачи и неудачи Рижанъ тогда колебались безпрестанно: вспыхивали и мятежи то и дѣло. Ободрился тогда и Вячко,—онъ послалъ въ Полоцкъ звать Владиміра воспользоваться нашествіемъ дикихъ поморцевъ на Ригу и отлучкой Альберта; а самъ истребилъ тѣмъ временемъ нѣмецкій отрядъ, введенный къ нему въ Куйкеносъ подъ предлогомъ защиты его владѣній отъ Литвы. Нѣмцы воздвигали тутъ каменныя укрѣпленія и были заняты своею работой: сами спустились въ каменоломни, а свои доспѣхи и оружіе сложили наверху. Куйкеносцы подъ предводительствомъ Вячка, напали на своихъ притѣснителей и всѣхъ перебили: лишь трое ускакали въ Ригу. Альбертъ, оказавшійся тогда не въ отлучкѣ, а дома,—услыхавъ о поступкѣ своего подручника, какимъ считалъ Вячка,—двинулъ походомъ на него весь Орденъ и, окруженный еще собственнымъ своимъ „бискупскимъ“ войскомъ, выступилъ противъ бунтовщика самолично. Горемычный Вячко поднялъ тогда съ собой все

свое русское населеніе и многихъ туземцевъ, послѣдовавшихъ за ними; они вынесли изъ города все, что можно было захватить съ собою, а прочее пустили на дымъ вмѣстѣ съ самимъ городомъ. Такъ простился Вячко съ роднымъ пепелищемъ, кореннымъ гнѣздомъ своимъ,—а мѣстное туземное населеніе разбѣжалось по лѣсамъ да по болотамъ. Рыцари нашли отъ Куйкеноса лишь дымившіяся развалины и срывали досаду на туземцахъ, производя на нихъ облавы въ здѣшнихъ трущобахъ: всякаго изъ пойманныхъ предавали лютымъ мученіямъ и жестокой смерти.

За Куйкеносомъ, дальше вверхъ по Двинѣ, слѣдовала Герсика. Альбертъ давно грозилъ тамошнему князю Всеволоду за его дружбу съ Литвою, откуда была родомъ его княгиня. Всеволодъ, вмѣсто того, чтобы Ригу оберегать отъ литвы, самъ еще наводилъ это злое племя и всякій разъ помогалъ имъ у себя переправляться Двиною. Альберту тѣмъ болѣе казалось благопріятнымъ завладѣть Герсикой, что черезъ это онъ въ глазахъ самой Летголы и Ливи стяновился ихъ избавителемъ отъ литвы; а жестокая вражда этихъ сосѣдей и отчасти сродичей была непримирима. „Ливы и Летты“—говорили преданные Альберту земляки здѣшняго края, его клевреты—„эти бѣдныя безпастырныя племена отданы были съ снѣдь Литовцамъ, какъ овцы, составляющія снѣдь волковъ, если не охраняются пастыремъ. И вотъ, Богъ послалъ добраго и вѣрнаго пастыря Альберта“.—И пастырь, имѣя тотъ разъ въ своихъ войскахъ, между прочимъ, и вѣрныхъ клевретовъ изъ Ливи и Летголы, напалъ врасплохъ на Герсику. Самому князю Всеволоду удалось переправиться на другой берегъ Двины и укрыться въ тамошнихъ лѣсахъ; но литвинка-княгиня и вся семья князя, и всѣ его домашніе были забраны въ плѣнъ. Цѣлый день побѣдители забирались награбленнымъ имуществомъ: если не серебромъ и золотомъ, такъ платьями и драгоцѣнными мѣхами, всякою домашнею утварью; снесли со всего города все, что нашли цѣннаго; изъ церквей взяли колокола и разное церковное благолѣпіе и дѣлили между собой добычу. Потомъ, когда собрались въ обратный путь, зажгли городъ,—повели съ собой и княгиню съ прочими плѣнными въ Ригу. Латыши и Ливы, польщенные славой и дивясь побѣдному успѣху, въ которомъ призваны были участвовать, дѣлились тогда радост-

ными впечатлѣніями съ своими учителями. Когда городъ запылалъ и они, глядя на развѣвавшійся пламень, тронулись въ обратный путь, долго еще передавали другъ другу: „то-то, молъ, князь Герсики, съ того берега, любуется теперь на наше пожарище! то-то, небось, плачется бѣдный князь: горитъ мой городъ родной! погибла моя Герсика! увели мою княгиню, и всѣхъ моихъ ближнихъ повели съ собой!.. прощайте, милые! Герсика, колыбель моя, прощай!“

Впрочемъ Альбертъ былъ великодушенъ: самого князя Всеволода удивилъ тогда рыцарскимъ великодушіемъ своимъ. Онъ прислалъ ему сказать: если хочетъ мира и возвращенія своихъ кровныхъ, пусть самъ пріѣдетъ за ними въ Ригу. Всеволодъ, какъ только услыхалъ такое приглашеніе, сейчасъ же кинулся въ столицу бискупа, называлъ его *„батюшкой роднымъ“*, а всѣхъ латинцевъ „милыми братьями“: отпустите только моихъ ближнихъ! Альбертъ торжественно и внушительно сказалъ ему: „отпущу, а согласенъ ли будешь отдать свое княжество въ вѣчный даръ каѳедральному Рижскому собору?“ Озадаченный Всеволодъ думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ архибискупъ хочетъ отнять у него послѣднее: возвративъ ему семью, пустить ихъ нищими по-міру; а Альбертъ въ глаза тогда насмѣялся недогадливому князю и объяснилъ свою загадку. Если, молъ, князь согласенъ будетъ поклониться своимъ удѣломъ бискупскому собору города Риги,—тогда самъ онъ, Альбертъ, владыка Ливоніи, изъ своихъ рукъ и передастъ ему, князю, обратно его вольный даръ, самъ бискупъ утвердитъ его на этомъ удѣлѣ и вмѣстѣ съ Герсикой возвратитъ ему еще и его княгиню съ прочими домочадцами въ придачу. Всеволодъ на такой радости пуще прежняго обнималъ и цѣловалъ „родного батюшку“, соглашался на все; его повели на томъ къ присягѣ, онъ далъ и потребованную присягу. Но когда возвратился домой съ женой и дружиной, началъ опять сноситься съ языческой литвою и наводить ее на Рижанъ, которые тогда засѣли въ возстановленномъ и заново перестроенномъ Куйкеносѣ, прозванномъ нѣмцами *Кокенгаузенъ*.

Такъ просто уладились нѣмцы съ *„полоцкою княжьею“*: успѣхъ еще болѣе невѣроятный, можно бы сказать *сказочный* успѣхъ, дался имъ на первыхъ же порахъ и со сто-

роны Пскова. Тамъ нашелся такой князь, что всей душой полюбилъ нѣмцевъ, породнился съ ними и пошелъ къ нимъ въ *„фогты“*. Это былъ Владиміръ Мстиславичь, посаженный въ Псковѣ своимъ роднымъ братомъ (въ зиму съ декабря 1210 года на генварь 1211 года) Мстиславомъ Удалымъ—когда самъ Удалой еще первый разъ вокняжился въ Новгородѣ *). Этотъ Владиміръ Мстиславичь, хотя и безъ-завѣтно-добраго нрава, отличался такою безпутною жизнью, что ни въ Новгородѣ, ни въ самомъ Псковѣ его не терпѣли; если по временамъ онъ и удерживался тамъ, то именно, благодаря своему брату; а когда Удалой отлучался на югъ—тогда и Владиміръ Мстиславичь скитался съ мѣста на мѣсто. По невеликой его славѣ, объ немъ рѣдко и упоминали: на комъ онъ былъ женатъ и много ли у него было дѣтей—въ точности не знали. Случился онъ въ Псковѣ какъ разъ въ то время, когда Альбертъ—заключивъ уже *военный* и *торговый* договоръ съ Полоцкимъ княжествомъ—старался войти въ такую же точно дружбу съ самимъ Новгородомъ и Псковомъ **). Его политика въ отношеніи двухъ этихъ городовъ была крайне осторожна. Возбуждая подвластныя

---

*) Упоминалось, что Мстиславъ Храбрый, умирая *„поручилъ младенца Владиміра“* любимѣйшему своему боярину Борису Захарьевичу; далѣе дружина молодого княжича и самъ бояринъ Борисъ Захаровичъ участвовали въ бою подъ Кіевомъ въ войнѣ, которую велъ Рюрикъ Ростиславичъ съ кіевскимъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ. Наконецъ, этого князя уже много позднѣе вызвалъ братъ его *Удалой* къ себѣ въ помощь изъ Пскова, когда вторично пришелъ въ Новгородъ и оттуда воевалъ съ Владимірскими князьями въ 1216-мъ году, въ войну, кончившуюся Липецкимъ боемъ, (см. II-й томъ).

**) Втеченіи первыхъ лѣтъ бискупства Альберта, а тѣмъ болѣе еще при первоначальномъ водвореніи Нѣмцевъ въ здѣшнемъ краѣ, завоеванія ихъ не простирались такъ далеко, какъ впослѣдствіи. Находившаяся за чертою полоцкихъ владѣній, дальняя Ливь, соприкасавшаяся съ Чудью, подвластною Пскову и Новгороду, находилась тогда лишь подъ *„вліяніемъ“* Нѣмцевъ, а еще не было приступлено къ ея завоеванью. Тамъ старинные данники Новгорода и Пскова, возбуждаемые Нѣмцами, позволяли себѣ только все болѣе и болѣе неслыханныя до тѣхъ поръ дерзости. Изъ Оденпе уже не одинъ разъ мятежныя шайки грозили Юрьеву; пытались, наконецъ, даже напасть на самый Псковъ. Это и вынудило Русь—еще со времени Мстислава Храбраго, а потомъ при княженіи въ Новгородѣ Удалого—участить походы въ сторону мятежныхъ племенъ: ихъ наказывали все грознѣе. Но хотя еще въ тѣ поры уже слышно

Новгороду племена слухами, что нѣмцы пришли для ихъ освобожденія, Альбертъ постоянно направлялъ Очелу и Ереву производить набѣги и нападенія въ сторону Юрьева и Пскова, а не въ рижскую сторону. Но съ двухъ-трехъ походовъ, послѣ того какъ псковскія и новгородскія дружины прошли въ глубь страны за Оденпе *„даже до моря“* — все умолкло и тамошняя страна пришла въ прежнее повиновеніе. Благоразумно отказываясь до времени отъ посягательства на покореніе *Эстовъ* — такъ звали здѣшнюю Чудь нѣмцы — Альбертъ все болѣе и болѣе жаловался только псковичамъ и новгородцамъ на разбойныя нападенія и стѣсненіе торговли, которыя приходилось терпѣть Ригѣ отъ мятежныхъ данниковъ Руси. Онъ ссылался при этомъ, что по необходимости вынужденъ воевать Торму и Толову для самообороны и готовъ съ своей стороны на возмѣщеніе убытковъ, которые при этомъ могутъ происходить для псковитянъ и новгородцевъ. Сказать проще: какъ съ Полоцкомъ удалось Альберту заключить торговый союзъ и какъ туда посылалъ онъ дань отъ Ливи—лишь бы невозбранно удерживать захваченный край въ своей власти—также точно хотѣлъ онъ вступить въ подобный договоръ съ новгородцами и—просили ли его о томъ или не просили новгородцы—а ужъ онъ дѣйствительно отсылалъ къ нимъ дань съ племенъ, подвластныхъ Новгороду.

Въ самое время этихъ путанныхъ переговоровъ, псковскій князь Владиміръ Мстиславичь и сблизился съ нѣмцамм. Ему такъ полюбились Рижане, что онъ тогда же сосваталъ свою дочь за Альбертова брата Дитриха Апельдернъ фонъ-Буксгевденъ и породнился съ Рижскимъ архибискупомъ. Такъ говорили всѣ тогда-же,—въ то самое время, какъ Владиміръ Мстиславичъ княжилъ еще въ Псковѣ; но вскорѣ, за такую любовь къ нѣмцамъ, Псковичи *отпустили его отъ себя*, и впослѣдствіи, нѣсколько лѣтъ позднѣе, прошелъ объ немъ и другой слухъ: будто онъ и самъ женился на нѣмкѣ. Напослѣдокъ одни называли князя Владиміра Мстиславича зятемъ графа Дитриха, а графа тестемъ

было по всей странѣ о Нѣмцахъ и напослѣдокъ Русскіе даже искали встрѣчи съ ними—однако тѣ раза нигдѣ не нашли нѣмцевъ въ новгородскихъ владѣніяхъ, съ ними еще Новгородцы не встрѣчались.

князя; другіе же обратно: графа Дитриха звали зятемъ князя, а князя—тестемъ графа *).

Новгородцы и псковичи ни на чемъ не утвердились тотъ разъ съ Альбертомъ; они догадались, что Рижане недобромъ торгуются съ ними, и смѣтили что-то неладное въ начавшихся переговорахъ. Вскорѣ Мстиславъ Удалой, какъ извѣстно, ушелъ изъ Новгорода; впредь до его вторичнаго возвращенія на берега Волхова долженъ былъ и его братъ оставить берега „Великой“: Владиміра Мстиславича прогнали изъ Пскова. Безпутный князь кинулся тогда въ Ригу, и тамъ братья Буксгевденъ приняли его радушно. Альбертъ далъ ему у себя въ покоренныхъ земляхъ цѣлую провинцію, уголокъ земли между Ригой и Венденомъ, и назначилъ его „фогтомъ“. Князь судилъ и рядилъ ввѣренный ему край посвойски,—такъ однакоже, что нѣмцамъ не полюбилось его управленіе; не понравилось особенно тамошнему латинскому священнику, что онъ съ прибытіемъ князя лишился части своихъ прибытковъ, и пасторскіе доходы убавились. Впрочемъ, Владиміръ Мстиславичъ и не думалъ засиживаться у Рижскихъ нѣмцевъ,—вскорѣ послѣ того изъ ихъ союзника онъ опять сдѣлался бойцомъ противъ нихъ и весьма удачнымъ.

Узнавъ, что псковичи и новгородцы ни на чемъ не утвердились съ Альбертомъ и готовы были сильнѣй прежняго воевать въ сосѣднихъ съ нѣмцами мѣстахъ за *Медвѣжьей Головою* (Оденпе), надумался и князь полоцкій Владиміръ: какъ ему надлежало поступить съ надменнымъ сосѣдомъ? Онъ рѣшилъ призвать Рижскаго бискупа—по многимъ противъ него досадамъ и накопившимся между ними недоразумѣньямъ—къ прямому отвѣту. Въ послѣднее время, на-

---

*) Въ самомъ же дѣлѣ, можно полагать, случилось то и другое; похоже на правду, что сперва онъ свою дочь выдалъ за графа Дитриха и нѣмецъ сталъ ему зятемъ; а потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, овдовѣвши и самъ женился на нѣмкѣ, на одной изъ Альбертовыхъ племянницъ: тотъ или другой изъ братьевъ Альберта сталъ ему доводиться тогда тестемъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что этотъ Владиміръ Мстиславичъ былъ женатъ не одинъ разъ и впослѣдствіи между пасынками семейные раздоры дошли даже до такого преступленія, какъ матереубійство. Такъ или иначе, несомнѣнно то, что Владиміръ Мстиславичъ породнился съ Рижскимъ архибискупомъ, сдѣлался своякомъ нѣмцевъ.

примѣръ, Альбертъ началъ уже отказывать ему даже и въ присылкѣ Ливьской дани. Альбертъ заявилъ, съ своей стороны, что онъ ничего не имѣетъ противъ дружелюбнаго свиданія съ Полоцкимъ державцемъ, радъ съ нимъ видѣться во всякое время очами въ очи и бесѣдовать усты ко устамъ. Но гдѣ было свидѣться? князь Полоцкій того, чтобы ему самому ѣхать въ Ригу, не допускалъ и въ мысли; а похоже было, и Альбертъ въ Полоцкъ къ нему не спѣшилъ. Куйкеносъ уже отошелъ тогда къ землямъ Ордена меченосцевъ и прозывался Кохенгаузенъ: на пограничьѣ оставалась Герсика. Въ 1213 году тамъ и состоялось знаменитое свиданіе—въ Герсикѣ.

Снизу и сверху Подвинья, отъ Полоцка и отъ Риги оживился весь водный путь по Двинѣ прибывавшими отъ обоихъ концовъ въ Герсику знатными дружинами, соперничествовавшими одна передъ другой многочисленностью и могучимъ видомъ. Владыко Альбертъ приплылъ окруженный многочисленною свитой: въ ней находился и его свояк Владиміръ Мстиславичъ, братъ *Удалого*. Довольно было тутъ рыцарей, окутанныхъ поверхъ боевыхъ латъ широкими плащами, — въ тѣхъ самыхъ плащахъ, на которыхъ были вышиты красный крестъ и краснаго же цвѣта огромный мечъ: *„Орденъ Ливонскихъ рыцарей“*. Однакожъ немало было и всякихъ другихъ подъ разнообразнѣйшими гербами иностранныхъ рыцарей, составлявшихъ собственное бискупское войско. Кромѣ того, Альбертъ привезъ съ собою старшинъ народныхъ и ратниковъ изъ самóй Корси и Ливи; это были молодцы на подборъ! Нѣкоторые изъ нихъ посыланы были даже въ Римъ и удостоились лицезрѣнія Папы; многіе были воспитаны въ Бременѣ, всѣ до одного казались преданнѣйшею дружиной Альберта. Наконецъ, въ лодкахъ находилось великое множество еще и торговыхъ людей и прочихъ Рижанъ: также и эти промышленники, по ихъ отличному вооруженію, скорѣе глядѣли воинами, чѣмъ купцами.

Для переговоровъ Полоцкаго князя съ державцемъ Ливоніи накопилось слишкомъ много вопросовъ, требовавшихъ долгихъ объясненій, чтобы можно было рѣшить ихъ— всѣ вдругъ въ одно засѣданіе. Альбертъ все больше указывалъ на общихъ враговъ у Руси и у Рижанъ, на злоб-

ную Литву, и предлагалъ усилить союзныя дѣйствія на общую пользу обоихъ государствъ—какъ Полоцка, такъ и „*Ливоніи*“. Онъ также указывалъ на неисчислимыя выгоды, послѣдовавшія для обѣихъ сторонъ отъ заключеннаго договора касательно двинской торговли,—ссылался однакожъ, что и военный договоръ о союзныхъ дѣйствіяхъ противъ Литвы, и трактатъ о двинской торговлѣ подлежитъ многимъ измѣненіямъ и требуетъ дополненія и поправокъ; пространно развивалъ и другія подобныя мысли.

Но полоцкій князь Владиміръ былъ человѣкъ добрый и простой, и свою собственную мысль выразилъ весьма неискусными словами. Онъ вдругъ сказалъ бискупу: „перестанешь ли ты, наконецъ, крестить мою Корсь да Ливь? Оставь ихъ. Они въ моей власти, а не въ твоей. Хочу крестить — крещу, а не хочу — пускай останутся некрещёны. Не смѣй больше крестить“. Альбертъ вспыхнулъ и даже подивился варварству такихъ рѣчей. Сославшись на Божеское повелѣніе: „шедше, научите всѣ языцы земные и крестите ихъ...“ онъ спрашивалъ Полоцкаго князя: которое же изъ повелѣній слѣдуетъ почитать болѣе важнымъ: Божеское или человѣческое? которое изъ двухъ?—Добрый и простой Владиміръ отвѣчалъ, разумѣется, что первое, а не второе, — и ужъ о крещеніи больше не поминалъ. За то ссылался, что надо ему получать дань. Дань — другое дѣло,—по словамъ Альберта: самъ Богъ установилъ, чтобы всѣ подвластные платили дань своимъ властителямъ. И, опять приведя текстъ „воздадите кесарево кесареви“, онъ ужъ указывалъ, что самъ первый и предложилъ тогда доставлять эту дань въ Полоцкъ: не отречется же князь въ томъ, что исправно получалъ ее. А если въ послѣднее время это прекратилось — не онъ, не Альбертъ, тому виною: теперь сами Ливонцы его просятъ освободить ихъ отъ русскаго ига,—ужъ сами Ливонцы больше не хотятъ быть данниками Руси.

Эти рѣчи не полюбились князю Владиміру; полоцкій державецъ началъ грозиться гнѣвными словами: если такъ— онъ сожжетъ Ригу! тогда пусть знаютъ: онъ больше не допуститъ топтать свою землю чужимъ зашельцамъ! разнесетъ всѣ построенные ими города! онъ ихъ до земного обвалу разрушитъ. Отъ словъ къ дѣлу, велѣно было соби-

раться княжьей дружинѣ, полкамъ выйти въ поле и стать въ боевой порядокъ. Но тогда и Ливонцы забили тревогу, сталъ вооружаться и ихъ станъ. Не вѣсть что готово было совершиться подъ Герсикой. Рыцари уже красовались въ шлемахъ и латахъ; строились грозно-внушительными рядами и еще тѣмъ *„острымъ клиномъ“*, который почитали верхомъ военнаго искусства, а Русскіе въ насмѣшку имъ прозвали этотъ самый ихъ острый клинъ „свинымъ рыломъ“ и еще кратче „свиньею“. Вся дружина бискупа изготовилась къ бою. Скажи только князь Владиміръ тогда одно слово, и закипѣло бы дѣло: помни, Герсика! Тогда вмѣшался въ эту распрю бывшій псковскій князь, братъ *Удалого*, Владиміръ Мстиславичъ, и старался унять вспыхнувшую ссору. Въ свитѣ Альберта находился также настоятель Рижскаго каѳедральнаго собора: *„пробстъ“*, какъ его звали нѣмцы; князь и „пробста“ привелъ съ собою: вдвоемъ начали уговаривать Полоцкаго Владиміра. Пробстъ говорилъ ему: „ну, что хорошаго на христіанъ идти съ боемъ? и опасно же раздражать рыцарей! все это храбрые и въ ратномъ искусствѣ опытные мужи! такъ и рвутся помѣриться съ русскими!..“ а своякъ нѣмцевъ, Владиміръ Мстиславичъ — судя по его нраву—убѣждалъ не обращать на нихъ вниманія: „Брось ихъ, братецъ! пусть ихъ убираются откуда пришли“; а судя по дальнѣйшему образу его дѣйствій, несомнѣнно уже и прибавлялъ къ тому: „будетъ еще время, будетъ и мѣсто—встрѣтиться съ ними впереди“. Удалось имъ убѣдить умными рѣчами и сговорить Полоцкаго князя: не допустили Герсикскому свиданью перейти въ бой подъ Герсикой. Владѣтельный князь Ливоніи и Полоцкій обмѣнялись тогда на прощаньи лишь словеснымъ подтвержденіемъ *быть за одно въ случаѣ нападенія Литвы* и разѣхались другъ отъ друга въ разныя стороны,—одинъ поплылъ вверхъ, а другой внизъ Двиною: Альбертъ въ Ригу, а князь въ свой стольный городъ Полоцкъ.

Закручинился Владиміръ послѣ того,—и опять не зналъ: что дѣлать? Его дружина отмалчивалась о нѣмцахъ, а онъ въ ея молчаніи слышалъ себѣ укоръ: „помысли, княже, что, давъ имъ такую власть, какой отвѣтъ самъ дашь передъ Богомъ за ихъ злодѣянія и какъ ты не стыдишься своихъ братій князей?“ Не шумѣлъ также и народъ на пло-

щади, а князю мстилося: о томъ лишь и совѣщаются день и ночь его добрые Полочане, „чтобы всенародно постоять за вѣру и землю Русскую и пришельцамъ не дать собой обладать“. Въ безпокойствѣ ума своего и въ недовольномъ состояніи духа Владиміръ уже не переставалъ кручиниться все время: что ему дѣлать? По тогдашнимъ временамъ вдругъ всѣхъ порадовали знатные успѣхи новгородцевъ: къ нимъ опять возвратился ушедшій было на югъ Мстиславъ *Удалой* и вторично (въ 1214-мъ году) повоевалъ Чудь на страхъ рижанамъ. Постоянно направляя Очелу, Толову и Ереву производить нападенія въ сторону Юрьева и Пскова, нѣмцы уже начинали оказывать и дѣятельную помощь въ ихъ походахъ,—все больше забирали ихъ въ руки, все больше распространяли свое вліяніе въ здѣшнихъ мѣстахъ. Дерзость старинныхъ данниковъ Новгорода и Пскова достигла наконецъ невѣроятныхъ размѣровъ и пора было положить тому предѣлъ.

Возвратившійся въ эту пору съ юга Мстиславъ Мстиславичъ *Удалой* въ два-три похода покончилъ это дѣло. Дважды приходилъ онъ сюда самолично (около 1214 года), оба раза прошелъ бунтовавшія мѣста изъ края въ край, вездѣ искалъ встрѣтиться съ нѣмцами, но ихъ и слѣдъ простылъ въ ту пору: они скрылись отовсюду и ихъ тотъ разъ нигдѣ не нашли. Наказавъ Торму и Толову многимъ плѣномъ и захватомъ безчисленнаго скота, вслѣдъ затѣмъ Мстиславъ взялъ осадою Медвѣжью Голову *Оденпе* и—какъ сказано въ лѣтописи—*„поклонилась Чудь князю“*. А слѣдующій разъ погромилъ онъ Очелу и Ереву; снесъ тогда у бунтовщиковъ всѣ заставы и наказалъ многія селенія *„прошелъ сквозь Чудьскую землю къ морю“*, и здѣсь также въ самое короткое время *„Чудь поклонилась князю“*: стали посылать дань въ Новгородъ по прежнему, объ нѣмцахъ въ ихъ мѣстахъ пропали и слухи. Надо же было однако такъ случиться на ихъ счастье: Удалой простился съ новгородцами и (послѣ 1216 года) ушелъ на югъ уже навсегда. Тѣмъ не менѣе однако добрый примѣръ былъ поданъ: оживились надежды Полоцкаго князя. Противъ Рижанъ тогда опять въ разныхъ мѣстахъ заподымались угнетенныя населенія; самъ ихъ бывшій союзникъ и своякъ Владиміръ Мстиславичъ, по уходѣ изъ Новгорода своего брата Уда-

лого, шелъ уже съ новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ воевать противъ нѣмцевъ. Въ Полоцкъ къ своему князю опять пришли послы отъ Зимголы и Летголы и просились подъ его знамена. Многія ихъ селенія обѣщали встать поголовно, да съ ними же и *„морская Чудь“* (съ острова Эзеля) готова была ополчиться противъ Рижанъ за одно. Рѣшено было ударить съ трехъ разныхъ сторонъ; *„морская Чудь“* обѣщалась на своихъ лодкахъ отрѣзать Ригу съ моря, захватить вражій Дюнамундъ въ устьѣ Двины, а Полоцкій князь условился идти на Ригу Двиною. Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ еще невиданное ополченіе собралось въ Полоцкѣ: много Руси, многое множество и латышей. Войско уже готово было выступить въ походъ; полоцкій князь Владиміръ пошелъ садиться на суда. Онъ оступился, переходя съ берега на ладью, упалъ въ воду и умеръ внезапною смертью (1216 г.).

Избавясь бѣды отъ Полоцка, рыцари однакожъ не избѣгли тотъ разъ неудачи со стороны Новгорода. Они было вновь подчинили своему вліянію, а отчасти даже заняли всѣ мѣста, повоеванныя Мстиславомъ Удалымъ,—а у нихъ снова ихъ вырвали изъ рукъ. Замѣчательно, что нѣмцы дивились при этомъ, какимъ образомъ Русскіе, осадивъ Оденпе, били въ него камнями посредствомъ такихъ же сооруженій, какими—по мнѣнію нѣмцевъ—никто бы не долженъ былъ и пользоваться, кромѣ ихъ однихъ, на свѣтѣ. Осажденные были доведены до такой крайности, что голодныя лошади рыцарей отгрызали тогда хвосты одна у другой. Напрасно гросъ-мейстеръ Вольквинъ—Фолькунъ, какъ его звали Русскіе—самъ пришелъ съ тремя тысячами Меченосцевъ защищать Оденпе. Русскіе взяли Медвѣжью Голову. При этомъ Владиміръ Мстиславичъ кстати забралъ еще въ плѣнъ и своего зятя (нѣмецъ, впрочемъ, въ это время ужъ доводился ему и тестемъ). Своякъ хотѣлъ вести нѣмецкаго графа съ собою въ Псковъ, гдѣ тѣмъ временемъ водворился снова; но посадникъ Твердиславъ никому не уступилъ Апельдерна фонъ Буксгевдена и повелъ его съ собою въ Новгородъ.

Закрѣпощеніе Рижанами новгородскихъ приморскихъ владѣній. Между тѣмъ, со смертью полоцкаго Владиміра, мож-

но бы сказать, не стало Полоцкаго княженья. Если еще Герсикскаго князя Всеволода почитали со всѣмъ его родомъ уже не Русью, а полу-Литвой, то вслѣдъ затѣмъ русь и литва такъ сошлись въ Кривской землѣ и перепутались между собою, что тамъ ужъ ихъ одну отъ другой и отличать было трудно. Государству, основанному Альбертомъ, не приходилось болѣе задаваться вопросомъ: принадлежитъ ли еще Ливонія или уже не принадлежитъ къ исчезнувшимъ и болѣе не существовавшимъ Полоцкимъ владѣніямъ? Этотъ вопросъ Ливонскіе рыцари старались обходить со времени Герсикскаго свиданія, почитая его уже достаточно разъясненнымъ именно въ ту еще пору; а по смерти Полоцкаго князя этотъ вопросъ и вовсе упразднился самъ собою: рядомъ съ землею Ливонскихъ рыцарей была напослѣдокъ уже не Русь—какъ первые утверждали сами рыцари—а стала Литва. Самъ Ливонскій архибискупъ и самъ Ливонскій Орденъ первые и споспѣшествовали: быть тутъ *„Литовской Коронѣ“*. Но разъ только клочекъ исчезнувшихъ съ лица земли Полоцкихъ владѣній, втихомолку обращенный въ Курляндъ и Лифляндъ (Корсь и Ливъ), въ самомъ дѣлѣ не зависѣлъ болѣе отъ Руси, а составлялъ уже владѣніе литовцевъ: независимую *Ливонію*—она, по мнѣнію ея заводчиковъ, должна была непремѣнно заключать еще и тѣ земли, гдѣ рыцари уже воздвигли замокъ Феллинъ и гдѣ Датчане облюбовали Ревельское побережье.

Это былъ тотъ самый край, на который нѣмцы — еще съ самаго начала, какъ только утвердились въ Ригѣ и Венденѣ—уже простирали свое *„вліяніе“* и гдѣ „покровительствовали туземнымъ племенамъ“, возбуждая ихъ противъ Руси: *Эстландъ*, какъ звали его Рижане или *„Эстонія“*, какъ величалъ его въ своихъ латинскихъ посланіяхъ папа, приглашая ревнителей *„юной Ливонской церкви“* подчинить и эти болѣе отдаленныя мѣста каѳедральному Рижскому собору: утвердить и *„Эстонію“* въ вѣрности *„апостольскому Римскому престолу“*. И именно послѣ окончательнаго ухода Мстислава *Удалого* на югъ (когда онъ, поколебавъ могущество Владимірскаго княженія Липецкимъ боемъ, навсегда удалился изъ Новгорода, оставивъ его на раздоръ враждовавшихъ въ немъ сторонъ и соперничествовавшихъ изъ-за него князей) около 1218 года и насту-

пило время благопріятное для Рижскихъ нѣмцевъ: обратить „*покровительство* племенамъ Эстоніи“ въ ихъ полное подчиненіе и замѣнить „*вліяніе* въ Эстоніи“ ея полнымъ обладаніемъ. Подобно тому, какъ это происходило у „Корси и Ливи“, такъ теперь и въ „*Сокколъ*“, и въ „*Унганіи*“, и въ „*Гарріи*, и „*Верріи*“, и даже на островѣ *Эзель*—всюду спѣшили нѣмцы дѣлить землю поровну между собой на три части: одну треть Ливонскому бискупу, другую треть—городу Ригѣ, а третью—Ливонскому Ордену. Такъ какъ, притомъ, по благословенію папы, крещеныя населенія отходили въ собственность ихъ крестныхъ отцевъ, то въ самую эту пору прибавился для Рижскихъ нѣмцевъ и еще одинъ лишній поводъ не медлить болѣе обращеніемъ *Эстовъ* въ христіанство. Въ это самое время и Датскій король, мужественный Вальдемаръ II, желая (по словамъ его біографа) „*очиститься отъ грѣховъ и доказать свое усердіе къ Рижской Богоматери*“, высадилъ многочисленное войско на берегу Эстоніи. Западнымъ просвѣтителямъ, такимъ образомъ, здѣсь уже приходилось соперничать между собою: здѣсь уже Датчане и Рижскіе нѣмцы крестили въ обгонку другъ передъ другомъ.

Селенія и цѣлые округи трепетали при появленіи крестоносцевъ. И здѣсь—какъ прежде у Корси и Ливи—воины креста, послѣ каждой битвы и побѣды своей, можно сказать, обращались въ палачей. За то, если кто изъ нихъ попадалъ въ плѣнъ, не было ужъ у Чуди для рыцарей легче казни, какъ жечь ихъ въ жертву своимъ богамъ; а то еще сдирали кожу съ плеча на спину, вырѣзавъ на тѣлѣ предварительно тотъ самый крестъ, который былъ у рыцарей на плащахъ—и предавали мучительной смерти. Отъ ихъ нововоздвигнутаго замка Феллина—средоточія здѣшней ново-покоренной страны—и отъ приморскаго Ревеля до Юрьева и Оденпе все было залито кровью, установлено висѣлицами, являло видъ свѣжихъ могилъ. Для скорости крестили обыкновенно сразу весь народъ цѣлыми деревнями и спѣшили изъ одной въ другую. Въ одномъ округѣ селяне спаслись отъ нѣмцевъ добровольною отдачей себя имъ въ рабство. Міряне, завидѣвъ Ливонскихъ рыцарей, сказали имъ: „мы ужъ давно заявились, что хотимъ креститься, да замѣшкали на-руси, не ѣдутъ къ намъ обѣщанные свя-

щенники; такъ все равно: вынули мы жребій—ждать ли еще долѣе или принять вашихъ священниковъ — выпалъ жребій на вашихъ“. И нѣмцы приставили латинскихъ монаховъ къ населенію этого округа и причислили его къ своимъ владѣніямъ, а кровопролитія здѣсь не совершили.

У Рижскихъ нѣмцевъ было много священниковъ, а у Датчанъ ихъ не доставало: вмѣсто поповъ посылали простыхъ служекъ съ освященною водой кропить населеніе; собирали народъ въ кучу и каждую кучу окрещали кропиломъ. Случалось нерѣдко, что, завидя у околицы приближеніе рыцарей, народъ падалъ колѣнопреклоненно и, подымая руки къ небу, вопили, умоляя: „мы крещены! ужъ насъ кропили!“ Случалось также, что тѣ и другіе крестители сталкивались въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ и отбивали другъ у друга крещаемыхъ. Случилось, наконецъ, еще и то, что Датчане повѣсили въ одномъ селеніи чудскаго старшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе не отъ нихъ, Датчанъ, а отъ Рижскихъ нѣмцевъ. Ненависть крестителей другъ къ другу изъ за ревности къ здѣшней паствѣ была такъ велика, что Альбертъ ѣздилъ нарочно въ Римъ къ папѣ жаловаться на Датчанъ, но въ Римѣ-же засталъ пословъ по этому поводу и отъ Датскаго короля: Папа утвердилъ тотъ разъ Ревельскую область за Датскимъ королемъ: тамъ былъ поставленъ свой Ревельскій бискупъ— впослѣдствіи однакожъ и та часть земель возвратилась опять къ Рижанамъ.

Какъ въ свое время не укрылась отъ меченосцевъ Корсь да Ливь подъ щитомъ Полоцка, такъ и здѣсь: чудскія племена не дождались себѣ покрова отъ Новгорода! Втеченіи пяти-шести лѣтъ, какъ рѣшилась ихъ злая участь (въ краткій промежутокъ времени между 1218-мъ и 1224-мъ годами), въ Новгородѣ свыше пяти разъ смѣнились тамошніе князья; а союзъ двухъ вольныхъ городовъ—о которыхъ велась поговорка: „душа на *Волховѣ*, а сердце на *Великой*“— дошелъ до явнаго разрыва. Уже Псковичи самымъ простодушнымъ образомъ судили и рядили на своихъ вѣчахъ: не вступить ли имъ лучше въ союзъ съ Рижанами? Жалоба на новгородцевъ была всеобщая: „Приходятъ братья новгородцы собирать только дань съ бунтующихъ племенъ—

да и уйдутъ скоро; а, по ихъ уходѣ, самому-же Пскову изъ-за нихъ и приходится потомъ терпѣть вдвое: ужъ лучше худой миръ съ нѣмцами, чѣмъ такая братская помощь". Новгородцы къ тому же въ это самое время терпѣли страшные набѣги отъ метавшейся во всѣ стороны Литвы: эти племена были тогда растревожены дикими толпами земляковъ одного корня съ ними, хлынувшими въ ихъ мѣста „отъ *Пруссовъ*". Ливонскіе рыцари тогда же сошлись съ нѣкоторыми изъ этихъ дикарей и стали ихъ насылать на Русь. Новгородцы, постоянно воюя тогда съ этимъ новымъ вторгнувшимся врагомъ, уже не могли защищать своей дальней Чуди и просили помощи противъ Рижанъ у Великаго князя владимірскаго Юрія. Юрій Всеволодовичъ выслалъ имъ своего брата (Святослава), но безъ ратей Суздальскихъ, а съ Литвою же. Такъ какъ эти разнородныя племена не переставали рѣзаться другъ съ другомъ, то и нѣкоторымъ изъ Русскихъ князей, вступая въ союзъ съ ними, помогали часто сами Литовцы—одни противъ другихъ. Не велика была, такимъ образомъ, помощь, высланная по просьбѣ новгородцевъ изъ стольнаго Владиміра. На соединеніе съ этимъ вспомогательнымъ войскомъ выступилъ изъ Пскова безпутнѣйшій сынъ безпутнаго отца, князь *Ярославъ Владиміровичъ*: отецъ его, зять и тесть нѣмцевъ, едва ли ужъ былъ живъ тогда—сынъ и искалъ занять отцовское мѣсто во Псковѣ.

Двое этихъ незначительныхъ князей и воевали подъ Венденомъ; били рыцарей и забирали ихъ въ плѣнъ,—осадили самый замокъ; но въ ночь Мейстеръ успѣлъ туда ввести свѣжія подкрѣпленія, и русскіе, довольные добычей, отошли прочь. А въ то же время, послушные нѣмцамъ Латыши подъ предводительствомъ рыцарей грозили самому Пскову. Можно бы сказать, вся здѣшняя страна—зовомая нѣмцами Эстонія—состояла тогда изъ растерзанныхъ клочковъ и обрывковъ, находившихся въ перемежавшемся владѣніи, то нѣмцевъ, то русскихъ. Оденпе, Изборскъ и самый Юрьевъ нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. А при этомъ туземному населенію приходилось терпѣть и отъ Руси за то, что передавались нѣмцамъ, и отъ нѣмцевъ за то, что возвращались къ Руси. Невозможно перечислить всѣхъ походовъ, наѣздовъ и рыцарскихъ на-

летовъ, которымъ подверглась здѣшняя страна въ это время,—ни всѣхъ ужасовъ того злосчастнаго положенія, въ которомъ она очутилась. Ужъ не себѣ, не своей худости, были тогда обязаны Русскіе, что къ нимъ обращались еще съ довѣріемъ здѣшнія племена и не переставали уповать на Псковъ и Новгородъ: самъ Альбертъ былъ тому виною. Бискупъ, когда нѣмцы ходили крестить „*Унганію*“ и „*Гаррію*“, предводительствовалъ войскомъ самолично, и заслужилъ всеобщую ненависть по своей жестокости. Населенія, подавленныя ужасомъ, чуть только нѣмцы изъ одного округа переводили силы въ другой, подымались поголовно „бить Латыну“. Мудрено ли, что измученныя и полуистребленныя племена встрѣчали тогда и ничтожную горсть Русскихъ, какъ дѣйствительныхъ освободителей страны? мудрено ли что всякій слухъ объ ихъ малѣйшей удачѣ уже возбуждалъ радостныя надежды цѣлыхъ народонаселеній? Вскорѣ подъемъ здѣшней страны сдѣлался всеобщимъ. Такъ описываетъ его исторіографъ: „Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ. Граждане Фельлина, Юрьева, Оденпе согласно изъявляли ненависть къ нѣмцамъ; умертвили многихъ рыцарей, священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровью, были посылаемы изъ мѣстъ въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои домы, какъ будто бы осквернные его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать Рижскому епископу, что они возвратились къ древней вѣрѣ отцевъ, и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства, отнятаго у нѣмцевъ, и послали дары къ Новгородскому князю, моля его о защитѣ“.

На защиту пришелъ изъ Новгорода тогдашній тамошній князь (безпрестанно уходившій оттуда въ свой Переяславль-залѣсскій и снова возращавшійся къ новгородцамъ—Ярославъ Всеволодовичъ, отецъ Невскаго). Онъ было объявилъ походъ: „*иду на Ригу*“; но къ нему пришли послы отъ „*морской Чуди*“, съ острова Эзеля и молили защитить отъ Датчанъ. Страна отъ Изборска и Юрьева къ Феллину уже казалась тогда очищенною отъ враговъ,—оставалось про-

гнать лишь Датчанъ съ ревельскаго побережья; укрѣпивъ самый Ревель и воздвигнувъ въ немъ каменную крѣпость, Датчане держали тотъ край въ своемъ подчиненіи: Ярославъ Всеволодовичъ и пошелъ туда по просьбѣ Чуди.

Но едва приблизились къ Феллину, глазамъ ихъ ко всеобщему ужасу представилась нежданная картина: все являло слѣдъ только что побывавшихъ тутъ рыцарей. Не только были выжжены села и мѣстами земля еще багровѣла отъ неостывшей крови, а стали попадаться разставленныя по всей окрестности висѣлицы, на нихъ качались еще неубранныя тѣла повѣшенныхъ Русскихъ. Оказалось, что рыцари вновь уже успѣли завладѣть Феллинскимъ замкомъ и тамошніе русскіе сидѣльцы были ими перерѣзаны: окрестная Чудь волей или неволей опять подчинилась нѣмцамъ. Новгородцамъ и псковичамъ, такимъ образомъ, пришлось уже пробивать себѣ оружіемъ дальнѣйшій путь. Тѣмъ не менѣе однако Ярославъ Всеволодовичъ прошелъ *„сквозь всю страну до моря“*—и подступилъ къ Колывани (Ревелю); съ Датчанами бились по всей здѣшней округѣ и подъ стѣнами воздвигнутой ими крѣпости. Около мѣсяца длилась эта осада Ревеля. Хотя Датчане отбивались сильно, метая камни изъ своихъ сооруженій,—но Псковичи настаивали на необходимости взять городъ, на что была и всеобщая надежда по многочисленности „морской Чуди“, собравшейся въ помощь Руси. Ярославъ Всеволодовичъ, по совѣту съ новгородцами, предпочелъ однако взять не городъ, а большую дань, *„но города не взяша, а злата* много взяша“—и пошли по здорову во свояси. Замѣчаніе, что дань получена именно золотомъ и что *„много золота“* дóсталось новгородцамъ, даетъ угадывать, что сами Датчане поплатились на этотъ разъ, а не здѣшняя бѣдная Чудь.

Смертный подвигъ князя Вячка. Казалось бы, на что еще безславнѣе подобнаго похода! такимъ именно и считали его тогда Псковичи, позоря и укоряя за него своекорыстныхъ и вѣроломныхъ своихъ союзниковъ, „братьевъ новгородцевъ“. Но даже и этотъ безславный походъ не поколебалъ въ несчастныхъ туземцахъ довѣрія къ Руси. Возстаніе изъ края въ край по всей здѣшней странѣ, въ надеждѣ на русскую помощь, уже не унималось. Весь

Юрьевскій округъ кровопролитнѣйше и до полнаго истощенія силъ отбивался отъ Ливонскихъ рыцарей: не уступали здѣшніе жители ни пядени своей земли. Слухъ, что не дадутъ псковичи и новгородцы погибнуть здѣшнему своему древнему достоянію, что ихъ рати собираются отовсюду и уже идутъ сюда въ помощь—не умолкалъ въ здѣшнемъ народѣ. А до прихода этихъ поджидаемыхъ сильныхъ ратей, дѣйствительно, лишь слабая горсть Русскихъ боролась здѣсь съ совокупными силами цѣлаго Ордена Ливонскихъ рыцарей, отстаивая древлее здѣшнее достояніе Ярослава Мудраго: созданный имъ въ свое имя городъ Юрьевъ. И предводительствовалъ этой горстью храбрецовъ послѣднѣйшій изъ послѣднихъ, можно бы сказать: самый мизинный князь на Руси! Это былъ тотъ безудѣльный горемыка, у кого рыцари отняли послѣдній кусокъ хлѣба—родное гнѣздо Куйкеносъ — князь, котораго никто никогда не называлъ полнымъ именемъ,—а какъ звать по о́тчеству вовсе не вѣдали,—обычно же было звать его уменьшительнымъ именемъ Вячко: имя, пользовавшееся громкою извѣстностью у нѣмцевъ, какъ ихъ непримиримѣйшаго врага.

Съ тѣхъ поръ какъ Вячко засѣлъ въ Юрьевѣ, нѣмцамъ не было отъ него покоя; ото всѣхъ концевъ стекались къ нему окрестныя населенія и подъ его предводительствомъ „причиняли неисчислимое зло нѣмцамъ“ по ихъ собственному выраженію.—Воспользовавшись твердынями, которыя тутъ нагородилъ непріятель, пока владѣлъ Юрьевомъ, Вячко распространилъ ихъ; самъ настроилъ еще не мало такихъ же точно сооруженій, съ которыхъ Русскіе метали камни съ силой и мѣткостью, дивившую нѣмцевъ; день и ночь не переставалъ крѣпить городъ еще болѣе,—дѣлалъ изъ него безпрестанныя вылазки, предпринималъ и отчаяннѣйшіе набѣги во всѣ стороны.

Въ Ригѣ рѣшились наконецъ предпринять чрезвычайныя мѣры противъ этого *„Виссика“* — такъ его звали нѣмцы— *„не перестающаго причинять нѣмцамъ великое зло, какое только въ его власти“*. На общемъ совѣтѣ бискупа Орденомъ положено было собрать всѣ силы и овладѣть во что бы то ни стало *„ненавистнымъ притономъ, гдѣ были собраны*— какъ говорили нѣмцы—*всѣ злодѣи и измѣнники, и убійцы, враги Ливонской церкви“*,—къ тому же, гдѣ и начальствовалъ

тотъ князь, *который изстари былъ корнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи.* Въ походъ отправился самъ бискупъ Альбертъ съ собственною бискупскою дружиною и въ окруженіи множества вольныхъ рыцарей изъ разныхъ мѣстъ Германіи. Въ это время гостилъ у него въ Ригѣ герцогъ Саксонскій, уже тѣшившійся передъ тѣмъ и даже отличившійся въ нѣсколькихъ бояхъ при стычкѣ съ чудскими шайками Вячка,—захотѣлъ непремѣнно и герцогъ Саксонскій участвовать въ этомъ походѣ. Орденъ Ливонскихъ рыцарей выступилъ тогда въ полномъ своемъ составѣ; повели съ собой и послушныхъ латышей — злѣйшее войско противъ соотчичей и соплеменниковъ своихъ: они всегда дрались противъ непокорныхъ Альберту своихъ сродичей съ тѣмъ неистовымъ озлобленіемъ, которое составляетъ отличительную черту всѣхъ братоотступниковъ на свѣтѣ. Подойдя къ Юрьеву (нѣмцы звали его Дорпатъ), окружили городъ со всѣхъ сторонъ и обложили осадой. Нѣмцы нагородили множество осадныхъ приспособленій, соорудили цѣлую башню въ уровень съ городскими стѣнами, стали кромѣ того вести еще и подкопъ. Ночь и день трудились надъ этимъ подкопомъ: одна половина войска копала землю, а другая относила ее прочь. Когда подкопъ удался и часть стѣны была повреждена, передвинули и башню на колесахъ къ самой крѣпости. Но осажденные бились жестоко и укрѣплялись еще сильнѣе.

Осаждающіе попытались вступить въ переговоры съ Вячкомъ: къ нему послали нѣсколько латинскихъ монаховъ и рыцарей. Предложеніе заключалось въ томъ, что Вячку предоставляли свободный выходъ со всею Русью, съ конями и съ оружіемъ и со всѣмъ имѣніемъ—лишь бы сдалъ онъ крѣпость и выдалъ нѣмцамъ сидѣльцевъ изъ Корси, Ливи и Чуди. Полагали, что у Вячка Руси немного: сотни двѣ не болѣе, остальное множество состояло изъ туземцевъ. Нѣмцамъ показался отвѣтъ Вячка—по ихъ собственному выраженію—*„наглъ и дерзокъ по обычаю русскихъ“*—а Вячко провинился лишь тѣмъ, что не принялъ гнуснаго предложенія; много если притомъ сослался еще на скорый приходъ новгородцевъ—помощь, которой и въ самомъ дѣлѣ ждали со дня на день. Тогда осада началась съ удвоенною силой; стрѣлы и камни летѣли съ утра до вечера изъ города и въ городъ, латыши гремѣли своими щитами, нѣмцы били въ литавры,—

но успѣха не было. Рыцари не переставали жаловаться на вредъ, наносимый имъ стрѣльбою изъ крѣпости, и выражали яростную досаду, что искусство и какъ будто даже самыя силы оказывались съ двухъ сторонъ равными: осажденные не унывали и каждый день, дѣлая отчаянныя вылазки, дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ; все, что нѣмцы успѣвали причинить вреда за́-день осадными работами, осажденные исправляли ночью: съ неимовѣрнымъ рвеніемъ возобновляли поврежденія въ стѣнахъ крѣпости. Также и осаждавшіе продолжали свои осадныя работы не только днемъ, но и ночью—при заревѣ пылавшихъ костровъ, при пѣсняхъ и кликахъ всего войска, при звукахъ трубъ и литавръ. Нѣмцы въ одно и то же время трудились и ликовали; при томъ ликовали явно напоказъ уже съ нескрываемымъ намѣреніемъ, чтобы ихъ бравые клики и побѣдные гимны досягали внутрь крѣпости на страхъ томившихся осадою: на́-смѣхъ нѣмцамъ Русскіе высылали на стѣны иногда своихъ гудочниковъ—и тѣ со стѣнъ отвѣчали имъ въ ладъ, вторили насмѣшливо ихъ гимнамъ на своихъ дудкахъ и балалайкахъ. Итакъ, днемъ рыцари сражались, а ночью играли и пѣли. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, къ тому же опасаясь: какъ бы въ самомъ дѣлѣ не подошла помощь къ осажденнымъ изъ Новгорода—нѣмцы собрали совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ, вмѣстившемъ весь цвѣтъ собравшагося тутъ рыцарства, въ присутствіи бискупа, Мейстера и саксонскаго герцога—былъ предложенъ рѣшительный вопросъ на обсужденіе: что должно дѣлать въ виду затянувшейся осады? и особенно отличились тогда два рыцаря—тѣ самые, которымъ было ввѣрено начальство надъ отрядами вольныхъ иностранныхъ Рыцарей (нѣмецкія хроники сохранили имена этихъ двухъ достопочтенныхъ тайныхъ совѣтниковъ). Одинъ изъ нихъ предложилъ: *во-первыхъ*, взять городъ приступомъ, а *во-вторыхъ*, казнить отъ перваго до послѣдняго всѣхъ жителей безъ исключенія для примѣра на будущее время“; а другой это самое предложеніе развилъ еще въ болѣе игривой формѣ. „А для того, чтобъ веселѣй итти на приступъ — сказалъ онъ — положимте, господа, уговоръ между собою: кто изъ насъ первый взойдетъ на стѣну—кромѣ ужъ лучшаго ему коня и самаго знатнаго плѣнника — превознесемъ того на высочайшую степень между

всѣми кромѣ самого Вячка, разумѣется, ибо: *во-первыхъ*, Вячка мы не отдадимъ никому, а *во-вторыхъ*, его-то и превознесемъ выше всѣхъ на свѣтѣ на вершину ели, повѣсимъ на самой макушкѣ самаго высокаго дерева". Остроумное предложеніе несказанно понравилось всему совѣту и приступъ былъ рѣшенъ.

Утромъ, на зарѣ рано, осаждающіе устремились на приступъ; но были отбиты. Осажденные сдѣлали напослѣдокъ противъ подвижной башни нѣмцевъ проломъ у себя въ стѣнѣ и выкатили оттуда подъ самую башню горѣвшія и объятыя пламенемъ колеса, чтобы сжечь это сооруженіе, наносившее главный вредъ крѣпости. Осаждающіе кинулись тушить пожаръ, спасая свою башню,—и произошелъ общій переполохъ между ними. Тогда-то, братъ бискупа (уже другой, а не Дитрихъ) Іоганъ фонъ Апельдернъ, неся огонь въ рукѣ, первый началъ взбираться на валъ съ однимъ изъ вѣрныхъ слугъ своихъ,—и оба уже достигли стѣны. Увидавъ это, остальные ратники бросаются за ними; каждый спѣшитъ, чтобы влѣзть первому на крѣпость, но кто взошелъ первымъ—самъ-ли Іоганъ или вѣрный рабъ его Петрусъ Оге—осталось неизвѣстно. Одни подымались другъ за другомъ на стѣны; другіе ворвались сквозь отверстіе, сдѣланное самими русскими для поджога башни. За нѣмцами ворвались ихъ выученики латыши, — рѣзня пошла такая, что никому не было пощады. Городъ между тѣмъ пылалъ: всѣ мѣры уже были напередъ приняты осажденными, на случай взятія города, для его немедленнаго истребленія пожаромъ. Одни бросались лицомъ на враговъ и утопали въ крови своихъ изрубленныхъ товарищей; другіе гибли, задыхаясь въ дыму и пламени; третьи прыгали со стѣнъ, расшибаясь на-смерть. Нѣмцы окружили крѣпость кольцомъ, думая ловить бѣгущихъ,—но всѣ дали зарокъ погибнуть безъ остатка, умереть съ оружіемъ въ рукахъ или — заодно съ самими врагами—задохнуться въ пожарѣ Юрьева: съ ними заодно и погрестись въ его развалинахъ. Русскихъ, и въ самомъ дѣлѣ съ Вячкомъ, оказывалось, было сотни двѣ, не больше; а остальные были все здѣшніе туземцы и всѣ до одного исполнили обѣтъ, данный своему князю: всѣ погибли въ дыму и пламени, немногихъ осталось дорубать нѣмцамъ... И всѣ три рода смерти, которыми умирали здѣш-

ніе воины, молва народная пріурочивала и пріурочиваетъ съ тѣхъ поръ главному и первому воителю этого безпримѣрнаго побоища: Вячкѣ. То рисуется онъ народному воображенію, какъ первый изъ павшихъ, давшій всѣмъ примѣръ и бросившійся впереди всѣхъ на нѣмцевъ, едва только завидѣли ихъ входящими въ городъ; то представляется онъ распространяющимъ адскій пламень и гибнущимъ въ огнѣ и въ дыму, которымъ обрекъ весь городъ, — а есть еще и та картина, которая изображаетъ Вячка въ дыму и въ пламени свергающимся прямо съ городской стѣны на боевомъ своемъ конѣ—въ бездну и пропасть подъ стѣнами, чтобъ тамъ разбиться вдребезги. Одно вѣрно: отъ Вячка не осталось и признака среди мертвыхъ тѣлъ при тогдашнемъ разрушеніи. Исторически вѣрно и другое, что всѣ безъ исключенія Юрьевцы похоронили себя тотъ день въ Юрьевѣ, а не индѣ. Это подтверждаютъ сами нѣмцы, свидѣтельствуя въ своихъ хроникахъ, что живъ остался при тогдашнемъ разрушеніи всего-на всего одинъ только Русскій, котораго нашли нужнымъ оставить въ живыхъ сами побѣдители: нарядили его въ цвѣтное платье, дали ему добраго коня и послали къ новгородцамъ, сказавши: *„возвѣсти имъ про нашу побѣду“*. Дѣйствительно, этотъ вѣстникъ возвѣстилъ Новгороду, что *„опоздала ихъ помощь!“* и великая тогда была печаль во всемъ городѣ, потому что у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, была собрана рать въ помощь Юрьеву. Самъ печальный вѣстникъ видѣлъ собственными очами, что ихъ рати ужъ готовы были выступить въ походъ къ старинному городу Ярослава,—и въ лѣтописи занесли помѣтку: *„лѣта 6732 убиша князя Вячка нѣмцы въ Юрьевѣ, а городъ взяша“*. (1224 годъ).

Вскорѣ послѣ того Псковичи, продолжая ссору съ новгородцами, и вовсе разладились съ ними; а съ Рижанами, дѣйствительно, вступили въ дружескій союзъ *). Произо-

*) Для Новгорода, послѣ того, какъ Мстиславъ Удалой оставилъ его навсегда и удалился на югъ, вообще говоря, наступило самое тяжелое и неблагопріятное время: смуты уже не прекращались тамъ до самаго нашествія Татаръ. Въ тотъ краткій промежутокъ времени — владимірскій князь Юрій Всеволодовичъ (Ситскій) тщетно присылалъ къ новгородцамъ на княженіе своего сына (Всеволода Юрьевича), княжичъ убѣгалъ изъ Новгорода отъ происходившихъ тамъ безпорядковъ; княжилъ тамъ еще и сынъ Мстислава Романовича (павшаго въ бою на Калкѣ), и

шло это такъ. Ярославъ Всеволодовичъ (вообще не знаменитый тогдашними дѣяніями своими) продолжалъ попрежнему, при малѣйшемъ неудовольствіи на новгородцевъ, уходить въ свой Переяславль-залѣсскій; а они не переставали снова призывать его къ себѣ. Всякій разъ при его уходѣ изъ Новгорода начинали тамъ безчинствовать его противники, вновь получавшіе силу съ его отбытіемъ; сейчасъ же стекались и тѣ новгородцы, которые при немъ обыкновенно удалялись во Псковъ. Всякій же разъ при возвращеніи Ярослава въ Новгородъ поднимались опять въ немъ безчинства отъ его собственныхъ сторонниковъ, мстившихъ за свое временное приниженіе, а его противники опять разбѣгались во всѣ стороны и большею частью на *„Великую“*: тамъ и пребывали всѣмъ сердцемъ, хотя душой не переставали стремиться *„на Волховъ“*.

А во Псковѣ тѣмъ временемъ не переставалъ чинить смуту безпутный сынъ безпутнаго отца, княжичъ Ярославъ Владиміровичъ: если родителя его (бывшаго свояка нѣмцевъ) мало почитали, то сына и подавно,—но онъ не оставлялъ Пскова и, желая въ немъ утвердиться, сталъ во главѣ недовольныхъ: когда въ Псковъ прибѣжали противники Ярослава Всеволодовича, княжичъ взялъ сторону этихъ новгородскихъ перебѣжчиковъ и объявился непримиримымъ врагомъ Ярослава Всеволодовича. При такомъ раздорѣ двухъ вольныхъ городовъ, нельзя было ожидать съ ихъ стороны общихъ дружныхъ дѣйствій противъ Рижскихъ нѣмцевъ, а напослѣдокъ этотъ раздоръ еще и увеличился *).

также безуспѣшно. Потомъ наступило перемежавшееся княженіе то Юрьева брата, Ярослава Всеволодовича (отецъ Невскаго), то Юрьева свата, черниговскаго князя Михаила Всеволодовича.

*) Между другими причинами, мѣшавшими новгородцамъ замышлять походъ на Ригу, должно указать на усилившіяся въ то время нападенія на ихъ собственныя владѣнія разныхъ племенъ помутившейся Литвы. Для освобожденія собственныхъ предѣловъ отъ этой хлынувшей тогда Литвы, новгородцы уже не разъ обращались за помощью къ Владимірскимъ князьямъ и волей-неволей уступали Ярославу Всеволодовичу въ его распрѣ съ совмѣстникомъ по новгородскому княженію Михаиломъ черниговскимъ. Не только *„идти на Ригу“*, а даже отбиваться отъ участившихся набѣговъ со стороны Литвы, новгородцы уже не имѣли силъ и средствъ при тогдашнихъ смѣнахъ князей у себя въ Новгородѣ, ссорившихся за его обладаніе. Дошло до того, что Литва захватила самую *Руссу* и, призванный тогда новгородцами Ярославъ Всеволодовичъ

Въ 1228-мъ году Ярославъ Всеволодовичъ, утвердясь въ Новгородѣ, захотѣлъ по старому обычаю дать и Пскову собственнаго своего посадника; для этого мирно пошелъ къ псковичамъ съ цѣлымъ обозомъ подарковъ и припасовъ по старому же обычаю, утвержденному на эти случаи—для угощенія народа. Но въ Псковѣ его не приняли,—дали ему знать, что затворятъ для него ворота. Съ негодованіемъ возвратился онъ на Волховъ и просилъ новгородцевъ пожалѣть его въ нанесенной ему обидѣ. „Я шелъ къ нимъ съ подарками и хотѣлъ утвердиться съ ними миромъ“—жаловался онъ новгородцамъ на псковичей — „въ коробахъ были платья цвѣтныя! везъ имъ парчей да суконъ, шубъ да кафтановъ,—и разные припасы были въ коробахъ,—а лихіе люди пустили молву, что я везъ имъ оковы! Я хотѣлъ дружбой Псковъ съ Новгородомъ соединить, чтобы всѣмъ намъ вмѣстѣ идти на Ригу: а на меня взвели, будто я завладѣть хотѣлъ Псковомъ“. Но новгородцы не приняли участья въ такомъ горѣ князя и нашли его еще утѣшить только тѣмъ однимъ: молъ, самъ вѣдаешь, княже! псковичи и новгородцы—*яко хотятъ, тако же и творятъ*.— Тогда Ярославъ Всеволодовичъ—оскорбленный уже одинаково, какъ псковичами, такъ и самими новгородцами—оставилъ городъ; всѣ думали: онъ разгнѣвался и опять ушелъ въ свое княженіе,—а онъ возвратился, привелъ съ собой Переяславскіе полки и распо-

---

прославился ея освобожденіемъ. Послѣ того предпринялъ онъ еще весьма удачный походъ на дальнюю Чудь, за Ладожское озеро: на Емь: *„ходи изъ Новгорода на Емь, идѣ же ни одинъ отъ Князь Русскихъ не взможе бывати“*. Рижскіе нѣмцы, воюя Чудь, уже не одинъ разъ насылали ее на новгородскія владѣнія. Такъ одинъ разъ, подъ предводительствомъ Рыцарей, одно изъ чудскихъ племенъ жгло селеніе по близости отъ предмѣстій самого Новгорода-великаго; другой разъ было вторженіе въ Ижорскую Землю: въ связи съ тѣмъ волновалась и отдаленнѣйшая Чудь заозерная. Но въ связи же съ этимъ было и то, что при походѣ Ярослава Всеволодовича за Ладогу вся чудь по сю сторону Ладоги, именно Корела, сама просила его о покровительствѣ и защитѣ. Замѣчательно, что во время этого похода Ярославъ долженъ былъ послать священниковъ для крещенія Корелы: здѣшніе туземцы сами просили о томъ, и Ярославъ Всеволодовичъ, такимъ образомъ, распространилъ вѣру: „крестилось множество Корелъ, *мало не вси люди*“. Такъ уже во всѣ дальніе концы дальней Чуди проникли въ описываемое время слухи и вѣсти о *„Германскомъ крещеніи“* всѣхъ ихъ соплеменниковъ: всѣ они и спѣшили передаться Руси.

ложилъ ихъ станомъ подъ самимъ Новгородомъ. Новгородцы дивились множеству наведеннаго имъ войска и шептались между собой: „хочетъ идти на Псковъ; а сулитъ, что идетъ на Ригу!“, послали однако увѣщаніе къ своимъ братьямъ псковичамъ, а князя просили не держать своихъ полковъ въ Новгородѣ, увести ихъ во-свояси. Исковъ тѣмъ временемъ прямо изготовился къ оборонѣ: тамъ и впрямь ожидали прихода на себя войною. Засѣвшіе тамъ перебѣжчики, мятежные новгородскіе бояре, противники Ярослава Всеволодовича, разглашали громче прежняго, что князь приходилъ заковать псковичей въ оковы. Къ новгородскимъ перебѣжчикамъ пуще прежняго присталъ тогда и безпутный Владиміровичъ (тезка новгородскаго Ярослава), и послали къ нѣмцамъ утвердиться съ ними миромъ: заключить дружескій союзъ для войны съ Новгородомъ.

Въ Ригѣ несказанно обрадовались такому зову, не могли даже и ожидать столь благопріятнаго оборота дѣлъ! Этотъ успѣхъ казался такъ важенъ въ глазахъ Альберта, что онъ поспѣшилъ о томъ сообщить даже въ Римъ папѣ,—а тамъ по обыкновенію не упустили случая воспользоваться удачнымъ предлогомъ для того, чтобы вступить въ прямыя и болѣе плодотворныя сношенія съ упорными *„рутенами“*. Но этотъ успѣхъ уже былъ послѣднимъ въ жизни Альберта: слѣдующій годъ (1229 г.) его не было въ живыхъ. Рыцари поспѣшили тотъ разъ прислать заложниковъ съ своей стороны, прося дать и имъ заложниковъ отъ Пскова,—скоро заключили и торжественный договоръ. Въ случаѣ войны Пскова съ Новгородомъ, рижане обязались помогать псковичамъ всею своею силой; обязались и псковичи въ свою очередь: въ случаѣ, если новгородцы пойдутъ на Ригу, то къ новгородцамъ не приставать: новгородцы—себѣ, а псковичи—себѣ; кромѣ того, псковичи обязались въ случаѣ нападенія литвы на Рижанъ, стоять на литву заодно съ нѣмцами. Этотъ торжественный договоръ псковичей, такимъ образомъ, еще болѣе былъ нàруку нѣмцамъ со стороны Руси, чѣмъ тотъ, котораго Альбертъ нѣкогда добился отъ Полочанъ, прославъ къ нимъ во время-оно искуснаго переговорщика Рудольфа.

Въ Новгородѣ изумились такому поведенію Псковичей, обвиняли ихъ въ предательствѣ и измѣнѣ; не сомнѣвались

однако, что всю смуту чинятъ не столько сами псковичи, какъ одолѣвшіе на ту пору перебѣжчики изъ самого Новгорода, новгородскіе измѣнники, мятежные бояре. Князь Ярославъ Всеволодовичъ послалъ изъ Новгорода грозный приказъ псковичамъ: „Дивно мнѣ, что вы съ невѣрными союзъ учинили; а меня, князя вашего, принять не хотѣли. Пойдемте вмѣстѣ на войну; я приходилъ къ вамъ для дружбы, съ вами да съ новгородцами на Ригу идти хотѣлъ, лиха на васъ не мыслилъ; выдайте мнѣ тѣхъ, кто вамъ наговорилъ на меня“,—и въ Новгородѣ съ безпокойствомъ ждали отвѣта.

Отвѣтъ въ Новгородъ отъ псковичей пришелъ слѣдующій: „кланяемся тебѣ, князю Ярославу, и вамъ, братья новгородцы! а на ваши слова вотъ нашъ отвѣтъ. На войну съ вами противъ Рижанъ нейдемъ и братьи нашей, которые правду говорятъ, не выдадимъ. Что мы съ нѣмцами въ мирѣ, въ томъ вамъ вреда нѣтъ. Вѣрные и невѣрные, всѣ мы—Адамово племя! а ни прочто воевать—и противъ невѣрныхъ передъ Богомъ грѣшно. Если наше смиренье и любовь видя, сами Рижане на истину обратятся—разсудит умный князь и смышленый—въ томъ еще намъ же честь будетъ; а если даже останутся въ томъ, какъ они есть—насъ не убудетъ, намъ въ томъ безчестья нѣтъ. А отъ васъ было намъ обидъ много. Какъ къ Колывани ходили, отступили вы тогда сами собой, не учиня правды. Обще наше согласье было, чтобы взять городъ; а вы тогда золота и серебра много взяли: только намъ ничего не-дали. Также у Кеси (Венденъ) и у Медвѣжьей Головы (Оденпе) одинаково поступили,—а они за то у насъ на озерѣ потомъ нашей братьи довольно побили. Вы только, начавъ войну и получивъ добычу, къ себѣ домой уходите—а мы тутъ съ ними завсегда во враждѣ остаемся. Если вы вздумали идти противъ насъ теперь—что-жъ? сѣките, рубите насъ, берите въ плѣнъ женъ и дѣтей нашихъ—если вы беззаконны. А мы противъ васъ со святой Богородицей и съ поклономъ, а не съ оружіемъ! потому—сами знаете—издревле новгородцы намъ братья“.

Когда въ Новгородѣ выслушали эти слова псковичей, всѣ единодушно приняли ихъ сторону, а отъ князя рѣшительно отступились. Какъ ихъ вновь ни увѣщевалъ Ярославъ Все-

володовичъ, что зла псковичамъ не мыслитъ, а хочетъ съ ними и новгородцами по своему обѣщанію дать защиту отъ нѣмцевъ, идти на Ригу—новгородцы отвѣтили единогласно: „нѣтъ, князь! мы безъ псковичей на рижанъ не пойдемъ“, кстати подтвердили ему еще и то, чтобы онъ увелъ отъ нихъ свои Переяславскія дружины. Ярославъ Всеволодовичъ ушелъ съ ними изъ Новгорода; а новгородцы, вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ объ его уходѣ, послали отъ себя братьямъ псковичамъ самый дружественный отвѣтъ. Между тѣмъ, въ помощь Пскову въ самомъ дѣлѣ пришли Нѣмцы; рыцари привели съ собой еще и послушныхъ имъ латышей. Всѣхъ ихъ щедро одарили и угощали во Псковѣ, радуясь, что Ярослава больше нѣтъ въ Новгородѣ, и оттуда пришла вѣсть не о войнѣ, а о дружбѣ; тогда же выгнали отъ себя всѣхъ сторонниковъ бывшаго новгородскаго князя, „*которые брали у Ярослава дары и вѣсти ему пересылали*“, сказавъ имъ: „*вы намъ не братья, ступайте къ вашему Князю*“. Такимъ образомъ, совсѣмъ утвердилась тогда во Псковѣ мятежная сторона новгородскихъ перебѣжчиковъ и безпутнаго княжича Ярослава Владиміровича.

Но недолго, впрочемъ, могли они оставаться въ силѣ, большинство коренныхъ Псковичей одолѣло напослѣдокъ: установился добрый миръ между Новгородомъ и Псковомъ; не долго и самъ Ярославъ Всеволодовичъ оставался въ разлукѣ съ новгородцами, у себя въ Переяславлѣ-залѣсскомъ на спокоѣ *). Послѣдовавшее затѣмъ княженіе Ярослава въ Новгородѣ было успѣшнѣе на этотъ разъ всѣхъ прежнихъ: Пскову наскучило продолжать свое нелюбье; псковичи прогнали наконецъ отъ себя всѣхъ новгородцевъ

*) Въ Новгородъ опять пришелъ княжить его соперникъ черниговскій князь (Михаилъ Всеволодовичъ) и сталъ требовать у Переяславскаго князя возвращенія города Волока, который имъ былъ отторгнутъ отъ новгородскихъ владѣній. Переяславскій князь далъ ему отвѣтъ: „будь доволенъ и тѣмъ, что сидишь въ Новгородѣ, а Волока я не отдамъ“. Черниговскій князь, однако, отлучился вскорѣ, оставивъ новгородцамъ несовершеннолѣтняго сына (Ростислава Михайловича), котораго они прогнали и обратились опять къ Ярославу Всеволодовичу; этотъ обѣщалъ, что придетъ къ нимъ и „*будетъ ихъ своими войсками отъ нѣмцевъ оборонять*“ лишь въ томъ случаѣ, если они для него отмѣнятъ тотъ договоръ, по которому у нихъ княжилъ Михаилъ Всеволодовичъ, и Новгородцы согласились на все: приняли его на всей его волѣ.

перебѣжчиковъ, неугодныхъ Ярославу Всеволодовичу, и послали ему сказать о томъ. Замѣчательно, что эти перебѣжчики, мятежные бояре новгородскіе, а съ ними и безпутный княжичъ Владиміровичъ (тезка Ярослава) сейчасъ же передались тогда нѣмцамъ и съ помощью Рыцарей захватили изгономъ Изборскъ, начали оттуда заодно съ Рижанами воевать всю псковскую область. Очевидно такимъ образомъ: псковичи оттого и поспѣшили тогда пригласить къ себѣ Ярослава Всеволодовича, что разошлись съ нѣмцами и устыдились заключеннаго съ ними договора, а что возбуждали псковичей противъ новгородскаго князя эти самые перебѣжчики да безпутный княжичъ Ярославъ Владиміровичъ, они же ладили и союзъ съ нѣмцами—самое ихъ отложеніе на сторону Рижанъ и служитъ доказательствомъ тому.

Лишь къ нимъ однимъ, такимъ образомъ, и могла относиться та похвала, которую въ ту пору папа прислалъ изъ Рима *„рутенамъ“* за ихъ доброе согласіе съ Ливонскою паствой. Это похвальное слово папы (Гонорія) и его увѣщаніе о дальнѣйшемъ согласіи Руси съ Рижанами, такимъ образомъ, опоздало и пришло совсѣмъ не вовремя. Въ ту пору Альберта уже не было въ живыхъ; его, какъ *„великаго основателя Ливоніи“*, торжественно похоронили въ рижскомъ Соборѣ (1229 года), а великій магистръ Ордена Вольквинъ употреблялъ тогда же всѣ усилія, чтобы новый Рижскій архибискупъ, замѣститель Альберта, не былъ такимъ же полновластнымъ державцемъ, какъ его предшественникъ. Орденъ Ливонскихъ Рыцарей хотѣлъ большую часть этой власти перенять въ собственныя руки: для усиленія своего Ордена Вольквинъ уже началъ въ это время переговоры съ Тевтонскими Рыцарями (такъ назывался другой Орденъ нѣмецкихъ Рыцарей, дѣйствовавшій тогда по сосѣдству съ ними въ странѣ Пруссовъ) о соединеніи обоихъ орденовъ въ одну братію. Жалованная грамота папы (Гонорія) псковичамъ начиналась похвалами и благословеніями за ихъ дружбу съ нѣмцами и оканчивалась страшными угрозами на случай, если дальнѣйше они не удержалися бы въ этомъ союзѣ. „Миръ вамъ и благоденствіе въ лонѣ Латинской Церкви!“ писалъ папа Псковичамъ, „желаю видѣть у себя отъ васъ пословъ въ Римѣ. Ваши заблужденія въ религіи раздражаютъ Небо и составляютъ причину всѣхъ золъ въ

Россіи: бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь. Увѣщаемъ и молимъ, чтобы вы письменно изъявили на то согласіе черезъ надежныхъ пословъ, а между тѣмъ жили мирно съ христіанами Ливоніи". Въ случаѣ, если русскіе не проявили бы желанія пристать къ латинской вѣрѣ, Гонорій посылалъ имъ громы. Но псковичи не испугались громовъ отъ папы; они находились въ это время уже не только въ полномъ разрывѣ съ Рижскими нѣмцами, а въ прямой войнѣ съ ними. Они выступили всѣми своими соединенными силами противъ Ливонскихъ Рыцарей и ихъ лживыхъ союзниковъ, новгородскихъ мятежниковъ, мутившихъ долгое время Псковъ съ безпутнымъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ. Псковичи отняли у нихъ захваченный ими Изборскъ: мятежники кинулись къ нѣмцамъ далѣе въ Оденпе. Въ одной битвѣ противъ нихъ и Рыцарей, псковичи убили одного изъ самыхъ важныхъ Меченосцевъ, захватили тогда же въ плѣнъ и большую часть мятежныхъ новгородцевъ съ самимъ княземъ, безпутнымъ Ярославомъ Владиміровичемъ: всѣхъ ихъ, какъ исконныхъ враговъ новгородскаго князя Ярослава Всеволодовича, и отослали къ нему въ Новгородъ. Онъ обрадовался плѣну своихъ заклятыхъ враговъ, ссорившихъ его со Псковомъ, и княжичъ Ярославъ Владиміровичъ томился нѣкоторое время въ неволѣ въ Переяславлѣ-залѣсскомъ.

Какъ только единеніе Пскова съ Новгородомъ возстановилось, князь Ярославъ Всеволодовичъ пошелъ съ войсками обоихъ городовъ—воевать подъ Юрьевъ и Медвѣжью Голову (Оденпе). Рыцари были разбиты: *„поклонились князю Ярославу Всеволодовичу, прося мира"*, и онъ—впередъ до своей дальнѣйшей знаменитой побѣды надъ тѣми же Рыцарями, одержанной при Раковорѣ—далъ имъ *„миръ на всей своей волѣ"* (въ зиму съ декабря 1233 г. на январь 1234 г.). Но, во-первыхъ, переговоры съ *„Ливоніей"* уже велись этотъ разъ, какъ съ полноправною державой и признанною договаривавшеюся стороною: самый миръ притомъ былъ заключенъ *„на три года"*; а во-вторыхъ, миръ кончился новыми раздорами между Псковомъ и Новгородомъ,—а главное: это уже было наканунѣ тѣхъ временъ, по наступленіи которыхъ Орденъ Ливонскихъ Рыцарей не находилъ болѣе и нужнымъ чиниться съ Русью—канунъ той самой бѣды, которая носитъ въ рус-

ской исторіи двойное названіе: *„нашествіе татаръ“* и *„монгольское иго“*.

Послѣдствія водворенія Нѣмцевъ на русскомъ взморьѣ. На этомъ можно остановить подробное изложеніе дѣлъ и событій такъ называемой Ливоніи; далѣе уже довольно будетъ упоминать о нѣмецкихъ рыцаряхъ, по мѣрѣ надобности, лишь кратко. За ихъ побѣдой слѣдовало полное порабощеніе здѣшняго края, причемъ его исторія изъ вѣка въ вѣкъ оставалась все одна и та же. Ливонскіе рыцари отняли этотъ край у русскихъ владѣній, римскій католицизмъ отнялъ его у православія. Завоевателямъ нужна была личная служба здѣшнихъ земляковъ: пришлый завоеватель наложилъ ярмо на покореннаго туземца, присвоилъ себѣ его домъ, его жену, наконецъ и землю всю себѣ. Угнетеніе народа, подтверждаемое всѣмъ законодательствомъ, установившимся въ странѣ, всѣми нравами и обычаями пришлыхъ завоевателей, разрывъ между высшимъ сословіемъ господъ и покоренными рабами—презрѣніе и насиліе съ одной стороны, месть и бунтъ съ другой—такова исторія здѣшняго края—отселѣ на предбудущіе вѣка. Наблюдавшіе его своими очами втеченіи XIII вѣка, XIV и XV и далѣе, свидѣтельствуютъ о томъ единогласно. „Этотъ народъ находится въ такомъ рабствѣ и обложенъ столь тяжкими работами, что у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что есть на нихъ и ихъ жилищъ въ селеніяхъ. Имъ дозволяется воздѣлывать едва лишь такое количество земли, которое могло бы только скудно прокормить ихъ съ семействомъ. У туземцевъ всегда лежитъ на мысли, что предки ихъ были обладателями земли, но что Нѣмцы поработили ихъ и подѣлали ихъ своими рабами“. Такъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ описываетъ Курляндію, Лифляндію и Эстляндію „секретарь и совѣтникъ Посольства отъ Гольштинскаго герцога Фридриха, Адамъ Эльшлегеръ“—болѣе извѣстный подъ латинскимъ прозвищемъ Олеаріусъ.

Итакъ, въ одинъ и тотъ-же годъ праздновали побѣду надъ Русью—съ одной стороны татары, въ незнаемой степи, на Калкахъ, у морскаго устья Дона, а съ другой стороны Ливонскіе рыцари на развалинахъ Дерпта въ роковой 1224 годъ. Случилось какъ нарочно потомъ, что и сліяніе Ор-

деновъ ливонскихъ и тевтонскихъ Рыцарей въ одну общую братію послѣдовало въ 1237 году: въ самый-же годъ нашествія Батыя. Тяжело было монгольское иго на Руси: произвело и вторженіе Нѣмцевъ множайшія послѣдствія въ исторіи Русскаго народа, роковыя на весь ея дальнѣйшій ходъ.

Кромѣ того, что на всѣ такъ называемые *Средніе Вѣка* они заперли для русскаго народа принадлежавшій ему выходъ въ море,—кромѣ того, что они лишили древнюю Русь стариннаго достоянія—старой, какъ сама она, здѣшней ея прадѣдины—Варяжскаго взморья,—они всѣяли еще смуту внутрь славянской страны: положили сѣмена раздора въ самыя нѣдра Русской земли. Соорудивъ „католическую Ливонію“ (такъ называемую Курляндію, Лифляндію, Эстляндію; а по примѣшательству Шведовъ и дальнѣйшую Ингерманландію съ Финляндіей), они же прямо и косвенно были еще виновниками возникновенія и *„зловѣрной Литвы“* *).

Такъ называемое „литовское государство“.

Къ бѣдамъ—бѣды, къ горю—горе. Вслѣдъ за нашествіемъ татаръ и монгольскимъ игомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и вторженіемъ Нѣмецкихъ Рыцарей, прибавилась новая бѣда — еще горшая первыхъ. Въ нѣдрахъ русской земли образовалась лютая язва, завелась и выросла до чудовищныхъ размѣровъ диковинная Литва! не прежняя знакомая литва — мирное гнѣздо обрусѣлыхъ Булевичей и Рушковичей, а нѣчто иное, сказать бы—противоположное тому. Про ту Жеймоть и Дьяволту, про тѣхъ Булевичей и Рушковичей, которые заключили *„по Божьему повелѣнію“* извѣстный договоръ съ волынскими князьями о вѣчномъ мирѣ—про дѣйствительную Литву однимъ словомъ—забыли тогда и думать; ровно ея и не было никогда. Сдавленная рыцарями, тѣснившими ее съ Запада, она въ короткое время видоизмѣнилась такъ, что съ прошлою нельзя было ее и ровнять. Рощи и долины Булевичей и Рушковичей,—а по-за ними пущи и бо-

*) *Зловѣрная* Литва—такое прозваніе дали наши предки, правдивые русскіе лѣтописцы, ойчизнѣ Ягайлы и Витовта,— и разумѣется, не за латинство ея. Упрекать нашихъ предковъ, правдивыхъ русскихъ лѣтописцевъ, въ какой-либо нетерпимости къ латинствующимъ народамъ— невозможно. Напротивъ, ихъ отношеніе ко всѣмъ безъ исключенія ла-

лота Дьяволты, особливо же дичь и глушь дальней Жемойти — наводнились тогда цѣлымъ наплывомъ буйныхъ и неистовыхъ полчищъ, нахлынувшихъ *„отъ Пруссъ“*. Если даже Ердзивилова и Выкинтова жемойть и неистовствовали тогда заодно съ пришельцами, а, помогая имъ въ томъ, буйствовала еще и Дьяволта съ своими князьями—Бишки и Юдко, Пукѣикъ и Ликѣикъ—то не иначе однако, какъ уже замѣшавшись въ свою очередь именно съ оными новопришлыми племенами (съ разнородными потомками *„ульмигеровъ“*, коими они числятся у иныхъ). Тогда уже весь уголъ древней Кривьской земли, дѣйствительно, обратился въ вертепъ и притонъ неистовствовавшихъ пришлецовъ,— представлялъ изъ себя гдѣздилище не-вѣсть какихъ и откуда

тинствующимъ народамъ, всегда снисходительное, нерѣдко поражаетъ безпримѣрнымъ благодушіемъ своимъ. Ляховъ и Чеховъ, бывшихъ нѣкогда заодно со всѣмъ славянствомъ послѣдователями святыхъ Кирилла и Меѳодія и, по затѣсненіи ихъ нѣмцами, неволею приложившихся къ латинству, не осуждали, а жалѣли на-Руси; почти такое же отношеніе повелось и къ Уграмъ:—*„бѣху-же Угри первое православни, крещеніе отъ Грекъ пріимше, но не поспѣвшимъ имъ своимъ языкомъ грамоту изложити, Римляномъ же близъ сущимъ приложишя ихъ своей ереси послѣдовати, и оттолѣ даже до днесь бываетъ тако“*.— Что же касается до романо-германскихъ націй, искони величавшихся принадлежностью къ Римлянамъ, православные въ томъ видѣли неизбѣжный историческій рокъ: такъ и смотрѣли на всѣхъ нѣмцевъ, что по ихъ предыдущей исторіи *подобало сему быти*. Поэтому, хотя и сожалѣли вообще о неправдѣ Латинцевъ, тѣмъ не менѣе однако ни одного изъ западныхъ народовъ — ни самихъ ихъ державцевъ, ни даже римскихъ папъ — никогда не осуждали собственно за ихъ преданность латинству, относились къ нимъ всегда безпристрастно. Объ одномъ изъ старинныхъ Римскихъ папъ, не имъ вообще приписывая богохульное предпочтеніе латинскаго языка (о современникѣ Кирилла и Меѳодія), древнѣйшій нашъ лѣтописецъ выражается такъ: „Папа жь римскій похули тѣхъ, иже ропщутъ на книги Словѣнскія, река—да аще кто хулитъ Славянскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкве, донде ся исправитъ“. Даніилъ Паломникъ, безпристрастно отзываясь о видѣнныхъ имъ латынянахъ въ Іерусалимѣ, описываетъ весьма сочувственно, какъ онъ *„поклонился до земли“* ихъ князю Балдуину „яко-же бяше мужъ благъ и смиренъ вельми и не гордится ни мало“ и какъ, стоя рядомъ съ латинами, радовался онъ общею радостью въ Христосьскую заутреню: „и ту самъ князь Балдвинъ стоитъ со страхомъ и смиреніемъ великимъ, источникъ слезъ проливается отъ очію его“. О Фридрихѣ Барбароссѣ, описавъ его помощь галичьскому Владиміру, убѣжавшему изъ венгерскаго плѣна, нашъ лѣтописецъ прибавляетъ съ похвалами: „въ то же лѣто иде Царь Нѣмецкій, со всею своей землею, битися за Гробъ Господень, проявилъ бо бя-

взявшихся дикарей—цѣлый скопъ разбойничьихъ шаекъ. Той литвы, тикимъ образомъ, которую зазнали Русскіе, издревле же сами и прозвали *литвою*, ужъ не было: не объ ней шла слава. А во всѣ стороны отъ ея старожитныхъ мѣстъ, начиная отъ устій Нѣмана, вливавшихся въ Варяжское море, и до устья Днѣпра, павшаго въ море *„оже слыветъ Русское“*, всюду напослѣдокъ указывали и величали иную, дотолѣ невѣдомую Литву: уже только одну ее вездѣ и поминали. Всѣ населенія южнаго понизовья Днѣпра и Днѣстра (понизье, зовомое за то время *„монгольскими степями“* у иныхъ бытописателей) и всѣ-же народонаселенія въ верховьи Днѣпра и по его притокамъ—сѣверяне, смоляне, полочане, кривичи и дряговичи и вся *„Деревьская земля“* (Во-

---

шетъ ему Господь Ангеломъ, веля ему идти... сіи-же Нѣмцы яко мученицы святіи прольяша кровь свою за Христа со цари своими“. Замѣчательно, что, описывая взятіе и разграбленіе Цареграда латинами, случившееся въ годину Кіевскаго разоренья при Рюрикѣ Ростиславичѣ, наши лѣтописцы не только не винятъ въ томъ ни Римскаго папу, ни Германскаго императора, а еще стараются обѣлить ихъ. Разсказавъ подробно о греческомъ царевичѣ Исааковичѣ, какъ онъ пошелъ искать своихъ правъ на царство „въ дальныя страны къ Нѣмецкому Царю и къ Папѣ Римскому“, русскіе лѣтописцы почтительнѣйше оговариваютъ при этомъ, что владыки Запада единогласно подтвердили крестоносцамъ: *„пакости не дѣйте Гречьской Земли“*. Но „Фряги же и вси воеводы ихъ взълюбиша злато и сребро: Царева и Папина наказанія забыша, что зла Греческой Землѣ не творити—огнь ввергоша въ храмы“,—и, описавъ всѣ ужасы, содѣянные тогда Фрягами, заключаютъ: „не тако бо наказалъ Царь ихъ Нѣмецкій и Папа Римскій, яко сіи злоучиниша Цареграду“. Также точно, описывая, напримѣръ, какъ Римскій Папа неоднократно докучалъ Даніилу Романовичу *честными послами* „носяще вѣнецъ и скипетръ и корону, яже наречется королевскій санъ, рекый: сыну! пріими отъ насъ вѣнецъ королевства“, лѣтописецъ благочестиво отзывается о присланной коронѣ, какъ о „вѣнцѣ, принятомъ отъ церкви святыхъ Апостоловъ и отъ стола святого Петра“, о самомъ же папѣ Инокентіи, какъ досточтимомъ отцѣ Даніила, добавляетъ: „Некентій-бо кляняше хулящимъ вѣру Грецкую правовѣрную, и хотяшу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о соединеніи церкви“. Наконецъ, даже о самихъ Ливонскихъ Рыцаряхъ, всѣ вообще отзывы нашихъ лѣтописцевъ—упреку въ напраслинѣ не подлежатъ: наши предки постоянно винили этихъ *„Божіихъ дворянъ, слугъ Божіихъ“* въ той жестокости и въ той горделивости, какою они отличались,—но и только. Ясно, такимъ образомъ, что если наши предки, изо всѣхъ націй на свѣтѣ и изо всѣхъ державъ въ мірѣ, одну лишь диковинную націю и чудилищную державу заклеймили въ своихъ лѣтописяхъ прозвищемъ *„зловѣрной“*, то это не за воспринятое ею на себя латинство, а за нѣчто связавшееся съ тѣмъ другое.

лынь)—ужъ не слыли тогда подъ своимъ именемъ,—а всѣ безъ изъятія, какъ оборотни литовской сказки, обратились въ одну и ту же пресловутую *Литву*. Если вѣрить инымъ бытописателямъ, тогда только и процвѣла вся эта обширная и дотолѣ будто бы невѣдомая страна! Лишь съ этого мига и началась ея достовѣрная исторія—по ихъ словамъ—а ранѣе составъ здѣшнихъ земель и народонаселеній представлялъ хаосъ, любопытный развѣ для однихъ археологовъ. Такова была въ XIII-мъ и XIV-мъ вѣкѣ эта новоявленная диковина, не то нація и не то страна, отечество безъ народа, рекомая „Литва!“ страна, простиравшаяся отъ моря до моря и не помнившая родства, ни имени своего! нація, состоявшая изъ небывалыхъ дотолѣ героевъ—неслыханныхъ еще и невиданныхъ до тѣхъ поръ! То была уже отчизна „великаго Миндовга“—отчизна Тренятъ и Лютъ-воровъ et caetera—и наконецъ „державнаго исполина Едимана“, по немъ же Ольгерда съ Кейстутомъ, и Ягайлы, и Витовта. Это ужъ не литва, однимъ словомъ, а такъ называемое „литовское государство“.

И правду надобно сказать: *Ливонія* нѣмецкихъ рыцарей и эта *Литва*—ойчизна, породившая ягеллоновскую Польшу, двѣ сосѣдки въ мірѣ—одна другой пара. Это былъ такой самъ-другъ двухъ враждебныхъ силъ, направленныхъ со стороны римскаго католичества противъ древлей державы Святого Владиміра,—онѣ составили такой союзъ двухъ вѣчно вооруженныхъ становъ, хотя и ссорившихся по временамъ между собою, но всегда готовыхъ дѣйствовать сообща противъ православной Руси, что ей, казалось, державѣ святого Владиміра, противъ ихъ совокупнаго напора — никакъ не устоять. Но прошли вѣка, и старина оправдалась: держава Святого Владиміра возстановилась въ дѣдинѣ и прадѣдинѣ своей. Однакожъ и враги ея сдѣлали съ своей стороны все, что могли,—дѣлаютъ еще и до сихъ поръ все, что могутъ,—чтобы заглушить здѣшнюю старинную правду, — какъ въ зовомой Ливоніи, такъ и въ зовомой Литвѣ,—стараясь по крайней мѣрѣ не дать ей восторжествовать вполнѣ.

Прежде имя Литвы, такимъ образомъ, не подававшее повода къ недоумѣнію предковъ, обратилось потомъ въ такой *„политическій лозунгъ“* у потомковъ, что всѣхъ позднѣй-

шихъ недоразумѣній по его поводу—нельзя и пересчитать. Къ недоразумѣніямъ прибавились обманы: одни отъ неумышленнаго заблужденья, а другіе злоумышленно, и многіе отъ намѣренной лжи. Объ имени Литва накопилось наконецъ столько соблазновъ, и правда съ кривдой такъ перепутались вѣками, что даже въ XVII-мъ вѣкѣ и въ XVIII-мъ—можно бы сказать, до сихъ поръ—эти правда съ кривдой разобрались еще не вполнѣ, и не распутались до конца. Надо приложить много ума потомкамъ Булевичей и Рушковичей,—слѣдуетъ также и потомкамъ самихъ Кривичей и Дряговичей размышлять много, чтобы разобраться наконецъ міромъ: въ чемъ тутъ состоитъ правда и въ чемъ заключается ложь? *).

Литва, дѣйствительно, бѣдовое имя въ русской исторіи и необходимо отличать Литву отъ Литвы. При татарскомъ нашествіи, напримѣръ, сами русскіе звали Литвою и Полоцкъ и Смоленскъ и всю Кривьскую землю, а татары съ досадой оспаривали ихъ въ томъ. Послѣ, уже гораздо позднѣе татаръ, даже при царяхъ Московскихъ, сами же русскіе звали, напримѣръ, всѣ города подъ Серпуховомъ—Алексинъ, Тарусу и прочіе „*литовскими городами*“,—и никому не приходило въ голову воспрещать такое названіе для этихъ чисто-русскихъ селеній и искони-русскихъ мѣстъ. Также точно и въ наши дни, пожалуй, нѣкоторые изъ смолянъ и полочанъ и жителей „Деревьской земли“ могутъ звать

---

*) Достойно и праведно было бы: мирно разобраться всѣмъ міромъ въ вопросѣ о Литвѣ. Но сколько до сихъ поръ ни дѣлаютъ открытій нѣкоторые бытописатели по поводу чуть не допотопной знаменитости „Литовскаго народа“ и его всемірнаго значенія,—какъ ни излагаютъ подробно исторію этой „націи“ со времени еще Скировъ и Гирровъ и Ульмигеровъ,—какъ ни доказываютъ, что „миѳологія Литовскаго народа совмѣщаетъ въ себѣ идеализацію и роскошь азіатскаго миѳа съ выработанностью и законченностью греко-римскаго“; при чемъ вдаются еще и въ нарочитыя подробности о Прамжимасѣ и Атримпосѣ,—а дѣло не двигается впередъ. Литва остается для всѣхъ тою же таинственною и никому неизвѣстной величиною. То она велика такъ, что занимаетъ полъ-карты европейской Россіи,—а то такъ мала, что сжимается на ней въ чуть замѣтный уголокъ древней Кривьской земли. То представляется она такою геройскою націей, что можно бы сказать про нее: громкими дѣяніями своими заставляла „*трепетать цѣлый свѣтъ*“ и „*по силѣ и славѣ ей равнаго нѣтъ*“,—а то вдругъ вся ея исторія обращается въ потемки, въ которыхъ не видать ничего ровно.

Литвою—что кому угодно. Но есть, кромѣ того, и настоящая Литва, безъ всякаго иносказанія. Она одна.

Ея исторія вся недолгà и ее можно разсказать въ двухъ-трехъ словахъ. Первоначально литва платила дань Руси лыкомъ да вѣниками, съ того и началась ея извѣстность въ мірѣ: раньше того объ ней не было и слуха въ цѣломъ мірѣ: сами-же Русскіе и дали всѣмъ здѣшнимъ инородцамъ по сосѣдству съ собой сборное имя *литва*: то было сборное имя, ибо пока эти инородцы болѣе или менѣе не обрусѣли, у нихъ родовъ-племенъ, нарѣчій и поднарѣчій было безъ числа. Когда Святой Владиміръ выдѣлилъ эту литву, со всею Кривьскою землею, въ особый удѣлъ Рогвольдовичей-Рогнѣдичей, всѣ они въ короткое время захудали. Всѣ же они безъ исключенія, эти захудалые Полоцкіе князья, отмѣнно дружили съ литвою, постоянно роднились съ ея князцами, то и дѣло водили съ собой ихъ дружины въ походы противъ своей братьи, а этимъ содѣйствовали обрусѣнію литвы, съ тѣмъ вмѣстѣ ея возвышенію и славѣ. Въ Полоцкѣ уже въ 1181 году княжилъ, какъ свой человѣкъ на-руси, князь Мингайло; а послѣ того возвеличился Рингольдъ, имѣвшій владѣнія, кромѣ Полоцка, въ Витебскѣ и въ Оршѣ, значитъ: простиралъ власть уже и на смоленскую область. Такъ, уже на исходѣ XII-го вѣка и къ началу XIII-го Литва и Русь перемѣшались, или что въ данномъ случаѣ одно и тоже: такъ уже возвысилась Литва! Потомъ, обратясь даже въ ойчизну Миндовга, Тройдена et caetera — держава литовскихъ князей включительно до самаго Гедимина съ Ольгердомъ, не только продолжала считаться твердымъ оплотомъ и благонадежной обороной всѣхъ Кривичей, но слыла даже собирательницею всей Руси. А вскорѣ послѣ того, это уже была „латинская Литва Ягайлы и Витовта“ и напослѣдокъ „зловѣрная Литва“. Напослѣдокъ, кромѣ какъ *зловѣрная*, ужъ ей не было другого имени у нашихъ лѣтописцевъ. Почему такъ? съ сущности этотъ вопросъ гораздо важнѣе, чѣмъ кажется съ виду.

Ни одного изъ латинствующихъ народовъ, какъ извѣстно, ни Чеховъ, ни Поляковъ, ни тѣмъ болѣе Венгровъ, никогда на Руси не называли зловѣрными. Случалось, наши предки и часто бились съ Ляхами по сосѣдству; но то и дѣло вступали съ ними и въ братски-дружескіе союзы. Не надо

забывать: при томъ, что всѣ почти польскіе короли изъ дома Пястовъ вели русское происхожденіе, отъ русскихъ княженъ *). Точно также ни одной державы въ мірѣ, тѣмъ болѣе ни одной изъ католическихъ державъ Запада—ни такъ называемую священно-римскую Германскую Имперію, ни даже такъ называемый Ливонскій Орденъ — никогда на Руси „зловѣрными“ не называли. Но для ойчизны Ягайлы и Витовта, повторяемъ, нѣтъ другого имени напослѣдокъ, какъ „зловѣрная Литва“,—почему же такъ? Отвѣтъ на это сыщется въ дальнѣйшемъ продолженіи исторіи русскаго народа, а ужъ не Булевичей и Рушковичей, ни Жемойти и Дьяволты. Всѣхъ ихъ—эту настоящую Литву— также въ намѣренномъ обманѣ и умышленной лжи никто никогда не упрекалъ же и не упрекаетъ: они сгибли сами отъ одного и того же зловѣрнаго обмана и пали его жертвою. Они несутъ роковыя послѣдствія этого паденія—мало даже повинные въ томъ.

Сынъ Ярослава Всеволодовича (великій князь кіевскій и владимірскій) **Святой Александръ Невскій.**

Личныя достоинства Александра. Въ лютое Батыево плѣненье наслѣдникъ Ярослава Всеволодовича, любимый сынъ Мстиславны—„святой Ѳеодосіи“, какъ звали въ народѣ дочь Удалого—Александръ Невскій явился свѣтлымъ утѣшеніемъ бѣдствовавшихъ сограждан и былъ истиннымъ ангеломъ хранителемъ многострадальнаго отечества своего.

*) А именно: Казиміръ I († 1058), Болеславъ II Смѣлый († 1081), Болеславъ III Кривоустый († 1139) по первому браку, Болеславъ IV Кудрявый († 1194) по двумъ бракамъ, Мстиславъ III Старый († 1201) по второму браку; Казиміръ II Справедливый († 1194), Лешекъ Бѣлый († 1237). Къ нимъ присоединить должно Конрада († 1247) сына Казимірова и брата Лешку Бѣлому, дѣда Владислава Локетку, который былъ женатъ на русской княжнѣ и сдѣлался ближайшимъ родоначальникомъ слѣдующихъ королей—даже до Ядвиги. Съ помощью Ляхи приходили къ Изяславу Ярославичу (1068, 1077), Ярополку Изяславичу (1086), Ярославу Святополковичу (1123), Всеволоду Ольговичу (1140, 1146), Изяславу Мстиславичу (1150) и проч. Русскіе князья ходили помогать Ляхамъ—Мономахъ и Олегъ Святославичъ (1076), Всеволодъ Ольговичъ (1142, 1145) и проч. А въ XIII-мъ вѣкѣ Волынскіе князья помогали своимъ сосѣдямъ, Мазовецкимъ князьямъ, безпрестанно.

Смолоду прославленный побѣдами, величественный мужествомъ и мудростью, кроткій и милостивый даже ко врагамъ своимъ, непреклонный же и грозный лишь для злыхъ ослушниковъ, никогда не послаблявшій злодѣямъ, онъ пользовался совершенно исключительною славой между тогдашними князьями. Это былъ одинъ изъ тѣхъ подвижниковъ, мужъ крѣпости и силы, о комъ не мимо слово: „*въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней*“, свыше одаренный избранникъ, кому самъ Богъ даетъ выситься надъ толпою и чей голосъ *яко труба въ народѣ*. Увидалъ его одинъ изъ знатныхъ рыцарей Запада, присланный отъ Ливонскаго Ордена для переговоровъ, и во всеуслышаніе повторялъ потомъ: „много обошелъ я странъ и видѣлъ государей, но такого еще нигдѣ и никогда не видывалъ“. Увидалъ его ханъ у себя въ Золотой Ордѣ, запомнили и татары ханскій объ немъ отзывъ. „Правду говорили: другого такого князя нѣтъ“—какъ только вышелъ Александръ изъ царскаго шатра — сказалъ объ немъ престарѣлый Батый окружавшимъ вельможамъ своимъ.

И не въ томъ еще была удивительная его слава, что „*никѣмъ непобѣдимый и побѣждавшій всѣхъ, не обрѣталъ онъ себѣ противника во брани*“, а въ томъ, что между согражданами своими, не имѣлъ онъ себѣ равныхъ и по великому смиренію своему—ни въ князьяхъ, ни въ народѣ. Тяжкимъ испытаніемъ для всѣхъ христіанъ и мѣриломъ ихъ долготерпѣнія было тогда само это „*монгольское иго*“, которое, по мѣрѣ того, какъ татары укрѣпились всюду и утверждались все болѣе, ужъ нельзя было и переносить. Что не безъ тайной воли Провидѣнія обрушилось оно на русскую землю—о томъ знали всѣ; что имъ отомщалась многая неправда множайшихъ поколѣній—таковъ былъ всеобщій голосъ. Но никто того не постигалъ въ такомъ глубокомъ разумѣ и не былъ въ этомъ случаѣ лучшимъ выразителемъ народнаго сознанія, какъ Александръ. *Молоды-зелены* были въ этомъ отношеніи прочіе сверстники и юнѣйшіе современники Александра, меньшіе князья; а старѣйшіе и славнѣйшіе изъ нихъ, буйные духомъ и горделивые помысломъ, также по сравненію съ нимъ не годились. Степеннѣйшій изъ нихъ, обнаруживший довольно самообладанія, Даніилъ Романовичъ не краснѣлъ ли однакожъ (о чемъ слово зане-

сено и въ лѣтопись) отъ позора и не задыхался ли отъ стыда быть данникомъ татаръ? не искалъ ли всуе и тщетныхъ средствъ для мнимой же и суетной славы? А что касается до прочихъ, менѣе значительныхъ князей того времени (какими были, напримѣръ, Андрѣй, младшій братъ самого Невскаго, или даже родной его сынъ, старшій Василій), объ ихъ геройскихъ дѣяніяхъ лучше бы и не упоминать. Величаясь ненавидѣніемъ татаръ и похваляясь вольнолюбивостью своею, они только смущали родину и причиняли ей великое зло неразуміемъ своимъ. Самъ народъ, мирный по обыкновенію и тихій, терпѣливо переносившій неволю именно какъ Божіе насланіе, тѣмъ не менѣе однако легко воспламенялся тогда отъ недобрыхъ наущеній и, подчиняясь дурнымъ вліяніямъ, весь обращался въ игралище злыхъ страстей: въ народѣ-же и не безъ черни. То и дѣло вспыхивали мятежи, возмущались цѣлыя области противъ *„окаянныхъ сыроядцевъ“*; въ людныхъ городахъ не прекращались безпорядки, производимые уличною толпою; подымались *вспять городомъ* и, повторяя кличъ ловкихъ людей: „лучше смерть, чѣмъ иго“, похвалялись поголовнымъ избіеніемъ татаръ. А того не разсуждали бунтовщики, неразумная чернь, что только кровавыя лужи остались бы на ихъ мѣстѣ. Именно повальнымъ избіеніемъ и дѣйствительно конечною гибелью, стертіемъ съ лица земного всей Руси, ежедневно и ежечасно грозила Орда! и не вѣсть что могло бы произойти тогда, не явись только свыше-одареннаго миротворца, какимъ былъ Александръ.

Мудрость его и величіе духа потомъ объявились сами собою для всѣхъ воочію: тѣмъ онъ и заслужилъ непреходящую славу въ потомствѣ, что, сдѣлавшись на Руси *по татарскому выраженію главою всѣмъ*, не ринулся опрометчиво въ неравный споръ съ Ордою, а съ христіанскимъ смиреніемъ терпѣлъ горе, несъ иго. Онъ былъ челобитчикомъ за людей своихъ передъ ханомъ; онъ платилъ дань и оказывалъ честь Ордѣ; онъ откладывалъ, кромѣ того, много золота и серебра и посылалъ его кучами на выкупъ плѣнныхъ; всѣми, какими только могъ, средствами избавлялъ своихъ согражданъ отъ бѣдъ и напастей лютой татарской неволи,—а мечемъ игу не сопротивлялся. Самъ первый оказывая должное повиновеніе хану и ханскимъ баскакамъ, Александръ

удержалъ въ повиновеніи черезъ то и весь народъ свой,— заставилъ принять даже „численниковъ“ ханскихъ, цѣлое полчище тѣхъ алчныхъ татарскихъ чиновниковъ, которые нахлынули изъ Орды для того, чтобы *„привести въ число всю Русскую землю“*: произвести поголовную народную перепись и обложить весь крещеный міръ подушнымъ сборомъ.

Одинъ онъ, лучше всѣхъ своихъ современниковъ, въ князьяхъ и въ народѣ, и постигалъ истинные размѣры бѣдствія, обрушившагося на Русскую землю: неодолимую силу Монгола! Ясно разумѣлъ онъ и ту истину, что надо было искупить много старыхъ грѣховъ и очиститься ото всей прошлой неправды, прежде чѣмъ пытать будущее; надлежало „стать добрѣ“ и накопить много силъ впереди, чтобы позволить себѣ и надѣяться блага въ грядущемъ. Провидѣлъ онъ своимъ яснымъ разумомъ и то еще, что темнымъ царямъ да царевичамъ ненадолго царство дается: основанное у нихъ насиліемъ, оно насильствомъ и падетъ. Лишь бы правда была на Руси, православная вѣра свѣтила—ихъ темному державству никакъ не устоять. И не сопротивляясь мечу татаръ, удерживая своимъ личнымъ подчиненіемъ Ордѣ весь народъ свой въ повиновеніи хану, онъ не только отклонилъ отъ своего отечества неизбѣжную безъ того гибель, а подготовилъ тѣмъ будущее спасеніе, еще и полное его освобожденіе въ грядущемъ. *„Такожде и Александръ не остави пути отца своего“*.

Сколько при немъ ни смѣнилось временщиковъ въ Ордѣ и самихъ хановъ — всѣмъ имъ была отъ него дань и почесть. Не кичась передъ ордынцами, но и не унижаясь, исполняя съ своей стороны все должное, онъ и оставался чистъ передъ ними и неприкосновененъ; а своимъ великимъ разумомъ, своимъ всегда-умнымъ словомъ, личною доблестью и всѣмъ нравственнымъ достоинствомъ своимъ—вселялъ еще въ варварахъ удивленіе къ себѣ. Они чтили въ немъ *грознаго мудреца*. Его пріѣздъ въ Орду никогда не сопровождался униженіемъ для него, а всегда славою: татары смущались его прибытіемъ и величались имъ. Его пріѣздъ въ Орду всякій разъ оглашался въ ней общею молвою и производилъ всполохъ. Жены Моавитскія стращали своихъ дѣтей его именемъ: „Молчи!—говорили матери семействъ не унимавшимся ребятамъ,—вотъ ѣдетъ великій князь Александръ!“

Слава Александровыхъ побѣдъ. Княжеское поприще Александра, можно-бы сказать, началось съ самаго его дѣтства: вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Ѳеодоромъ (скончавшимся въ юности наканунѣ свадьбы своей) онъ былъ посаженъ княжить въ Новгородѣ 8-ми лѣтъ отъ роду. Это было въ 1228 году; тогда отецъ его Ярославъ Всеволодовичь спорилъ изъ-за Новгорода съ Михаиломъ Черниговскимъ и оба эти князя тутъ чередовались. Тутъ же потомъ и вторично княжилъ Александръ въ то страшное время, когда отецъ его возвратился въ бѣдствовавшій Владиміръ, разрушенный татарами. Юный князь, такимъ образомъ, находясь о ту пору въ Новгородѣ, и *„былъ соблюденъ отъ меча татарскаго“*. Въ зиму съ декабря 1238 на генварь 1239 года, 18-ти лѣтній Александръ отпраздновалъ свою свадьбу въ Торопцѣ (*„ту кашу чини“*), взявъ невѣсту изъ Полоцкой княжьи; и только что возвратился къ новгородцамъ, устроилъ и для нихъ праздникъ (повторилъ и тутъ „свадебную кашу“), вдругъ тревожныя вѣсти отвлекли его въ походъ — прямо съ брачнаго пира къ берегамъ Шелони. Тамъ уже не переводились безпрерывныя кровавыя стычки: то и дѣло вторгались чудьскія племена, подвластныя Рижскимъ нѣмцамъ и наводимыя ими; постоянно дѣлали туда набѣги и литовцы — также не безъ участья въ томъ, прямого и косвеннаго, со стороны нѣмецкихъ рыцарей. Они часть этихъ племенъ взяли подъ свое покровительство и прямо насылали на Русь; другія же были тѣснимы и подавляемы ими: отъ ихъ мучительства и разбѣгались во всѣ стороны, воюя по сосѣдству. Отражая эти безпрестанные набѣги, новгородцамъ приходилось уже закладывать городки и воздвигать укрѣпленія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до того времени можно было обходиться вовсе безъ крѣпостей; съ тѣмъ вмѣстѣ приходилось еще то и дѣло разрушать тѣ городки и срывать тѣ укрѣпленія, которыя въ разныхъ же мѣстахъ новгородскихъ владѣній успѣвали возводить втихомолку сами враги Руси. Въ этихъ именно видахъ Александръ и выступилъ въ походъ къ Шелони; частью снесъ до основанія, а частью утвердилъ городки на берегахъ ея. Но въ довершеніе всѣхъ золъ и бѣдъ, не прекращавшихся тогда со стороны Ливоніи, явились около того же времени еще и новые враги: Шведы.

Эти *„свейскіе нѣмцы“* (какъ ихъ звали на Руси) также возмущали противъ Новгорода старинныхъ его данниковъ, старались поднять противъ новгородцевъ подчиненныя имъ полудикія племена, разсѣянныя по Финскому побережью. Прямо сказать: также и Шведы, заодно съ Рижскими нѣмцами, искали уже утвердить свою власть въ русскихъ предѣлахъ: мѣста, прозвавшіяся позднѣе Ингерманландіей и Финляндіей.

Нашествіе татаръ, кромѣ уже монгольскаго ига, тѣмъ особенно и было пагубно для Русской земли, что всѣ ея враги оживились: злорадствуя несчастью православныхъ, спѣшили пользоваться имъ. Ливонія сразу отложила тогда заботу чиниться съ Русью и пошло въ гору высокомѣріе ея. Нѣмецкіе рыцари уже не только заняли и болѣе не выпускали изъ рукъ всю зовомую ими Эстонію, а грозились еще захватить и Псковъ съ Новгородомъ. А Римскій папа требовалъ уже не только отъ *„истребителя Вендовъ“* Датскаго короля, а еще и отъ Шведовъ истребительной же войны противъ *невѣрныхъ рутеновъ,* требовалъ безотлагательнаго завоеванія смежныхъ со Швеціей русскихъ земель, дабы всѣ тамошнія народонаселенія были обращены въ латинство *).

Въ 1240-мъ году вдругъ шведскіе корабли вошли Финскимъ заливомъ въ устье Невы и заперли древній русскій выходъ въ море: славянскій путь въ *Варяги* и *изъ Варягъ*. Тамошніе данники Новгорода (чудь Ижора) очутились въ безпомощномъ положеніи. Шведы объявили весь тотъ край своимъ и грозили Ладогѣ, а въ Новгородъ послали дерзкій вызовъ. Зять королевскій или самъ король, какъ рус-

---

*) Именно въ это самое время сложились и Шведы въ особое королевство: также и имъ папа установилъ завести королей, этихъ „усердныхъ и преданныхъ слугъ Римскаго апостольскаго престола“. Ихъ тогдашній король никакими особенными доблестями не отличался, а за свое худоязычіе (онъ не внятно произносилъ слова) слылъ *„шепелявымъ“*: такое именно прозвище за нимъ и утвердилось между современниками и въ потомствѣ. За то его родственникъ, королевскій зять Биргеръ, славился тогда на всемъ Западѣ, какъ искуснѣйшій полководецъ своего времени и какъ непобѣдимѣйшій изъ всѣхъ Рыцарей на свѣтѣ: гдѣ и съ кѣмъ ни воевалъ онъ до тѣхъ поръ, вездѣ и надо всѣми одерживалъ побѣды. Русскіе звали и его, этого королевскаго зятя, королемъ же.

скіе называли Биргера, велѣлъ сказать Александру. „если смѣешь, такъ приходи! Я уже здѣсь и плѣнилъ твою землю". Новгородцы смутились отъ такой неожиданности и вопль унынія распространился по всему городу: скорѣй бы велѣли собираться полкамъ ото всѣхъ концовъ новгородскихъ! скорѣй бы дали знать и во Владиміръ великому князю Ярославу Всеволодовичу! Но Александръ не хотѣлъ мѣшкать: не сталъ дожидаться остальныхъ полковъ и не могъ уже свѣститься о помощи съ отцомъ своимъ, а удовольствовался малымъ войскомъ, бывшимъ въ сборѣ, и всѣхъ ободрилъ надеждой на побѣду. Торжественно молебствовали передъ выступленіемъ въ походъ у святой Софіи; онъ палъ на колѣни передъ алтаремъ и молился со слезами. Владыка и весь „освященный соборъ", благословивъ его на успѣхъ, провожали съ крестами и иконами еще и на Соборную площадь, а онъ говорилъ имъ: „Не Богъ ли самъ, создавъ небо и землю, поставилъ предѣлы языкамъ и не велѣлъ переходить въ чужія части! суди самъ онъ, Господь, обидящимъ насъ и возставшимъ на насъ неправою бранью". А когда вышли къ собранному войску, и весь толпившійся тамъ народъ затрепеталъ радостью при видѣ Александра, *„не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ"*—обратился онъ ко всѣмъ словами *Удалаго*, дѣда по своей матери Мстиславнѣ, и словами еще прадѣда своего *Храбраго* Мстислава, гробницѣ котораго только что поклонился въ соборѣ. „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ! вспомнимъ, братья, слова Давида: *сіи во оружіи, а сіи на коняхъ,* мы же имя Господа Бога нашего призовемъ"— и уже невольное предчувствіе, какъ бы свыше внушенное пророчество успѣха, огласилось всеобщею радостью въ народѣ. Всѣхъ онъ обнадежилъ побѣдой на враговъ и пошелъ на нихъ въ ярости мужества своего. „Жалостно было,— говорили тогда старожилы, не пошедшіе на войну, всѣ немощные и хилые, и жены новгородскія,— жалостно было видѣть, какъ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ и вѣдать не могъ такого возстанія на милаго своего сына: отецъ не оставилъ бы его одного! да онъ-то ускорилъ походомъ,— пойди же: не совокупились еще и сами новгородцы на ту бѣду!"

Но край, занятый Шведами, не пожелалъ передаться на ихъ сторону: чудь Ижора не захотѣла ихъ владычества въ

своихъ мѣстахъ. Туземное народонаселеніе осталось вѣрно новгородцамъ и само вооружилось противъ Латинцевъ, пособило ихъ изгнанію. Само оно и помогло тогда разбить горделиваго короля, его рыцарей и бискуповъ. Побѣда, одержанная Александромъ на Невѣ, была полная. Сохранилось драгоцѣнное свидѣтельство о нѣкоемъ Пельгусіи, уже самое имя коего доказываетъ въ немъ туземца изъ мѣстной Чуди,—свидѣтельство, несомнѣнно доказывающее, что сама Чудь была въ этомъ случаѣ на сторонѣ Руси.*). Вотъ это драгоцѣнное свидѣтельство: жилъ среди своихъ некрещеныхъ уроженцевъ нѣкто Пельгусій, старѣйшина въ

---

*) Оно драгоцѣнно и въ другомъ отношеніи. Такъ называемыя „*Ливонскія хроники*“ обвиняютъ русскихъ въ невѣріи и выставляютъ православныхъ равнодушными къ православію; въ доказательство тому и приводятъ небреженіе русскихъ князей къ крещенію Чуди. Но свидѣтельство о Пельгусіи доказываетъ какъ разъ противоположное, явно обличая ошибочность и узкость тѣхъ ливонскихъ „хроникъ“. Очевидно, такъ называемые Ливонцы смѣшиваютъ *съ одной стороны* вѣротерпимость съ безразличіемъ къ вѣрѣ, тогда какъ въ этомъ случаѣ безразличіе—порокъ, а терпимость—добродѣтель; *съ другой стороны* смѣшиваютъ же добровольное принятіе язычниками христіанства съ привлеченіемъ ихъ къ тому противъ воли, путемъ насилія,— но и это не одно и то же, ибо снисходить къ доброй волѣ искренне-вѣрующихъ язычниковъ въ этомъ случаѣ и значитъ быть вѣротерпимымъ (какъ и слѣдуетъ православному христіанину), а язычниковъ принуждать силою къ своей вѣрѣ—прямо значитъ не имѣть живой вѣры въ себѣ и быть къ ней безразличну. Свидѣтельство о Пельгусіи, такимъ образомъ, подтверждаетъ до очевидности, что *достойно и праведно есть*, когда иновѣрецъ принимаетъ христіанство по живому согласію съ православными, по добровольному общенію въ духѣ мира и любви со всѣмъ крещенымъ міромъ, отъ кого крещается въ святость и съ кѣмъ самъ желаетъ пребывать въ единовѣріи. И совсѣмъ иное дѣло такъ называемое „*миссіонерство*“ такихъ усердныхъ слугъ папы, какъ, напримѣръ, Дитрихъ и Мейнгардтъ; *неправедно и недостойно есть* то крещеніе Бертольдовымъ и Альбертовымъ мечомъ, которымъ была крещена Ливь и Корсь и отъ котораго отмывались Двиняне, счищая съ себя прикосновеніе Латинца. Свидѣтельство о старѣйшинѣ Ижорской земли подтверждаетъ воочію, что земляки Пельгусія не для виду только вступали въ единовѣріе съ Русью, а становились причастниками ея духа и пріобщались ему,—прямо сказать: сливались со всѣмъ крещенымъ міромъ воедино православнымъ духомъ своимъ. Такова, разумѣется, заслуга не Руси, а таково именно вселенское значеніе христіанства! Лишь бы воистину было православнымъ, оно вездѣ—на берегахъ Іордана и Дуная, какъ во мхахъ Сибири, такъ и подъ пальмою Сіона—*одно есть*; безъ различія племенъ

землѣ Ижорской, ему же была поручена стража морская,— мужъ благочестивый, крестное ему имя Филиппъ, и жилъ онъ богоугодно, по середамъ и пятницамъ пребывалъ въ алчьбѣ: тѣмъ и удостоился страшнаго видѣнья. Когда Александръ привелъ сюда рати, Пельгусій велѣлъ доложить о себѣ князю, имѣвъ надобность разсказать ему подробности о Варяжской силѣ: велика ли она? и какъ расположенъ ихъ станъ вражій? ибо все это уже онъ высмотрѣлъ заранѣ. А при этомъ открылъ еще и свою тайну. Стоялъ онъ при устьѣ Невы вскрай моря и всю ночь наблюдалъ оба ея берега по теченію; всю ночь провелъ недреманно, а какъ начало восходить солнце — услыхалъ шумъ по-морю и увидѣлъ гребную лодку *„насадъ гребущь“*: посреди же насада стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ съ поднятыми руками и въ одеждѣ, какъ ихъ на иконахъ пишутъ; а гребцы были укрыты въ насадѣ, какъ одѣянные мглою; и Борисъ сказалъ: „братъ мой Глѣбъ, вели грести скорѣе да поможемъ сроднику своему Александру!“ И видѣвъ такое видѣніе и слышавъ *гласъ таковой* отъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, стоялъ Пельгусій въ страхѣ и трепетѣ до самыхъ тѣхъ поръ, какъ насадъ ушелъ отъ его очей и все слышанное передъ тѣмъ и видѣнное исчезло. *„Другъ мой!*—отвѣтилъ Пельгусію князь, поблаго-

---

и временъ и мѣстъ земного шара, для всѣхъ, всегда и всюду — единое стадо во вселенной единаго же и пастыря въ вѣкахъ! Земляки Пельгусія, очевидно, потому и льнули къ православію, что оно-то само — именно по вселенскому его значенію—одинаково близко всякой душѣ человѣческой и одинаково не чуждо *„всѣмъ племенамъ и языкамъ“* безъ исключенія. А поскольку Русь не всуе звалась „православною“ и не вотще изъ всѣхъ славъ въ мірѣ искала слыть лишь „святою“— постольку и сами мѣстныя ея преданія, такъ сказать, домашнія вѣрованія ея, святы же были и православны. Что вселенское православіе вообще на всемъ свѣтѣ, что оно же въ частности на святой Руси—духъ одинъ; православные обмѣниваются между собой святынями и заимствуютъ ихъ другъ у друга безъ зазора. А потому, кто бы ни были у насъ новокрещены родомъ (такъ повелось издревле), всѣ они, проникаясь духомъ православія, какъ вселенскимъ и близкимъ всякой душѣ отъ рожденія— проникались еще съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣми святодавними вѣрованіями и преданіями православной Руси, какъ своими же родными, одинаково священными для всѣхъ—какъ въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, такъ въ Новгородѣ на Волховѣ, также на берегахъ Москвы-рѣки, какъ на Невѣ и въ устьѣ Ижоры.

даривъ за повѣданное ему наединѣ, — *никому не сказывай до времени!*“—и радость обоихъ, Пельгусія и Александра, была несказанная.

Невская побѣда надъ Шведами, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка Ижора устьемъ пала въ Неву, была полная. Чѣмъ другимъ и объяснить невѣроятный успѣхъ незначительныхъ новгородскихъ отрядовъ надъ подавлявшимъ по своему численному превосходству непріятелемъ (ибо Шведовъ было великое множество), чѣмъ другимъ, какъ не тѣмъ именно, что сама Ижора, вся мѣстная Чудь, помогала новгородцамъ. Сами соотечественники Пельгусія истребляли вторгнувшагося чужеземца на всемъ пути его и не давали ему нигдѣ покою; а, кромѣ того, участвовали еще вмѣстѣ съ Русью и въ самомъ боѣ! кинулись заодно съ Русью въ кровавую сѣчу противъ Шведовъ. Что земляки Пельгусія участвовали въ той сѣчѣ — это несомнѣнно; побѣдители, братски перемѣшавшись послѣ боя между собою, не переставали дивиться чудесному своему успѣху и простодушно разсказывали другъ другу, какъ сами Силы небесныя помогали имъ. Обглядывая тогда „*обаполъ Ижоры*“ все мѣсто сраженія, дивились и говорили: „смотрите куда и не заходили полки Александра, даже и тамъ многое-множество *избіенныхъ отъ ангеловъ Божіихъ!* всюду трупы, мертвые повсюду“! Посрамленные бѣжали въ маломъ остаткѣ: нагрузили три корабля трупами своихъ воеводъ и погребли ихъ, опустивъ въ глубину морскую! прочимъ ископали ямы и пометали въ нихъ безчисленно! иные же, изъязвленные съ ногъ до головы, скитались еще какъ тѣни ночныя по окрестностямъ. Такъ была кровопролитна и злополучна для Шведовъ эта Невская битва: нельзя и допустить, что сражавшихся съ ними было—всего ничего; очевидно, туземная Чудь помогала Руси.

Что же касается до качественнаго величія малой по количеству Александровой дружины — мужественно ли и яростно ли бились его воины въ тотъ день — о томъ самъ онъ, лучшій очевидецъ и цѣнитель ихъ подвиговъ, разсказывалъ многимъ. Одинъ изъ его полка Гаврило Олексичъ гналъ шведскаго принца до самаго корабля, куда тотъ бросился спасаться; въѣхалъ за нимъ на досчатую пристань и, видя, какъ принца спускали на корабль, кинулся за нимъ

по доскамъ къ самому кораблю, но тамъ его сшибли съ досчатаго помоста, ввергли съ конемъ въ море, а онъ выплылъ невредимо и опять понесся въ бой; врѣзавшись въ гущу враговъ, изрубилъ одного воеводу изъ главнѣйшихъ у Шведовъ; тамъ же отъ его руки палъ одинъ ихъ бискупъ. Новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ съ однимъ топоромъ вломился въ середину рыцарей, вооруженныхъ съ ногъ до головы и закованныхъ въ желѣзо; *многажды* врывался въ ихъ ряды, разилъ многихъ и всѣхъ приводилъ въ ужасъ и въ удивленье. Новгородецъ-же именемъ Миша пѣшкомъ съ отрядомъ своимъ ударилъ на непріятельскіе корабли и пустилъ ко дну три изъ нихъ. Яковъ Полочанинъ былъ ловчимъ у князя, выпросился смять одинъ полкъ и мужествовалъ такъ крѣпко, что получилъ похвалу отъ князя. Молодчикъ Савва, одинъ изъ княжіихъ отроковъ, въ самый пылъ боя, достигъ до того мѣста, гдѣ стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ, и подсѣкъ у него столпъ: шатеръ рухнулъ, и какъ завидѣли воины Александра паденіе великаго шатра королевскаго—радость въ полкахъ была всеобщая. Ратміръ, также одинъ изъ слугъ княжіихъ, дрался пѣшій, пробился сквозь вражій станъ: тамъ и палъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Таковы подробности Невской битвы и онѣ тѣмъ болѣе драгоцѣнны для потомства, что описавшій ихъ свидѣтельствуетъ въ заключеніе: *„си-же вся слышахъ отъ господина своего князя Александра Ярославича и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчѣ“*. О самомъ Александрѣ извѣстно, что весь тотъ день—1240-го года, день памяти Святого Владиміра, 15-го іюля—онъ не выходилъ изъ боя: на опаснѣйшихъ мѣстахъ битвы, въ самыя рѣшительныя ея мгновенья онъ былъ—всѣ видѣли—тутъ какъ тутъ; лично сразился съ королевскимъ зятемъ: собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Наступившая ночь спасла остатки Шведовъ, они не хотѣли дожидаться утра: за-ночь и ушли въ море.

Такъ въ темное время лютаго Батыева плѣненія, въ злую годину глухого отчаянія и всеобщихъ бѣдствій на Руси, вдругъ возсіяла Александрова слава! Утѣшенъ былъ ею удрученный горемъ, не столько отъ лѣтъ, какъ отъ бѣдъ состарившійся его отецъ. Радость объ юномъ князѣ была всеобщая, молва народная величала его Невскимъ. Но

если—какъ звали въ ту пору Шведовъ—*свейскіе нѣмцы* были научены грознымъ урокомъ и присмирѣли до времени, то ихъ единовѣрные собратья *Рижскіе нѣмцы* еще не научились уважать предѣлы Новгорода и требовали, въ свою очередь, такого же себѣ урока. Ливонскій Орденъ распоряжался тѣмъ временемъ въ смежныхъ со Псковомъ мѣстахъ какъ у себя дома, съ Чудьскаго озера насылалъ тамошнія смутныя племена даже на Ильменъ: а Александра ужъ не было тогда въ Новгородѣ.

Вскорѣ послѣ невскаго похода онъ не могъ болѣе ужиться съ новгородцами; собралъ всѣхъ дворянъ своихъ, составлявшихъ княжую дружину—вмѣстѣ съ молодою своею княгиней взялъ еще и не разлучавшуюся съ нимъ престарѣлую мать свою—и ушелъ къ себѣ въ Переяславль-залѣсскій. Жалобы на него со стороны новгородцевъ были все тѣ же старинныя, какими они корили вообще всѣхъ владимірскихъ князей: молъ, примышляютъ новгородскія владѣнія къ своей волости, а того не должно быть: что пошло князю—то княжье, а что новгородцевъ—то новгородцамъ. Въ Торжкѣ и въ Волокѣ, напримѣръ, надо бы князьямъ держать своихъ тивуновъ только на половину, а на другую половину ставить тивуновъ отъ Новгорода, — а они обходились одними только своими, изъ Владиміра насылаемыми тивунами! также сманивали еще новгородскихъ людей, многихъ переводили къ себѣ во владимірскія волости, а своими людьми заселяли разныя мѣста новгородскія! Кромѣ того, пріобрѣтали села покупками и въ даръ и въ промѣнъ брали на свое имя и княгинь своихъ; допускали то-же самое дѣлать мужамъ владимірскимъ и прочимъ своимъ людямъ, а въ Новгородѣ не должно бы этому быть! также и тѣ волости, изъ новгородскихъ, которыя отписаны на князя, держали они своими-же владимірскими мужами, а не новгородскими, и проч. и проч. Часть этихъ препиканій касалась *съ одной стороны* мелкихъ статей чисто-хозяйственнаго обихода: отхожихъ сѣнныхъ покосовъ, отведенныхъ на князя, звѣроловныхъ и рыболовныхъ угодій, медоварства и тому подобное. А *съ другой стороны* это были еще жалобы и на то, что князь начинаетъ свои мѣста заводить въ Новгородской землѣ и слободы ставить, что князь правитъ по своему усмотрѣнію: судитъ и рядитъ новгород-

скія дѣла не слушаясь посадника; раздаетъ волости новгородскимъ мужамъ и лишаетъ ихъ волостей безъ посадника-же, самъ собою. А потому „льготники“ требовали: не чинить Новгороду такого насильства! пусть князь обяжется и крестъ цѣлуетъ на томъ, чтобы впередъ ему безъ посадника никого изъ новгородцевъ не лишать волостей и новгородскихъ людей безъ посадника не судить-же. Александръ не могъ княжить при такихъ распряхъ и *„роспрьвся съ новгородцами“*, ушелъ отъ нихъ вовсе.

Ливонскій Орденъ между тѣмъ завладѣлъ уже и Псковомъ.

Тамъ вновь безпутствовалъ безпутнѣйшій сынъ безпутнаго отца (Ярославъ Владиміровичъ), попавшій уже одинъ разъ въ плѣнъ и заключенный въ Переяславлѣ-залѣсскомъ, откуда, впрочемъ, былъ выпущенъ вскорѣ. А съ нимъ опять соединились новгородскіе перебѣжчики, находившіеся во Псковѣ, и другой разъ передались Рижскимъ нѣмцамъ. Съ помощью этихъ перебѣжчиковъ Ливонскіе Рыцари не только владѣли Изборскомъ и Юрьевомъ, но—какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и по всей его области — въ нихъ, въ этихъ измѣнникахъ, и имѣли своихъ собственныхъ намѣстниковъ; ихъ и назначали повсюду посадниками прямо отъ себя. Кромѣ того, потребовали заложниковъ отъ Пскова: у преданныхъ Руси отцовъ семейства были отобраны ихъ дѣти и уведены въ Ригу; послѣ всего, наконецъ, подняли съ собой тамошнія чудскія племена, вторглись еще и въ новгородскіе предѣлы. Они уже заполонили Водь, старинную данницу Новгорода; обложили данью Вожанъ, заложили крѣпость у поморья, чтобы загородить новгородцамъ морской путь (Копорье) и шли дальше. Новгородцы опять обратились съ мольбой о помощи и защитѣ къ великому князю Владимірскому, прося дать имъ своего сына. Ярославъ Всеволодовичъ, свѣстясь съ Невскимъ и за его рѣшительнымъ отказомъ, прислалъ въ Новгородъ меньшого своего сына Андрѣя, — но успѣха не было. Ко всѣмъ прежнимъ врагамъ нахлынула еще и литва, буйствовавшая невѣдомыми и неслыханными шайками подъ Руссою; а Нѣмцы съ наведенной чудью распространились уже до Луги и воевали въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода. Берега Луги подверглись тогда страшному опустошенію, всѣ тамошнія села были ограблены: увели весь скотъ и коней оттуда; поселяне жалова-

лись, что имъ больше и пахать нѐ-на-чемъ. Новгородцы вторично послали просить великаго князя: *„дай намъ своего сына Александра“;* прислали на этотъ разъ нарочитое посольство и смиренно просили отпустить имъ ихъ вины. Просьба была уважена на этотъ разъ.

Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: Новгородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу. Александръ разрушилъ воздвигнутый Нѣмцами городокъ, которымъ они загородили морской путь (Копорье), *„изверже градъ до основанія“*; а самихъ Нѣмцевъ побилъ, нѣкоторыхъ отослалъ плѣнниками въ Новгородъ, а иныхъ „пожаловалъ, отпустилъ *бѣ милостивъ паче мѣры“*. Грозный и строгій судъ постигъ тогда лишь измѣнниковъ Вожанъ и захваченныхъ въ плѣнъ Чудинцевъ изъ-подъ Изборска и Оденпе, передавшихся Нѣмцамъ; главные изъ *перевѣтниковъ* на страхъ другимъ были повѣшены. Но къ Александру явились еще многіе изъ Псковичей съ жалобой на тамошніе безпорядки и умоляли освободить Псковъ не только отъ Нѣмцевъ, но и отъ своихъ измѣнниковъ. Нѣмцы распоряжались тамъ уже *какъ власть имѣющіе,* не скрывая болѣе своихъ завоевательныхъ замысловъ, а объявляя прямо: тѣ мѣста, дескать, заняты ими безповоротно! что взято — то свято, и они не отступятся отъ своего. (1241 г.) Александръ занялъ всѣ пути до Пскова и неожиданнымъ ударомъ захватилъ самый городъ. Окрестная бунтовавшая Чудь была усмирена жестоко: *„землю ихъ пожже и повоева, и полона много взя, а иныхъ изсѣче“*. Здѣшніе благопріятели Нѣмцевъ, сидѣвшіе отъ ихъ руки посадниками по городамъ, были сняты съ мѣстъ, заключены въ оковы и отосланы въ Новгородъ для заточенья: нѣсколько человѣкъ, злѣйшіе изъ этихъ *перевѣтниковъ* какъ вѣроятно— были и казнены тамъ. Безпутный князь (Ярославъ Владиміровичъ), приходившійся по Мстиславнѣ, матери Невскаго, родственникомъ Александру—смирился тогда и отсталъ отъ всѣхъ вражьихъ союзовъ,—Александръ велѣлъ ему сидѣть въ Торжкѣ и отражать непрекращавшіеся въ той странѣ литовскіе набѣги: Псковъ, такимъ образомъ, былъ освобожденъ отъ Нѣмцевъ, очистился и отъ собственныхъ измѣнниковъ.

Ливонцы не хотѣли мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, и война съ ними уже была неизбѣжна; гордость Рыцарей

превзошла тогда всякую мѣру. Меченосцы хвалились, что болѣе не допустятъ *выситься словѣнскому языку надъ нѣмецкимъ*, и разомъ въ одинъ ударъ сокрушатъ весь успѣхъ Русскихъ, виновника же своихъ неудачъ за послѣднее время „Александра *живого возьмутъ руками*“. Слышно было, что изъ Риги самъ бискупъ уже выступилъ со своими полками, а изъ Вендена и Феллина шелъ весь Орденъ; говорили еще, что и одинъ изъ королей—Шведскій ли, Датскій ли—прислалъ имъ отъ себя помощь. Александръ не захотѣлъ отсиживаться въ городѣ осадой; а, испросивъ у Бога милости въ Троицкомъ соборѣ, самъ вышелъ изъ стѣнъ Пскова на встрѣчу Нѣмцевъ. Отряды, высланные забираться кормомъ въ окрестностяхъ и состоявшіе изъ самихъ псковичей, понесли вдругъ такой неожиданный уронъ, который навелъ на всѣхъ ужасъ: палъ ихъ воевода и множество перебито; большая часть воиновъ попалась въ плѣнъ, лишь немногіе возвратились въ полки и смутили всѣхъ вѣстями о близости непріятельскаго стана, гдѣ его и не ожидали, и о страшной силѣ нѣмцевъ. Александръ вдругъ повернулъ тогда походъ къ Чудскому озеру: къ тому самому урочищу, которое слыло въ народѣ подъ названіемъ *Вороній камень на Узмени*: у здѣшней скалы и утвердился станомъ. Былъ мартъ на исходѣ и ужъ апрѣль на дворѣ, но зима стояла еще лютая; Псковское озеро сплошь было покрыто крѣпкимъ льдомъ и вся окрестность бѣлѣла снѣгомъ. Къ Чудскому же озеру устремился тогда и непріятель. Нѣмцы пришли „*со всѣмъ множествомъ языка ихъ*“, тутъ была „*вся власть Ливонская*“; привели они съ собой и всѣ подвластныя племена,—тьмущія силы сошлись къ Псковскому озеру.

Но на этотъ разъ и Русь была не малочисленна: подошли еще новые полки изъ Новгорода; въ ту-же пору и великій князь Ярославъ Всеволодовичъ не оставилъ безпомощнымъ своего сына; въ это самое время подоспѣли владимірскіе полки, приведенные младшимъ Александровымъ братомъ Андрѣемъ,—и была великая радость объ ихъ соединеніи. Благодаря именно свѣжимъ полкамъ, подоспѣвшимъ изъ Новгорода, и особенно этой владимірской помощи, было теперь и у Александра „*множество вой, множество храбрыхъ*“—и всѣ радовались быть подъ его воеводствомъ. „Не намъ, Господи, а имени Твоему, дай славу!“ ободрялъ онъ

воиновъ, осматривая свои многочисленные полки.—„Какъ самъ Богъ помогъ тогда великому пращуру моему Ярославу противъ окаяннаго Святополка, не помянетъ же и мнѣ моихъ грѣховъ: подастъ намъ свою помощь“. И одушевленіе въ полкахъ было великое. „Князь честный, всѣ готовы за тебя лечь, князь нашъ дорогой, приспѣло время положить намъ за тебя свои головы!“ — отвѣчали воины въ одинъ голосъ. — Памятная битва произошла 5-го апрѣля 1242 года, на разсвѣтѣ съ субботы на воскресенье, и прослыла, по силѣ и по множеству бившихся съ обѣихъ сторонъ, *побоищемъ*, а по мѣсту, гдѣ происходила—на льду Чудскаго озера—*ледовымъ побоищемъ*. Александръ всѣхъ одушевилъ и всѣхъ ободрилъ еще и передъ самой битвой. „Суди, Боже, и разсуди насъ съ горделивымъ врагомъ!“ сказалъ онъ, взглянувъ на небо, „не дай намъ потерпѣть отъ языка велерѣчиваго“ и перекрестился: такова-же молитва на устахъ была и у всѣхъ воиновъ. *И бысть ту сѣча зла и велика*,—говоритъ лѣтопись;—трусъ отъ ломленія копій и звукъ отъ сѣченія мечей были такіе, *будто, море взломавши ледъ, двинулось льдинами своими*. Рыцари яростно напускали и грозно воодушевляли свою лютую Чудь, свирѣпую Корсь и Ливь. А сами (гордясь по обыкновенію военнымъ искусствомъ) опять тѣмъ острымъ клиномъ, который въ насмѣшку имъ русскіе звали „свинымъ рыломъ“ или по-просту „свиньею“, врѣзывались въ напиравшіе на нихъ полки; имъ удалось даже пробиться сквозь одинъ изъ нихъ; но побѣда уже была рѣшена: Александръ ударилъ на непріятеля сбоку, ихъ обогнули еще и съ тыла, всѣ ихъ рати замѣшалися: „дали плечи свои на посѣченіе и *не бѣ имъ камо утещи*“. Ихъ гнали и били на семи верстахъ: свыше четырехсотъ знатныхъ рыцарей было тутъ изрублено мечами, полста взято въ плѣнъ; а Чуди порублено и забрано—несмѣтно. Мейстеръ Ордена, съ жалкими остатками разсѣяннаго въ прахъ рыцарства прибѣжавъ во-свояси, трепеталъ уже за участь Риги и цѣлой Ливоніи,—спѣшилъ отправить посольство въ Данію, умоляя короля „*спасти Рижскую Богоматерь отъ нечестивыхъ рутеновъ*“. Когда, свершивъ подвигъ, Александръ приблизился къ Пскову, весь городъ выходилъ съ игуменствомъ и священствомъ, съ хоругвями, крестами и иконами. При полкахъ шли толпами въ великомъ множе-

ствѣ плѣнные разноименной Чуди и какъ ни въ чемъ не бывало пучили глаза и ухмылялись дивившемуся на нихъ народу. А нѣмецкихъ рыцарей вели подлѣ коня Александрова и они шли потупивъ голову: всѣ глядѣли въ землю. „О, Псковичи!— сказалось слово тогда въ народѣ какъ бы еще по свѣжей памяти о недавнихъ обидахъ, причиненныхъ тутъ отцу Невскаго,—о, неблагодарные Псковичи! ужели еще и послѣ того забудете великаго князя Александра Ярославича, внуковъ и правнуковъ и весь родъ его! Когда кто изъ нихъ, хотя бы изъ самыхъ отдаленныхъ его потомковъ, пришелъ бы къ вамъ въ печали, а вы не приняли бы его у себя во Псковѣ съ почетомъ—вторыми жидами наречетеся". Городъ торжественно гудѣлъ колоколами всѣхъ своихъ церквей и кремлевскимъ вѣчевымъ колоколомъ Троицкаго собора... Тамъ у гробницы святого Всеволода-Гавріила, сродника своего, Александръ горячо благодарилъ Бога за одержанную побѣду; оттуда со славою великою возвратился и въ Новгородъ. Туда вскорѣ пришли послы отъ Ливонскаго Ордена съ поклономъ и отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ просили такъ: „что *ссьмя* зашли мечемъ Псковъ, Водь, Лугу, Летголу— мы всего того отступаемся; а что изымали въ полонъ мужей вашихъ—тѣмъ размѣняемся; мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите, и псковскій полонъ (такъ они называли силою забранныхъ заложниковъ) отпустимъ же весь". На этомъ былъ заключенъ миръ, и плѣнные съ обѣихъ сторонъ отпущены на свободу.

По принадлежности Ливоніи и Швеціи къ западному латинству, слава этихъ побѣдъ Александра отдалась—на всемъ Западѣ. Въ Римѣ около этого времени уже не спускали глазъ съ галичьскаго княжества Даніила Романовича: не могли тамъ не обратить зоркаго дѣятельнаго вниманія и на возсіявшую славу сѣвернаго русскаго князя; имя побѣдителей Рыцарей Ливоніи и Шведовъ съ тѣхъ поръ уже хорошо знали въ Римѣ. Громкая извѣстность двухъ этихъ славнѣйшихъ, самыхъ главныхъ побѣдъ Александра, сдѣлала то, между прочимъ, что всѣ остальные его войны и походы, одинаково обличавшіе въ немъ необыкновенное военное дарованіе и всѣ отличавшіеся неимовѣрнымъ успѣхомъ, были почти уже и не замѣчены потомъ въ свое время, а ихъ было не мало.

Набѣги Литовцевъ не только не прекратились послѣ того, какъ Александръ посадилъ для обороны отъ нихъ своего родственника въ Торжкѣ (безпутнаго внука Мстислава Удалого, Ярослава Владиміровича), а самъ этотъ князь чуть не попался въ плѣнъ ихъ разбойнымъ шайкамъ, грабившимъ Тверскую область и опустошавшимъ Бѣжецкія мѣста. Противъ нихъ поднялись тогда сами Тверитяне и, соединясь съ Новоторжскимъ княземъ, потерпѣли еще страшнѣйшій уронъ. Литовскія шайки перебили у нихъ множество народа, еще больше того забрали въ плѣнъ и опѣшили все ихъ войско: воровски захватили цѣлые табуны ихъ коней и, вмѣстѣ съ плѣнными, погнали съ собою. Напрасно преслѣдовали разбойниковъ до окрестностей Торопца: они захватили еще самый Торопецъ, засѣли въ немъ со всею награбленною добычей и считали себя уже въ безопасности за городскими стѣнами. Неожиданно приспѣлъ изъ Новгорода самъ Александръ, взялъ городъ, отнялъ у разбойниковъ всѣхъ плѣнныхъ и награбленную добычу, а самихъ перебилъ всѣхъ до послѣдняго: кого во время приступа, другихъ въ бѣгствѣ; тутъ были истреблены шайки восьмерыхъ князьцовъ литовскихъ и ни одинъ изъ нихъ не избѣгнулъ либо смерти, либо плѣна. Новгородцевъ Александръ отпустилъ домой отсюда, а самъ съ дружиною—съ однимъ Дворомъ своимъ—опять погнался за Литовцами, по дорогѣ изъ Торопца въ Витебскъ разбилъ новыя ихъ шайки; разбойники и тутъ были истреблены всѣ до послѣдняго: *„не упусти ни единаго“* Въ Витебскѣ, у женниной его родни, гостилъ тогда малолѣтній сынъ его Василій; взявъ его съ собою, Александръ возвращался *вмалѣ* назадъ, какъ вдругъ былъ окруженъ (подлѣ Усвята) новыми толпами Литовцевъ. Александръ еще разъ ударилъ на разбойниковъ и истребилъ ихъ попрежнему. Коротко сказать: въ нѣсколько дней семь разъ нанесъ онъ пораженіе Литовцамъ; „слуги же его, ругаясь надъ ними, вели плѣнныхъ, привязывая ихъ къ своимъ конямъ ко хвосту; послѣ того начали они бояться имени его“.

Отношенія Александра къ Ордѣ. Такъ, имя Александра славилось уже среди многихъ странъ и народовъ, а ханъ татарскій, числившій его своимъ подданнымъ, до поры до времени, словно, и не слыхалъ объ немъ. Въ этомъ отно-

шеніи Александръ пользовался исключительнымъ положеніемъ между всѣми тогдашними князьями. Не почитая себя свободнымъ, ибо самъ болѣлъ душевно, сокрушаясь страданіями и кручиною отца своего Ярослава Всеволодовича,—тѣмъ не менѣе, какъ князь того вольнаго города, гдѣ дворецъ княжескій осѣнялся крестоглавыми верхами Софійскаго собора—онъ по праву могъ говорить о себѣ заодно съ самими новгородцами: „мы не были побѣждены Батыемъ“. Въ Ордѣ были довольны послушаніемъ и повиновеніемъ, однимъ словомъ, вѣрноподданствомъ старика отца его и до времени не требовали раболѣпства отъ его сына: втайнѣ хвалясь еще такимъ молодцомъ-княземъ и любуясь его побѣдами, въ Ордѣ премудро умалчивали до времени о неподчиненіи Александра,—безъ надобности не возбуждали о томъ и рѣчи. Такъ продолжалось до самой смерти Ярослава Всеволодовича; тогда лишь, наконецъ, коснулось ушей Александра то самое, чего рано или поздно было не миновать. Дошло до него изъ Орды слово Батыя: „знаетъ ли Александръ, что мнѣ покорилъ Богъ многія царства и народы: одинъ ли онъ державѣ моей, князь, противникъ будетъ? Но ежели хочетъ соблюсти свою землю цѣлу и невредиму, пусть самъ придетъ видѣть славу и честь царства моего“. Александръ,—во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни, ничего не предпринимавшій безъ благословенія отцовъ духовныхъ, чтимыхъ имъ истинно за „слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ“—хотѣлъ себѣ добраго совѣта.

На Руси особенно славились тогда два святителя, и оба—Кирилла. Одинъ изъ нихъ—вскорѣ прославившійся на всю Русь многотрудною и миротворною дѣятельностью своею—былъ Кириллъ родомъ изъ Галича, митрополитъ Кіевскій и всея Руси; а другой епископствовалъ въ Ростовѣ, онъ же тогда и во Владимірѣ. При взятіи и разрушеніи Кіева монголами тогдашній митрополитъ (Іосифъ) пропалъ безъ вѣсти; на его мѣсто, стараніями Даніила Романовича, и былъ возведенъ Кириллъ, носившій имя митрополита еще въ 1243 году—позднѣе за благословеніемъ патріарха странствовавшій еще въ Никею, а по возвращеніи оттуда неоднократно навѣщавшій сѣверныя области своей епархіи. Въ Кіевѣ десятинный храмъ лежалъ въ развалинахъ; Печерская обитель, также разоренная, была покинута иноками; во всемъ го-

родѣ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти и жителей оставалось весьма мало; каѳедральный соборъ Софійскій и митрополичій дворъ были разорены и опустошены; при томъ кіевскія мѣста были наводнены татарами и постоянно подвергались ихъ набѣгамъ. Митрополитъ поэтому большею частью пребывалъ на сѣверѣ, во Владимірскомъ княженіи,—посѣщалъ и Новгородъ. Въ самомъ Владимірѣ къ тому же не было тогда особаго епископа; по смерти владыки Митрофанія, сгорѣвшаго при нашествіи татаръ во Владимірскомъ соборѣ вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ, управлялъ здѣшнею епархіей, соименный митрополиту, Ростовскій епископъ Кириллъ, мужъ благочестивый. Александръ чтилъ его не только по великому его святительскому сану, а былъ дружески къ нему привязанъ за премногую его добродѣтель,—къ этому старцу и поѣхалъ за совѣтомъ: ѣхать ли ему къ Батыю? Александръ *весьма болѣлъ душою*, сокрушался и недоумѣвалъ: какъ бы ему не поколебаться отъ мученій, предстоявшихъ въ лютой и свирѣпой Ордѣ; а чтобы не отвергнуться Христова имени и за него даже мученическую смерть принять—на это онъ не довѣрялъ своимъ силамъ,—святителю и открылъ мысль свою. Онъ же, святой старецъ, укрѣпилъ Александра не бояться *убивающихъ тѣло*. „Ужъ если непремѣнно приключится“ — говорилъ онъ,—„постражди какъ добрый воинъ Христовъ“, но обнадеживалъ Божіею милостію и благословилъ его въ путь, отпустилъ съ миромъ. Александръ въ Ордѣ, гдѣ уже ранѣе его находился младшій его братъ Андрѣй, былъ принятъ, можно бы сказать, съ необычайною лаской. Тамъ всѣ помнили какъ въ иныхъ случаяхъ бываютъ тверды русскіе князья, не забыли еще мученичества Черниговскаго князя Михаила; къ тому же прибытіе Александра, прямо сказать, польстило дряхлѣвшему Батыю. Онъ не только не велѣлъ „нудить его поклоненіемъ солнцу и огню“, а повелѣлъ, чтобы всѣ ему воздавали честь еще неслыханную дотолѣ и небывалую при пріѣздѣ русскихъ князей; въ довершеніе всего самъ хвалилъ его во всеуслышаніе передъ своими ближними и поставилъ его въ образецъ вельможамъ своимъ. Тѣмъ не менѣе, однако, какъ его брату Андрѣю, такъ и самому Александру — обоимъ сказанъ былъ путь, велѣно было ѣхать на Амуръ въ Монголію, на поклонъ къ великому хану.

Вдвоемъ отправились они въ нѣдра Монголіи — роковое путешествіе, ускорившее кончину отца ихъ Ярослава Всеволодовича,—и по молодости лѣтъ были счастливѣй отца: оба возвратились на родину. Но два брата, не похожіе одинъ на другого, вынесли и разныя впечатлѣнія изъ своей поѣздки къ *„обладателю вселенной“*. Одинъ жаловался всю дорогу—то на невозможную трудность путешествія, то на нравственную унизительность его; не переставалъ обнаруживать свое ненавидѣніе татаръ и, досадуя на всеобщую имъ покорность, повторялъ; „неужели и намъ вѣчно дружить съ погаными и служить имъ?“ высказывалъ и способъ избавленія: „чѣмъ томиться отъ нихъ у себя дома, лучше все бросить и бѣжать на чужую сторону“. Такъ думалъ младшій братъ Андрѣй Ярославичъ, что̀ и подтвердилъ вскорѣ поступками своими. Другой, съ каждымъ шагомъ на этомъ пути сквозь *„великую и пагубную землю Татарскую“*, подвластную великому Моголу, становился все задумчивѣй и угрюмѣй; словно воочію видѣлись ему страданія покойнаго отца, которыя онъ долженъ былъ вынести, проходя здѣсь-же безводными пустынями и песчаными степями, а хуже того—множествомъ царствъ и народовъ, всѣмъ здѣшнимъ нескончаемымъ разносмѣшеніемъ татарскихъ племенъ и нарѣчій; словно слышалъ онъ отъ родителя вживѣ все, чего не могъ уже онъ досказать сыну, скончавшись на чужбинѣ. Тѣмъ святѣй и дороже для любимаго сына становились священные завѣты отца, которымъ онъ обѣщалъ слѣдовать безпрекословно: тѣмъ очевиднѣе ему была и сама ихъ правда. Путешествіе въ при-Амурскую столицу, туда и назадъ, брало полтора года слишкомъ. Возмужалый, а сказать правильнѣй, съ невиданнымъ еще до тѣхъ поръ на его лицѣ оттѣнкомъ угрюмой задумчивости, видоизмѣнившимъ прежній юный образъ Невскаго побѣдителя, Александръ возвратился къ себѣ на княженіе въ 1249 году.

Но гдѣ кому предстояло тогда княжить—по тѣмъ временамъ это былъ вопросъ смутный. Воля хана составляла—если не единственный, однакожъ верховный законъ для князей въ распредѣленіи волостей между ними. Старинные порядки порушились, хотя — особенно кому это было выгодно—еще и считались съ ніими; а новые не установились. Всякій изъ князей, кто какъ могъ, и старался удерживать за

собой отцовское наслѣдіе, прилаживаясь къ отжившей свой вѣкъ старинѣ, лишь болѣе или менѣе и лишь въ мѣру собственныхъ выгодъ. Но ханъ могъ назначить кого куда хотѣлъ—это всѣ знали твердо; а при этомъ болѣе *„хоробритые“* изъ князей, видя, что на самомъ дѣлѣ всѣ счеты нарушены—несмотря на свою молодость—лѣзли впередъ противъ старшихъ. Да и назначеніе изъ Орды притомъ давалось нерѣдко просителямъ лишь въ уваженіе именно русской-же старой правды, на которую они ссылались въ своихъ просьбахъ,—а потомъ, если удовлетворенный проситель не умѣлъ удержаться на испрошенномъ мѣстѣ, Орда ужъ въ это не вступалась; коротко сказать, смута въ престолонаслѣдіяхъ была общимъ явленіемъ тѣхъ дней. Александру притомъ не было еще и прямого повода вступаться въ княжескія распри изъза старшаго Владимірскаго престола. Самъ онъ, какъ и всѣ дѣти Ярослава Всеволодовича, оплакавъ и схоронивъ въ тѣ поры гробъ отца во Владимірѣ, остались въ сиротахъ: первенство—оставляя въ сторонѣ вопросъ: право или не право—принадлежало ихъ дядямъ, роднымъ братьямъ скончавшагося великаго князя. Старшій изъ нихъ (тотъ самый, которому Ярославъ въ свое время далъ Суздаль, давши въ то же время другому брату Ивану Стародубъ) Святославъ Всеволодовичъ и сдѣлался великимъ княземъ Владимірскимъ, въ чемъ былъ утвержденъ и Батыемъ.

Но какъ бы именно въ доказательство тому, что по тѣмъ смутнымъ временамъ всѣ права замѣшались—едва только Святославъ Всеволодовичъ сѣлъ во Владимірѣ—выискался такой хваткій и прыткій, именно *„хоробритый“* князь между младшими его племянниками, который и не имѣя безспорныхъ правъ за собою, свергнулъ дядю съ Владимірскаго престола и самъ занялъ его мѣсто. Это былъ одинъ изъ меньшихъ сыновей покойнаго Ярослава Всеволодовича, слѣдовательно, младшій-же изъ братьевъ Александра Невскаго, князь Михаилъ Ярославичъ; за его хваткость и прыткость такъ и звали этого князя: *Михаилъ Хоробритъ*. Но Богъ ему не далъ вѣку: вскорѣ онъ былъ убитъ литвою. Именно какъ младшій изъ Ярославичей, онъ не унаслѣдовалъ виднаго и крупнаго надѣла во Владимірской области: ни Суздаля, ни Ростова,—а ему предоставили Москву. Оберегая тамошніе предѣлы, въ сторону къ Калугѣ, онъ повстрѣчался на рѣкѣ

Протвѣ съ литовскими шайками: съ этой злосчастной для него небольшой рѣки и привезли трупъ его схоронить во Владимірѣ. Смутный промежутокъ этого препирательства дяди съ племянникомъ (Святослава Всеволодовича съ Михаиломъ Хоробритомъ) совпалъ именно съ тѣмъ временемъ, когда Александръ Невскій съ Андрѣемъ Ярославичемъ ходили въ Орду—не только въ царицынскія мѣста за Волгу къ Батыю, но и въ нѣдра Азіи къ великому Моголу.

Смерть „Хоробрита“ однакожъ не возвратила Святославу Всеволодовичу владимірскаго престола; избавясь одного соперника, онъ встрѣтилъ другого. Александръ Невскій не хотѣлъ вступать въ препирательство съ обездоленнымъ дядей, хотя и могъ бы по праву. Вѣдь, отецъ его наградилъ въ свое время дядю Святослава на полной своей волѣ, давъ ему отъ себя наслѣдокъ и въ родъ его: свелъ на удѣлъ въ Суздаль; Александру же стольный Владиміръ приходился прямою вотчиной послѣ отца. Хотя Святославъ Всеволодовичъ и завладѣлъ стольнымъ Владиміромъ послѣ брата Ярослава противъ дѣтей его, какъ ихъ дядя,—хотя даже былъ въ томъ утвержденъ Батыемъ — однако ихъ „*хоробритый*“ братъ Михаилъ не замедлилъ обездолить не совсѣмъ праваго дядю, и стольный Владиміръ по смерти „*Хоробрита*“, собственно говоря, стоялъ безъ князя,—тѣмъ не менѣе однако Александру, повидимому, было не до Владимірскаго престола о ту пору: онъ его не добивался. Иначе смотрѣлъ на это дѣло братъ Невскаго Андрѣй; онъ больше не хотѣлъ уступить родной вотчины дядѣ, суздальскому князю Святославу, и тягался съ нимъ въ Ордѣ. Татары ихъ разсудили не безъ правды, однако—по тогдашнему русскому быту—вовсе неприложимо къ дѣлу. Въ Ордѣ нашли на этотъ разъ дѣйствительно несправедливымъ возвращать стольный городъ удѣльному князю Святославу Всеволодовичу; а который изъ дѣтей Ярослава Всеволодовича просилъ себѣ Владиміра—тому и отдали эту столицу: Андрѣю. Въ Ордѣ же однако приняли въ соображеніе и несомнѣнное старшинство Александра Невскаго,—что онъ былъ въ роду старшій, въ чемъ и Андрѣй не отрицался — хорошо знали въ Ордѣ. И послѣдовало такое татарское рѣшеніе: да будетъ великимъ княземъ Кіевскимъ Александръ Невскій и „*глава всѣмъ*“, а Владимірскимъ княземъ пусть числится

Андрѣй Ярославичъ. По утвердившимся на Руси за то время понятіямъ выходило, такимъ образомъ, что по царской волѣ Батыя образовалось какъ-бы два великихъ князя на Руси, ибо на дѣлѣ Владимірскій державецъ и приходился настоящимъ великимъ княземъ; а по титулу, данному изъ Орды, и по признанному тамъ старшинству за Александромъ, велѣно было именно его, Невскаго, почитать *„главою всѣмъ“*. Что такое положеніе не отвѣчало дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ было невозможно—это вскорѣ и оказалось очевиднымъ для всѣхъ, не исключая самихъ ордынцевъ. Но до времени Александръ не вступался ни въ какія тяжбы и продолжалъ княжить—не въ Кіевѣ и не въ Переяславлѣ на Альтѣ, которые были тогда сравнены съ землею и лежали подъ мусоромъ, а у себя въ Переяславлѣ-залѣсскомъ или еще попрежнему въ Новгородѣ. По всему знать: побѣдитель Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей, очистившій отъ первыхъ берега Невы, а отъ вторыхъ освободившій Псковъ и Новгородъ, Александръ Ярославичъ томился тогда невыразимо и переносилъ въ душѣ смертельную муку. Вступать изъ-за волостей въ мелкія распри—съ дядями ли, съ братьями ли своими—онъ не считалъ нужнымъ, не находя въ томъ и цѣли; а вмѣшиваться въ ордынскія распоряженія и въ своихъ счетахъ съ князьями судиться передъ татарами—какъ бы ни возвышали они его княжескаго старшинства или, напротивъ, ни умаляли—находилъ еще болѣе непригоднымъ. Одна была у него цѣль; но теперь именно, по своемъ возвращеніи отъ *„хановичей“*, болѣе чѣмъ когда-нибудь онъ считалъ ее недостижимой *).

Александръ отклоняетъ происки Рима. Въ Новгородѣ, гдѣ большею частью и пребывалъ Александръ въ ту пору, случились общественныя несчастія, составлявшія тамъ впрочемъ не рѣдкость: по всей области опять повторился голодъ, а въ городѣ свирѣпствовали пожары. Но ужасы отъ переживавшихся тогда бѣдствій вдругъ смолкли въ на-

*) Объ отправлявшихся въ при-Амурскую столицу на поклонъ великому Моголу такъ и говорили на Руси, что они ходили *„къ хановичамъ“*. Такъ глухо и неопредѣленно звали на Руси великихъ хановъ, царившихъ въ Монголіи, не заботясь знать въ точности: кто именно изъ потомковъ Чингисхана занималъ тамъ его мѣсто.

родѣ и были позабыты, заглушенные новымъ страшнымъ горемъ. „*Того же лѣта въ Новѣградѣ разболѣся Александръ и бысть болѣзнь его тяжка зѣло*“: въ отчаяніи потерять его, объ немъ молились во всѣхъ церквахъ. За то и по исцѣленіи князя—„*Господь Богъ умоленъ бысть о немъ*“—радость объ его выздоровленіи была всеобщая. Около того времени митрополитъ Кіевскій и всея Руси Кириллъ посѣтилъ Новгородъ. Пріѣхавъ съ юга на сѣверъ для обозрѣнія своей епархіи, онъ останавливался въ стольномъ Владимірѣ (гдѣ повѣнчалъ свадьбу Александрова брата Андрѣя съ дочерью Даніила Романовича галичьскаго), оттуда поспѣшилъ свидѣться и съ Невскимъ въ Новгородѣ. Во время свѣтлаго своего пребыванія во Владимірѣ, радостно встрѣченный ростовскимъ епископомъ Кирилломъ и сойдясь съ нимъ великою любовью, митрополитъ взялъ его въ путь съ собою,—и въ Новгородѣ, встрѣченные крестами и иконами, всѣмъ священническимъ соборомъ архимандритовъ и игуменовъ со множествомъ народа, они оба торжественно привѣтствовали Александра. Невскій былъ дружески связанъ съ ростовскимъ святителемъ измлада,—а теперь, свидѣвшись и съ соименнымъ ему митрополитомъ, радъ былъ его благословенію; они оба—великій князь Кіевскій, по татарскому назначенію „*глава всѣмъ*“, и митрополитъ Кіевскій и всея Руси—съ первой же встрѣчи полюбили другъ друга и ужъ навсегда. (Здѣсь тогда митрополитъ, на вдовствовавшемъ владычномъ престолѣ у новгородцевъ, поставилъ имъ по ихъ просьбѣ епископа Долмата.)

Около того-же времени и привелось Александру (точь-въ-точь какъ это повелось въ Галичѣ съ Даніиломъ Романовичемъ) принять пословъ отъ Римскаго папы. То были Гальда и Гемонтъ, „два *хитрѣйшіе* кардинала“: не простые, значитъ, *князья церкви*, а изъ самыхъ знатныхъ. Папа о нихъ писалъ Александру, что это искуснѣйшіе витіи, вполнѣ способные научить закону Божію. Они вручили князю латинскую грамоту отъ его святѣйшества, распространявшуюся между прочимъ о Ливонскихъ рыцаряхъ и о заботахъ Рима по охраненію всѣхъ христіанскихъ земель отъ лютыхъ варваровъ—столь длинную, что по необходимости ее можно привести лишь вкратцѣ; притомъ всѣ ея тонкости—„отъ силлогизмъ пестроукрашенныя изобрѣтенія“—трудно было бы и

передать на простомъ русскомъ языкѣ. Папа, говоря словами его посланія, *„изыскивалъ пути, употреблялъ трудъ, прилагалъ стараніе“* расположить Александра къ принятію ученія Римской церкви и оказать покорность римскому Апостольскому престолу, сѣдящій на которомъ *„является Намѣстникомъ Бога на землѣ“*. „Не отрини нашей просьбы,—писалъ папа,—она имѣетъ въ виду способствовать твоимъ же выгодамъ. Честь всякаго державца—хотя бы самаго великаго—нисколько не умаляется отъ повиновенія папскому престолу; напротивъ даже: черезъ то увеличивается еще болѣе власть его, и свобода отъ враговъ возрастаетъ. Потому-то мы и молимъ и убѣждаемъ тебя, чтобы ты призналъ Римскую церковь матерью своей и покорился бы ея первосвященнику,—съ тѣмъ вмѣстѣ позаботился бы дѣятельно о томъ, чтобы привести къ нашему престолу и всѣхъ подданныхъ своихъ. Знай, что если ты воспользуешься нашимъ благорасположеніемъ къ тебѣ, мы превознесемъ тебя между всѣми прочими преданными намъ князьями паче мѣры и всегда съ полнымъ усердіемъ ревновать будемъ возвести тебя превыше всѣхъ на верхъ славы“. Для вящаго убѣжденія папа увѣрялъ Александра,—съ того даже началъ свое посланіе,—будто отецъ его, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ скончался послушнымъ сыномъ Римской церкви. „Отъ нашего посла, назначеннаго къ татарамъ,—писалъ папа,—отъ брата Іоанна Карпина, мы получили извѣстіе, что отецъ твой искренне и со смиреніемъ посвятилъ себя въ рукахъ этого брата на повиновеніе Римской церкви,—что и немедленно сдѣлалось бы общеизвѣстнымъ, если бы, при такомъ блаженномъ постиженіи, не постигла его еще и внезапная смерть. Въ силу такой блаженной кончины, явно есть удостоился онъ общенія со святыми и блаженства на небеси. Желаемъ и тебя вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать причастникомъ того же блаженства“. Что латинскій монахъ Плано Карпини дѣйствительно видѣлъ въ Монголіи Ярослава Всеволодовича—это не подлежитъ сомнѣнію; ибо въ оставленныхъ имъ запискахъ о своемъ „путешествіи въ Татарію“ подробно описываетъ тамошнее пребываніе великаго князя Владимірскаго и свое съ нимъ знакомство, самую кончину Ярослава,—но о мнимомъ его обращеніи не говоритъ ни слова. Александръ вѣжливо

принялъ папскую грамоту и посольство; но уклонился отъ поучительныхъ бесѣдъ съ Гальдой и Гемонтомъ,—объявилъ имъ, что устроитъ совѣщаніе по этому поводу со своими учеными духовными отцами и дастъ отвѣтъ на письмѣ.

Такъ Римскіе первосвященники, ободренные тогдашнимъ завоеваніемъ Константинополя латинцами и основаніемъ „Балдуиновой Имперіи“, при чемъ цареградскіе патріархи удалились въ Никею и сношенія съ ними Руси замѣшалися,—а также пользуясь и ея собственнымъ несчастіемъ отъ нашествія татаръ и монгольскаго ига—папы уже не переставали своими обстояніями напоминать о себѣ Русскимъ князьямъ, двумъ главнѣйшимъ изъ нихъ: Даніилу Романовичу галичьскому и Александру Невскому. Первый возбудилъ въ началѣ надежды папы, но не оправдалъ ихъ впослѣдствіи, однакожъ далъ къ нимъ поводъ:—второй отъ самаго начала далъ отказъ. Къ Даніилу Романовичу папа писалъ напослѣдокъ: „Ты клятвенно обѣщался повиноваться Римской церкви, потому въ знакъ своего благоволенія церковь и превознесла тебя въ королевское достоинство, помазала тебя святымъ мvромъ, возложила на главу твою царскую діадему. Но ты забылъ духовныя и временныя благодѣянія этой церкви, явился неблагодарнымъ за такую милость, презрѣлъ обѣщанія быть вѣрнымъ ей... Того ради уже мы распорядились побудить тебя къ тому безапелляціонно церковнымъ проклятіемъ и призвали на помощь противъ тебя мірское оружіе“. Александръ, сразу давъ отъ себя рѣшительный отказъ, уволилъ тѣмъ папу и отъ надобности дальнѣйшихъ объясненій. По совѣщаніи съ духовными отцами онъ дѣйствительно составилъ письменный отвѣтъ и, вручая его кардиналамъ, сказалъ коротко и ясно: „Мы знаемъ священную исторію отъ Адама до Христа и отъ Христа до седьмого Вселенскаго Собора, содержимъ ученіе святыхъ Апостоловъ и преданія святыхъ отцевъ семи вселенскихъ соборовъ, а вашего ученія не принимаемъ“.

Папа въ своемъ посланіи воздавалъ еще Невскому и ту похвалу, что онъ *„не признавалъ надъ собой власть хана“*: на Западѣ могли тогда еще не знать объ его поѣздкѣ въ Монголію! Впрочемъ, про нее хорошо знали Ливонскіе рыцари; а что было извѣстно въ Ливоніи, про то знали и въ Римѣ. Смѣшно было слышать, конечно, папскія обѣщанія

дать миръ и тишину, славу и могущество Русской Державѣ владычественнымъ покровительствомъ Римскаго апостольскаго престола; но выслушать льстивое признаніе папы, что на Западѣ никто бы и представить себѣ не могъ Александра данникомъ татаръ,—это какъ-бы нечаянное упоминаніе о неоспоримомъ свободолюбіи Александра, явно расчитанное на то, чтобъ задѣть его самолюбіе — должно было сильно потрясти его душу. Оно напомнило ему, со всѣмъ мучительствомъ, еще лишній разъ о томъ, что онъ „свободный *отъ ханской власти*“ побѣдитель свейскихъ нѣмцевъ и смирившій гордыню Ливонскихъ рыцарей, на самомъ-то дѣлѣ первый и выносилъ теперь на себѣ всю тягость монгольскаго ига.

Назначеніе Александра владимірскимъ великимъ княземъ. Смутная *„пря“*, не унимавшаяся тогда отъ двоевластія *„Великаго князя Кіевскаго“*, не имѣвшаго даже владѣній, и Александрова брата Андрѣя, своевольничавшаго на Владимірскомъ престолѣ, и проистекавшія отсюда невообразимыя замѣшательства—осложнялись тогда еще путаницей и неурядицами, происходившими въ самой Ордѣ. Батый дряхлѣлъ, и для всѣхъ видимо власть уже выронилась изъ его рукъ; а вступать изъ-за нея въ кровавый споръ между собой (въ виду идола, хотя потемнѣвшаго отъ ветхости, но еще не свалившагося съ своего мѣста и котораго сами-же они постоянно выдвигали всѣмъ на показъ, чуть гдѣ было нужно) *„ханята“* страшились. Батыевъ сынъ Сартакъ уже властвовалъ его именемъ, а ему грозилъ Беркій, братъ Батыевъ—даже убійствомъ. Притомъ ни тотъ ни другой не имѣли настоящей силы въ своихъ рукахъ, а всѣмъ правилъ завѣдывавшій ордынскими дѣлами ближній царскій вельможа—одни звали его Ловчій, а другіе *Улавчій*. Какъ бы кто изъ пріѣзжавшихъ тогда въ Орду ни угодничалъ передъ Сартакомъ или передъ Беркіемъ—ничего нельзя было сдѣлать, не задаривъ первоначально этого Улавчія и предварительно не поладивъ съ нимъ. Въ послѣдніе годы своей долголѣтней жизни Батый такъ размякнулъ отъ дряхлости, что напослѣдокъ о немъ лично—года два-три подрядъ—не было и слуха. Живъ ли онъ или умеръ—словно и въ самой Ордѣ не знали о томъ; по однимъ показаніямъ, онъ умеръ въ 1255 году, по другимъ—еще въ 1253 г. Притомъ За-

волжинская Орда въ царицынскихъ мѣстахъ находилась тогда въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Сарайской Золотой Ордой самихъ „хановичей“, въ нее многія распоряженія поступали прямо оттуда,—трудно было и опредѣлить тогда настоящаго самодержца власти и силы Ордынской. Эта сбивчивость показаній о ханахъ: кто именно тогда царилъ въ Ордѣ—отозвалась и у нашихъ лѣтописцевъ. Одинъ изъ нихъ, приводя даже знаменитый отзывъ Батыя объ Александрѣ Невскомъ при первомъ его вызовѣ въ Орду, избѣгаетъ въ точности именовать хана, оговариваетъ осторожно, что вызвалъ его *„нѣкто царь съ восточной стороны силенъ“*.

Такова была—въ какую сторону ни поглядѣть—тогдашняя неурядица кругомъ. Съ одной стороны, она происходила на очахъ у всѣхъ во Владимірскомъ княженіи, гдѣ старикъ-дядя Святославъ Всеволодовичъ все еще продолжалъ оспаривать столицу у своего младшаго племянника и не переставалъ жаловаться и доносить на него въ Ордѣ. А самъ Андрѣй, продолжая хвалиться своимъ ненавидѣніемъ татаръ, не переставалъ возмущать противъ нихъ весь Дворъ свой, всю свою дружину; затягивалъ взносы дани въ Орду, вносилъ ее не сполна и сокращалъ ее разъ отъ разу,—мутилъ и самое народонаселеніе: не только не внушалъ ему съ своей стороны повиновенія къ баскакамъ, а еще какъ бы на показъ всѣмъ презрительно обходился съ ними и тѣснилъ ихъ,—не только не обуздывалъ всеобщей къ нимъ безъ того сильной ненависти народной, можно сказать, старался разжечь и всюду распространить ее. На него жаловались въ Орду баскаки, тамъ же дядя Святославъ Всеволодовичъ просилъ въ свою пользу объ его усмиреніи,—а онъ, недовольный бездѣйствіемъ старшаго брата Александра,—старался привлечь на свою сторону по крайней мѣрѣ хоть Ярослава Ярославича, младшаго изъ ихъ братьевъ,—уговаривалъ его по крайней мѣрѣ стать съ нимъ въ одни ряды, подъ одно знамя, дать примѣръ старшимъ: какъ надо *не дружить съ татарами и не служить имъ*. (Замѣтьте этого Александрова брата *Ярослава Ярославича*: это будущій вотчинникъ Тверского удѣла, отъ него и повелся знатный родъ тверскихъ князей.) А съ другой стороны смутныя неурядицы не унимались въ самой Ордѣ! при всемъ смиреніи и при полной готовности подчиниться хотя бы даже суровымъ ея требо-

ваніямъ, нельзя было и въ Ордѣ добиться никакого толка. Какъ тамъ ни хлопоталъ въ свою пользу дядя Святославъ Всеволодовичъ, татары по его бѣднотѣ и вниманія на него не обращали. Племянникъ его Андрѣй, напротивъ, кромѣ того, что, являясь въ Орду съ поклономъ, былъ щедръ на подарки и, передъ кѣмъ нужно было, сорилъ золотомъ; а еще при всемъ ненавидѣніи татаръ, постоянно велъ „хлѣбъ-соль“ съ сильнѣйшими и *„власть имущими“* изъ нихъ: жалобы, поступавшія на него отъ владимірскихъ баскаковъ, оставались безъ послѣдствій. Въ томъ прошелъ одинъ годъ его княженія и другой пошелъ; напослѣдокъ кончилось однако для него худо. Слышно было, что въ Ордѣ грозно взялись управиться съ ослушнымъ княземъ: шли на Владимірскую область цѣлыя полчища татаръ подъ предводительствомъ Неврюя. А что могла значить подобная военная прогулка—про то знали всѣ. За то, молъ, что тамошній князь страха не держитъ, пріѣзжимъ изъ Орды обиды и тѣсноты, всякую истому чинитъ и на-смѣхъ ихъ поднимаетъ, царь велѣлъ его смирить. Все, что онъ въ своей державѣ золота и серебра собиралъ—куда дѣлось? что онъ ни писалъ въ своихъ грамотахъ и на что ни ссылался—все лгалъ. Пусть де и узнаетъ теперь ярость и брань татарскую за свою гордость! жилъ бы въ добрѣ по правдѣ—и зла бы его улусу не было, и крестьяне его не погибли бы до конца! а теперь пускай всему его улусу пакость учинится: пускай де сгибнуть его крестьяне.

Что̀ при такихъ обстоятельствахъ оставалось дѣлать Александру въ его положеніи? Перейти на сторону брата и защищать его своими войсками, разумѣется, онъ не могъ; самъ Андрѣй хорошо зналъ, что старшій его братъ не выступитъ противъ татаръ; одинъ только юнѣйшій братъ ихъ Ярославъ Ярославичъ соединился съ нимъ для отпора. Александръ, заслышавъ походъ Неврюя, кинулся въ Орду „на берега Дона къ Сартаку“. Былъ ли онъ спѣшно вызванъ къ хану или спѣшилъ къ нему по своей волѣ? по всему знать: подвигнуло его то и другое. До того времени онъ избѣгалъ ѣздить въ Орду — какъ ни встрѣчали его тамъ съ великою честью,—а тѣмъ часомъ съ его стороны это было быстрое рѣшеніе. Но и прибывъ въ Орду, что̀ могъ онъ говорить въ виду ханскаго гнѣва, разразившагося посылкою

татарскихъ полчищъ подъ предводительствомъ Неврюя? По обвиненію Андрѣя въ утайкѣ ханской дани и по справкамъ, какъ великъ доженъ быть полный сходъ съ Владимирскаго княженія—ничего бы не могъ сказать Александръ въ оправданіе своего брата. Самъ зная, какъ свои пять пальцевъ, всѣ дани и пошлины прирожденнаго своего княженья, разумѣется, сказалъ бы онъ о нихъ и самому хану—всю правду, безо всякой утайки,—и она не была-бы въ пользу Андрѣя. А по обвиненію въ буйствѣ противъ татаръ, въ возбужденіи своихъ дружинниковъ и народа противъ баскаковъ—что̀ также могъ-бы сказать Александръ въ пользу своего легкомысленнаго меньшаго брата? Оправдать Андрѣя онъ могъ-бы только сославшись развѣ-развѣ на молодость и неразуміе его,—въ чемъ и успѣлъ, къ своей радости, какъ это обнаружилось вскорѣ. Но прибавилось въ это самое время и еще одно обстоятельство, понудившее его ѣхать въ Орду.

Объ эту пору, разболѣвшись смертно, пересталъ волоститься—вскорѣ же и скончался—ихъ дядя Святославъ Всеволодовичъ (въ 1252 году). Пока былъ онъ живъ, и онъ именно, старшій въ родѣ, оспаривалъ великое княженіе, Александръ не искалъ подъ нимъ Владимірскаго престола; Андрѣй же занялъ этотъ старшій столъ не по праву; но изъ-за стольнаго города Владиміра Александръ и съ меньшимъ своимъ братомъ Андрѣемъ, ни въ какіе споры не вступалъ же. Но теперь, когда ему открылся *путь чистъ* въ великокняжескую столицу, больше не подобало меньшому въ братіи выситься надъ старшимъ. Притомъ, самовольно учинясь старшимъ и вопросивъ Владимірское княженіе себѣ у хана, Андрѣй безпутнымъ поведеніемъ своимъ навлекъ на себя гнѣвъ ханскій, а черезъ то еще и неисчислимыя бѣдствія на свою волость. Въ такихъ обстоятельствахъ Александръ болѣе не могъ оставаться покоенъ; ему было жаль своей вотчины, и онъ просилъ хана признать за нимъ принадлежавшее ему по праву главенство, ручаясь за спокойствіе Владиміра подъ своею державой, и бралъ на себя передъ ханомъ отвѣтъ въ томъ. Въ Ордѣ, выслушавъ Александра, признали всю его правду: болѣе уже не было и вопроса о томъ, что именно онъ, а не Андрѣй долженъ быть Владимірскимъ княземъ; но татарамъ хотѣлось покарать бунтовщика яростью гнѣва ханскаго, плѣненіемъ его самого̀ и разоренiемъ его улуса,— надо было дать погулять и воинамъ, жаднымъдо рат-

наго веселія: татары уже выступили въ походъ. Александръ волей-неволей предпочелъ тогда гостить на Дону у царя Сартака на все это злополучное время,—предпочелъ вседневно ходатайствовать по мѣрѣ возможности передъ нимъ о смягченіи злополучія, чѣмъ быть зрителемъ кровопролитныхъ бѣдствій своей родины,—и протомился въ Ордѣ втеченіе всего *„Неврюева плѣненія“*.

Неврюй, пустивъ своихъ воеводъ (Котья и Олабуха) со множествомъ вой грабить Суздальскую землю, быстро покончилъ съ Андрѣемъ и съ помогавшимъ ему Ярославомъ Ярославичемъ. Вольнолюбивый супротивникъ татаръ еще жаловался только на безучастіе остальныхъ Князей, изъ которыхъ одни были привычны лишь *„дружить и служить“* его недругамъ, по его словамъ, а другіе—какъ, напримѣръ, именно дядя Святославъ—сами къ тому же призывали сыроядцевъ себѣ въ помощь; Андрѣй еще только плакался: „Господи! доколѣ намъ съ собой браниться и наводить другъ на друга татаръ!“—а ужъ Неврюй былъ подъ стѣнами Владиміра. Не найдя тутъ бѣглеца, татары настигли его въ Переяславскихъ мѣстахъ, куда устремился съ нимъ вмѣстѣ и Ярославъ Ярославичъ: оба они предпочли воевать въ области, принадлежавшей тогда ихъ брату, Невскому. Андрѣй мужественно встрѣтилъ враговъ всѣми своими полками,—*„бысть сѣча велика“*,—и всѣ его полки *„побѣждены быша“*. Неврюю однако жъ не удалось взять въ плѣнъ бунтовщика: бѣглецъ кинулся въ Новгородъ и Псковъ; тамъ его не приняли—онъ еще дальше: въ Колывань и оттуда, сождавшись со своею княгиней (дочерью Даніила Галичскаго), ушелъ за-море, вовсе на чужую сторону; одни говорили: къ Свейскимъ нѣмцамъ, а другіе: къ Рижскимъ; въ самомъ же дѣлѣ похоже на правду, что онъ скитался у тѣхъ и у другихъ, пока наконецъ не соскучился на чужбинѣ. Не удалось тогда Неврюю захватить и юнѣйшаго Андрѣева союзника, Ярослава Ярославича; этотъ юноша также спасся бѣгствомъ; но татары въ Переяславлѣ захватили всю его семью: „княгиню его убили, а дѣтей Ярослава въ полонъ *поведоша* и людей много *полониша*, и много зла сотворивъ, *„отыдоша“*. Много зла сотворили они тогда по всей волости Андрѣя; опять цѣлыми населеніями народъ разбѣгался туда *„идѣже дивіе звѣри живяху“*.

Вслѣдъ за тѣмъ Александръ возвратился изъ Орды,—и „съ великою честью“, окруженный всѣмъ дворомъ своимъ—многочисленнѣйшею дружиной — вступилъ во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, съ крестами и иконами, со всѣмъ чиномъ священническимъ и со множествомъ народа (во главѣ съ тысяцкимъ Романомъ Михайловичемъ) встрѣтили его у Золотыхъ Воротъ *„и посадиша его на столѣ отца его Ярослава“*. Первымъ стараніемъ Александра было немедленно-же изгладить всѣ слѣды *„озлобленія поганыхъ“*: разоренныя церкви были возстановлены, и собраны разбѣжавшіеся жители; опять наполнились опустѣвшіе было села и города: *„такъ утѣшилисъ всѣ люди“*. Съ этого года (въ зиму съ декабря 1252-го на генварь 1253-го) и началось великое княженье на Владимірскомъ престолѣ Александра Невскаго по своемъ отцѣ Великомъ князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ.

Андрѣй Ярославичъ вскорѣ соскучился на чужбинѣ и просилъ брата заступиться за него передъ ханомъ. Александръ радостно—*„съ великою любовью“*, какъ сказано въ лѣтописи—принялъ возвратившагося Андрѣя и хотѣлъ тѣмъ-же часомъ уступить ему Суздаль (опроставшійся за смертью ихъ дяди Святослава Всеволодовича), но укрылъ въ Нижнемъ Новгородѣ, принужденъ былъ на первыхъ порахъ скрывать его незамѣтно: не смѣлъ передъ Ордою. Тамъ между тѣмъ Сартакъ, сынъ Батыевъ, по смерти отца, былъ свергнутъ, и говорили даже: „былъ убитъ“ своимъ дядей; самъ *Беркій*, братъ Батыевъ, воцарился на Волгѣ, и ждалъ о томъ утвержденія себѣ изъ Монголіи отъ Великаго хана Менгу. Опять князья должны были утверждаться въ своихъ правахъ — ѣхать въ Орду съ поклономъ; самъ однако-жъ Александръ не поѣхалъ, а отправилъ за себя двоюродныхъ племянниковъ, своихъ подручныхъ князей (Бориса и Глѣба Васильковичей). Онъ далъ много золота и серебра Борису Васильковичу принести отъ его имени въ даръ хану, кромѣ того и особенно цѣнные подарки для поднесенія Улавчію. Борисъ Васильковичъ успѣшно исполнилъ порученіе Великаго князя *„просить за Андрѣя“*: ослушный князь былъ прощенъ; но Беркій потребовалъ, чтобы самъ Александръ явился къ нему на ханскія очи, привелъ бы съ собой и повинившагося брата. Александръ поспѣшилъ исполнить царское повелѣніе: со многими—вто-

рично припасенными дарами — самъ пошелъ въ Орду и по ханскому слову привелъ Андрѣя *). Впослѣдствіи удалось Александру также точно вымолить прощеніе и юнѣйшему своему брату, Ярославу Ярославичу; но на первыхъ порахъ изъ-за этого княжича и произошла смута во владѣніяхъ Александра. Невскій, вокняжась на Владимірскомъ престолѣ, посадилъ въ Новгородѣ старшаго своего сына Василья (тогда ужъ былъ у него и другой сынъ, малолѣтній Дмитрій Александровичъ). Василій Александровичъ, княжа у новгородцевъ, не могъ быть уже по самой юности своей какимъ-либо особливымъ угнетателемъ ихъ правъ, ни тѣмъ болѣе—умышленнымъ врагомъ ихъ „вольности новгородской“,—напротивъ, что̀ и доказалъ вскорѣ на дѣлѣ, самъ былъ въ душѣ истымъ новгородцемъ по буйной непокорности даже отцу своему родному. Но никогда и ни съ кѣмъ изъ князей Новгородцы не могли ужиться миромъ, ибо сами еще между собой постоянно вели ссоры.

Отношеніе Александра къ новгородцамъ. Вѣчная вражда въ Новгородѣ однихъ съ другими, меньшихъ людей и вящихъ, богачей и бѣдныхъ,—закоренѣлая враждебность горделивыхъ гостей новгородскихъ и зажиточныхъ торговцевъ къ ремесленному и пахатному люду,—а кромѣ того, у всѣхъ вообще и промежду вящими людьми соперничество изъ-за посадниковъ и другихъ выборныхъ должностей, борьба противоположныхъ сторонъ и драки улицы съ улицей—не прекращались **). Искони большинство новгородскаго народонаселенія тяготѣло ко всей остальной Руси и стояло за неразрывный союзъ съ нею; издавна и въ боярствѣ новгородскомъ были приверженцы Владимірскаго княженья,

---

*) Не говоря уже о смертной казни, постигавшей при Монгольскомъ игѣ многихъ князей, нѣкоторыхъ изъ нихъ татары мучили многолѣтнимъ заключеніемъ у себя въ тюрьмахъ. Такъ долго страдалъ, томясь заключеніемъ въ Ордѣ, рязанскій князь Олегъ Ингваревичъ (съ племянникомъ своимъ), выпущенный оттуда лишь на старости лѣтъ и скончавшійся въ Рязани монахомъ и схимникомъ около описываемаго времени.

**) Даже такіе князья, какъ *Храбрый* и *Удалой*, оба Мстислава, тяготились княжить у новгородцевъ, а Владимірскіе державцы подавно не могли угодить имъ и—хороши ли были сами по себѣ или худы—неизбѣжно подавали поводъ къ столкновенію здѣшнихъ разносторонниковъ, вѣчно враждовавшихъ между собою.

находившіе прямо выгоднымъ соединеніе съ нимъ своего отечества и даже полное сліяніе. Не переводились однако въ свою очередь и ожесточенные ихъ противники, непримиримые враги такого соединенія и всѣхъ владимірскихъ порядковъ, поддерживавшіе старинную ненависть ко Владимірскому княженью во что бы то ни стало *). На сторонѣ Владимірскаго княженія были, какъ и понятно, всѣ болѣе или менѣе зажиточные люди, приверженцы тишины и порядка, искавшіе мирно пользоваться плодами трудовъ своихъ; выходило поэтому какъ бы такъ, что приверженцами Владиміра были и впрямь лишь сытые и довольные богачи, которымъ до бѣдныхъ людей дѣла нѣтъ: но такъ казалось лишь съ виду, а въ сущности на сторонѣ этихъ мирныхъ гражданъ, этихъ среднихъ людей, и было само народонаселеніе. Напротивъ того ихъ противники, опираясь именно на чернь—на тѣхъ бездомовниковъ, которымъ терять было нечего, а пріобрѣтать неоткуда и наживаться нечѣмъ, кромѣ какъ отъ непорядковъ и смутъ, не умолкавшихъ въ ихъ странѣ,—поборники такъ называемой *„вольности новгородской“*, дѣйствительно же казались нѣкоторымъ образомъ защитниками и друзьями простонародья. Въ самомъ же дѣлѣ, въ оныхъ вольнолюбивыхъ боярахъ самъ тьмочисленный народъ и видѣлъ главныхъ враговъ своихъ, ищущихъ воли только для себя, а не для цѣлаго народонаселенія: между ними притомъ и велись самые-то богачи, никого не хотѣвшіе знать гордецы новгородскіе! При здѣшнихъ мятежахъ, такимъ образомъ, сколько ихъ ни происходило въ Новгородѣ, всегда заправляли всѣмъ вѣчемъ и ворочали міромъ вящіе люди: только одни изъ нихъ прикидывались вольнолюбивыми защитниками бѣдняковъ и величались тѣмъ, что стоятъ за свою меньшую братью, а другіе этого не

*) Поборники старины такого рода, находя свои собственныя выгоды въ поддержаніи древняго новгородскаго безначалія, разумѣется, преслѣдовали при этомъ личныя цѣли и своекорыстные виды; но старались слыть въ народѣ за его поборниковъ и расположить его въ свою пользу. Прикидываясь именно друзьями своей родины и выставляя себя за ревнителей независимости святой Софіи, прямо сказать, они возбуждали чернь и разжигали народныя страсти противъ всѣхъ, кто не былъ одной мысли съ ними,—клевеща, что тѣ предатели сгубили и погубятъ Новгородъ, продавшись князьямъ и желая имъ поддать все новгородское народонаселеніе.

дѣлали. Но какъ тѣ, такъ и другіе—едва мятежъ разгорался—одинаково старались привлечь весь уличный народъ на свою сторону,—начинать же всполохъ выпускали обыкновенно впередъ такихъ смутьяновъ и смутчиковъ, которымъ ни до меньшихъ, ни до большихъ, ни до кого не было дѣла, а лишь бы учинилась смута въ народѣ. И когда въ тѣхъ уличныхъ схваткахъ двухъ враждовавшихъ сторонъ — въ кровавыхъ раздорахъ двухъ противоположныхъ лагерей—приходилось подчасъ разбираться дѣйствительно цѣлому народонаселенію Новгорода (ибо и оно подчасъ волей-неволей вступалось-же, наконецъ, въ боярскія распри) путаница выходила невообразимая: добраться истины, изъ-за чего вышла смута, бывало невозможно. Всякая сторона ссылалась на правду Новгородскую и на пользу народа, а самъ народъ большею частью и не понималъ: изъ-за чего тотъ или другой разъ въ Новгородѣ бились улица съ улицей *). Такая именно безтолковая смута и приключилась тутъ при Александровомъ сынѣ, княжичѣ Василіи.

Въ Новгородѣ всегда находились недовольные — одни другими, а *„недоволы“* всегда находили предлоги — чѣмъ поднять населеніе и замутить вѣче. Въ эту пору сами уже притѣсненія отъ татаръ—со дня на день увеличивавшіеся поборы и налоги, возраставшіяся не по днямъ а по часамъ дани и пошлины — давали злоумышленникамъ

---

*) *Боярами* (были ли то потомки въ самомъ дѣлѣ старожиловъ еще варяжскихъ временъ или скоро-разбогатѣвшіе купцы новгородскіе, которые, чванясь своимъ богатствомъ, приставали къ тѣмъ старожиламъ,—также и *„вящими людьми“* звались тогда въ Новгородѣ всѣ вообще богатые именитые и знатно-жившіе люди. Когда подымался городъ всенароднымъ множествомъ—и міряне и духовенство, бѣльцы и чернцы, богатые и бѣдные, мизинные и вящіе люди, все населеніе однимъ словомъ—это такъ и звалось; *„весь народъ новгородскій“;* а чернь городская — такъ и называлась *чернью;* а смутьяны и смутчики—кто бы ни были по сословію своему — слыли обыкновенно *„злыми людьми“*, *„безбожными клятвопреступниками“* и тому подобное; званія же ихъ не обозначали. Въ одномъ позднѣйшемъ свидѣтельствѣ, уже слѣдующаго, XV-го вѣка, сохранилось такое изображеніе смутъ въ Новгородѣ-Великомъ: „за всякое важное и пустое дѣло начинается гнѣвъ, отъ гнѣва ярость, свары, прекословія, съ обѣихъ враждующихъ *сторонъ* является многонародное собраніе, *нанимаютъ сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ людей,* замышляютъ бой и души христіанскія губятъ“ (грамота Новгородцамъ митрополита Іоны).

легкую возможность чинить смуту. Стоило только кликнуть кличъ, что ратуютъ за вольность противъ татарскаго насилія, чтобы не дать сыроядцамъ вконецъ народъ ограбить! — дескать, прочь отъ насъ татарскіе служители! не надо намъ больше ханскихъ угодниковъ! — такъ именно голосили зачинщики теперешняго новгородскаго мятежа— и *се бысть готовъ*. Послѣ неудачной помощи Андрѣю, юнѣйшій братъ Невскаго, когда татары убили его княгиню, а его сыновей увели въ плѣнъ съ собою, Ярославъ Ярославичъ боялся оставаться у всѣхъ на виду въ своихъ тверскихъ владѣніяхъ и побѣжалъ въ Ладогу, а потомъ въ Псковъ. Въ 1255-мъ году его и вызвали смутные люди княжить въ Новгородѣ: Александръ Невскій былъ изумленъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что сынъ его Василій съ безчестіемъ изгнанъ изъ Новгорода, перешелъ въ Торжокъ. Истинно сказать: нельзя было тому и не изумиться! Чѣмъ лучше, и въ самомъ дѣлѣ, могъ быть для новгородцевъ Ярославъ Ярославичъ противъ Василья—младшій братъ Александра противъ его старшаго сына — чѣмъ, какъ не тѣмъ однимъ развѣ, что былъ въ ту пору подъ гнѣвомъ Орды и находился въ опалѣ у хана?

Александръ съ многочисленными полками, *въ силѣ тяжкой*, немедленно пошелъ къ Новгороду; а въ Торжкѣ, гдѣ свидѣлся съ сыномъ, узналъ еще и новыя подробности о новгородскомъ мятежѣ отъ выбѣжавшихъ оттуда къ нему навстрѣчу самихъ новгородцевъ. Тамъ уже весь городъ былъ въ необычайномъ волненіи, и смута приняла необыкновенные размѣры. Самъ юноша, меньшой братъ Александра, заслышавъ объ его приближеніи, Ярославъ Ярославичъ убѣжалъ изъ города; посадничалъ тогда все еще Ананій, посадничавшій и при Василіи—извѣстный противникъ Владимірскаго княженья, а потому и слывшій еще ревнителемъ новгородской старины, поборникомъ родины и стоятелемъ за *меньшихъ*. Но и противуположная сторона, состоявшая изъ приверженцевъ Владимірскаго княженья, а того больше преданная лично Александру—не оставалась въ бездѣйствіи. Эти поднялись въ свою очередь тушить народное возстаніе, желая скорѣйшаго возвращенія Василія; но и у нихъ были свои небезкорыстныя цѣли: у нихъ во главѣ сталъ Михалко Степановичъ, котораго они намѣтили себѣ въ посадники, Ананія же готовили свергнуть — не только съ посадничества, но

и въ Волховъ. Этотъ Михалко Степановичъ, внукъ посадника Твердислава, смѣло вышелъ на противниковъ—и народъ раздвоился: многіе взяли его сторону, а противуположная сторона крѣпко держалась Ананія. И выходило еще какъ бы такъ, что приверженцы Михалка искали тогда лишь собственныхъ боярскихъ выгодъ: молъ, всѣ они и были тѣ самые богачи, которымъ до бѣдняковъ дѣла нѣтъ; а приверженцы Ананія—хотя, молъ, бѣдные и простые люди—а отстаивали *„вольность“* и честь новгородскую. Мятежъ все болѣе разгорался.

Александръ, подступивъ къ Новгороду, послалъ сказать: „уймите мятежъ и выдайте мнѣ Ананія“. Но черезъ это волненіе въ городѣ не утихло, а еще болѣе усилилось,—прямо сказать: сдѣлалось всеобщимъ. Смута осложнилась тѣмъ именно, что Ананій, хотя и завѣдомый противникъ Владимірскаго княженія, на этотъ разъ однако оказывался совершенно невиновнымъ: мятежники, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, понапрасну злоупотребляли его именемъ,—одни обѣщаясь умереть за него, а другіе сбросить въ Волховъ. Одни выставляли какъ бы весь мятежъ поднятымъ лишь въ защиту своего добраго радѣтеля и поборника правъ новгородскихъ; а другіе, обнося его клеветой въ изгнаніи Василія, именно въ Ананіи и указывали виновника всего зла. Тѣ и другіе мятежники, такимъ образомъ, всуе поминали имя Ананія, — и всѣмъ *лучшимъ людямъ* въ городѣ, прямо сказать: всенародному множеству это было извѣстно. Вооружившіеся противъ Михалка Степановича, расположились тогда станомъ *„у святаго Николы“* и на своемъ вѣчѣ клялись умереть за Ананія. Еще какъ только заслышали о походѣ Александра, эти вѣчники говорили: „ну, какъ Александръ придетъ да скажетъ: выдайте моихъ вороговъ, что тогда?“ и рѣшили своихъ не выдавать. *Меньшіе* цѣловали крестъ передъ образомъ Богородицы и утвердились въ томъ присягой, чтобы всѣмъ стать заодно! либо животъ, либо смерть, а постоимъ за правду новгородскую! Когда-же Александръ, подступивъ къ городу, дѣйствительно, объявилъ свое грозное рѣшеніе выдать ему Ананія головою, новгородцы смутились уже всѣмъ міромъ, — пришли на Владычный дворъ къ архіепископу Долмату и также сотворили совѣтъ. Всѣ знали непреклонную рѣшимость Але-

ксандра: что̀ онъ разъ сказалъ, того не измѣнитъ; а потребовавъ выдачи посадника, онъ добавилъ еще: „если не выдадите, я вамъ больше не князь и на васъ иду войною“. Всѣмъ міромъ рѣшили такъ: просить архіепископа Долмата и тысяцскаго Клима, чтобы они сами отъ имени всѣхъ новгородцевъ пошли къ Александру и говорили бы ему: пріѣзжай, княже, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, Ананью нелюбье отдай и всѣмъ новгородцамъ. Владыко и тысяцкій согласились; міряне отобрали къ нимъ еще нѣкоторыхъ изъ себя для посольства,—а когда они отправились, съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенья. И не послушался князь великій Владычней мольбы, ни Климова челобитья, ни Новгородскаго. Когда возвратившіеся возвѣстили про неудачу своего посольства, печаль была общая. На сходкѣ повторяли въ одинъ голосъ: „грѣхъ злымъ людямъ, которые насъ разсориваютъ съ княземъ! что жъ теперь дѣлать, если Князь Великій такъ слумалъ, послушавшихъ нашихъ клятвопреступниковъ: имъ и суди Богъ и святая Софія! а князь нашъ безъ грѣха“. Мало не дошло въ тотъ разъ въ Новгородѣ до кровопролитія, и если его не случилось—благодаря опять же Ананію. Михалко Степановичъ со своими уже готовъ былъ ударить на Ананьевыхъ заступниковъ, а на своихъ противниковъ—изъ своего дворища, гдѣ были скрыты полки и собрались всѣ единомышленники его. А посадникъ Ананій, желая ему добра, послалъ отъ себя тайныхъ туда дозорцевъ и—чуть что случится—велѣлъ немедленно увѣдомить себя. Какъ только у тѣхъ и другихъ противниковъ завязалось дѣло и чернь бросилась къ Михалковой усадьбѣ, грозя ей разореніемъ, а ему смертью—посадникъ Ананій самъ тѣмъ же часомъ прибылъ на мѣсто. „*Черные люди* погнались за Михалкомъ, хотѣли ударить на его дворъ,—и не далъ имъ Ананій, сказавъ: *братья! ежели его убить хотите, убейте прежде меня*,—а того не вѣдалъ, что объ немъ совѣщались на злое, чтобы его захватить, а посадничество дать Михалку“.

Третій уже день стояли полки, приведенные Александромъ, противъ Новгорода въ полномъ вооруженіи; а на четвертый онъ прислалъ второй разъ повторить новгородцамъ свое рѣшеніе, но уже въ измѣнномъ видѣ; онъ прислалъ сказать: „снимите Ананія съ посадничества, и я вамъ свое нелюбье отдамъ“. Тогда всѣ охотно подчинились его желанію и

первый самъ Ананій: сняли съ него посадничество и отдали посадничество Михалку Степановичу; съ Александромъ же утвердились миромъ на всей его волѣ. Владыко Долматъ встрѣтилъ его крестами и иконами со всѣмъ священнымъ соборомъ, и *„вси радости исполнишася“*; опять Василій Александровичъ былъ посаженъ тутъ на княженіе *„и бысть миръ и тишина велія“*,—прибавляетъ лѣтописецъ,—*„а злодѣи омрачахуся“*: зачинщикамъ не удалось произвести, какъ они желали, всенародной смуты.

Возвращенію Василія тѣмъ болѣе могли обрадоваться новгородцы, что его княженіе у нихъ и въ самомъ дѣлѣ было не безъ чести. Въ то время Рижскіе нѣмцы начали вновь свои посягательства на русскіе предѣлы, также и Шведы; Ливонцы сдѣлали нападеніе на Псковъ, а Шведы хотѣли укрѣпиться на берегахъ Наровы; къ тому-же производила опять по прежнему разбойные набѣги и литва. Василій съ новгородскими полками удачно дѣйствовалъ противъ всѣхъ трехъ непріятелей; литва была разбита и княжичъ гналъ ея шайки до самаго Торопца; нѣмцы бѣжали тотъ разъ отъ Пскова съ позоромъ; Шведамъ не дали укрѣпиться на Наровѣ.

„Финляндскій“ походъ Александра Невскаго.—Но это новое вторженіе *„свейскихъ нѣмцевъ“* видимо озаботило Александра. Онъ прибылъ въ Новгородъ съ многочисленнымъ войскомъ и велѣлъ собираться еще полкамъ новгородскимъ; а куда былъ задуманъ походъ—содержалось въ тайнѣ. Съ нимъ прибылъ этотъ разъ и митрополитъ Кириллъ; святитель провожалъ Александра и по выступленіи въ походъ до самаго Копорья: здѣсь торжественно напутствовалъ и благословилъ воиновъ,—здѣсь только и узнали, что цѣль похода та дальняя страна, гдѣ лѣтомъ полгода не заходитъ, а зимою полгода не восходитъ солнце. Это были тѣ отдаленнѣйшія окраины новгородскихъ владѣній, куда рѣдко и заглядывали, ибо тамошніе предѣлы никѣмъ изъ враговъ Руси еще и не были тревожимы до тѣхъ поръ: страна Лопарей и зовомая позднѣе нѣмцами Финляндія. Объ эту пору показались тамъ Шведы, стараясь и тамошнія земли отторгнуть отъ Руси и приложить къ собственнымъ владѣніямъ. Невскій побѣдитель нашелъ нужнымъ также какъ на Невѣ—напомнить и тамъ о себѣ „свейскимъ нѣмцамъ“,

чтобы они не вступались въ русскіе предѣлы. Это былъ одинъ изъ славнѣйшихъ походовъ Александра; шедши неприступными скалами и растущими на камняхъ лѣсами, выбрались къ морю; измученные новгородцы отказались слѣдовать за неустрашимыми и неутомимыми воинами Александра: съ полдороги ушли назадъ,—а онъ съ однимъ собственнымъ войскомъ докончилъ походъ. „*Пройдоша* горы непроходимыя и воева поморіе все, *овыхъ избиша*, а иныхъ въ полонъ взяша, и паки *возвратишася* въ землю свою со множествомъ полона; славенъ же *бысть* страхомъ и грозою". Видали русскіе воины глушь и темь Ятвяжскихъ лѣсовъ и топи и болота въ дебряхъ Литвы, и страшныя вьюги и мятели въ Заволжинскихъ мѣстахъ; видали и переносили всякій трудъ и всякое непогодье въ своихъ безчисленныхъ погодахъ, — но тѣхъ диковинъ и всему, чему надивились въ этомъ походѣ къ Суойми и къ Лопи — еще не видывали до тѣхъ поръ. Походъ былъ предпринятъ уже къ осени въ зазимокъ, и особенно поразило воиновъ именно это, что солнце всю зиму не восходитъ въ той странѣ, о чемъ и записано у всѣхъ лѣтописцевъ: „*бысть золъ путь, яко не видѣша ни дни ни нощи никогда же*" *). Невскій побѣдитель, такимъ образомъ, зарубилъ мечемъ своимъ на память предбудущимъ вѣкамъ и тамошніе „финляндскіе" рубежи русскаго царства.

Татарскіе численники и новыя смуты въ Новгородѣ. Александра, при всякомъ его пріѣздѣ въ Орду, отличали попрежнему особенною честью противъ остальныхъ князей; не держали по долгу, а сколько самъ онъ по своимъ дѣ-

---

*) Историографъ ошибочно толкуетъ это лѣтописное выраженіе, приписывая безсолнечную мглу, на которую жаловались воины, тому будто обстоятельству, что они „сносили ужасныя вьюги и мятели". Но есть у историографа и драгоцѣнное, весьма важное указаніе по поводу этого похода, заслуживающее особеннаго вниманія. Упомянувъ о наказаніи *перевѣтниковъ*: „Россіяне достигли цѣли, то-есть опустошили знатную часть Финляндіи"—онъ добавляетъ: „гдѣ по сказанію Шведскихъ историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками". (*Исторія Государства Россійскаго.* Томъ IV). У автора „*Исторіи Россіи*" ошибочность толкованія вышеприведенныхъ словъ лѣтописи выступаетъ еще ярче; онъ объясняетъ „*путь золъ*" такъ: „путь былъ трудный. Войско не видѣло ни дня ни ночи отъ мятели". (Истор. Россіи Соловьева. Томъ III).

ламъ находилъ нужнымъ, исполняли всѣ его ходатайства безъ малѣйшаго отказа и отпускали домой съ великою честью. Такъ, онъ привезъ съ собой къ хану младшаго своего брата Ярослава Ярославича и—какъ то-же самое прежде было съ Андрѣемъ—ханъ простилъ и этого бывшаго ослушника своего: съ тѣхъ поръ Ярославъ Ярославичъ спокойно княжилъ у себя въ тверскомъ удѣлѣ. Другимъ своимъ ходатайствомъ Александръ заслужилъ уже несказанную общую благодарность всего крещенаго міра: отъ хана пришло повелѣніе дать вспомогательное войско татарамъ и итти вмѣстѣ съ ними воевать за Терекъ: Александровымъ умоленіемъ Беркій отмѣнилъ это рѣшеніе, и православные были уволены отъ неволи проливать свою кровь за невѣрныхъ. Но и разъ отъ разу все тягостнѣй и мучительнѣй становилось на душѣ Александра отъ этихъ посѣщеній Орды татарской; ближніе начинали опасаться за него: прежде только задумчивый и угрюмый, напослѣдокъ онъ уже сталъ глядѣть измученнымъ и изнуреннымъ,—здоровье его—казалось—не обѣщало долгаго вѣку.

Разъ отъ разу сами требованія Татаръ становились тяжелѣй. Послѣдовало еще и такое рѣшеніе Орды, которое всѣхъ повергло въ отчаяніе и произвело всеобщій ужасъ; а отклонить его, ни даже смягчить—Александръ уже не могъ. Велѣно было всю Русскую Землю *„привести въ число“*, сдѣлать народную перепись и перечислить всѣхъ подданныхъ Хана поголовно: увеличивъ тѣмъ общій сходъ *тамги и десятины* со всего народонаселенія, обложить еще всѣхъ подушнымъ сборомъ. Тщетны были ходатайства Александра на этотъ разъ объ избавленіи своего отечества отъ такого гнета; хищный и корыстолюбивый властникъ Кипчакской Орды стоялъ на своемъ рѣшеніи грозно и неумолимо; ссылался еще и на то, что такова воля *„обладателя вселенной“*. Дѣйствительно, Великій ханъ Менгу, изъ своей при-Амурской столицы, далъ тогда повелѣніе, простиравшееся на всѣ татарскія владѣнія: перечислить всѣхъ подданныхъ Монгольской державы.

Татарскіе численники появились прежде всего въ Муромской области и въ Рязанской; перечислили жителей и переписали всю землю. Кромѣ духовенства, всѣ были обложены разными податями; и всѣ же городскія и сельскія

доходныя статьи, промысловыя пошлины и угодья—за исключеніемъ принадлежавшихъ духовенству—внесены были въ опись. Оттуда „численники“ перешли въ Суздальскую и Ростовскую область; потомъ *„приводили въ число“* и Владимірское княженье. Прошелъ годъ и другой пошелъ, все еще не кончилось приведеніе въ дѣйствіе ханской воли; татары исполняли это съ такимъ тщательнымъ подробнымъ разсмотрѣніемъ,—такъ не спѣша, но и съ успѣхомъ, что ихъ искусству и умѣнью въ этомъ дѣлѣ—нельзя было не дивиться. А для того, чтобы все записанное ими и перечисленное соблюдалось крѣпко—они распредѣлили городскія народонаселенія и сельскія на особые участки по количеству жителей, и учредили надъ ними своихъ собственныхъ надсмотрщиковъ изъ татаръ: десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и такъ далѣе; этимъ татарскимъ надзирателямъ и поручено было наблюдать за правильнымъ сходомъ установленныхъ податей и сборовъ. Изъ Новгорода за все время, какъ происходило это дѣлопроизводство—доносился зловѣщій гулъ. Нигдѣ не произошло безпорядковъ, не было ихъ за это время и въ самомъ Новгородѣ: установившаяся тамъ тишина при вторичномъ водвореніи Александрова сына Василья казалась ненарушимою. Самъ Александръ пристально слѣдилъ за ходомъ переписи во всѣхъ областяхъ, куда ни наѣзжали татары: какъ у своихъ подручниковъ, князей Бориса и Глѣба Васильковичей въ Ростовѣ, и въ Суздалѣ у его брата Андрѣя Ярославича, и далѣе въ Костромѣ и Угличѣ у прочихъ князей—такъ и у себя во Владимірѣ и въ Переяславлѣ-залѣсскомъ,—татары нигдѣ не жаловались: всюду имъ было оказано должное повиновенье. Заботы и тревоги при этомъ отняли много времени и здоровья у Великаго князя. Пристально слѣдилъ онъ въ то же время и за Новгородомъ; но сидѣвшій тамъ родной его старшій сынъ достигъ объ эту пору уже шестнадцатилѣтняго возраста,—казалось, и самъ онъ довольно освоился съ новгородцами и они сжились съ нимъ,—а горделивыми рѣчами и пустою похвальбой своею новгородцы славились отъ вѣка: на это можно было и не обращать особеннаго вниманія.

Напослѣдокъ (не ближе какъ въ зиму съ декабря 1257 на генварь 1258-го) татары поѣхали за *„числомъ“* и на берега Волхова. Искусники этого дѣла, притомъ набившіе въ немъ

руку уже и опытностью истекшихъ двухъ лѣтъ — самые важные и главные сановники, коимъ было ввѣрено это дѣлопроизводство, и помощники ихъ и помощники помощниковъ и рядовые писцы—прибыли на берега Волхова благополучно. Отпуская ордынцевъ у себя во Владимірѣ, Александръ придалъ имъ нѣсколько мужей и отъ себя, — но самъ не поѣхалъ съ ними, — сталъ ожидать вѣстей изъ Новгорода отъ княжича Василья.

Отъ сына вѣстей еще не приходило, а ужъ главные ордынцы изъ численииковъ — тѣ самые, имъ же подобала честь равная съ ханскими великими послами—вдругъ съ шумомъ и гнѣвомъ возвратились во Владиміръ. Чѣмъ именно обидѣлись татары въ Новгородѣ — этого нельзя было разобрать изъ неистовыхъ жалобъ неиствовавшихъ пословъ; но они оглушительно выговаривали Великому князю, что поѣхали въ Новгородъ, положась на его увѣренія; а если такъ-то поступаютъ съ ними—они всѣ дѣла бросятъ и сейчасъ же всѣ назадъ поѣдутъ въ Орду. „*Александръ же разумѣ бѣду тую, созва братью, и едва упроси Послы Хаискіе*“. Изъ Суздаля Андрѣй Ярославичъ къ брату, а изъ Ростова Борисъ Васильковичъ къ двоюродному дядѣ своему—прибыли на зовъ Александра тѣмъ же часомъ,—и князья всѣ втроемъ—ручались посламъ за ихъ полную безопасность, ссылались на вѣроятность какого-нибудь случайнаго недоразумѣнія, и уговорили ихъ—въ сопровожденіи съ собою и дружинъ ихъ княжескихъ — немедленно же возвратиться въ Новгородъ для исполненія ханской воли. Но когда, дѣйствительно, въ сопровожденіи Бориса Васильковича и Андрѣя Ярославича и самого Великаго князя Александра, съ ихъ дружинами, упрошенные ими татарскіе сановники подошли къ Новгороду—княжичъ Василій не вышелъ навстрѣчу къ отцу. Отъ татаръ, кинувшихся вслѣдъ за бѣгствомъ своихъ сановниковъ кто куда, оставались тутъ на мѣстѣ лишь малые люди и тѣхъ было немного; всѣ подтверждали только, что новгородцы *не дались подъ число*; а въ самомъ городѣ творилось не вѣсть что. Посадникъ Михалко Степановичъ былъ убитъ—(а посадника Ананія еще съ осени, отъ Успеньева дня, въ живыхъ не было). Про князя Василья одни говорили, что онъ заодно со всѣмъ народомъ умереть готовъ за „*новгородскую вольность*“; а другіе говорили, что его нѣтъ

въ городѣ. Былъ поставленъ второй посадникъ, убили и второго; тысяцкаго Клима прогнали. Оказалось, что княжичъ Василій, заслышавъ на себя походъ отца своего, дѣйствительно кликнулъ кличъ въ народѣ: „намъ везутъ оковы! умремъ за волю новгородскую!“ бывъ тому наученъ боярами: съ ними же потомъ, со всѣми зачинщиками, и убѣжалъ въ Псковъ. Александръ хотѣлъ молніей обратить туда же; но татары не отпускали его отъ себя. А новгородцы выслали сказать посламъ: „честь царю вашему и вамъ честь отъ насъ же! мы вамъ зла не дѣлаемъ, примите отъ насъ дары хану, и вамъ дары у насъ готовы же“—и въ самомъ дѣлѣ собрали много золота и серебра, вынесли имъ *дары великіе* и отпустили пословъ съ миромъ. Тогда, прямо сказать, какъ молніей ударило во Псковъ отъ Александрова прихода—и онъ послалъ сказать псковичамъ, чтобы выдали ему сына Василья и всѣхъ бояръ измѣнниковъ тѣмъ же часомъ. Псковъ и не думалъ сопротивляться: исполнили волю Александра съ перваго же слова. Виновные, зная, что Александръ не послабляетъ злодѣямъ, ожидали смертной казни. Шептались и въ народѣ про заключенныхъ въ тюрьмы: „злому золъ конецъ бываетъ! тѣ всѣ бояре князя на зло навели!“—всѣ такъ и ждали въ городѣ: кто обезглавленъ, а кто повѣшенъ будетъ. Зачинщики, дѣйствительно, были тогда казнены люто: нѣкоторые ослѣплены, другимъ отсѣкли руку; также и главнѣйшіе изъ виновныхъ подверглись жестокому наказанію: кому выкололи глазъ, кому урвали ноздри, — другимъ урѣзали языкъ, инымъ уши; княжичъ Василій былъ заключенъ подъ стражу и подъ стражей отосланъ въ Суздаль. Татары были настолько довольны строгостью, оказанною Александромъ къ виновикамъ новгородскаго возмущенія и полученными отъ новгородцевъ дарами, что согласились не жаловаться хану: либо вовсе умолчать о происшедшемъ, либо доложить о томъ мягко,—*„тако численниковъ татарскихъ укроти и умири“*, сказано въ лѣтописи про Александра.

Новгородцы между тѣмъ поставивъ у себя, на мѣсто убитаго Михалка Степановича и еще другаго убитаго Миши, уже третьяго Михаила посадниковъ (Михаила Ѳедоровича) и тысяцкимъ, вмѣсто Клима, Жироху — обратились съ просьбою во Владиміръ: чтобы Александръ не оставлялъ

ихъ долѣе безъ князя. Тамъ же находились многіе изъ нихъ, присланные съ разными порученіями еще и ранѣе того самимъ Невскимъ. Видѣвъ во Владимірѣ собственными очами всеобщую покорность татарамъ и наслышавшись ото всѣхъ жителей своими ушами о кровавыхъ ужасахъ недавняго Неврюева нашествія, они дали знать своимъ соотчичамъ— одни, что „если Новгородъ *не имется по число*, скоро придетъ рать татарская и всѣмъ горе будетъ; а другіе сообщали болѣе зловѣщую новость: „уже идутъ Татары". Утишился тогда Новгородъ, и всѣ въ немъ лучшіе люди рѣшили единогласно: „*даться подъ число*"; такъ было рѣшено, безъ различія сторонъ всѣмъ міромъ, всѣми *вящими* людьми безъ исключенія,—„и былъ ихъ совѣтъ благъ" — говоритъ лѣтописецъ—„они были правы въ этомъ случаѣ, а не *меньшіе*" *). Александръ могъ, такимъ образомъ, успокоить вельможъ татарскихъ добрыми вѣстями о прекращеніи мятежа въ Новгородѣ и просилъ ихъ болѣе не медлить: дальше не откладывать исполненія ханской воли. Послы татарскіе важно и спесиво изъявили на то согласіе съ своей стороны; потребовали однакожъ, чтобы самъ Великій князь сопровождалъ ихъ. Но когда ордынскіе чиновники, шедшіе перечислять „*всю землю Новгородскую и Псковскую*", опять показались въ вольномъ городѣ и распространились по всѣмъ волостямъ вкругъ Новгорода — установившееся было въ немъ согласіе подчиниться ханскому повелѣнію— куда дѣлось? его какъ не бывало. Какъ только прибыли татарскіе сановники и стали выгружаться изъ своихъ кибитокъ „*съ женами своими*"—какъ начали по всему городу отводить имъ лучшіе дома и дворы для постоя, а сотники, десятники и рядовые татары уже указывали распорядки по всѣмъ улицамъ, какъ они будутъ изъ одной переходить въ

*) А когда всѣ вящіе люди сходились въ Новгородѣ на одной мысли— черезъ что меньшіе лишались вожаковъ своихъ, прикидывавшихся въ иныхъ случаяхъ ихъ заступниками и друзьями—тогда меньшимъ ничего не оставалось и дѣлать, какъ волей-неволей покориться: не дали бы имъ на вѣчѣ и рта разинуть въ такомъ случаѣ. Что общій совѣтъ былъ благъ и что на этотъ разъ *были правы большіе*—вполнѣ понятно такое выраженіе лѣтописца. Такъ какъ, помимо прочихъ татарскихъ сборовъ, подушная подать—какъ личная—была про всѣхъ одинаковая, то бѣдняки и роптали на богачей за такое неуравненіе подати, мало значившей для богатыхъ, а для простонародья—тяжкой: въ чемъ ужъ не было вины богатыхъ.

другую и изъ двора во дворъ, всѣ дома переписывать—зловѣщій гулъ не умолкалъ въ цѣломъ городѣ. А слышно было, что и по всѣмъ волостямъ неспокойно: безчестили татаръ *„туску беручи“*, то-есть глумились хульно и ругательски подымали на-смѣхъ. Послы просили Александра къ ихъ домамъ приставить стражу для охраненія: онъ приставилъ дѣтей боярскихъ и въ ихъ числѣ посадникова сына—стеречь ихъ дворы по ночамъ. Но ни тысяцкаго, ни посадника для *вѣчниковъ* болѣе не существовало; волновалась уже не только чернь, но и *вящіе* люди раздвоились,—опять взялось общее супротивничество однихъ къ другимъ; *начаша воевати сами на ся.* Послы грозились снова, что бросятъ всѣ дѣла и уѣдутъ прочь. Великій князь долженъ былъ находиться при нихъ безотлучно. Въ народѣ кричали: „умремъ за святую Софію!“ Татары обращались къ новгородскому боярству и внушительно повторяли: „либо дайте намъ *число*, либо мы уѣдемъ назадъ“; бояре слагали съ себя вину на народъ. Послы грозили тогда ужъ самому Великому князю: „чего жь намъ ждать болѣе? убьютъ насъ!“—А на площади, одолѣвая и заглушая прочихъ, все громче раздавались суровые голоса *„сотворимъ супоръ!* кто добръ—тотъ съ нами!“ Толпа народная была увѣрена въ своей правдѣ, и роптали: *„большіе* велятъ намъ даться *подъ число:* себѣ творятъ легко, а намъ *меньшимъ* зло“, и гуломъ гудѣло уже по всему городу: „умремъ за правду“. Вдругъ былъ пущенъ слухъ, что татары хотятъ съ двухъ сторонъ ударить на здѣшній кремль,—со всѣхъ улицъ толпами кинулись тогда къ собору, и стономъ стоялъ кликъ въ народѣ: „всѣ туда! тамъ, у святой Софіи, и сложимъ свои головы“. Но татары ужъ думали единственно лишь о собственномъ спасеніи,—самъ Великій князь уже опасался за пролитіе ихъ крови: болѣе не удерживалъ ихъ. Такъ и отъѣхали прочь, не только не кончивъ переписи въ Новгородѣ, даже не приступивъ къ ней. Кровопролитнаго мятежа, однако, не произошло въ мятежномъ и привычномъ къ кровопролитію вольномъ городѣ: ни въ его стѣнахъ, ни въ окрестностяхъ по всѣмъ волостямъ, ни одинъ изъ *„поганыхъ сыроядцевъ“* тронутъ не былъ; никто не могъ пожаловаться тогда изъ татаръ, чтобы кому-нибудь изъ нихъ причинили худо.

Тогда (въ зиму съ декабря 1258-го на генварь 1259-го

года) прибыли во Владиміръ два новыхъ нарочитыхъ посла, такіе великіе у татаръ вельможи, что въ народѣ запомнили даже и имена ихъ: Беркай и Касачикъ—затѣмъ и присланные изъ Орды, чтобы принять *численниковъ* подъ свое начальство и привести Новгородъ *подъ число* во что бы то ни стало. На пути съ ними въ новгородскій походъ, Александръ присоединилъ къ себѣ въ Ростовѣ полки племянника Бориса Васильковича: тутъ горячо привѣтствовалъ Невскаго изнемогавшій уже отъ престарѣлыхъ лѣтъ, но неизмѣнный другъ его Кириллъ, ревностный святитель ростовскій. Къ нимъ же присоединилъ свои полки и суздальскій князь, братъ Невскаго, Андрѣй Ярославичъ: такъ потребовали отъ Великаго князя Беркай и Касачикъ, и въ огромной силѣ подступили къ Новгороду. На этотъ разъ *устрашишася новгородцы и ящася по число*"; новые именитые начальники *численниковъ*, не прежде уѣхали оттуда назадъ въ Орду, какъ при себѣ начавъ дѣло и обезпечивъ своимъ сослуживцамъ полную возможность спокойно продолжать его—„ѣздить по улицамъ, изъ двора во дворъ, описывая домы христіанскіе,—и „*изочтоша* всю землю Новгородскую и Псковскую".

Какимъ образомъ это случилось и что именно произошло тогда въ Новгородѣ—объ этомъ нѣтъ разногласія у нашихъ лѣтописцевъ. Новгородъ оказалъ и на этотъ разъ не менѣе ожесточенное сопротивленіе, какъ и прежде, длившееся бурно, долго и упорно. Оба могучихъ противника—съ одной стороны многолюдное населеніе огромнаго города, вооружившееся поголовно, а съ другой многочисленные же воины Великаго князя и воеводъ ханскихъ—уже готовы были къ кровавой схваткѣ. Можно бы сказать, двѣ равныя силы, взаимно напряженныя одна противъ другой, достигли уже, въ крайнемъ раздраженіи, того рѣшительнаго мига, за которымъ роковой исходъ былъ неизбѣженъ... мгновенно блеснувшая тогда мысль въ умѣ Александра отклонила роковую неизбѣжность; въ рѣшительный мигъ онъ повелительно умолилъ ханскихъ пословъ оставить городъ и, объявивъ новгородцамъ, что истощивъ съ своей стороны всѣ средства къ ихъ спасенію, оставляетъ ихъ на произволъ ханскаго гнѣва: пускай они безъ него, какъ сами знаютъ, вѣдаются съ татарами—отдалъ приказъ

по войскамъ къ отступленію, сталъ и самъ сниматься съ городища. Противники ждали его мановенія войску къ нападенію на нихъ, а онъ далъ повелѣніе отступать: Александрово удаленіе произвело ужасъ въ Новгородѣ: разомъ подчинились всѣ. Тутъ же было рѣшено всенароднымъ множествомъ: просить Александра о неоставленіи Новгорода и отдаться ему *на всей его волѣ*. За то и радость потомъ была несказанная: *„татарове, вземши число, идоша въ Орду, и бысть миръ и тишина велія въ Новгородѣ, а князя Александра Ярославича новгородци у себя уняша и много чествоваша его“*. Пробывъ у нихъ нѣкоторое время по ихъ просьбѣ, онъ не могъ у нихъ задерживаться долго—„Александра же удержаша Новгородци и чтиша много“—но обѣщалъ не оставлять ихъ и тогда же далъ имъ на княженіе второго сына своего Димитрія Александровича *). Возвращаясь послѣ того во Владиміръ, онъ провелъ день цѣлый (среду Страстной недѣли) въ Ростовѣ, гдѣ всей семьею двоюродные племянники, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, привѣтили его тотъ разъ особенною лаской и любовью,—тутъ была и черница мать ихъ (дочь мученика Михаила Черниговскаго, вдова памятнаго же, замученнаго татарами юнаго Василька Константиновича) княгиня инока Марія. Молебствуя въ здѣшнемъ соборѣ Богородицы, у гроба святителя Леонтія, Александръ съ особеннымъ чувствомъ привѣтствовалъ тогда епископа Кирилла и говорилъ ему: „отче святый! туда въ Новгородъ ѣхалъ я—твоими молитвами здравъ былъ; здоровъ и сюда пріѣхалъ—твоими же молитвами святыми“.

Послѣдніе подвиги Александра. Заботы и тревоги послѣднихъ лѣтъ отняли много времени и здоровья у Великаго князя. Лишь за 1260-й годъ отмѣчено въ лѣтопиги *„бысть тишина великая христіанамъ“* и начало 1261-го *„мирно бысть“*: въ этомъ году родился у Александра младшій сынъ

*) По удаленіи численниковъ изъ Новгорода, по всему знать, въ немъ, какъ и ранѣе того времени, не было поставлено баскаковъ, ни всѣхъ другихъ чиновъ татарскихъ,—и Новгородцы, обязавшись отсылать *ордынскій выходъ* прямо черезъ посредство князя, могли въ этомъ отношеніи гордиться передъ прочими городами. Похоже притомъ, что и самое это было выговорено въ ихъ пользу Александромъ: тѣмъ понятнѣй въ этомъ случаѣ и то *„великое чествованіе“*, которое, по примиреніи съ татарами, оказали ему Новгородцы.

Даніилъ; послѣ же того, прямо сказать, не имѣлъ онъ больше и отдыха отъ новыхъ разразившихся смутъ и бѣдствій—уже неотвратимыхъ. Не въ томъ еще было *„иго монгольское“* для русскаго народа, что его пересчитывали и переписывали, какъ рогъ и копыто въ стадѣ для смѣты скопа; не въ томъ, что приставили къ нему сотниковъ и десятниковъ, татарскихъ надзирателей и надсмотрщиковъ: настоящее иго было еще впереди. Ханы стали сдавать *„Русскую дань“* на откупъ разнымъ купцамъ Хивинскимъ, Бухарскимъ и Туркестанскимъ: *„бесерменамъ“* однимъ словомъ, какъ ихъ называли. Въ числѣ ихъ прислужниковъ и даже дольщиковъ находились люди всякаго языка и всякихъ вѣръ—и изъ армянъ и изъ жидовъ; это были, какъ сами басурманы, все опытные въ хитростяхъ корыстолюбія и въ торговлѣ азіаты, перемѣшавшіеся и по безвѣрію своему съ басурманствомъ. Появились на Руси эти неслыханные еще и невиданные до тѣхъ поръ откупщики дани, и стали властвовать на Руси хуже самихъ татаръ. Они сдѣлались истинными мучителями народа, выжимали изъ него послѣднее, накладывали ростъ на недоимщиковъ злѣе злѣйшихъ ростовщиковъ; несостоятельныхъ забирали въ рабство и продавали въ неволю, выводили на правежъ: били батогами и кнутомъ. Житья не стало отъ этихъ алчниковъ въ пестрыхъ халатахъ изъ шемаханскихъ шелковъ: *„не можаху бо уже терпѣти насилія поганыхъ“*. И изъ края въ край по всему Владимірскому княженію—даже до Галича Мерянскаго, до Устюга и дальше—городъ за городомъ стали звонить у себя вѣче и скликались всѣмъ міромъ бить басурмановъ. Любому смутчику въ любомъ городѣ довольно было тогда кликнуть: *„рѣжутъ* татары!“ или сослаться, не на то даже, что „поганый“ дочь ли, жену ли чью увелъ къ себѣ неволею, а отнялъ кобылу или жеребенка на торгу—и по всему городу лилась кровь и производились разбои: если не прямо съ цѣлью грабительства, однакожъ съ цѣлью разоренія „поганыхъ“. Въ народѣ къ тому же, особливо въ городскомъ населеніи, не безъ черни; если въ Галичѣ у Даніила Романовича при тамошнихъ „многихъ крамолахъ и возстаніяхъ“ являлись такіе отщепенцы и проходимцы, какъ Волдрысъ да Климята — не обходилось же безъ нихъ и въ Галичѣ Мерянскомъ, въ Костромѣ, въ Ярославлѣ. Въ Устюгѣ, напримѣръ, когда вспыхнулъ мятежъ въ городѣ и все

населеніе сбѣжалось на зовъ набатнаго колокола, даже мирные граждане ревностно участвовали въ мятежѣ, повѣривъ кому-то на-слово: „дескать, самъ Великій князь прислалъ на Устюгъ такую грамоту, чтобы бить татаръ“ *). Въ Ярославлѣ, гдѣ также „крестьяне *въ ярости сердца* своего избавишася отъ лютаго томленія бусурманскаго“ при избіеніи татаръ былъ убитъ русскій воръ „дьявольскій сосудъ, вѣроотступникъ Изосима“, хвалившійся своею дружбой съ баскаками, и также состоявшій дольщикомъ у скупщиковъ дани, кощунникъ изъ монашенства перешедшій въ мусульманство, отличавшійся тѣмъ, что постыдныя слова не сходили съ его языка. Трупъ его выволокли за ноги вонъ изъ города и бросили псамъ на съѣденіе.

Больше нигдѣ ни въ одномъ городѣ нельзя было поручиться за общественную тишину и безопасность, вездѣ вспыхивали кровопролитные безпорядки: ужъ имъ не было уйму ни въ Суздалѣ, ни въ Ростовѣ; также и къ Переяславлѣ-залѣсскомъ „избили татаръ“. Правда, эти возмущенія не были возстаніемъ собственно противъ монголовъ: били откупщиковъ и ихъ приставниковъ, а не войска ханскія. Это не могло возбудить ханскаго гнѣва въ такой же мѣрѣ, какъ если бы избивали его собственныхъ воиновъ и чиновниковъ,—тѣмъ не менѣе однако ожидали неминуемо ханскаго гнѣва. Александръ изъ послѣднихъ силъ поддерживалъ еще миръ и спокойствіе у себя въ столицѣ; а слышно было, что изъ Орды уже двинуты полки для усмиренія Руси.

А изъ Новгорода давали знать, что снова поднялись Ливонскіе рыцари и шли на Псковъ. Александръ еще имѣлъ время послать въ Новгородъ на помощь къ своему сыну Димитрію Александровичу собственныя свои дружины и велѣлъ итти съ ними въ походъ брату своему князю Ярославу Ярославичу

---

*) Въ Устюгѣ, монгольскій чиновникъ Буга, собирая дань съ жителей, „взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но успѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нея, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностью пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь *соколиною* охотой, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которая доселѣ именуется Сокольею горою“. (Ист. Госуд. Рос. т. 4-й).

тверскому. Напутствуя своихъ дружинниковъ въ Ливонскій походъ, горячо просилъ онъ ихъ на прощаньи: „послужить также его сыну Димитрію, какъ они всегда служили ему самому“ и еще разъ, и уже послѣдній разъ „*дабы отмолить люди отъ бѣдъ*“ пошелъ въ Орду. Привезенные имъ дары хану никогда не были такъ велики, и, можетъ быть, самыя просьбы еще такъ усиленны, какъ въ этотъ разъ: но Александру дали почувствовать, что имъ недовольны. Ханъ Беркій, этотъ „*любитель искусствъ и наукъ, украсившій новыми зданіями свою Кипчакскую столицу*“, былъ теперь уже не тотъ, что въ дряхлость Батыя или вскорѣ по его смерти, когда спорилъ еще изъ-за престола съ Сартакомъ и ждалъ о себѣ рѣшеній изъ Великой Монголіи отъ Менгу; въ это самое время къ тому же былъ онъ раздраженъ неудачами своего оружія въ Персидскихъ предѣлахъ, гдѣ, изъ-за спора о смежныхъ областяхъ, воевалъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ ханомъ Гулагу. Александра продержали безъ надобности всю зиму въ Ордѣ, какъ бы показывая, что былъ онъ тутъ избалованъ оказываемою ему до сихъ поръ честью: „*царь не пусти его въ Русь, и зимова въ Ордѣ, тамо и разболѣся*“; продержали потомъ все лѣто и напослѣдокъ въ глубокую осень дали знать, что „можетъ ѣхать назадъ“. Больной и разстроенный прибылъ онъ оттуда въ Нижній-Новгородъ; а когда его привезли въ Городецъ, онъ былъ уже при смерти: приготовясь къ ней схимническимъ постриженіемъ, тамъ и скончался 14 ноября 1263 года *).

Любимаго отца его духовнаго, ростовскаго Кирилла тогда уже не было въ живыхъ. По великому изнеможенію и старости глубокой оставивъ епископство въ тотъ самый годъ, когда Александру родился младшій его сынъ Даніилъ (1261 г.) ростовскій святитель тогда-же и скончался вскорѣ: за полтора года ранѣе Александра. За то другой Кириллъ, также неизмѣнный другъ Невскаго, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, горячо оплакалъ и самъ хоронилъ его во Владимірѣ. Онъ находился въ великокняжеской столицѣ и случи-

*) По Волгѣ въ верхнемъ ея теченіи было нѣсколько такихъ жилыхъ мѣстечекъ, которыя звались *Городцами*. Въ которомъ изъ нихъ скончался Невскій, также какъ напримѣръ и то: въ которое именно изъ нихъ нѣкогда былъ сосланъ дядя его Юрій Всеволодовичъ, лишенный Владимірскаго престола послѣ Липецкаго боя—нельзя сказать утвердительно.

лось такъ: былъ окруженъ многими людьми изъ мірянъ, бѣдными и богатыми, а также духовенствомъ, когда до него дошла вѣсть о смерти Невскаго, никому въ городѣ еще неизвѣстная. „Чада мои милыя“, кликнулъ онъ, заливши слезами, „закатилось наше красное солнышко!..“ и не могъ продолжать отъ рыданья. Всѣ были поражены ужасомъ и недоумѣніемъ. „Александра не стало!“ досказалъ митрополитъ; окружавшіе завопили: „уже погибаемъ!“ И всеобщимъ воплемъ огласилось горе въ народѣ: „пришла наша конечная погибель“—одно это и повторяли. Когда гробъ Александра Невскаго на пути въ Великокняжескую столицу приблизился къ Боголюбову, всѣ владимірцы выходили на встрѣчу крестнымъ ходомъ; митрополитъ Кириллъ съ духовенствомъ несли свѣчи и кадильницы. Всѣ умилялись духомъ, утѣшаясь тѣмъ по крайней мѣрѣ, что гробъ былъ принесенъ открытымъ: усопшій въ немъ лежалъ какъ живой, и можно было народу проститься съ княземъ, который много пострадалъ за всю Русскую землю, и пріялъ многое томленіе за всѣхъ;—онъ лежалъ безгласенъ и бездыханенъ, а никто не хотѣлъ и вѣрить, что его не стало. Тьмочисленный народъ рвался къ гробу отдать послѣднее цѣлованіе усопшему. Ужасъ объялъ всѣхъ, предстоявшихъ гробу при отпѣваніи: по обыкновенію, передъ покрытіемъ гробовою крышей, надлежало вручить усопшему прощальную грамоту, и когда Владыко хотѣлъ, поднявъ схимническій его покровъ, по обыкновенію разнять и суставы палецъ дабы вложить грамоту, двигнулась рука какъ живая и сомкнулась. Всѣ содрогнулись. Такъ, даже стоя у его гроба, все еще не хотѣлось вѣрить, что онъ не живъ. Такъ кончина Невскаго, неожиданнымъ ударомъ обрушившаяся на Русскую землю и составившая народное бѣдствіе, поразила современниковъ: даже хороня его, не вѣрили, что его больше нѣтъ. Ужасъ напалъ на всю Русскую землю отъ его преждевременной кончины. Рожденный въ 1220-мъ году, какъ припоминали, Александръ скончался сорока двухъ лѣтъ.

И чтилось его имя, былъ почитаемъ самый гробъ его въ русскомъ народѣ за святыню, съ того самаго 1263 года—изъ вѣка въ вѣкъ, и изъ рода въ родъ. Когда на берегахъ Невы возникла новая русская столица и былъ заключенъ вѣчный миръ со Шведами, „Великій Государь царь Петръ

Алексѣевичъ древле-наслѣдственную страну Ижорскую на Невѣ—россійскому скиперту возвративъ, *возжела* въ прославленіе трудовъ за отечество россійское со Свейскимъ же народомъ воинствовавшаго и преславную побѣду получившаго, отъ побѣды надъ Невой Невскаго нареченнаго, святаго благовѣрнаго Александра честныя мощи въ новопостроенный градъ принести. И узакониша соборнѣ память святаго въ вѣчные роды праздновати августа 30-го, въ оньже перенесеніе сотворится мощей его и Свейская брань желаемымъ окончася миромъ“ *).

---

*) Если есть такіе простецы между почитателями Александра, которые въ томъ, что „святой, аки живъ, разогну руку и паки согну руку“, готовы видѣть чудо, такъ не мало и простецовъ другаго рода, между жизнеописателями его, которые ни святости ни чудесъ не видятъ даже тамъ, гдѣ они явны. Въ примѣръ совершеннаго непониманія историкомъ подвиговъ этого Князя нельзя не указать на „Исторію Русскаго Народа, соч. Н. К. Полевого“ (см. ея IV томъ). Но и всѣ вообще, начиная отъ „Россійской Исторіи тайнаго совѣтника и Астраханскаго губернатора В. Н. Татищева“ до позднѣйшихъ, обличаютъ въ воззрѣніи ихъ авторовъ нѣкоторую рознь съ русскимъ народнымъ воззрѣніемъ относительно этого князя, слѣдовательно и не полное съ ихъ стороны пониманіе его. Одинъ изъ усерднѣйшихъ хвалителей благовѣрнаго князя и ревностный чтитель нашей старины, влагаетъ такія слова въ уста Невскаго, при описаніи новгородскаго бунта: „Оставимъ потомкамъ нашимъ память великихъ дѣлъ! Жизнь братій вашихъ гибнетъ, а вы жалѣете золота и серебра? Отошлите сіи приманки разврата къ Татарамъ: пусть они обезсилятъ ихъ мужество“. Прекрасно и, можно даже сказать, близко къ истинѣ подобное представленіе себѣ Александра со стороны образованнаго автора; но Невскій такихъ словъ не произносилъ. Объ его святости тутъ-же прибавлено: „Слава вписала имя его въ число великихъ полководцевъ; за вѣру и добродѣтель онъ причисленъ къ лику святыхъ“. Но „причисленіи къ лику“ не подвѣдомственно народу; въ русской же исторіи (въ этомъ, можно бы сказать, откровеніи совѣсти русскаго народа) такое „причисленіе“ никогда не предшествовало, а всегда являлось уже послѣдствіемъ признанія святости по установившемуся воззрѣнію самого народа; прямо сказать: зависѣло и зависитъ отъ всенароднаго признанія. Изъ вѣка въ вѣкъ чтили православные своего благовѣрнаго князя и изъ рода въ родъ—ранѣе, чѣмъ по перенесеніи мощей на берега Невы, былъ установленъ праздникъ 30-го августа. И до сихъ поръ, даже въ наши дни, въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ Русской земли, гдѣ, казалось бы, нѣтъ и памяти объ Невскомъ, можно услыхать еще въ народѣ: „святой былъ страдалецъ! за насъ кобылье молоко въ Ордѣ пилъ!“ Такъ говорятъ даже и невѣдующіе собственно о праздникѣ 30 августа. Говоря о томъ же, нашъ исторіографъ прибѣгнулъ къ слѣдующему выраженію: „Добрые Россіяне (?!) включили Невскаго въ

Особенность эпохи Александра Невскаго. Пока ханъ Беркій втеченіи почти цѣлаго года, всю зиму и лѣто, не отпускалъ Великаго князя изъ Орды—*„удержа его царь, не пусти его въ Русь“*, въ отсутствіе Невскаго война съ нѣмцами въ Ливоніи шла своимъ порядкомъ. Славныя дружины Александра, служившія ему всю жизнь вѣрой и правдой, также точно сослужили службу и сыну его Димитрію Александровичу въ этомъ Ливонскомъ походѣ. Они взяли приступомъ великій градъ Юрьевъ, звавшійся у нѣмцевъ Дорпатъ (правильнѣе же по мѣстному нарѣчію тогдашнихъ туземцевъ: *Дерпьта*, русскіе и произносили: Дерптъ). Хотя нѣмцы, завладѣвъ имъ послѣ вѣчно-памятной гибели доблестнаго Вячка, сильно укрѣпили этотъ городъ, однакожъ онъ не одинъ разъ изъ ихъ рукъ опять переходилъ къ Псковичамъ. Ливонцы, захвативъ его вновь пособіемъ русскихъ измѣнниковъ въ послѣднюю смуту Псковскую, обвели его тройнымъ рядомъ стѣнъ; братъ Невскаго князь Ярославъ Ярославичъ съ своими тверитянами и юный сынъ Невскаго съ вѣрными отцовскими дружинами не устрашились грозной твердыни. „*Бѣ* нѣмецкій Юрьевъ вельми крѣпокъ о три стѣны каменныя и множество людей *бѣ* въ немъ всякихъ; но помощью Божьею взятъ бысть градъ, и люди многи града того избіены *быша*, а иныхъ живыхъ *изнимаша*, и иніи *погорѣша*. А князь Ярославъ со княземъ Димитріемъ и съ прочими, и со всѣми вои своими *возвратишася* со множествомъ полона и съ великою честью“. Нѣмцы, правда, хвалились тотъ разъ, что они удержались, по взятіи двойного ряда ихъ стѣнъ, за третьею стѣною въ самомъ кремлѣ; но тогдашній походъ пришлось прекратить ранѣе предположеннаго срока — не по винѣ Русскихъ, а по винѣ ихъ союзниковъ. Этотъ Ли-

---

ликъ своихъ Ангеловъ хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику Отечества, разныя благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего князя!“ (Истор. Госуд. Россійск. Т. IV). Онъ же величаетъ Невскаго постоянно героемъ: но *кое общеніе свѣту ко тьмѣ? кое же согласіе христова съ веліаромъ?* Языческая кличка героя пристала-ли святымъ людямъ? Описывая его „величественную красоту“, исторіографъ прибавляетъ: „пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на вѣчахъ“,—но лѣтописное выраженіе „яко труба въ народѣ“ заимствовано изъ Писанія и, какъ въ пословицѣ „гласъ народа—гласъ Божій“, собственно о звучности или незвучности голоса тутъ нѣтъ и рѣчи.

вонскій походъ тѣмъ и былъ особенно замѣчателенъ, что въ помощь русскимъ князьямъ подошли тогда воевать за одно съ ними противъ нѣмцевъ и *„князцы литовскіе“* изъ Полоцка, Смоленска и волынскихъ мѣстъ. Можно бы сказать: полки Владимірскаго княженія и Новгородскіе сами дивились тотъ разъ союзникамъ своимъ: въ томъ была для нихъ новость. Не прошло еще четверти вѣка, какъ отецъ Димитрія Александровича, самъ Невскій, воевалъ въ здѣшнихъ мѣстахъ (Ледовое побоище 1242 года), и многое измѣнилось съ тѣхъ поръ. Дружинники, бившіеся теперь подъ знаменами юнаго Александрова сына, помнили еще тѣ времена, когда они, воюя литву съ его отцемъ, привязывали ея плѣнныхъ къ хвостамъ коней для посрамленія; а наконецъ того—та-же ли, не та-ли самая литва была къ нимъ прислана въ помощь съ Волыни: тамъ ужъ ее считали за приверженцевъ и друзей своихъ. Теперь въ числѣ главныхъ союзниковъ, кромѣ другихъ *„литовскихъ князцевъ“*, былъ тутъ Полоцкій князь Товтивилъ, племянникъ Миндовга. Воевалъ тутъ же и самъ Миндовгъ, *„хотѣвшій быть самовластцемъ во всей землѣ Литовской“*; но онъ-то и былъ виновникомъ неполной удачи тогдашняго Ливонскаго похода. Условлено было напасть на нѣмцевъ всѣмъ въ-разъ; а между тѣмъ, когда подошли Русскіе, Миндовгъ уже воротился во свояси—въ мѣста древнихъ Дряговичей, гдѣ Новогрудекъ почитался тогда его столицей. Такъ многое измѣнилось въ короткое время.

Эпоха Александра Невскаго, вообще должно замѣтить, и составляетъ тотъ предѣлъ въ русской исторіи, послѣ котораго обѣ эти сосѣднія земли — во 1-хъ, такъ называемая *„Ливонія“* и во 2-хъ, такъ называемая *„Литва“*—какъ бы внезапно объявились за особливыя громкія державы въ мірѣ—искони враждебныя Руси: тогда какъ обѣ, по ея собственной винѣ, выросли на ея почвѣ, завелись тайкомъ въ ея собственныхъ предѣлахъ. Въ пользу „Ливоніи“ были на то однѣ причины, а въ пользу „Литвы“ другія,—притомъ нѣкоторыя изъ нихъ для той и другой были общія. Подробный разсказъ о *„коронѣ Литовской“* по необходимости долженъ быть изложенъ особо; а что касается до Ливонской державы, то уже ко всему сказанному „о вторженіи нѣмцевъ и объ Орденѣ Ливонскихъ рыцарей“ добавить остается немного.

Эта новоявленная подъ вымышленнымъ латинскимъ именемъ страна—втайнѣ зачавшаяся около трехъ двадцатипятилѣтій тому назадъ и устроившаяся втихомолку съ наибольшимъ успѣхомъ въ послѣднее двадцатилѣтіе при нашествіи на Русь татаръ—*„Ливонія“* выступила наконецъ во всеоружіи правъ на свою державную самобытность — по весьма простой причинѣ: сами русскіе ей помогли въ томъ. У Ливонцевъ была мысль отъ начала: не только крестить язычниковъ, но подчинить себѣ новгородцевъ и псковичей, обративъ и ихъ въ свою вѣру. Когда, напримѣръ, Рижскіе нѣмцы спорили „съ Данами и Свеями“ о здѣшнихъ владѣніяхъ и папа велѣлъ Рижанамъ уступить часть Ливоніи ихъ соперникамъ, тогда онъ прямо указывалъ Ливонскимъ крестоносцамъ, что взамѣнъ того они должны вознаградить себя покореніемъ Руси. Новгородцы и псковичи однако, подъ предводительствомъ еще Мстислава Удалого, а потомъ Ярослава Всеволодовича и, наконецъ, Александра Невскаго не дались нѣмцамъ. Но заключая съ ними договоры о мирѣ (причемъ рижане подтверждали: „что есьмя зашли мечемъ Псковъ, Водь, Лугу, Летголу мы всего того отступаемъ), Русь тѣмъ самымъ какъ-бы еще и закрѣпляла остальную Ливонію за рыцарями уже безспорно. А по мѣрѣ того, какъ державная самобытность Ливоніи упрочивалась за нею все болѣе и болѣе—Рижскіе нѣмцы содѣйствовали уже и возникновенію „Литвы“. Съ пользой для себя указывая на то, что послѣ паденія Полоцкаго княженья, по сосѣдству съ ними отнюдь не Русь, а Литва—ливонцы, съ ясно обозначившимися видами, что хотятъ и ее подчинить себѣ, всячески споспѣшествовали Литвѣ сложиться въ особую отъ Руси державу. Сложась за одно съ Орденомъ Тевтонскихъ рыцарей, они сообща напускали туда и Корсь и Жемойть и тѣхъ Пруссовъ, которыхъ гнали у себя въ Кульмской области и вообще въ Поморянской странѣ, — охотно направляли ихъ, за одно съ собой, а то и врознь отъ себя—воевать дальнѣйшіе русскіе предѣлы. Тогда многихъ изъ Поморянъ (Undeutschen) тѣснили и собственно такъ называемые Германцы. Тяга въ русскую литву, разныхъ инородцевъ, тѣснимыхъ тогда нѣмцами—не прекращалась.

Въ связи съ этимъ и одновременно съ тѣмъ происходило и другое явленіе: полное захуданіе тѣхъ вольныхъ Помо-

рянъ, которые изстари велись варяжскими гнѣздами на вольномъ Поморьѣ; тогда, при усилившемся въ тѣхъ мѣстахъ нѣмецкомъ господствѣ, произошло всеобщее бѣгство оттуда издревле-славившихся Ратшей и Тюдоровъ, Дивоновъ и Вейдевутовъ, и тому подобныхъ именитыхъ особъ—слывшихъ, если и не изъ самыхъ знатныхъ владѣтелей на свѣтѣ, однако князьями-же въ ихъ родѣ. Тогда именно произошло полное оставленіе той страны всѣми ими безъ остатка, до полнаго же искорененія на всемъ Поморьѣ ихъ стародавнихъ коренищъ; тогда именно окончательно захудали и перевелись въ конецъ прежнія тамошнія вольныя гнѣзда—тѣ самыя, на которыхъ изстари еще держались тамъ начальнически среди разныхъ племенъ именно эти Ратши и Тюдоры, Дивоны и Вейдевуты со сродниками своими. Изъ вѣка въ вѣкъ, а напослѣдокъ изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе всѣмъ имъ становилось тѣснѣе; въ описываемую-же пору дошло до того, что нельзя было и вовсе оставаться отъ окончательнаго завладѣнія Германцами сплошь всего Балтійскаго Поморья.

А въ свою очередь, въ связи еще и съ этимъ, должно отмѣтить и другое явленіе, котораго въ русской исторіи, при описаніи временъ Александра Невскаго, никакъ нельзя опустить мимо. Къ Александру Невскому, въ Новгородъ и въ его Владимірское княженіе, прибыло и все прибывало, постоянно поступало въ его „Дворъ“ много именитыхъ людей „*изъ Нѣмецъ*“ и „*отъ Пруссъ*“: такъ тогда называлось Балтійское Поморье. Все время не переставали приходить къ нему оттуда на службу новые выходцы и просились къ нему вступить въ дружины тѣ именитые мужи, которыхъ охотно принимали на Руси вслѣдствіе того именно, что были они получужіе и полусвои. Тогда какъ одни изъ нихъ кликались еще Ратшами и Тюдорами, другіе между ними ужъ прямо звались: кто Михайло, а кто Гаврило. „Слава Александрова, — говоритъ исторіографъ, — по свидѣтельству нашихъ *Родословныхъ книгъ*, привлекла къ нему изъ чужихъ земель, особенно изъ Германіи и Пруссіи, многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство до нынѣ существуетъ въ Россіи, и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ“ *). Приходъ этихъ

*) Такъ говоритъ исторіографъ, приписывая этотъ наплывъ выходцевъ „*славѣ Александра*“; а Н. К. Полевой возражаетъ ему въ своей „Исто-

выходцевъ, разумѣется, зависѣлъ уже отъ того, что творилось тогда на всемъ Балтійскомъ Поморьѣ, тѣснимомъ вообще Германіей, а не исключительно Ливоніей; но какъ Ливонія, такъ и Германія состояли въ тѣсной связи одна съ другою. Что же касается до вторженія въ русскую литву, или прямо сказать въ Русь, цѣлыхъ полчищъ Корси, Жемойти и Пруссовъ, это исключительнѣе зависѣло именно отъ Ливоніи; также и самое образованіе „Литовской Короны“ въ нѣдрахъ Руси, главнымъ образомъ, зависѣло уже прямо отъ нея.

ріи Русскаго народа“ (см. томъ IV). „Карамзинъ пишетъ, что слава Александрова привлекла къ нему изъ чужихъ земель, особенно изъ Германіи и Пруссіи, многихъ именитыхъ людей. Онъ ссылается на *Родословныя*. Но извѣстно, какъ щедры были на древность и знаменитость родовъ старинные наши генеологи. Не думаемъ, чтобы въ началѣ XIII вѣка поѣхали въ Русь *именитые* люди изъ Европы. Впрочемъ, и Родословныя не говорятъ о именитости, сказывая просто: выѣхалъ изъ Пруссовъ Михайло, выѣхалъ изъ Нѣмцевъ Гаврило, и показываютъ потомъ роды, происшедшіе отъ этихъ Михайлы, Гаврилы, и прочихъ выходцевъ“. Тутъ авторъ „*Исторіи Русскаго народа*“ ошибается кругомъ, а исторіографъ—на половину: неправы же они оба. Дѣйствительно, какъ бы ни была велика „слава Александра“, никто ради ея не переселился бы тогда въ страну, подвластную татарамъ, изъ Кельна и Аахена. Утвержденіе объ этихъ выходцахъ, такимъ образомъ, что ихъ привлекла слава Александра не совсѣмъ вѣрно; а что они прибыли „изъ Германіи и Пруссіи“ и вовсе ошибочно. Собственно такъ называемой Пруссіи тогда еще и на свѣтѣ не было; выраженіе „*отъ Пруссъ*“ значило тогда: изъ гнѣздилища тѣхъ мелкихъ дикихъ народцевъ, гдѣ, съ прочею разноименною жемойтью, преобладали особенно *Пруссы*. А Германами звали тогда нѣмцевъ вообще—въ частности же именно тѣхъ. которыхъ хотѣли отличить собственно отъ Рижскихъ нѣмцевъ: этихъ послѣднихъ исключительно звали „нѣмцами“, хотя вспоминали впрочемъ что и они Германцы. Такимъ образомъ, если одни выходцы, пришлые къ Александру, были „*отъ Пруссъ*“, то были еще и другіе—изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, однако лежавшихъ на Балтійскомъ же Поморьѣ. А такъ какъ оно все находилось тогда сплошь въ обладаніи „Германовъ“, то о выходцахъ, пришедшихъ къ Александру, иначе нельзя было и выразиться, какъ—объ однихъ, что они вышли „*изъ Пруссовъ*“, о другихъ—„*изъ Нѣмецъ*“: такъ именно и сказано объ нихъ. Но что Исторіографъ зоветъ ихъ и м е н и т ы м и л ю д ь м и—въ этомъ онъ правъ безукоризненно, а его возражатель кругомъ въ ошибкѣ. Потому и были они знамениты, что властвовали или по крайней мѣрѣ держали себя начальнически въ мѣстахъ, слывшихъ издревле вольными притонами тѣхъ вольныхъ людей, которые жили князьями въ собственныхъ поселеніяхъ и господствовали тамъ надъ мелкими полу-

Какимъ образомъ, втеченіи кратковременнаго княженія Александра Невскаго, произошло то, что въ началѣ его дружинники, поражая множество „литвы“ съ ея неисчислимыми князьками, привязывали ихъ къ хвостамъ коней для посрамленія,—а напослѣдокъ воевали противъ Рижскихъ нѣмцевъ въ союзѣ съ Миндовгомъ и его племянникомъ Товтивиломъ—это уже другой вопросъ, именно о *„коронѣ Литовской“*. Юный сынъ Невскаго, Димитрій Александровичъ, и братъ Невскаго — тогда уже тридцатидвухлѣтній Ярославъ Ярославичъ тверской—братаясь оружіемъ и знаменами съ литовцами Миндовга и Товтивила въ Ливонскомъ походѣ, разумѣется, не могли помнить того, о чемъ могла знать и помнить лишь старая дружина Невскаго; но въ истекшія два десятилѣтія—при всеобщемъ переворотѣ, произведенномъ монгольскимъ игомъ—многое такъ измѣнилось на Руси, что многаго-же и сами старики уже болѣе не узнавали. Такъ, напримѣръ, еще Ярославъ Всеволодовичъ, воюя съ литовскими шайками, освободивъ отъ нихъ

дикими племенами разрозненныхъ туземцевъ. Всѣ они, эти выходцы, были уже послѣдними изъ послѣднихъ тѣхъ вольныхъ Поморянъ, которыхъ древле звали варягами и о которыхъ въ послѣднее время стали уже пропадать и слухи. Указываемые Исторіографомъ потомки Ратши и Гавріила—Свибловы и прочіе, а отъ Михаила—Кутузовы и прочіе—заняли видное мѣсто *„въ первыйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ“* благодаря именно еще знаменитости выѣхавшихъ *„отъ Пруссъ и изъ Нѣмецъ“* къ Александру, родоначальниковъ своихъ. Память о старинныхъ Варягахъ, какъ она уже ни заглохла къ этому времени отъ всеобщаго господства нѣмцевъ на всемъ Балтійскомъ Поморьѣ, не вымерла однако еще настолько, чтобы въ ихъ потомкахъ вовсе не видѣть именитыхъ людей: такое окончательное забвеніе о Варягахъ предстояло еще впереди. Главнѣйшій изъ выходцевъ, пришлыхъ къ Невскому, былъ *Ратша*—имя изстари употреблявшееся между Варягами. Въ Кіевѣ, еще во время смутъ послѣ Всеволода Ольговича (1146 г.) жаловались на тіуна *Ратшу:* „Ратша опустошилъ Кіевъ, а Тюдоръ Вышгородъ“. У Всеволода (Большое Гнѣздо) также былъ Ратша въ княжьей дружинѣ: сынъ его Ратшичъ былъ меченосцемъ Великаго князя и ходилъ въ походъ противъ Рязанцевъ воеводою (1211 г.). Имя Тюдоръ также не рѣдкость между дружинниками Русскихъ князей; такъ, напримѣръ, князь Ярославъ Осмомыслъ Галичскій прислалъ въ помощь Рюрику Ростиславичу (въ 1181 г.) „боярина Тудора“ (Р. И. Томъ II, стр. 49). Но что съ такими варяжскими именами перемѣшивались и общепринятыя на Руси — тому и служатъ доказательствомъ имена Гаврилы и Михайлы: выходцы, пришедшіе къ Невскому вмѣстѣ съ Ратшей.

Смоленскъ (въ 1239 году) и прогнавъ оттуда одного изъ литовскихъ князцевъ, возвратилъ этотъ городъ въ родъ смоленскихъ князей: посадилъ тамъ внука Мстислава Романовича (который Мстиславъ Романовичь убитъ въ бою на р. Калкѣ); а Александръ Невскій ѣздилъ въ Витебскъ (около 1242 года), къ женіной роднѣ своей: въ Витебскѣ о ту пору гостилъ у родни его малолѣтній сынъ Василій. А къ году смерти Александра Невскаго, и въ смоленской области и въ Витебскѣ княжили литовскіе князья, также какъ и въ Полоцкѣ; правильнѣе-же впрочемъ сказать: и литовскіе и русскіе князья большею частью тамъ чередовались. Притомъ, какъ о самомъ Товтивилѣ полагали, что онъ „былъ добровольно призванъ жителями Полоцка по смерти Брячислава, тестя Александрова“ — также и прочіе державцы Литовскіе призываемы были по прочимъ городамъ большею частью самими же населеніями... Но многаго, что тогда дѣлалось въ разныхъ мѣстахъ на Руси — уже въ самомъ владимірскомъ княженіи не могли знать. При упадкѣ и разрозненности всѣхъ южно-русскихъ княженій, полуисчезнувшихъ при татарскомъ нашествіи, можно бы сказать, все происходившее тамъ—оставалось мало извѣстнымъ для самихъ мѣстныхъ растерявшихся тамошнихъ населеній: а прямыхъ о томъ вѣстей на сѣверъ, во Владимірскую Русь, уже и вовсе не доходило. Сѣверная Русь, оторванная татарскимъ нашествіемъ и монгольскимъ игомъ отъ кіевскихъ, галичскихъ и волынскихъ мѣстъ, также какъ отъ Полоцка и Смоленска — утратила тѣмъ временемъ съ ними живую связь.

Начиная отъ смоленской области, куда при своемъ нашествіи татары не заходили, и до нижняго при-Днѣпровья, гдѣ ослабнувшія еще до татаръ разрозненныя княженья были ими уничтожены, можно бы сказать, весь тотъ юго-западный и сѣверо-западный край Руси—совершенно обособился тогда отъ Владимірскаго княженья и былъ отъ него оторванъ.

А въ это самое время — въ лютое Батыево плѣненіе и около того—тамъ именно происходили тѣ неисчислимыя и многозначительныя перемѣны, которыя отозвались множайшими послѣдствіями въ Русской Исторіи и измѣнили весь ея дальнѣйшій ходъ.

Литва и „Корона Литовская“.

I. До временъ Батыева плѣненья включительно.

Издревле Кривичи вели миръ и дружбу съ земляками, съ которыми ихъ свела судьба по сосѣдству *). То было еще первобытное, можно бы сказать, чисто-деревенское племя, занимавшееся преимущественно огородничествомъ и пчеловодствомъ; также звѣриные промыслы и рыболовство были у нихъ въ большомъ ходу, а пашенное хозяйство невели́ко. Сосѣди одни другимъ не мѣшали,—доставляли торговлею потребное другъ другу, уживались рядомъ и селились черезполосно, во многомъ сходствовали между собой и многое другъ у друга перенимали **). Нравы ихъ и обычаи

*) См. Р. И. I-й томъ, стр. 40. „Въ трущобахъ здѣшнихъ болотъ и лѣсовъ гнѣздились мелкіе полудикіе народцы, отчасти сходные съ самимъ славянствомъ, однакожъ была въ нихъ и разница: они казались осколкомъ древняго племени незапамятной старины; всѣмъ этимъ темнымъ народцамъ славяне дали сборное имя: литва“.

**) При Владимірѣ Святомъ всѣ эти инородцы были включены въ русскую державу, а раньше этого ни свѣдѣній, ни слуха не было о Литвѣ; подъ Литвою, такимъ образомъ, вплоть до XII-го вѣка разумѣлись лишь племена, подручныя Кривичамъ. Но съ этими старинными данниками Руси (сидѣвшими на Нѣманѣ въ мѣстахъ, гдѣ въ нее пала Вилія и гдѣ издревле на рѣкѣ Святой, притокѣ Виліи, стоялъ русскій городъ Вилькоміръ), отнюдь не должно смѣшивать множайшія племенныя разновидности, хотя бы и того же корня—однако совершенно особливыя противъ обрусѣлой Литвы. Въ свою незапамятную старину—не только такъ называемыхъ Среднихъ, а даже Древнихъ вѣковъ—дѣйствительно, могли они составлять, пожалуй, одинъ родъ. Но позднѣе, когда литва сосѣдила съ Русью, она уже обособилась противъ прочихъ соплеменниковъ въ самостоятельную разновидность, особую отъ остальныхъ Въ томъ и состояло коренное отличіе этой, сосѣдившей съ Русью и забравшейся въ материкъ Литвы, что она нерушимо сохраняла свою первобытную старину, тогда какъ ея дальніе соплеменники, оставшіеся на Поморьѣ, замѣшались. Ея дальные соплеменники, гнѣздившіеся на старыхъ рубежахъ, ближнихъ къ морю, подверглись втеченіи многихъ вѣковъ множайшимъ превратностямъ и переворотамъ—отъ множайшихъ завоевательныхъ націй, вторгавшихся однѣ за другими въ тамошнія приморскія и поморскія окраины изъ вѣкъ въ вѣкъ. Издревле, какъ извѣстно, на берега „Янтарнаго моря“ заходили еще сами Финикійцы; а въ такъ называемые Средніе вѣка проложили сюда слѣдъ Готы и, напримѣръ, смѣшанныя племена Норманновъ; позднѣе же всѣхъ прочихъ и, сравнительно говоря, уже въ новыя времена утвердились тутъ на-

сближались. Если раньше XIII-го вѣка и упоминаются набѣги литовцевъ на Русь—ихъ наводили сами державцы Полоцка, то-есть, вообще Кривскіе князья. Они точно также „наводили поганыхъ“ съ Двины и Нѣмана, какъ южно-русскіе князья наводили Половцевъ; но сами Кривичи не знали отъ Литвы обиды, держались съ нею—не какъ съ инородцами, а именно какъ земляки съ земляками. Необходимо къ тому добавить: хотя здѣшній народъ и оставался некрещеннымъ, слѣдовательно заодно съ Половцами и былъ „поганымъ“, — но эта нехристь не имѣла нарочитаго идолопоклонства; у нихъ не было и въ заводѣ того кумирослуженія, для веденія котораго требуются нарочитые жрецы. И по мѣрѣ того, какъ вѣкъ за вѣкомъ они все больше мірщились съ Кривичами, переводились у нихъ сами собой и грубые языческіе обряды. Русскіе по обыкновенію и здѣсь никого не принуждали переходить въ свою вѣру; но что литва прилагалась мало-по-малу къ русскому народу, къ его вѣрѣ и языку—это несомнѣнно. Русскій языкъ вообще былъ полусвой для здѣшнихъ земляковъ; а которые изъ литовцевъ почитали себя принадлежавшими къ знати и высились надъ толпою, тѣ и вовсе усвоивали русскій языкъ за свой собственный, не чуждались и русской вѣры. Ранѣе XII-го вѣка у литвы не было собственно такъ называемыхъ князей: они у нихъ образовались по образцу Руси; но какъ только повелись Литовскіе князья, съ самаго ихъ зачина становятся извѣстны между ними не только православные христіане, а чтимые даже за святыхъ. Нельзя

послѣдокъ собственно такъ называемые Германцы. Ото всѣхъ этихъ зашельцевъ-завоевателей тамошнія первобытныя племена, давніе туземцы здѣшняго Поморья, и терпѣли постоянный вредъ и гнетъ: литва же, удалившаяся въ глубь материка по сосѣдству съ Русью, избѣгла этого гнета и вреда отъ чуждыхъ вліяній. Когда прозванная на Руси Литва была включена въ державу Святого Владиміра, это былъ мирный народъ, жившій во всей цѣльности непорушеннаго быта, навшій довольство, а богатствъ не имѣвшій: сама дань, возложенная на литву Святымъ Владиміромъ, ограничивалась лишь „лыкомъ да вѣниками“. Эти старожилы забравшіеся внутрь материка для сохраненія въ непорушенной цѣльности своего быта—зовомая Русскими *Литва*—потому и дружили съ Кривичами, даже сами прилагались къ нимъ тѣмъ охотнѣе, что у Руси не было и въ заводѣ ломать чужой бытъ: ни быта, ни вѣры у всѣхъ инородцевъ по сосѣдству съ собою—Русь не трогала никогда.

не вспомнить, напримѣръ, святой Ефросиніи, родственницы еще Мингайлы, не говоря уже объ извѣстномъ Довмонтѣ, родственникѣ позднѣйшаго Миндовга. Коротко сказать: здѣшняя литва все болѣе и болѣе русѣла.

Къ концу XII-го вѣка, обрусѣла она въ такой мѣрѣ, что сами Русскіе не столько звали свой здѣшній край Полоцкимъ княженьемъ, какъ просто Литвою. Ужъ можно было спросить: съ одной стороны про здѣшнихъ литовцевъ, не затерялись ли они вовсе въ остальномъ русскомъ населеніи? съ другой стороны и про здѣшнихъ князей — не только Свислочскаго или Волковійскаго, или города Степана—про всѣхъ вообще князей Кривской земли: не приложились ли они къ литовцамъ? Тамъ и сямъ, въ перемежку съ русскими названіями, звучали здѣсь по разнымъ мѣстечкамъ и селеніямъ—литовскія имена. Въ 1181-мъ году Самимъ Полоцкомъ владѣлъ Мингайло *).

А въ XIII-мъ вѣкѣ и далѣе, благодаря именно господствовавшимъ здѣсь отъ начала православнымъ силамъ и русскимъ населеніямъ, которыя по тогдашнимъ обстоятельствамъ все ближе и тѣснѣе соединялись съ Литовцами, сѣдка Кривичей уже гордилась тѣмъ, что съ ея помощью заводится тутъ нѣкоторымъ образомъ особое самостоятельное княженье. И въ самомъ дѣлѣ, въ отпоръ смоленскимъ князьямъ и волынскимъ, стремившимся захватить весь здѣшній

*) Сліяніе здѣшнихъ Русскихъ со здѣшними Литовцами такъ напослѣдокъ усилилось, что о послѣднихъ князьяхъ древле-зовомой Кривской земли трудно и рѣшить: кто они были? Упоминаемый Полоцкій князь Владиміръ, при комъ произошло вторженіе Нѣмцевъ, неизвѣстенъ по отцу и матери: чьего онъ рода? также и падшій защитникъ Юрьева, прославившійся своимъ смертнымъ подвигомъ Вячко. Нѣкоторые изъ изслѣдователей приписываютъ тому и другому литовское происхожденіе. Въ жизнеописаніи такого знаменитаго князя, какимъ былъ Александръ Невскій, казалось бы, все должно быть общеизвѣстно до мельчайшихъ подробностей. А между тѣмъ, то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на Полоцкой княжнѣ Брячиславнѣ, ставитъ въ затрудненіе его жизнеописателей. Гдѣ именно княжилъ его тесть и что за князь вообще былъ этотъ Брячиславъ—изъ лѣтописей не видно, а ихъ изслѣдователи несогласны между собой по этому поводу и ведутъ о томъ споры.—Другой примѣръ: Витебскомъ около 1169 года владѣлъ одинъ изъ сыновей Смоленскаго князя схимолюбиваго Ростислава,—а 10 лѣтъ спустя, въ 1179-мъ году Витебскъ составлялъ владѣніе Мингайлы,—и подобные примѣры тутъ безпрерывны.

край въ свои руки, завелось тутъ не то Русское, не то Литовское княжество, которое такъ и звалось Русско-Литовскимъ. И кто были здѣшніе князья—потомки ли Святого Владиміра или князья литовскихъ родовъ — нельзя было разобрать. Кромѣ того, что они постоянно роднились браками между собой—и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—дѣло заключается въ томъ, что уже изначала самодревнѣйшіе Литовскіе князья (такіе именно, какъ Мингайло и Рингольдъ) выводили свое родословіе то отъ здѣшнихъ захудалыхъ Рогнѣдичей-Рогвольдовичей, то отъ затерявшихся тутъ потомковъ Святополка-Михаила, а то и отъ самихъ Мономаховичей. Князья двухъ первыхъ линій, какъ извѣстно, затерялись тутъ съ давнихъ поръ; но и сами Мономаховичи, владѣвшіе въ Кривичахъ лишь одиночными городами, къ концу XII-го и началу XIII-го вѣка ниспадаютъ тутъ въ такую же неизвѣстность. Происхожденіе отъ нихъ—прямо ли по мужской линіи или черезъ ихъ женское поколѣніе—такихъ князьковъ, какъ Мингайло да Рингольдъ, не только возможно и вѣроятно, а было бы невозможно и невѣроятно предположить напротивъ того, чтобъ это не было по тогдашнимъ обстоятельствамъ и по тѣмъ временамъ неизбѣжно. Коротко сказать: въ XIII-мъ вѣкѣ всѣ вообще здѣшніе измельчавшіе русскіе князья окончательно сливаютъ свои жребіи съ Литвою,—дѣйствительно съ ея помощью—то сбирая ее подъ свои знамена, а то даже становясь подъ ея собственные стяги—воюютъ противъ старшей своей братіи, гордыхъ Смоленскихъ и Волынскихъ князей, и, отвращаясь отъ ихъ завоевательныхъ замысловъ, отстаивая свою родину, охотно проливаютъ кровь за Литву.

Но съ XIII-го вѣка во всемъ здѣшнемъ краѣ произошелъ переворотъ.

Въ XIII-мъ вѣкѣ эта старожитная на Руси литва была усилена и возбуждена притокомъ постороннихъ силъ. Отчасти это послужило ей во вредъ: помутилась и замѣшалась обрусѣлая сосѣдка Кривичей, ея прежній мирный бытъ нарушился,—тѣмъ не менѣе однако—*ея полку прибыло*, и что Литва черезъ это умножилась суровыми силами своими—это также неоспоримо. Дѣло въ томъ, что къ обрусѣлой литвѣ, сидѣвшей въ верховьяхъ Нѣмана—тамъ, гдѣ въ него пала Вилія—подвалили въ XIII-мъ вѣкѣ низовые Литовцы

(по-литовски Жемойть, откуда и Жмудь) да еще ихъ-же соплеменники Пруссы. И прежде, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Поморянскія страны стали переходить подъ власть Нѣмцевъ, вообще оттуда уже началась тяга нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ поморцевъ въ здѣшнюю сторону; въ XII-мъ вѣкѣ это уже обратилось въ постоянное зло, которое не прерывалось. А съ 1230-го года Жемойть и Пруссы не переставали уже валить сюда огромнымъ многолюдствомъ прямо оттого, что съ этого именно года ихъ начали губить нѣмецкіе рыцари: такъ называемые крестоносцы Тевтонскаго Ордена,—а кто ихъ призвалъ сюда—въ ту пору Русскіе еще и не знали. Примученные Тевтонцами дикари Поморья и искали себѣ отъ нихъ спасенья у сосѣдней литвы, какъ свои у своихъ. Обрусѣлые сосѣди Кривичей не очень, однакожъ, обрадовались землякамъ, нахлынувшимъ съ сѣверо-запада. Не миръ, а лютую вражду принесли они сюда съ собою: свои порушенные чужимъ вліяніемъ нравы и вящее идолопоклонство, военное вооруженіе и даже „боговъ“ съ Поморья. Литовцы да Литовцы—такъ звали, заодно со здѣшними старожилами, этихъ новыхъ пришлецовъ, а они то и терзали здѣшнюю обрусѣлую литву. Ожесточенные лишеніемъ древняго отечества и негостепріимствомъ новаго, они и начали свои дикіе набѣги: вся Литва помутилась. Дотолѣ мирная и неслышимая въ мірѣ, вся она обратилась въ растревоженную берлогу, въ разворошившееся гнѣздо озлобленныхъ племенъ, кинувшихся розьмя, рвавшихся и метавшихся въ дикомъ неистовствѣ во всѣ стороны *).

---

*) Одного корня съ зовомою „Литвой“ могли, пожалуй, считаться даже сами Ятвиги; кромѣ того Зимгола и Летгола также близки съ ними,—однакожъ наиболѣе сродными съ „Литвою“ племенами почитаются именно: Корсь, Жмудь и Пруссы. Тѣмъ не менѣе, должно повторить: собственно такъ называемая „Литва“ (которую сами же Русскіе и назвали этимъ именемъ) составляла отдѣльное племя, державшееся само о себѣ, отъ прочихъ сродныхъ племенъ особо. Особенность ея оттого главнымъ образомъ и происходила, что, забравшись издревле въ самыя нѣдра материка, ближе къ Руси, зовомая Русскими „Литва“ не была втеченіи вѣковъ никѣмъ безпокоима и сохранилась чище и безпримѣснѣй. Напротивъ того, Пруссы съ Корсью и Жмудью, занимавшіе окраины, прилегавшія къ морю, изстари были угнетаемы разнообразными націями, мѣнявшимися на Поморьѣ, одни за другими, изъ вѣка въ вѣкъ отъ древнѣйшихъ временъ. Уже Финикійцы, еще во времена Древней Исторіи, оставили тутъ слѣды своего пребыва-

Какъ Верховая и Низовая Литва, населявшая страну между Двиною и Нѣманомъ, принадлежала Руси, такъ дальнѣйшая Жмудь и Пруссы (населявшіе страну между Нѣманомъ и Вислой) относились къ Польшѣ. Тутъ и была межеумочная полоса, составлявшая изстари границу между тогдашнею Русью и тогдашнею Польшей. Но въ XIII-мъ вѣкѣ эта самая граница замѣшалась отъ завладѣнія ея Нѣмцами: тогда же и здѣшнія племена дикихъ туземцевъ стали метаться въ разныя стороны, преимущественно же обратились въ сторону Руси. Уже самое завладѣніе Балтійскаго Поморья Нѣмцами отодвинуло оттуда въ глубь материка нѣкоторыхъ поморцевъ; но главное угнетеніе произошло напослѣдокъ именно отъ прихода сюда Тевтонскихъ рыцарей.

Смѣшеніе съ обрусѣлой литвою новопришлыхъ Пруссовъ и Жмудиновъ подтверждается всею совокупностью историческихъ обстоятельствъ за то время—даже въ такой степени, что если бы о томъ вовсе не сохранилось свидѣтельствъ письменныхъ, необходимо было бы допустить этотъ наплывъ съ чужи по простой догадкѣ: безъ того многое было бы вовсе непонятно и казалось бы необъяснимымъ. Но о такомъ притокѣ чужеземцевъ въ древнюю Кривьскую

нія и многое утвердили впрокъ. Также и позднѣйшіе находники, случавшіеся на здѣшнемъ побережьѣ втеченіи Среднихъ Вѣковъ, приносили сюда съ собой—каждый свою вѣру и своихъ боговъ, свой нравъ и бытъ. Тутъ накопилось искони многое множество и чужихъ вѣръ и чужихъ боговъ; вообще довольно было всякаго разносмѣшенья и наслоенья,—съ примѣсью еще и славянства. Когда напослѣдокъ, сравнительно говоря въ новое время (именно не позднѣе XII-го вѣка) всѣмъ Поморьемъ овладѣли Нѣмцы и окончательно затѣснили исконныхъ Поморянъ, порушенность и порча тамошнихъ туземныхъ племенъ отъ накопившихся за многіе вѣка чуждыхъ вліяній уже были неисцѣлимы. Корсь, Жмудь и Пруссы настолько уже не походили на собственно такъ называемую „литву“, что она ихъ чуждалась, какъ инородцевъ; этотъ сосѣдній съ Кривичами, чисто-деревенскій народъ ярко отличался отъ нахлынувшихъ къ нему пришельцевъ — Жмуди и Корси, особливо же отъ Пруссовъ. Кромѣ того, что всѣ эти новые пришельцы были язычниками, преданными сугубому идолопоклонству (имѣли „нареченныхъ боговъ“) и были заражены чужими вліяніями, это были еще, прямо сказать, дикари, отличавшіеся именно тою испорченностью, которая свойственна „пришибленнымъ“, подъяремнымъ дикимъ племенамъ. Злоутайчивость и коварство у нихъ возводились въ доблесть; жестокость и мстительность переходили въ звѣрство; навыкъ къ оружію и грабительству внѣдрился. Это были озлобленныя, лютыя племена.

землю, кромѣ прочихъ указаній, сохранились и прямыя свидѣтельства въ нашихъ лѣтописяхъ. Тяга разныхъ племенъ на Русь съ Поморья, едва Поморяне были затѣснены Нѣмцами, началась уже издавна; а годъ за годомъ въ концѣ XII-го вѣка и въ XIII-мъ совершалась уже, прямо сказать, на глазахъ Исторіи. Такъ, напримѣръ, во времена Литовскаго князя Тройдена (1263 — 1282 гг.) Поморяне, тѣснимые Нѣмцами, искали себѣ пріюта (разумѣется, по примѣру предшественниковъ своихъ) именно на Руси, о чемъ въ лѣтописи записано весьма точно. „Въ лѣто 6784 (1276) Пріидоша Прусси къ Тройденеви *изъ своей земли неволею передъ Нѣмци;* онъ же прія ѣ къ себѣ и *посади часть ихъ въ Городнѣ, а часть ихъ посади въ Слонимѣ*“. Въ это смутное время общаго замѣшательства этихъ разнородныхъ племенъ Рижскіе нѣмцы пользовались ихъ смутными обстоятельствами: такъ нѣкоторые изъ племенъ-родовъ Корси были ими приглашены въ союзъ съ собою и воевали въ пользу Рижанъ. А на какое неисчетное множество племенныхъ разновидностей дробились эти дикари, видно изъ того, напримѣръ, что у однихъ, собственно такъ называемыхъ *Пруссовъ* насчитывались слѣдующія подраздѣленія: Борты, Скаловиты, Самбы, Натанги, Вармы, Галинды, Судавы и проч. Сама обрусѣлая *Литва*, составлявшая по сліяніи своихъ историческихъ судебъ съ Русью болѣе или менѣе объединившуюся и плотную народность, дѣлилась на множество родовъ-племенъ, они же въ свою очередь дробились на мельчайшіе: довольно вспомнить Булевичей, Рушковичей и прочихъ и проч., заключавшихъ „*Божіимъ повелѣніемъ*“ договоръ съ Волынью. Что же касается до ихъ дальнихъ соплеменниковъ, пришедшихъ къ нимъ съ чужи, рознь между ними была еще сильнѣе. Обрусѣлую Литву болѣе всего и объединялъ русскій языкъ, издавна усвоенный сосѣдями Кривичей, а знатными „князцами“ Литовскими употреблявшійся за свой собственный *).

---

*) Какъ всѣ вообще не просвѣщенные темные народцы, не жившіе историческою жизнью и не составившіе себѣ единаго громкаго имени въ Исторіи, всѣ эти племенныя разновидности Жмуди, Корси и Пруссовъ, дробившіяся на неисчетное множество отдѣльныхъ родовъ, ссорившихся и воевавшихъ другъ съ другомъ — не имѣли же, разумѣется, и слагающагося лишь вѣками исторической жизни единаго народнаго языка. По безконечному множеству ихъ племенныхъ отличій было у нихъ

Орденъ Тевтонскихъ рыцарей былъ призванъ въ Польшу самими Поляками. Безпутный мазовецкій князь Конрадъ (памятный дружбою, которую оказывали ему волынскіе князья Даніилъ и Василько Романовичи) оставилъ по себѣ еще и эту, можно сказать, роковую память въ исторіи Руси и Польши. Этотъ „неразумнѣйшій Полякъ“ не имѣлъ силы управиться съ покоренными, но непокорными племенами (подвластными Польшѣ пруссами и жмудинами) и для ихъ усмиренія самъ призвалъ въ помощь Нѣмцевъ: онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ эти земли ужъ навсегда. Тевтонскіе рыцари, приглашенные Конрадомъ, начали съ того, что выговорили себѣ обширныя маэтности и привилегіи въ томъ краѣ; получили даже наперед цѣлую область въ тамошнихъ владѣніяхъ (Кульмскую) и обратились къ покровительству Германскаго императора, считая Польшу подвластною ему страною: такъ какъ Польша была подчинена священно-римской Германской имперіи. Съ этого начали „Тевтонскіе рыцари“; а кончили тѣмъ, что дѣйствительно поработили Пруссовъ въ полную неволю, а наполовину истребили и разогнали, замѣстивъ ихъ нѣмецкими поселенцами, выписанными изъ разныхъ городовъ Германіи; но подъ видомъ, что все это дѣлалось въ пользу Конрада, утвердили всѣ тѣ земли за Германіей безповоротно. Такъ, по свой неразумности и безпечности утратилъ Мазовецкій князь старинное Польское наслѣдіе, хуже того, пожалуй, хотя отчасти и сходно съ тѣмъ, какъ Полоцкіе князья

и неисчислимое множество отдѣльныхъ племенныхъ нарѣчій. Поэтому и самое выраженіе *„народъ Литовскій“*, также какъ и *„языкъ Литовскій“* мнимо и не выражаетъ ничего ровно. Ошибочно было бы представлять себѣ темныя племена, коимъ Русскіе дали сборное имя *Литва*, за какую-то единую нераздѣльную націю, которая будто бы отличалась единствомъ вѣры и языка; а къ тому еще прилагать Пруссовъ, Корсь и Жмудь и вовсе лживо. Эти послѣднія принесли съ собою боговъ съ Поморья и были нарочитые идолопоклонники: имѣли „нареченныхъ боговъ“; но азбуки и грамоты не только не имѣли, а даже не могли бы имѣть, ибо сколько насчитывалось разновидностей у однихъ Пруссовъ (Скаловиты, Самбы, Галинды и т. д.), столько же было бы и прусскихъ азбукъ. Что же касается до обрусѣлой Литвы, до Литвы собственно такъ называемой, у нея едино-утвержденной на весь народъ вѣры тогда не было никакой, а утвержденнымъ языкомъ для грамоты былъ языкъ русскій.

утратили свои земли, допустивъ подобныхъ же крестоносцевъ (Ливонскихъ рыцарей) просвѣщать Корсь и Ливь съ Чудью. Оба ордена Тевтонскихъ и Ливонскихъ рыцарей не замедлили вслѣдъ затѣмъ вступить въ братство: съ благословенія папы и съ разрѣшенія Германскаго императора они совокупились въ одно общее рыцарство (въ 1237-мъ году). Съ тѣхъ поръ „Ливонцы“ смѣнили свою прежнюю одежду на одежду „Тевтонцевъ“: стали и они носить плащъ Тевтонскихъ рыцарей: бѣлый съ чернымъ крестомъ, вышитомъ на лѣвомъ плечѣ. Съ тѣхъ поръ и общая цѣль у нихъ была уже одна: такъ подчинять себѣ Пруссовъ, Жмудь, Корсь, Ливь и Эстовъ, чтобы съ ихъ помощью—силою всѣхъ этихъ соединенныхъ подъ ихъ владычествомъ дикихъ племенъ—и воевать потомъ на обѣ стороны, какъ Русь, такъ и Польшу *).

Что вытерпѣла отъ этихъ Прусско-Ливонскихъ рыцарей старинная данница и союзница Кривичей, сидѣвшая на Нѣманскомъ побережьѣ, тамъ, гдѣ въ него пала Вилія—какъ изощрялось соединенное Тевтоно-Ливонское рыцарство утвердить и здѣсь такое же господство и владычество Нѣмцевъ, какое было заведено ими въ Кульмской области и въ Ригѣ—это составляетъ въ лѣтописяхъ „Литвы“ самую кро-

---

*) Тевтонскій Орденъ, основанный первоначально для Крестовыхъ походовъ противъ Сарацинъ, владѣвшихъ Іерусалимомъ—былъ образованъ по образцу прочихъ рыцарскихъ орденовъ, заведенныхъ на Западѣ съ этой цѣлью; болѣе-же всего походилъ на такъ-называемыхъ „рыцарей-храмовниковъ“, по-фряжски *Темпліеры*. Самое это названіе „Темпліеры“ и занесено глухимъ отзвукомъ въ наши лѣтописи. Такъ какъ эти „Тевтонскіе рыцари“, славившіеся уставомъ *Темпліеровъ*, дѣйствовали собственно во владѣніяхъ мазовецкаго князя Конрада, а Русскіе мало имѣли съ ними дѣла, то и самое упоминаніе объ нихъ на Руси встрѣчается лишь мелькомъ, притомъ весьма глухо. Покоряя Жемойть и Пруссовъ, рыцари Тевтонскаго Ордена коснулись тогда и Волынскихъ предѣловъ: ибо страна тѣхъ дикихъ народцевъ и составляла тогда межеумочную полосу, пограничную у Польши съ Волынью. Въ 1235-мъ году князь Даніилъ Романовичъ сказалъ своему брату Василько Романовичу: *„не лѣпо есть держати нашей отчины Крижевникамъ, Темпличамъ“*, и въ тотъ разъ хозяева Кульмской области, сопредѣльной съ русскими владѣніями, *„Темпличи“*, были разбиты Волынскими Князьями. Замѣчательно, что соединеніе Тевтонскаго и Ливонскаго Ордена въ единое братство произошло въ 1237-мъ году, въ самый разгаръ Татарскаго нашествія и лютаго Батыева плѣненья.

вавую страницу. Съ тѣхъ поръ и старинное именованіе „литва“, обозначавшее первоначально данниковъ Полоцка и распространившееся помомъ на всю землю Кривичей, утратило свой старинный смыслъ и стало уже обозначать нѣчто другое. Нѣмцы ужъ звали „Литовскою страною“ — Lithuania, какъ писали и произносили Латинцы, „*Литовскимъ народомъ*“—разнообразнѣйшее множество инородцевъ и цѣлое разносмѣшеніе племенъ и нарѣчій, простирая такое названіе на всю Кривьскую землю безъ разбора. Часть этихъ племенъ, удержанная въ Кульмской области, была крещена Нѣмцами; прочихъ они тѣснили уже, послѣ того, какъ тѣ замѣшались съ обрусѣлою Литвою и воевали ихъ въ русскихъ предѣлахъ на Нѣманѣ и Виліи.

Однакожъ старинные данники Кривичей—сколько Нѣмцы ни проливали ихъ крови на берегахъ Нѣмана и Виліи—не послѣдовали примѣру Пруссовъ, подчинившихся напослѣдокъ Тевтонцамъ. Здѣшняя Литва отстояла свой край, ибо на ея сторонѣ была здѣшняя Русь. Въ это самое время Полочане ужъ иначе не называли здѣшняго края, какъ своею Литвою, и пособляли своей Литвѣ силами всей Кривской земли. Литва ли, русь ли—здѣсь ужъ ихъ тогда не отличали. Народонаселенія такихъ русскихъ городовъ, какъ Витебскъ, Полоцкъ, Вилькоміръ, или Новогрудокъ и Слонимъ, то и дѣло сажали тогда у себя „Литовскихъ князей“ и всѣхъ вообще Литовцевъ почитали за своихъ. Происходило это именно отъ того, что при отдачѣ себя литовскимъ князьямъ въ городѣ ничего не измѣнялось: даже Псковъ и потомъ Новгородъ, какъ ни въ чемъ не бывало, призывали къ себѣ литовскихъ князей; весь строй и порядокъ оставались прежніе, и сама земля попрежнему оставалась Русскою землею. Мѣнялись только чужеименные, однако не чужевѣрные, полуобрусѣлые и вовсе обрусѣлые князья, но и тѣ были родственны съ рюриковичами. Литовскіе князья даже во времена Рогнѣдичей не вели войнъ для ихъ истребленія, а уживались рядомъ другъ съ другомъ, постоянно же и роднились взаимно. Родство и общеніе Русскихъ князей съ Литовскими, общее войско изъ Литвы и Руси у союзниковъ, заимствованіе не только русскихъ нравовъ и обычаевъ, но именно и языка русскаго для всеобщаго употребленія—все это вело къ объединенію и укрѣпленію самихъ Литовцевъ, представлявшихъ

безъ того лишь сборище мелкихъ и темныхъ, только губившихъ другъ друга языческихъ племенъ. Уже для самого Мингайла и Рингольда *Пруссъ* и *Жемойтъ* казались чужанами; сами Литовцы здѣшнихъ мѣстъ считали этихъ пришельцевъ болѣе чужими для себя, чѣмъ Полочанъ, Витебчанъ и Вилькомірцевъ, съ которыми роднились еще при своихъ дѣдахъ и прадѣдахъ. Оттого Литовцы и занимали тогда съ такой легкостью то Витебскъ, то самый Полоцкъ, то Волковійскъ или Новогрудокъ, что ихъ войско на главную часть состояло изъ Руси. Если подчасъ и производились прямо взятія и захваты городовъ—либо изгономъ, либо даже осадой—то совершенно также, какъ это велось между Русскими князьями при ихъ усобицахъ, особливо же когда тотъ или другой излюбленный князь Литовскій приходилъ по зову населеній. При тогдашнихъ захватахъ разныхъ городовъ (не точно было бы и называть это ихъ завоеваніемъ) поминается то и дѣло, что Литовцы шли тогда въ походъ „*обще съ Полочанами*“. Литовскіе князья, слѣдуетъ къ тому же замѣтить, вступая въ родство и дружбу не только съ мелкими, но даже со старшими изъ Русскихъ князей, безпрестанно обмѣнивались другъ съ другомъ мѣстечками и городами, получали ихъ другъ отъ друга и по брачнымъ союзамъ и по наслѣдству, а то по договорамъ. Въ Витебскѣ и въ Полоцкѣ и въ прочихъ здѣшнихъ городахъ безпрестанно мѣнялись князья, чередуясь Русскіе съ Литовскими и обратно. Распространеніе и усиленіе Литвы значило по тѣмъ временамъ усиленіе самой Кривской земли, распавшейся было на отрывки и обрывки захудалыхъ княженій, державцы коихъ сходили уже не на удѣльныхъ князей, а, вѣрнѣе сказать, *безудѣльныхъ*. И подобно тому, какъ сами Русскіе содѣйствовали возвышенію Литвы и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—также точно въ свою очередь и Литва—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—прилагалась къ Русскому народу и къ его языку: по всей Литвѣ господствовавшій языкъ былъ русскій, законы—русскіе, весь порядокъ и все устройство оставались русскіе. Литва ли, Русь ли—ихъ нельзя было больше и отличить. Если еще въ 1181 году Мингайло владѣлъ Полоцкомъ, то около 1226 года подъ державой Рингольда совмѣстилось уже цѣлое княженіе; а спустя еще

немного времени—„русско-литовское княжество“ собралось въ такой плотной силѣ, что и Смоленскъ, и Черниговъ, и Волынь—болѣе на него не посягали. Задумался тогда вступать съ нимъ въ борьбу и *Ливонскій Орденъ*.

Съ самаго зачатка *„русско-литовскаго княжества“*—едва было произнесено еще впервые такое странное и загадочное наименованіе—политика съ нимъ Ливонскаго Ордена мгновенно измѣнилась. То было непримѣримый и безпощадный врагъ „злобной Литвы“—Орденъ вдругъ захотѣлъ быть союзникомъ и другомъ своихъ добрыхъ сосѣдей *„литвиновъ“*. Орденъ сдѣлался теперь нарочитымъ покровителемъ *„литвинской народности“*, захотѣлъ быть защитникомъ этой ново-возникшей національности; онъ ревниво уже охранялъ и старался упрочить „литвинскую“ особливость—противъ „Русиновъ“ или „Рутеновъ„: *рутены*—такъ начали съ тѣхъ поръ Латинцы называть Русскихъ, отторгнутыхъ отъ Руси. И крестоносцы охотно указывали своимъ сосѣдямъ „Литвинамъ“ путь въ глубь и внутрь Русской земли, внушая нести туда свои завоеванія—все далѣе и далѣе,—внушали, кромѣ того, немедленно же основать особое королевство—не княжество, а именно королевство: ими, самими рыцарями, и было положено начало „Короны Литовской“. Первому встрѣчному, любому изъ народныхъ героевъ Литвы, предлагали они королевскій титулъ и королевскій вѣнецъ, а хлопоты по этому дѣлу брали на себя. Такъ какъ притомъ столь богоугодное—по ихъ словамъ—и досточтимое дѣло не иначе могло совершиться, какъ по благословенію Римскаго папы и съ разрѣшенія Германскаго императора, то и условія съ ихъ стороны герою будущей короны заключалось въ томъ, чтобы: во 1-хъ, королевство приняло латинскую вѣру и, во 2-хъ, содѣйствовало бы всѣми своими силами подчиненію „Римскому апостольскому престолу“ и всѣхъ *рутеновъ*.

По мысли заводчиковъ „Литовской короны“, такимъ образомъ, въ древне-русской православной землѣ, въ дѣдинѣ и прадѣдинѣ потомковъ Святого Владиміра, должна была образоваться ново-латинская держава—такая, у которой народъ состоялъ бы наполовину изъ отщепенцевъ и перекрещенцевъ, а наполовину изъ вовсе темныхъ язычниковъ, крещеныхъ напоказъ всѣмъ, лишь для виду. По тайному ихъ

внушенію и по ихъ же явному споспѣшествованію, дѣйствительно, какъ только зачалось такъ называемое *„русско-литовское княжество“*—начинаетъ въ умѣ народныхъ героевъ Литвы привноситься и мысль о „Литовской коронѣ“. Съ явнымъ, уже открытымъ содѣйствіемъ „Ливоніи“ и съ помощью такихъ героевъ, какъ Миндогвъ, убитый Тройденомъ, который въ свою очередь былъ убитъ конюхами Миндовга, или еще *„нѣкій князецъ именемъ Витянецъ“*—Витенъ, убитый Едиманомъ—и еще далѣе какъ самъ Гедиминъ и сыновья его, изъ которыхъ Кейстутъ убитъ по повелѣнію Ягайлы Прокшей, Бильгеномъ, Моштеномъ, Готко, Кучукомъ и Лисицей—и образуется тутъ „Литовское государство“. Это ужъ и есть она самая: не собственно такъ называемая Литва, а та диковинная „ойчизна Витовта и Ягайлы“—та чудилищная отъ моря до моря держава и мнящаяся быть живою, но въ сущности мертворожденная страна, которой нѣтъ другого имени, какъ *„зловѣрная Литва“* у древнихъ русскихъ лѣтописцевъ.

Хотя Мингайло и княжилъ въ Полоцкѣ еще въ 1181-мъ году, а Рингольдъ владѣлъ около 1126-го года, кромѣ Полоцка, уже Витебскомъ и Оршею, но первоначальникомъ Литовской славы почитается Миндовгъ. Онъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, *„нача избивати братью свою и сыновцы свои, а другіе выгна изъ земли, и нача княжити одинъ во всей землѣ Литовской. И нача гордѣти вельми, и вознесеся славою и гордостью великою, и не творяше противъ себѣ никого же“*. Къ Рингольдовымъ владѣніямъ онъ пріобрѣлъ еще мѣста древнихъ Дряговичей: Гродно и Слонимъ, Волковійскъ и Новогрудокъ; не переставалъ занимать и прочіе города, представлявшіе къ тому случай и удобство по общей захудалости здѣшнихъ князей; наконецъ, столкнулся однакожъ съ сильными Волынскими князьями—Даніиломъ Романовичемъ и его братомъ Василькомъ: отъ нихъ ужъ онъ терпѣлъ пораженія, съ ними воевать ему было не подъ силу. Къ одной неудачѣ прибавилась другая: противъ Миндовга вооружились еще Ятвяги; онъ закрѣпощалъ ихъ подъ свою власть грознѣе, чѣмъ то дѣлали сами русскіе державцы, и Ятвягамъ не полюбилось сосѣдство Миндовга. Наконецъ, своя собственная братья, князьки Жемойти, отстаивая свою независимость, общими силами вооружились

противъ „гордеца, не признававшаго никого равнымъ съ собою“ и—что ужаснуло Миндовга—вступили въ переговоры съ Ливонскимъ Орденомъ.

Извѣстно было, что племянникъ Миндовга Товтивилъ очутился въ Ригѣ, принялъ тамъ въ угоду Нѣмцамъ латинскую вѣру, дарилъ рыцарей и просилъ помощи противъ Миндовга. Такъ повелось отъ начала: враждовавшіе другъ противъ друга князцы литовскіе постоянно жаловались рыцарямъ одинъ на другого и просили себѣ ихъ помощи. Ливонскіе рыцари, поддерживая такую вражду между ними и истребляя однихъ другими, весьма дорожили этими непосредственными обращеніями къ нимъ со стороны литовцевъ. Миндовгъ отправилъ тогда и отъ себя тайное посольство въ Ригу. Дары его были не въ примѣръ богаче Товтивиловыхъ; а онъ обѣщалъ рыцарямъ, что не замедлитъ доставить имъ больше того, если они убьютъ Товтивила или задержатъ его у себя плѣнникомъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ и самъ просилъ союза. Рыцари не видѣли надобности сокращать число соперниковъ между ссорившимися Литовскими князьями, они старались размножать ихъ и отпустили Товтивила. Отъ нихъ этотъ племянникъ Миндовга ушелъ на Волынь и просилъ Даніила и Василька Романовичей защитить его противъ дяди. Оказалось между тѣмъ, что рыцари обрадовались случаю вступить въ прямыя сношенія съ главнымъ властителемъ Литвы: изъ Риги прибыло къ Миндовгу важное посольство. А ему, въ довершеніе всего, какъ разъ въ это время грозила еще война и съ Ляхами; по сосѣдству Гродненскихъ земель съ Мазовіей Миндовгъ нарушилъ владѣніе мазовецкихъ князей: между сосѣдями вспыхнула война.

Миндовгу, такимъ образомъ, въ одно и то же время и отъ Руси, и отъ Польши, и отъ Ятвяговъ, и отъ родной Жмуди съ Пруссами, отовсюду грозила опасность. Если бы къ тому прибавилась еще война и съ Орденомъ, гибель героя, „хотѣвшаго быть самовластцемъ во всей литовской землѣ“—казалась неизбѣжною. Это самое ему и поставилъ на видъ Орденъ. Магистръ (фонъ-Стирландъ) прислалъ сказать ему, что для него нѣтъ больше выбора, а одинъ только и остается путь ко спасенію: вступить съ Орденомъ въ самый тѣсный, сердечный союзъ. Но для этого одно толь-

ко средство и другого нѣтъ: подчиниться „Римскому апостольскому престолу“. Орденъ изъявлялъ готовность взять на себя защиту Миндовговыхъ владѣній на томъ условіи, чтобы самъ онъ, Миндовгъ, а также и подвластные ему народы „литвины“ и „русины“, были обращены въ римско-католическую вѣру. Ливонія за то обѣщала Миндовгу, кромѣ дружбы и помощи съ своей стороны, еще и королевскую корону. Хлопоты о сношеніи съ Римомъ по этому поводу Орденъ бралъ на себя. Миндовгъ не только изъявилъ готовность немедленно же принять крещеніе, а въ доказательство преданности Ордену уступилъ ему во владѣніе еще разныя мѣста Жмуди: именно тѣ самыя, гдѣ отъ наплыва новопришлыхъ соплеменниковъ не унимались кровопролитныя распри. Рыцари поспѣшили исполнить такой договоръ: отъ папы не замедлилъ придти отвѣтъ въ самомъ благопріятномъ духѣ. Дружба, установившаяся между Ливоніей и Литовскимъ королевствомъ, казалась уже нерушимою навѣки: въ близкомъ будущемъ предвидѣлось уже полное соединеніе этихъ двухъ ново-возникшихъ странъ воедино: въ случаѣ бездѣтности короля или вообще по обстоятельствамъ, способнымъ къ тому наклонить дѣло, Миндовгъ давалъ уже обязательство все свое королевство полностью передать единовѣрной съ собой Ливоніи. Папа (Иннокентій IV) распорядился о немедленномъ открытіи „Литовской епархіи“ и воздвигнутіи латинскаго собора во владѣніи Миндовга; исполнить это было поручено бискупу Кульма (владѣніе въ Пруссахъ, отнятое у Польши Тевтонскими рыцарями). Ему же, Кульмскому бискупу, поручено было окрестить Миндовга и короновать на королевство, для чего былъ присланъ и королевскій вѣнецъ. Съ блестящею рыцарскою свитой самъ магистръ прибылъ на это торжество къ Миндовгу въ мѣста древнихъ Дряговичей; прибылъ также и бискупъ съ многочисленными патерами и латинскими монахами своими. Окрестивъ и мvропомазавъ по латинскому обряду, вѣнчали Миндовга королевскою короной. Это происходило въ православномъ Новогрудкѣ въ 1251 году. Сношенія Рима съ Литвой черезъ посредство Ливоніи съ тѣхъ поръ уже не прерывались. Слѣдующій папа (преемникъ Иннокентія IV Александръ IV) въ 1255 году благословилъ Миндовга „воевать противъ Россіи и ея обитателей, оста-

ющихся въ невѣріи“, и напередъ утверждалъ за его скипетромъ „всѣ области, которыя онъ присоединитъ къ своему Литовскому королевству“.

Но „боговѣнчанный король Миндовгъ“, какъ его величали латинцы, мало-по-малу освободился отъ безпокоившихъ его враговъ: отъ родной Жмуди—посредствомъ коварства съ племянникомъ Товтивиломъ, отъ Ятвяговъ откупился прямо деньгами, началъ сыпать золото ихъ старшинамъ; отъ Руси—выдавъ свою дочь за Волынскаго князя (за Данiилова сына Шварна) и полюбовнымъ обмѣномъ городовъ *); наконецъ, отъ Польши избавился побѣдами: одинъ мазовецкiй князь, воюя съ Миндовгомъ, палъ на войнѣ, а другой былъ взятъ въ плѣнъ. И тогда то, наконецъ, Ливонскiе рыцари ознакомились короче съ „сердечнымъ союзникомъ своимъ“: народный герой Литвы воевалъ съ нѣмцами, прямо сказать, геройски. Онъ послалъ имъ сказать, что открещивается отъ ихъ крещенья, и поднялъ противъ нихъ всю Жмудь: тѣ самыя населенiя, которыя онъ уступилъ рыцарямъ, вооружилъ теперь противъ нихъ поголовно и повелъ съ Орденомъ безпощадную войну.

Казалось бы, онъ могъ и не оказывать своимъ крестнымъ отцамъ ненависти столь явной: зачѣмъ бы и въ самомъ дѣлѣ нужно было ему раздражать еще Римскаго папу и Ливонскiй Орденъ напоказъ всѣмъ? Всѣ знали и безъ того, что его крещенiе съ самаго начала было *„лъстивое“*: онъ не переставалъ творить „свои норовы поганскiе“ и „приносить жертвы богамъ“; но именно какъ „умному политику“ (а политикѣ его учили сами Нѣмцы) ему было мало этого. Для политики, которой онъ держался съ идолопоклонниками, съ своими соплеменниками Жемойтью и Пруссами, этого было недостаточно Миндовгу. Желая удержать въ своихъ рукахъ и еще болѣе собрать подъ свою руку идолопоклонныя племена темной Жемойти, коснѣвшiя дѣйствительно въ грубомъ язычествѣ и сугубомъ идолопоклонствѣ—Миндовгъ захотѣлъ очиститься въ ихъ глазахъ явнымъ поруганiемъ надъ новопринятою отъ нѣмцевъ вѣрою и напоказъ всѣмъ осмѣять произведенное ими обра-

*) Шварнъ, Шварно или Сварнъ, Сварно—считаютъ уменьшительнымъ отъ Свароміръ.

щеніе. Онъ именно послалъ сказать Нѣмцамъ, что хуже чѣмъ ни во что вмѣняетъ все, чѣмъ они его опутали, и торжественно объявилъ имъ непримиримую войну. Разгнѣванный папа прислалъ громовыя повелѣнія рыцарямъ воевать Миндовга; они и сами горѣли мщеніемъ, но первая же битва кончилась ихъ пораженіемъ. И Миндовгъ, празднуя свою побѣду надъ Нѣмцами, принесъ великую жертву богамъ,—не удовольствовался тотъ разъ сожженіемъ множества коней и воловъ, захотѣлъ еще принести жертву и человѣческою кровью: одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ рыцарей былъ торжественно сожженъ тогда живымъ — на своемъ конѣ и въ своемъ полномъ вооруженіи—принесенъ въ жертву „богамъ литовскимъ“.

Что касается до отношеній Миндовга собственно къ Руси, онъ не одинъ разъ совершалъ походы заодно съ Даніиломъ Романовичемъ и его братомъ Василькомъ на ятвяговъ и на свою же братію непокорную „литву“, также и противъ ляховъ; кромѣ того и съ сѣверно-русскими князьями ходилъ въ Ливонію, воевать противъ Риги. На Волынѣ и въ смежной съ нею землѣ Дряговичей, Миндовгъ не переставалъ обмѣниваться пріобрѣтенными городами, уступалъ и даже дарилъ ихъ родственнымъ русскимъ князьямъ; самъ Даніилъ Романовичъ, послѣ вдовства, женился на племянницѣ Миндовга; сынъ же его Шварнъ, какъ уже извѣстно, былъ женатъ на Миндовговой дочери.

Но многочисленная братія Миндовга—какъ въ Полоцкѣ, такъ и въ самой Жемойти — все больше возмущалась его горделивостью; „князцы литовскіе“ не могли снести обиды, что онъ превозносится надъ ними, „хотя быть самодержцемъ во всей Литовской землѣ“; сродники не переставали совѣщаться между собой объ его убіеніи. Примѣшались и личныя неудовольствія къ тому; у одного изъ сродниковъ, напримѣръ, онъ отбилъ жену, и самымъ коварнымъ образомъ. Овдовѣвъ, Миндовгъ вызвалъ къ себѣ свояченицу, родную сестру покойной, подъ предлогомъ, что сама покойница просила сестру не оставлять ея сиротъ—и для собственнаго утѣшенія по великой его горести отъ кончины любимой супруги. Когда же свояченица пріѣхала утѣшать вдовца и сиротъ, Миндовгъ не отпустилъ ее отъ себя и взялъ себѣ женою. „*Бысть мятежъ въ*

Литвѣ, восташа сами на ся, и убиша князя Миндовга свои сродичи; и роспрѣшася убійца Миндовгови о товарѣ его; и *убиша* князя Полоцкаго Товтивила, а бояръ его *исковаша, испросиша* у полочанъ и сына Товтивилова убити, онъ же *бѣже въ Новгородъ* съ дворомъ своимъ, а Литва посадиша въ Полоцкѣ своего князя". Хотя много сродниковъ участвовало въ заговорѣ, но именно Тренята почитается убійцей Миндовга, занявшій его мѣсто и вскорѣ отомщенный: убитый въ свою очередь конюхами Миндовга; вмѣстѣ съ Миндовгомъ были убиты и два его сына. Сродниковъ „перваго литовскаго короля" и вообще князцевъ литовскихъ было весьма много: и въ Полоцкѣ, и въ Новогрудкѣ—вездѣ столкнулись соперники; а въ самой Жмуди и у тамошнихъ гнѣздившихся Пруссовъ князцы смѣняли одинъ другого безпрерывно: ихъ ничтожныя имена не стоятъ и помина. Вслѣдъ за Миндовгомъ, кромѣ Герденя его родственника и нѣкоторыхъ прочихъ, извѣстнѣе всѣхъ Тройденъ, убитый въ Полоцкѣ въ 1282 году *). Этотъ новый

*) Какого „*своего князя посадиша въ Полоцкѣ*"—былъ ли это именно Тройденъ, о которомъ извѣстно, что онъ убитъ въ Полоцкѣ въ 1282 году, или былъ тогда посаженъ еще другой „нѣкій князецъ отъ рода Полоцкихъ князей?" а Тройденъ вначалѣ княжилъ въ другомъ мѣстѣ—неизвѣстно. Несомнѣнно, однако, что Миндовговымъ престоломъ владѣлъ Тройденъ, хотя какъ все въ исторіи этихъ князцевъ и ихъ разбросаннаго по разнымъ разсѣяннымъ городамъ черезполоснаго княженія—и это перепутано и упомиается разно. По сходству именъ Тройнадъ и Тройденъ ихъ смѣшиваютъ, принимая за одно лицо: а такъ какъ Тройнадъ слыветъ въ русскихъ лѣтописяхъ Тренятой, то получается три имени: Тройденъ, Тройнадъ и Тренята, быть можетъ, обозначающія три разныхъ лица, а по всей вѣроятности двухъ, и, наконецъ, менѣе правдоподобно — одно. Ибо о Тренятѣ утверждаютъ, что именно онъ убилъ Миндовга, за что въ свою очередь *вскорѣ* убитъ Миндовговыми конюхами, подкараулившими Треняту, когда онъ шелъ мыться въ баню, и что *Тренята княжилъ недолго*; по времени убіенія Треняты съ тѣмъ совпадаетъ и сомнительный разсказъ о гибели Тройнада отъ руки самого Войшелга (*Длугошъ*); во всякомъ случаѣ Тройнадъ или Тренята лишь *кратковременно* владѣлъ наслѣдіемъ Миндовга. А княженіе Тройдена полагается (1263 — 1282 гг.) двадцатилѣтнимъ и подробности объ его княженіи приводятся точно и опредѣленно. Тройденъ, слѣдовательно, самъ по себѣ и могъ онъ-же зваться Тройнадомъ; но другой Тройнадъ, слывшій собственно Тренятою, какъ вѣрятно, былъ изъ менѣе значительныхъ князцевъ и сгибъ вскорѣ. Если справедливо, что Тренята убійца Миндовга палъ отъ руки Войшелга (по *Длугошу*), то это никоимъ

литовскій державецъ опредѣляется лѣтописцами такъ: „окаянный и безаконный, проклятый и немилосердный Тройденъ, его же беззаконія не могохомъ писати *срама ради*; такъ-бо бяшетъ беззаконникъ, много злѣйша тѣхъ '(Сирскаго Антіоха, Ирода Іерусалимскаго и Римскаго Нерона) беззаконія чиняша". Замѣчательно при томъ, что родные братья Тройдена—Борза, Сурпутій, Лѣсій и Свѣлькеній, напротивъ того „бяхутъ живуще во святомъ крещеньи; сіи же живяхутъ въ любви, во кротости и во смиреніи, держаще правую вѣру хрестьянскую, преизлиха любяще вѣру и нищая". Насильственная кончина *) постигла Тройдена еще въ разгаръ его дѣятельности, когда онъ не успѣлъ совершить до конца всѣхъ своихъ начинаній; коронаціи не происходило, — но сохранилось положительное свидѣтельство, что Ливонія вела и съ нимъ тайные о томъ переговоры: Нѣмцы также и ему предлагали Миндовгову корону.

Изо всѣхъ сыновей Миндовга остался, послѣ отца, въ живыхъ единственно Войшелгъ. Этотъ князецъ, убивавшій въ юности ежедневно по три-по четыре человѣка для забавы и веселости, *„котораго же дня не убъяшетъ кого, пе-*

образомъ не могъ быть Тройденъ уже и потому, что кончина Войшелга относится къ 1268 году, а Тройденова къ 1282 г.; Миндовгъ же былъ убитъ въ 1262 году, если даже не въ 1261 г.

**) Хотя въ путанной исторіи князцевъ Литовскихъ пріурочивается и къ убіенію Тройдена разсказъ о томъ, что онъ палъ отъ парубковъ Миндовга же когда шелъ мыться въ баню, — но достовѣрно, что онъ убитъ по прошествіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ отъ кончины Миндовга, уже въ 1282 году и именно въ Полоцкѣ. За время его княженія, подъ 1276 годомъ, и упоминается лѣтописцемъ: *„придоша Пруси ко Тройденеви изъ своей земли неволею передъ Нѣмци, онъ же прия ѣ къ себѣ и посади часть ихъ во Городнѣ, а часть ихъ посади во Слонимѣ"*. Сбивчивость и путанность извѣстій о княженіи Литовскихъ князцевъ этого времени происходитъ еще оттого, что выраженія „въ Литовской землѣ" и даже „во всей Литовской землѣ", собственно говоря, условны и неопредѣленны; тогда это значило только тѣ мѣста, въ которыхъ сидѣли князья, носившіе имена Литовскія; а они одинаково могли тогда случиться, какъ въ глухомъ углу Жемойти, также и на Волынѣ, и въ Смоленскихъ и даже въ Сѣверскихъ мѣстахъ. Въ ту пору не было „литовской земли", какъ собственно таковой, а разсѣянные и черезполосные города составляли разбросанныя владѣнія различныхъ „князцевъ Литовскихъ",— цѣльнаго же и округленнаго владѣнія еще не было.

чаловашетъ тогда“, казалось, къ этому времени совсѣмъ переродился. Ѣще при жизни отца, когда они жили вмѣстѣ въ Новогрудкѣ, Войшелгъ, не взирая на отцевское прещеніе, крестился въ этомъ православномъ городѣ, а послѣ того сдѣлался еще и монахомъ и мирно проживалъ на Волынѣ у своего зятя. Сынъ Даніила Романовича, Шварно или Сварнъ (уменьшенное имя отъ *Свароміръ*), былъ женатъ на Миндовговнѣ: Войшелгъ иначе не называлъ Шварна, какъ милымъ братомъ своимъ или ѥще и сыномъ. Живъ былъ тогда — и еще довольно послѣ того пожилъ на свѣтѣ—братъ Даніила Романовича, Василько Романовичъ, дядя Шварна: Войшелгъ нарекъ его себѣ въ отца и господина, а самъ король Даніилъ Романовичъ въ ту пору и скончался вскорѣ.

Вдругъ, скинувъ съ себя священныя ризы, Войшелгъ самъ себя превзошелъ въ жестокости и переполнилъ мѣру всѣхъ своихъ прежнихъ злодѣяній. Объявивъ себя мстителемъ за кровь отца, онъ *„нача княжити во всей землѣ Литовской и нача вороги свои избивать, изби ихъ безчисленное множество*“. По Нѣману и Виліи, до самыхъ окраинъ Жмуди, лилъ кровь Войшелгъ за кровь Миндовга; также по всей странѣ вкругъ Новогрудка и въ Гроднѣ, и пресытился кровопролитіемъ. Возстановивъ по прежнему, расхищенное было и полуисчезнувшее Миндовговое княженіе и расширивъ его именно въ сторону Жмуди,—обезопасивъ свои владѣнія почти полнымъ истребленіемъ враговъ своего отца, Войшелгъ не взялъ себѣ ничего: всѣ свои владѣнія сдалъ зятю своему, Волынскому князю. А самъ захотѣлъ идти на Аѳонскую Гору и принять схиму. Какъ его ни уговаривалъ Шварнъ остаться на княженіи или по крайней мѣрѣ княжить имъ обоимъ вмѣстѣ, Войшелгъ о мірскомъ княженіи больше не хотѣлъ и слышать. „Согрѣшилъ я много передъ Богомъ и передъ людьми“—отвѣчалъ Войшелгъ—„ты княжи: вѣдь, земля теперь вся приведена въ тишину и спокойствіе“,—и неотступно просилъ (это ужъ происходило въ годъ смерти Даніила Романовича и незадолго до его кончины) выхлопотать ему у Венгерскаго короля и Австрійскаго герцога проѣздъ черезъ ихъ земли. Устроили по его желанію; но въ Болгаріи происходила тогда война, нельзя было пройти Балканскими горами; Войшелгъ возвратился изъ путешествія, не повидавъ Аѳона. Онъ навсегда поселился тог-

да на Волынѣ, выстроилъ себѣ монастырь и провожалъ дни затворникомъ въ кельѣ. Онъ доживалъ вѣкъ, говоря: „чего мнѣ больше надо? Вотъ, возлѣ меня сынъ мой Шварно, а близко другой мой родной господинъ и отецъ Василько Романовичъ,—въ этомъ все мое утѣшеніе“.

Таковы были отношенія Литовскихъ князей къ Руси, не отдѣлявшихъ себя отъ нея, какъ это очевидно изъ исторіи Войшелга,—еще очевиднѣй тоже самое изъ исторіи другого Литовскаго князя, современника и сродника Войшелгова—Довмонта (въ крещеніи: Тимоѳей). Замѣшанный въ усобицы своей родины при заговорѣ противъ Миндовга и въ кровавыя распри, послѣдовавшія за его кончиной, этотъ князь оставилъ свое родное гнѣздо Литовское—гнѣздилище несконча емыхъ смутъ отъ воевавшихъ *сами на ся* идолопоклонныхъ народцевъ—и навсегда предпочелъ Русь своей Жмуди. Душой и сердцемъ смолоду расположенный къ русскимъ обычаямъ и нравамъ, къ православной вѣрѣ, онъ былъ принятъ на княженіе Псковичами, крестился тамъ и ужъ до самой кончины оставался поборникомъ „святой Руси“. Со всѣми врагами Пскова—и съ набѣгавшими толпами „дикой Литвы“, Пруссовъ и Жемойти, и съ Чудью, а главное съ Нѣмецкими рыцарями—Довмонтъ бился „за Псковскій соборъ Святой Троицы“, не щадя живота и ни разу не возвращался ни съ одного побоища безъ того, чтобы не одержать полной побѣды. Ливонскимъ рыцарямъ онъ наносилъ погромъ за погромомъ и подъ стѣнами Пскова и по всей странѣ: главное пораженіе нанесъ имъ при Раковорѣ. Выступая въ походъ, Довмонтъ каждый разъ молился у мощей Всеволода-Гавріила, древняго защитника Пскова; слагалъ свой мечъ на его гробницу, проливалъ слезы и требовалъ, чтобы самъ соборный святитель съ духовенствомъ опоясалъ его мечемъ и благословилъ на брань со врагами Руси. А при встрѣчѣ съ непріятельскимъ войскомъ, рѣчи его къ православнымъ своимъ ратникамъ были короткія: „кто старше меня—мнѣ отецъ, а кто равенъ со мной—мои братья! Родные, всѣ за мной! потягнемъ за Святую Троицу!“ — и не было мѣры любви къ нему народа за его святую простоту и ко всѣмъ любовь братскую *).

---

*) Войшелга и Довмонта почитаютъ двоюродными братьями: замѣчательна судьба того и другого, какъ она запечатлѣлась въ памяти русскаго

Послѣ Тройдена возвысился *„нѣкій князецъ Витянецъ“*; объ немъ извѣстно, что былъ онъ *„отъ рода Полоцкихъ князей“* и имѣлъ въ числѣ своихъ придворныхъ конюшаго Гедимина, который по убіеніи Витена и занялъ его мѣсто. Самъ ли Гедиминъ погубилъ предшественника своего, какъ утверждаютъ о томъ достовѣрныя свидѣтельства или правы позднѣйшіе пристрастные хвалители „онаго державнаго исполина“, старающіеся очистить Гедиминову память отъ приписываемаго ему злодѣянія и называющіе даже Гедимина сыномъ Витена—несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Витенъ погибъ насильственнымъ образомъ и что Гедиминъ ни въ какомъ же случаѣ не былъ отцеубійцей. Гедиминъ, возвысившись между Литовскими князцами, оставилъ по

народа. Одинъ былъ монахъ и схимникъ, другой—воинъ и правитель. Но первому даже его монашескія ризы, построеніе монастырей и заключеніе въ кельѣ—вмѣняютъ ни во что, а что касается второго—даже самый мечъ его чтится въ Псковѣ за святыню. Смерть перваго, при всемъ ея ужасѣ, никому не казалась напрасною, ни даже простою случайностью: никто по Войшелгѣ слезъ не проливалъ. А когда умеръ Довмонтъ, кончина его только въ томъ и нашла примиреніе у не переставшихъ проливать по немъ слезы Псковитянъ, что стали его чтить и за гробомъ, какъ молитвенника за усыновившій его городъ. Гробница Довмонта чтится во Псковѣ за святыню даже до сихъ поръ. А Войшелгъ погибъ слѣдующимъ образомъ. Между братьями, Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, вѣкъ была неразрывная дружба; но между ихъ дѣтьми не было того же согласія. Изъ сыновей Даніила Романовича, кромѣ Войшелгова зятя Шварна (Свароміра), замѣтить должно Льва Даниловича и Мстислава. Мстиславъ Даниловичъ отличался непритязательностью своей, а Левъ былъ заносчивъ. Левъ не могъ того простить Войшелгу, что всѣ свои владѣнія онъ отдалъ одному Шварну,—также и того, что онъ излишне почиталъ старика Василька Романовича и слушался только его одного. А у Василька Романовича былъ единственный сынъ—Владиміръ Васильковичъ, кроткій и тихій—весь въ отца. Этотъ добрый и простой малый не любилъ Льва: изъ всѣхъ двоюродныхъ братьевъ предпочиталъ именно непритязательнаго Мстислава Даниловича. Эта нѣкоторая семейная рознь между дѣтьми „короля Даніила“ и ихъ холодность къ дядѣ Васильку Романовичу съ его сыномъ Владиміромъ—и мутила семью, въ которую включился Войшелгъ. Князь Левъ (хотя еще при жизни его отца-короля, Войшелгъ крестилъ въ Галичѣ новорожденнаго сына Львова—Юрія, и такимъ образомъ, Войшелгъ доводился Льву кумомъ), галичьскій князь Левъ Даниловичъ презиралъ Войшелга. По смерти „короля Даніила“ дошло напослѣдокъ до того, что изъ-за отдачи Войшелгомъ всѣхъ своихъ владѣній Шварну, притязательный князь въ 1268 году началъ было войну въ здѣшнихъ мѣстахъ. Старикъ Василько Романовичъ захотѣлъ примирить

себѣ уже двойную славу: кромѣ того, что *„бысть самодержецъ во всей землѣ Литовской“*, онъ же почитается и основателемъ, такъ называемой, „Литовской династіи“. Такъ какъ онъ слѣдовалъ непосредственно за Витеномъ, то нѣкоторые принимаютъ его за прямого наслѣдника *„Витяица отъ рода Полоцкихъ князей“* и величаютъ Гедиминомъ Витеновичемъ; но самъ онъ (въ одной изъ сохранившихся отъ него грамотъ къ Римскому папѣ) не зоветъ себя сыномъ Витена, называя послѣдняго только предшественникомъ и предмѣстникомъ, а не отцемъ своимъ.

Такая сбивчивость и отрывочность извѣстій о первоначальныхъ Литовскихъ князьяхъ явно подтверждаетъ: какъ сами Русскіе, очевидцы и современники возвышенія Лит-

---

Войшелга съ княземъ Львомъ и призвалъ обоихъ къ себѣ во Владиміръ-волынскій: оба и съѣхались въ этомъ городѣ. Случилось, что въ это время гостилъ у Волынскаго князя нѣмецъ Маркольдъ изъ Риги: онъ задалъ пиръ и пригласилъ всѣхъ ихъ трехъ къ себѣ гостями. Пили много. Василько Романовичъ по своей старости первый оставилъ пиръ, сказавъ, что домой спать поѣдетъ; Войшелгъ также поѣхалъ спать въ монастырь (Михайловскій, гдѣ тогда остановился), гости разъѣхались. Но князю Льву,—даромъ, что ужъ была ночь,—не хотѣлось еще спать; онъ надумался съѣздить къ куму и продолжать попойку; дѣйствительно, пріѣхалъ въ монастырь и сказалъ Войшелгу: „Кумъ! давай еще пить“. Войшелгъ исполнилъ его желаніе. Но за попойкой у нихъ вышла ссора,—мгновенно отъ словъ перешло къ дѣлу, и Левъ въ пьяномъ видѣ убилъ Войшелга. Самъ Левъ потомъ всю свою жизнь не придавалъ этому большого значенія; съ Тройденомъ велась у него постоянная дружба, а когда случалась война съ тѣми изъ Литовцевъ, которые почитали память Миндовга, Левъ остерегался вмѣшиваться въ такую брань Въ этихъ случаяхъ онъ не пускалъ въ походъ даже и своего сына Юрія, крестника Войшелга; какъ молодчикъ ни просился у отца отпустить его съ прочими князьями въ походъ противъ Литовцевъ, Левъ возражалъ сыну полушутливо: „какъ бы не вспомнили, смотри, что я справилъ Войшелга“. А самъ Шварнъ, почти одновременно съ шуриномъ своимъ, умеръ бездѣтнымъ; вскорѣ скончался (1271 г.) и старикъ Василько Романовичъ.. Остались, такимъ образомъ, въ Галичѣ и на Волынѣ князь Левъ Даниловичъ съ сыномъ Юріемъ и Мстиславъ Даниловичъ, а отъ Василька единственный сынъ его Владиміръ. Тройденъ, властвуя въ Литвѣ послѣ Миндовга, не былъ расположенъ къ любимцамъ Войшелга—къ князю Василько и къ его сыну Владиміру: съ ними *„воевашется, но, не великими ратями“*; расположеніе его напротивъ того къ ненавистнику Войшелга, ко Льву Даниловичу, было общеизвѣстно. *„Тройденевги же еще княжащу въ Литовской земли, живяше со Львомъ во велицѣ любви, шлюче многи дары между собою“*.

вы—мало придавали значенія взаимнымъ счетамъ Литовскихъ князей; никому на Руси не было и дѣла до частнаго быта этихъ безпрестанно смѣнявшихся — то возвеличивавшихся то ниспадавшихъ опять въ полную неизвѣстность—множайшихъ героевъ; даже и не любопытствовали входить въ подробности тѣхъ семейныхъ раздоровъ, которые литовскіе „князцы“, частью еще некрещеные и отчасти даже идолопоклонники, вели между собою въ собственной своей братіи, — сама же литва была безграмотна и безсловесна: только черезъ Русь тогда и входила въ извѣстность. Притомъ, ни одинъ изъ этихъ „князцевъ“, сколько ихъ ни слѣдовало другъ за другомъ, не отличался — ни особенными дарованіями, ни нравственнымъ достоинствомъ своимъ: всѣ были одинъ въ другого—не въ похвалу себѣ, а въ осужденіе. Успѣхъ слагавшейся тогда литвы, какъ особаго государства, возросталъ самъ собою, можно бы сказать, не *благодаря литовскимъ князцамъ*, а большею частью даже *вопреки имъ*. Все тутъ слагалось „по обстоятельствамъ“ благопріятнымъ для Литвы и зависѣло „отъ случайностей“ — пагубныхъ для русскаго народа. Ибо не надо забывать, что постигшія тогда Русскую исторію обстоятельства и случайности зовутся въ ней „*Монгольскимъ игомъ*“ и „*нашествіемъ Татаръ*“.

Что пошло въ Русской Землѣ послѣ Александра Невскаго.

Какъ во времена еще Ярослава Мудраго первенство перешло къ младшему изъ его наслѣдниковъ, къ Мономахову отцу, правому и кроткому Всеволоду,—и какъ это повторилось при наслѣдникахъ самого Владиміра Мономаха, когда изъ всѣхъ его сыновей возвысился младшій Юрій Долгорукій, а старшее колѣно отошло въ сторону,—также повторилось напослѣдокъ и въ роду Мономаха—послѣ Александра Невскаго. Даніилъ, младшій сынъ святаго князя, остался по смерти отца двухлѣтнимъ сиротою; и жребій меньшого превысилъ жребіи старшихъ. Одинъ Даніилъ изо всей братіи унаслѣдовалъ, можно бы сказать, святую добродѣтель отца своего: на него и перешла родительская слава. „*Святой Князь*“—не было ему другого имени въ на-

родѣ, полюбившемъ его мирное и кроткое житіе. „*Святой Даніилъ*“—такая именно память и удержалась объ этомъ младшемъ сынѣ Невскаго изъ рода въ роды.

Слава его имени, такимъ образомъ, не въ громкомъ титулѣ и не въ громкихъ подвигахъ—(все княженіе Даніила Александровича прошло тихо и незамѣтно),—а въ томъ, что именно ему, меньшому, выпала честь поддержать доблестную память своихъ предковъ: да прославятся они въ отдаленнѣйшихъ потомкахъ. Слава его имени заключается еще и въ имени Москвы, которую онъ—какъ младшій—получилъ въ младшій удѣлъ,—и скоро младшій превысилъ славою старѣйшіе престолы Русской Земли: владимірскій, кіевскій и новгородскій.

О Даніилѣ должно замѣтить, что онъ не былъ *Великимъ Княземъ*, или, по татарскому выраженію, *главою всѣмъ*. Но тогда какъ прочіе сыновья Александра Невскаго воевали между собой, а также и съ своими дядями, съ братьями Невскаго, изъ за великаго княженья и титуловались Великими Князьями—никто изъ нихъ не оставилъ прочнаго наслѣдія дѣтямъ и не прославился въ потомствѣ: уже дѣти ихъ сошли на степень незначительныхъ князей, а внуки и правнуки вовсе затерялись въ захудаломъ потомствѣ. Даніилъ же, именовавшійся лишь *Московскимъ Княземъ*, собравъ и пріумноживъ цѣлое княжество вкругъ незначительнаго города своего, скопилъ съ тѣмъ вмѣстѣ такое доброе наслѣдіе для своихъ потомковъ, что не только внуки и правнуки, а еще и дѣти его именовались уже „*Великими Князьями всея Руси*“; ихъ же стольный городъ *Москва* возвысился на череду первопрестольной Русской столицы.

Два дѣла стали очевидны для всѣхъ на Руси за то время, какъ она страдала подъ Монгольскимъ игомъ. Первое: что настоящимъ обладателемъ и повелителемъ Русской Земли сдѣлался Ханъ татарскій, царь — какъ его прямо и звали въ народѣ. Второе: Золотая Орда, его ханское становище на берегахъ Волги, и сдѣлалась тогда на всю Русскую Землю тѣмъ „царствующимъ градомъ“, откуда на всю же Русь ставились князья, исходили приказы и повелѣнія, гнѣвъ и милость. Не стало больше у русскаго народа собственнаго распорядителя древле-русскими областями, древле-чтимаго Великаго Князя, ни своей собственной столицы.

Еще Ярославъ Всеволодовичъ и его сынъ, Александръ Невскій, могли пожалуй въ свое время не безъ основанія носить по-старинѣ титулъ „Великаго Князя кіевскаго и владимірскаго“ (какъ ихъ величали татары); но ихъ послѣдователямъ ужъ и вовсе не приходилось мѣстничаться между собой — ни по старшинству городовъ, ни по собственному родословію.

Ханъ тогда все, что хотѣлъ, дѣлалъ въ порабощенной Русской Землѣ; воля царя татарскаго для его подданныхъ была безпрекословнымъ закономъ. Ханъ былъ воленъ назначить *„главою всѣмъ“* кого угодно. Ханъ и назначалъ *„главою князей“* дѣйствительно тѣхъ, которые ему больше угодили: кто чаще ѣздилъ въ Орду съ поклономъ и дарами, кто казался преданнѣй и служилъ усерднѣй, кто ему ниже кланялся и чьи были дары больше. Младшій князь, если только угодилъ хану, могъ сейчасъ-же получить ярлыкъ на великое княженье. Притомъ, если тотъ или другой изъ князей успѣвалъ добиться поклонами и дарами въ Ордѣ не въ очередь главенства въ своей братіи, ничто не мѣшало любому изъ нихъ также съѣздить въ Орду, еще ниже поклониться Хану, еще больше услужить ему дарами, и также выхлопотать себѣ ярлыкъ на великое княженье. Его назначали въ такомъ случаѣ новымъ Великимъ Княземъ въ отмѣну перваго; а то даже пускай оба великокняжатъ вмѣстѣ—два соперника въ одно время. Въ Ордѣ татары говорили прямо наѣзжавшимъ князьямъ: „ежели дашь выходъ большій, тебѣ мы и дадимъ великое княженье“. Не прошло много времени послѣ Батыя, о такой продажности въ Ордѣ уже было общеизвѣстно: *„князелъ же бывшимъ въ Ордѣ, яко кійждо хотяше великое княженье улучити дающе дары многи Хану, ханшамъ и княземъ Ордынскимъ, тіи елико емлюще толико болѣе другаго желаху“*.

Ясно такимъ образомъ, что Князю—для того, чтобы быть *„главою всѣмъ“*—приходилось теперь не старшимъ быть по родословію, а быть богатымъ и сильнымъ пуще всей братіи. Только въ тѣхъ рукахъ былъ силенъ и ярлыкъ ханскій, въ чьихъ рукахъ безъ того заключалась власть силы и богатства. Значитъ, по тѣмъ суровымъ и темнымъ татарскимъ временамъ, первымъ главнымъ правиломъ всякаго благоразумнаго князя было: не выдаваться впередъ со

своими счетами стариннаго старшинства, которое уже никакихъ дѣйствительныхъ правъ не давало,—а захорониться въ собственномъ удѣлѣ, собирать и примышлять къ нему окружавшія земли, исподволь и втихомолку забираться силою, копить казну и всякое богатство, чтобы при удобномъ случаѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ—если и выступить *„главою всѣмъ“*, то уже по праву могущества не на словахъ, а на дѣлѣ, явившись для всѣхъ безспорною силой. Таковъ былъ, можно бы сказать, отъ начала ходъ и успѣхъ самого Владимірскаго Княженья: если оно въ свое время возвысилось надъ всѣми прочими и стало первымъ, такъ потому именно, что на самомъ дѣлѣ оказалось могущественнѣе прочихъ: ибо туда напослѣдокъ переходитъ и самый титулъ, гдѣ сила.

Но также точно для того, чтобы стать на дѣлѣ такимъ сильнымъ и богатымъ княземъ—не предстояло уже и надобности лѣзть въ драку со всею братіею и брать съ боя „главенство“ того или другого престола: никоторой столицѣ такое „главенство“ само по себѣ уже въ дѣйствительности не принадлежало. Отъ Кіева все еще оставались однѣ лишь развалины, большую часть разрушеннаго города покрывалъ мусоръ: тамъ же въ при-Днѣпровьи татарамъ было и привольно распространять свои кочевья. Которые города краше другихъ красовались въ древней до-татарской Руси—тѣ въ лютое Батыево плѣненіе и подверглись наиболѣе жестокому погрому. Стольный Владиміръ также при татарскомъ нашествіи потерпѣлъ болѣе прочихъ городовъ. Если въ Батыево время къ кіевскимъ развалинамъ страшно было даже и подступиться,—не многимъ веселѣй того было во Владимірѣ. Хотя Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій погребены были въ великокняжеской столицѣ, но жили и они уже большею частью не въ ней, а то въ Новгородѣ, то въ Переяславлѣ-залѣсскомъ. А послѣдовавшіе за ними Великіе Князья не только не жили, а болѣе уже и не погребались во Владимірѣ: кто въ Твери, кто въ Костромѣ, въ Городцѣ или въ Переяславлѣ же.

Сами духовные владыки Русской Земли (Кіевскій и всея Руси) не находили тогда больше прибѣжища для митрополіи своей. Прославленный миротворецъ князей и проповѣдникъ всеобщаго покаянія о приключившихся бѣдствіяхъ,

тогдашній митрополитъ Кириллъ оставилъ опустошенную и обращенную въ степь Кіевскую область и перешелъ на сѣверъ, куда потянула и вся Русская исторія съ тѣхъ поръ. Но ни онъ, ни его ближайшій преемникъ (Максимъ) еще не остановили своего выбора ни на одномъ изъ тамошнихъ городовъ; они переходили съ мѣста на мѣсто, обозрѣвая всю епархію, и только приглядывались, еще искали...

Итакъ, всякій даже меньшой князь могъ сдѣлаться „главою всѣхъ“, лишь бы на самомъ дѣлѣ явился могущественнѣе и сильнѣе прочихъ князей,—и не непремѣнно изъ Владиміра надлежало явиться такому князю. А нужно было найтись между ними доброму рачительному хозяину, который, забывъ старинные счеты по родословію, мало бы и вмѣшивался въ раздоры князей за оспариваемый другъ у друга великокняжескій титулъ, а забирался бы втихомолку силой, собиралъ и пріумножалъ свое наслѣдіе въ мирѣ и тишинѣ. Надо было найтись и такому городу, который могъ бы, какъ къ сердцу, притянуть къ себѣ народонаселенія прочихъ окружныхъ областей, напрасно терпѣвшихъ кровопролитіе и разореніе отъ старинныхъ княжескихъ счетовъ: народонаселенія городовъ всего Владимірскаго княженія, привыкшія къ единодержавію еще со временъ основателя своего Юрія Долгорукаго, далѣе Андрѣя Боголюбскаго и напослѣдокъ Всеволода (Большое Гнѣздо). Къ тому-же за старинными городами Ростовомъ и Суздалемъ, даже за самимъ Владиміромъ, утвердились преданія еще той прошлой великокняжеской старины, которыя по ново-наступившимъ временамъ уже болѣе не годились. Каждый изъ такихъ прежнихъ городовъ, не забывая своего прошлаго первенства за время-оно, и искалъ его возвратить себѣ по прошлой старинѣ лишь въ собственное возвышеніе и въ ущербъ прочимъ: благо *всей Руси* ни у одного изъ нихъ и въ задачу не входило; каждый, можно бы сказать, норовилъ своему мѣсту—не въ увеличеніе, а въ умаленіе остальной Руси. Каждый притомъ изъ тѣхъ городовъ—при тогдашнемъ ихъ раздробленіи между размножившимися князьями—успѣлъ уже въ то время, отомкнувшись отъ прочихъ, замкнуться особо: обратиться въ удѣлъ особый. Если Владиміръ и продолжалъ еще нѣкоторое время слыть стольнымъ городомъ, прямо сказать, онъ уже обратился, какъ нѣкогда Кі-

евъ, въ столицу безъ городовъ! цѣлыя области вкругъ него были розданы въ удѣлы,—нѣкоторымъ князьямъ были уже выдѣлены и одиночные города. Между старшими князьями въ ихъ старшихъ городахъ крѣпче держались притомъ и старинные счеты: примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ и прокладывать новые пути — такъ повелось въ Русской исторіи издревле — удѣлъ меньшихъ. По выдѣленіи всѣхъ почти городовъ Владимірскаго княженія въ отдѣльныя колѣна и поколѣнія размножившагося за это время рода Всеволода (Большое Гнѣздо) не всякій изъ этихъ удѣльныхъ городовъ могъ замѣстить стольный Владиміръ: требовались свои особыя условія къ тому,—и не всякій изъ ближайшихъ преемниковъ Ярослава Всеволодовича и Александра Невскаго могъ явиться такимъ собирателемъ всей Руси. Попытки къ тому могли быть не у одного изъ князей, а даже у нѣсколькихъ; но осилить всѣхъ напослѣдокъ долженъ былъ непремѣнно кто-нибудь одинъ. Именно московскій князь Даніилъ Александровичъ — какъ вскорѣ показали послѣдствія—оказался однимъ изъ такихъ *„потребныхъ для своего времени“* благоразумныхъ князей; а его родная *Москва* прослыла такимъ именно городомъ, откуда и вышли „собиратели всей Руси“.

Москва изъ всѣхъ тогдашнихъ городовъ и ея князь Даніилъ изо всѣхъ тогдашнихъ князей и выдаются съ тѣхъ поръ на первое—никому еще, впрочемъ, и не видное до тѣхъ поръ—главное мѣсто: тихо и незримо совершился такой переходъ. Прочіе князья, сравнительно говоря, занимаютъ болѣе видное мѣсто, — и судя по наружному виду, ихъ дѣла громче. Но всѣ ихъ княжескія дѣянія за то время (исключая развѣ только войнъ съ внѣшними врагами), всѣ ихъ тогдашнія распри изъ-за престоловъ и войны, которыя они вели другъ противъ друга съ помощью татаръ — не только не заслуживаютъ болѣе наименованія „княженій“, ни даже такъ называемой „борьбы“. Всѣ эти ихъ походы одного противъ другого по городамъ одного и того же Владимірскаго Княженья, изначала сложившагося во едино и отличавшагося цѣльностью своею—больше не имѣютъ значенія, не заслуживаютъ и памяти въ потомствѣ. Собственно говоря: они не стоили бы даже и помину; если же и требуется указать на нихъ въ общихъ и глав-

ныхъ чертахъ — то именно лишь въ образецъ тогдашняго безнарядья.

Смутная эпоха, послѣдовавшая за кончиной Александра Невскаго, сводится такимъ образомъ къ одному главному и существенному событію, совершившемуся тогда на Руси. Это—при всеобщемъ ея разрывѣ на мелкія разрозненныя части—зачало *„собирательницы русской земли“* Москвы: усиленіе въ прокъ младшаго удѣла, унаслѣдованнаго меньшимъ сыномъ Невскаго: основаніе Даніиломъ Александровичемъ Московскаго Княженія. Другаго болѣе важнаго событія за все это время или даже равнаго съ нимъ нѣтъ ни одного. Важность наступившей эпохи заключается именно въ этомъ.

При ея описаніи и слѣдуетъ разсмотрѣть: 1-е) смуты и неурядицы отъ усобицъ, происходившихъ между братьями Невскаго, 2-е) смуты и неурядицы отъ усобицъ между сыновьями самого Невскаго, 3-е) усиленіе за то время княженія Даніила, не вступавшаго въ распри дядей своихъ и братьевъ, 4-е) ослабленіе за то же время остальныхъ княженій на Руси и, наконецъ, 5-е) важное значеніе Даніилова наслѣдія, оставленнаго имъ своимъ дѣтямъ.

Войны и усобицы владимірскихъ князей во времена Даніила московскаго—при его дядяхъ, братьяхъ Александра Невскаго.

По смерти Невскаго вскорѣ, почти вслѣдъ за нимъ, скончался и его братъ Андрей Ярославичъ (въ 1264 г.); старшимъ остался ихъ слѣдующій братъ Ярославъ Ярославичъ, сидѣйшій въ Твери—нѣкогда заодно съ Андрѣемъ хвалившійся ненавистью къ татарамъ, а въ это время уже покорный слуга ханскій. Съ соизволенія Орды тверской князь Ярославъ Ярославичъ и сдѣлался Великимъ княземъ Владимірскимъ, тогда же занялъ и Новгородъ.

Пока былъ живъ Александръ Невскій, новгородцы охотно держали у себя его сына Димитрія Александровича; но какъ только отецъ его умеръ и Великимъ княземъ сталъ его дядя—немедленно и новгородцы предпочли ему самого Ярослава Ярославича. Онъ же, во-1-хъ, и ранѣе того уже разъ приходилъ княжить по зову новгородцевъ; во-2-хъ, согласенъ былъ и теперь княжить *„на всей ихъ волѣ“*,—

утвердился съ ними грамотой и цѣловалъ имъ на томъ крестъ, что „не будетъ имъ чинить того насилія“, на которое они жаловались при княженіи у нихъ старшаго его брата, самого Невскаго. Въ началѣ—какъ это оказалось по дѣламъ со Псковомъ—онъ дѣйствительно слушался новгородцевъ: ему захотѣлось держать въ Псковѣ своего собственнаго посадника, но тамъ княжилъ Довмонтъ. Этотъ родственникъ Миндовга, послѣ того какъ Войшелгъ Миндовговичъ залилъ всю Литву кровью, отомщая смерть отца своего, Довмонтъ, въ числѣ прочихъ Литовцевъ, разбѣжавшихся тогда во всѣ стороны, пришелъ со всею дружиной и со всѣмъ родомъ своимъ къ Псковичамъ, принялъ тутъ со всѣми же своими крещеніе,—женился на внучкѣ Невскаго, на дочери Дмитрія Александровича, и сдѣлался излюбленнымъ Псковскимъ Княземъ. За Довмонтовымъ мечомъ Псковитяне успокоились, наконецъ, не только отъ набѣговъ Литвы,—Довмонтъ разилъ своихъ бывшихъ соотечественниковъ безъ пощады,—но и отъ посягательствъ со стороны Ливонскихъ рыцарей. Во все время своего здѣшняго княженія Довмонтъ постоянно отражалъ Нѣмцевъ отъ стѣнъ Пскова; чаще того самъ ходилъ въ глубь Ливоніи биться съ ними и одерживалъ побѣду за побѣдой: ни одна изъ его битвъ съ ними не была имъ проиграна ни разу. Новгородцы не дали Великому князю смѣнить такого воителя въ Псковѣ. Ярославъ Ярославичъ уже привелъ съ собой нарочно собранную для этого похода дружину, а новгородцы сказали ему: „прежде чѣмъ идти тебѣ походомъ на Псковъ, надо о томъ насъ спроситься; а мы на то своего согласія не даемъ“,—и онъ своихъ дружинниковъ отослалъ назадъ.

Вскорѣ затѣмъ сами новгородцы, въ союзѣ со Псковомъ задумали походъ противъ Нѣмцевъ, засѣвшихъ въ Колыванѣ и Раковорѣ: мѣста, находившіяся тогда во власти Датчанъ и звавшіяся у нѣмцевъ Ревелемъ и Вейзенбергомъ. Этотъ походъ новгородцы предприняли со „множествомъ вой“; готовясь къ нему, сыскали мастеровъ, искусныхъ въ построеніи стѣнобитныхъ орудій, строили ихъ и чинили на Владычнемъ дворѣ, повезли съ собою въ полкахъ многіе „тараны и пороки“; позвали и многихъ князей съ собою. Въ числѣ ихъ былъ Димитрій Александровичъ со своими Переяславскими полками, его двоюродный братъ князь

Юрій (сынъ умершаго Андрѣя) и другіе. Самъ великій князь Ярославъ Ярославичъ—недавній противникъ Довмонта—не пошелъ въ этотъ походъ по зову новгородцевъ, однакожъ прислалъ къ нимъ съ Тверитянами двоихъ сыновей своихъ: до семи князей насчитывалось въ полкахъ новгородскихъ; въ Псковѣ всѣ они соединились еще и съ Довмонтомъ. Походъ этотъ прослылъ „Раковорскимъ“ и увѣнчался памятнымъ успѣхомъ—несмотря на тогдашнюю коварную измѣну со стороны Рижскихъ нѣмцевъ. Они прислали тотъ разъ сказать въ Новгородъ: „у насъ съ вами миръ, перемогайтесь съ Датчанами: Колыванцами (Ревельцами) и Раковорцами (Вейзенбергцами), мы имъ помогать не станемъ, на томъ цѣлуемъ и крестъ“. Новгородцы, не удовольствовавшись этимъ, послали въ Ливонію дѣйствительно привести ко кресту „*Божіихъ дворянъ* и *Бискуповъ*“, и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ. Русское войско, переправясь за Нарову, стало опустошать тамошнюю землю. Чудь попряталась и не выходила биться. Въ одной горной пещерѣ укрылось много этихъ измѣнниковъ, передавшихся нѣмцамъ, и не было возможности взять ихъ оттуда; напрасно потеряли три дня, простоявъ у этой пещеры. Тутъ, наконецъ, пособили именно „пороки“, заготовленные для этого похода: „мастеръ порочною хитростью пусти на нихъ воду, Чудь же побѣгоша вонъ и изсѣкоша ихъ“. Стали послѣ того подходить къ Раковору,—и вдругъ увидѣли передъ собой вмѣстѣ съ Датчанами еще „клятвопреступниковъ“ Рижскихъ нѣмцевъ. Какъ темный лѣсъ, завидѣлась вся ихъ сила: тутъ были Юрьевцы и Медвѣжане (такъ по городу Оденпе звали русскіе Ливь и Корсь и Чудь: ливонское войско, составленное изъ туземныхъ племенъ), тутъ же съ рыцарями былъ самъ Магистръ Ордена (Отто фонъ-Роденштейнъ) и Бискупъ Дерпта (Алéксандръ). Сынъ Невскаго Дмитрій Александровичъ первый пошелъ навстрѣчу и началъ устанавливать рати. Съ нимъ вмѣстѣ, на правомъ крылѣ, сталъ Довмонтъ съ Псковскими полками; на лѣвомъ крылѣ расположились прочіе князья съ Суздальцами и Тверичами; новгородцы же съ посадникомъ своимъ Михайлой Ѳедоровичемъ и тысяцкимъ Кондратомъ заняли самую середину противъ главнаго Нѣмецкаго полка, состоявшаго изъ рыцарей, закованныхъ съ ногъ до головы въ желѣзо,—новго-

родцамъ и досталось въ этомъ бою всѣхъ жарче. Палъ ихъ посадникъ Михайло Ѳеодоровичъ, и Твердиславъ Черный, и Ратша!—уже много добрыхъ бояръ пало у новгородцевъ, а они желѣзнымъ латникамъ не уступали. Какъ ни врѣзывались въ ихъ гущу рыцари своимъ обычнымъ острымъ клиномъ, имъ долго сопротивлялись упорнымъ и могучимъ боемъ, какого, по словамъ лѣтописца, еще и не видывали ни отцы, ни дѣды. А когда управясь направо и налѣво съ прочими противниками своими, и Довмонтъ и Дмитрій Александровичъ и прочіе князья обратились на рыцарей же—на Орденскіе и Бискупскіе полки,—замѣшательство въ нихъ уже было полное: самъ Дерптскій бискупъ остался тутъ въ числѣ мертвыхъ. Нѣмцы обратились въ полное бѣгство: ихъ гнали съ тылу и съ обоихъ боковъ на семи верстахъ до самаго Раковора; отъ множества навороченныхъ труповъ конница не могла двигаться напослѣдокъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были огромны; особенно новгородцы не досчитывались своихъ; но и Псковичей и Ладожанъ „много паде, много избіено бысть“; нѣкоторые пропали безъ вѣсти: въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ полковъ, не участвовавшій въ бою, напалъ къ вечеру на новгородскіе обозы,—Дмитрій Александровичъ хотѣлъ ударить и на нихъ; но его удержали, сказавши: „время ужъ къ ночи, перемѣшаемся пожалуй въ темнотѣ и будемъ бить своихъ“. Тогда оба войска стали другъ противъ друга, чтобы къ утру возобновить битву; но солнце еще и не всходило, а *„преступники крестнаго цѣлованія“* ушли съ мѣста боя. Три дня не расходилось, *стояло на костяхъ* русское войско; на четвертый пошли домой,—новгородцы взяли съ собой для погребенія многихъ убіенныхъ, въ томъ числѣ посадника Михайла Ѳедоровича, котораго и похоронили съ честью у св. Софіи. А Довмонтъ и Псковичи воспользовались побѣдой, опустошили тогда Ливонію еще до самаго моря: *„Поморіе повоева и возвратися со множествомъ полона“* *). Мстя за этотъ походъ, Рижскіе нѣмцы въ слѣдующее же лѣто опять грозили Пскову; но Довмонтъ не только отразилъ, а еще по сво-

*) И эта Раковорская битва, также какъ Невское побоище и Ледовое, поминалась на ектеніяхъ во время общаго поминовенія во всѣхъ церквахъ Новгородскихъ.

ему обыкновенію и разбилъ ихъ. Тогда же и другіе Нѣмцы, союзники Рижанъ—заслышавъ, что баскакъ Амраганъ придалъ Татаръ въ помощь Ярославу Ярославичу и онъ, великій князь, вмѣстѣ съ самимъ Амраганомъ готовятся къ Ревельскому походу отвоевывать Колывань,—Датчане прислали въ Новгородъ просить мира: „кланяемся на всей волѣ вашей, Наровы всей отступаемся".

Новгородцы не преминули воспользоваться установившимся миромъ, чтобы начать безпорядки у себя дома. Терпѣливо перенося княженіе Ярослава Ярославича, пока вели брань съ Нѣмцами—едва лишь замирились съ ними, сейчасъ же и разсорились съ великимъ княземъ. Если нѣкогда жаловались они на „насиліе, чинимое имъ Александромъ Невскимъ", то подавно не затруднились поводами и предлогами винить въ томъ же его брата Ярослава Ярославича. Напрасно обѣщалъ онъ имъ, что будетъ править „на всей ихъ волѣ"; напрасно вновь цѣловалъ крестъ на томъ, что „насилія" по примѣру старшаго своего брата причинять имъ не будетъ: новгородцы ужъ распоряжались по-свойски.

Сдѣлался мятежъ въ городѣ, созвонили вѣче и убили Иванька, одного изъ приверженцевъ князя; а ему послали сказать: „уѣзжай отъ насъ прочь, мы себѣ князя добудемъ". Тогдашній тысячьскій, только что поставленный передъ тѣмъ въ угоду Ярославу Ярославичу, лишь бы онъ не уходилъ отъ нихъ,—тысячьскій Ратиборъ съ пріятелями своими выбѣжалъ вонъ, а „смутчики" кинулись на ихъ дворы и разнесли ихъ до послѣдняго бревна, имѣнье же все разграбили. Князю они ставили въ укоръ то, между прочимъ, что онъ своими ястребами и соколами выловилъ у нихъ всѣхъ гоголей на Волховѣ, а въ полѣ его ловчіе потравили дескать всѣхъ зайцевъ; кромѣ того, князь выводилъ иноземцевъ, которые у нихъ въ Новгородѣ живутъ, да еще два двора на себя отписалъ и тому подобное: *„не можемъ твоего насилія терпѣти"*. Князь прислалъ отъ себя поклонъ „вѣчникамъ" и велѣлъ сказать, что впередъ отъ него подобныхъ насилій не будетъ, готовъ онъ имъ опять цѣловать крестъ *„на всей ихъ волѣ"*; но ему послали возраженье: „уходи добромъ, а не то всѣмъ Новгородомъ пойдемъ противъ; прогонимъ и не *хотяща ти"*. Ярославъ Ярославичъ ушелъ отъ новгородцевъ; а они дали знать въ

Переяславль-Залѣсскій его племяннику, прежнему своему князю, Дмитрію Александровичу: „пріѣзжай къ намъ, хотимъ тебя“.

Обстоятельства однако осложнились: сынъ Невскаго прислалъ отказъ новгородцамъ, отвѣтивъ, что не желаетъ подыскиваться подъ дядей. А Ярославъ Ярославичъ у себя во Владимірѣ началъ собирать войско противъ новгородцевъ и спѣшно отправилъ тысячьскаго Ратибора въ Орду съ жалобами на нихъ самому Хану. Ратибору велѣно было говорить, что Новгородъ бунтуетъ, отказался платить дань: молъ, по случаю ея сбора Князь и потерпѣлъ безчестіе отъ новгородцевъ. Не прошло много времени, изъ Орды, дѣйствительно, были высланы войска для усмиренія Новгорода, туда же спѣшилъ походомъ и самъ Великій Князь, пригласивъ въ помощь и князя Дмитрія Александровича съ прочими. Тогда вдругъ выискался, ко всеобщему удивленію, новый защитникъ, никѣмъ и нечаянный заступникъ Новгорода, меньшой братъ Ярослава Ярославича и Невскаго—послѣдній младшій сынъ Ярослава Всеволодовича: его такъ и звали „мизинный“. Это былъ Костромской князь Василій Ярославичъ, остававшійся въ тѣни до тѣхъ поръ полузабытымъ изгоемъ. Василій Костромской прислалъ сказать въ Новгородъ: „кланяюсь святой Софіи и мужамъ новгородскимъ! слышалъ я, что братъ мой, сложась съ прочими князьями, идетъ на васъ войною; но мнѣ жаль своей вотчины“, и просился къ нимъ Княземъ. Новгородцы отправили къ нему въ свою очередь пословъ и отъ себя; съ ними „мизинный князь Василій“ самъ отправился въ Орду къ Хану изобличать Ратибора: „молъ, новгородцы правы, а князь Ярославъ виноватъ“. Ханъ отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе, и татарскимъ полкамъ велѣно было съ полъ-дороги возвратиться назадъ. Въ Ордѣ, впрочемъ, не имѣли гнѣва противъ Великаго Князя; велѣно было даже баскакамъ вновь водворить его въ Новгородѣ, лишь бы дань новгородская была доставлена исправно. Самъ Ярославъ Ярославичъ, между тѣмъ, со многими полками и съ союзниками своими по дорогѣ въ Новгородъ занялъ Руссу и оттуда вновь повинился новгородцамъ, послалъ сказать: „изъ-за чего противъ меня у васъ нелюбье вышло—того впередъ не будетъ; а если вы мнѣ не вѣрите, такъ вотъ князья вамъ готовы въ томъ

поручиться за меня“. Но смута у новгородцевъ уже приняла громадные размѣры; они вызвали себѣ въ помощь Псковичей и Ладожанъ, Водь, Ижору, и сами подступили къ Руссѣ. Отъ имени всего Новгорода былъ присланъ князю рѣшительный отвѣтъ: „вздумалъ ты на святую Софію— такъ иди же! всѣ за нее умереть готовы! нѣтъ у насъ князя, но есть у насъ Богъ и правда! а тебя не хотимъ“. Въ такой похвальбѣ уже слышалось само собою, что то не былъ дѣйствительно правдивый голосъ всего новгородскаго населенія, какъ увѣряли „смутчики“. Это былъ бурный и мятежный кличъ все ихъ же, самихъ этихъ *смутьяновъ*, которые и подняли все дѣло. Ярославъ Ярославичъ списался о томъ съ митрополитомъ Кирилломъ и просилъ себѣ его миротворнаго заступленія.

Святитель прислалъ тогда отъ себя увѣщательную грамоту новгородцамъ и на этотъ разъ, дѣйствительно, заслышался въ отвѣтъ на нее всенародный голосъ цѣлаго Новгорода. Кириллъ имъ писалъ: „мнѣ поручилъ Богъ архіепископство въ Русской землѣ, послушайтесь Бога и меня митрополита: крови не проливайте. Князь Ярославъ отъ всего прежняго отказался, въ томъ я вамъ за него порукой. Если же вы крестъ на томъ цѣловали, чтобъ его больше не принимать, я съ васъ ту епитимью на себя слагаю, я за то передъ Богомъ хочу въ отвѣтѣ быть. Се азъ начальный есмь пастырь всея Руси, и азъ наказываю вы, господье, брани всуе не творите: всякой винѣ и всякому грѣху покаянье и прощенье есть“. И умилились новгородцы грамотою митрополита: опять *посадиша* князя Ярослава на столѣ у себя. При этомъ онъ вновь обязался новою договорною грамотою *княжить на всей ихъ волѣ*. На этой грамотѣ, сохранившейся въ цѣлости до нашихъ дней, сохранилась однако въ цѣлости и такая приписка, которая доказываетъ, можетъ быть, что на сторонѣ князя въ этомъ случаѣ была еще и татарская помощь. Вотъ что на этой грамотѣ съ свинцовою печатью было приписано тогда же: „се приѣхаша послы отъ Менгутемиря царя сажать Ярослава съ грамотою Чевгу и Баишь“ *). Собравъ успѣшно-

*) Ханъ Беркій умеръ въ 1266-мъ году и въ Ордѣ занялъ его мѣсто Менгу-Темиръ. „*Бысть ослаба на Руси отъ насилія бесермень*“: такъ объ его воцареніи записано въ лѣтописи.

„ордынскій выходъ“ съ новгородцевъ, князь Ярославъ Ярославичъ въ тотъ же годъ поѣхалъ съ данью къ хану: тамъ, на возвратѣ изъ Орды, и умеръ (въ 1271-мъ году). Тѣло его было привезено въ родной удѣлъ, въ собственную его вотчину Тверь, и схоронено въ тамошнемъ соборѣ. Если этотъ князь и оставилъ по себѣ добрую память, то именно какъ основатель самобытности Тверского удѣла. Онъ всей душой прилежалъ къ своей вотчинѣ и исходатайствовалъ у митрополита особаго епископа для Твери: съ того времени Тверское княжество и начало соперничать съ прочими удѣлами по сосѣдству. Вдовая княгиня Ярослава Ярославича была *„на сносѣхъ“* послѣднимъ его сыномъ, когда оплакивала и хоронила супруга: вскорѣ, почти вслѣдъ за похоронами отца, явился на свѣтъ и новорожденный Михаилъ. Это былъ тотъ самый, стяжавшій святую славу мученичествомъ у татаръ, Михаилъ Ярославичъ Тверской, которому суждено было пасть въ роковой борьбѣ изъ-за спора о первенствѣ между тверскимъ и московскимъ княженьями *).

*) Слава этого Ярославова *„добліего сына“* Михаила, породившаго такихъ же и дѣтей (князь Александръ Михайловичъ тверской и Дмитрій Грозныя-очи) отразилась, можно бы сказать, и на ихъ предкѣ: пріосѣнила отблескомъ своимъ еще и память самого Ярослава Ярославича, ихъ общаго родоначальника, перваго Тверскаго князя. Когда Ярославъ Ярославичъ въ юности своей похвалялся еще ненавидѣніемъ татаръ и воевалъ противъ нихъ, первая его княгиня была захвачена въ плѣнъ и убита татарами въ Переяславлѣ. Второй разъ онъ *„женился въ Новгородѣ, поя за себя Юрьеву дщерь Михайловича“*. Отъ Ксеніи Юрьевны и родился святой мученикъ Михаилъ. Память ли о томъ именно, что мать его не была изъ княжескаго рода, или подобный же случай въ его роднѣ, составившій въ свое время происшествіе, памятное въ народѣ— дали поводъ къ особому преданію объ Отрочьемъ монастырѣ, возникшемъ на берегу Волги при паденіи въ нее рѣки Тверцы. Будто Ксенія, дочь бѣднаго причетника села Эдимонова, была обручена одному изъ великокняжескихъ отроковъ Юрію и назначена была ихъ свадьба. Но невѣста, уже приготовлявшаяся къ вѣнчанію, привлекла своей красотой и мудростью взоры Великаго Князя, который съ соколиной охоты зашелъ въ село посмотрѣть невѣсту своего любимаго отрока. И невѣстѣ и Князю притомъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ было откровеніе свыше. Юрій съ болѣзнью въ сердцѣ и со слезами уступилъ свою невѣсту своему державцу. Въ тотъ же день, въ томъ же селѣ и въ той же церкви, какъ было назначено для Юрьевой свадьбы, совершилось бракосочетаніе Князя со Ксеніей. Отрокъ же послѣ того нашелъ себѣ прибѣжище въ лѣсу, неподалеку отъ дворца великокняжескаго и,

Прошло, такимъ образомъ, не больше года, какъ Василій костромской, *„пожаловъ своей вотчины“*, успѣшно хлопоталъ о недопущеніи татаръ въ Новгородъ и безуспѣшно о собственномъ тамошнемъ водвореніи,—и вотъ преждевременная смерть Ярослава Ярославича открыла ему *путь чистъ* къ великокняжескому престолу. Съѣздивъ въ Орду и съ соизволенія хана замѣстивъ покойнаго брата, „мизинный князь“, новоназначенный *глава всѣмъ*, пожелалъ себѣ и Новгорода,—но его предупредилъ въ томъ Дмитрій Александровичъ, опять принятый новгородцами. Посадникомъ у нихъ въ это время былъ любимецъ народа Павша—сынъ знаменитаго Ананія, который посадничалъ во дни Невскаго. Павша и склонилъ выборъ въ пользу Александрова сына, а не брата его. Тогда недавній другъ новгородцевъ, которому—при княженіи у нихъ его брата — было *„жаль своей вотчины“*, пошелъ противъ нее кровавою войною,—притомъ съ помощью тѣхъ же татаръ, отъ наведенія которыхъ только что было передъ тѣмъ и спасъ Новгородъ. „Князь великій Василій, съ великимъ Владимірскимъ баскакомъ Амраганомъ и съ княземъ Айдаромъ и со многими татарами ханскими *воеваша* волости Новгородскія и *возвратишася* со многимъ полономъ во Владиміръ“. Также и его союзникъ, подручникъ и племянникъ (Святославъ тверской, одинъ изъ сыновей покойнаго Ярослава Ярославича) *„иде* съ Татары царевыми и *воеваша* Новгородскія власти, Волокъ, Бѣжецкій и Вологду, со многимъ полономъ *возвратишася* во Тверь“. Но главный вредъ Новгороду былъ нанесенъ тѣмъ еще, что Василій занялъ Торжокъ и заперъ впускъ хлѣба въ Новгородъ. Дмитрій Александровичъ принужденъ былъ удалиться назадъ въ свой Переяславль-залѣсскій, съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и Павша; а новгородцы приняли Василія костромскаго. На первыхъ порахъ вышло у нихъ съ нимъ

принявъ иноческій образъ, сдѣлался основателемъ обители, названной по немъ Отрочьимъ монастыремъ. Народное же преданіе производитъ однако названіе Отроча и отъ бывшаго на томъ мѣстѣ дѣтинца-укрѣпленія, въ которомъ жили княжескіе отроки. Несомнѣнно одно, что Ксенія отличалась многими добродѣтелями и сынъ ея Михаилъ былъ вымоленный ребенокъ у отца съ матерью; народъ же относился къ Михайловой матери съ особымъ благоговѣніемъ, какъ удостоившейся особеннаго избранія Божія.

большое разногласіе; князь вздумалъ было отринуть всѣ ихъ грамоты, писанныя ими за послѣднее время. „Это вы не дѣломъ вынудили грамоты у моего брата,—говорилъ онъ новгородцамъ,— этого испоконъ вѣка не повелося“,—но они возразили: „самъ же ты, княже, такъ съ нами удумалъ; а если не хочешь на томъ крестъ цѣловать—ино ты намъ не князь“—и опять звали къ себѣ Димитрія Александровича; уже грозилъ и онъ Василію изъ своего Переяславля. Но все окончилось благополучно. „Мизинный“ великій князь цѣловалъ крестъ новгородцамъ и княжилъ у нихъ потомъ все время *на всей ихъ волѣ:* ко всеобщей радости вскорѣ возвратилъ имъ народнаго любимца Павшу, и опять сталъ Павша посадникомъ въ Новгородѣ. Впрочемъ, и все великое княженіе Василія костромскаго продолжалось недолго: также и онъ скончался еще въ молодыхъ лѣтахъ преждевременно, бывъ до конца дней своихъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Ордою и ревностнѣйшимъ слугой хана. Когда онъ послѣдній разъ (въ 1275 году) привезъ обычную дань въ Орду—въ 1-хъ, урочное положеніе; во 2-хъ, дары многіе, и въ 3-хъ, особо такъ называемый „выходъ“. Менгу-Темиръ принялъ его милостиво и отпустилъ съ честью; однакожъ сдѣлалъ выговоръ: „малъ ясакъ привозишь, а люди многи въ землѣ твоей! что не ото всѣхъ даете?“ Великій князь въ свое оправданіе привелъ подробности, что вся земля „платитъ по полугривнѣ съ сохи, а въ сохѣ числятся два мужскихъ работника, и такъ было установлено еще при прежнихъ баскакахъ“. Ханъ велѣлъ послѣ того выслать новыхъ численниковъ во всѣ города, *чтобъ не было утайки въ людяхъ,*—такимъ образомъ, при Менгу-Темирѣ состоялась еще вторая перепись Русской земли. „Мизинный“ великій князь вскорѣ и скончался въ своемъ удѣльномъ городѣ въ Костромѣ, и былъ похороненъ тамъ же.

Съ нимъ кончилось старшее поколѣніе тогдашнихъ Владимірскихъ князей: сыновей Ярослава Всеволодовича; а братьевъ Ярославовыхъ (сыновей Всеволода Большое Гнѣздо) подавно уже не было въ живыхъ. Изъ нихъ Святославъ Всеволодовичъ скончался еще при жизни Невскаго: онъ, Святославъ, своею кончиною и открылъ Александру *путь чистъ* на престолъ Владимірскій; а другой Всеволодовичъ Иванъ, отсѣвши на удѣлъ въ Ста-

родубѣ, и умеръ удѣльнымъ Стародубскимъ княземъ. Отъ упомянутаго Святослава Всеволодовича, занимавшаго великокняжескій престолъ раньше Невскаго, остался лишь единственный сынъ Димитрій Святославичъ, который упоминается за то время лишь по случаю его кончины. Онъ княжилъ въ Юрьевѣ Польскомъ и, похоже было, страдалъ неизлѣчимымъ недугомъ; передъ смертью у него отнялся языкъ. Преемникъ ростовскаго Кирилла, епископъ Игнатій, постригъ его въ чернецы и въ схиму, приготовилъ больного къ смерти; у кровати умирающаго сидѣли и родственники князя. Вдругъ разверзлись уста онѣмѣвшаго, и онъ сказалъ: „Благодарю тебя, святый Владыко! приготовилъ ты меня къ пути дальнему, воистину повѣнчалъ во мнѣ воина Царю Небесному, Христу Богу нашему! совершилъ трудъ свой“—и съ этими словами глаза его закрылись навѣки *). Такъ одинъ за другимъ убывали старики, уступая мѣсто юнѣйшему поколѣнію. Оспаривать другъ у друга Владимірское княженіе остались теперь налицо сами дѣти Александра Невскаго. Старшимъ былъ тогда Димитрій Александровичъ, имѣвшій свой удѣлъ въ Переяславлѣ-залѣсскомъ; другой его братъ Андрѣй Александровичъ владѣлъ Нижнимъ-Новгородомъ и Городцемъ на берегу же Волги: тутъ и проживалъ большею частью, по немъ и слылъ

---

*) Пресѣклось ли имъ и потомство Святослава Всеволодовича или были у Димитрія дѣти—современники не оставили памяти о томъ. Также точно не пользовалось большою извѣстностью и потомство Стародубскаго князя. Самый годъ смерти Ивана Стародубскаго не сохранился въ памяти. Его имя упоминается еще подъ 1264-мъ годомъ, когда Великимъ княземъ сдѣлался Ярославъ Ярославичъ Тверской. Ханъ принялъ тогда Ярослава Ярославича у себя въ Ордѣ: „даде ему доспѣхъ и повелѣ его обвѣстити по чину на великое княженіе, коня же его повелѣ вести Володиміру Рязанскому да *Ивану Стародубскому*, бывшимъ тогда въ Ордѣ“. Но, во 1-хъ, съ тѣхъ поръ онъ могъ и не дожить до 1275-го года; во 2-хъ, могъ имѣть и сына Ивана же именемъ. Во всякомъ случаѣ, какъ онъ жилъ весь вѣкъ, такъ и умеръ *„удѣльнымъ“* княземъ.—О старшемъ сынѣ Александра Невскаго, который послѣ Новгородскаго бунта лишенъ отцемъ своимъ тогдашняго престола, извѣстно только, что онъ, Василій Александровичъ, оставался уже все время не у дѣлъ и, переживъ родителя на восемь лѣтъ, скончался въ 1271-мъ году. Такое долгое, начиная съ 1258 года молчаніе о немъ лѣтописей, отмѣтившихъ однако въ точности годъ его кончины, несомнѣнно указываетъ на немощность этого князя за весь тотъ двенадцатилѣтній промежутокъ.

княземъ Городецкимъ. Послѣднимъ былъ едва вышедшій изъ отроческихъ лѣтъ Даніилъ Московскій, тогда 15-тилѣтній.

Если первоначальные годы (1263—1275) по смерти Александра Невскаго—при обоихъ дядяхъ Даніила, Ярославѣ и Васильѣ Ярославичахъ—прошли бурно и мятежно, то вслѣдъ затѣмъ при братьяхъ Данійла—въ княженіе Димитрія и Андрѣя Александровичей—все заволоклось на Руси мракомъ, можно бы сказать, непроглядной смуты, не прерывавшейся уже (1275—1304 гг.) втеченіи трехъ десятилѣтій къ ряду. Дяди Даніила только донашивали тщетный и изветшавшій титулъ великихъ князей Владимірскихъ, а Даніиловы братья уже износили его дотла. Первые оставили по крайней мѣрѣ добрую о собѣ память въ качествѣ удѣльныхъ князей,—особенно Ярославъ Ярославичъ, основатель Тверского княжества (Василій Костромской умеръ бездѣтнымъ). Братья же Даніила, нося титулъ великихъ Владимірскихъ князей, не имѣли славы даже и князей удѣльныхъ. Всѣ эти недостойные преемники Александра Невскаго, собственно говоря, бились на своемъ вѣку изъ-за одного и того же: всякому изъ нихъ хотѣлось прибавить къ собственному удѣлу еще и стольный Владиміръ, дававшій по старой памяти право на великокняжескій титулъ, а потомъ завладѣть уже и Новгородомъ, который—по своему богатству—одинъ былъ въ состояніи дать перевѣсъ любому удѣльному князю. Изъ-за этого преемники Невскаго и вели между собой нескончаемыя распри... Но если еще Ярославъ и Василій Ярославичи дали примѣръ для достиженія такой корыстной цѣли наводить другъ на друга татаръ, то при Дмитріи и Андрѣѣ Александровичахъ этотъ приходъ ордынскихъ войскъ по зову самихъ же князей для усмиренія ихъ же возмущеній—болѣе не прерывался. Вторженія татарскихъ полчищъ повторялись уже безпрестанно. Ордынцамъ полюбились эти военныя прогулки внутрь Русской земли, гдѣ они били людей какъ птицъ и, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, забирались всякій разъ несмѣтною добычей. Къ тому же въ самой Ордѣ поднялись тогда длившіеся долго и не вдругъ унявшіеся раздоры. Рѣзавшіе и избивавшіе другъ друга ханы ея, царевичи и салтаны, разрознившись между собой, рады были, когда къ нимъ—то къ одному,

то къ другому изъ нихъ—обращались князья за помощью. Нѣкоторые изъ ордынцевъ, не имѣвъ успѣха въ низовьяхъ Волги, спѣшили тогда поживиться въ ея верховьяхъ и еще, безъ соизволенія Орды, самовольно вторгались въ разныя мѣста Владимірскаго княженія. Смута на Руси за эти тридцать лѣтъ, коротко сказать, была страшная.

Если Даніилъ при Ярославѣ и Васильѣ Ярославичахъ вовсе не участвовалъ въ междуусобіи своихъ дядей и за все то время ни разу не упоминалось его имя — можно это было-бы объяснить тѣмъ, пожалуй, что онъ не былъ еще тогда совершеннолѣтнимъ. Но замѣчательно: и при совмѣстномъ княженіи обоихъ его братьевъ—втеченіи всѣхъ затѣмъ послѣдовавшихъ смутъ, цѣлое же тридцатилѣтіе—имя его остается неслышно и его княженіе проходитъ незримо. При наступившемъ отселѣ, можно бы сказать, *двоевластіи* Дмитрія и Андрѣя Александровичей, оспаривавшихъ другъ у друга великое княженье, имя Даніила упоминается не болѣе двухъ-трехъ разъ,—и всякій же разъ онъ выступаетъ на позорище ихъ междуусобій—не съ тѣмъ, чтобы воевать противъ кого-либо изъ братьевъ, а для того только, чтобы съ каждымъ изъ нихъ развестись миромъ.

Войны и усобицы владимирскихъ князей во времена Даніила московскаго — при его братьяхъ, сыновьяхъ Невскаго.

Въ Ордѣ премилостиво утвердили великое княженье за Дмитріемъ Александровичемъ: ханъ Менгу-Темиръ былъ тогда особенно доволенъ Русскими князьями. Многіе изъ нихъ шли съ нимъ въ походъ: готовились воевать подъ его знаменами въ Дагестанѣ. Въ числѣ тѣхъ князей былъ братъ Дмитрія, Андрѣй Александровичъ Городецкій, оба Васильковича—Борисъ Ростовскій и Глѣбъ Бѣлозерскій, еще и нѣкоторые другіе. Дагестанскій походъ былъ удаченъ; русскіе князья завоевали Ясскій городъ Дедяковъ, взявъ много плѣнныхъ и добычи,—ханъ изъявилъ имъ отмѣнное благоволеніе и щедро наградилъ дарами. Тогда Борисъ Васильковичъ и умеръ въ Ордѣ, гдѣ съ нимъ находилась его княгиня. Умирающій—какъ это вошло о ту пору во всеобщій обычай между князьями—хотѣлъ посхимиться передъ кончи-

ной; но княгиня, надѣясь на его выздоровленіе, не допустила совершить постриженія,—и въ отчаяніи потомъ отвезла его гробъ въ ихъ удѣльный городъ Ростовъ для погребенія (1277 г.). Братъ Глѣбъ Васильковичъ „пріѣха изъ Татаръ, бывъ на войнѣ съ сыномъ своимъ и приведе съ собою полонъ многъ“ уже въ слѣдующемъ году (1278 г.), и только что было унаслѣдовалъ Ростовъ послѣ покойнато брата, вскорѣ и самъ за нимъ послѣдовалъ въ могилу. Между наслѣдниками преждевременно скончавшихся братьевъ пошли тогда распри изъ-за перепутавшагося наслѣдства—какъ у Глѣбовичей съ Борисовичами, такъ еще и въ каждомъ роду—другъ противъ друга. Дмитрій Борисовичъ, внукъ Василька, отнялъ тогда волости у князя Бѣлозерскаго Михайла Глѣбовича (Василькова же внука) *„съ грѣхомъ и неправдою брата своего изобиди изъ насильства“*. Онъ же, Дмитрій Борисовичъ, ссорился еще и съ роднымъ братомъ Константиномъ Борисовичемъ и изъ-за самого Ростова: *„бысть между ими крамола и вражда велія“*. Смирить ихъ и привести въ любовь пробовалъ епископъ ростовскій Игнатій, но они еще болѣе вооружились другъ противъ друга—*„и смутися печалью веліею градъ Ростовъ, возмятеся весь“*.

Великій князь Дмитрій Александровичъ, пока братъ его Андрѣй Городецкій отсутствовалъ по случаю Дагестанскаго похода, княжилъ безъ соперничества какъ въ Новгородѣ, такъ и во Владимірѣ; но со стороны новгородцевъ съ самаго начала не имѣлъ покоя. Тамъ глухо волновалась враждебная сторона, состоявшая изъ многочисленныхъ крамольниковъ, непримиримыхъ мятежниковъ, „приспѣшниковъ всякаго злодѣянія“. Главнымъ заводчикомъ зла противъ Дмитрія былъ одинъ изъ бояръ Семенъ Тонгліевичъ, стоявшій за Димитріева брата, Андрѣя Городецкаго. Похоже было, что этомъ Семенъ состоялъ въ началѣ воеводой у обоихъ братьевъ—какъ у Андрѣя, также и у Дмитрія; повидимому, лишь напослѣдокъ передался онъ князю Городецкому и сдѣлался непримиримымъ врагомъ Дмитрія,—въ точности не знали изъ-за чего у нихъ вышла ссора? Не знали въ точности даже òтчества этого Семена. Одни звали его Семенъ Тонгліевичъ, другіе—Толигнѣевичъ, иные—Тониліевичъ, а нѣкоторые даже—Даниліевичъ. Похоже было, что родомъ былъ онъ и самъ изъ новгородцевъ, принадлежалъ

къ числу ихъ „перебѣжчиковъ“. Такъ или иначе, въ Новгородѣ велась уже сильная крамола въ пользу Андрѣя Городецкаго. Смутчики старались поднять весь Новгородъ противъ Дмитрія Александровича.

Этотъ князь, по согласію со своимъ зятемъ Псковскимъ Довмонтомъ, имѣлъ въ виду въ ограждение отъ Нѣмцевъ, постоянно грозившихъ Пскову и Новгороду — укрѣпиться въ Ладожской сторонѣ на взморѣ. Цѣль была добрая: испросивъ на то согласіе у самихъ новгородцевъ, Дмитрій Александровичъ не только срубилъ тамъ городокъ, но еще „*обложи городъ Копорью каменъ*“: туда и ѣздилъ осматривать возводившіяся укрѣпленія съ самими новгородцами „*съ посадникомъ Михайломъ и съ большими людьми*“. Изъза этого крамольники и подняли смуту; стали жаловаться на Дмитрія, что онъ со своимъ зятемъ Довмонтомъ отнялъ Ладогу у новгородцевъ. Князь, дескать, выстроилъ крѣпость, да еще и каменную и ввелъ въ нее свои дружины, — а того не видано со временъ Рюрика, чтобы у нихъ князья строили себѣ крѣпости и держали бы чужими людьми землю Новгородскую. По обыкновенію созвонили вѣче въ Новгородѣ, отняли посадничество у князева приверженца (Михаила Мишинича) и пошла смута. Дмитрій Александровичъ—только что возвратился изъ Ростова, гдѣ старался укротить военныя брани, вспыхнувшія у наслѣдниковъ Васильковичеій — долженъ былъ и самъ взяться за оружіе. Онъ объявилъ войну новгородцамъ, привелъ изъ Владиміра и изъ Переяславля многочисленное войско и началъ разорять ихъ землю. Новгородцы по обыкновенію выслали къ нему своего владыку (тамъ умершаго Долмата, по его же указанію, замѣстилъ Климентъ) и стали просить мира. Но князь прежде опустошилъ ихъ волости до самой Шелони и послѣ того только уже заключилъ миръ „на своей волѣ“; тѣмъ не менѣе однако, остался недоволенъ новгородцами и посадилъ у нихъ намѣстника, а самъ удалился во Владиміръ. Но заключеннымъ миромъ въ свою очередь были недовольны и сами новгородцы: Копорье осталось все же за Дмитріемъ Александровичемъ и туда была введена собственная дружина князя и Довмонтова.

Тѣмъ временемъ братъ великаго князя Андрѣй Александровичъ Городецкій уже возвратился изъ Дагестанскаго похода и

открыто вступилъ въ заговоръ, который велся въ его пользу „приспѣшникомъ всякихъ злодѣяній Семеномъ Тонгліевичемъ“ и „*иными многими Семеновыми приспѣшниками*“. Замѣна Дмитрія Андрѣемъ на новгородскомъ престолѣ не должна была ограничиться по мысли заговорщиковъ однимъ лишь возстаніемъ Новгорода: въ Дмитріи страшились великаго князя, утвержденнаго самимъ ханомъ, и мятежъ новгородскій могъ бы казаться ослушаніемъ Орды. Заговорщиками рѣшено было ѣхать въ Орду и жаловаться отъ имени всего Новгорода на „неправду Дмитрія Александровича“: примѣръ Василія костромского, успѣшно пожаловавшагося въ Ордѣ на Ратиборову неправду, былъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. На эту поѣздку склонили теперь и самого Андрѣя Городецкаго. Князь „изобрѣтая себѣ княженія великаго подъ братомъ своимъ старѣйшимъ,—имѣя споспѣшника себѣ и помощника Семена Тонильевича и иныхъ многихъ,—премногіе дары даде хану и княземъ Ордынскимъ, и всѣхъ наполни богатствомъ, и уговори, и уласка всѣхъ тамъ главныхъ сущихъ, и испроси себѣ княженіе великое Володимірское“. А такъ какъ Дмитрій Александровичъ былъ ими выставленъ за бунтовщика противъ хана и ослушникомъ царскихъ повелѣній—„*не хочетъ ханскому слову покоритися*“—то вмѣстѣ съ ярлыкомъ на великое княженіе дали Андрѣю еще и татарское войско. „Ханъ же повелѣ итти съ нимъ воеводамъ своимъ Кавгадыю и Алчедаю съ силою татарскою“. Князь Андрѣй Александровичъ, „пріидя изъ Орды съ татарами и съ совѣтникомъ своимъ Семеномъ Тониліевичемъ и со иными многими помощниками своими“, первымъ дѣломъ оповѣстилъ всѣхъ князей о своемъ назначеніи великимъ княземъ и велѣлъ имъ собраться въ помощь къ нему противъ брата Дмитрія.

Растерявшійся великій князь, получая отовсюду одну вѣсть неожиданнѣе другой,—о томъ, что онъ смѣщенъ съ престола по ханскому повелѣнію, что противъ него приведено Андрѣемъ войско изъ Орды, что всѣ меньшіе князья ополчились противъ него и приложились по ханскому слову къ брату же его Андрѣю—Дмитрій Александровичъ „съ женою своею и съ дѣтьми, и съ бояры, и со всѣмъ дворомъ своимъ“ кинулся спасаться въ укрѣпленное имъ Копорье. Но дорогу туда новгородцы уже загородили ему своимъ войскомъ: братъ

князя въ плѣнъ они не хотѣли, но помогать ему отказывались наотрѣзъ. Князь вступилъ съ ними въ отчаянные переговоры, а они не пускали въ Копорье: „не хотимъ тебя, уходи только скорѣе,—грозились новгородцы,—ежели не уйдешь отсюда, придутъ татары, возьмутъ тебя и отведутъ въ хану въ Орду, а мы тебѣ не помогаемъ“. Дмитрій сказался, что уйдетъ за море,—тогда они отпустили его добромъ, но оставили у себя двухъ его дочерей и нѣкоторыхъ изъ бояръ его; этихъ ни за что не хотѣли отпустить, сказавъ князю: „ихъ мы будемъ держать въ закладѣ, пока не выйдутъ отъ насъ изъ Копорья всѣ твои бояре и слуги: тогда только и отпустимъ“.

А новый великій князь уже занялъ стольный Владиміръ и татары разсыпались по всей землѣ,—начали забирать плѣнъ и добычу и передавать все опустошенію около Мурома, около Владиміра, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля, около Ростова, около Твери,—распространились до самаго Торжка и далѣе. Вездѣ искали и нигдѣ не нашли царскаго ослушника Дмитрія Александровича,—искали и не настигли его даже близъ новгородскихъ мѣстъ, и для возвращенія назадъ собрались опять во Владимірѣ: „князь же Андрѣй Александровичъ сотвори пиръ великъ, и одари дарами многими князей ордынскихъ Кавгадыя и Алчедая и татаръ и отпусти ихъ къ хану; они же со многимъ плѣномъ отъидоша въ Орду“.

Не успѣли опомниться на всѣхъ мѣстахъ, посѣщенныхъ татарами, отъ внезапности налетѣвшихъ золъ и бѣдствій, ни даже сообразиться о происшедшемъ переворотѣ—какъ отовсюду понеслись вѣсти о вторичномъ вокняженіи Димитрія Александровича. Князь Довмонтъ Псковскій выступилъ на защиту своего тестя; взялъ Ладогу и Копорье, вывелъ оттуда всѣхъ бояръ и людей великаго князя; ничего не далъ повгородцамъ расхитить изъ имѣнья своего тестя,—всю дружину и казну князя отпустилъ къ нему въ цѣлости; кромѣ того, въ Ладогѣ, гдѣ также находились люди великаго князя, Довмонтъ взялъ много добра еще у самихъ новгородцевъ и съ князевыми людьми препроводилъ къ нему же. Новгородцы начали мстить, дождавшись ухода Довмонта: они срыли Копорье до основанія (необходимость заставила однако, спустя немного времени, возобновить это

укрѣпленіе въ защиту отъ вторженій Нѣмцевъ). Съ тѣмъ вмѣстѣ „послаша по князя Андрѣя Александровича, зовуще его къ себѣ въ Новгородъ; онъ же пріиде къ нимъ въ Новгородъ и сяде на княженіи, и сотвориша ему новгородцы почтеніе великое“. Но Дмитрій Александровичъ у себя въ Переяславлѣ-залѣсскомъ собралъ многія рати противъ новонареченнаго великаго князя; все народонаселеніе его княжества присоединилось къ нему охотно: Переяславцы не хотѣли Андрѣя. Андрѣй же, утвердясь съ новгородцами крестнымъ цѣлованіемъ на томъ, что ни онъ ихъ, ни они его впередъ не оставятъ ни въ добрѣ, ни въ лихѣ, оставилъ Новгородъ,—распорядился обороною Торжка и собственнаго стольнаго города; самъ же „съ совѣтникомъ своимъ и съ поспѣшникомъ Семеномъ Тонильевичемъ и со иными многими поспѣшники своими“ вторично кинулся въ Орду.

„*Пріялъ его Ханъ съ честью*, вездѣ бо глаголаше Андрѣй свою правду быти предъ старѣйшимъ своимъ братомъ съ поспѣшники своими, и вины возлагаше на брата своего, яко тебѣ Хану повинутись и даней твоихъ тебѣ платить не хочетъ. *И тако воздвиже гнѣвъ Ханскій на старѣйшаго своего брата*“. Дана была второй разъ татарская помощь Андрѣю Городецкому: „пріимъ отъ Хана рать многу, Турай-Темира, Алія и многихъ татаръ и пойде съ ними изъ Орды, а съ нимъ совѣтникъ его и поспѣшникъ Семенъ Тонильевичъ и иные мнози совѣтницы и поспѣшницы его“.

Другой разъ всѣ князья были оповѣщены о новомъ гнѣвѣ хана на Димитрія, о милости же царевой къ Андрѣю, и велѣно было всѣмъ опять собираться къ нему въ помощь. Татары, покровительствуя Андрѣю, „*вновъ сотвориша много зла христіанамъ*“; къ нему же пришли сами новгородцы: не дали Димитрію въ Торжкѣ посадить своихъ намѣстниковъ и искали нанести ему вредъ въ его собственномъ Переяславскомъ княженіи. Тогда же волей-неволей, поднялись опять, страшась грозы татарской, и мелкіе князья въ помощь Андрѣю.

Даніилъ Московскій, какъ лѣтошній годъ, при первомъ наводѣ татаръ Андрѣемъ, такъ и теперь при этомъ второмъ наведеніи Андрѣемъ татаръ, не оказалъ сопротивленія своему брату,—а пуще того оказалъ послушаніе ханскому войску. Онъ тотъ разъ отворилъ Москву татарамъ и вы-

шелъ къ нимъ навстрѣчу, впустилъ и проводилъ татаръ съ честью и дарами: при тогдашнихъ происходившихъ кругомъ опустошеніяхъ полчищами Кавгадыя и Алчедая, область Даніила была не тронута. Также поступилъ онъ и этотъ разъ, оказавъ полное повиновеніе ханскому войску. Вмѣстѣ съ новгородскими полками, которые въ союзѣ съ татарскими полчищами Андрѣя были имъ устремлены на Переяславль-залѣсскій, шли еще Тверскіе полки подъ однимъ изъ сыновей Ярослава Ярославича (ихъ велъ Святославъ Ярославичъ) пошли съ ними же и Московскіе полки: ихъ повелъ самъ Даніилъ Александровичъ. Но, выйдя на войну по татарской неволѣ, ни Тверской князь, ни Московскій — не имѣли доброй воли воевать собственно противъ Димитрія Александровича. Извѣстно было къ тому же, что несчастный князь, утѣсненный отовсюду безвинно врагами, особенно жаловался именно на свою меньшую братію, на убогихъ князей: они, дескать, изъ-за чего встали еще противъ него же? Когда, оставивъ свой Переяславль-залѣсскій, онъ бѣжалъ къ Дмитрову и былъ настигнутъ тутъ своею младшею братьею, загородившей ему путь—великій князь, со слезами на глазахъ, жаловался своему войску: „Самъ Богъ видитъ неправду ихъ ко мнѣ, не обидѣлъ я никого изъ нихъ, никому никакой неправды не сотворилъ,—за что же они возстаютъ на меня и гонятъ меня безпрестанно?“ А татары, радуясь военной прогулкѣ, куда бы ни была она направлена, не особенно заботились собственно о цѣли похода; они разсыпались въ разныя стороны *„причинять зло христіанамъ“* и начали воевать сами по себѣ. Московскіе и тверскіе полки, присоединенные къ Андрѣевымъ союзникамъ новгородцамъ, очутились подъ Дмитровомъ въ виду войска самого Димитрія Александровича,—и не желали ему сдѣлать вреда. Собравшееся здѣсь войско, состоявшее изъ новгородцевъ, изъ полковъ Тверского князя и Московскихъ полковъ самого Даніила Александровича — простояло около недѣли подъ Дмитровомъ противъ войска Димитрія Александровича—не воюя съ нимъ, а ведя съ нимъ переговоры. Воиновъ же у бывшаго великаго князя было не мало; объ немъ говорили, что „убѣжавъ за море, онъ оттуда изъ-за моря и привелъ съ собой множество наемнаго войска“; но правда заключалась въ томъ, что уже однѣхъ дружинъ, присланныхъ къ

нему Довмонтомъ съ Ладоги и изъ Копорья, было, дѣйствительно, не мало; къ тому-же и сами Переяславцы охотно стали подъ его знамена, не желая подчиниться Андрѣю. Новгородцы одни, своими силами, не рѣшились вступить въ бой съ ненавистнымъ для нихъ великимъ княземъ,—а Даніилъ московскій и Тверской князь съ своей стороны дали ему миръ, и всѣ разошлись — каждый къ себѣ, въ разныя стороны.

Положеніе обездоленнаго великаго князя тѣмъ не менѣе было безнадежно: въ началѣ у него отняли только великое княженье и Новгородъ; наконецъ того лишили и послѣдняго, отобрали собственный его удѣлъ Переяславль-залѣсскій. Въ такой гибельной крайности мгновенно рѣшилъ онъ въ умѣ своемъ воспользоваться тѣмъ же средствомъ, къ которому прибѣгнулъ самъ его противникъ, братъ Андрѣй: итти въ Орду и просить себѣ помощи у хана. Въ Ордѣ же произошли тогда великія перемѣны; умеръ Менгу-Темиръ и ханы ссорились изъ-за власти; кто̀ называлъ тогда царемъ Тудана-Менгу, кто̀ Телебугу, а кто̀ Тохтая или еще и другихъ. А въ самомъ дѣлѣ царилъ надъ всѣми ими ханъ Ногай, который откочевалъ тогда изъ Волжской Орды къ берегамъ Чернаго моря и оттуда простиралъ власть къ горамъ Кавказа, а въ другую сторону—на все при-Днѣпровье.

Основавъ новую собственную Ногайскую Орду, въ степи Черноморской, поблизости отъ Кіева, Подолья и Волыни, ханъ Ногай вмѣшивался оттуда еще въ дѣла Болгаріи, Сербіи и даже Греческой имперіи; онъ же ставилъ оттуда царей и въ Волжскую Орду: всѣ тамошніе салтаны страшились тогда его имени. „Князь великій Димитрій Александровичъ съ дружиной своей и съ княгиней и съ дѣтьми и со всѣмъ дворомъ *бѣжа* въ Орду къ хану Ногаю *и многи дары даде ему и вспять княземъ его. Ханъ же Ногай послуша его и держаше его въ чести*“ *). Обращеніе къ Ногаю мгновенно из-

---

*) Какъ византійскія, такъ и сербскія лѣтописи неоднократно упоминаютъ этого Ногая, покорившаго мѣста нынѣшней Молдавіи: „*поробыша татары Влашку землю*“—говоритъ о немъ сербскій лѣтописецъ. Въ то время греческій императоръ Михаилъ Палеологъ возвратилъ Константинополь своей державѣ, покончилъ такъ называемую „латинскую Балдуинову Имперію“ (1260 г.), съ той поры и цареградскіе патріархи опять

мѣнило положеніе Дмитрія Александровича. Изъ гибельной крайности, въ какую онъ былъ поставленъ кознями и происками брата, сблизившагося съ Золотой Ордою, Димитрій вдругъ былъ вознесенъ превыше прежняго могучимъ покровительствомъ царя Ногая, польщеннаго обращеніемъ къ нему русскаго князя и немедленно приславшаго повелѣніе въ Золотую Орду: чтить на Руси великимъ княземъ Димитрія, а не Андрѣя. Сейчасъ на всю Русь дано было оттуда знать о томъ баскакамъ, и всѣ татарскія войска, наканунѣ еще ходившія противъ Димитрія подъ предводительствомъ Андрѣя, были предоставлены теперь въ рас-

---

возвратились изъ Никеи въ древнюю столицу. Но въ началѣ этотъ императоръ дружилъ съ Римомъ изъ боязни за свою возстановленную Имперію и подавалъ лестныя надежды папѣ на „Унію“, потому и сношенія Русскихъ святителей съ возвратившимися въ Цареградъ патріархами были неохотны. Митрополитъ Кириллъ посылалъ Сарскаго епископа къ патріарху Константинопольскому Іоанну Векку; посланный—выражаясь словами исторіографа—„видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ сановниковъ церкви, громогласно осуждавшихъ Михаила Палеолога и возвратился (въ 1279 году) къ митрополиту съ извѣстіями печалными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло главы, ибо не хотѣлось, какъ вѣроятно, принять новаго митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка“. Лишь въ послѣдніе годы своего царствованія Михаилъ Палеологъ прервалъ льстивыя сношенія съ Римомъ, не оправдалъ тамошнихъ надеждъ и разрушилъ несбывшіяся мечты папы, за что память его и пользуется ненавистью у всѣхъ латынянъ. При сынѣ его Андроникѣ возстановилось полное согласіе Русскихъ святителей съ Цареградскимъ патріархомъ. Преемникъ митрополита Кирилла „Максимъ, былъ посвященъ въ 1283-мъ году старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на патріаршество по смерти императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы Латинской церкви“. Какъ съ римскимъ папой Михаилъ Палеологъ не отличался прямотой дѣйствій, а велъ коварную политику, также поступалъ и съ прочими противниками и союзниками своими особенно съ *„краляли“* тогдашней Сербіи и Болгаріи. Постоянно вмѣшиваясь въ ихъ смуты, Михаилъ Палеологъ вступилъ напослѣдокъ въ союзъ съ ихъ притѣснителемъ, ханомъ Ногаемъ. Императоръ расположилъ Ногая въ свою пользу, выдавъ за него свою незаконную дочь Ефросинію,—и тѣмъ не только избавилъ свои владѣнія отъ набѣговъ Ногайскихъ татаръ, но имѣлъ еще и преданнаго союзника въ Ногаѣ противъ сербскихъ и болгарскихъ „кралей“. Ногай иначе не называлъ Михаила Палеолога, какъ родителемъ своимъ, хвалился родствомъ съ Имперіей и больше не допускалъ *„кралей“* обижать „родителя“ своего.

поряженіе Димитрія, а Андрѣй уже не имѣлъ никакой силы *).

Водворясь снова на Владимірскомъ великомъ княженіи, Дмитрій Александровичъ съ тѣмъ вмѣстѣ опять вокняжился и въ Новгородѣ. Князь Андрѣй, подчинясь татарскому велѣнію, не только болѣе не сопротивлялся старшему брату, а съ нимъ и съ ввѣренными ему татарскими войсками—еще вмѣстѣ ходилъ усмирять волости новгородскія, подчиняя ихъ одну за другой Дмитрію. Впрочемъ, примиреніе братьевъ было только наружное; а со стороны Андрѣя, прямо сказать, притворное. Андрѣй имѣлъ тайное совѣщаніе въ Торжкѣ съ крамольниками, дѣйствовавшими отъ имени всего Новгорода и заключилъ тайный договоръ съ ними,—вновь далъ имъ присягу въ Торжкѣ, а отъ нихъ потребовалъ вторичной присяги и себѣ—въ томъ, чтобы имъ другъ отъ друга не отставать. Но эта тайна огласилась.

*) Владѣя низовьями Днѣпра и Дуная, орда Ногая тѣмъ непосредственнѣй, мимо собственно такъ называемой Золотой Орды—распоряжалась Кіевомъ, Подоліей и Волынью. Отъ близкаго сосѣдства съ ногайскими татарами положеніе Кіевской области тогда много ухудшилось. Новый митрополитъ, преемникъ Кирилла, Максимъ (Гречинъ родомъ), поставилъ въ Кіевѣ за себя особаго епископа, а самъ *„хожаше по всей землѣ Русской“*; кончилъ же тѣмъ, что *„не терпя насилія отъ татаръ въ Кіевѣ, пойде изъ Кіева, и весь Кіевъ розыдеся“*. Напослѣдокъ онъ перевелъ владимірскаго епископа въ Ростовъ, а Владимірскую каѳедру оставилъ за собою.—Волынскіе князья мало отличали разницу между Ордой царя Ногая и собственно такъ называемой Золотой Ордой; хановъ, повелѣвавшихъ въ ихъ области, какъ изъ Золотой Орды, такъ и Ногайской—они одинаково чтили царями. Та и другая Орда притомъ, какъ ни считались монголы сами между собой собственными своими монгольскими счетами—обѣ, однакожъ для Руси оставались неразрывною вражеской силой и почитались въ одно и то же время однимъ общимъ владыкой. Тѣмъ болѣе, что и связь между ними велась постоянная: въ началѣ, по преобладанію Ногая, онъ распоряжался и ханами Золотой Орды; послѣ же его паденія они, ханы Золотой Орды, простирали свою власть и на его, Ногаево, наслѣдіе. Одно время вмѣстѣ съ Ногаевыми войсками дѣйствовали на Волыни и войска Телебуги, хана Золотой Орды; позднѣе Телебуга находился въ разрывѣ съ Ногаемъ. Ханъ Тохта въ началѣ царилъ въ Золотой Ордѣ благодаря именно поддержкѣ Ногая, отклонившаго прочихъ соперниковъ Тохты; а напослѣдокъ Тохта именно и явился сокрушителемъ самого Ногая. Золото-ордынцы несомнѣнно должны были считать Ногая бунтовщикомъ, какъ отложившагося отъ нихъ своевольно,—и послѣ его паденія, какъ видно, перемѣстили его улусы, перевели ихъ опять ближе къ своимъ собственнымъ,—то есть

О Дмитрiѣ Александровичѣ нельзя не замѣтить, что по тѣмъ безурядным временамъ онъ дѣйствовалъ неосторожно и давалъ самъ поводъ братнину успѣху. Великiй князь не только не заискивалъ у низложенных враговъ своихъ, а велъ себя грозно, какъ бы еще выставляя на показъ всѣмъ, что не допустить поколебать достоинства великокняжеской власти. Такъ вступивъ въ Новгородъ, онъ велѣлъ захватить многихъ бояръ изъ главныхъ своихъ ослушниковъ: „многiе крамольники *поимъ*“. Еще худшая доля поразила тогда Семена Тонгiевича: этотъ „*льстивый крамольникъ*“ — какъ онъ названъ по этому случаю въ лѣтописи — „*убiенъ бысть на Костромѣ*“. Въ этотъ городъ были нарочно отправлены великимъ княземъ два боярина съ тайнымъ порученiемъ произвести слѣдствiе обо всѣхъ подробностяхъ произведеннаго имъ кова и вывѣдать о дальнѣйшихъ замыслахъ „приспѣшниковъ“ Андрѣя Городецкаго. На вопросы, предложенные виновному при этомъ тайномъ розыскѣ, онъ отвѣчалъ съ упорствомъ закоснѣлаго злодѣя. „Что вы меня спрашиваете! спросите обо всемъ самого князя Андрѣя Александровича, моего господина“—повторялъ онъ одно и то же на всѣ вопросы

перенесли Орду Ногайцевъ съ черноморскаго побережья между устiй Днѣпра и Дуная опять въ сосѣдство съ собою по близости съ низовьями Волги: остатки и послѣдки этихъ ордынцевъ позднѣе удержали за собой имя ногайскихъ татаръ. Къ послѣднему десятилѣтiю XIII вѣка вообще начинаются извѣстiя въ лѣтописяхъ о томъ, что „въ татарахъ бысть нестроенiе, крамола велiя, брань и убiйство“. Такъ подъ 1291-мъ годомъ записано: „заратись царь Тохта съ Телебугою царемъ и со Алгуемъ“; „бысть мятежъ въ татарахъ: царь Ногай уби Телегубу царя и Алгуя царя“ или еще: „заратишася въ Ордѣ цари, Тохта съ Телебугою и со Олгуемъ, и одолѣ Тохта. Тогоже лѣта Ногай царь уби Телебугу царя и Олагуя“. Вѣнчаются всѣ эти извѣстiя тѣмъ напослѣдокъ, что самъ Тохта побѣдилъ Ногая, отстранивъ прочихъ соперниковъ и побѣдивъ всѣхъ противниковъ: Тохта напослѣдокъ усилился такъ, что его Золотая Орда сдѣлалась страшна и грозна попрежнему. Кончину Ногая полагаютъ около 1296-го года, по другимъ извѣстiямъ въ 1299-мъ году. Впрочемъ, послѣ Ногая оставался еще нѣкоторое время въ Молдо-Валахiи сынъ его Чаки. Покорителемъ Молдо-Валахiи за это время полагаютъ Туктая, то есть Тохту же. Слѣдовательно, извѣстiе о томъ, что „того же лѣта (1299 г.) Ханъ Тохта въ *другiй* ходилъ на Хана Ногая и побѣди его“ можетъ относиться до наслѣдника Ногаева. Во всякомъ случаѣ, въ какомъ году ни палъ Ногай, но въ 1283-мъ году, когда къ нему обратился за помощью Дмитрiй Александровичъ, этотъ знаменитый ханъ Черноморской Орды находился на верху своей власти и славы; самъ Тохта еще страшился его въ ту пору.

слѣдователей—„мое дѣло служить правдой и истиной господину моему, больше я ничего не знаю. Ежели у нихъ которые были, у брата съ братомъ, брани или споры изъ-за обидъ между собою—про то и вѣдаютъ они сами,—а я только то̀ вѣдаю, чтобы служить отъ всего сердца своему господину". Бояре ему возразили на это: „а кто же поднималъ, какъ не ты, Хана ордынскаго? кто его татаръ приводилъ на нашего господина великаго князя Димитрія Александровича?" На это Семенъ отвѣтилъ: „Сего дѣла не вѣмъ; ежели хотите истинно увѣдать, спросите о томъ господина моего князя Андрѣя Александровича; тотъ вамъ на все отвѣтъ дастъ". Бояре объявили ему: „если ты не откроешь намъ правды—ни того, что сейчасъ у васъ идетъ, ни—что впередъ готовится твоимъ господиномъ нашему господину—велѣно казнить тебя". Тогда Семенъ прикинулся, что даже и не вѣритъ тому: дескать, вашъ господинъ съ нашимъ замирились! *„укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ въ миръ и любви быть!* Такъ это-ли миръ и любовь вашего господина и васъ? чтобы убивать бояръ нашего господина! во истину суетно есть дѣло ваше!"—И „тако убіенъ бысть на Костромѣ Семенъ, великаго князя Димитрія Александровича повелѣніемъ" *).

Узнавъ о казни своего „приспѣшника, помощника и совѣтника", Андрѣй Александровичъ сдѣлался уже непримиримымъ врагомъ своего старшаго брата. Въ Новгородѣ послѣ того смуты уже не унимались за все время княженія Дмитрія Александровича,—и однѣ другихъ были грознѣе: то смѣняли посадниковъ, то сбрасывали подозрѣваемыхъ „въ измѣнѣ Новгороду" съ моста, то бѣлымъ днемъ на улицѣ совершали убійства—опять уличане вооружались сами на ся; билась улица съ улицей.

---

*) Былъ ли этотъ мятежникъ взятъ въ плѣнъ или выданъ великому князю инымъ образомъ? содержали ли его въ Костромѣ подъ стражей и почему именно находился въ Костромѣ? извѣстій о томъ нѣтъ. По смерти бездѣтнаго Василья Костромского, этотъ удѣльный городъ могъ переходить, и даже не одинъ разъ, изъ рукъ въ руки отъ одного брата къ другому: отъ Андрѣя Городецкаго къ самому Дмитрію Александровичу; могъ оставаться и спорнымъ между ними. По крайней мѣрѣ, при дальнѣйшихъ междуусобіяхъ сынъ Димитрія, князь Иванъ Димитріевичъ, получилъ Кострому себѣ въ вотчину, какъ вѣроятно, уже имѣвшій на нее право: „Того же лѣта (1294 г.) князь Иванъ Димитріевичъ сяде на Костромѣ". Переходы городовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія происходили тогда безпрерывно.

Въ тѣ же годы участились опять и нападенія то Рижскихъ, то Свейскихъ нѣмцевъ на новгородскіе предѣлы: въ Неву входили лайбы бунтовавшей Чуди, возбуждаемой нѣмцами; ихъ собственные нѣмецкіе шнеки вступали въ Ладожское озеро: нѣмцы брали дань съ Корелы.

Въ 1285 году Андрѣй Городецкій привелъ изъ Орды татаръ съ такимъ властителемъ, котораго не называли и ханомъ и чье имя даже осталось неизвѣстнымъ: въ народѣ его просто звали салтаномъ. Татары разсыпались тогда *„семо и овамо“*, мало принесли пользы Андрѣю Городецкому; но вреда народонаселенію причинили много. Потомъ приходилъ еще князь Елортъ Ордынскій и взялъ Муромъ, „много зла сотворше, иде во-свояси“. Еще потомъ приходилъ „салтанъ, именемъ Тахтамиръ“ раззорилъ Тверь *„и многу тягость учинилъ людямъ“*. Кромѣ татаръ, приходили опять и Литовскія шайки, также нанесли вредъ Тверскимъ предѣламъ: въ помощь Тверичамъ встали тогда Москвичи, Дмитровцы, Зубчане и Ржевцы и прогнали Литву: взяли еще въ плѣнъ одного князца литовскаго Доманта: тезку Псковскаго князя. Великій князь Дмитрій Александровичъ, собравъ многую рать, прогналъ тотъ разъ невѣдомаго салтана; но не всегда имѣлъ возможность отражать ордынцевъ, да къ нему уже болѣе и не обрашались ни откуда за помощью: даже отвыкли по тѣмъ временамъ числить великаго князя на Руси.

Ихъ было два въ то время,—Дмитрій и Андрѣй Александровичи—оба титуловались великими князьями, ибо князь Городецкій не почиталъ себя отступвишимъ ни отъ Новгорода, ни даже отъ Владимірскаго великаго княженья,—но пользы отъ того никому не было; ни отъ одного изъ этихъ двухъ великихъ князей ни помощи, ни защиты уже не ожидалъ себѣ никто. Каждый изъ нихъ воевалъ въ пользу собственнаго удѣла съ прочими удѣлами,—города по тогдашнему безвременью переходили изъ рукъ въ руки. Такъ, напримѣръ, Угличъ (со времени того раздѣла, который между Константиновыми дѣтьми былъ утвержденъ еще отцомъ Невскаго) состоялъ во владѣніи младшаго наслѣдника, Владиміра Константиновича; но съ тѣхъ поръ успѣли уже въ Угличъ утвердиться потомки Василька, а не Владиміра; именно дѣти Бориса Васильковича,—а въ теперешнее наступившее

безвременье, самъ Андрѣй Александровичъ Городецкій завладѣлъ Угличемъ, отнявъ его у Дмитрія Борисовича. Въ эту же пору самъ Дмитрій Александровичъ вступилъ войною въ Тверское княжество, искавъ, какъ вѣроятно, исправить границы своего Переяславскаго княженія, смежныя съ тверскими владѣяніями. Но Тверь была уже тѣмъ временемъ большимъ городомъ *) и въ ней славился добрымъ вотчинникомъ своего удѣла юный князь Михаилъ Ярославичъ тверской, отъ юности затмившій собою всѣхъ прочихъ тверскихъ князей: Тверь была ему много обязана тогдашнимъ своимъ возвышеніемъ. Михаилъ Ярославичъ безстрашно выступилъ противъ Димитрія, и вѣчные споры о рубежахъ и предѣлахъ смежныхъ волостей кончились дружелюбно между обоими князьями: до рати у нихъ не дошло, а они заключили миръ, сойдясь въ Кашинѣ. Тогда же заодно съ Дмитріемъ Александровичемъ и Дмитрій Борисовичъ Ростовскій пошелъ *„къ Твери ратью“*: также и у Ростова были спорные рубежи съ Тверскимъ княжествомъ и сходились именно къ Кашину, — но и Ростовскій князь развелся съ Михаиломъ Ярославичемъ на этотъ разъ миромъ. Въ самомъ Ростовѣ къ тому же не прекращались бранные споры. Васильковичи, раздѣлившіеся въ началѣ на Борисовичей и Глѣбовичей, разбились уже въ обоихъ колѣнахъ еще и на поколѣнія. Если и прежде отъ ихъ ссоръ *„Ростовъ градъ смятеся весь“*, то годъ за годомъ еще больше прежняго спирались счеты въ ихъ роду отъ размножившихся князей и волостныхъ раздѣловъ. Подъ 1286 году именно упоминается, что *„Дмитрій и Константинъ Борисовичи раздѣлиша вотчину свою“*, а дѣленіе вотчины уже предполагаетъ и предварительныя усобицы изъ-за волостей, принудившія къ ихъ раздѣлу.

То были ничтожные счеты мелко-на-мелко раздробившихся владѣній: уже не общіе на всю Русь, ни даже на

*) На мѣстѣ малой церкви Козьмы-Демьяна, гдѣ былъ похороненъ родоначальникъ тверскихъ князей, Ярославъ Ярославичъ, высился теперь уже большой каменный Спасъ-Преображенскій соборъ, богато украшенный драгоцѣнностями и дивившею всѣхъ иконописью. Въ Твери занималъ каѳедру при этомъ соборѣ уже второй епископъ. Первымъ былъ Симеонъ; послѣ него, митрополитъ Максимъ поставилъ новаго епископа „Андрѣя“, бывшаго игуменомъ одного изъ Тверскихъ монастырей: замѣчательно, что это былъ литовецъ родомъ, сынъ полоцколитовскаго князя Герденя; Герденъ-же былъ родственникъ Миндовговъ.

ту или другую изъ обширныхъ областей ея, а въ каждомъ колѣнѣ и поколѣніи князей — чисто-семейные, а то еще и въ каждой отдѣльной семьѣ—чисто-личные счеты. Размножившееся къ этому времени потомство Всеволода Большое Гнѣздо уже числило теперь не мало князей, обходившихся и одиночными городами. Забывались самыя имена измельчавшихъ князей, а пошли имъ прозвища прямо по городамъ, которыми они владѣли: князья ярославскіе, углицкіе, бѣлозерскіе, нижегородскіе, стародубскіе и такъ далѣе. Хотя не крупны были ихъ счеты, а годъ отъ году все мельчали и еще болѣе: иные города уже дѣлились пополамъ и по улицамъ; нѣкоторые передавались другъ другу по куплѣ и продажѣ, по духовнымъ завѣщаніямъ, въ приданое за дочерьми,—и въ свою очередь вновь дробились по семейнымъ выдѣламъ.

Изъ князей, получившихъ здѣсь владѣніе по брачному договору въ приданое, замѣчателенъ за это время ярославскій князь Ѳеодоръ Ростиславичъ Черный. У благочестиваго Константина (старшаго сына Всеволода Большое Гнѣздо) былъ сынъ Всеволодъ Константиновичъ, а у него Василій, удѣльный князь Ярославля; по смерти Василья Всеволодовича не осталось дѣтей никого, кромѣ единственной дочери княжны Маріи. Городъ Ярославль и поступилъ отъ нея въ приданое ея жениху Ѳеодору Черному—изъ смоленскихъ князей. Такимъ образомъ, въ Ярославлѣ утвердился родъ лишь по женской линіи отъ Всеволода Большое Гнѣздо, а родоначальникомъ дальнѣйшаго потомства послѣ Константинова внука—былъ этотъ смоленскій князь Ѳеодоръ Ростиславичъ Черный. У себя въ волости братья выдѣлили ему лишь городъ Можайскъ; Ѳеодоръ Черный, оставшись недоволенъ такимъ раздѣломъ, удалился отъ своей братіи и, черезъ женитьбу на Маріи, сдѣлался Ярославскимъ княземъ. Но хотя онъ и утвердился въ Ярославлѣ, а не одинъ разъ водилъ еще свои полки въ смоленскую область при происходившихъ тамъ усобицахъ въ его братіи. Вспомнилъ еще и одинъ изъ захудалыхъ южно-русскихъ князей, Романъ Брянскій, старинные счеты Чернигова въ Смоленской области, пожелалъ возобновить ихъ и приходилъ туда войною: *„села и волости повоева и отыде восвояси“*.

Какъ въ распавшемся Владимірскомъ княженіи, такъ и во всѣ стороны вкругъ его—къ Смоленску на западъ, къ

Рязани на востокъ, на югъ къ Черниговской области, и на сѣверъ къ Новгороду—всюду умножилась рознь, остановить которую не было уже во власти стольнаго города Владиміра, кто бы тамъ ни княжилъ. Прежде—въ старинныя времена кіевской Руси—для самого народа порою были важны междуусобія князей. Тогда они, воюя другъ съ другомъ за старшинство столовъ, отстаивали еще съ тѣмъ вмѣстѣ по временамъ и счеты старинныхъ областей-городовъ (можно бы сказать: племенъ-родовъ), ихнее соперничество между собою. Тогда поэтому самъ народъ и приставалъ то къ одному, то къ другому князю,—по временамъ-же самъ народъ вмѣшивался въ ихъ распри. На сѣверѣ, во Владимірскомъ княженіи, не было и не могло быть ничего подобнаго. Народонаселенія его городовъ—отначала, еще подъ державою Юрія и Андрѣя Боголюбскаго, особливо же при Всеволодѣ-Большое-Гнѣздо,—сами отстаивали свое общее единство, рады были состоять всѣ сообща подъ единою державою своего прирожденнаго князя.

При совершившемся теперь раздробленіи когда-то единаго и цѣльнаго обширнаго Владимірскаго княженія и при—болѣе чѣмъ вѣковой—укоренившейся привычкѣ всѣхъ его народонаселеній къ единодержавію, могъ ли въ самомъ дѣлѣ здѣшній народъ не тяготиться междуусобіями, умножившимися въ размножившихся поколѣніяхъ измельчавшихъ князей? Народъ, прямо сказать, не только не вмѣшивался въ здѣшніе раздоры здѣшнихъ князей, а ничего уже и не понималъ въ происходившихъ между ними распряхъ. По мѣрѣ же того, какъ ссорившіеся князья стали еще наводить Татаръ другъ на друга — эти распри между соперниками и удѣльные счеты каждаго изъ князей со всѣми прочими—казались уже вопіющею неправдой и грѣхомъ преступнымъ. Образовались на этотъ счетъ особыя выраженія у лѣтописцевъ за это время; всѣ они отзываются о тогдашнихъ ратяхъ единогласно, что князья вели ихъ „*изъ насильства со грѣхомъ и неправдою великою*“. Жалобы въ разныхъ видахъ не прекращались на такую всеобщую княжескую неправду. „О, возлюбленіи князи Русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною славой міра сего! кая вамъ польза враждовати на сродныя и единовѣрныя своя: вы одинъ по единому гибнете, а враги ваши отъ иноплеменныхъ радуются! и больше

имѣнія нежели вы пріемлютъ. Васъ же на малое время усты токмо ласкаютъ и честь воздаютъ, мысляще да како всѣхъ васъ наущая единаго на другаго изгубятъ, и всю честь вашу сами пріимутъ". — Уже не столько на свою собственную вину жаловался теперь народъ устами своихъ лѣтописцевъ, а прямо слагалъ вину на *неправду князей* за всѣ постигавшія тогда бѣдствія. „Сіе сотворися грѣхъ ради нашихъ и *неправды ради князей*, которые живяху въ неправдѣ. Много имамъ о семъ писати, но оставимъ сія долготы ради". Или еще: „много убо велика сія повѣсть, но множества ради оставлена бысть; можетъ бо и малая сія повѣсть человѣку, умъ имущему, плачъ и слезы сотворить".

Самъ собой надвигался вопросъ: который же наконецъ князь сыщется всѣхъ сильнѣе и который же изъ городовъ стянетъ къ себѣ, какъ къ сердцу, разрознившіяся не по своей винѣ здѣшнія народонаселенія — чтобы вновь собралась воедино недавно еще цѣльная великая держава? Весь народъ того самаго Владимірскаго княженья, которое при Всеволодѣ-Большое-Гнѣздо уже начинало именоваться Великою Русью, охотно бы готовъ былъ подчиниться такому желанному князю и примкнуть ото всѣхъ концевъ къ такому желанному городу—лишь-бы покончить съ этими мелкими счетами удѣльныхъ, болѣе уже ничего не значившихъ князей. Будущее таилось во мглѣ; но въ тяжкія, смутныя и кровопролитныя времена двоевластія Дмитрія и Андрѣя Александровичей уже для всѣхъ стали очевидны два дѣла на Руси: во-первыхъ, что старшіе сыновья Невскаго, оба его наслѣдника, тщетно носятъ великокняжескій титулъ и во-вторыхъ, что не стало болѣе „Владимірскаго княженія", а потому и самый титулъ „*Великій Князь Владимірскій*", изношенъ дотла: онъ уже не значилъ ничего ровно.

Но смуты и ужасы, пережитые за восьмидесятые годы XIII-го вѣка, были еще только слабымъ предвѣстіемъ тѣхъ золъ и бѣдствій, которыя съ наступленіемъ его девяностыхъ годовъ—разразились во всей силѣ. Вражда, кипѣвшая между двумя старшими сыновьями Невскаго, окончилась полнымъ низложеніемъ Дмитрія Александровича и полнымъ торжествомъ младшаго брата надъ старшимъ. Напослѣдокъ Андрѣю Городецкому удалось всѣхъ главнѣйшихъ князей того времени, почти со всѣхъ-же областей—свести въ одинъ общій

скопъ съ собою противъ Дмитрія Александровича—за исключеніемъ именно Тверского князя Михаила Ярославича и самого Даніила Московскаго.

Шестеро князей, подъ предводительствомъ Андрѣя Городецкаго (въ числѣ которыхъ были князья: изъ Ростова, изъ Углича и изъ Бѣлозерска, а кромѣ того, и ярославскій князь Ѳеодоръ Черный) отправились въ Орду съ жалобами на Дмитрія Александровича. Единственная его вина могла заключаться лишь въ томъ, что—не столько впрочемъ на дѣлѣ, какъ на словахъ—онъ дѣйствительно величался Великокняжескимъ достоинствомъ и старшинствомъ своимъ надъ всѣми прочими,—а для его братіи—такихъ же данниковъ татарскихъ, какъ и онъ самъ—это казалось уже несносно. При всеобщемъ тогдашнемъ безправіи между ними, когда все зависѣло исключительно отъ воли Хана, а съ другой стороны всѣ-же равно сошли на мелкихъ удѣльныхъ князей включительно съ носившимъ тщетный титулъ „Великаго“—такое, можно сказать, роковое притязаніе Дмитрія Александровича держать себя честно и грозно по-старинѣ—имѣло для несчастнаго державца гибельныя послѣдствія. Кромѣ двухъ лучшихъ князей того времени—какъ уже сказано, Михаила Ярославича Тверского и самого Даніила Московскаго—всѣ прочіе сдѣлались его личными врагами и возстали противъ него съ рѣдкимъ тогда единодушіемъ. Его нельзя бы было обвинить ни въ чемъ, ни даже въ непослушаніи передъ Ханомъ: какъ разъ въ эту самую пору сынъ великаго князя (Александръ Дмитріевичъ) находился въ Ордѣ, тогда же тамъ и скончался. Но жалобщики обнесли великаго князя именно тѣмъ, что онъ не хочетъ повиноваться волѣ Хана и чинитъ мятежъ противъ царя! постоянно величается собственною своею властью надъ князьями! не хочетъ платить и надлежащей дани, не сполна вноситъ ордынскій выходъ. Въ Ордѣ царилъ тогда ханъ Тохта, низложившій тѣмъ временемъ всѣхъ своихъ противниковъ: самъ Ногай уже страшился его имени, а вскорѣ былъ и убитъ въ войнѣ съ нимъ. Этотъ монголъ, внимательно выслушавъ жалобщиковъ, повидимому, не во всемъ былъ согласенъ съ ними и рѣшилъ вызвать великаго князя на свой собственный судъ въ Орду. Но жалобщики прибѣгли къ обычному средству, расположили въ свою пользу подкупомъ и дарами совѣтниковъ Хана: „*также*

потомъ на ину мысль преложи и отпусти съ ними брата своего Дюденя". Андрѣю Городецкому дали въ Ордѣ на этотъ разъ огромное войско,—и шестеро князей отправились свергать великаго князя. Больше всего при этомъ Дюденевомъ нашествіи досталось владѣніямъ самого́ Дмитрія Александровича: именно его Переяславскому княжеству; но военная прогулка татаръ не миновала отчасти и областей, подвластныхъ союзниковъ Дюденя; пуще же того коснулась самого́ стольнаго Владиміра и новгородскихъ мѣстъ, да еще владѣній Тверского князя и Московскаго—за ихъ неучастіе въ союзѣ съ Андрѣемъ Городецкимъ.

Даніилъ Александровичъ и этотъ разъ вышелъ навстрѣчу къ татарамъ съ почестью и дарами, отворилъ имъ свою столицу; но въ отмщеніе со стороны Андрѣя за отказъ быть съ нимъ заодно противъ старшаго ихъ брата Димитрія—и Москва поплатилась на этотъ разъ: упоминается и она въ числѣ городовъ, потерпѣвшихъ отъ войскъ Дюденя, хотя менѣе другихъ. Дремучіе лѣса, которыми славились здѣшнія мѣста въ то время, наполнились тогда разбѣжавшимся въ ужасѣ народомъ. Также была пограблена и Тверская область, но ея стольному городу посчастливилось уцѣлѣть. Въ Тверь набѣжало тогда великое множество безпріютныхъ—не только изъ селъ и городовъ тверского княжества, но и изъ сосѣднихъ городовъ. Андрѣй Городецкій, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ, произведенныхъ татарами, и руководителемъ ихъ похода, уже велъ Дюденя къ столицѣ своего противника Михаила Ярославича для ея раззоренія. Извѣстно было, что городъ стоялъ безъ князя, находившагося тогда въ Ордѣ: Михаилъ же прибылъ тотъ разъ въ свою вотчину нежданно-негаданно. Еще не знавъ, что татары подъ Москвою, онъ едва не попался дорогою въ ихъ руки; но одинъ сельскій священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ, и показалъ дорогу безопасную. Князь вступилъ въ свою столицу, встрѣченный крестами и иконами и всеобщимъ одушевленіемъ, въ самый тотъ мигъ, когда ея жители вмѣстѣ съ собравшимся со всѣхъ сторонъ народомъ, приносили торжественную клятву стать всѣмъ заодно противъ татаръ и не сдать города. Узнавъ о возвращеніи Михаила Ярославича и о томъ, что Тверь затворилась въ осаду, Андрѣй Городецкій миновалъ ее и

повелъ ханскія войска въ новгородскія владѣнія. Дюденево нашествіе напомнило времена самого Батыя; татары раззорили четырнадцать городовъ, и вкругъ ихъ *„всю землю сотвориша пусту“*; въ томъ числѣ главнымъ образомъ пострадалъ Переяславль-Залѣсскій, гдѣ особенно свирѣпствовали татары—*„людіе Переяславстіе разбѣжася вся“*—и самъ Владиміръ, гдѣ татары вновь разграбили соборъ, выломавъ на этотъ разъ даже мѣдный полъ храма: *„чудное мѣдное дно выдраша и сосуды священныя вся поимаша“*. Раззорены были кромѣ того: Муромъ, Суздаль, Юрьевъ, Угличъ, Коломна, Дмитровъ, Можайскъ, Волокъ... „много градовъ поимаша, много зла сотворивъ христіанамъ“. Жалости достойный Димитрій Александровичъ оставилъ родину и ушелъ въ Псковъ къ зятю своему Довмонту. Когда татары, захвативъ Волокъ, грозили своимъ вторженіемъ и Новгороду, оттуда было выслано почетное посольство къ царевичу Дюденю и много даровъ съ просьбою не воевать Новгорода; посламъ велѣно было сказать и Андрѣю Городецкому: „ты намъ свой князь, хотимъ тебя, пріими городъ и не воюя“. Дюдень, довольный новгородскими дарами, насытивъ и свое войско губительнымъ походомъ, повелъ татаръ назадъ въ Орду. Князь Андрѣй Александровичъ Городецкій вновь возсѣлъ на Владимірскомъ великомъ княженіи, вокняжился съ тѣмъ вмѣстѣ и въ Новгородѣ; а главному своему союзнику князю Ѳеодору Черному отдалъ Переяславль-Залѣсскій, которымъ этотъ князь, пришлый изъ Смоленска, и хотѣлъ владѣть въ придачу къ Ярославлю.

Свергнутый великій князь Димитрій Александровичъ, заслышавъ объ уходѣ царевича Дюденя, спѣшилъ возвратиться въ свой родной удѣлъ *свою наслѣдственную* Переяславскую область: тамъ само народонаселеніе было ему предано и держало его сторону. Но Андрѣй съ дружиною новгородскою перехватилъ брата на пути близъ Торжка; успѣлъ однако взять только его обозы, а самъ Димитрій спасся въ Тверь, гдѣ его радушно принялъ Михаилъ Ярославичъ и содѣйствовалъ еще, съ помощью тверского епископа, заключенію мира между непримиримыми братьями. Димитрій отказывался отъ Владимірскаго престола и отъ Новгорода, соглашался отдать новгородцамъ и принадлежавшій ему Волокъ—лишь бы оставили за нимъ Переяслав-

ское княженье. На этомъ Андрѣй Городецкій согласился дать миръ,—и тогда Ѳеодоръ Ростиславичъ Черный оставилъ Переяславль, на прощаньи опустошивъ городъ пожаромъ. Измученный долговременными несчастіями, обездоленный великій князь не пережилъ своего горя; тогда же (1294 году) на пути изъ Твери въ Волокъ, куда ѣхалъ чтобы сдать его новгородцамъ—и скончался, принявъ по утвердившемуся тогда между всѣми князьями обычаю, постриженіе въ схиму передъ смертью. Гробъ Димитрія Александровича привезли въ Переяславль-Залѣсскій, тамъ и похоронили. Такимъ образомъ, двоевластіе двухъ старшихъ сыновей Невскаго прекратилось,—и Андрѣй Городецкій, все время не уступавшій первенства старшему брату, сталъ уже безспорно числиться Великимъ Княземъ.

Былъ ли онъ лучше предшественника своего—не замедлило оказаться на дѣлѣ. Димитрій Александровичъ не послаблялъ противникамъ, затѣвавшимъ противъ него крамолы, и можно бы сказать: почиталъ долгомъ своимъ обнаруживать честно и грозно, что не втунѣ носилъ титулъ Великаго Князя; въ то же время однако, какъ и самъ не напрасно свидѣтельствовалъ о томъ, никого не обидѣлъ въ братіи своей, никому изъ меньшихъ князей не сотворилъ худа. Лишь съ братомъ Андрѣемъ и тягался онъ весь вѣкъ; всѣ же прочіе удѣльные князья не только не поступились ему ни единымъ городомъ, даже и поводовъ къ неудовольствію съ нимъ не подавалъ Димитрій. Андрѣй же Городецкій, напротивъ того, за все время сношеній своихъ, напримѣръ съ новгородцами, не только мирволилъ даже своевольнѣйшимъ изъ крамольниковъ,—прямо сказать, заискивалъ ихъ дружбы,—послаблялъ съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣмъ изъ удѣльныхъ князей, которыхъ почему-либо опасался: таковы особенно были его отношенія къ Ѳеодору Черному. А между тѣмъ, онъ же заслужилъ и ту печальную извѣстность напослѣдокъ, какъ только остался одинъ безспорнымъ Великимъ княземъ—что *„бысть брань въ князьяхъ русскихъ о отчинѣ, хотяше князь великій обидѣти братію“*. Онъ съѣздилъ въ Орду, свозивъ туда съ собою и княгиню, чтобы еще болѣе снискать расположеніе хана, утвердившаго его Великимъ Княземъ послѣ Димитрія и *„того же лѣта (1296 г.) собра рать многу, хотя идти къ Переяславлю, и къ Москвѣ, и къ Твери“*.

Въ Москвѣ онъ тѣснилъ родного своего брата, младшаго изъ Александровичей, Даніила, который съ своей стороны никогда не замышлялъ противъ своей братіи; въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ онъ притѣснялъ племянника своего, единственнаго оставшагося въ живыхъ Димитріева наслѣдника, князя Ивана Димитріевича,—наконецъ въ Твери доблестнаго Михаила Ярославича. Также и эти два молодыхъ князя съ своей стороны ничего не замышляли противъ Андрѣя. Михаилъ Ярославичъ пользовался всеобщей любовью вѣрныхъ и преданныхъ тверитянъ, всей душою и прилежалъ къ своему родному удѣлу: ни въ Андрѣевы права, ни въ его волости не вступался. А князь Переяславскій, не любившій Андрѣя развѣ только по справедливому и естественному нерасположенію къ дядѣ, который былъ вѣчнымъ злодѣемъ его покойнаго отца—Иванъ Димитріевичъ къ тому же отличался необыкновенною кротостью и изумительно тихимъ нравомъ: это былъ истинный внукъ Невскаго; если не въ сынѣ его Димитріѣ Александровичѣ, то именно въ сынѣ самого Димитрія, въ этомъ внукѣ Невскаго, проглянула незабвенная добродѣтель дѣда. О переяславскомъ князѣ Иванѣ Димитріевичѣ записано въ лѣтописи: „*толико бѣ добродѣтеленъ, яко многимъ дивитися о житіи его;* тихъ и кротокъ, смиренъ и любовенъ и милостивъ, *къ божественнымъ церквамъ прилеженъ зѣло*“; постоянно его видѣли съ нищими и странниками: это было лучшее содружество его. Женатъ онъ былъ на одной изъ ростовскихъ княженъ, но оставался бездѣтенъ; все время былъ онъ привязанъ особенною дружбой къ младшему своему дядѣ Даніилу Александровичу Московскому.

Эти три князя составили дружескій союзъ между собою, къ которому приложился и Новгородъ, сблизившійся съ Тверью: всѣмъ имъ, очевидно, была *тягота* отъ Андрѣя. Только ростовскій князь и еще Ѳедоръ Черный держали теперь сторону Великаго князя; отъ прочихъ шли на него жалобы въ Орду: съ жалобами туда на притѣсненія дяди поѣхалъ и Иванъ Димитріевичъ, поручивъ оберегать свое Переяславское княженіе союзникамъ. Михаилъ тверской послалъ грамоту новгородцамъ на имя ихъ владыки, въ которой писалъ: „Поклонъ отъ князя отъ Михайла къ отцу владыкѣ. То ти, отче, повѣдаю: съ братомъ своимъ съ ста-

рѣйшимъ съ Даніиломъ *одинъ есмь, и съ Иваномъ* (Димитріевичемъ). А дѣти твои, посадскій и тысячьскій, и весь Новгородъ на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ: ежели будетъ мнѣ тягота отъ Андрѣя... потянути со мною". Также и новгородцы потребовали такую же грамоту отъ Михаила: „На семъ, князь Михайло, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду: гдѣ будетъ обида Новгороду, тебѣ потянути за Новгородъ, съ братомъ своимъ съ Даніиломъ". Распри князей дошли, наконецъ, и до вышняго судилища ханова: изъ Орды прибылъ нарочный посолъ разсудить жалобщиковъ съ Великимъ княземъ. Монгольскій вельможа вызвалъ ихъ всѣхъ во Владиміръ. Изъ Переяславля, за отсутствіемъ Ивана Димитріевича, прибыли на судбище бояре его; прочіе князья явились сами, въ ихъ числѣ и Андрѣй со своими сторонниками: Ѳедоромъ Черным̀ъ и съ княземъ Ростовскимъ. Тутъ же были епископы: Владимірскій—Симеонъ, и Сарайскій—Измаилъ. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностью и гордымъ видомъ, но не могъ ихъ удержать въ должномъ смиреніи: *„ту за мало не бысть кровопролитіе"*. Уже сами епископы, ставъ между двухъ споривших̀ъ сторонъ, не дали князьямъ схватиться за ножи. Монгольскій вельможа уѣхалъ, не рѣшивъ ничего; а только со всѣхъ споривших̀ъ взялъ богатыя поминки и подарки. Послѣ этого неудавшагося судьбища ссоры продолжались. Великій князь хотѣлъ захватить Переяславль-залѣсскій изгономъ, надѣясь на отсутствіе Ивана; но встрѣтилъ подъ Юрьевомъ сильную рать тверскую и московскую: союзники Ивана Димитріевича уберегли его столицу. По необходимости Великій князь отступился отъ своего намѣренія и заключилъ миръ — какъ съ двоюроднымъ братомъ Тверскимъ княземъ, также и съ роднымъ Даніиломъ. Почти около того-же времени—для окончательнаго порѣшенья мелкихъ несогласій, касательно рубежей между смежными княжествами: тверскимъ, владимірскимъ, переяславскимъ и московскимъ — состоялся еще княжескій сеймъ въ порубежномъ со всѣми-же этими владѣньями, городѣ Дмитровѣ. Былъ тутъ самъ Великій князь Андрѣй Александровичъ, и Михаилъ Ярославичъ Тверской, Даніилъ Александровичъ Московскій, и Переяславскій князь Иванъ Димитріевичъ. Согласились во всемъ̀, казалось, всѣ другъ съ другомъ̀; а вышло на дѣлѣ, что Михаилъ Тверской

счелъ себя въ свою очередъ обиженнымъ на этомъ съѣздѣ: дескать, Иванъ Димитріевичъ явно поступался Переяславскими рубежами въ пользу Московскаго, а не Тверского княженія,—въ явный же перевѣсъ Москвы надъ Тверью.

А между тѣмъ въ эти послѣдніе годы, возобновясь съ прежнею силой, уже не унимались вторженія нѣмцевъ, какъ изъ Риги, такъ изъ Швеціи и Даніи. Были съ ихъ стороны мелкіе набѣги и нападенія, составлявшіе къ этому времени уже непрекращавшееся и безпрерывное зло (хроническое) въ приморской окраинѣ новгородскихъ владѣній. Такъ (1294 г.) Ливонскіе нѣмцы перешли Нарову, и построили городокъ на новгородской сторонѣ; Новгородцы взяли его приступомъ, и раззорили до основанія. А въ слѣдующемъ (1295) году явились Шведы съ своимъ воеводой Сигге, и заложили въ Кореліи городокъ Кехсгольмъ. Новгородцы взяли приступомъ и этотъ городокъ, также и его раззорили до основанія; при этомъ былъ убитъ самъ ихъ воевода, и ни одинъ изъ Шведовъ не возвратился домой. Послѣ этого новгородцы (въ 1297 году) и рѣшились возобновить Корье. Но, кромѣ того, было два великихъ побоища съ нѣмцами: одинъ съ Ливонцами, а другой со Шведами, о которыхъ сохранилась вѣковѣчная память. Ливонскіе рыцари неожиданно подступили ко Пскову; разграбивъ монастыри въ его предмѣстьи, убивали безоружныхъ монаховъ, женъ и младенцевъ. Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами но по прежнему не знавшій страха въ битвахъ, не сталъ дожидаться прибытія большихъ ратей, немедленно вывелъ свою собственную дружину, сразился съ рыцарями на берегу Великой и, по своему обыкновенію, разбилъ ихъ. Командоръ Ордена былъ раненъ въ этомъ сраженіи, много было взято въ плѣнъ Феллинцевъ; досталось въ добычу и множество оружія, брошеннаго нѣмцами при ихъ бѣгствѣ. Это уже былъ послѣдній подвигъ Довмонта, вскорѣ послѣ того онъ и скончался (1299 г.).

Въ то же время и Шведы не отступились отъ своего намѣренія укрѣпиться во что бы то ни стало въ новгородскихъ владѣніяхъ. Они вошли на сто-одиннадцати большихъ судахъ въ Неву подъ предводительствомъ Торкеля Кнутсона *„приведеше съ собою мастеры премудры и хитры зъло порочные* (строители стѣнобитныхъ орудій, порокъ и тара-

новъ) *изъ Рима отъ Папы Римскаго, и силу многу отъ Папы взяша на помощь къ себѣ, и поставиша градъ въ землѣ Корельской на устьѣ Охты рѣки*". Эти „*мудрые хитроки Папины*" и „*воеводы Королевы*", воздвигнувъ свою твердыню, удалились, оставя въ ней воеводою Стеня; они были такъ увѣрены въ ея несокрушимости, что „похваливьсѧ наре-коша *Вѣнецъ земли*", дали ей имя *Ландскронъ*. Но „*твердость та ни во что же бысть за высокоумiе ихъ*" замѣчаютъ лѣтописцы. Новгородцы, видя что Шведы хотятъ запереть имъ выходъ въ море, вызвали Андрѣя Александровича съ владимiрскими полками, пригласили и своего союзника Михаила Ярославича тверского, собрали сами многочисленные полки и пошли воевать со Шведами (1301 годъ). „*Вѣнецъ городъ*" былъ взятъ страшно-кровопролитнымъ приступомъ, Шведы защищались отчаянно, но вынуждены были сдаться; новгородцы согжли и уничтожили воздвигнутыя укрѣпленiя, даже сравняли прибрежное взгорье, на которомъ стоялъ городъ. И долго, до самаго паденiя Новгорода, по всѣмъ церквамъ новгородскимъ въ установленные дни творилась память православнымъ воинамъ, побитымъ подъ Вѣнцомъ-городкомъ. Уничтоживши шведскiй городъ на своей землѣ, новгородцы послѣ того, чтобы прекратить нескончаемыя распри между Ревельцами и Псковичами, отправили своихъ пословъ въ Данiю (1302 г.) заключить миръ съ тамошнимъ Королемъ на томъ уговорѣ, чтобы ни Датчанамъ не воевать болѣе псковскихъ и новгородскихъ мѣстъ, ни Новгородцамъ и Псковичамъ не воевать Ревельскихъ мѣстъ—въ Ливонiи.

Это взятiе приступомъ и „стертiе съ лица земнаго" *Вѣнца-земли* (Ландскронъ), грозной твердыни, воздвигнутой „*королевыми людьми и Папиными хитроками*", чтобы загородить новгородцамъ выходъ въ море, было во все время Андрѣева княженiя единственнымъ дѣломъ, за которое его хвалятъ лѣтописцы. Другой союзникъ новгородцевъ, Михаилъ Ярославичъ тверской, шелъ также въ этотъ походъ по ихъ призыву; но возвратился съ полдороги, узнавъ о взятiи крѣпости,—Андрѣй же принималъ личное участiе въ кровавомъ приступѣ. Это было уже и однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ его княженiя: вскорѣ послѣ того онъ и скончался,—не безъ того однакожъ чтобы

и послѣдніе дни его жизни не мрачились отъ княжіихъ распрей.

Въ 1302 году умеръ бездѣтнымъ тихій и кроткій Иванъ Димитріевичъ, князь Переяславскій, не имѣвъ еще и тридцати лѣтъ отъ роду. По дружбѣ и любви своей къ младшему дядѣ своему Даніилу Александровичу, онъ завѣщалъ именно ему свое удѣльное княжество. Не только усопшій князь, но и весь дворъ его, и все народонаселеніе осиротѣвшаго удѣла, всѣ Переяславцы—сами желали перейти именно подъ власть Московскаго князя, меньшого сына Александра Невскаго, а чтобы не достаться имъ Андрѣю Александровичу. Но Великій князь, домогавшійся Переяславля и прежде, считалъ теперь этотъ выморочный удѣлъ окончательно своимъ великокняжескимъ достояніемъ: изъ-за этого и готовились брани и ссоры. Андрѣй уже было посадилъ и своихъ намѣстниковъ въ опроставшемся удѣлѣ; но самъ народъ ихъ не принялъ. Всѣ ссылались на волю усопшаго князя: „молъ, онъ благословилъ *въ себѣ мѣсто* отчиною своею Московскаго дядю своего: князю Даніилу Александровичу и сѣсть будетъ въ Переяславлѣ на княженіи“. По всѣмъ волостямъ всѣмъ народомъ единодушно встали за Даніила, и Московскому князю ничего не стоило замѣнить разбѣжавшихся Андрѣевыхъ посадниковъ своими присланными изъ Москвы. Завѣщаніе Ивана Димитріевича, такимъ образомъ, вступило въ силу: Даніилъ Александровичъ вокняжился на Переяславскомъ престолѣ; но онъ не захотѣлъ уже разставаться съ любимой Москвою. Туда въ Переяславль, онъ послалъ за себя старшаго сына Юрія; а съ другимъ своимъ сыномъ, съ младшимъ Иваномъ, остался въ собственной столицѣ. Это присоединеніе къ Московскому княженію еще и Переяславскаго много тогда усилило Даніила, прямо сказать: возвысило его противъ всѣхъ прочихъ князей.

Андрѣй Александровичъ Городецкій (ибо Великаго князя такъ и звали всегда въ народѣ: *Городецкій*), надѣясь на отмѣнную къ себѣ милость Тохты, и опытный въ искусствѣ обходиться съ ордынцами, опять обратился къ источнику всякихъ благъ, могущества и силы: поѣхалъ въ Орду. Тамъ онъ долго расточалъ доказательства своихъ безспорныхъ правъ на Переяславль, и подкрѣплялъ ихъ еще поминками и

дарами. Но Даніилъ не напрасно, также какъ самъ Андрѣй по отчеству былъ Александровичъ; въ Ордѣ хорошо знали, чей онъ былъ родной сынъ? Слава Невскаго была жива въ Ордѣ. Къ тому же монголамъ наскучили эти вѣчныя непрекращавшіяся жалобы князей другъ на друга: царь Тохта повелѣлъ, чтобы ему болѣе не докучали ими. Андрѣя милостиво удержали въ Ордѣ, и онъ весело провелъ мало не годъ съ многочисленными ордынскими пріятелями своими; но достиженіемъ своей цѣли по поводу выморочнаго Переяславскаго наслѣдства не могъ тогда похвалиться. Хотя и хвалился по возвращеніи великимъ пожалованіемъ хана и милостями, которыми его чествовали въ Ордѣ,—но важнаго ничего не привезъ съ собою. Съ нимъ пріѣхали только нарочные послы отъ Тохты, и велѣно было всѣмъ князьямъ съѣхаться на общій сеймъ въ Переяславлѣ. Осенью 1303 года тамъ и состоялся княжескій съѣздъ, гдѣ присутствовалъ съ князьями еще и митрополитъ Кіевскій и всея Руси (тогда уже Максимъ—преемникъ Кирилла). На этомъ съѣздѣ торжественно читали грамоту Тохты, обращенную ко всѣмъ князьямъ русскимъ. Царь объявлялъ во всеобщее свѣденіе свою верховную волю, чтобы впредь не было никакихъ ссоръ между князьями,—чтобы всѣ взаимныя распри и препинанія между владѣтелями русской земли прекратились,—чтобы всѣ, на общую пользу, были въ единеніи! Да наслаждается великое княженіе тишиною, да пресѣкутся раздоры властителей, и да будетъ доволенъ каждый изъ нихъ—своимъ. Таково было на этотъ разъ повелѣніе Хана—безпрекословно принятое *къ свѣдѣнію* всѣми собравшимися князьями, чѣмъ, разумѣется, *и ограничилось* его *исполненіе*. Даніилъ Александровичъ не участвовалъ на этомъ съѣздѣ: ужъ его не было въ живыхъ. Постригшись въ схиму передъ кончиною, онъ тихо умеръ сорока одного года отъ роду (съ 4-го на 5-е марта 1303 года). А въ слѣдующемъ году сошелъ въ могилу и старшій его братъ Андрѣй Александровичъ, также, по тогдашнему обычаю всѣхъ князей, принявшій передъ смертью постриженіе въ схиму. Такимъ образомъ, въ 1304 году не осталось болѣе ни одного изъ сыновей Невскаго; окончилось бурное и смутное время ближайшихъ его преемниковъ,—можно бы сказать: болѣе смутнаго промежутка еіце не бывало на Руси.

Общее бѣдственное состояніе Русской Земли и благотворная дѣятельность митрополита Кирилла. Ко всѣмъ ужасамъ отъ лютыхъ войнъ и междуусобій и отъ монгольскаго ига прибавились тогда еще ужасы и отъ естественныхъ бѣдствій. Никогда они не повторялись такъ часто и не были такъ страшны, какъ за послѣднія десятилѣтія. Зловѣщія воздушныя перемѣны, производившія то голодъ, то моръ,—усилившіеся повсюду пожары и повальныя болѣзни и прочія бѣдствія, за все время двоевластія Димитрія и Андрѣя Александровичей не прерывались. Какъ бы въ подтвержденіе словъ древняго пѣвца: „*отъ княжіихъ крамолъ вѣкъ людей сократился*“, а болѣе того въ оправданіе слова, сказавшагося тогда въ народѣ: „*отъ духа татарскаго не можно крещенымъ живымъ быть*“ — примѣры недолговѣчности и скоропостижной кончины такъ умножились въ то время, что обратили на себя общее вниманіе. „*Въ кое время таки напрасны смерти видѣхомъ?* — восклицалъ одинъ изъ тогдашнихъ проповѣдниковъ въ бесѣдѣ со своею паствой— иные не могли домомъ распорядить, *а ужъ восхищены быша! ины съ вечера здравы легши, на утро не всташа*“. Удивительно, какъ преждевременно кончали свой вѣкъ всѣ почти тогдашніе князья!

Самъ Александръ Невскій скончался 42-хъ лѣтъ, а его братья: Ярославъ Ярославичъ — сорока лѣтъ, Василій Костромской—тридцати пяти. Изъ сыновей Невскаго, не говоря уже объ умершихъ ранѣе, Дмитрій Александровичъ прожилъ 44 года, Андрѣй Городецкій умеръ сорока одного года, также и Даніилъ Александровичъ. Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, послѣдовавшіе въ могилу другъ за другомъ, скончались: первый 45-ти лѣтъ отъ роду, второй—сорокалѣтнимъ. Сынъ Димитрія, князь Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій умеръ еще 26-лѣтнимъ юношей. Довольно и этихъ примѣровъ: цѣлаго ряда приведенныхъ случаевъ преждевременной кончины — нельзя же отнести къ простой случайности.

Въ тѣ же злополучныя десятилѣтія не прекращались и другія необычныя знаменія и естественныя явленія, всегда производящія ужасъ въ народѣ. Еще въ зиму 1266-го года явилась „хвостатая звѣзда“ и втеченіи тридцати дней озаряла небо: „*бѣ отъ нея лучь аки хвостъ къ полуденной*

сторонѣ“. Не одинъ разъ померкало солнце—то „*въ багровыхъ кругахъ*“, то „городилось дугами, вверху же солнца дуга велика *на съверъ роги*“ и луна „*бысть яко кровава*“; то упадали огненные камни воздушные, то бушевали вихри и бури такіе сильные, что срывало и уносило дворы цѣлые и вырывало вѣковыя деревья, хоромы рвало и лѣса ломало, губило скотъ цѣлыми стадами. Участились особенно страшныя грозы: то и дѣло загорались отъ молніи дома и церкви, многихъ убивало громомъ. Въ одно лѣто выпалъ снѣгъ, и все хлѣбное изобиліе пропало, побитое морозомъ; а то съ осени до весны стояли оттепели: „не было снѣгу черезъ всю зиму и не родилось жито“. Лѣтомъ 1292 года была „*сухмень велія и загорахуся лѣса и боры, и болота, мхи и поля, и бысть нужа велія и моръ на скотъ*“. Въ 1301-мъ году опять „*явися звѣзда на западѣ лучь вверхъ попущая яко хвостъ къ полудню ницъ*“,—спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того „*бысть гладъ и моръ*“. Но и ранѣе того, еще въ 1303-мъ году „*не добыша люди хлѣба и бысть дорогов велика и туга и печаль*“; въ 1299-мъ году моръ свирѣпствовалъ въ Псковѣ; а въ 1279 году „*мнози человѣци умираху различными недуги*“.

Изъ пожаровъ, происходившихъ по многимъ городамъ, особенно остались памятны Тверскіе: въ 1276 году „*погорѣ градъ Тверь весь, точію единая церковь осталась*“, и послѣ того пожары возобновлялись неоднократно. Въ Ростовѣ случился пожаръ отъ молніи, ударившей въ церковь. Во Владимірѣ также молнія ударила въ соборъ и „*зарази діакона на обѣднѣ на выходѣ ектенію глаголюща и люди вси падоша ницъ отъ многаго страху и быша аки мертвіи*“. Въ 1300 году выгорѣлъ весь Торжокъ; а за годъ передъ тѣмъ горѣлъ Новгородъ. Многія изъ его улицъ обратились тогда въ пепелъ; въ томъ числѣ вся Варяжская улица, сгорѣлъ и нѣмецкій гостиный дворъ. Оттуда перебросило пламя въ Неревскій конецъ, загорѣлось и на Холопьей улицѣ: весь мостъ занялся пламенемъ. На Торговой сторонѣ сгорѣло двѣнадцать церквей: „*два попа сгорѣста*“; въ Неревскомъ концѣ выгорѣло десять церквей и также не обошлось безъ погибшихъ въ пламени. Въ 1295 году вновь „*погорѣ градъ Тверь весь*“; и еще разъ страшный пожаръ, уже третій, постигъ Тверь въ 1298-мъ году: сгорѣлъ новоотстроенный

княжескій дворецъ Михаила Ярославича со всею казной и драгоцѣнностями,— пожаръ, едва не стоившій жизни князю, такъ какъ случился ночью, никто того и не замѣтилъ. „Се же чудо бысть,— говоритъ лѣтописецъ,— како Богъ заступи князя". Самъ онъ первый и спохватился о приключившейся бѣдѣ. По счастію, „пробудися самъ князь Михайло, и выкинулся со княгинею своею въ окно; а сѣни полны княжатъ и боярченковъ спавшихъ, и много стражей и никто же не слышалъ" *).

Кромѣ засухъ и пожаровъ втеченіи тѣхъ же злополучныхъ годовъ происходили паводки и наводненія; особенно грозенъ былъ этими бѣдствіями 1301-й годъ. „Быша бури мнози и дожди велицы, яко всѣмъ человѣкомъ вострепетати и ужаснутися"; грозныя тучи разражались такими ливнями, что *„многія церкви и домы жительскіе до основанія исторгоша"*—разсѣдались дома и *„пол-храмины великія снимаша: сихъ немощно исчести"*; мгновенно образовывались провалы какъ рвы цѣлые, можно бы сказать, разверзались бездны. Поистинѣ это было тяжелое время на Руси, подтверждавшее какъ бы воочію, что съ упадкомъ добрыхъ нравовъ и при расторженіи нравственныхъ связей между людьми—расторгается кругомъ ихъ и самый чинъ природы, слѣдуютъ и физическія бѣдствія: одно зло съ другимъ неразлучно. Памятникомъ этой лютой годины дошли до насъ и нѣкоторыя изъ церковныхъ поученій о томъ.

Одинъ изъ тогдашнихъ проповѣдниковъ говорилъ такъ: „Колико видѣхомъ солнца погибша и луну померкшу, и звѣздное премѣненіе! Земля отъ начала утверждена и недвижима, а нынѣ движется; беззаконія нашего носить не можетъ, грѣхи многія отрясти хочетъ яко листвіе отъ древа. Ежели кто скажетъ: прежде сего потрясенія были же. Такъ,

---

*) Изъ этихъ Михайловыхъ *„княжатъ"* не было еще тогда на свѣтѣ стяжавшаго напослѣдокъ, такъ же какъ и самъ его отецъ, мученическую славу — *Александра Михайловича*, родившагося лишь въ 1301-мъ году, когда праздновались у Михаила Ярославича вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и постриги старшаго изъ его сыновей, Димитрія. Эти двое Дмитрій и Александръ особенно и замѣчательны изъ всѣхъ сыновей Михаила Ярославича: какъ самъ онъ понесъ мученическую кончину въ Ордѣ, такъ же безвинно пострадалъ и этотъ сынъ его Александръ Михайловичъ,— а старшій его братъ Димитрій не менѣе остался памятенъ ордынцамъ: его будущее прозвище Димитрій *Грозныя Очи*.

но что потомъ бысть намъ? Приде на насъ языкъ не милостивъ, попустившу Богу; и землю нашу пусту сотвориша, и гради наши плѣниша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашу губиша, матери наша и сестры наша въ поруганьи быша". Въ другомъ словѣ, приписываемомъ тому же проповѣднику, читаемъ: „Молю васъ, братья и сыны мои, премѣниться на лучшее. Какія казни отъ Бога не воспріяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? не взяты ли быша гради наша? не пали ли отцы и братья наша трупіемъ на землѣ? не уведены ли быша жены и чада наши въ плѣнъ? Се уже сорокъ лѣтъ приближаетъ: томленіе и мука, и дани тяжкія не престанутъ, глади, морове: всласть хлѣба своего ѣсть не можемъ. И воздыханіе, и плачъ сушитъ кости наша. А что до того доводитъ? беззаконія и наши грѣхи, наше непокаянье". Или еще: „наведе на ны языкъ лютъ, языкъ не щадящь красоты юной, немощи старецъ, младости дѣтей. Разрушены божественныя церкви, осквернены священные сосуды, потоптана святыня. Кровь отецъ и братій нашихъ, аки вода, землю напоила. Князей нашихъ и воеводъ крѣпость исчезла; наши храбрые, страхомъ наполншеся, бѣжали. Множайшая же братья и чада наша уведены въ плѣнъ. Села наши травой поросли, трудъ нашъ—наслѣдіе поганыхъ. Земля наша иноплеменникомъ въ достояніе бысть, въ поношеніе быхомъ живущимъ вскрай земли, въ пòсмѣхъ врагамъ нашимъ. И нынѣ безпрестанно казнимы есьмы. Чего не видихомъ? Рати, глади, морове и труси,—преданы иноплеменникамъ не токмо на смерть и на плѣненье, но и на горькую работу. Молю вы: за прежнее безуміе покайтесь".

Съ такими же поученіями, при обходѣ городовъ своей епархіи, обращался и митрополитъ Кириллъ къ всему народу: „Преступая отческія заповѣди, горе наслѣдуемъ. Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всея земли? не взяты ли быша грады наши, не падоша ли сильніе наши князи остріемъ меча? не поведены ли быша въ плѣнъ чада наши? не запустѣша ли Божія церкви? не томимы ли есьмы на всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ поганъ? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ отцевъ".

Если за темное время утвердившагося монгольскаго ига на Руси и можно въ ней указать на что-либо свѣтлое, напоминавшее еще единство—это именно на тридцатилѣт-

нюю — повсемѣстную изъ края въ край Русской земли — архипастырскую дѣятельность тогдашняго митрополита Кирилла *„Кіевскаго и всея Руси“*. То былъ истинный миротворецъ князей при всей ихъ тогдашней разрозненности другъ отъ друга и истинный же просвѣтитель народа—при всей бѣдности тогдашнихъ средствъ къ его просвѣщенію. Архипастырь сильно скорбѣлъ — говоря его собственными словами—видя и слыша многія нестроенія въ церквахъ на Руси, многіе разности, несогласія и безпорядки, происходившіе то отъ нерадѣнія пастырей, то отъ неразумныхъ обычаевъ, то отъ непосѣщенія епископами своихъ епархій или отъ непониманія правилъ церковныхъ. Это непониманіе церковныхъ правилъ главнымъ образомъ происходило оттого, что они заимствовались до того времени изъ книгъ, писанныхъ на греческомъ языкѣ,—самыя же эти книги доступны были почти исключительно лишь духовенству изъ Грековъ. Митрополитъ Кириллъ первый озаботился имѣть въ точномъ переводѣ собраніе „правилъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ“ — такъ называемую Кормчую книгу — на русскомъ языкѣ. И когда это было исполнено, онъ съ радостью возвѣстилъ объ этихъ правилахъ: „прежде всѣ они помрачены были облакомъ мудрости еллинскаго языка, нынѣ же истолкованы быша и благодатью Божьею ясно сіяютъ, отгоняя невѣдѣніе и все просвѣщая свѣтомъ разумнымъ,— прочее Богъ да сохранитъ насъ, а грѣхи да проститъ“. Въ 1274 году онъ созвалъ соборъ во Владимірѣ и состоявшіяся на немъ постановленія достойно свидѣтельствуютъ о духѣ его пастырской дѣятельности. „Дошло до нашего слуха,—говорилъ онъ,—нѣкіи отъ братіи нашей дерзнуша продати священный санъ, взимати нѣкіи уроки глаголемые; да слышатъ ясно вси: поставленный на мздѣ—извержется. Никто же благодати Божьей не продаетъ: туне бо, рече, пріясте—туне же и дадите. Ежели кто явится отъ нашего ли собора или въ игуменствѣ, освящая или постригая на мздѣ, или попа поставляетъ къ церкви емля у него что̀—да будутъ извержены; ходатайствующіе же да будутъ прокляты“ *).

*) Прямого святокупства, разумѣется, не было, а платилось въ видѣ непредосудительныхъ даровъ — либо въ возмѣщеніе предполагавшихся при семъ расходовъ со стороны поставлявшихъ, либо *за посохъ*, какъ это называлось,—но благочестивый святитель и искоренялъ это самое: *„и рекомое посошное“*.

Таковы же преподанныя имъ правила „объ игрищахъ бѣсовскихъ“, на которыхъ *державшіеся обычая еще древнихъ Еллиновъ* во время праздниковъ „со свистаніемъ, кличемъ и воплемъ бились дреколіемъ“ и нерѣдко „до самой смерти“. О такихъ бойцахъ было постановлено: ни просвиръ, ни свѣчей отъ нихъ не принимать; а которые убиты въ такихъ „треклятыхъ“ бояхъ —службы надъ ними не творить и близъ Божіей церкви не погребать: „на укоризну се бываетъ Божьимъ праздникамъ и на досажденье Божіимъ церквамъ“. Въ такомъ же ревностномъ духѣ были постановлены и прочія правила на этомъ Соборѣ.

О кротости и благоразуміи этого митрополита въ народѣ запомнили одинъ случай, который и занесенъ въ лѣтописи. Услыхавъ, что епископъ ростовскій, Игнатій, осудилъ загробно Глѣба Васильковича: велѣлъ его, честно схороненнаго въ соборѣ, изринуть изъ могилы и похоронить въ другомъ мѣстѣ—митрополитъ Кириллъ отлучилъ епископа отъ службы. Кромѣ того, что такое оскорбленіе могилы казалось всѣмъ жестокостью и даже святотатствомъ, въ народѣ любили этого младшаго сына памятнаго Василька Константиновича. Глѣбъ былъ женатъ на одной татарской княжнѣ, крестившейся и сдѣлавшейся ревностною христіанкой; о немъ говорили, что онъ „смолоду служилъ татарамъ и *многи христіаны обидимые отъ нихъ избавилъ*: плачь остави по себѣ всѣмъ знавшимъ его“. Чѣмъ бы ни было вызвано гнѣвное неудовольствіе епископа на покойнаго Глѣба — вначалѣ онъ же похоронилъ князя въ соборѣ — митрополитъ не прощалъ Игнатія. Тогда за епископа вступился князь Дмитрій Борисовичъ, внукъ Васильковъ, и по его ходатайству Игнатій былъ, наконецъ, прощенъ. Митрополитъ Кириллъ, отпуская ему вину, поучалъ его такъ: „не возносись и не мни себя безъ грѣха! не столько запрещай и отлучай, какъ прощай и разрѣшай. Въ отпущеніи грѣховъ братіи нашей обрѣтаемъ прощеніе и себѣ; въ нашей милости къ ближнему—сквозитъ Господня милость и къ намъ самимъ. Плачься убо, чадо, и кайся до своей смерти о дерзости своей неподобной; осудилъ ты прежде суда Божія — уже скончавшагося! А пока онъ жилъ, ты остерегался и дары отъ него принималъ, ѣлъ и пилъ съ нимъ, во дворѣ у него веселился. Что жъ тогда не испра-

влялъ, пока можно было его исправить? а то нынѣ ли захотѣлъ исправить, такъ жестоко запрещая его и отлучая? Если же хочешь въ самомъ дѣлѣ помощь ему оказать, сотвори ему это милостынею нищимъ, молитвами и божественныхъ службъ прошеніемъ". Такъ говорилъ митрополитъ, прощая Игнатія, благословляя его на служеніе, и много утѣшалъ его, чтобы онъ не оскорблялся.

Незабвененъ былъ Кириллъ и дружбою своею къ святому Александру Невскому; его скорбь при кончинѣ князя и при его погребеніи — навсегда осталась памятна народу, чтившему въ своемъ митрополитѣ еще прямо-русскаго человѣка: Кириллъ былъ русскій родомъ, а не изъ грековъ. Его усердіе къ схороненному имъ благовѣрному князю не даетъ сомнѣваться, что оставшіеся сироты послѣ преждевременно скончавшагося Невскаго заботили святителя, — особливо долженъ былъ заботить его младшій изъ нихъ, оставшійся при кончинѣ отца двухлѣтнимъ сиротою—Даніилъ Александровичъ. Послѣ того еще около двухъ десятилѣтій Кириллъ правилъ своей паствою, былъ же митрополитомъ три десятилѣтія къ ряду. Нельзя сомнѣваться, что къ возраставшему на его глазахъ Даніилу святитель наиболѣе противъ прочихъ сыновей Невскаго былъ расположенъ, какъ наиболѣе нуждавшемуся въ отеческихъ заботахъ и совѣтахъ его—и поучалъ его чтить родителеву память, котораго по своему малолѣтству самъ Даніилъ не могъ и помнить. Кириллъ скончался въ 1280 году въ Переяславѣ-залѣсскомъ у Даніилова брата Дмитрія Александровича: Даніилу же было тогда 19 лѣтъ отъ роду. Гробъ святителя былъ отвезенъ въ Кіевъ, тамъ и похороненъ.

Преемникъ Кирилла былъ митрополитъ Максимъ, изъ грековъ,—тотъ самый, который въ 1299 году, не терпя болѣе татарскаго насилія, отъ котораго разбѣжался весь Кіевъ, переселился со всѣмъ своимъ клиросомъ во Владиміръ. Скончавшись въ 1305 году, Максимъ былъ и похороненъ уже не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ. Замѣчательно, что когда этотъ новопоставленный митрополитъ обозрѣвалъ свою епархію на югѣ и былъ на Волынѣ — тамъ, въ числѣ прочихъ, ему представлялся—особенно имъ и замѣченный тогда же—игуменъ Ратскаго монастыря Петръ съ своею братіею и поднесъ ему икону Пресвятой Богородицы собственнаго

письма, впослѣдствіи богато украшенную святителемъ. Это былъ тотъ самый Петръ, который черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался преемникомъ митрополита—святой Петръ, перенесшій митрополитскую каѳедру въ Москву.

Святой Даніилъ Александровичъ — первый князь Московскій.

Особенности и отличія Московскаго княженія. Какъ только завелось при Юріи Долгорукомъ великое княженье Владимірское—положено было начало и Москвѣ. И все, что можно было указать въ отличіе Владиміра—новой великокняжеской столицы противъ старинныхъ городовъ Суздаля и Ростова—еще въ большей мѣрѣ прилагается къ самой Москвѣ.

Отличіе новаго Владимірскаго княженія отъ прочихъ, сложившихся издревле, заключалось въ томъ, во-первыхъ, что тутъ не было изначала отдѣльныхъ родовъ-племенъ славянскихъ, которые бы сидѣли сами о себѣ, отъ другихъ особо. Владимірское княжество заселилось пришлымъ со всѣхъ сторонъ людомъ и обстроилось городами въ то историческое время, когда изъ разнообразнаго множества племенъ-родовъ славянскихъ составился уже *одинъ народъ русскій*. Изначала такимъ образомъ здѣсь было мѣсто *всея Руси*, съ того и началась здѣшняя слава: тѣмъ болѣе это должно повторить о самой Москвѣ. Младшая и юнѣйшая изъ областей, подвластныхъ Юрію, она и сложилась въ благоустроенный удѣлъ позднѣе всѣхъ прочихъ — уже въ то время, когда наслѣдіе Долгорукаго упрочилось его преемниками въ сильную державу. Если принадлежавшіе имъ многочисленные города, подходившіе на сѣверѣ къ новгородскимъ владѣніямъ, настолько уже слились своимъ бытомъ со стольнымъ городомъ Владиміромъ, что болѣе не признавали былого первенства Суздаля и Ростова; если уже при Всеволодѣ (Большое Гнѣздо) слыли они за ту „*Великую Русь*“, передъ коей надлежало смириться не только стародавнимъ новгородскимъ выселкамъ Суздалю съ Ростовомъ, но даже и ихъ господину Великому-Новгороду, то это самое именованіе „*Великая Русь*“ преимущественно утвердилось именно за

Москвою, составлявшею пригородъ самого́ Владиміра. Титулъ *„Великая Русь“* — вообще должно замѣтить — тогда только и утвердился окончательно за всею серединною частью Русской Земли, когда Москва вошла въ силу. Если суздальцы и ростовцы (въ лицѣ крамольныхъ бояръ, послѣ убіенія Андрѣя Боголюбскаго) и позволяли себѣ еще звать стольный городъ Владиміръ своимъ пригородомъ, то эти же *„старинные властники, гордые высьники обидящіе меньшихъ и работящихъ сиротъ“*, никоимъ образомъ ужъ не могли бы назвать юнѣйшей столицы *„своею боярской“* Москвою. Это былъ, напротивъ того, прямо *княжій городъ*, воздвигнутый еще самимъ Юріемъ—имъ, всѣмъ боярамъ, на память. Преданіе объ этомъ княжьемъ городѣ въ томъ и состояло изначала, что великій князь Владимірскій поставилъ его вмѣсто боярскихъ селъ и слободъ, а *беззаконнаго* ихъ захватчика, хищника княжескихъ правъ, казнилъ на мѣстѣ.

Отличіе Владимірскаго княженія заключалось въ томъ, во-вторыхъ, что тутъ съ самаго начала княжеская власть повелась твердо и неколебимо. Еще самъ Юрій Долгорукій, а больше того Андрѣй Боголюбскій, вовсе перевели тѣ боярско-дружинные порядки, которые въ прочихъ княженіяхъ напоминали старину еще варяжскихъ временъ. Отстаиваніе боярами выгодной для нихъ старины, ихъ борьба за свои исключительныя права и преимущества—здѣсь уже имѣли видъ такой крамолы, противъ которой вооружался самъ народъ и, въ защиту *„прирожденнаго князя“*, поднимался поголовно. Единоличная власть князя, такимъ образомъ, выступила тутъ въ полной силѣ,—и самъ народъ торопилъ ея желанный переходъ во власть государеву. Съ помощью именно всенароднаго множества одолѣвъ *„гордыхъ и сильныхъ высьниковъ, творившихъ преимущественными передъ мизинными людомъ“*, Всеволодъ Большое-Гнѣздо положилъ конецъ боярскимъ притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ утвердившимся по волѣ народа самодержавіемъ князя. Тѣмъ и заслужилъ онъ всенародную любовь, что никоторая изъ его областей не управлялась при немъ боярами заглазно; ни одной изъ нихъ онъ имъ въ намѣстничество не отдавалъ,—а всюду сажалъ вѣрныхъ княжихъ слугъ и правителей, тіуновъ своихъ; самъ же по осени

разъѣзжалъ съ семействомъ и приближеннымъ дворомъ своимъ—чинить судъ и правду *„всѣмъ людямъ“*.

Хотя дворянство, разсѣянное по областямъ и награждаемое помѣстьями, либо раздачею земель для заселенія, разумѣется, какъ служилое сословіе, напоминало собою *„дружинниковъ“*, а ближніе во дворѣ князя слыли даже за *„бояръ“*,—но эти новые *служилые люди* отличались уже отъ старинныхъ соименниковъ кореннымъ образомъ. Подобно тому, какъ всякій изъ Владимірскихъ державцевъ былъ тутъ у себя дома *княземъ-вотчинникомъ*, свой своему краю—а не глядѣлъ на сторону, также и образовавшееся при нихъ дворянство было здѣсь у каждой мѣстности—свое: укоренилось и оно своему мѣсту и не искало лучшаго. Это были такіе же подчиненные Владимірскаго державца, какъ и все прочее коренное населенье. Уже въ ихъ собственномъ расчетѣ и въ ихъ личныхъ выгодахъ было теперь, заодно съ окружавшимъ ихъ народомъ, служить къ усиленію своей родины и своего *„прирожденнаго князя“*: то-есть не рознить съ землею, а быть земствомъ.

Такъ во Владимірскомъ княженіи сложилось именно *„земское устроеніе“*, и повелось „земское дѣло“. Ибо какъ не могло и быть иначе при усиленіи власти Владимірскихъ князей, переходившей по волѣ народа и содѣйствіемъ самого населенія во власть государеву, тутъ *земское дѣло* болѣе не отдѣлялось отъ *государева*,—а прямо сказать: земское и государево дѣло было—одно. Въ древлихъ княженіяхъ—кіевскомъ, черниговскомъ и прочихъ—„земскіе полки“, напримѣръ, прямо противуполагались „княжіимъ“; если въ тамошнихъ земляхъ и упоминалось про „земскій строй“, то именно въ отличіе его отъ *князя съ дружиной*, причемъ какъ бы и предполагалось еще само собою, что одно съ другимъ состояло въ неизбѣжномъ противуположеньи. Ничего подобнаго во Владимірскомъ княженіи не было отъ начала. Тутъ вся масса темныхъ людей, которые грамотѣ не умѣли и не стаивали у княжіихъ дѣлъ—обще со всѣми же тѣми, *„которые грамотѣ умѣли и къ дѣлу годились“* включительно до самаго верху съ самимъ княземъ—весь народъ, однимъ словомъ, былъ едино. Какъ по земскимъ и княжіимъ полкамъ, такъ и вообще по „княжескимъ“ и „земскимъ дѣламъ“ — во Владимірскомъ княженіи не было раздвоенья,

а было одно *„государево-земское дѣло“*. Всѣ отъ мала до велика—чернцы, бѣльцы, міряне, ратные люди и не владѣвшіе мечемъ — отъ *дѣлавшихъ нивы свои* до производившихъ торговлю, до образовавшагося по всѣмъ мѣстамъ служилаго сословія и до верхушки всего князя-самодержца—весь народъ, однимъ словомъ, былъ тутъ въ неразрывномъ единствѣ и составлялъ плотную силу: такова была великая Русь! Когда, напримѣръ, Всеволодъ Большое-Гнѣздо, подъ конецъ жизни, встрѣтилъ противленіе своимъ государственнымъ видамъ со стороны старшаго сына Константина и смущался постановить грозное рѣшеніе о престолонаслѣдіи, онъ обратился за его утвержденіемъ *„ко всѣмъ людямъ“*, хотѣлъ на томъ утвердиться мнѣніемъ всей Земли. Не бояръ собралъ онъ на совѣтъ по такому великому, всей Земли касавшемуся дѣлу,—и не однимъ же только приближеннѣйшимъ изъ нихъ открылъ свою государеву думу и волю, а „созва всѣхъ бояръ своихъ *съ городовъ и волостей*, и попы, и купцы, и *всѣ люди*“: земскій соборъ, такимъ образомъ, былъ полный. Такое единеніе князя съ народомъ и безусловная всеобщая крестнымъ цѣлованіемъ подтвержденная преданность всего народонаселенія своему прирожденному Князю *на дѣтяхъ и на внукахъ его* составляли—залогъ будущаго величія и могущества—особенное отличіе „Великой Руси“, какъ уже и звались тогда народонаселенія Владимірскаго княженія во всей ихъ совокупности и въ ихъ общей цѣльности *).

Но не Суздалю и не Ростову, гдѣ по связямъ еще съ Новгородомъ и со стариною варяжскихъ временъ издавна гнѣздился старинный духъ боярскій,—не старымъ городамъ принадлежало первенство въ этомъ отношеніи, а новообразовавшимся въ Владимірскомъ княженіи и всего болѣе—самымъ позднѣйшимъ изъ нихъ. Ибо и это зависѣло въ свою очередь отъ общаго успѣха, не вдругъ достигнутаго Влади-

---

*) Оба термина—какъ „земство“ такъ и „Великая Русь“—употреблены здѣсь въ томъ самомъ смыслѣ, какъ ихъ понимали въ старину: при нынѣшнемъ же словоупотребленіи подъ „земствомъ“ разумѣютъ нерѣдко понятіе, чуждое древней Руси,—также и въ полемикѣ о такъ называемыхъ „нарѣчіяхъ русскаго языка“ позволяютъ себѣ нерѣдко же такія опредѣленія Руси Малой и Великой, кои всѣмъ историческимъ даннымъ рѣшительно противорѣчатъ.

мірскими державцами, а постепенно—уже послѣ преобразованія такими князьями, какъ Всеволодъ Большое-Гнѣздо, Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій—старинныхъ упорно-боярскихъ городовъ, какъ Ростовъ и Суздаль. Вначалѣ, пока во Владимірскомъ княженіи только еще заводился новый земскій строй въ отмѣну старинныхъ боярско-дружинныхъ порядковъ, тѣснимые и изгоняемые дружинники, всячески тому сопротивлялись, жаловались на грозное самовластіе тіуновъ и слугъ княжіихъ; они старались возбудить неудовольствіе противъ нихъ въ самомъ народѣ. Составились между ними за то время злобныя поговорки и прибаутки: *„не имѣй села близъ княжа села, не держи двора близъ княжа двора“* и тому подобныя. Въ то время никто изъ старинныхъ высьниковъ не мирился еще съ заводимыми тутъ порядками и многіе разбѣгались изъ владѣній Юрія Долгорукаго,—всѣ они въ то время легко добывали себѣ еще и сами дѣтей боярскихъ, отроковъ и слугъ въ свои собственныя боярскія дружины. Вскорѣ послѣ того ужъ было не то: во-первыхъ, выбыли они и сами изъ преобразившихся Юрьевыхъ владѣній; а во-вторыхъ, не могли тутъ больше находить и сподручныхъ людей въ удовлетвореніе своему „преимущественному“ быту: охотниковъ поступать къ нимъ въ услуженіе ужъ не было кругомъ. Современники Всеволода Большое-Гнѣздо обращались къ князю уже вотъ съ какими рѣчами: „княже мой, господине! лучше мнѣ видѣть *нога своя* въ лычницѣ въ дому твоемъ, нежели въ *червленъ сапозѣ* въ боярскомъ дворѣ; лучше бы *ми тобе* въ дерюзѣ служити, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ“. Такъ измѣнились нравы.

Хотя въ самóмъ Суздалѣ и въ самомъ Ростовѣ и долго отзывались еще боярскіе укоренившіеся распорядки (любимецъ тамошнихъ бояръ, князь Константинъ, и подвергся отцовскому гнѣву за нихъ именно), но въ новѣйшихъ, позднѣе образовавшихся княженіяхъ — Москва, Переяславль — вовсе не было тому мѣста. Духъ здѣшнихъ населеній, прямо сказать, былъ земскій. Еще въ самый разгаръ борьбы съ боярскою крамолой, когда она во всю силу бушевала въ Суздалѣ и Ростовѣ, уже все Переяславское земство—тамошніе дворяне и народъ—держали сторону „прирожденныхъ князей“, родныхъ братьевъ Боголюбскаго и, въ отпоръ

боярскому кову, направленному противъ „Михалка и Всеволодка“, цѣловали имъ крестъ „на дѣтяхъ и внукахъ“. Также точно и Москва держалась за нихъ именно, за прямыхъ своихъ вотчинниковъ, служила имъ въ ту смутную пору вѣрнымъ убѣжищемъ и отстаивала ихъ всѣмъ-же земствомъ единодушно противъ призванныхъ крамольниками князей-изгоевъ. Но Переяславль-залѣсскій, сравнительно съ Москвою, былъ также удѣлъ старый. Устроенный и населенный издавна, онъ представлялъ собою уже вполнѣ округлившееся и законченное владѣніе еще во времена Всеволода. Москва же пополнилась селами и народонаселеніемъ уже при его дальнѣйшихъ потомкахъ и выросла въ мѣру особаго удѣла не раньше временъ Александра Невскаго: тамошнее земство еще болѣе противъ всѣхъ прочихъ городовъ, слагалось и крѣпло въ духѣ устанавливавшихся Владимірскихъ преданій.

Такимъ образомъ и эта особенность „Великой Руси“— полное единеніе князя съ народомъ и преданность народонаселенія водворившейся княжеской династіи — составляя принадлежность Владимірскаго княжества вообще, можно бы сказать, составляли принадлежность Москвы по преимуществу. Стойкое, трудолюбивое и миролюбивое ея населеніе, обрадованное имѣть своего собственнаго „прирожденнаго князя“ въ лицѣ младшаго сына Невскаго, Даніила Александровича, было предано ему единодушно: для Москвы это былъ еще первый князь-вотчинникъ, получившій ее *въ родъ свой*. Что самъ онъ былъ любимъ у себя въ вотчинѣ и слюбился съ нею—доказывается уже тѣмъ, что до конца остался съ ней неразлученъ. Получивъ даже и такой, для всѣхъ прочихъ князей завиднѣйшій удѣлъ, какимъ почитался въ ту пору Переяславль-залѣсскій, Даніилъ Александровичъ не захотѣлъ разстаться съ собственною столицей. Москва была ему *своя* отъ младенчества — полагая, что онъ былъ переведенъ сюда по кончинѣ отца,—и во всякомъ случаѣ — отъ ранней юности, если даже считать, что старшій его братъ, Дмитрій Александровичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ въ 1276 году, тогда именно и передалъ этотъ удѣлъ меньшому брату. А что въ вотчинѣ Даніила, за добрымъ княземъ, жить его людямъ было хорошо—доказательствомъ тому служитъ тотъ единодушный

порывъ, съ которымъ все Переяславское земство само примкнуло къ московскому княжеству Даніила, и никого не хотѣло кромѣ. Извѣстно уже, что старшій его братъ Андрѣй Городецкій, тогдашній великій князь, упередивъ Даніила въ завладѣніи опроставшимся наслѣдствомъ по смерти ихъ племянника (Ивана Дмитріевича), успѣлъ было по всей Переяславской области помѣстить своихъ посадниковъ; но сами Переяславцы не захотѣли этого, и передались московскому князю: „*княжъ Андрѣевы намѣстницы сбѣжаша*“. Больше того: по кончинѣ Даніила, когда старшій его сынъ Юрій Даниловичъ, сидѣвшій въ Переяславѣ, хотѣлъ отлучиться въ Москву—„*Переяславцы же яшася за сына его за князя Юрія и не пустиша его и на погребеніе отче*“—въ виду именно властолюбивыхъ происковъ великаго князя, боясь, какъ бы имъ не отойти по тому безвременью отъ московскаго княженія.

Въ-третьихъ, наконецъ, Владимірская область изначала, — еще во времена своего возвеличенія при Юріѣ Долгорукомъ, — манила къ себѣ постоянно новыхъ переселенцевъ, и они со всѣхъ сторонъ стекались въ нее во множествѣ съ особенною охотой потому именно, что тутъ было полное затишье отъ смутъ, происходившихъ тогда на всемъ сѣверѣ и на всемъ югѣ. Но и эта счастливая особенность — быть скромнымъ и мирнымъ уголкомъ, о которомъ тогда почти еще и не слыхать было на Руси — теперь въ цѣломъ же Владимірскомъ княженіи выпала на долю именно лишь Москвы, гдѣ тихо и—можно бы сказать—незримо для исторіи княжилъ Даніилъ Александровичъ.

„*Тамъ покойнѣе есть*“, говорили про Владимірскую область при Юріѣ Долгорукомъ. Но когда окровавленная смутами, послѣдовавшими за кончиной Андрѣя Боголюбскаго, и только что было залѣчившая раны многолѣтнимъ благоденствіемъ при Всеволодѣ, она впослѣдствіи замутилась еще междоусобіями, кончившимися Липецкимъ боемъ,— не стало прежней тишины на берегахъ Клязьмы. Когда же, въ довершеніе всего, татарское раззореніе постигло Владиміръ и онъ обратился потомъ въ средоточіе не унимавшихся изъ-за него княжескихъ раздоровъ и повторявшихся отъ времени до времени новыхъ татарскихъ вторженій, — къ тому же Новгородъ, тѣснѣе сливъ свою судьбу

со Владиміромъ, непрестанно уже удручалъ его собственными раздорами, а еще и Литва сюда участила свои набѣги,—Владимірская область окончательно утратила покой и тишину, чѣмъ добрѣ славилась прежде. Нѣкогда мирные берега Клязьмы уступили мѣсто болѣе мирнымъ за это время берегамъ Москвы-рѣки. „*Тамъ покойнѣе есть*, прибытковъ и всякаго довольства каждогодно умножается“, говорили теперь уже про владѣнія Даніила Александровича. Захоронясь въ глуши, обильной непроходимыми лѣсами, въ которыхъ путались и не находили дорогъ сами старожилы здѣшнихъ мѣстъ,—оно было богато и различными угодьями, удобными для промысловъ и прибытковъ. Новоселы тутъ садились охотно, помѣстья и усадьбы множились какъ нигдѣ, села поспѣвали одни за другими, умножались и церкви, возникали монастыри. Татарское нашествіе, правда, не пощадило и московскихъ мѣстъ; тѣмъ не менѣе, однако, сама ихъ укромность и незасиженность противъ старѣйшихъ волостей и городовъ Владимірской области служила имъ защитой: московскія мѣста, сравнительно говоря, менѣе прочихъ пострадали въ „лютое Батыево плѣненіе“. Правда и то, что еще до татаръ, напримѣръ, рязанскіе князья не одинъ разъ нападали на беззащитныя подмосковныя села; но эти набѣги не могли и равняться съ тѣми опустошеніями, которыя производились во время войнъ рязанскаго Глѣба со Всеволодомъ—подъ самимъ Владиміромъ, Суздалемъ и Ростовомъ. Въ пользу и въ защиту тогдашней Москвы служило и то самое, что въ полуденную отъ нея сторону на Серпуховъ къ Окѣ — мѣста еще были дики и пустынны: смыкались тамъ съ глухою стороной древнихъ Вятичей, куда почти и не заглядывали татары. А на западъ къ смоленскимъ мѣстамъ, въ лютое Батыево плѣненіе, татарскія полчища вовсе не заходили: тому краю посчастливилось избѣгнуть Монгольскаго ига. Коротко сказать, въ смутныя и безурядныя времена, наступившія по кончинѣ Александра Невскаго, когда распавшееся на части великое княжество Владимірское изъ края въ край подвергалось кровопролитію и раздорамъ—одинъ только укромный уголокъ, составлявшій владѣніе Даніила Александровича, захоронился въ тиши и росъ втихомолку.

Мирная слава Даніила. Но если за все время смутъ, происходившихъ при дядяхъ и при старшихъ братьяхъ Даніила, какъ уже извѣстно, самъ онъ не вмѣшивался въ ихъ распри, можно бы спросить: въ чемъ же прошло его княженіе? Прямо сказать: въ мирѣ и тишинѣ, ибо какихъ-либо внутреннихъ смутъ вовсе не было у него въ княженьи. Поддерживаемый всенародною любовью и преданностью самого здѣшняго народонаселенія, а уже не мечомъ высившихся надъ нимъ дружинниковъ—здѣшній князь не имѣлъ надобности въ то же время прибѣгать и къ какой-либо борьбѣ съ „большими людьми“ здѣшняго населенія: въ нихъ главнымъ образомъ и имѣлъ теперь заботившихся о богатѣніи здѣшняго края вѣрныхъ слугъ своихъ, — можно бы сказать: печальниковъ о пользѣ и нуждахъ самого мѣстнаго населенія. Сами вотчинники изъ здѣшнихъ „дворянъ“—включительно съ главными изъ нихъ, которые по-старинѣ слыли за бояръ княжіихъ, — отличались тутъ, наравнѣ и за одно съ княземъ, уже неразрывною связью со всею здѣшнею землею: со всѣмъ мѣстнымъ народонаселеніемъ уже они составляли одно. Въ нихъ тутъ и всѣ меньшіе люди въ свою очередь — тѣ многочисленные *меньшіе*, которые „грамотѣ не умѣли и къ дѣлу не годились“ — видѣли уже не *гордыхъ высьниковъ*, не старинныхъ бояръ-крамольниковъ „*творившихся преимущественными передъ мизинными людомъ*“, а преданныхъ князю и здѣшнему княжеству *служилыхъ людей*, которые умѣли справлять государеву службу на пользу самого здѣшняго народа—и всѣ были съ нимъ равны предъ государемъ. Такова была Москва при Даніилѣ; если онъ „*не втунѣ носилъ мечъ противъ обидящихъ землю*“, — ими уже были тутъ не тѣ сильные властники, которыхъ во время оно страхомъ своего господства долженъ былъ поражать прадѣдъ его Всеволодъ Большое-Гнѣздо, а развѣ лишь одни тати и разбойники. Отъ нихъ только приводилось Даніилу ограждать свою землю; а кромѣ того, земскій миръ въ ней былъ полный. Страшенъ былъ Даніилъ своимъ господствомъ только для злодѣевъ,—отъ нихъ же ограждать землю почиталось на Руси не столько лестнымъ правомъ, какъ тяжкою обязанностью князя. „*Страхомъ господства своего огради всю Землю*“, такъ выражался народъ про своихъ мужествен-

ныхъ державцевъ *). А такъ какъ Даніилъ былъ еще и благовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ князей своего времени, благочестиваго нрава и святой жизни человѣкъ, то именно принадлежалъ къ числу тѣхъ, для русскаго народа наиболѣе дорогихъ и желанныхъ державцевъ, о которыхъ притомъ не мимо и другое слово, сказавшееся въ народѣ: „пріявъ скипетръ державства отца, дѣда и прадѣда своего, *предержали земное царство небесному присягая*“.

Но кромѣ этого—возразятъ пожалуй—кромѣ святости, которою младшій сынъ Невскаго доселѣ живъ въ памяти русскаго народа, оставилъ же онъ еще по себѣ память какими-либо важными *въ историческомъ отношеніи* дѣяньями своими,—или нѣтъ? Безъ сомнѣнія оставилъ,—лежитъ на обязанности русскаго историка дать отвѣтъ на это,—оставилъ память столь великую, что—при всей дальнѣйшей славѣ его потомковъ—ни одинъ изъ нихъ не возвысился на равную съ нимъ высоту во мнѣніи народа. Онъ оставилъ по себѣ память такого перваго московскаго князя, чье имя—по народному воззрѣнію—неразрывно связано съ грядущимъ величіемъ основаннаго имъ княженья. Тутъ собственно, имъ и при немъ, вѣритъ народъ, и зародилась та Москва, „которая потомъ выросла въ цѣлую Русскую землю“. Въ чемъ же—спросятъ—прошла моголѣтняя дѣятельность этого незамѣтнаго въ исторіи князя—отъ пятнадцати-

*) Народъ Владимірскаго княженія цѣнилъ всего дороже еще во времена Юрія Долгорукаго „спокойствіе земли“ отъ „*правосудія его*“. То же продолжалось и при всѣхъ лучшихъ преемникахъ Юрія, даже до внуковъ и правнуковъ его. Какъ про самого Всеволода, такъ еще болѣе про Александра Невскаго можно сказать: „*страхомъ господства своего огради всю землю*“. Если нельзя повторить того же про великокняжившихъ сыновей Невскаго, нельзя однакожъ и не замѣтить, что старшій его сынъ, несчастливый Дмитрій Александровичъ, предпочиталъ всегда лучше уступить великое княженіе сопернику брату Андрѣю, чѣмъ купить себѣ расположеніе крамольниковъ уступками имъ, поблажкой и послабленіемъ. О младшемъ сынѣ Невскаго, о Даніилѣ Александровичѣ, прямыхъ извѣстій касательно нешаткости его Княжеской власти—нѣтъ; но косвенно все подтверждаетъ, что правленіе его было твердое. Самое стремленіе въ его область охотно переселявшагося народа и притокъ къ нему служилыхъ людей—о чемъ сохранились извѣстія—служатъ тому подтвержденіемъ. Также и та всенародная готовность, съ которою всѣ Переяславцы приложились къ его благоустроенному Московскому княженію, свидѣтельствуетъ о томъ.

лѣтней его юности (съ 1276 года, когда старшій его братъ, Димитрій Александровичъ, вокняжился на Владимірскомъ престолѣ и, какъ вѣроятно, передалъ Москву меньшому брату) до сорокадвухлѣтняго возраста, когда, постригшись и принявъ схиму, онъ скончался (въ 1304 году марта 4 дня). Что именно было имъ сдѣлано въ эти 27 лѣтъ? Изъ видныхъ его дѣяній то именно и извѣстно, что Даніилъ мирно сидѣлъ въ Москвѣ примышлялъ къ ней рубежи, необходимые Москвѣ, и стольный свой городъ округлилъ въ цѣлое княженіе; до него была только Москва, звавшаяся тогда еще Кучьковымъ селеньемъ,—а Даніилъ оставилъ послѣ себя цѣлое *московское княженіе* (какъ бывшій великимъ княземъ дядя его Ярославъ Ярославичъ, оставилъ по себѣ *тверское княженіе Михаилу Ярославичу Тверскому*). Если и можно къ тому прибавить нѣсколько подробностей и дополненій—то уже весьма мало.

Княжеская дѣятельность Даніила. Московская область, въ сторону на юго-востокъ, подходила къ древнимъ черниговo-рязанскимъ владѣніямъ: а собственно на югъ—какъ теперь, такъ и тогда—подъ Москвою былъ Серпуховъ возлѣ Оки на ея лѣвомъ, то-есть московскомъ же берегу. А на правомъ берегу внизъ по теченію Оки на рязанскомъ или—что встарь было то же самое—на черниговскомъ берегу въ 12 верстахъ отъ Серпухова стоялъ городъ Тѣшиловъ, а еще дальше, почти на такомъ же разстояніи отъ самого Тѣшилова, другой городокъ Лопасня (противъ самаго устья рѣки этого имени, павшей въ Оку съ ея московскаго берега). Оба эти городка, Тѣшиловъ и Лопасня, составляли дальнее владѣніе черниговскихъ князей, спорное съ рязанскими. За городомъ Лопаснею еще далѣе внизъ по Окѣ—какъ теперь, такъ и тогда—была Коломна, стоявшая при сліяніи Москвы-рѣки съ Окою. Коломна находилась во владѣніи рязанскихъ князей: изъ-за Коломны вражда Москвы съ Рязанью велась безпрерывная уже и въ то время, когда еще Москва была только пригородомъ Владиміра. Татарское нашествіе измѣнило многое въ судьбахъ русскихъ княженій и въ отношеніяхъ волостей другъ къ другу: принадлежность тѣхъ или другихъ городовъ къ тѣмъ или другимъ волостямъ тогда замѣшалась. Послѣ

того, какъ Черниговское княжество опустѣло, раздробилось и обезсилилось, многіе изъ его городовъ заглохли; тѣмъ временемъ и отдаленные отъ него Тѣшиловъ и Лопасня перешли къ Рязани,—рязанцы же захватили тогда и заброшенную Коломну. По сожженіи ея татарами и по сокрушеніи Батыемъ всего Владимірскаго княженія, не время было владимірскимъ князьямъ возобновлять Коломну: сама Москва къ тому же, изъ-за которой они больше и держались Коломны, была тогда сожжена и раззорена татарами,—Коломну тихо и незамѣтно и заняли опять Рязанцы.

Но какъ только оправилась Москва и выросла въ мѣру особаго удѣла, отданнаго Даніилу Александровичу, нельзя было ему не хватиться по Москвѣ-рѣкѣ, на которой стояла его столица,—нельзя было не вспомнить объ утраченной Коломнѣ, наслѣдіи прадѣда своего и дѣда. Точно также, упрочивая и заселяя мѣста на югъ отъ своего стольнаго города вплоть до береговъ Оки,—умножая села по всему ея побережью отъ Серпухова до Коломны—нельзя было и терпѣть прибрежныхъ при-Окскихъ городовъ Тѣшилова и Лопасни въ чужомъ владѣніи. Отсюда именно—какъ о томъ не забыли еще втупору—и вторгались не одинъ разъ Рязанцы грабить и жечь подмосковныя села. Итакъ, Коломна, Тѣшиловъ и Лопасня—вотъ главное, изъ чего вышли споры у московскаго державца съ сосѣдними рязанскими князьями. Другой споръ, подобный же этому, могъ возникнуть съ западными сосѣдями Москвы: князьями смоленскихъ мѣстъ.

Если Даніилу важно было обезпечить свою южную границу пріобрѣтеніемъ Оки, въ которую пала Москва-рѣка подъ Коломной, то не менѣе важно было владѣть еще и верховьями самой Москвы-рѣки, истокъ которой неподалеку отъ его стольнаго города Москвы, находился въ Можайскомъ уѣздѣ, относившемся тогда къ предѣламъ Смоленска. Его захудалые державцы выдѣлили уже въ ту пору многихъ князей, владѣвшихъ лишь одиночными городами; нѣкоторые изъ нихъ къ тому же замѣшались уже и съ Литвой. Можайскъ почитался въ ихъ роду незначительнѣйшимъ изъ городовъ: когда его выдѣлили Ѳедору Черному, этотъ князь—какъ уже извѣстно—обидѣлся такимъ ничтожнымъ выдѣломъ и ушелъ въ Ярославль, гдѣ вступилъ въ бракъ съ тамошнею княжною и получилъ Ярославль

въ приданое. Кромѣ того, что Можайскъ вслѣдъ затѣмъ захудалъ вовсе, всѣ вообще Смоленскія мѣста начали тогда пропадать изъ виду въ русской исторіи, всѣ они бо̀льшею частью приложились къ Литвѣ. Даніилу Александровичу важно было, какъ московскому державцу—куплею ли, мирнымъ ли договоромъ, войною ли—пріобрѣсти Можайскъ именно для закрѣпленія за собой верьховья той рѣки, на которой стояла его столица, а самъ по себѣ городъ былъ не важенъ. По удаленіи оттуда Ярославскаго князя Ѳеодора Чернаго, тамъ мѣнялись князья безпрестанно, одинъ незначительнѣе другого. Но это пріобрѣтеніе было сдѣлано уже сыномъ Даніила, Юріемъ: онъ присоединилъ Можайскъ къ Москвѣ войною — знакъ, что самъ Даніилъ Александровичъ не успѣлъ сдѣлать этого пріобрѣтенія мирнымъ путемъ, а прибѣгать къ насилію было не въ его нравѣ.

Единственная война, такимъ образомъ, которой онъ не избѣжалъ на своемъ вѣку, и велась имъ противъ Рязани. „Князь Данило Московскій ходи на Рязань ратью, и бися у города у Переславля, и одолѣ князь Данило и *много Татаръ изби*, а князя Константина рязанскаго изималъ приведе на Москву“. О рязанскихъ князьяхъ съ тѣхъ еще поръ, какъ совершилось злодѣяніе *„Глѣба, иже окаянному уподобися Святополку“*, вообще рѣдко упоминалось въ лѣтописяхъ. А по раззоренiи Рязани татарами — извѣстія объ ней становятся вовсе скудны, при чемъ однако всякій же разъ упоминается то самое, что составляло отличительную черту Рязани и въ былую пору. Во-первыхъ, всѣ тамошніе князья не переставали изводить одни другихъ съ особенной лютостью, казавшеюся даже и по тѣмъ временамъ—безпримѣрною; и во-вторыхъ, тамошніе бояре не переставали крамольничать, ссоря тамошнихъ князей другъ съ другомъ. Жертвою ихъ боярской крамолы и былъ на этотъ разъ князь Константинъ Романовичъ—несчастный сынъ несчастнаго Романа Ольговича и внукъ несчастнаго же дѣда Олега Ингваревича Краснаго *). Война была для

*) Объ Олегѣ Ингваревичѣ Красномъ извѣстно уже, что, взятый въ плѣнъ еще при Батыѣ, онъ долго томился въ Ордѣ, заключенный въ темницу и выпущенный оттуда лишь на старости лѣтъ (1252 г.), скончался монахомъ въ Рязани. Сынъ его Романъ Ольговичъ, занимавшій та-

него неудачна: послѣ того уже городъ Лопасня и Коломна поминались въ числѣ московскихъ городовъ, а не рязанскихъ *); самъ же князь, попавъ въ плѣнъ, не только не

мошній престолъ, но вовсе не извѣстный по лѣтописямъ за все время своего княженія, упоминается лишь по случаю мученической кончины, которую потерпѣлъ въ Ордѣ въ 1270 году: *„бысть оклеветанъ отъ сродныхъ своихъ“*. Тогда между татарами уже начинало распространяться магометанство, позднѣе и утвердившееся во всей Кипчакской Ордѣ. На Романа донесли, что онъ хулитъ магометанскую вѣру Татаръ; въ Ордѣ его принуждали принять „бусурманство“, онъ же предпочелъ смерть и напомнилъ всему православному міру мученичество Іакова Персійскаго: также, какъ онъ, претерпѣлъ отсѣченіе палецъ на рукахъ и на ногахъ, потомъ отнятіе самихъ рукъ и ногъ, послѣ чего мучители *„начаша рѣзати по всѣмъ суставамъ и метати розно“*. Лѣтописецъ по поводу его кончины обращается къ князьямъ съ горькимъ поученіемъ: „кая вамъ подьза враждовати на сродныя и единовѣрныя своя? Поучайте чада ваши не клеветати на ближнія своя... и не похищайте чужихъ и не обидите меньшихъ сродныхъ своихъ“. Сынъ его Константинъ Романовичъ, занявъ Рязанскій столъ отца своего послѣ старшихъ братьевъ, и вступилъ въ злополучную для себя войну съ московскимъ княземъ: *„нѣкоею хитростью, крамолою ихъ бояръ рязанскихъ ятъ“*—взятъ былъ въ плѣнъ.

*) Близъ описываемаго времени подробное перечисленіе городовъ и селъ московскихъ сохранилось въ духовномъ завѣщаніи Даніилова сына, Ивана Калиты, писанномъ 1328 года: городъ Лопасня и Коломна значатся въ немъ московскими городами. Необходимо притомъ замѣтить, что кромѣ *„города-Лопастна“* (нынѣ селеніе Городищи на Тульскомъ берегу супротивъ рѣки Лопасни, впапающей съ противоположнаго московскаго берега тутъ въ Оку) было еще и *„Лопастнинское село“* (оно же самое составляетъ нынѣшнюю подмосковную серпуховского уѣзда при рѣкѣ Лопаснѣ, гдѣ эта рѣчка беретъ свое начало). Оба эти древнія селенія—*„городъ-Лопастна“* и *„село-Лопастнинское“*, одно при истокѣ, а другое при устьѣ рѣки этого названія — постоянно поминаются въ духовныхъ московскихъ князей, при чемъ постоянно же завѣщатели и поминаютъ ихъ розно, не смѣшивая одного съ другимъ и назначая въ разныя руки. Оговаривается къ тому же, что *„городъ Лопастна на рязанскомъ берегу Оки“*, а объ *„селѣ Лопастнинскомъ“*, разумѣется, этого не говорится. Но ихъ смѣшиваютъ нѣкоторые изъ изслѣдователей, принимая „Лопасинское село“ за самый „городъ Лопасню“. Такъ, напримѣръ, авторъ „Исторіи Россіи“, объяснивъ неясное, по его мнѣнію, мѣсто въ договорной грамотѣ московскихъ князей съ Рязанскими: *„межъ насъ раздѣлъ земли по рѣку по Оку“*, тутъ же явно обличаетъ неудовлетворительность собственнаго предложеннаго имъ объясненія, добавляя къ нему: „Но спрашивается: какимъ образомъ Лопастна могла быть на рязанской сторонѣ за Окою“? („Исторія Россіи С. М. Соловьева, III томъ, изд. 1871 г., стр. 155 и 156.) Что касается до Тѣшилова,

возвратился изъ московской неволи, а потерпѣлъ тамъ и злую кончину.

Повидимому, вступая въ войну съ Москвою, рязанскій князь призвалъ себѣ въ помощь и ватаги татаръ,—изъ тѣхъ, которые во множествѣ производили тогда въ разныхъ мѣстахъ военныя прогулки самовольно, независимо отъ Орды,—подъ предводительствомъ такихъ царьковъ татарскихъ, которые на Руси не обозначались даже по имени, а звались глухо и неопредѣленно „салтанами". Этимъ объясняется „побѣда надъ татарами, одержанная Даніиломъ", приписываемая ему по нѣкоторымъ извѣстіямъ; Даніилъ Александровичъ не убоялся беззаконныхъ союзниковъ Рязани и „*много татаръ изби*, а князя Константина рязанскаго изнимавъ приведе на Москву,—*измѣною бояръ рязанскихъ*". Похоже: они главнымъ образомъ и способствовали успѣхамъ Даніила въ этой войнѣ, даже и тому, что она вспыхнула между Москвою и Рязанью; но то несомнѣнно, что именно *ихъ крамолою, нѣкоею хитростью* князь рязанскій былъ уведенъ въ плѣнъ *). Замѣчательно, что Даніилъ послѣ того,

---

часто упоминаемаго въ числѣ московскихъ владѣній позднѣе, онъ въ завѣщаніи Калиты 1328 году не упомянутъ. Но, во 1-хъ, возможно, что этотъ городокъ не былъ еще и возобновленъ тогда, а во 2-хъ, даже въ тѣ времена, когда эти мѣста составляли удѣлъ Олега Лопасенскаго (изъ Черниговскихъ князей) главнымъ городомъ считалась Лопасня, а Тѣшиловъ составлялъ прибавокъ къ ней (см. томъ II).

*) Нѣтъ надобности полагать съ нѣкоторыми (Исторія Москвы, лекц. по ист. рус. законодательства, И. Д. Бѣляевъ), что рязанскіе бояре хотѣли полнаго сліянія Рязани съ Москвою и склоняли къ тому Даніила; но будто ревность къ нимъ московскихъ бояръ заставила ихъ „отклонить Даніила Александровича отъ непосредственнаго занятія Рязанской земли". Сбывъ въ плѣнъ своего князя, крамольники достигли всего, чего тогда желали. А цѣлью Даніила въ этой войнѣ, разумѣется, было побережье Оки, а не Рязанское княженье. Не говоря уже о томъ, что Коломна со времени Всеволода-Большое-Гнѣздо была съ Москвою едино, но самые города Лопасня и Тѣшиловъ въ описываемое время по праву московскіе князья могли считать столько же своими, какъ и рязанскіе. Ибо, собственно говоря, эти владѣнія принадлежали Черниговскому княжеству и по его раззореніи и запустѣніи оставались какъ бы выморочными. Черниговцы къ тому-же, по отдаленности отъ себя здѣшнихъ мѣстъ, не распространяли своихъ владѣній далѣе за Оку на московскую сторону; а Рязанцы, напротивъ того, заходили все глубже на московскую сторону; старались укрѣпить за собой даже Боровскія мѣста и прочія,—слѣдовательно, враждовали Москвѣ.

два года къ ряду до самой кончины своей, ласково обходился съ плѣнникомъ: *„держа его у себя; но въ береженіи и чести всяцѣй, хотяше-бо ся съ нимъ укрѣпити крестнымъ цѣлованіемъ, и отпустити его въ его отчину княженіе Рязанское“*. Тѣмъ позорнѣе былъ черный поступокъ Юрія, старшаго Даніилова сына, съ плѣнникомъ, почти гостемъ своего отца: „того же лѣта (1306 г.) князь Юрій Даниловичъ повелѣ убити князя Константина Рязанскаго, его же поима отецъ его въ бою“. Хотя *„взятый на бою“* князь естественно находился въ волѣ побѣдителя и, какъ видно, отличался въ плѣну непокорливостью къ великодушному своему противнику, могшему его лишить цѣлаго княжества, а удовольствовавшаго почти ничѣмъ—поступокъ Юрія возбудилъ къ нему общее негодованіе. Пусть даже честь и ласка, съ которыми держали плѣннаго, зависѣли отъ излишней благосклонности Даніила и могли его сыну казаться неумѣстными относительно врага, заслуживавшаго на самомъ дѣлѣ не милости, а кары,—поступокъ Юрія, какъ это и подтвердилось потомъ всѣмъ его дальнѣйшимъ поведеніемъ, *„на душѣ его“*. Ибо онъ принялъ еще тягчайшія преступленія на свою совѣсть; укоръ не только за кровь одного Константина Романовича лежитъ на его памяти, а многихъ. И есть еще одинъ изъ нихъ, чья кровь по своей безвинности — истинно сказать — вопіетъ къ небу, такъ какъ вся Русь числитъ его однимъ изъ мучениковъ и святыхъ своихъ, прославившихъ Русскую землю. Итакъ, не для завоеванія Рязани ходилъ на нее Даніилъ войною; если жребіемъ побѣды, дѣйствительно, могъ бы присоединить ее къ своимъ владѣніямъ,—ничего къ нимъ, однако, не примыслилъ тогда, кромѣ развѣ двухъ пограничныхъ городовъ, на которые—собственно говоря—Рязанское княжество уже и правъ не имѣло. Одинъ изъ этихъ городковъ уже сто лѣтъ тому назадъ принадлежалъ Владимірскому княженью и былъ московскимъ; а другой — не подлежавшій прежде и спору, пока находился въ мирномъ Черниговскомъ владѣніи — по своей незначительности не стоилъ бы и войны, еслибы напослѣдокъ не служилъ постояннымъ притономъ, откуда Рязанцы безпрерывно вторгались въ московскіе предѣлы: оба города не для нападенья, слѣдовательно, составляли необходимость Данилова княженья, а для обороны.

Владѣнья его, дѣйствительно, увеличились напослѣдокъ присоединеніемъ Переяславля-залѣсскаго, но *примыслъ* этого княженія былъ мирный: Даніилъ получилъ его не по праву завоеванія; а надъ нимъ исполнилось слово: *кроткіи наслѣдятъ землю*. Переяславская область, какъ по многочисленности населенія и ратныхъ, и вообще служилыхъ людей, также и по значительности своего стольнаго города—была по Ростовѣ знаменитѣйшею во Владимірскомъ княженьи. Здѣшній кремль, обведенный глубокимъ, наполненнымъ водою, рвомъ, высокимъ валомъ и двойной стѣною, имѣлъ вкругъ ихъ двѣнадцать боевыхъ башенъ. Московское княженіе Даніила, слившись съ Переяславскимъ, увеличилось въ объемѣ болѣе нежели вдвое, а по силѣ уже не было равнаго ему удѣла. Это былъ весьма важный *примыслъ* по тому времени,—нельзя не повторить этого. Но въ этомъ случаѣ едва-ли не всего важнѣе было то внутреннее единеніе, которое велось между князьями обоихъ этихъ смежныхъ владѣній, связывавшее ихъ неразрывною дружбой,—а съ тѣмъ вмѣстѣ и единодушіе самого земства, переяславскаго съ московскимъ. Не будь этого—не пошло-бы впрокъ и самое сліяніе обоихъ княжествъ, даже по присоединеніи одного къ другому. Какою-же силой, въ самомъ дѣлѣ, превозмогъ Даніилъ Александровичъ всѣхъ своихъ прочихъ сродниковъ — размножившихся потомковъ дѣда Ярослава Всеволодовича и отца своего Невскаго—чтобы ихъ родовое сокровище, коренное гнѣздо въ ихъ роду со времени еще самого прадѣда Всеволода Юрьевича—пріобрѣсти въ родъ свой и удержать достойнымъ образомъ? Пусть ее, эту силу назовутъ хоть *случаемъ*,—но во всякомъ-же случаѣ *мечъ* не участвовалъ въ этомъ пріобрѣтеніи, мечъ тутъ былъ ни причемъ.

И кроткій Даніилъ, унаслѣдовавъ къ благоустроившейся вотчинѣ своей еще и Переяславское княженье, слѣлался напослѣдокъ могущественнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ князей своего времени. А по титулу, который онъ носилъ *„московскій князь“*, вошло въ славу на Руси и само его княженье: тогда еще впервые. Раньше Даніила—не то Москва, не то Кучково селенье, занималась лишь временно то тѣмъ, то другимъ княземъ, и ни въ чьихъ рукахъ, собственно,

княженія не составляла*). Одинъ только Даніилъ Александровичъ и почитается первымъ настоящимъ вотчинникомъ Москвы, ея первымъ княземъ: получивъ ее на свой удѣлъ съ родомъ своимъ, онъ и сдѣлался родоначальникомъ ея дальнѣйшихъ князей, съ тѣмъ вмѣстѣ и первоначальникомъ ея славы.

По лѣтописному извѣстію о томъ, что въ 1237 году при взятіи Москвы татарами, они „градъ и церкви огню предали, и монастыри всѣ и села пожгли, и много имѣнья захватили“,—можно уже видѣть, что въ девяносто лѣтъ—съ 1147 года, когда тутъ Юрій Долгорукій пировалъ съ союзникомъ своимъ Святославомъ Ольговичемъ—уже довольно заселилась и обстроилась Москва,—имѣла даже цѣлый уѣздъ, къ ней принадлежавшій. Не оставилъ ее безъ вниманія послѣ татарскаго погрома, разумѣется, и обновитель Великаго княженія Ярославъ Всеволодовичъ, распорядившійся, на случай смерти, о надѣленіи волостями дѣтей своихъ **).

*) Такъ, по кончинѣ Всеволода Большое-Гнѣздо, когда вспыхнули раздоры между его сыновьями изъ-за того, что старшій Константинъ былъ лишенъ Владимірскаго престола — меньшой (Владиміръ Всеволодовичъ) пробовалъ утвердиться въ Москвѣ, — но былъ изгнанъ оттуда Юріемъ (павшимъ на Сити) и удаленъ въ городецъ Остерскій и Переяславль на Альтѣ. Такъ потомъ самъ Юрій (Ситскій) прислалъ сюда младшаго своего сына Владиміра Юрьевича) еще малолѣтняго, — но онъ погибъ при нашествіи татаръ: они Москву сожгли, а ея малолѣтняго князя взяли съ собою. Послѣ же татаръ въ Москвѣ сѣлъ одинъ изъ младшихъ сыновей Ярослава Всеволодовича; но — какъ уже извѣстно — это былъ тотъ *„хоробритый“* князь, который, не удовольствовавшись Москвою, выгналъ изъ Владиміра дядю своего (Святослава Всеволодовича) и занялъ его мѣсто; но Богъ не далъ ему вѣку. Михаилъ Хоробритъ только-что захватилъ Великое княженье, тогда же и погибъ у себя въ московскихъ владѣніяхъ на берегахъ Протвы, гдѣ воевалъ съ Литвою. Правильнѣе же сказать: то было племя уже полуисчезнувшее тутъ подъ давленіемъ древнихъ Вятичей, наполовину смѣшавшееся съ ними, а наполовину гнѣздившееся лишь мелкими разсѣянными выселками: *Голядь* (см. I томъ). Первому изъ князей, получившихъ Москву въ собину, естественно было стараться проложить слѣдъ въ ту глухую и самую дремучую сторону своихъ владѣній; Михаилъ Хоробритъ поплатился даже смертью за свое усердіе къ обрусѣнію тамошней окраины, — но судьба не дала ему быть первоначальникомъ Москвы; не онъ утвердился въ ней *„съ родомъ своимъ“*. Онъ погибъ преждевременно, не оставивъ потомства.

**) По этому распоряженію братъ его, слѣдовавшій за нимъ Великій князь (Святославъ Всеволодовичъ) посажалъ по городамъ племянниковъ

А при Александрѣ Невскомъ еще болѣе должна была усилиться Москва: никто изъ князей не имѣлъ такого многочисленнаго „двора“, столько „дворянства“ у себя на службѣ, какъ Александръ; никто болѣе его и не заботился о населеніи и богатѣніи своихъ волостей, о приведеніи ихъ въ порядокъ, о наполненіи ихъ всякими дѣловыми людьми — «*дѣлюями*», какъ ихъ тогда называли, — никто не имѣлъ и такой возможности выводить къ себѣ столько людей отовсюду — на что жаловались еще новгородцы — какъ Александръ. Москва въ этомъ отношеніи должна была пользоваться особенною заботливостью Невскаго, такъ какъ по сравненію съ прочими его областями все еще это былъ *новый край*: щедро надѣленный всякимъ изобиліемъ и представлявшій всѣ необходимыя условія къ богатому процвѣтанію, нуждавшійся для того именно лишь въ населеніи и благоустройствѣ. Вѣроятно, къ тому же, самое назначеніе Москвы въ удѣлъ Даніилу уже было предрѣшено въ умѣ Александра и состоялось потомъ по его волѣ. Хотя прямого указанія на то нѣтъ, но полагаютъ даже, что Даніилъ былъ сюда переведенъ еще младенцемъ прямо по кончинѣ отца. Несомнѣнно то во всякомъ случаѣ, что, прибывъ сюда — окруженный унаслѣдованнымъ отъ отца „дворомъ своимъ“ — нашелъ онъ и въ унаслѣдованной отъ него области многочисленное же „дворянство“, мѣстами села, кипѣвшія всякими промыслами и многолюдствомъ, церкви и монастыри, гдѣ цѣлыя слободы, а гдѣ одинокія «*починки*», но всюду уже признаки жилыхъ мѣстъ и богатѣнья края, а не мертвую пустыню. Заводить новыя села и починки, скликать новоселовъ со всѣхъ сторонъ, въ глухихъ мѣстахъ по лѣсамъ просѣкать дороги, всюду прокладывать пути для новыхъ жилыхъ мѣстъ, устанавливая вездѣ мыты и перевозы, дани и пошлины; а по другимъ урочищамъ множить оброки бортниковъ и бобровниковъ, — притомъ вездѣ оберегать людей, опредѣляя, гдѣ что надлежало,—въ этомъ именно и заключалась мирная дѣятельность московскаго Князя.

своихъ, „*якоже уряди братъ его Ярославъ Всеволодовичъ, не премѣни слова его*“. Москва, слѣдовательно, уже была назначена въ „удѣлъ особый“ еще самимъ отцемъ Невскаго, что прямо означало успѣхъ этой области,—а еще болѣе доказалъ этотъ успѣхъ самъ унаслѣдовавшій ее „*хоробритый князь*“, успѣвшій отсюда завладѣть Владиміромъ и имѣвшій силу прогнать дядю.

Если нѣкогда можно было сказать про его прапрадѣда, Юрія Долгорукаго, что ни у кого изъ прежнихъ Князей не насчитывалось такого множества селъ и городовъ, сколько ихъ объявилось въ новоявленномъ Владимірскомъ Княженіи—то же должно повторить и про княженіе Даніила Александровича. Весь унаслѣдованный имъ край вдругъ оживился, изукрасился множествомъ крестоглавыхъ селъ-городовъ, закипѣлъ многолюдствомъ, промыслами и торговлей; при немъ тутъ было истинное новоселье отъ всѣхъ краевъ и со всѣхъ концовъ охотно стекавшагося къ нему населенія—частью изъ отдаленнѣйшихъ областей Руси, всюду раззоренной тогда татарами, а больше того изъ самаго Владимірскаго княженья. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не удивляться тому множеству селъ-городовъ, слободъ и слободокъ и всякихъ поселеній, сколько ихъ перечисляютъ въ своихъ завѣщаніяхъ уже дѣти Даніила въ наслѣдіи отца своего. Въ его время уже намѣтились такія мѣста, какъ Звенигородъ и Руза въ сторону къ Можайску, а на Протвѣ—Верея и Боровскъ. Села съ приселками наполняли и „Пахрянскій уѣздъ“: не только на Пахрѣ были многочисленныя селенія, но уже и на берегахъ Нары. Близъ ея паденья въ Оку обозначился Серпуховъ, подъ нимъ поминаются многія „Нарьскія селенія“; отъ нихъ ближе къ Москвѣ находилось большое «*Лопастинское село*» при ключахъ и источникахъ, откуда потекла рѣчка Лопасня и, верстахъ въ сорока оттуда къ югу, пала въ Оку. Тутъ противъ самаго ея устья, на противуположномъ рязанскомъ берегу, и былъ старинный городъ *Лопасня*—серединный между Серпуховомъ и Коломной. Сюда преимущественно, въ сторону на-полдень отъ стольнаго города, на всемъ протяженіи Лопасни, отъ ея истока и до ея устья у Оки, и должны были распространяться села съ приселками во время Даніила. На сѣверъ нельзя было имъ уходить далёко: тамъ къ Дмитрову начинались уже рубежи сосѣднихъ Князей; а на югъ отъ Москвы вплоть до самой Оки было свободное поле для дѣятельности Даніила: на среднемъ теченіи Лопасни стала поминаться вскорѣ Хотунь, — кромѣ того „Турій холмъ“ или „Турьи Горы“ (нынѣ село Турово) на Лопаснѣ же недалеко отъ ея устья,—а подъ Турьимъ холмомъ „Долгое Озеро“ уже на самомъ берегу Оки. Къ Коломнѣ селъ и слободъ и всякихъ поселій размножилось столько,

что вскорѣ (а именно въ 1328 году) къ ней ужъ были приписаны цѣлыя волости; сынъ Даніила, отказывая Коломну по своему духовному завѣщанію, прибавлялъ уже: «*со всѣми Коломенскими волостями*». Тогда же поминались уже и такія, уцѣлѣвшія до нашихъ дней селенія, какъ Раменье, Гуслицы, Гжель и прочія. Если притомъ такъ умножилось разселеніе въ новообразовавшемся княжествѣ по отдаленнымъ его границамъ, разумѣется еще гуще было оно подъ самымъ стольнымъ городомъ. „Селенія на Яузѣ“ и по самой Москвѣ-рѣкѣ по близости отъ столицы тѣснились уже одни къ другимъ во времена Даніила.

Что къ нему во владѣнія охотно переселялись всякіе люди—о томъ свидѣтельствуетъ быстрый ростъ создавшагося въ короткое время и уже процвѣтавшаго удѣльнаго его княжества; а что къ нему охотно стекались со всѣхъ сторонъ и служилые люди, просясь быть принятыми въ его „*дворъ*“—о томъ сохранились и прямыя указанія. Извѣстенъ, между прочимъ, бояринъ Акинѳъ, находившійся прежде у Данилова брата Андрѣя Городецкаго и оставившій его для служенія мовсковскому князю. Другой примѣръ: «*нѣкто отъ славныхъ боляръ черниговскихъ, именемъ Ѳеодоръ, съ женою своею Маріею переселишася во градъ Москву, идѣ-же скиптродержавствуя Даніилъ Александровичъ*» — это были родители извѣстнаго впослѣдствіи московскаго святителя митрополита Алексія. По дружбѣ къ своему вѣрному боярину, этому Ѳеодору Бяконту и его боярынѣ Маріи—когда у нихъ родился первый сынъ, въ крещеніи Еливѳерій—князь Даніилъ Александровичъ принялъ живое участіе въ ихъ семейной радости. Новорожденнаго принялъ отъ купели молодой княжичь, тогда еще несовершеннолѣтній, Иванъ Даниловичъ *).

---

*) Такимъ образомъ, славившійся потомъ, уже много позднѣе, а именно при внукахъ и правнукахъ Даніила (Симеонѣ Гордомъ и Іоаннѣ Ивановичахъ, и при Димитріи Донскомъ и Владимірѣ Храбромъ) святой Алексій митрополитъ былъ крестникомъ Калиты. Что же касается до упомянутаго боярина Акинѳа, объ немъ необходима оговорка. Хотя осыпанный милостями Даніила, онъ всю жизнь этого князя пробылъ у него главнѣйшимъ изъ бояръ, однако къ составу здѣшняго земства не подходилъ. Этотъ горделивый Акинѳъ Гавриловичъ—(если онъ сынъ заморскаго выходца, извѣстнаго Гаврилы, можно бы сказать тогда, вѣрный еще преданіямъ варяжскихъ временъ; а если нѣтъ, то вѣрный вообще преданіямъ боярской старины удѣльныхъ временъ)—кичливый своею знатностью

Такимъ же всегда радушіемъ отличался московскій Князь ко всему „*Двору своему*“, заповѣдуя то же своимъ дѣтямъ. Оставляя другихъ князей, бояре охотно переходили въ московское княженье: также продолжалось и при дѣтяхъ Даніила; получая отъ нихъ землю съ обязанностью службы, пришлые служилые люди навсегда сливались съ отличавшимся здѣсь особенною преданностью своему князю — коренным мѣстнымъ народонаселеніемъ.

Вообще должно замѣтить, что ни въ одномъ изъ прочихъ княжествъ не замѣчалось такого единенія между княземъ и окружавшимъ дворомъ его и всѣми людьми народнаго множества — какое съ самаго начала повелось въ Московскомъ княженіи и потомъ при дѣтяхъ, внукахъ и правнукахъ Даніила, составляло даже особенное отличіе Москвы, какъ бы непреходящее наслѣдіе, завѣщанное ей изъ рода въ родъ самимъ ея первоначальникомъ и основателемъ здѣшней державы. Къ старѣйшимъ своимъ боярамъ, унаслѣдованнымъ еще изъ „Двора“ отца своего, Даніилъ истинно могъ при окончаніи своего поприща обратиться на прощаньи съ такими трогательными рѣчами: „вѣдаете обычаи мои и нравъ, передъ вами родился и при васъ возросталъ, съ вами землю держалъ, отчину съ вами соблюдалъ; вы же не *нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей*“. Съ такою же любовью могъ онъ обратиться и къ младшимъ ихъ сослуживцамъ: „никому изъ васъ укора не было, но всѣхъ васъ любилъ и всѣмъ была честь отъ меня, — съ вами веселился, съ вами и въ скорбяхъ былъ; отчину свою *еже ми* преда Богъ и родители мои съ вами *соблюдохъ*, и миръ и тишину земли сотворилъ, княженіе укрѣпилъ“. Такія именно рѣчи влагаетъ въ уста Московскаго князя сказатель о подвигахъ одного изъ ближайшихъ потомковъ Даніила. Такими же вѣрными служилыми людьми „безъ укора“ и беззавѣтно преданными боярами пополнилось дворянство

бояринъ Акинѳъ не ужился съ московскими порядками впослѣдствіи и при сыновьяхъ Даніила, передался Михаилу Ярославичу—въ Тверь. На него и можно указать, такимъ образомъ, какъ на единственное исключеніе въ томъ боярствѣ и дворянствѣ, которое въ московскомъ княженіи сплотилось при Даніилѣ, — и въ примѣръ того именно, какъ бояре стариннаго закала въ ново-образовавшемся московскомъ княженіи ужиться не могли и тутъ не годились.

Московскаго князя и по присоединеніи къ нему родной вотчины отца его и дѣда—Переяславля-залѣсскаго. А какъ только Московское княжество соединилось еще съ Переяславскимъ—раздвинулись и расширились самые предѣлы его на сѣверъ и на сѣверо-востокъ—къ ростовскимъ и суздальскимъ мѣстамъ, къ самому Владиміру. Москвѣ предстояло теперь расти, а уже Владиміру умаляться. Строеніе слагавшейся втеченіи полутора вѣка „Великой Руси“ Москвою и завершилось.

Сохранялась ли память о первомъ московскомъ князѣ? О стольномъ городѣ Даніила извѣстно уже, что и онъ, какъ всѣ православные города на Руси, свѣтился церквами и монастырями. Но былъ одинъ монастырь — любимѣйшій основателемъ московскаго княженья: поставленный имъ у береговъ Москвы-рѣки, въ виду столицы, во имя ангела своего столпника-Даніила. Это была скромная, убого захоронившаяся въ тѣни здѣшняго бора, уединенная обитель, куда Князь уходилъ воздыхать о житіи молчальника. Раздѣляя тутъ молитвы и благочестивые подвиги бѣдныхъ иноковъ, онъ не захотѣлъ разставаться съ монастырской своею братіей и послѣ смерти. При срубленной здѣсь церкви находилось братское кладбище, гдѣ погребались иноки здѣшняго монастыря. Даніилъ завѣщалъ похоронить и себя среди нихъ на этомъ погостѣ—внѣ церковной ограды, среди прочихъ братій, какъ простого-же инока: такъ и было исполнено по волѣ благочестиваго Князя. Въ самой же Москвѣ вскорѣ (а именно при сынѣ Даніила), обратившейся въ великокняжескую столицу, красовались уже каменные храмы: Архангельскій соборъ, церковь Іоанна-лѣствичника, Спасъ на бору; вкругъ Дворца великокняжескаго былъ заложенъ Кремль и высились его дубовыя стѣны. Сыну Даніила хотѣлось уже имѣть монастырь въ самомъ Кремлѣ возлѣ своихъ палатъ княжескихъ. Сюда ко Спасу-на-Бору и перевелъ онъ всю братію Даніилова монастыря съ тамошнимъ архимандритомъ, положивъ первоначально: *„да вкупѣ оба монастыря подъ единымъ началомъ устрояются“*. Но потомъ, при внукахъ и правнукахъ Даніилова сына, спасо-преображенскій кремлевскій монастырь продолжалъ ущедряться, какъ принадлежавшій ко Двору Великоняжескому, а уеди-

ненная зарѣчная обитель „оскудѣ нерадѣніемъ архимандритовъ Спасскихъ; яко ни слѣду монастыря познаватися“. А еще потомъ все кругомъ измѣнилось и того больше. Спасопреображенскій монастырь при наступленіи царственныхъ временъ Іоанна не удержался въ Кремлѣ и былъ вынесенъ оттуда: „пребысть на царскомъ дворѣ до лѣтъ Великаго Князя Ивана Васильевича; сей самодержецъ паки изъ града Москвы преведе той монастырь и постави на новомъ мѣстѣ надъ Москвою-рѣкою, на горѣ Крутицѣ объ онъ полъ, *отъ древняго яко зрѣймо едино*“. Еще и первоначально, когда архимандрія Даніилова монастыря была переведена ко Спасу-на-Бору, этотъ кремлевскій монастырь слылъ уже въ народѣ за придворный-княжескій, — за совершенно особый монастырь, ничего общаго не имѣвшій съ древнею Даніиловой обителью, чтимою тогда во всемъ же народѣ, какъ сохранявшей у себя мощи приснопамятнаго Даніила. О кремлевскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ держался въ народѣ лишь смутный толкъ по этому поводу: „*глаголютъ нѣціи отъ древнихъ старецъ, яко первѣе бѣ князь Данило Александровичъ сію архимандритію имѣяше у святаго Даніила за рѣкою*“. А когда „*на дворѣ царскомъ у церкви Спаса устроенъ бысть соборъ мірскихъ іереевъ и протопопство*“, а бывшій тамошній монастырь перевели на Крутицу „*и прозвася Спасъ на новомъ*“ — замолкли въ народѣ и послѣдніе толки о какой-либо связи этого монастыря съ обителью Даніила. Тѣмъ не менѣе однако сама „архимандритія“ Спаса на новомъ — довольствуясь уже и тѣмъ, что ея старинныя предмѣстницы, тѣ упраздненныя обители, обѣ съ Крутицкой горы заразъ были видны — поддерживала еще преданіе о своемъ единствѣ какъ со Спасомъ-на-Бору, также и съ обителью Даніила: *яко зрѣймо едино*. Но тамъ, гдѣ народъ чтилъ гробницу съ мощами святаго князя, заглохъ въ то время уже и самый погостъ: „токмо единая церковь *оста* и прозвася мѣсто то *сельцо Даниловское*“... а Москва тѣмъ временемъ — уже во дни царственнаго величія своего — украсилась многими златоглавыми и каменными строеніями; кромѣ Дворца возлѣ соборовъ высились уже и каменныя твердыни Кремля: его зубчатыя стѣны и грозныя башни съ двуглавымъ орломъ, — Архангельскій же соборъ, также перестроенный заново, вмѣщалъ въ себѣ многочисленныя

гробницы множайшихъ отъ пяти поколѣній, потомковъ Даніила—смѣнившихся вслѣдъ за нимъ. Озирая въ этой общей усыпальницѣ князей московскихъ ряды ихъ гробницъ, воздвигшихся втеченіи двухъ вѣковъ, словно ужъ и не вѣрилось напослѣдокъ, чтобы тутъ же среди ихъ гробницъ не найти гроба и самого родоначальника ихъ славы. Именно когда потомки его стали уже достигать череды царской, въ это позднѣйшее время и составилось людское мнѣніе, что за одно со своимъ многочисленнымъ, отъ славы къ славѣ восходившимъ потомствомъ—долженъ былъ почивать и самъ онъ *„здѣ подъ крыломъ Архангела“*. Соборъ, воздвигнутый въ стѣнахъ Кремля, такимъ образомъ, захотѣлъ перенять на себя славу хранить святыя мощи Даніила. Но истина не допустила превратному людскому мнѣнію поколебать благочестиваго преданія, незыблемо утвердившагося въ народѣ и отъ поколѣнья къ поколѣнью свято передававшагося изъ рода въ родъ. Вопреки всему, что было стерто временемъ и по людской превратности — слава хранить святыя мощи Даніила не была отнята у *„мѣста свята“* и осталась тамъ же, гдѣ была. Эту славу, принадлежавшую съ самаго дня 4-го марта 1303 г. и принадлежащую до сихъ поръ лишь Даніилову монастырю, основанному имъ самимъ на избранномъ имъ любимомъ мѣстѣ въ виду любимой столицы—увидимъ далѣе.

Итакъ, младшій сынъ Невскаго получилъ и младшій удѣлъ Москву; послѣ же того, какъ онъ присоединилъ къ своей столицѣ окружавшую ее подмосковную область и пріобрѣлъ еще Переяславскую—возвысившійся удѣлъ его, какъ по благоустройству, такъ и по величинѣ своей, превосходилъ всѣ прочіе. Другихъ свѣдѣній о дѣлахъ Даніила въ Русской исторіи нѣтъ: вотъ все, что можно сказать о политической дѣятельности лучшаго изъ ея Князей, подвизавшагося въ темную темь монгольскаго ига на Руси. Тогда уже стольнаго города Владиміра и звавшагося по немъ, Владимірскаго великаго княженья — прямо сказать — болѣе не существовало.

Какъ нѣкогда Кіевъ обратился въ столицу безъ городовъ, такъ и самъ Владиміръ напослѣдокъ сошелъ на-нѣтъ,— и какъ южная кіевская Русь раздробилась во время-óно въ роду Ольговичей и Мономаховичей, также разрознилась и сѣверная владимірская Русь въ размножившемся роду раз-

рознившихси потомковъ Всеволода Большое-Гнѣздо. Надъ тѣми и другими потомками св. Владиміра — на сѣверѣ и на югѣ господствовали Ханы,—тамъ и здѣсь царила Орда. На лучшую будущность—ни тамъ, ни здѣсь не было и надеждъ впереди.

Общее ослабленіе южной руси при Даніилѣ Александровичѣ московскомъ.

Убыль русскихъ владѣній на югѣ. Прошло полвѣка слишкомъ, какъ Кіевъ былъ разрушенъ татарами и уже не поднимался изъ развалинъ. Въ описываемыя времена окрестности Кіева, не къ добру для него, вдругъ оживились—основаніемъ Ногайской Орды. Ханъ Ногай, какъ уже извѣстно, откочевалъ съ низовьевъ Волги въ черноморскую степь, раскинулъ собственную Орду между устій Днѣпра и Дуная: стойбища ногайцевъ простирались оттуда до самаго Кіева,—Подолія и Волынь очутились въ близкомъ сосѣдствѣ съ татарами. Ногай то покровительствовалъ ханамъ Золотой Орды, Тохтѣ, Телебугѣ и другимъ, то воевалъ съ ними. Но былъ ли онъ въ союзѣ или воевалъ съ кѣмъ изъ нихъ, волынскимъ князьямъ отъ того не было легче. Имъ приходилось теперь угождать на обѣ стороны, платить дань и отбывать повинности ханамъ той и другой Орды. Это распространеніе ногайскихъ татаръ въ при-Днѣпровьѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участившіяся сюда военныя прогулки хановъ Золотой Орды—были особенно гибельны именно для южной Руси. Безъ того уже татарскія стойбища, достигавшія отъ низовья Волги до мѣстъ древнихъ Торковъ и Берендѣевъ, стертаго съ лица земли Переяславля на Альтѣ, портили все кіево-черниговское пограничье, а отъ наплыва ногайскихъ татаръ этотъ вредъ еще и усилился. Галичъ и Волынь, замкнутые опустошенными кіево-переяславскими мѣстами, гдѣ кочевали Татары, давно уже были заслонены отъ чернигово-курскихъ мѣстъ, заглохшихъ подъ тѣмъ же татарскимъ гнетомъ, а теперь вовсе оторвались одни отъ другихъ: утратились и послѣднія связи между ними. Отъ Кіева въ верхъ Днѣпра и въ обѣ стороны по его тамошнимъ притокамъ шла уже ненавистная для татаръ „*Литва*“, куда они съ самаго начала не углублялись: тамошнія мѣста

и слыли не за Русь больше, а за Литву. Тамошнія мѣста, слѣдовательно, какъ и самый Кіевъ, можно и не упоминать на этотъ разъ при обозрѣніи южной половины тогдашней Руси, а довольно будетъ ограничиться именно Курско-черниговскими мѣстами и Волынью.

Запустѣніе древнихъ черниговскихъ мѣстъ. По разгромленіи татарами Чернигова (еще въ 1239-мъ году) объ немъ за все описываемое время въ лѣтописяхъ ужъ не было и помину; а Курскъ тогда „пребывалъ пустъ, окрестности же и весь уѣздъ *великимъ древесемъ поростоша и многимъ звѣрямъ обиталища быша*... многіе хождаху туда прибытка ради своего *звѣрей ловити*“. Также точно и по истребленіи мечемъ татарскимъ главныхъ князей черниговскихъ, лѣтописи упоминаютъ объ ихъ захудалыхъ потомкахъ большею частью глухо и неопредѣленно. Такъ, напримѣръ, упоминается Святославъ, неизвѣстный по отчеству, князь Липецкій—по однимъ, а по другимъ—Ливенскій; и Ливны ли были городомъ, гдѣ онъ княжилъ, или Липецкъ—въ точности неизвѣстно. Упоминается еще „*сродникъ его*“ князь Рыльскій и Воргольскій Олегъ съ двумя сыновьями; и этотъ князь также приводится безъ отчества, а его сыновья вовсе безыменно*).

Великое зло, — говоритъ лѣтописецъ, — сотворилось „*во княженіи курской области*“: былъ нѣкто басурманинъ злохитрый и вельми золъ именемъ Ахметъ, держалъ баскачество курскаго княженья; онъ же взялъ на откупъ и дань татарскую, чѣмъ и творилъ великую досаду князьямъ и всѣмъ

---

*) Карамзинъ (И. Г. Р. IV т. Примѣч. 166): „Ворголь есть нынѣ село Орловской губерніи, въ Елецкой округѣ. Вѣроятно, что древній Липецкъ былъ тамъ же, гдѣ и нынѣшній, основанный на какихъ-то старыхъ развалинахъ. Тамошняя гора (на коей во времена Петра Великаго стояла отмѣнно высокая липа) и теперь называется городищемъ: Имя *Липецкаго лѣса* и рѣчки *Липецка* есть древнее. Въ лѣтописи сказано, что князь Липецкій ушелъ въ лѣса Воронежскіе: а городъ Липецкъ, какъ извѣстно, находится на берегу *Воронежа*“. Но противъ этого авторъ „Исторіи Россіи“ не безъ основанія замѣчаетъ: „Ворголь Елецкій будетъ очень далекъ отъ Рыльска; не Волковскій ли (Льговъ-Вольковъ естественно)?“ Сославшись тутъ же, что у Татищева вмѣсто Липецкой поставлено Ливецкій, авторъ замѣчаетъ: „быть можетъ и здѣсь надо разумѣть Ливны Орловскія, вмѣсто Липецка Тамбовскаго“. (Ист. Россіи С. М. Соловьева, т. III, примѣч. 366).

людямъ. Мало того, онъ построилъ еще себѣ двѣ слободы въ вотчинѣ князя Рыльскаго и Воргольскаго; и умножились въ нихъ бродяги и злодѣи разнаго рода: *„насиліе творяху христіанамъ“*, — около Воргола и Курска *„пусто сотвориша“*. Князь Олегъ, сговорясь о томъ „со сродникомъ своимъ Святославомъ“, пошелъ жаловаться въ Орду къ Телебугѣ. Царь же Телебуга далъ ему отъ себя приставовъ и сказалъ: „что будетъ вашихъ людей въ слободахъ—тѣхъ выведите въ свою область, а слободскихъ гоните вонъ и самыя слободы разорите“. Такъ и поступили. Князь Олегъ и Святославъ, съ даннымъ въ ихъ распоряженіе татарскимъ войскомъ, разорили Ахметовы слободы: всѣхъ слободскихъ заковали, а своихъ людей увели назадъ къ себѣ въ вотчины. Ахметъ былъ въ то время у Царя Ногая и, слышавъ о разореніи своихъ слободъ, умыслилъ клевету на Липецкаго и на Воргольскаго: выдалъ ихъ за крамольниковъ. „Это не князья, а прямые разбойники“, жаловался онъ на нихъ хану Ногаю, „оба съ тобою ратны: извѣдай, если не вѣришь мнѣ. Пошли къ нимъ своихъ сокольниковъ лебедей ловить: есть тамъ славныя мѣста лебединыя! вели и Князю съ твоими сокольниками ловить; а потомъ, чтобы онъ къ тебѣ пріѣхалъ. Пріѣдетъ ли Олегъ—поэтому и откроется: я ли правъ, онъ ли? Если волю твою онъ исполнитъ, я солгалъ“. Но Олегъ побоялся ѣхать къ Ногаю потому, что сродникъ его Святославъ разъ ночью въ самомъ дѣлѣ ударилъ на слободу изгономъ: Олегъ тогда даже укорялъ за это Святослава,—а ихъ обоихъ вмѣстѣ за это самое Ахметъ и звалъ ночными разбойниками. Ханскіе сокольники, возвратясь съ лебединой ловли, подтвердили Ногаю: „Ахметъ правду молвилъ, Олегъ разбойникъ есть, а къ тебѣ ратенъ: потому и не ѣдетъ“. Царь-же Ногай разгнѣвался и послалъ рать на Олега, повелѣлъ его *изнимать*, а княженіе его все взять. Когда приблизились Ногаевы рати и самъ Ахметъ пришелъ съ ними, князь Олегъ кинулся въ Орду съ женою и дѣтьми просить царской защиты у Телебуги; а сродникъ его Святославъ укрылся въ лѣсахъ Воронежскихъ. Одна половина татаръ кинулась въ погоню за бѣжавшими князьями, а другая принялась опустошать ихъ владѣнія. Захвативъ въ плѣнъ отставшихъ отъ князя тринадцать бояръ Олеговыхъ, воевали Рыльскъ, Ворголу и

Липецкъ,—но самихъ князей не нашли. Цѣлыхъ три недѣли забирались татары добычею,—людьми, скотомъ, всякимъ богатствомъ—и все забранное пригоняли и свозили въ Ахметовы слободы, гдѣ ихъ чествовалъ и угощалъ пирами самъ хозяинъ. Татары отдали ему Олеговыхъ бояръ и нѣкоторыхъ другихъ плѣнныхъ, сказавъ: „кого убить, кого въ живыхъ оставить—вѣдайся ужъ самъ съ ними". Въ числѣ забранныхъ, были тутъ въ прочемъ сбродѣ не то гости торговые, не то *„странные"*, прикидывающіеся святошами, всякіе наѣзжіе бродяги изъ разныхъ земель, проходимцы, *„иже ходятъ по землямъ милостыни просяще"*. Бояръ Олеговыхъ Ахметъ казнилъ: всѣмъ до одного отсѣкли правую руку, потомъ голову,—и ихъ трупы развѣсили по деревьямъ,—а проходимцевъ баскакъ отпустилъ на волю; роздалъ имъ еще на дорогу одежду избитыхъ бояръ и напутствовалъ милостивыми словами. „Ходя по всѣмъ землямъ, такъ и разглашайте всюду"—говорилъ онъ—„вотъ, молъ, что бываетъ тому, кто споритъ съ своимъ баскакомъ; кто бы смѣльчакъ ни былъ, молъ—тоже будетъ и со всякимъ". Случилось это въ самые крещенскіе морозы; люди гибли по лѣсамъ, но всѣ разбѣжались,—такъ что слуги баскака, посланные возить по окрестностямъ головы и руки убитыхъ бояръ на показъ населенію—не нашли кого и устращать въ опустѣлыхъ селахъ. Самъ Ахметъ однако—такъ какъ ни Воргольскій князь, ни Липецкій пойманы не были—убоялся остаться въ слободахъ, а приставилъ къ нимъ двухъ бусурмановъ, братьевъ своихъ родныхъ, и ушелъ съ Ногаевыми ратями. Татары погнали тогда плѣнныхъ, съ женами и дѣтьми, цѣлыми толпами; дорогою же, при всякой стоянкѣ, либо вѣшали, либо распинали по одному человѣку на всемъ пути—на память всѣмъ людямъ. Страхъ и позоръ былъ потомъ для христіанъ и видѣть эти мертвыя не убранныя тѣла по всей дорогѣ—отъ мѣста, откуда пошли татары и до самой ихъ Орды: цѣлый непрерывный рядъ висѣльниковъ, ихъ же насчитывалось столько, сколько было и татарскихъ становъ.

По веснѣ случилось обоимъ братьямъ Ахметовымъ идти изъ одной слободы въ другую; съ ними было тридцать пять человѣкъ русскихъ перебѣжчиковъ, еще и татары. Липецкій князь Святославъ подстерегъ ихъ на дорогѣ и напалъ на нихъ врасплохъ; двадцать пять русскихъ перебѣжчи-

ковъ да два татарина были убиты; но Ахметовы братья спаслись, а къ утру обѣ басурманскія слòободы разбѣжались. Олегъ и не зналъ про то, бывъ тѣмъ временемъ въ Ордѣ; а когда возвратился отъ Телебуги, первымъ его дѣломъ было схоронить побитыхъ бояръ своихъ, искаженные трупы которыхъ все еще висѣли на деревьяхъ; потомъ онъ сдѣлалъ по нимъ поминки, — а вслѣдъ за тѣмъ послалъ и выговоръ сроднику своему Святославу. Онъ велѣлъ сказать ему: „зачѣмъ ты погубилъ нашу правду? Цѣловали мы съ тобой крестъ другъ другу: ходить всегда въ одной думѣ. Надо было намъ съ жалобой на басурмана въ Ордѣ за свою правду стоять, а ты не пошелъ со мной къ царю Телебугѣ, захоронился въ Воронежскихъ лѣсахъ. Зимой еще, какъ разбойникъ ударилъ ночью на слòоду, — а теперь ужъ и на большой дорогѣ сталъ грабить! самъ знаешь: и у насъ на Руси лихо разбойничать, — а теперь передъ татарами отвѣчай-ка“. Святославъ прислалъ отвѣтъ короткій: „я самъ вѣдаюсь въ своемъ дѣлѣ: не враги они мнѣ развѣ? чтò я сдѣлалъ — въ томъ я правъ“. Но Олегъ снова укорялъ сродника: „ты затерялъ теперь нашу правду! на себя и на меня разбойничье имя наложилъ! твое бы дѣло было къ нашему царю Телебугѣ идти, или теперь хотя бы у своего царя, у Ногая, вымолить оправданіе — а ты ни туда, ни сюда, ни къ одному изъ царей не идешь,— пусть же насъ съ тобой Богъ разсудитъ“ — и опять обратился за помощью къ Телебугѣ. Изъ орды Воргольскій князь возвратился съ татарскимъ войскомъ и убилъ Липецкаго князя *„по слову цареву*; потомъ же братъ Святославль, князь Александръ *уби Олега и два сына его на единѣмъ мѣстѣ*“, выпросивъ себѣ помошь у хана Ногая. Все сіе *„на радость бысть*“,—добавляетъ лѣтописецъ, — не только діаволу, но *„и угоднику его басурманину Ахмету*“.

Упоминаются по временамъ еще и другіе князья изъ захудалаго рода когда-то славныхъ Ольговичей, — но всякій же разъ глухо и неопредѣленно; большею частью ихъ и не обозначаютъ по именамъ, а по тѣмъ одиночнымъ городамъ, которыми они владѣли: Бѣлева, Одоева, Таруссы и проч. Коротко сказать: всѣ они уже пропали съ глазъ въ исторіи, гибли большею частью въ безвѣстныхъ междуусобіяхъ, а нѣкоторые передались Литвѣ и затерялись въ

ея смутахъ. Были, разумѣется, какъ въ описываемое время, такъ и позднѣе, между захудалыми Ольговичами и болѣе доблестные князья, чѣмъ Липецкій и Воргольскій: такъ, напримѣръ, Брянскій князь Романъ и сынъ его Олегъ славились добрымъ нравомъ. Но сами доблести этихъ измельчавшихъ князей относятся больше къ ихъ домашнему семейному быту: всему тому и мѣсто въ ихъ семейной хроникѣ, — не больше.

Упадокъ княженій и захудалость князей Галицко-Волынской области. Упадокъ захудалыхъ и лишь по имени нарицаемыхъ—княженій, обратившихся въ мелкопомѣстныя владѣнія, — съ тѣмъ вмѣстѣ и переходъ самихъ князей — если не въ простыхъ обывателей, то ужъ именно въ мелкопомѣстцевъ—былъ общимъ явленіемъ въ описываемую пору на всей Волыни. Такихъ державцевъ, какими были въ свою пору Данило Романовичъ галичскій или братъ его Василько Романовичъ, князь Владиміра-волынскаго — уже не было между тогдашними князьями ни одного. Но если сыновья и внуки этихъ знаменитѣйшихъ князей южной Руси такъ измельчали противъ предшественниковъ своихъ, то о сыновьяхъ и внукахъ прочихъ державцевъ здѣшняго края — нечего и поминать. Изъ сыновей Даніила Романовича, какъ уже извѣстно, славился добрымъ нравомъ Мстиславъ Даниловичъ; братъ же его Левъ, убившій Войшелга, былъ человѣкъ гордый и хитрый; также и сынъ его Юрій Львовичъ, крестникъ Войшелга, отличался назойливостью своей. А отъ Василька Романовича только и оставался одинъ наслѣдникъ: князь Владиміръ Васильковичъ *„правдивъ и кротокъ, имѣвшій ко всѣмъ любовь, гордости же въ немъ не бяше; храбръ и философъ великъ, питья же не пи отъ возраста своего“*. Жизнь этого владиміро-волынскаго князя описана въ мѣстной лѣтописи до мельчайшихъ подробностей. И всѣ онѣ дѣйствительно свидѣтельствуютъ о многой добродѣтели Васильковича: знакомя съ нимъ, располагаютъ къ нему невольно. Но всѣ же подвиги и дѣянья, такъ восхваляемые лѣтописцемъ, сводятся именно къ семейной хроникѣ этого князя; а чего-либо важнаго въ нихъ для исторіи, прямо сказать, больше нѣтъ. Въ доказательство тому,—а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ отвѣтъ на вопросъ: много ли представляли

тогда залоговъ Волынь и Галичъ для обновленія бѣдствовавшей Русской земли,— уже довольно будетъ и остановиться на жизнеописаніи этого именно князя.

Какъ Даніилъ и Василько Романовичъ въ свое время, по родству съ Ляхами, впутывались въ нескончаемыя междуусобія ихъ многочисленныхъ князей и, помогая однимъ, воевали противъ другихъ: то же продолжалось и при ихъ преемникахъ; но въ эту пору особенно участились походы въ Польшу еще и по требованію татаръ. Съ одной стороны ханъ Ногай поднималъ съ собою галичанъ и волынянъ, то на Венгровъ, то на Поляковъ; съ другой стороны вторгались сюда еще ханы Телебуга съ Алгуемъ и также присылали звать русскихъ князей „веля имъ пойти съ собою на войну; тогда же бяху вси князи въ неволѣ Татарской“ *). Русскіе должны были съ своей стороны участвовать въ татарскихъ походахъ и тамъ и тутъ—съ Ногаемъ, который воевалъ подъ Краковомъ, и съ Телебугой, воевавшимъ Сендомірскую и Люблинскую область. Татары, притомъ, какъ въ Галичѣ, такъ и на Волынѣ, всюду вводили свои войска на постой и на покормъ. И хотя это называлось не войною, а „*зажитіемъ*“, — такъ и говорилось, что татары стоятъ „*кормясь, а не воюя*“, однакожъ къ какому городу они ни подходили тогда— ко Львову ли, ко Владиміру ли волынскому — татарскій постой мало чѣмъ отличался отъ войны. „*Кто въпъхашетъ изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша,* а иные излупивши пущаху наги, а тѣ отъ мороза изомроша зане бысть зима люта вельми *и учиниша землю пусту всю*“. Въ свою очередь и Ляхи не упускали случая воевать Галича и Волыни: туда и нападали „изгономъ“, откуда русскія войска были „*выведены неволею татарской*“. Такъ, когда Ногай и Телебуга ходили еще вмѣстѣ на Венгровъ со всѣми русскими полками, „Болеславъ

---

*) Вначалѣ Телебуга воевалъ заодно съ Ногаемъ, но впослѣдствіи ханы разсорились; вышло между ними великое нелюбье, напослѣдокъ обратилось въ явный разрывъ между ними и въ концѣ-концовъ перешло въ войну. Такъ въ 1282 году „Ногай не иде съ Телебугою въ Ляхи одной дорогою, зане бысть между ними нелюбье велико, но иде своею дорогою„—Ногай воевалъ подъ Краковомъ, а Телебуга у Сендоміра, не ссылаясь другъ съ другомъ и оба безъ успѣха „*зане боястася оба сей сего, а сей сего*“.

усмотрѣлъ *время таково* воева у Щекарева, взя десять селъ, *идяшетъ назадъ съ великою гордостью*: творяшетъ *бо ся аки всю землю вземъ*". По обыкновенію Ляхи нападали все на ту же украину Берестья, гдѣ русскія поселья ограничивались именно такими незначительными мѣстечками, какъ этотъ нерѣдко поминаемый Щекаревъ. По окончаніи татарскаго похода въ Венгрію, Владиміръ Васильковичъ, — по просьбѣ своего племянника Юрія Львовича: „брате! сложимъ съ себя соромъ сей; возведи литву на Болеслава!" — выслалъ свои войска въ Берестянскую область, послалъ звать въ походъ и свою вѣрную Литву. Булевичи, Рушковичи и прочіе прислали отвѣтъ: „Владиміръ, добрый князь правдивый! можемъ за тебя головы свои сложить! коли тебѣ любо — готовы *есьмы*". Но Болеслава прогнали раньше, чѣмъ подоспѣла вѣрная литва; а они жаловались въ Брестѣ, начали говорить Владиміру Васильковичу: „ты насъ вызвалъ, такъ веди куда-нибудь; се мы готовы, на то пришли". Князь же „нача думати: куда ихъ повести?" и вспомнилъ, что у него на Люблинской украйнѣ, прежде того, Ляхи заняли „село именемъ Воинь" и увели оттуда челядь, обѣщались потомъ отдать и до сихъ поръ не возвратили: туда и послалъ свою литву. „И воеваша около Люблина и поимаша челяди множество и ополонишася, и тако поидоша назадъ съ честью".

Въ такихъ и еще менѣе значительныхъ дѣлахъ годъ за годомъ проходило время въ бывшихъ княженіяхъ Даніила и Василька Романовичей при ихъ преемникахъ, — а въ 1287-мъ году вновь пришелъ на Волынь самъ Телебуга съ Алгуемъ (еще не разсорившійся вконецъ съ Ногаемъ, что произошло позднѣе) — и вновь было велѣно всѣмъ здѣшнимъ князьямъ — Льву и Мстиславу Даниловичамъ и Васильку Романовичу, и молодому Юрію Львовичу — итти съ татарами въ походъ на Ляховъ. Опять вся здѣшняя страна переполнилась татарами; они пришли этотъ разъ „*въ силѣ тяжцѣй*", — часть войскъ прослѣдовала въ походъ, а часть была оставлена „на постой и на покормъ" въ Волынѣ. Но во время этого послѣдняго похода Владиміръ Васильковичъ, хворый еще и раньше, разболѣлся окончательно: то была неисцѣлимая болѣзнь, образовалась язва нижней губы, началось гніеніе нижней челюсти. Князь сталъ думать о смер-

ти и, бывъ бездѣтенъ, рѣшился отдать послѣ себя свое Волынское княженіе любимому своему двоюродному брату, кроткому и безхитростному Мстиславу Даниловичу. Пользуясь тѣмъ, что тутъ же въ полкахъ находилась вся его братія, къ тому же и сами ханы татарскіе были съ ними въ походѣ, больной на всѣхъ гласно заявилъ о свой волѣ; цари же татарскіе, Алгуй и самъ Телебуга, милостиво обошлись съ нимъ: „видячи его больна суща, жалостно бысть зрѣти нань“—отпустили его домой. Мучительная и въ то же время медленно изнурявшая боль такъ томила страдальца, что онъ ужъ не переставалъ думать о смерти, а въ то же время не находилъ себѣ и покоя на одрѣ болѣзни; въ одномъ только, повидимому, онъ находилъ облегченіе: не оставаться дома, а быть по возможности все время въ дорогѣ, чаще мѣнять мѣста, переѣзжать изъ одного въ другое.

Когда онъ пріѣхалъ изъ полковъ въ свой стольный городъ Владиміръ-Волынскій, все народонаселеніе обрадовалось возвращенію своего князя; но онъ не долго пробылъ у нихъ, сказавъ княгинѣ: „хотѣлось бы ѣхать въ Любомль, а тутъ досада меня беретъ отъ поганыхъ“. Но доѣхавъ до Любомля, захотѣлъ въ Брестъ; впрочемъ, остался и въ Брестѣ всего два дни; когда же отсюда пріѣхалъ въ Каменецъ, совсѣмъ разболѣлся и долженъ былъ слечь въ постель. О своемъ намѣреніи передать княженіе Мстиславу Даніиловичу онъ подтвердилъ тогда всей братіи черезъ пословъ своихъ. Послы передали отъ его имени Мстиславу такія рѣчи: „Самъ ты, братъ мой, видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ. Всѣ мои волости и города, послѣ себя, хочу отдать тебѣ и сдѣлаю это при царяхъ черезъ царскихъ рядцевъ“; о томъ же послы передали и Льву Даніиловичу съ сыномъ его Юріемъ. Мстиславъ велѣлъ благодарить больного, а Левъ Даніиловичъ прислалъ мирный отвѣтъ: „всѣ, братецъ, подъ Богомъ ходимъ! и хорошо сдѣлалъ, что распорядился,—а мнѣ что ужъ искать подъ Мстиславомъ: такія нынче времена — дай Богъ въ пору хоть свое уберечь-то“. Но Мстиславъ Даніиловичъ не довѣрился такимъ смиреннымъ словамъ и послалъ отъ себя сказать брату съ племянникомъ, Льву Даніиловичу съ сыномъ Юріемъ: „мнѣ Володиміръ отдаетъ послѣ себя всѣ свои города и волости; такъ напередъ скажите теперь:

будете ли потомъ послѣ его смерти искать своего? И царь тутъ, и самъ я налицо, такъ объявите прямо". Левъ же не противорѣчилъ тому ни слова. Однако жъ оглашеніе про такое наслѣдство возбудило зависть и ропотъ многихъ. Вскорѣ по возвращеніи больного князя изъ похода стали возвращаться и его приближенные дружинники. Послѣ многихъ переѣздовъ по слѣдамъ больного князя изъ Владиміра въ Берестье и въ Любомль, нашли его уже въ Каменцѣ не сходившимъ съ постели. Князь сталъ ихъ разспрашивать о Телебугѣ: вошелъ ли онъ ужъ въ Ляшскую землю? ему отвѣтили: вошелъ.—„А братъ Левъ съ моимъ племянникомъ здоровы ли?"—спросилъ князь.—Слава Богу—отвѣтили ему—сами князья, и слуги и бояре ихъ—всѣ, далъ Богъ, здоровы. А объ его любимомъ двоюродномъ братѣ, о Мстиславѣ Даниловичѣ, дружинники добавили: „А его Телебуга отрядилъ на Львовъ; слышно: онъ изъ твоихъ селъ-городовъ ужъ своимъ боярамъ кому—сёла, а кому города раздаетъ. Всеволожь-городъ ужъ отдалъ, говорятъ". — Опечаленный князь жаловался потомъ: „вотъ, я лежу боленъ, а братъ мнѣ еще болѣсти придалъ! сталъ ужъ мои села и города раздавать! могъ бы, кажется, до моей смерти и погодить". И отправилъ къ нему посла съ жалобой и укоромъ: „братъ мой! ты меня — ни въ плѣнъ не взялъ, ни копьемъ не добылъ, ни ратью не выбилъ изъ городовъ моихъ; на что жъ такъ поступаешь? Есть у меня и кромѣ тебя другой братъ Левъ, и племянникъ есть же: Юрій. А я тебя изо всѣхъ трехъ выбралъ, потому что они гордецы. Но я тебѣ, послѣ себя, отдамъ всю землю мою,—а пока я живъ—ни въ сёла, ни въ города мои тебѣ бы не вступаться". Мстиславъ на это поспѣшилъ отвѣтить: „Господинъ и братъ мой! земля Божья и твоя, и города твои же. Не въ моей они волѣ, а въ твоей. Дай мнѣ тебя Богъ *имѣть яко отца себѣ* и служить тебѣ со всею правдой, — лишь бы ты мнѣ, господинъ, живъ-здоровъ былъ; а моя надежда — вся на тебя". Эта рѣчь люба была Владиміру Васильковичу. Вскорѣ онъ изъ Каменца переѣхалъ въ Райгородъ. Здѣсь, продолжая хворать, онъ рѣшился болѣе не откладывать завѣщанія и совѣтовался о томъ со своей княгиней: „хочу послать за братомъ Мстиславомъ; надо урядиться съ нимъ о землѣ и городахъ и о тебѣ, княгиня моя милая

Ольга!“ *) Князь сослался еще и на пріемыша въ ихъ семьѣ, на малолѣтнюю сиротку Изяславну, воспитывавшуюся у нихъ въ домѣ. „Надо подумать и о дитяти“,—добавилъ онъ—„миловалъ я ее, какъ дочь родную. Не далъ намъ Богъ своихъ дѣтей; она же за мѣсто родной дочери была мнѣ, взялъ я ее въ пеленкахъ отъ матери и возростилъ“. И отправилъ онъ за Мстиславомъ владиміро-волынскаго епископа (Евсигнѣя), придавъ ему своихъ бояръ (Борка и Оловянца) съ провожатыми. Мстиславъ съ ними же пріѣхалъ немедленно въ Райгородъ и, съ боярами своими, остановился на подворьѣ **). Услыхавъ о томъ, больной велѣлъ позвать его, оправился на постели и принявъ его сидя, началъ подробно разспрашивать о Телебугѣ: удачно

---

*) Какъ Святая Ольга наречена была въ крещеніи Еленою, такъ и названная въ честь ея супруга Васильковича носила оба эти имени. Она была дочь Брянскаго князя Романа. Лѣтописецъ, подробно описавшій жизнь Владиміра Васильковича, упомянулъ вскользь и объ его тестѣ: черезъ это и сохранились для памяти потомства черты его добраго нрава. У этого Брянскаго князя было нѣсколько дочерей, *„сія же бысть ему всѣхъ милѣе“;* но она славилась не только въ родительскомъ домѣ, а всѣ вообще иначе не называли ее, какъ милою Ольгой. Когда Василько Романовичъ прислалъ сватать ее за своего сына, Брянскій князь былъ въ необычайной радости отъ такого жениха. Это было около 1264-го года; вмѣшавшись въ происходившія тогда распри съ Литовскими князьями, князь только что возвратился въ свой Брянскъ изъ Литовскаго похода—съ честью и побѣдою великою, но весь изрубленный и исколотый, тяжко страдая отъ ранъ, полученныхъ въ бою. Когда же пріѣхали сваты, веселился *„не мня ранъ на тѣлеси своемъ за радость и отда дочерь свою“*; все время потомъ и утѣшался счастіемъ молодыхъ. Позднѣе (около 1275 году) вновь онъ долженъ былъ воевать Литву вмѣстѣ со многими южнорусскими князьями подъ предводительствомъ татаръ; когда походъ былъ оконченъ, зять его Владиміръ Васильковичъ, также участвовавшій въ томъ походѣ, очень приглашалъ его къ себѣ во Владиміръ-Волынскій: „Господине отче! поѣдемъ, побудешь въ своемъ дому и дочери своей здоровье увидишь“. Но Романъ отпустилъ къ нимъ только сына своего Олега, а самъ сказалъ: „Сынъ мой, Владиміръ! не могу отъѣхать отъ своей рати; кругомъ еще война идетъ; кто жъ ихъ, мои рати, доправитъ домой безъ меня?“ — и продолжалъ дѣлить трудности похода со своимъ войскомъ.

**) Райгородъ нынѣ въ царствѣ Польскомъ недалеко отъ Августова; Любомль—мѣстечко при западномъ Бугѣ, почти между Хельмомъ и Ковлемъ. Каменцевъ было нѣсколько; упоминаемый здѣсь—нынѣ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи.

ли дѣла его идутъ въ Польшѣ и не слыхать ли, куда думаетъ идти потомъ? Мстиславъ, разсказавъ все по порядку, былъ отпущенъ на подворье. Но туда же вслѣдъ за нимъ пришли: епископъ Евсигнѣй, Борко и Оловянецъ и сказали: „велѣлъ намъ князь Владиміръ Васильковичъ передать тебѣ отъ его имени рѣчь такую: „братъ мой! я тебя затѣмъ призвалъ къ себѣ, чтобы рядъ учинить съ тобою о землѣ и городахъ, о своей княгинѣ и о дитяти, хочу писать духовную грамоту". Мстиславъ просилъ епископа съ боярами передать свой отвѣтъ двоюродному брату въ такихъ словахъ: „Господинъ мой! не было у меня и въ мысли искать твоей земли послѣ тебя. А какъ пошли мы всѣ вмѣстѣ въ походъ съ Телебугою и съ Алгуемъ — былъ тутъ и братъ нашъ Левъ, и нашъ племянникъ Юрій—самъ ты, господинъ мой, заговорилъ о томъ. И вотъ теперь призвалъ меня, чтобы писать духовную. Буди на все Божья воля и твоя", Какъ только передалъ епископъ Евсигнѣй эту рѣчь своему князю, Владиміръ *повелѣлъ писцу своему Ѳедору писать грамоту*: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, князь Владиміръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою и городы, по своемъ животѣ, брату своему Мстиславу, и стольный свой городъ Володиміръ". Другую духовную написалъ онъ на имя княгини: ей отдавалъ городъ Кобринъ съ селами, а на поминъ души назначилъ разныя имѣнія монастырю Апостоловъ, который самъ создалъ; вписалъ и еще нѣкоторыя распоряженія. А заключилъ эту вторую грамоту такъ: „а княгиня моя, по моемъ животѣ, ежели захочетъ въ черницы пойти — пойдетъ, а нѣтъ—какъ ей любо,—мнѣ ужъ изъ гроба не встать смотрѣть: что послѣ моей смерти будетъ". Послѣ того, онъ послалъ сказать Мстиславу: „Цѣлуй мнѣ крестъ на томъ, чтобы послѣ меня ничего не отнять изъ завѣщаннаго княгинѣ моей,—ничего же не отнимать и у дитяти Изяславны и чтобы ее, когда выростетъ, ни за кого не отдавать неволею; но куда моей княгинѣ полюбится отдать ее — туда и выдать". Мстиславъ далъ отъ себя отвѣтъ въ такихъ словахъ: „Братъ мой и господинъ мой! не дай мнѣ Богъ того, чтобы послѣ тебя сиротъ обидѣть, а пошли Богъ, чтобы я княгиню Ольгу Романовну почиталъ за мать родную; также—если Богъ дастъ дитя твое выроститъ—дай Богъ мнѣ

какъ бы дочерь свою родную ее замужъ выдать“,—и на этомъ цѣловалъ крестъ.

Послѣ того, епископъ Евсигнѣй, во стольномъ городѣ Владимірѣ-волынскомъ, благословилъ Мстислава Даниловича крестомъ воздвизальнымъ и грамоту объ отказѣ ему волынскихъ городовъ читалъ на всемъ народѣ; самъ же наслѣдникъ, помня волю завѣщателя: „пока я живъ—тебѣ не вступаться“—оставилъ столицу и отъѣхалъ въ свои города. Услышавъ о такомъ отказѣ наслѣдства, Мазовецкій князь Конрадъ Семовитовичъ обратился къ Васильковичу съ просьбой черезъ нарочныхъ пословъ: „ты мнѣ вмѣсто отца былъ! не оставлялъ меня своей милостью; тобою только я и держался противъ братіи моей и былъ имъ грозенъ,—вся моя и теперь надежда только на Бога да на тебя: пошли съ моимъ посломъ своихъ пословъ къ Мстиславу, чтобы и онъ меня подъ свою руку принялъ,—стоялъ бы за меня въ моихъ обидахъ, какъ самъ ты, господинъ, ото всѣхъ обидъ меня оборонялъ“. Владиміръ Васильковичъ дѣйствительно послалъ сказать Мстиславу: „братъ мой! самъ вѣдаешь: я Кондрата Семовитовича честилъ и дарилъ; вступался за его обиды, какъ за свои,—сдѣлай для меня—прими его также и ты съ любовью подъ свою руку, будь ему заступникомъ отъ всякаго зла“.—Мстиславъ, по поводу Кондрата Семовитовича, не только поспѣшилъ отвѣтить брату: „радъ для тебя съ любовью его принять, радъ буду за его обиды и голову свою положить“, но еще почтительно увѣдомилъ: „хотѣлъ было я и самъ свидѣться съ Кондратомъ Семовитовичемъ, да безъ твоего велѣнья не могъ сейма назначить, — а какъ ты велишь“. Получивъ отвѣтъ: *„сойдись съ нимъ“*, Мстиславъ и Семовитовичъ, съѣхавшись, заключили дружескій союзъ между собою. Но прежде мазовецкій князь счелъ долгомъ поблагодарить самого Владиміра Васильковича; больной принялъ его у себя въ Любомлѣ. Повѣдали слуги Владиміру: „братъ твой, господине, пріѣхалъ Кондратъ“; онъ велѣлъ ему придти къ себѣ. Кондратъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной, и прослезился, видя тяжкое его страданіе: *упыніе тѣла его краснаго*. Повторивъ Кондрату о своемъ распоряженіи Мстиславу *быть имъ въ дружбѣ обоимъ*; Владиміръ одарилъ Мазовецкаго князя на прощаньи и отпустилъ на

свиданье съ Мстиславомъ, котораго не нашелъ Кондратъ ни во Владимірѣ-волынскомъ, ни въ Луцкѣ,—а съѣхался съ нимъ въ *Гатѣ*—подгородное мѣстечко, славившееся красотою. „*Мѣсто же то красно видѣніемъ, и устроено различными хоромы, церкви же бяше въ немъ предивна, красотою сіяющи: тѣмъ убо угодно бысть князю пребывати въ немъ*“. Мстиславъ выѣхалъ навстрѣчу къ Кондрату съ дружинниками и съ боярами своими и, принявъ его съ честью, какъ велѣно было Васильковичемъ, говорилъ Кондрату: „За кого имѣлъ тебя братъ мой, какъ онъ дарилъ и честилъ тебя—также и мнѣ дай Богъ имѣть тебя другомъ, честить и дарить тебя и стоять за всѣ твои обиды“—и послѣ того много веселились.

Но случилось такъ: только что Кондратъ Семовитовичъ выѣхалъ изъ Любомля отъ больного Васильковича, тѣмъ же часомъ пришелъ туда спѣшный гонецъ изъ Люблина, Яртакъ по имени и черкасъ съ виду, а сказался, что Ляхъ и присланъ съ важными вѣстями къ Кондрату. Доложили князю о пріѣздѣ Яртака; князь не велѣлъ его допускать къ себѣ, но сказалъ княгинѣ: „иди распроси его: съ чѣмъ пріѣхалъ?“ Тотъ мигомъ явился передъ княгиней, и только что она начала распрашивать: „князь велѣлъ узнать, съ чѣмъ ты пріѣхалъ? въ чемъ дѣло?“ гонецъ объявилъ: „умеръ князь Лешко Черный“. Княгиня, даже не допросивъ подробностей, увѣдомила о томъ князя: Владиміръ расплакался и жалѣлъ много. А гонецъ досказалъ княгинѣ: „присланъ я изъ Люблина; люблинцы стоятъ на томъ, чтобы князь Кондратъ княжилъ во Краковѣ,—хочу *наборзѣ* найти Кондрата, гдѣ будетъ“. Когда и эти рѣчи княгиня Ольга Романовна передала князю, онъ велѣлъ дать свѣжихъ коней Яртаку, его же кони утомились,—и гонецъ съѣхалъ съ ихъ двора тѣмъ же часомъ. Найдя мазовецкаго князя въ гостяхъ у Мстислава, Яртакъ передалъ важныя вѣсти и Кондрату: „Князь Лешко мертвъ, а прислали меня Люблинцы: *поѣди княжить къ намъ до Кракова*“. Кондратъ же возвеселился сердцемъ и возрадовался душею о княженьи Краковскомъ и выѣхалъ тѣмъ же часомъ... но прискакалъ опять въ Любомль. Ему хотѣлось прежде побесѣдовать о томъ съ господиномъ своимъ Владиміромъ Васильковичемъ: онъ что скажетъ? Владиміръ же не велѣлъ ему къ себѣ придти,

но сказалъ Ольгѣ Романовнѣ: „поговори съ нимъ да и отправь его, а у меня что жъ ему тутъ дѣлать?“ Княгиня, переговоривъ съ Кондратомъ, передала его просьбу князю: „проситъ Кондратъ отпустить съ нимъ нашего воеводу Дуная“. Исполнили просьбу Мазовецкаго князя; дали ему небольшой отрядъ, отпустили съ нимъ воеводу Дуная. Но въ тотъ разъ мазовшанинъ не получилъ Кракова, ни даже самого Люблина. Когда онъ подступилъ къ Люблину, Ляхи затворились въ городѣ и не приняли его къ себѣ. „На что жъ вы привели меня?—звали къ себѣ, а сами затворились“—жаловался онъ горожанамъ.—А горожане отвѣтили: „мы тебя не привели и за тобой не посылали, но голова намъ—Краковъ, тамъ и воеводы наши и всѣ бояре великіе; ежели будешь княжить въ Краковѣ—мы твои“. Вслѣдъ затѣмъ пришла вѣсть: „*рать подступаетъ къ городу*“; всѣ думали: это Литовцы. Тогда Кондратъ съ боярами и дружинниками своими,—тутъ же былъ и Дунай воевода,—всполошились навстрѣчу подходившему войску,—похоже было: рать приближалась русская. Кондратъ послалъ спросить: „кто въ той рати воевода?“ и услыхали въ отвѣтъ: „князь Юрій Львовичъ“.—Сынъ галичьскаго князя, Юрій, захотѣлъ себѣ Люблина; дѣйствительно, онъ это и шелъ воевать Люблинскую область. Но—какъ Мазовецкому князю, также и Юрію Львовичу—люблинцы не отворили воротъ и заперли городъ; еще пригрозили, что будутъ биться крѣпко и похвалились: „княже! лихо ѣздишь: рать съ тобою мала! придутъ сильные наши полки: великъ твой срамъ будетъ“. Но Юрій Львовичъ не испугался ихъ похвальбы, пустилъ свои дружины воевать Люблинскую волость и взялъ много плѣнныхъ, пожегъ села и поля хлѣбныя, увелъ съ собой много челяди, также и скота и коней взялъ много. „*Срамъ великій*“ достался тотъ разъ лишь Кондрату Семовитовичу: „*лѣпше бы не живъ былъ*“, сказалъ онъ возвращаясь во-свояси. И послѣ того разгорѣлись страшныя междуусобицы во всей Польшѣ: „по семъ же бысть мятежъ великъ въ землѣ Лядьской“.

Юрій Львовичъ, воюя Люблинскую волость, разумѣется, съ воли отца своего Льва Даниловича – слѣдовалъ только общему преданію галичьскихъ и волынскихъ князей, не перестававшихъ отомщать Ляхамъ ту старинную обиду,

что они „отшукали“ эти земли у Руси. Но на самомъ дѣлѣ ни Юрій, ни отецъ его Левъ Даниловичъ вовсе не расчитывали въ ту пору удержать эти земли за собою; оба они все это время гораздо болѣе расчитывали увеличить свои волости наслѣдіемъ послѣ бездѣтнаго сродника своего Васильковича и не переставали еще надѣяться, что такъ или иначе, но часть его владѣній перейдетъ къ нимъ.

На слѣдующее же лѣто (1288 г.) къ больному Владиміру прибыли послы отъ Юрія Львовича; племянникъ жаловался дядѣ на своего отца: онъ, дескать, умаляетъ его сыновнія владѣнія; часть ихъ отбираетъ назадъ себѣ, —поэтому, чтобы смиловался дядя, сжалился надъ сокращеніемъ владѣній племянника своего: ихъ бы пополнилъ. Посолъ передалъ Владиміру Васильковичу жалобу племянника въ такихъ словахъ: „Дядя, господинъ мой! Богъ вѣдаетъ и ты, какъ я служилъ тебѣ всею правдой, имѣлъ тебя за отца себѣ, пожалѣй моей службы. Нынѣ, господинъ мой, отецъ отнимаетъ у меня городы, что далъ мнѣ: Бѣльзъ и Червенъ и Холмъ, а велитъ мнѣ быть въ Дрогичинѣ и въ Мельникѣ. Бью челомъ Богу и тебѣ, дядѣ своему, придай мнѣ Берестье: оно бы къ той же половинѣ было“.—Мельникъ и Дрогичинъ въ самомъ дѣлѣ составляли украйну Бреста,— но Владиміръ Васильковичъ отвѣтилъ такъ: „не дамъ, племянничекъ! Богъ вѣдаетъ и вся поднебесная—вѣдаешь и самъ ты—я лжецомъ никогда не былъ и рѣчей своихъ не двою; на чемъ покончилъ съ братомъ моимъ Мстиславомъ— ряду порушить не могу: далъ ему землю свою всю и городы, и грамоты *есмь* подписалъ“—съ этимъ назадъ и отправилъ племянникова посла; но не удовольствовался еще этимъ, а захотѣлъ увѣдомить о томъ и наслѣдника своего Мстислава. Больной приказалъ позвать слугу своего вѣрнаго, именемъ Ратьшу, и велѣлъ ему передать Мстиславу Даниловичу такія рѣчи: „прислалъ—скажи—ко мнѣ племянникъ мой Юрій, просить у меня Берестья; я же не далъ ему ни города, ни села, и ты—скажи ему—не давай ничего же“. Тутъ больной захватилъ въ руку соломы изъ постели своей и прибавилъ: „хотя бы, молъ, захотѣлъ дать такую же вехоть соломы—скажи—чтобы и того, послѣ меня, никому не давалъ“. Ратьша розыскалъ Мстислава (былъ онъ тогда въ Стожцѣ) и передалъ ему братнину рѣчь. Мстиславъ

же велѣлъ передать своему двоюродному брàту благодарность въ такихъ словахъ: „ты мнѣ братъ, ты мнѣ и отецъ мой король-Данiилъ: принялъ меня подъ свою руку! Что велишь—слушаясь тебя, все исполню“, и отпустилъ Ратьшу, одаривъ его богато.

Прислалъ, наконецъ, къ Владимiру Василькович у пословъ своихъ и братъ его двоюродный (родной Мстислава-наслѣдника) самъ Левъ Даниловичъ, отецъ Юрьевъ. И посолъ отъ него былъ важный: города Перемышля галичскiй епископъ, именемъ Мемнонъ. Доложили князю: „Владыко, господине, прiѣхалъ“. Онъ же спросилъ: „который Владыко?“ ему отвѣтили: „Перемышельскiй, ѣдетъ отъ брата твоего, Льва“.— Владимiръ же *„бъ разумѣя древняя и задняя на что прiѣхалъ“* велѣлъ принять. Онъ вошелъ и доземи поклонился князю, потомъ сказалъ: „братъ твой кланяется тебѣ“. Князь велѣлъ ему сѣсть. И началъ Мемнонъ посольство править: „братъ тебѣ, господине, молвитъ: старый твой дядя и мой отецъ, говоритъ, Данило-король—лежитъ въ градѣ Холмѣ у Святой Богородицы. И братья мои и твои, сыновья его, говоритъ, Романъ и Шварно тамъ же лежатъ,—всѣхъ ихъ кости тамъ. А нынѣ слышимъ немощь твою великую: такъ не изгасилъ бы ты свѣчи надъ гробомъ стараго дяди своего и братьи своей,—а далъ бы свой городъ Берестiй: то бы твоя свѣща была“.

Владимiръ Василькович ъ, по насмѣшливости своей и проницательности весь въ дѣда своего Романа-великаго, понималъ въ притчахъ слова темныя. Онъ внимательно слушалъ епископа и далъ ему кончить; потомъ много приводилъ ему отъ книгъ *„зане бысть* книжникъ великъ и философъ, какого не было и не будетъ“. И вдругъ заключилъ такъ: Рцы моему брату: *Льве Княже*! думаешь ли ты, что я совсѣмъ ужъ изъ ума выжилъ, чтобы еще и такой пустой мудрености не разсудить? Мало развѣ тебѣ—скажи ему отъ меня—своей земли, что еще и Берестья захотѣлъ? У самого три княженья: Галичское, Перемышельское, Бѣльзское—и все, молъ, тебѣ недосыта? Мой родитель, а твой старый дядя,—скажи ему отъ меня,—Василько Романович ъ—скажи лежитъ въ Волынской епископiи въ городѣ Владимiрѣ у святой Богородицы: много ли ты надъ нимъ свѣчей поставилъ? что ни городъ далъ бы изъ своихъ княженiй—всякiй бы разъ и

свѣча была. То просилъ—скажи ему—для живыхъ, а наконецъ того ужъ и мертвымъ просишь! Не дамъ,—скажи. Хитрости ваши я также понимаю! ужъ не говорю: города, а села не возьмешь у меня—не дамъ". И Владиміръ на прощаньи богато одарилъ Владыку, ласково отпустилъ отъ себя: раньше того никогда у него и не бывалъ Мемнонъ*).

Такъ многострадальный сынъ Василька Романовича томился четыре лѣта; лѣкарства не помогали: болѣло хуже; вся мясная часть бороды отпала; пока еще не очень былъ боленъ, а могъ ходить и на конѣ ѣздилъ, онъ роздалъ убогимъ все имѣнье. Золото и серебро и драгоцѣнное каменье,—золотые и серебряные поясы родительскіе и собственные, монисты бабкины и матери своей, большія серебряныя блюда и золотые кубки—онъ самъ передъ своими очами обратилъ въ ломъ,—часть перелилъ въ гривны: разослалъ милостыню по всей землѣ. Стада свои роздалъ по убогимъ посельямъ; тѣмъ, у кого коней не было, особенно потерпѣвшимъ въ *„Телебузину рать"*. А самъ какъ Іовъ многострадальный, съ кротостью и терпѣніемъ переносилъ неисцѣлимую болѣзнь. Страшно было видѣть напослѣдокъ его раны: нижніе зубы и челюсть выгнили, *„бысть видѣти гортань"*. Когда послѣдній разъ захотѣлъ онъ быть въ церкви и причаститься, не могъ стоять отъ немочи въ предалтарьѣ, гдѣ стаивалъ обыкновенно, *„идъ же іереи совлачаху ризы свои"*,—уже все время послѣдній разъ сидѣлъ на стольцѣ. А послѣ того еще семь недѣль мучился въ изнуреньи: пищи ужъ не принималъ, развѣ одной воды, и то по глоткамъ. Послѣдняя недѣля была особенно тяжела для больного; въ четвергъ на ночь онъ началъ изнемогать, а на разсвѣтѣ, какъ было проснуться курамъ, позналъ въ себѣ духъ ко исходу души и, воззрѣвъ на небо, воздалъ хвалу Богу: „Боже безсмертный! хвалю Тебя обо всемъ: Царь бо еси всѣмъ Ты единъ во-истину! Творецъ міра, подающій твари богатство наслажденія и всѣхъ милуешь благодатью Своей—притекающихъ къ Тебѣ". Въ молитвѣ и предалъ душу свою: приложился къ отцамъ своимъ и дѣдамъ, *отдавъ об-*

---

*) *„Чтобы не перестала память родителей и свѣча надъ нимъ не угасала"*—стариннѣйшее выраженіе о благочестивомъ обычаѣ по покойнымъ, доселѣ соблюдающемся въ русскомъ народѣ.

щій долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому. „Гордости въ немъ не бяше“,—запомнилось въ народѣ слово объ этомъ сынѣ кроткаго Василька, внукѣ великаго-Романа; дивились и тому, какъ потомъ его Княгиня всю свою остальную жизнь чтила его память и поклонялась его имени, „*содержа всякое благовѣріе* по преданію его“.

А его наслѣдникъ, не могшій тогда ускорить ко дню похоронъ, а пріѣхавшій съ боярами своими во Владиміръ-волынскій уже послѣ погребенья,—и плакавшій надъ гробомъ двоюроднаго брата, какъ по отцѣ своемъ королѣ, Мстиславъ Даниловичъ не успѣлъ еще отереть и слезъ своихъ, какъ уже былъ увлеченъ вихремъ разразившихся междуусобій. Юрій Львовичъ опередилъ его въ Берестьѣ: занялъ тамошній городъ военнымъ постоемъ. Еще Владиміръ Васильковичъ лежалъ при смерти, а ужъ въ Брестѣ нашлись крамольники между бояръ; они послали сказать Юрью: „какъ только дяди твоего не станетъ—ты нашъ князь, а мы твои, городъ твой“,—онъ и вокняжился въ тамошнихъ волостяхъ послѣ скончавшагося князя—по совѣту Берестянскихъ крамольныхъ бояръ. Услыхавъ о томъ во Владимірѣ-волынскомъ, всѣ пришли въ негодованье. Бояре покойнаго князя и дружинники самого Мстислава говорили въ одинъ голосъ: „Нельзя перенести такого срама! тебѣ далъ Богъ и братъ твой, и молитва дѣда твоего и отца твоего, а племянникъ возсталъ противъ: можемъ за тебя свои головы положить. Вели, господине, идти на Бѣльзъ и на Червень; первое дѣло—займи племянникову волость, а тамъ ужъ и къ Берестью пойдемъ“. Но у Мстислава сердце было незлобивое, онъ сказалъ: „не дай мнѣ Богъ пролить кровь неповинную; я поступлю, какъ Богъ велитъ и по благословенью брата своего Владиміра“; немедленно отправилъ пословъ къ Юрью и велѣлъ имъ передать свой гнѣвъ племяннику въ такихъ словахъ: „Отвѣчай мнѣ: самъ ли ты сѣлъ своею волею въ Берестьѣ или повелѣніемъ отца своего? Вѣдь, вы знали оба и вся рать о томъ слышала, что мнѣ отдалъ Владиміръ свою землю и всѣ города послѣ себя. Ты самъ былъ въ томъ пути и зналъ о томъ гораздо: при царяхъ это было и при братниныхъ рядцахъ. Онъ самъ васъ увѣдомилъ о томъ, и я также. Чтожъ вы тогда молчали, не молвили при царяхъ? отвѣчай немед-

ленно: отецъ-ли тебя послалъ? мнѣ это знать надо для того: пусть не на мнѣ та кровь будетъ, а на виноватомъ. Богъ правому помощникъ и крестъ честный. Ужъ я послалъ къ Царю съ жалобой, а ты сиди пожалуй. Не выѣдешь добромъ, такъ выгонятъ же силой". Одновременно отправилъ онъ отъ себя посломъ Владиміро-волынскаго епископа и къ брату, ко Льву Даниловичу, съ такими словами: „Жалуюсь Богу и тебѣ: ты мнѣ старшій братъ. Дай отвѣтъ: своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Берестьѣ или твоимъ повелѣніемъ? ежели это отъ тебя учинилось, скажу тебѣ не таясь: я уже обратился къ татарамъ, пристроиваюсь и самъ,—какъ меня Богъ съ вами разсудитъ—не на мнѣ будетъ та кровь, а на виноватомъ". Левъ смутился,—еще не сошла у него оскомина послѣ Телебужиной рати,—и онъ далъ отвѣтъ епископу въ самомъ примирительномъ духѣ. „Занялъ, дескать, Юрій Берестье безъ вѣдома отца и какъ только это случилось—одинъ Богъ вѣдаетъ; но пусть не печалится братъ Мстиславъ: отецъ велитъ сыну оставить чужое".

Радъ былъ Мстиславъ такому отвѣту и воротилъ съ дороги отправленныя уже имъ бумаги съ жалобой татарамъ на свою братью, а въ Брестъ послалъ довѣренныхъ людей слѣдить за поведеніемъ племянника,—если же онъ выѣхалъ, то приготовить кормъ и питье въ Брестѣ и въ Каменцѣ, все, что надо для своего пріѣзда. Посланные дали знать вскорѣ, что Левъ Даниловичъ, дѣйствительно, прислалъ повелѣніе сыну: „Выѣди вонъ изъ города; братъ мой послалъ возводить татаръ, земли не губи";—къ этому князевы люди добавляли: „племянникъ выѣхалъ, а къ твоему, княже, пріѣзду все готово". Впрочемъ, Юрій Львовичъ выѣхалъ не безъ того однакожъ, чтобы не забрать предварительно все, что могъ, изъ добра своего дяди: ни въ Каменцѣ, ни въ Брестѣ, ни въ Бѣльскѣ двора не осталось, который бы не былъ ограбленъ. Когда вслѣдъ затѣмъ Мстиславъ пришелъ въ Берестье, *„срѣтоша его гораждане со кресты отъ мала до велика и пріяша съ радостью великою"*: заводчики крамолы выбѣжали вонъ; всѣ передались Юрью, обѣщавшему имъ и цѣловавшему на томъ крестъ, что онъ не выдастъ ихъ своему дядѣ. Изъ Бреста Мстиславъ съѣздилъ еще въ Каменецъ и въ Бѣльскъ *„и рады быша ему вси люди"*. Всюду ввелъ онъ на постой свои дружины, а Брестъ еще и на-

казалъ за учиненную крамолу. Возвратясь туда изъ своего объѣзда, онъ спросилъ у бояръ: платитъ ли ихъ городъ *ловчее?* повинность, заключавшаяся въ томъ, чтобы хлѣбомъ, медомъ, зерномъ и льномъ, курами и овцами, населеніе довольствовало ловчихъ Князя. На его вопросъ: *„есть ли здѣсь ловчее?“* ему отвѣтили: „не было, господине, изъ вѣка“. Тогда Мстиславъ отвѣтилъ: „крови не хочу видѣть Берестянъ, но за ихъ крамолу велю установить ловчее“. И повелѣлъ своему писцу грамоту писать такъ: „Се азъ, Князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны за ихъ крамолу“—и перечисливъ *сколько со всякаго ста* должно сходить въ подробности по каждой изъ статей, прибавилъ въ заключеніе: *„а вписалъ есмь въ лѣтописецъ крамолу ихъ“*. Тогда же литовскій князь Бурдикидъ и братъ его Буйвидъ „даша князю Мстиславу городъ свой Волковійскъ, дабы съ ними миръ держалъ“, а мазовецкій князь Кондратъ Семовитовичъ „просилъ себѣ помощи на Ляховъ, хотя пойти на княженіе Сендомирское“. И Мстиславъ исполнилъ его просьбу, послалъ свои рати: *„тако сяде* Кондратъ князь въ Сендомирѣ *помощью королева сына* Мстислава“. Но въ Польшѣ возгорѣлась междуусобная война въ обширныхъ размѣрахъ,—по сосѣдству и въ здѣшнемъ краѣ смуты не прекращались...

Владиміръ-волынскій и Галичъ, такимъ образомъ, не имѣвшіе болѣе опоры въ переставшемъ существовать Кіевѣ и не имѣя въ тамошнихъ раззоренныхъ мѣстахъ никого, кромѣ Татаръ по сосѣдству,—а другъ съ другомъ состоявшіе опять въ раздорѣ изъ-за рубежей, изстари неопредѣленныхъ между ними—Волынь и Галичъ, при татарахъ, не имѣли уже оплота и въ остальной Руси, отрѣзанные отъ нея „Литвою“ и упираясь въ „Литву“. По сосѣдству съ Ляхами не переставая вмѣшиваться въ ихъ распри—то подавая помощь мазовецкимъ князьямъ, то защищая отъ нихъ же свои родные предѣлы—Волынь при татарахъ все болѣе и болѣе подвергалась натиску своихъ западныхъ сосѣдей. А такъ какъ мазовецкіе князья растеряли къ тому времени добрую половину своихъ владѣній, сдавъ ихъ нѣмцамъ (Ордену Тевтонскихъ рыцарей, слившихся съ Ливонскимъ), сами нѣмцы очутились еще напослѣдокъ сосѣдями Волыни. Ей ужъ больше некуда было прислониться: сосѣдніе *Дряговичи* и смоленскія

владѣнія и полоцкія составляли тогда особливую страну *вић монгольскаго ига*: русско-литовское княжество. Еще южно-русскіе князья, потомки великаго-Романа, всячески поддерживали личныя связи съ князьями сѣверной Руси: такъ, напримѣръ, Даніилъ Романовичъ выдалъ свою дочь за брата Невскаго, за Андрѣя Ярославича, а его внукъ Юрій Львовичъ былъ женатъ на дочери (брата же Невскаго) Ярослава Ярославича тверского. Но связь обѣихъ половинъ древней Руси, старинная связь сѣверноруссскихъ и южнорусскихъ княженій—пресѣклась: между ними поперегъ дороги стала „Литва". Она доходила уже до тѣхъ южно-русскихъ предѣловъ, гдѣ на опустѣломъ черниговo-переяславскомъ пограничьѣ была степь, чернѣвшая лишь стойбищами татаръ,—гдѣ вмѣсто прочихъ древнихъ княженій находились лишь притоны въ родѣ Ахметовыхъ слободъ и гдѣ собственно такъ-называемой Кіевской области, какъ и самого Кіева—не существовало. Галичъ и Волынь, такимъ образомъ, казались уже замкнутыми одиноко и оторванными отъ *„всея Руси"*.

Но самый этотъ титулъ *„всея Руси"*, нѣкогда принадлежавшій стольному Кіеву, а послѣ того перенятый на себя стольнымъ городомъ Владиміромъ, болѣе уже не принадлежалъ теперь ни одному изъ городовъ Русской Земли, ни одному же и изъ князей ея. Ибо не только про южную кіевскую Русь, а можно было одинаково сказать, и про сѣверную Русь владимірскую, что и ея тогда болѣе не существовало. Владиміръ-залѣсскій уже тщетно носилъ титулъ великокняжеской столицы. Ни одинъ изъ князей, присвоивавшихъ себѣ по немъ именованіе Великаго Князя, уже не имѣлъ дѣйствительной силы, ни даже правъ и обязанностей, съ этимъ титуломъ сопряженныхъ. Изъ всѣхъ преемниковъ Александра Невскаго, послѣдовавшихъ за нимъ великихъ князей—Ярославъ Ярославичъ, Василій Ярославичъ, Дмитрій Александровичъ, Андрѣй Городецкій—всѣ прошли мимо, не оставивъ памяти на Руси.

Слава потомковъ Александра Невскаго въ роду Даніила.

Только младшій сынъ Невскаго, унаслѣдовавъ святую память родителя своего, оставилъ въ свою очередь непрехо-

дящее наслѣдіе дѣтямъ; не погибла, благодаря ему, старинная слава Мономаха и Владиміра Святаго: именно черезъ Даніила увѣковѣчилась въ дальнѣйшемъ ихъ потомствѣ и *во вѣки жива* до сихъ поръ. Самъ Даніилъ Александровичъ, какъ уже извѣстно, изъ всѣхъ сыновей Невскаго, княживших по смерти отца, одинъ только и не былъ „Великимъ Княземъ“ на своемъ вѣку: онъ былъ *Московскій Князь*,—и только. Но не далѣе, какъ родной его сынъ носилъ уже такой титулъ, котораго не присвоивалъ себѣ даже родоначальникъ ихъ дома Всеволодъ Большое Гнѣздо въ лучшую пору своего могущества. Послѣ Даніила Александровича осталось нѣсколько сыновей, но выдались два: наиболѣе извѣстенъ Иванъ Даниловичъ (будущее прозвище Калита). Скромный родитель Калиты, „Князь московскій“, носилъ такой титулъ, который по новости казался незначительнѣе всѣхъ прочихъ и никого изъ старшей братіи не прельщалъ славой, а самъ *Калита* уже титуловался и подписывалъ государственныя бумаги такъ: „*Великій Князь Московскій и всея Руси*“ *) Безспорно, самъ Иванъ Даниловичъ умножилъ и упрочилъ на своемъ вѣку доставшееся ему отъ отца наслѣдство: ему собственно и обязана Москва дальнѣйшимъ своимъ возвышеніемъ. Но то самое, что сынъ могъ до такой степени выдаться впередъ между всѣми прочими князьями, составляетъ уже неотъемлемую заслугу его отца. Ибо родоначальникъ московскихъ князей вмѣстѣ съ благоустроившимся удѣломъ своимъ, можно-бы сказать, передалъ имъ и свой завѣтъ; оставилъ имъ не только добрую по себѣ

*) То и знаменательно въ жребіи Даніила! изъ всѣхъ колѣнъ, поколѣній и линій обширнаго Рюрикова потомства, именно лишь та самая линія, въ которой Даніилъ занимаетъ какъ разъ середину и которая черезъ него произвела царей Московскихъ—только одна она и отличается нерушимою цѣльностью и непрерывностью того преемства, о которомъ сохранилось древнее выраженіе: „*Государи Великіе князья отъ отца къ сыну великое княженье передавали*“. Какъ въ восходящемъ рядѣ предшественниковъ Даніила (до самаго Рюрика), такъ и въ нисходящемъ рядѣ его потомковъ (до послѣдняго Рюриковича на престолѣ, Ѳеодора Іоановича)—всего 21 степень—всѣ „*отъ отца къ сыну*“ престолъ передавали и всѣ-же были „Великіе Князья“, кромѣ самого Даніила. Одинъ онъ—девятый отъ Владиміра Святаго и имѣющій послѣ себя девятымъ Ѳеодора Іоанновича—во всей этой линіи составляетъ исключеніе, какъ именно звавшійся просто „Московскимъ Княземъ“,—и такъ вышло, можно бы сказать, по самой сущности эпохи, въ которую онъ княжилъ.

вотчину, но и добрую память; безъ преувеличенія можно сказать, благочестивою памятью, утвердившеюся объ немъ въ народѣ, Даніилъ уже не переставалъ напоминать о себѣ всѣмъ своимъ потомкамъ изъ рода въ родъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если на дальной окраинѣ юга бѣдствовавшей тогда Руси добрый сынъ Василька Романовича завѣщалъ свой Владиміръ-волынскій кроткому и правдивому Мстиславу за то именно, что онъ *„не бяшетъ гордъ“*—стократъ это можно повторить о Даніиловомъ наслѣдствѣ, полученномъ имъ отъ Переяславскаго князя. Бездѣтный, скончавшійся на расцвѣтѣ лѣтъ и казавшійся не отъ міра сего, *князь Іоаннъ „толико бѣ добродѣтеленъ, яко многимъ дивитися о житіи его“*. Если выборъ его склонился въ пользу Даніила *(того паче всѣхъ любяше)*, разумѣется, за то, что нравъ самого Даніила наиболѣе отвѣчалъ его собственнымъ склонностямъ. Не даромъ притомъ запечатлѣлся Даніилъ и въ памяти всего народа, какъ *святой князь*, его же имя изъ рода въ родъ чтилось за святыню. Родоначальникъ Московскихъ Князей, какъ бы передавая имъ благовѣрные завѣты родителя своего Невскаго, праправнука Мономаха и правнука Владиміра Святаго, не переставалъ ихъ осѣнять памятью своей святости изъ вѣка въ вѣкъ. Московскіе Князья вскорѣ превознеслись выше всѣхъ прочихъ: имъ принадлежало безспорное первенство между всѣми и никто болѣе не дерзалъ равняться съ ними: стали уже достигать и череды царской. А святой Даніилъ не переставалъ ихъ осѣнять своею памятью: то благословлялъ, то грозилъ имъ,—не только споспѣшествовалъ благословеніями, но и грозилъ имъ.

Москва уже была при его сынѣ, какъ сказано, великокняжескою столицею, и Калита писался *„Великимъ Княземъ всея Руси“*; потомъ слѣдовали Даніиловы внуки: Симеонъ и Іоаннъ второй. Изъ нихъ первый высоко держалъ себя съ прочими князьями, какъ ихъ Повелитель, и заслужилъ отъ нихъ прозвище *„гордый“*, но Богъ ему не далъ вѣку; а второй—при своей слабости и немощи—потому только и числился дѣйствительно Великимъ Княземъ, что наслѣдовалъ *дѣдинъ и отнинъ престолъ Московскій*. Правнуки же и праправнуки Даніила были уже такими Великими Князьями *„Московскими и всея Руси“*, какъ Дмитрій Донской, побѣ-

дитель Мамая, и Василій Дмитріевичъ (женатый на Софіи Витовтовнѣ)—дѣдъ царя Іоанна III-го... Правда ли, однако, что имя родоначальника Московскихъ Князей чтилось въ народѣ за святыню? правда ли еще и то, чтобы сами его потомки слѣдовали благовѣрнымъ завѣтамъ своего благочестиваго предка? Отъ нихъ самихъ зависѣло, конечно, послѣдовать добру или не послѣдовать; но что предокъ имъ не переставалъ изъ вѣка въ вѣкъ напоминать о себѣ—подтверждается всенародными преданіями о Даніилѣ.

О томъ сохранилось драгоцѣннѣйшее свидѣтельство именно отъ царственныхъ временъ Іоанна III-го. Тогда Даніилъ явился у своего гроба, на берегу Москвы-рѣки, одному придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему, и сказалъ: *„рцы великому Князю Ивану: се бо самъ всячески себе утѣшаеши, меня же забвенью предалъ еси“*. И съ того времени Иванъ Васильевичъ уставилъ пѣть соборныя панихиды о душахъ родственниковъ своихъ. А въ княженіе его сына Василія Іоанновича (это ужъ отецъ Грознаго) бояринъ Иванъ Михайловичъ Шуйскій, ѣздя за государемъ въ тѣхъ-же мѣстахъ на царской охотѣ, позволилъ себѣ непочтительно отнестись къ памяти Даніила, вздумалъ вскочить на коня съ надгробнаго его камня,—но былъ пораженъ замертво и вылѣчился молебнами, отпѣтыми на томъ мѣстѣ. Также и въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго огласилось по всей Москвѣ, что умиравшій сынъ одного купца московскаго получилъ исцѣленіе у гроба Даніила,—были еще и другія знаменья. Удивленный такимъ чудомъ, Иванъ Васильевичъ Грозный велѣлъ возстановить—не только запустѣлую, но и вконецъ упраздненную Даніилову обитель: вновь поставить кельи и собрать иноковъ для общежитія,—самъ же богато украсилъ древній монастырь, построилъ тамъ каменную церковь.

Даніиловъ монастырь, такимъ образомъ, во время Ивана Васильевича Грознаго возобновился: въ числѣ своихъ храмовъ имѣлъ уже и такой, который отличался свѣтлостью и красотою; а приснопамятный князь (хотя было и полузабытый возвеличившимися своими потомками), свято-поживший и свято почивший основатель этого монастыря все еще, по собственному завѣщанію, почивалъ на братскомъ кладбищѣ внѣ церковной ограды. И вотъ когда именно, въ самые дни царственнаго величія Москвы, можно-бы сказать: въ самый

расцвѣтъ ея пышной славы—просіяла сіяніемъ святыни и сама могила покоившагося на *мѣстѣ святѣ*. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича была обрѣтена гробница Даніила: совершилось и перенесеніе мощей его съ заглохшаго монастырскаго кладбища подъ сѣнь главнаго изъ храмовъ. „Донынѣ“—записано исторіографомъ—„сохраняется въ семъ монастырѣ слѣдующая надпись: *въ лѣто* 6811 († 1303 г.) мѣсяца марта въ 4-й день преставился благовѣрный великій князь московскій схимомонахъ Даніилъ Александровичъ; мощи же его обрѣтены по откровенію въ лѣто 7160 (1652 г.) августа въ 30-й день, и повелѣніемъ Великаго Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи самодержца, перенесены въ церковь, что во имя седьми вселенскихъ соборовъ“.

Такимъ образомъ, не только съ вѣками не изгладилась, а напротивъ того, изъ вѣка въ вѣкъ все болѣе свято почиталась память родоначальника „великихъ князей и царей московскихъ“, предвозвѣстившаго основаніемъ своего княжества будущую его славу. Самая эта неразрывность памяти Даніила (чье княженіе прошло въ мірѣ тихо и незримо) съ судьбами возвеличившихся до череды царской Даніиловыхъ потомковъ и служитъ нѣкоторымъ извиненіемъ той суетности людской, которая дала поводъ искать среди царственныхъ могилъ—и его схимническаго гроба.

Литва и „Корона Литовская“.

II. До временъ Ягайла и Витовта.

Въ отношеніи такъ называемаго *„литовскаго государства“* нашествіе татаръ и монгольское иго на Руси произвели три огромныхъ послѣдствія, одно другого—важнѣй для Литвы и благопріятнѣе.

Во-первыхъ, татары при нашествіи Батыя, разворивъ Кіевъ и Волынь, двинулись было прямою линіей къ Бресту, но быстро тою же прямою линіей поспѣшили возвратиться назадъ: дальше Бреста не пошли. Также, когда при завоеваніи Владимірской области жгли Москву, они не подались отъ нея далѣе на западъ—не только къ Полоцку или Витебску, не коснулись даже и смоленскихъ

мѣстъ. Вся древлезовомая Кривьская земля, такимъ образомъ, осталась въ неприкосновенной цѣлости: а это и есть зовомая Литва тѣхъ временъ. Ни татарскаго нашествія, ни монгольскаго ига, коротко сказать, *лютаго Батыева пленения*, здѣсь не было и слѣда. Полоцку и Витебску, Слониму и Новогрудку, Вилькомiру и Кернову не грозило ни малѣйшей опасности отъ баскаковъ,—въ здѣшнихъ мѣстахъ можно было знать не знать и вѣдать не вѣдать: какъ о чемъ думаютъ въ Ордѣ.

Во-вторыхъ, тогда именно больше прежняго, и потомъ во всю татарскую годину, сами Русскіе выгораживали особливость „Литвы“ противъ остальной Руси; сами и указывали Татарамъ, что тамъ ужъ не ихъ власть и не ихъ земля, а „Литовская“. И эта постоянная ссылка Русскихъ на „Литву“ въ свое оправданіе, что, дескать, она повоевала и завоевала, отторгнула къ себѣ часть то смоленскихъ, то черниговскихъ, а то и Волынскихъ земель—постоянно же приводила Татаръ въ негодованіе. „Вы все жалуетесь на Литву,—говорили ханы,—возьмите же у насъ войско, мы пришлемъ помощь отъ себя, и воюйте, покоряйте Литву“. Но Русскіе ее не покоряли; а изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе все болѣе прилагали къ ней смежныхъ земель, ссылаясь на литовскіе захваты: по сосѣдству было выгодно включиться въ составъ Литвы,—это значило выйти изъ окрестностей, на которыя простиралось монгольское иго. Но города недвижны, а что касается до ихъ народонаселенiй—то вольному воля,—и *„уйти въ Литву“* по тогдашнiмъ временамъ было самымъ обычнымъ дѣломъ *). А какъ только началось ослабленіе Орды,—даже ранѣе того, когда за богатствомъ дани съ Владимiрскаго княженія и съ Новгоро-

*) Правда, раза два волынскіе князья (Левъ Даниловичъ и его сынъ Юрій Львовичъ), воюя по собственнымъ личнымъ досадамъ съ „литовскими князцами“ и съ мазовецкими князьями, пробовали призывать себѣ Татаръ въ помощь; но пользы не вышло, а всю же Волынь и разграбили тогда татары. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому случаю: „Все пограбиша поганіе; творящеся на помощь пришедше, обратишася на пакость... Се же написалъ памяти дѣля и пользы ради“, остерегая впередъ призывать къ себѣ татаръ на помощь. Правда и то, что сами татары вторгались иногда въ предѣлы Литвы и Польши: тогда требовали и содѣйствія галичскихъ и волынскихъ князей; но подневольное содѣйствіе Руси всегда въ этихъ случаяхъ было слабо.

да, монголы не особенно держались по опустѣлымъ окраинамъ за цѣлость своихъ владѣній, смежныхъ съ древними Дряговичами,—всѣ тѣ мѣста одни за другими стали быстро включаться въ составъ Литвы. Напослѣдокъ, уже только развѣ еще насмѣхъ татарамъ, можно было называть всѣ эти присоединенія „завоеваніями литовскихъ князей".

Въ-третьихъ, когда же Батыева Орда стала видимо клониться къ упадку и началось ея разложеніе на отдѣльныя ханства—царившіе въ Золотой Ордѣ ханы уже и не заглядывали въ сторону Кіева: здѣсь опять становилось люднѣе русскимъ народонаселеніемъ, а Татаръ убывало. Еще съ самаго начала, при Батыѣ, подъ Кіевъ присланъ былъ воеводствовать одинъ изъ самыхъ незначительныхъ темниковъ татарскихъ (Куремса), а въ XIV вѣкѣ Кіевскія мѣста уже вовсе не манили Золото-ордынцевъ. Все, что было между Монголами посильнѣе и поважнѣй—какъ только возобновились послѣ Узбека смуты въ Золотой Ордѣ—уже не отлучалось оттуда въ ожиданіи коренныхъ переворотовъ: ханы безпрерывно смѣняли другъ друга. Надзоръ татарскій за покоренными областями вообще слабѣлъ повсюду; а тѣ области, которыя плохо кормили и гдѣ управленіе почти не окупало издержекъ, прямо сказать, бросались татарами на произволъ судьбы. Въ Украйнѣ начали образовываться мертвые углы и запустѣлыя мѣста: это были земли по ихъ принадлежности къ тому или другому владѣнію—уже *ничьи*. Забираться этими опустѣлыми землями, разумѣется, нельзя было ни брянскимъ, ни козельскимъ, ни вообще курскимъ князьямъ, потому что они или перевелись вовсе, или уже были такъ ничтожны, что именно по ихъ-же безсилію всѣ тѣ земли и обратились въ *ничьи*. Также точно, никакъ еще не московскимъ и не владимірскимъ князьямъ возможно было забираться тѣми пустынными краями, а именно князьямъ такъ называемой Литвы.

Если еще при Миндовгѣ и Тройденѣ необычайно легкому захвату ими русскихъ городовъ содѣйствовали не отъ нихъ зависѣвшія, а постороннія благопріятныя причины, то во времена Гедимина — особливо-же при его сыновьяхъ, Кейстутѣ съ Ольгердомъ — эти выгоды для Литвы умножились стократъ. Захудалость не только пинскихъ и минскихъ князей, а даже галичскихъ и волынскихъ, а съ

тѣмъ вмѣстѣ шаткость и непредѣленность въ ихъ княженіяхъ—составляли къ этому времени уже общее явленіе всей южной Руси. Также и забросъ на произволъ судьбы русскихъ областей на окраинѣ татарскихъ владѣній становился все очевиднѣй: литовскимъ князьямъ оставалось дѣлать сплошныя присоединенія. За гранью татарскаго порабощенія—захудалыя княжества, города и народонаселенія представляли обрывки и отрывки, не составлявшіе ничего цѣлаго. Литовскіе завоеватели почти однимъ движеніемъ войскъ могли уже занимать огромныя пространства земель. Когда, напримѣръ, Гедиминъ пошелъ къ Кіеву, на всемъ пути ни одинъ городъ не оказалъ ему сопротивленія, и вездѣ, до самаго Луцка, онъ назначалъ старостъ и сажалъ начальниковъ,—не какъ въ непріятельской землѣ, а какъ въ самомъ Полоцкѣ и Витебскѣ. При его сыновьяхъ, Ольгердѣ и Кейстутѣ, Кіевъ уже числился принадлежавшимъ къ „Литвѣ“; а нѣкоторые приписываютъ побѣдительный походъ на Кіевъ самому Гедимину. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, Татары велѣли подвластнымъ русскимъ князьямъ выступить противъ Гедимина; но если подневольная брань Руси съ Литвой по приказу татаръ и въ прежнее время велась слабо и неохотно, оканчиваясь ничѣмъ—теперь и подавно. Если подъ Кіевомъ, вмѣстѣ съ немноголюднымъ татарскимъ войскомъ, дѣйствительно, выступили тогда еще менѣе многолюдныя дружины нѣкоторыхъ мелкихъ русскихъ отрядовъ—все должно было бѣжать передъ литовскими знаменами въ виду многочисленныхъ русскихъ-же полковъ. Гедиминъ, встрѣтивъ жалкій сбродъ этихъ не имѣвшихъ охоты биться и другъ другу чуждыхъ воиновъ, нанесъ имъ пораженіе—какъ говорятъ—при рѣкѣ Ирпенѣ, въ 30 верстахъ на западъ отъ Кіева,—и вступилъ въ городъ, носившій это имя... находившійся подъ мусоромъ и въ развалинахъ: начальникомъ былъ тутъ посаженъ нѣкій Миндовгъ Гольшанскій, крещеный въ православную вѣру.

Около того времени, какъ Гедиминъ замѣстилъ убитаго въ 1315 году Витена, скончался извѣстный Юрій Львовичъ, внукъ Даніила Романовича: это былъ послѣдній галицко-волынскій князь, державшій Волынь и Галичъ соединенными въ одно княженіе. Въ 1316 году здѣсь уже княжили сыновья его, два малоизвѣстныхъ Юрьевича, раздѣлившіе

опять Волынь и Галичъ между собою *). Но наслѣдіе Романа великаго пошло не впрокъ его захудалымъ и уже послѣднимъ потомкамъ. У одного изъ двухъ сыновей Юрія Львовича (Андрѣй и Левъ, скончавшіеся около 1323 г.) была дочь, выданная за мазовецкаго князя Тройдена Болеславича, и если былъ сынъ (Юрій II), то умеръ (1336 г.) не достигши совершеннолѣтія и безъ потомства. А отъ другого сына Юрія Львовича также не осталось мужского потомства; единственная наслѣдница дочь его родная вступила въ бракъ съ православнымъ княземъ, сыномъ Гедимина Любартомъ (крестное имя Ѳеодоръ), и принесла ему Владиміръ-волынскій въ приданое; Любартъ же Гедиминовичъ, получивъ по этому брачному союзу Волынскую область, не оставлялъ уже притязаній и на самый Галичъ **).

Литва временъ Гедимина, такимъ образомъ, захватывала своими предѣлами мало не всю южную Русь: собирателямъ здѣшнихъ земель—какъ сами Русскіе величали потомковъ Гедимина—оставалось уже на свою долю немного добирать въ эту сторону послѣ отца своего. Женатый дважды на русскихъ княжнахъ, также на русскихъ княжнахъ поженившій многочисленныхъ сыновей своихъ и выдавшій всѣхъ почти дочерей за русскихъ князей, Гедиминъ оставилъ дѣтямъ такое наслѣдство, которое отъ береговъ Нѣмана простиралось уже до низовій Днѣпра и Днѣстра. И это зовомое „русско-литовское княжество“, по устройству и управленію, по православію народонаселеній и самихъ правителей, по войску—всегда многочисленному, ибо состояло изъ русскихъ—наконецъ, по языку, употреблявшемуся литовскими князьями и въ судахъ и въ законодательствѣ всей страны—было княжествомъ вполнѣ русскимъ.

Римъ, между тѣмъ, не переставалъ считать Литву (Lithuania) въ числѣ своихъ епархій заодно съ „*Ливонскою цер-*

---

*) Кроткій и тихій Мстиславъ Даниловичъ, унаслѣдовавшій Волынь послѣ бездѣтнаго Васильковича, также въ свою очередь остался бездѣтнымъ: по смерти его, такимъ образомъ, и исполнилось давнишнее желаніе Юрія Львовича, искавшаго пріобрѣсти къ удѣлу отца своего, къ Галичу, и волынскую землю дяди своего Владиміра Васильевича.

**) Позднѣе (1350 г.) Любартъ Гедиминовичъ, овдовѣвъ, женился вторично на русской княжнѣ—дочери Константина Васильевича ростовскаго, племянника Симеона Гордаго.

ковью“ (Livonia). „Литва“ и „Ливонія“—какъ орудіе Папской политики противъ православной Руси—составляли тогда-уже самдругъ неразрывный. Папы не прекращали простирать своихъ видовъ на ускользнувшую изъ-подъ ихъ власти „Литву“—дѣйствуя именно черезъ преданную „Ливонію“. Но въ самой Ливоніи происходилъ тогда разрывъ: внутренній раздоръ, исключительно свойственный лишь римско-католическимъ странамъ, а такому государству, какъ Ливонія—въ особенности. Такъ какъ она была основана латинскими Бискупами, они же и почитали себя настоящими обладателями Риги и всей здѣшней страны,—но въ то же время право владѣнія и вообще всѣ верховныя права оспаривали у нихъ сами Рыцари—то вражда между Орденомъ и Архибискупствомъ Рижскимъ дошла, мало-по-малу, до явной борьбы. Дошло до того наконецъ, что Бискупъ затворился отъ Рыцарей въ своемъ каѳедральномъ Соборѣ и они мало не годъ держали Ригу въ осадѣ, готовясь взять ее приступомъ. Такая вражда и борьба, замирявшаяся между ними лишь на время взаимными уступками, неискренними съ обѣихъ сторонъ сдѣлками, уже не кончалась никогда, а все болѣе усиливалась. Съ жалобами другъ на друга бискупы и рыцари не переставали тогда обращаться къ папѣ. Въ томъ даже, что „Литва“ ушла при Миндовгѣ изъ подъ власти Рима—они обвиняли другъ друга; также точно и обратно, то-есть, то самое, что въ Литвѣ тѣмъ не менѣе продолжало еще удерживаться *римское вліяніе*—обѣ стороны приписывали себѣ. Рижскіе бискупы жаловались папѣ, что только поведеніе рыцарей отвращаетъ Литовцевъ отъ принятія христіанства: безъ рыцарей подчиненіе Литвы христіанской церкви давно бы и совершилось. По ихъ донесеніямъ: рыцари препятствовали утвержденію христіанства среди дикихъ племенъ своимъ алчнымъ властолюбіемъ и жестокими поборами,—и просили унять ихъ власть. Рыцари напротивъ того жаловались на рижскихъ бискуповъ и на все вообще городское управленіе Рижанъ, находившееся во власти духовной. По донесеніямъ рыцарей: бискупское управленіе вступало безъ всякаго права въ тайные союзы со здѣшними, покоренными оружіемъ рыцарей, дикими племенами и тѣмъ поддерживало ихъ упорство къ сохраненію язычества. Они представили папѣ доказательство даже того, что „литва-языч-

ники“ были не разъ приглашаемы Рижскимъ архибискупомъ въ помощь противъ самого Ордена. Въ виду такихъ противурѣчивыхъ жалобъ папы принимали сторону то бискуповъ, то рыцарей,—впрочемъ не препятствуя ни тѣмъ, ни другимъ продолжать „святое дѣло“ обращенія невѣрныхъ. Бискупы, дѣйствительно, вели тайные переговоры и поддерживали непрерывныя связи съ Литовскими князьями; кромѣ того, всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами простирали еще свое вліяніе и на литовскія народонаселенья. Подчиненные имъ латинскіе монахи находились, между прочимъ, и въ самой Вильнѣ, гдѣ у нихъ уже было два монастыря: францисканскій и доминиканскій.

Черезъ посредство Риги папа въ 1323 году получилъ посланіе отъ Гедимина: великій князь Литовскій изъявлялъ съ своей стороны полную готовность принять крещеніе въ римско-католическую вѣру, съ тѣмъ вмѣстѣ предлагалъ окрестить и весь народъ свой. На этомъ основаніи онъ просилъ запретить Ливонскимъ рыцарямъ воевать Литву, обвиняя ихъ въ томъ, что они ни мало не содѣйствуютъ введенію христіанства, при томъ еще и препятствуютъ Литовской державѣ вступать въ прямыя сношенія съ Римскимъ престоломъ: не допускаютъ союза съ Римомъ. Тогда же изъ Риги были отправлены отъ имени Гедимина грамоты къ монашескимъ орденамъ доминиканскому и францисканскому съ просьбою прислать побольше въ Литву такихъ монаховъ и аббатовъ, которые бы знали латинскій языкъ. Одновременно съ тѣмъ отъ имени-же Гедимина и также изъ Риги были разосланы грамоты по разнымъ городамъ Германіи съ предложеніями свободной торговли въ Литвѣ и присылки—сколько угодно будетъ—поселенцевъ всѣхъ сословій, дабы Нѣмцы разселились во всѣхъ земляхъ Литовскаго княжества на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, со многими льготами и привилегіями.

Обрадованный папа прислалъ повелѣніе Ливонскимъ Рыцарямъ немедленно прекратить военныя дѣйствія противъ Литвы въ виду ея предстоявшаго крещенія. Рижскій архибискупъ, вмѣстѣ съ Эзельскимъ, Дерптскимъ и Ревельскимъ бускупами, поспѣшили вступить въ мирные переговоры съ Гедиминомъ и торжественно заключили дружескій союзъ. Подчинился и Орденъ, тогда-же кончилъ войну, заключилъ

и съ своей стороны мирный договоръ съ Гедиминомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Ригу прибыли нарочные послы отъ папы и, утвердивъ всѣ заключенные договоры „Ливоніи съ Литвою“, отправились въ Вильну къ самому Гедимину—совершать водвореніе римско-католической вѣры въ его державѣ. Но произошло нѣчто, чего папскіе послы никакъ не ожидали. Короновать Гедимина и крестить его подданныхъ имъ не привелося; а пришлось съ позоромъ возвратиться назадъ, негодуя и клеймя въ свою очередь позоромъ „чудовищно-вѣроломнаго державца Литвы“, самъ-же онъ не признавалъ за собой никакой вины въ этомъ случаѣ. Обѣ стороны обвиняли взаимно одна другую и кто кого превзошелъ въ вѣроломствѣ—мудрено рѣшить. Неграмотная и безсловесная Литва не иначе вела у себя всѣ письменныя дѣла какъ на русскомъ языкѣ, но съ Римомъ разумѣется не могъ-же Гедеминъ сноситься по-русски,—въ латинской перепискѣ съ Римомъ и вообще съ Западомъ, естественно, ему помогали сами Ливонцы: на то въ Вильнѣ не переводились отъ нихъ монахи и францинсканскаго и доминиканскаго орденовъ. Оказалось, что усердные помощники—въ тѣхъ отправленныхъ черезъ Ригу латинскихъ грамотахъ—позволили себѣ написать много лишняго отъ имени Литовскаго державца. По крайней мѣрѣ, когда потомъ на его голову обрушились громы Ватикана, и на всемъ Западѣ стали его называть сверхестественнымъ лжецомъ и обманщикомъ, предтечей антихриста, поправшимъ законы природы и человѣческій, самъ Гедиминъ оправдывался именно неисправностью *„писцовъ латинскихъ“*, которые невѣрно передали его рѣчи.

Не по чьимъ либо недостовѣрнымъ словамъ, а по свидѣтельству самихъ Легатовъ папы, они нашли въ Вильнѣ совсѣмъ не то, чего ожидали. Они были очевидцами страшной ненависти къ латинству всего здѣшняго народонаселенія; видѣли къ тому-же въ Вильнѣ къ крайнему своему удивленію православные храмы. По ихъ словамъ, язычники-литва открыто грозились Гедимину, что они не только свергнутъ его съ престола, но истребятъ весь родъ его и подымутся всѣми Пруссами и всею Жмойтью, если онъ станетъ вводить *„нѣмецкую вѣру“*. А такъ какъ русскаго народонаселенія, противъ Литвы, было не вмѣру

больше по всѣмъ владѣніямъ Гедимина (собственно „литовцы“ составляли едва четырнадцатую часть населенія) и довольно-же было еще и крещеной обрусѣлой литвы—то и отъ всѣхъ православныхъ Гедиминъ слышалъ себѣ угрозы въ случаѣ, если склонится къ латинству: положеніе его было изъ затруднительныхъ. О Гедиминѣ извѣстно, что только для своей темной Жмуди и дикихъ Пруссовъ не оставлялъ онъ языческихъ обрядовъ,—а передъ кѣмъ было нужно, объявлялъ прямо, что вѣритъ „въ Святую Троицу и Единаго Бога“; всѣмъ своимъ сыновьямъ далъ волю креститься и (кромѣ Кейстута, которому именно Жемойть и Пруссы предназначались въ удѣлъ) всѣ они и дѣйствительно были крещены въ православную вѣру. При Гедиминѣ, такимъ образомъ, православіе не только не терпѣло стѣсненія, а еще самъ онъ у себя въ Вильнѣ и въ Новогрудкѣ далъ волю множить православные храмы. Тѣмъ ненавистнѣе для всѣхъ было торжественное прибытіе въ Вильну легатовъ папы и тѣмъ радостнѣе ихъ позорное удаленіе. Отпустивъ ихъ ни съ чѣмъ, Гедиминъ торжественно подтвердилъ полную свободу быть всѣмъ православнымъ по ихъ старинѣ, а въ угоду родной Корси, Жмуди и Пруссамъ усилилъ въ при-Нѣманской странѣ темное язычество и идопоклонство. Онъ объявилъ себя торжественно-же защитникомъ того вящаго язычества и сугубаго идолопоклонства, для веденія котораго требуются нарочитые жрецы и котораго,—прежде чѣмъ оно было нарочито установлено въ Вильнѣ именно въ это время—никогда не бывало въ здѣшнихъ мѣстахъ. Объ идольскихъ капищахъ или службѣ при нихъ, о Вайделотахъ и Вайделоткахъ и объ всемъ подобномъ—помину не было никогда прежде у полуобрусѣлой литвы: ни на самой Вилiи, ни на ея притокѣ „Святой“, гдѣ стоялъ Вилькоміръ. Въ Гедиминовой столицѣ поставили на холму, кромѣ Перуна, еще и другихъ болвановъ; зажгли негасимый огонь: *Знічь*. И огласилось къ радости темной Жмуди и дикихъ Пруссовъ, что сюда въ Вильну перенесено ихъ священное *Ромновэ*; сюда же въ сосѣдство Гедиминова дворца переведенъ и самъ *Кривекривейта* *). Простонародное торжество Корси, Жмуди и

*) Такимъ образомъ то древлее языческое требище, которое во время-оно скрывалось въ священной дубравѣ глухого Поморья и, тѣснимое

Пруссовъ, такимъ образомъ, было полное. А русь и старинная обрусѣлая литва радовались, по крайней мѣрѣ, избавленію своего края отъ введенія латинства, чѣмъ было уже похвалились пріѣхавшіе въ Вильну послы отъ папы. Тѣмъ ожесточеннѣе—вслѣдъ за громами Ватикана, грянувшими на ослушную Литву—принялись Ливонскіе рыцари снова воевать на кровавыхъ берегахъ Нѣмана; самъ Гедиминъ выступилъ противъ нихъ походомъ... это уже былъ его послѣдній походъ.

На правомъ берегу Нѣмана—въ томъ его Понизовьѣ, гдѣ сидѣла низовая Литва (Жмойть)—былъ воздвигнутъ крѣпкій городокъ *Велона* въ отпоръ нѣмцамъ, почти на самомъ пограничьѣ съ тѣми землями, которыя были закрѣпощены прусско-ливонскими рыцарями. Они никакими силами не могли одолѣть этого городка; а брать его приступомъ не рѣшались, напуганные примѣромъ предшествовавшаго взятія одного изъ подобныхъ-же городовъ: то была страшная память уничтоженнаго ими острожка *Пилленe**). Избѣгая по-

---

смѣнявшимися тамъ завоевательными племенами, подвигалось изъ вѣка въ вѣкъ все ближе къ мѣстамъ русской Литвы,—требище, котораго не находили при Нѣмцахъ и тамъ уже, гдѣ къ нему опять было привыкли впослѣдствіи—(„*иде же нынѣ*“ говорили тогда „нѣмецкое *мѣстечко Гей: лигенбейлъ*“ (heiligen Beil) однимъ словомъ „Ромновэ“—нарочито было возобновлено въ самой Вильнѣ.

*) Рыцари, ведя безпрерывную войну на берегахъ Нѣмана, справляли большую часть этихъ походовъ въ видѣ увеселительныхъ прогулокъ, такъ и называли ихъ *рейзами* (Reisen). Случалось, что къ ихъ братіи наѣзжали сюда, въ покоренную ими страну Пруссовъ, рыцари и другихъ странъ Запада, со всѣхъ краевъ обширной „священно-римской Германской Имперіи“. Такъ въ 1336 году пріѣхали къ нимъ погостить изъ Германіи около двухъ сотъ князей, графовъ и простыхъ рыцарей: для нихъ великій магистръ, радуясь такимъ дорогимъ гостямъ, устроилъ родъ большой облавы на язычниковъ. „Рейзы“, впрочемъ, предпринималась съ цѣлью: „склонять невѣрныхъ къ принятію христіанства“. Какъ нѣкогда основатель Риги Альбертъ, такъ и его продолжатели не переставали тутъ „крестить Жмудь и Пруссовъ“. Позднѣе ихъ „крестники“ жаловались на всю Европу въ такихъ словахъ: „выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя. Онъ довелъ насъ до того, что мы должны ходить по-міру или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Рыцари хуже татаръ. Все, что ни родитъ земля наша и борти пчелъ—все у насъ побрали рыцари, не даютъ намъ ни звѣря убить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; уводятъ дѣтей нашихъ въ заложники; старшинъ нашихъ угоняютъ къ себѣ въ Пруссію

добнаго повторенія, они не рѣшились на этотъ разъ брать *Велоны* приступомъ, а выстроили по бокамъ ея два замка по сосѣдству и надѣялись выморить осажденныхъ голодомъ. Гедиминъ пришелъ на выручку осажденныхъ и, въ свою очередь, осадилъ самихъ Нѣмцевъ въ этихъ двухъ замкахъ. Съ Нѣмцами было тутъ нѣсколько огнестрѣльныхъ орудій—тѣхъ первобытныхъ тяжелыхъ самопаловъ, которые потомъ звались пищалями. Огнестрѣльное оружіе составляло тогда еще новость, только что начало входить въ употребленіе на Западѣ,—нѣмцы и поспѣшили обзавестись этою новинкой. Громъ ружейной пальбы казался литвѣ огнемъ Перуна: Гедиминъ былъ убитъ пулей. Онъ умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на любимаго коня, со своимъ любимымъ оруженосцемъ, съ охотничьими собаками, соколами,—и сожженъ по языческому обычаю Жмуди и Пруссовъ—въ Вильнѣ, въ такъ называемой долинѣ Свинторога съ частью непріятельской добычи и тремя—въ полномъ ихъ вооруженіи—плѣнными нѣмецкими Рыцарями.

Многочисленные сыновья Гедимина—православные: Явнутъ

въ тюрьмы; сестеръ и дочерей нашихъ уводятъ къ себѣ, а еще крестъ святой носятъ. Пожалѣйте насъ, мы такіе же люди, а не звѣри; рады бы христіанству, да хотимъ креститься водою, а не кровью". А когда рыцари не переставали навѣдываться къ своимъ „крестникамъ", эти привѣтствовали ихъ такими словами: „куда вы идете грабить насъ? безъ того не оберемся вашихъ ксендзовъ и прелатовъ: все у насъ отбираютъ, шерсть, медъ и молоко,—а христіанству плохо учатъ". Итакъ, Гохмейстеръ предпринялъ для своихъ гостей „прогулку" (Reise) къ острожку *Пилене*. Тамъ заперлось Жмуди до четырехъ тысячъ съ женами и дѣтьми, а старостою у нихъ былъ Маргеръ. Напрасно нѣмцы завалили рвы и били бревенчатый городокъ стѣнобитными орудіями: осажденные отражали всѣ приступы и не сдавались. Нѣмцы начали пускать зажженыя стрѣлы, напитанныя горючими составами: городокъ запылалъ. Тогда осажденные рѣшились погибнуть всѣ до одного. Сложили погребальный костеръ и стали жечь все, что у нихъ было; вслѣдъ затѣмъ начали избивать—отцы дѣтей, мужья женъ—и бросали трупы туда же въ костеръ. Послѣ того оставшіеся въ живыхъ раздѣлились по парно и одинъ другому вонзали мечи подъ сердце; послѣдніе изъ уцѣлѣвшихъ протягивали шеи подъ топоръ случившейся здѣсь старухи, слывшей за вѣдунью. Кончивъ дѣло, она, восхищенная неистовствомъ, бросилась въ огонь. Маргеръ, за всѣмъ наблюдавшій до конца, когда все уже совершилось, закололъ собственную жену въ подземельѣ острожка, а затѣмъ себя. Ворвавшіеся въ городокъ рыцари почти не нашли кого добивать и записали объ этомъ въ своихъ анналахъ.

(Іоаннъ), Наримонтъ (Глѣбъ), Любартъ (Ѳеодоръ), Коріатъ (Михаилъ) и самъ Ольгердъ (Андрѣй, принявшій передъ кончиной даже схиму), принадлежатъ всецѣло Русской Исторіи. Еще въ большей степени это можно сказать о сыновьяхъ Ольгерда: заодно съ русскими проливаютъ они кровь на Куликовомъ полѣ и, ничѣмъ не отличаясь отъ руси, повсюду—какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, также и въ Москвѣ—почитались за *своихъ* *). Но тутъ предѣлъ... Кейстутъ Гедиминовичъ былъ отцомъ *„литовскаго короля“* Витовта; а многочадный Ольгердъ Гедиминовичъ, вступивъ въ бракъ съ Тверскою княжною Ульяной Александровной, родилъ Ягайла.

Тутъ переломъ въ судьбахъ—уже не „Литвы“, а всего сѣверо-западнаго и юго-западнаго русскаго края. Времена Ягайлы и Витовта составляютъ тотъ предѣлъ въ исторіи „Литвы“, послѣ котораго она теряется изъ-виду въ Русской исторіи; ибо—какъ это общеизвѣстно—Ягайло *„приложился къ западнымъ“*, предалъ и всю родину Латынцамъ, соблазнясь брачнымъ вѣнцемъ Ядвиги и королевскимъ вѣнцомъ Польши. Правда, „Литовская корона“, о которой тогда-же возмечталъ Витовтъ, должна была блистать собственнымъ блескомъ независимо отъ *коруны* Польской. Но устроители брачнаго союза Ядвиги съ Ягайлой затѣмъ и вырвали молодую красавицу изъ нѣжныхъ объятій австрійскаго герцога Вильгельма, для того и передали ее *„волосатому дикарю Литвы“*, чтобы *eo ipso* совокупить „Литву“ съ Польшей. Духовные и свѣтскіе чины, магнаты польскіе затѣмъ и переняли на почтѣ корону Витовта и расшибли ее пополамъ, чтобы его „ойчизна“ не мнила быть королевствомъ, а была-бы *„привлащена къ корунѣ Польской“*.—Правда, что и послѣ того, какъ расшибленная Витовтова корона была—*„при замкѣ Краковскомъ и костелѣ святого Станислава“*—схоронена навѣки,—и зовомое поляками *„княжѣство“* считалось ими уже за неразрывную часть, лишь за придатокъ къ ихъ собственному королевству—сама Литва съ тѣмъ не соглашалась. Отстаивая свою независимость, Литва держалась сама о

---

*) Если изъ всѣхъ Ольгердовыхъ братьевъ одинъ только жемотейскій князь Кейстутъ крещенъ не былъ, однакожъ, онъ позволилъ крестить ся своей дочери и выдалъ ее замужъ за Тверского князя.

себѣ отъ Польши особо. За это послѣ Витовта стоялъ Свидригайло; изъ-за этого Александръ и Иванъ Черторійскіе убили ставленника Поляковъ презрѣннаго Жигмонта Кейстутовича и такъ далѣе и т. д. безъ конца. Но Римъ и польскіе магнаты для того и обворожили женскою прелестью и блескомъ короны „дикаго сына Литвы“—и манили дружествомъ со священною римскою Имперіей, прельщая соблазнительною для „дикаря“ приманкою, что будетъ и онъ со всею родиной *„къ обществу политическихъ народовъ присовокупленъ“*—для того именно, чтобы, отторгнувъ западный русскій край отъ православія, присоединить его къ латинской Польшѣ. Несмышленые изъ обрусѣлыхъ *„литвиновъ“* и сами *„русины“* изъ несмышленыхъ, всѣ гедиминовичи и рюриковичи здѣшнихъ мѣстъ—ссылались еще на установленное братское равенство между „Литвой и Польшей“—и самымъ простодушнымъ образомъ указывали на добровольность своего побратимства. Но ясновельможные паны отказывались даже понимать: чѣмъ еще могли быть недовольны эти несмышленые гедиминовичи и рюриковичи и о чемъ еще могла бы хлопотать „Литва“, послѣ того, какъ все предположенное уже было исполнено. И въ Литвѣ, какъ въ Польшѣ, *„дарованы были всѣ права латинской церкви“*, и въ Литвѣ *„дворянство латинской вѣры получало Польскіе гербы“*; и въ Литвѣ на всѣхъ были распространены *„привилегіи“*, кто только *„былъ Римской вѣры и кому были дарованы гербы“*... чего-жъ больше? И въ самомъ дѣлѣ, не прошло много времени—потомки Свидригайловъ и Чарторійскихъ, потомки всѣхъ почти рюриковичей и гедиминовичей здѣшняго ополяченнаго края, уже болѣе не походили на своихъ предковъ; многіе и множайшіе изъ „литвиновъ“ и „русиновъ“ стали уже по своей „смышлености превосходить даже коренныхъ Ляховъ... такова была эта новообразовавшаяся „Ягеллоновская Польша!“

Тутъ старой Польшѣ древле-чтимаго Пяста, дѣйствительно, былъ конецъ,—съ этого именно времени кончилась она, старинная Польша, съ которою изначала Русь никогда не вела брато-ненавистной вражды, а скорѣй—можно бы сказать—вступала еще то и дѣло въ братскіе союзы. Отселѣ кончилась Польша Пяста и началась *ягеллоновская*, разрознившіяся одна отъ другой въ конецъ—особливо-же во времена іезутовъ. По усвоеніи, съ Папскаго благословенія и импе-

раторскаго разрѣшенія, прелести Польскихъ гербовъ и въ упоеніи отъ избытка связанныхъ съ тѣмъ *привелегій* многіе изъ здѣшнихъ рюриковичей и гедиминовичей обратились въ Ляховъ, болѣе „заядлыхъ“, чѣмъ сами Ляхи. „*И оттолѣ даже доднесь бываетъ тако*“. Кровнымъ наслѣдникамъ преданій древле-чтимаго Пяста возможенъ еще, казалось бы, возвратъ къ ихъ родной старинѣ и есть куда придти домой; а этимъ „*заядлымъ*“, прямо сказать, дѣться некуда и возврата нѣтъ... развѣ къ родимой-же своей.—Дальнѣйшія стремленія „русско-литовскаго княжества“,—послѣ того какъ оно лишилось своего верхняго класса, передавшагося Латинцамъ,—и позднѣйшія попытки отстоять свою самостоятельность—казались уже заядлымъ Ляхамъ ягеллоновской Польши притязаніемъ хлопа вступить въ неравный бракъ съ семьею пана. Въ западной половинѣ Русской земли лишь простонародіе осталось напослѣдокъ вѣрно старозавѣтнымъ преданіямъ, утвердившимся здѣсь еще со временъ Владиміра Святого; бились изъ силъ нѣкоторое время и „грамотѣ умѣвшіе, годившіеся къ дѣлу“, отстаивая сколько могли цѣлость здѣшней Руси, чтобы она не была „привлащена къ коронѣ Польской“... но это были уже позднія и почти одинокія, во всякомъ случаѣ слабыя и жалкія попытки,—въ концѣ концовъ борьба за вѣру и народность сошла тутъ на борьбу именно лишь одного простонародья *). Не актами Городельской

---

*) О потомкахъ Даніила Романовича извѣстно уже, что они слѣдовали въ такомъ порядкѣ: внукъ его Юрій Львовичъ скончался въ 1316-мъ году; Андрѣй-же и Левъ Юрьевичи, правнуки Даніила, поминаются умершими въ 1324-мъ году,—наконецъ около 1337-го года значится умершимъ послѣдній ихъ мужской потомокъ, Юрій II, скончавшійся преждевременно и бездѣтно; затѣмъ черезъ женскую линію—по браку съ одной стороны Гедиминова сына, а съ другой Мазовецкаго Князя—часть здѣшнихъ земель поступила въ приданое Болеславу Тройденовичу, а другая—Любарту Гедиминовичу. Весь этотъ промежутокъ времени до самаго воцаренія въ Польшѣ Ягайлы составляетъ въ исторіи Галича и Волыни—какъ и понятно—самую темную страницу. Объ Юріи II, также какъ и объ его предмѣстникахъ, извѣстно только, что они дружили съ латинами—одинаково съ Ляхами, какъ и съ Нѣмецкими Рыцарями—переписывались съ ними грамотами на латинскомъ языкѣ,—привѣшивая къ грамотамъ и такія печати съ латинскими надписями, которыя не годилось бы употреблять Русскимъ Князьямъ. Такъ, напримѣръ, они величали себя уже западными титулами „*рексовъ*“ и „*дуксовъ*“, назывались то герцогами, то королями, смотря по тому, всю-ли разумѣли здѣшнюю зе-

уніи и Люблинской и всѣхъ прочихъ рѣшилась судьба здѣшняго края: такъ казалось лишь простодушнымъ поборникамъ „вольнаго побратимства“, и *несмышленымъ* спорщикамъ противъ Уніи,—въ дѣйствительности же и на самомъ дѣлѣ „привлащеніе къ Польской коронѣ“ было уже продиктовано брачнымъ договоромъ Ядвиги, втайнѣ отъ нея самой санкцированномъ духовными и свѣтскими чинами въ Римѣ и въ Краковѣ. Какъ только Ягайло, „прельстясь на мірскую прелесть и славу вѣка сего“, отдался Польшѣ,—въ тотъ мигъ и судьба всего русскаго западнаго края уже была предопре-

---

млю или только часть ея,—слѣдуя въ этомъ случаѣ чиноначалію, утвержденному на западѣ и самыя области свои называя уже не по-русски. Державецъ здѣшней Земли во всей ея цѣлости именовалъ себя *„Королемъ малорссіи“* (Rex Russiae Minoris), а владѣлецъ, напримѣръ, Владиміра-волынскаго именовалъ свой край *„Лодоміріей“* (?!) и звалъ себя *„герцогомъ Лодомиріи“* (dux Lodomiriae). Не много сохранилось свѣдѣній и о княженіи Тройдена Болеславича, принятаго по его клятвѣ народу пребывать въ православной вѣрѣ; но „въ угодность Папѣ и Польскому Королю Казиміру, своему родственнику“ совратившагося въ латинство. Возненавидѣнный всѣмъ народомъ, этотъ Болеславъ Тройденовичъ былъ отравленъ боярами,—при ревности обращать всѣхъ въ латинство, онъ отличался еще гнуснѣйшимъ любострастіемъ. Родство Польскаго Короля Казиміра съ отравленнымъ Тройденомъ Болеславичемъ дало ему поводъ вмѣшаться въ Галичьско-волынскія дѣла. Этотъ Король, прозванный Поляками *Великимъ*, вслѣдъ за кончиной Болеслава Тройденовича (1340 году) захватилъ Галичь изгономъ; а спустя еще нѣсколько времени (1347 г.) онъ-же *„Король Краковскій пріиде со многою силою, и взя лестью землю Волынскую, и много зла хрыстіанамъ сотвори, и церкви святыя преврати на латынское богомерзское служеніе“*. Этотъ Казиміровъ захватъ, впрочемъ, не имѣлъ значенія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, сынъ Гедемина Любартъ, наслѣдникъ здѣшнихъ владѣній по своей женитьбѣ на правнучкѣ Даніила Романовича, возвратилъ назадъ похищенное, а вскорѣ съ нимъ другіе Гедиминовы сыновья Олгердъ и Кейстутъ отвоевали еще у Ляховъ, сверхъ галичьскихъ и волынскихъ владѣній, многія при-Вислянскіе города,—а во-вторыхъ, послѣ Ольгерда, сынъ его Ягайло,—все равно—предалъ всю свою ойчизну Польшѣ. Сколько послѣ этого предательства, Русь югозападная и сѣверозападная ни отстаивали, подъ покровомъ „Литвы“ свою самобытность,—при чемъ Кіевъ съ частью Подолья и Волынь съ частью Галичины, дѣйствительно, не входили въ составъ Польскаго Королевства, а составляли особливое отъ него „Великое Княжество русско-литовское“—но ужъ державы св. Владиміра не было тутъ. Вся эта часть Русской Земли—на сѣверо-западѣ Полоцкъ съ его древними областями, а на юго-западѣ Кіевъ съ Галичемъ и Волынью—перестали тогда составлять часть „державы св. Владиміра“—сущность заключается именно въ этомъ.

дѣлена. Разъ только соблазнившійся родоначальникъ *„ягелончиковъ“* наклонилъ—въ пользу и выгоды своей будущей династіи на иновѣрной чужбинѣ—грядущія судьбы Гедиминова и Ольгердова наслѣдія, разумѣется, всему и оставалось тамъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, изъ вѣка въ вѣкъ, идти предначертаннымъ путемъ: клониться по наклонной плоскости съ возраставшею быстротою.

Но отъ супруга Ядвиги, котораго она, бывъ еще невѣстой, страшилась не только какъ „волосатаго дикаря“, но и какъ звѣрообразнаго убійцы дяди Кейстута, отъ Ягайлы неотдѣлимъ и самъ его двоюродный братъ, сынъ убитаго Кейстута: Витовтъ, убившій въ свою очередь трехъ ольгердовичей: Вигунта, Нариманта и Коригайло. Отъ начала сонаслѣдники „литовской короны“ они были и до конца—одинъ другому пара, за все время во многомъ содѣйствовали другъ другу и дѣйствовали въ одномъ духѣ. Королевская ли, княжеская ли была эта пресловутая *„корона литовская“*—и которая изъ двухъ важнѣе по понятіямъ латинцевъ важность, разумѣется, не въ томъ. Но эта была истинно та самая корона, которая произвела напослѣдокъ дѣйствительное раздѣленіе Руси, разорвавъ ее пополамъ. До сихъ поръ шла нераздѣльная исторія единаго и цѣльнаго русскаго народа. Съ этихъ же поръ (къ чему отъ основаніи „Ливоніи“ не переставали стремиться нѣмецкіе рыцари) русская земля разорвалась. Ея восточная половина начала складываться въ то самое, что впослѣдствіи зовутъ „московскимъ государствомъ“: а западную половину начали дробить и крошить въ то еще неслыханное и невиданное разносмѣшеніе *„русиновъ“* (русь малая, русь бѣлая, русь червонная, русь черная, русь угорская и т. д. безъ конца), посредствомъ котораго чуть было и не обратили ее напослѣдокъ въ полу-баснословную страну. Въ оффиціальнѣйшихъ актахъ того былого времени утверждалось, напримѣръ, въ слухъ міру, что „земля и княжньство Кіевское до коруны Польской всегда надлежало“ и будто много есть такихъ документовъ, которые *„именно о земль и княжньствѣ Кіевскомъ то свидѣтельствуютъ, яко до коруны Польской вѣчно правомъ совершеннымъ надлежати имѣетъ, какъ и всегда надлежало даже до короля Владислава-Ягелла“*. Стали признавать, что господствующею вѣрой тутъ было яко-бы искони

римское католичество; а господствующимъ классомъ населенія—также яко бы искони—были тутъ Ляхи,—допускали въ крайности, что тутъ могло быть обиталище вмѣстѣ съ „литвинами“ еще какихъ-то „новопришлыхъ угорскихъ русиновъ“ и незначительной части собственно такъ называемыхъ „рутеновъ“; допускалось, наконецъ, что тутъ было издревле обиталище пожалуй, евреевъ, или даже самихъ монголовъ,—только не числилась больше здѣшняя страна Русью—ни въ одномъ изъ оффиціальныхъ актовъ *).

„Литва“, такимъ образомъ, возникшая прямо и косвенно вслѣдствіи вторженія нѣмецкихъ рыцарей, создавшихъ „Ливонію“, внесла рознь и раздвоеніе въ самыя нѣдра Русской Земли,—посѣяла сѣмена раздора въ самомъ здѣшнемъ народонаселеніи, раздвоивъ его: на оставшихся вѣрными древле-отческому православію (чѣмъ тутъ осталось напослѣдокъ одно простонародье) и на перекрещенцевъ, отрекшихся отъ завѣта святаго Владиміра (чѣмъ сдѣлались, въ прибавокъ къ гедиминовичамъ, и сами рюриковичи съ дворянами здѣшнихъ мѣстъ). Но заводчики „Ливоніи“, стремившіеся сомкнуть съ собою еще и „Литву“ и расчитывавшіе, что она должна будетъ примкнуть къ нимъ, обочлись въ одномъ. Они надѣялись, съ помощью созидаемой ими, въ нѣдрахъ Руси, латинской державы, воевать потомъ побѣдоносно на обѣ стороны какъ Русь, такъ и Польшу;—а между тѣмъ на бѣду себѣ и сыграли въ руку послѣдней. Ихъ рьяная соперница по преданности „римскому апостольскому престолу“ и вообще принадлежности къ Западу—ослабленная къ тому времени и уже растерявшая большую часть своихъ старинныхъ владѣній безвозвратно—обнищавшая Польша, благодаря именно соблазненному ею Ягайлѣ, вдругъ сдѣлалась богата,—съ тѣмъ вмѣстѣ страшна и грозна для нѣмецкихъ рыцарей, какъ ни-

*) Извѣстна польско-литовская ревность къ размноженію жидовскаго населенія на Руси; имъ была заполонена вся Западная Русь при ягеллонахъ. Въ образецъ оффиціальнаго языка Витовтовой „Литвы“ вотъ нѣсколько строкъ изъ его жалованной грамоты евреямъ: „Если бы жида забито, а черезъ свѣдетство не могъ довести своимъ пріятелямъ, который бы его забилъ: если бы могъ, въ пытанью, нѣкотораго подозрѣннаго мѣти, мы жидамъ напротивку подозрѣннаго хочемъ обронцею быти. И тожъ если бы хрестьянинъ нѣкоторой жидовцѣ рукою кгвалтовною мѣлъ што вчинити, абы вдарилъ, маетъ быть каранъ, подлугъ права нашое Земли“ (Акт., изд. Арх. Ком. I, № 9, 24).

когда прежде. Въ одномъ этомъ они ошиблись, а въ остальномъ нѣтъ. Витовтово королевство, насколько оно изъ Вильны стремилось захватить даже Москву, одинаково было любезно—какъ польскимъ панамъ, такъ и ливонскимъ баронамъ. Тѣ и другіе въ этомъ случаѣ безусловно хвалили геній Витовта и сами „литвины“ вторили имъ. Но только на одномъ этомъ и сходились между собой всѣ безъ исключенія хвалители „геніальнаго литовскаго державца“; далѣе же нѣтъ и не было тѣхъ невѣроятныхъ, взаимно себя исключающихъ противорѣчій, которыя бы не приписывались ими этому народному герою Литвы. То самое, что одни называли въ немъ *любовью къ ойчизнѣ*, другіе обзывали предательствомъ; что однимъ казалось *„коварствомъ и измѣною“*, то самое другіе величали *„умною политикой“* et caetera. Витовтъ, тикимъ образомъ, для разныхъ историковъ даже и доселѣ продолжаетъ быть тѣмъ многостороннимъ, неисчерпаемымъ для изученія героемъ, коимъ они и подтверждаютъ каждый свое.

Когда напримѣръ Витовтъ предлагалъ изгнаннику татарской Орды (Тохтамышу): „я тебя посажу въ Ордѣ, а ты меня посади на Москвѣ“—это одинаково нравилось, какъ Варшавѣ съ Краковомъ, такъ и Вендену съ Ригой. Когда отрекшійся отъ православія Витовтъ, обращаясь къ своимъ русинамъ *„князьямъ русскихъ земель и иныхъ странъ, елико суть* ему *покорены Богомъ“*, съ окружною грамотой объ отдѣленіи кіевской митрополіи отъ московской и возглашая: *„мы хотячи, штобы ваша вѣра не згыбала“*, возвѣщалъ о назначеніи кіевскимъ митрополитомъ Григорія Цемблака—это казалось геніальною мудростью для всѣхъ поклонниковъ Папы. Но когда Витовтъ открещивался отъ союза съ Римомъ и перешелъ въ православіе (а ему случилось на своемъ вѣку болѣе четырехъ разъ перемѣнить вѣру *), это было принято

---

*) Воспитанный отцемъ своимъ Кейстутомъ, княземъ Жемойти, въ язычествѣ—Витовтъ крестился въ *„нѣмецкую вѣру“* у Рыцарей въ 1383 г. 21 октября и принялъ имя *Виганда*. Вскорѣ послѣ того онъ отвергъ римское католичество и принялъ православіе, бывъ нареченъ Александромъ. Вновь принялъ онъ католичество, уже находясь въ Краковѣ при коронаціи Ягайлы,—разсорясь съ нимъ, вновь объявился православнымъ до новаго-же обращенія въ латинство.—Замѣчательны отзывы по этому поводу панегиристовъ Витовта; для образца нельзя не

опять-таки съ одинаковымъ негодованіемъ—какъ въ Венденѣ, такъ и въ Варшавѣ, также въ Краковѣ, какъ и въ Ригѣ.

Такъ, при сочувствіи ливонскихъ бароновъ съ примасами Кракова и Варшавы относительно „генія“ Витовта въ тѣхъ или другихъ случаяхъ—повторялись-же примѣры и полнаго разногласія между ними. Прусско-ливонскіе рыцари, напримѣръ, никакъ не могли простить Витовту союза съ Ягеллоновой Польшей, когда съ помощью Руси—а именно полковъ: Гродненскаго, Полоцкаго, Витебскаго, Кіевскаго, Пинскаго, Новогрудскаго, Брестскаго, Волковійскаго, Дрогичинскаго, Мельникскаго, Кременицкаго, Стародубскаго, еще областей: Перемышельской, Львовской, Галичской и Подолійской и проч. *и особенно благодаря Смоленскому полку*—Витовтъ разбилъ наголову нѣмецкихъ рыцарей при Грюнвальдѣ. А при этомъ же случаѣ Ягеллоновская Польша не прощала съ своей стороны Витовту того, что, опасаясь *привлащенія своей ойчизны къ Польской коронѣ*, онъ, Витовтъ, не захотѣлъ воспользоваться плодами Грюнвальдской побѣды,—и ушелъ тогда прочь отъ Ягайла, да еще вступилъ и въ союзъ съ Орденомъ противъ Польши.

И такое разногласіе, по отношенію къ памяти Витовта—какъ уже сказано—не ограничивалось разноголосицей однихъ только нѣмцевъ съ ляхами, а еще Жмудь, Корсь и Пруссы, сами Борты, Судавы, Галинды и прочіе вторили имъ въ томъ. Крещенные Ягайломъ и возвеличенные Витовтомъ, всѣ эти „націи“ готовы были одинаково чтить изъ рода въ родъ память двоюродныхъ братьевъ, обоихъ героевъ Литвы—одинаково священную и родную для всей Жемойти. Но такъ какъ одного изъ нихъ присвоила себѣ Польша—тѣмъ-же

привести подлинныхъ словъ хоть одного изъ нихъ—вотъ они: „Его девизъ былъ—всѣ пути хороши для достиженія цѣли. Достигъ (Витовтъ) наконецъ давно желаннаго... судьба Литвы была въ его рукахъ... но... престолъ былъ добытъ кровью соотчичей, уничиженіемъ, измѣнами... Нельзя обвинять Витовта въ легкомыслiи... Во всей его жизни видна одна цѣль: для пользы и славы родины жертвовать всѣмъ. У рыцарей онъ принялъ католическую вѣру изъ угожденія, чтобы ближе сойтись съ ними и заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу; теперь принялъ православіе, чтобы привлечь и привязать къ себѣ подданныхъ своего русскаго удѣла. Наконецъ ѣдетъ въ Краковъ съ Ягайлой и тамъ, подражая брату (двоюродному) и надѣясь на скорое осуществленіе его обѣщаній, принимаетъ вновь католическую вѣру“ (А. Киркоръ).

часомъ и загорѣлась соперническая вражда, возникнулъ споръ между двоюродными братьями, Ягайлой и Витовтомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и между „націями“ обоихъ братьевъ: кто же кому, ляхъ ли уступитъ литвину или обратно? Насколько „геніальный державецъ Литвы“ дѣйствительно стремился всѣхъ русиновъ *„елико суть ему покорены Богомъ“* отторгнуть *„штобы ихъ вѣра не угыбала“* отъ державы князей дома святаго Владиміра—настолько были согласны и Ляхи чтить изъ рода въ родъ память Витовта наравнѣ съ Ягайловой. Но насколько державецъ Литвы не давалъ своей *коруны* перенять вѣнценосцу Польши, настолько Ляхи уже отказывали Витовту въ „геніальности“, и сами отношенія ляха къ литвину становились спорными: соперническая вражда обострялась. Чѣмъ упорнѣе, однако же, литвинъ и ляхъ не хотѣли себя уступить одинъ другому въ полную крѣпость, тѣмъ необходимѣй становилась полная-же *„унія“* между ними: ибо цѣною того только, чтобы не было *всея Руси*—и мирились они другъ съ другомъ,—да будетъ вмѣсто нея единая—одинаково для литвина и ляха любезная ойчизна: на одномъ этомъ уговорѣ и умолкали между ними всѣ соперничества и распри,—тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ не отказывали имъ въ дружелюбномъ сочувствіи и даже содѣйствіи съ своей стороны сами враги ихъ Ливонцы: на этомъ водворялось полное единогласіе между всѣми.

Сколько однакожъ „геніальный“ державецъ Литвы ни содѣйствовалъ на своемъ вѣку образованію подобной ойчизны—(самое это слово *ойчизна*, по увѣренію иныхъ, и было послѣднимъ словомъ умиравшаго Витовта)—но живучая русь давала себя знать и подъ пошлымъ именованіемъ русиновъ и рутеновъ. Православныя силы и православныя населенія такъ превозмогали собой Жмудь да Корсь, что на позорное предложеніе Ягайлы уступить двоюродному своему брату женину корону, лишь бы только онъ не отдѣлялъ отъ собственно такъ-называемой Польши „зовомой Литвы“—Витовтъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Витовтъ съ презрѣніемъ отвергъ эту позднѣйшую новопридуманную сдѣлку торговцевъ Ядвигиной короны и объявилъ польскимъ магнатамъ наотрѣзъ, что „хотятъ ли они того или не хотятъ, а онъ не допуститъ сліянія Литвы съ Польшей и непремѣнно отъ Польши отдѣлитъ Литву“. Извѣстно, что вслѣдъ за-

тѣмъ онъ отправилъ тайныхъ пословъ отъ себя къ папѣ, прося о немедленномъ своемъ коронованьи; извѣстно, какъ въ Римѣ испугались промѣнять вѣрное на невѣрное и, къ выгодѣ Польшѣ, не нашли благоразузмнымъ санкцировать Витовтову корону; извѣстно однакожъ, что изготовленная въ Венгріи корона была послана Витовту тогдашнимъ „священно-римско-германскимъ“ императоромъ, но „*Ляхове нежечивши коруны Литвы, и коруну въ нихъ* (у пословъ императора) *тую отняли, и розсѣкши ее наполы, и приложили ко Коруне Бискупа Краковскаго, которая и теперъ при Замку Краковскомъ и костелъ св. Станислава пѣстъ*“. Итакъ, испугавшись самостоятельности „Литвы“, польскіе магнаты не устыдились даже склонить Ягайлу уступить „корону польскую“ самому Витовту, онъ же ее не принялъ: на этотъ разъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ литвины, такъ даже „русины“ и „рутены“ могли одинаково славить геніальность своего державца.

Въ виду такого историческаго факта, нѣкоторые даже изъ русскихъ историковъ готовы благоговѣть передъ памятью этого литовскаго державца, доводившагося по своей дочери, Софьѣ Витовтовнѣ, тестемъ Василію Дмитріевичу, слѣдовательно и прадѣдомъ Іоанна III-го. Нѣкоторые, величая еще самого Витовтова дѣда, не иначе какъ Гедиминомъ *Витеновичемъ*, готовы допустить даже ту мысль, будто именно династіи литовскихъ державцевъ предстояло собрать воедино „*всю Русь*“, и въ этомъ смыслѣ иначе не называютъ сыновей и внуковъ Гедимина и его самого, какъ „собирателями Русской земли“. Но исторія *Русскаго народа* не нуждается ни умалять, ни преувеличивать того значенія, которое занімаетъ литва въ его судьбахъ. То самое, что для ойчизны Миндовговъ и Гедиминовъ, Ягайлы и Витовта, нѣтъ напослѣдокъ у нашихъ лѣтописцевъ другого имени, какъ „*зловѣрная Литва*“—достаточно опредѣляетъ ея роковое значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ Русской державы.

Говорится, разумѣется, не о тѣхъ племенахъ, которымъ еще во дни св. Владиміра сама Русь дала сборное имя *литвы*: они неповинны въ томъ и всуе терзается злою памятью ихъ напрасное имя; а говорится про то новоявленное государство, начало исторіи котораго относятъ нѣкоторые къ невѣроятному лѣтосчисленію и къ миѳическому родоначалію

еще скировъ и гирровъ.—Поистинѣ, это была чудилищная держава и диковинная страна! Безъ святыхъ преданій изстари и безъ благочестивыхъ завѣтовъ грядущаго, вся основанная на вѣроломствѣ, лжеклятіи и предательствѣ, полагавшая лишь временный успѣхъ по слагающимся благопріятнымъ обстоятельствамъ во главу всего—такова была эта держава Миндовговъ и Гедиминовъ, а далѣе Витовта и Ягайлы. По роли, игранной въ исторіи, по способу своего составленія и возростанія, даже просто-на-просто по территоріи своей—развѣ могла она уцѣлѣть?

Пространство земель, зовомое въ XIV вѣкѣ и XV „литовскимъ государствомъ“ ничто другое какъ пол-державы Владиміра Святаго: кривская земля, которую Владиміръ уступилъ въ удѣлъ Рогнѣдичамъ-Рогвольдовичамъ да еще часть земель, которыя сынъ его Мстиславъ *„иже зарѣза Редедю передъ полками Косожскими“* получилъ на свою долю при раздѣлѣ съ братомъ Ярославомъ Мудрымъ и, наконецъ, все Кіевское владѣніе самого Ярослава-Мудраго. А въ то же время новгородскія и псковскія владѣнія съ суздале-ростовскою землею составляли другую столь же великую половину, а та и другая самъ другъ—всю державу Владиміра Святаго.

Кромѣ того, что зовомая „Литва“ казалась велика и обильна, благодаря именно русской землѣ, а не своей, разумѣется, стала еще и походить на державу—не по лютому воровству нехристей (*Лютъ воръ* прозвище, данное русскими и обратившееся въ собственное имя одного изъ героевъ идолопоклонной Литвы) и не по безсилію же такихъ темныхъ народцевъ, какъ Жмойть да Корсь. А вознеслась она благодаря силамъ русскаго же православнаго народа и общему благодушію его непритязательныхъ Князей: той простотѣ и добротѣ потомковъ Святаго Владиміра, какими отличался онъ самъ.

Не для того потратили русскіе люди свои силы, особливо же по нашествіи татаръ, на образованіе „своей Литвы“ и вложили не мало труда въ это дѣло, чтобы напослѣдокъ—давшись вдругъ въ предательскій обманъ—отдаться еще во вражьи руки; не для того, чтобы вступить въ лоно злѣйшихъ враговъ православія и ужъ роковымъ образомъ влечься тудажъ съ ними къ одной цѣли: искоренить православный народъ безъ остатка и самое Русское имя въ мірѣ безпамят-

нымъ сотворить. А черезъ предательскій соблазнъ Ягайлы къ тому и сошло напослѣдокъ.

Что зовомая Литва забралась вотчинами, дѣдинами и прадѣдинами Русскихъ Князей,—что сами же Русскіе Князья съ помощью коренныхъ русскихъ народонаселеній выростили эту зовомую „Литву“ и вынесли на своихъ собственныхъ плечахъ,—и что наконецъ „*зловѣрная*“ измѣнила: прельстясь на славу вѣка сего, вдругъ приложилась къ западнымъ и всѣхъ хотѣла туда же увлечь съ собою—всего этого, съ тѣхъ самыхъ поръ, уже русскій народъ не забывалъ никогда. Но возстановить здѣсь нарушенную правду былъ еще онъ не въ силахъ: въ XIV-мъ вѣкѣ ему было не до того.

Съ того времени страна отъ морского устья Западной Двины на Варяжскомъ взморьѣ и до морского устья Днѣпра, вливающагося въ то другое море „*оже словетъ Руськое*“—вся эта страна пропадаетъ съ глазъ въ Русской исторіи на долгія времена. Тамъ образуется „отъ моря до моря“ мнимая ойчизна мнимой націи, незнаемой никѣмъ. Древнее достояніе русскаго народа, эта дѣйствительная вотчина и дѣдина еще Владиміра Святаго, затуманивается съ тѣхъ поръ на вѣкъ-другой сказочной мглою и баснословнымъ мракомъ. Для здѣшняго „шираго недоляшка“ и для „заядлаго ляха“ ягеллоновой Польши—съ тѣхъ именно поръ—это и вправду только держава Миндовговъ и Гедиминовъ, Витовта и Ягайлы—ничего больше. Но для „смышленыхъ“ панибратовъ, для несчастнѣйшихъ отщепенцевъ православной державы, зловѣрно отрекшихся отъ принадлежности къ роду и крови св. Владиміра и открестившихся отъ принадлежности къ его народу и языку—это еще и по необходимости мнимая небывалая „*ойчизна*“ вымышленнаго народа, котораго не было и нѣтъ.

Не вдругъ, говоримъ, исторія русскаго народа доищется тутъ своей правды: то подвигъ и трудъ отдаленнѣйшихъ отсюда грядущихъ временъ. А современная XIV-му вѣку древняя Русь въ самомъ дѣлѣ была разорвана пополамъ. Дѣйствительно, она уже раздвоилась на двѣ разныя половины: западную и восточную, какъ бы отчуждившіяся другъ отъ друга.

И они разлучились между собой, казалось, навсегда.

„*У великаго князя Ольгерда, отъ другіе жены, отъ великой княгини Ульяны, отъ Тверянки, семь сыновъ. Первый Яковъ, нареченный Ягайло, былъ на великомъ княженіи Литовскомъ. И въ то время короля Польскаго не стало бездѣтна; а осталася у него одна дочка. И понялъ ее Ягайло, а потому сѣде на королевство; а на великомъ княженіи посади на Литовскомъ Витовта Кейстутіевича*“—вотъ все, что записано въ русской лѣтописи о началѣ ягеллоновской Польши. Другихъ свѣдѣній нѣтъ. По необходимости, ихъ должно заимствовать у писателей иностранныхъ.

«*Короля Польскаго не стало бездѣтна, а осталася у него дочка*»—это сказано о томъ Польскомъ королѣ, который былъ кромѣ того еще и Венгерскимъ: то былъ Людвигъ, лучшій и любимѣйшій король угорскій — родной племянникъ предшествовавшаго Польскаго короля Казиміра, сынъ Казиміровой сестры Елизаветы.

Казиміръ, прозванный *Великимъ*, не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, имѣвъ довольно незаконныхъ, чѣмъ отличался съ молоду. Одинъ изъ его юношескихъ порывовъ, ознаменовавшій родственный пріѣздъ въ Венгрію, чуть не стоилъ тогда жизни этому самому Людвигу и всему королевскому семейству: напомнилъ исторію Гертруды *). Послѣ того Казиміръ уже всю свою жизнь не оставлялъ привычекъ молодости. Удаливъ первую супругу (Аделанду) и женясь на другой (Елизаветѣ Жаганской), онъ продолжалъ отнимать женъ у мужей и дочерей у родителей; держалъ при себѣ еще не мало иноплеменницъ, въ томъ числѣ жидовокъ. Привязанность къ одной изъ нихъ заставила его—

*) Въ 1330 году, пріѣхавъ къ зятю въ Визгородъ-Дунайскій (замокъ, почитавшійся въ Венгріи чудомъ свѣта и имѣвшій триста пятьдесятъ комнатъ), Казиміръ въ числѣ придворныхъ дѣвицъ сестры своей королевы Елизаветы особенно отличилъ Клару и, не успѣвъ никакими средствами склонить ее къ взаимности,—несмотря даже на то, что сама Елизавета въ томъ способствовала брату,—прибѣгнулъ къ насилію. Отецъ Клары, когда несчастіе его дочери огласилось, ворвался во дворецъ во время застольнаго пира и, не найдя тутъ главнаго виновника своего позора, набросился на королевское семейство: ранилъ Елизавету, ранилъ короля и хотѣлъ убить ихъ сыновей, въ томъ числѣ Людвига. Вѣрные королевскіе служители, защитивъ ихъ, тутъ же изрубили несчастнаго въ куски,—гибель постигла и весь родъ его. Неповинный братъ Клары былъ привязанъ къ хвосту дикаго коня и пущенъ на растерзаніе; а несчастную его сестру Клару, отрубивъ ей пальцы на обѣихъ рукахъ и отрѣзавъ носъ и губы, съ поруганіемъ водили по улицамъ на устрашеніе народу.

воспитать дѣтей отъ нея въ жидовскомъ законѣ; кромѣ того, заставила еще даровать у себя въ государствѣ много льготъ этому племени: со времени Казиміра Великаго Польша и наполнилась еврейскимъ населеніемъ.

Тогда же распространилось въ ней, вмѣстѣ съ такъ называемымъ смягченіемъ нравовъ, ихъ общее послабленіе. Король любилъ пышность, строилъ роскошныя виллы и великолѣпные замки, окружалъ себя блескомъ; не хотѣло въ томъ отставать и ясное вельможество, а вельможеству ни въ чемъ же не хотѣла уступать вольная шляхта. Вкусъ къ роскоши и жажда чувственныхъ наслажденій—стали развиваться съ неимовѣрной быстротою. Шитье золотое и серебряное заливали шелкъ и бархатъ нарядовъ; самое оружіе, сѣдла и конные уборы украшались драгоцѣннымъ каменьемъ,—всадники щеголяли уже своими скакунами не столько въ сраженіяхъ со врагами, какъ на турнирахъ и праздникахъ, устраивавшихся въ честь дамъ; прежняя утварь и рухлядь въ домахъ зажиточныхъ пановъ казалась имъ болѣе непригодною: требовалась золотая или по крайней мѣрѣ серебряная посуда за пирами; требовались ковровыя обои, лѣпныя и рѣзныя украшенія въ ихъ замкахъ, привозные драгоцѣнныя вазы и мраморъ, и все прочее, составлявшее обиходъ тогдашнихъ богатыхъ маэтностей.

Похоже, что въ тотъ разъ, когда Казиміру удалось захватить Галичь изгономъ (1340 г.), вся цѣль его рыцарскаго набѣга заключалась въ похищеніи богатствъ, которыми еще со времени Ярослава Осмомысла славились галичьскіе князья. Казиміръ возвратился тогда изо Львова обремененный добычею; забранныя имъ сокровища—княжескія, церковныя и частныхъ лицъ—были безмѣрны: золото, серебро, драгоцѣнности, жемчугъ и алмазы, два тяжелыхъ золотыхъ креста (особенно славившіеся тѣмъ, что заключали часть Святаго Древа), два золотыхъ вѣнца, богато осыпанные яхонтами, изумрудами и рубинами, багряницы, и даже златокованный престолъ «короля Даніила», украшенный бисеромъ многоцѣннымъ, равно какъ и другія безчисленныя сокровища и деньги,—денегъ было забрано много. Когда эти кресты и вѣнцы и златокованный престолъ были выставлены на показъ въ Краковѣ, паны дивились ослѣпительному богатству: въ одномъ изъ крестовъ золото въ ломъ оцѣнивали въ десять тысячъ червонцевъ. Слухъ о несмѣтной добычѣ, такъ легко захваченной Казиміромъ, взволновавъ изъ края въ край цѣлое

польское королевство, воодушевлялъ шляхту на новые подвиги; всѣ рвались въ походъ за новыми сокровищами русскихъ княжествъ,—вскорѣ и былъ предпринятъ уже настоящій походъ на Галичь. Сама по себѣ Польша никогда не была богата, а къ этому времени вовсе оскудѣла своими малодоходными, къ тому же на половину и растерянными областями. Прямо сказать: она тогда жила свыше своихъ средствъ; миръ съ прусскими рыцарями Казиміръ купилъ цѣной уступки имъ Помераніи, а съ Венгріей рѣшилъ покончить еще несведенные счеты именно уступкою дому венгерскихъ королей самой Польши—въ случаѣ своей бездѣтной кончины.

Венгрія не забывала притязаній на Галичь; тамъ не только помнили королевствованіе въ Галичѣ Андрея и Коломана; но еще упорно выдавали баснословіе за истину, будто самъ Даніилъ Романовичъ былъ «вассаломъ» короля Белы IV и въ этомъ именно качествѣ присутствовалъ на его коронаціи—какъ у верховнаго повелителя своего. Казиміръ безъ особеннаго труда, обѣщаніемъ разныхъ льготъ и уступокъ, дѣйствительно, склонилъ шляхту и вельможество къ согласію на соединеніе Польской и Венгерской короны въ пользу своего племянника, и дѣйствительно же: не оставилъ наслѣдника послѣ себя. Когда онъ умеръ (1370 г.), польская корона и перешла безпрекословно къ Венгерскому королю, его племяннику, Людвигу.

Но этотъ сынъ Казиміровой сестры Елизаветы—почитавшійся лучшимъ и величайшимъ изъ королей Венгріи—слишкомъ любилъ собственную родину, свою Венгрію, чтобы покинуть ее для Польши; къ тому же, по зачину еще предшественниковъ своихъ, долженъ былъ постоянно вмѣшиваться въ дѣла южныхъ славянъ (далматійцевъ, хорватовъ и прочихъ сосѣдей венеціанъ: «*Словьни яже у Адріатскаго моря*», какъ ихъ звали въ старину), а сверхъ того велъ распрю съ королевствомъ обѣихъ Сицилій, какъ звалась тогда неаполитанская держава. Туда привлекла его роковая гибель его брата Андрѣя. Этотъ Андрѣй былъ женатъ на неаполитанской королевѣ *Іоаннѣ*, почитавшейся тогда одной изъ обворожительнѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ, чуть не первой красавицей на всемъ Западѣ,—родная же ея сестра *Марія* была помолвлена, еще ихъ отцами, за самого Людвига.

«Прелесть Іоанны»—по словамъ очевидцевъ—«была неотразима и особенно, когда лицо ея покрывалось слезами»: ей воздавалъ честь славившійся тогда въ Италіи пѣвецъ Лауры Петрарка; къ ней бла-

говолилъ великій цѣнитель женской красоты самъ Климентъ VI, тогдашній папа; множайшіе поклонники не переставали со всѣхъ концовъ Европы стекаться къ ея блестящему двору, и весьма многіе изъ нихъ открыто пользовались благосклонностью королевы, въ томъ числѣ герцогъ Тарентскій... Возревновавъ къ его успѣху и самъ къ тому же имѣвшій виды на корону обѣихъ Сицилій, другой герцогъ, Карлъ Дураццо, плѣнился Маріей; когда же *Іоанна* отказала ему въ сестриной рукѣ, ночью похитилъ ее изъ дворца и, сыгравъ свою свадьбу, лишилъ тѣмъ Венгерскаго Людвига предназначенной ему невѣсты (Людвигъ взялъ въ супружество княжну изъ Сербіи, тезоименитую со своей матерью—Елизавету).

Оба герцога вслѣдъ затѣмъ, не безъ согласія *Іоанны* и въ сообществѣ съ цѣлымъ-же сонмомъ ея поклонниковъ, составили заговоръ на самую жизнь Андрея. Убить «суроваго Угрина» въ Неаполѣ они побоялись, такъ какъ при немъ находилось не мало Мадьяръ; королева устроила для друзей увеселительную прогулку за-городъ, пригласила и своего супруга принять участіе. Послѣ веселой охоты гости отправились на обѣдъ, приготовленный въ сосѣднемъ аббатствѣ—Моронскій монастырь св. Петра, и за блистательнымъ пиршествомъ весь вечеръ прошелъ у нихъ въ предположеніяхъ о дальнѣйшихъ, предстоявшихъ праздненствахъ,—самъ Андрей, вопреки обычной угрюмости, оживился и былъ веселъ, какъ никогда. Но въ полночь, когда уже онъ ушелъ отъ гостей съ королевой, его разбудили, сказавъ, что прибылъ гонецъ со спѣшными вѣстями; а какъ только онъ оставилъ спальную, за нимъ захлопнули всѣ двери... онъ былъ повѣшенъ на балконѣ, выходившемъ изъ залы въ садъ, а трупъ его бросили въ задворокъ.

Польско-венгерскій король Людвигъ явился съ войскомъ въ Неаполь мстителемъ за кровь своего брата; казнилъ захваченныхъ сообщниковъ: въ томъ числѣ герцога Дураццо,—ему отрубили голову на томъ самомъ балконѣ, гдѣ былъ повѣшенъ Андрей; послѣ того Людвигъ потребовалъ отъ папы Климента VI суда надъ *Іоанной*. Но война и судъ затянулись: овладѣвъ Неаполемъ и покоривъ всю страну, Людвигъ долженъ былъ потомъ участить свои походы. Папа, благоволившій къ Іоаннѣ, «*особенно обворожительной именно въ слезахъ*», прислалъ наконецъ свое рѣшеніе Людвигу и настоялъ на окончаніи его неаполитанскихъ походовъ. Въ полное удовлетвореніе польско-

венгерскаго короля, Климентъ VI призналъ участіе преступницы въ убійствѣ мужа; но въ то же время объявилъ ее невмѣняемою,—свидѣтельствуя, что непогрѣшимо вѣрить въ признаніе *Іоанны*, открывшей на судѣ, что она склонилась къ заговору по наитію нечистой силы и сама не знаетъ какъ.

Польско-венгерскій король подчинился папскому рѣшенію, какъ истинный католикъ: не было еще въ Венгріи государя, который бы такъ ревностно распространялъ римское католичество въ своей державѣ и который бы такъ тѣснилъ православныхъ греческаго закона, какъ Людвигъ. Въ началѣ, при введеніи въ Венгріи христіанства, не столько торжествовало римское католичество, какъ всюду уже было распространено вѣроученіе грековъ; латины едва насчитывали тутъ десять бискуповъ, а единственнымъ архибискупомъ былъ Стригонскій, потомъ заведено было еще бискупство въ Загребѣ (Аграмское). А при Людвигѣ Венгрія насчитывала уже тридцать архибискуповъ, а бискуповъ было сто восемь: и всѣ эти бискупства и архибискупства были впрокъ жалованы королемъ щедро и богато, одарены имъ пышными маэтностями и обширными владѣніями на славу изъ вѣка въ вѣкъ.—Кромѣ неаполитанскихъ походовъ, Людвигъ прославился еще походами, какъ уже сказано, къ южнымъ славянамъ, «*яже у моря Адріатскаго*»: тамъ, въ приморскихъ областяхъ, его принимали, даже радуясь его прибытію: здѣшнему славянству все больше приходилось терпѣть козней отъ венеціанскихъ дожей.

Подобные походы и внутреннія дѣла, которыми славился Людвигъ, мало располагали его королевствовать въ Польшѣ. Еще при жизни Казиміра ему уже приходилось посылать туда венгерскія войска въ помощь своему дядѣ; но всякій разъ послѣ замиренія въ мѣстахъ, спорныхъ между Польшей и «Литвою», въ нихъ опять разражались новыя смуты: война тамъ не переводилась. А сами поляки—чѣмъ больше получали «шляхетскихъ правъ» и забирались привилегіями въ ограниченіе королевской власти, тѣмъ больше требовали новыхъ и все новыхъ уступокъ отъ короля. Людвигъ, справивъ свою коронацію въ Краковѣ—чѣмъ возбудилъ ропотъ истовой Польши, хотѣвшей видѣть его вѣнчаніе въ Гнѣзднѣ—назначилъ правительницею польскаго королевства мать свою Елизавету—сестру покойнаго Казиміра, чѣмъ и думалъ вполнѣ угодить полякамъ. А Галичъ, который онъ почиталъ собственностью Венгріи, а вовсе не

Польши, Людвигъ уступилъ во владѣніе подъ собственнымъ верховенствомъ родственнику и другу своему, также родственнику Казиміра, герцогу Владиславу Опольскому (Пястовичь изъ захудалыхъ силезскихъ князей).

Елизавета, смолоду походившая вольнымъ нравомъ на своего брата, покойнаго Казиміра, мало измѣнилась въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что къ этому времени ей было уже семьдесятъ лѣтъ. Ея небезукоризненное прошлое было общеизвѣстно: разъ изъ того, между прочимъ, чуть не вспыхнула война, грозившая было обнять мало не всю Европу. Сынъ, оскорбленный на счетъ своей матери отзывами тогдашняго императора Карла IV, соединясь съ австрійскимъ герцогомъ и прочими изъ своихъ союзниковъ, готовъ уже былъ взяться за оружіе; но благодаря пріятельскому вмѣшательству папскаго легата, все и кончилось пріятельски: веселымъ задушевнымъ пиромъ, на которомъ Карлъ IV лично извинился передъ Людвигомъ. Прибывъ въ Краковъ, престарѣлая королева окружила себя шумною молодежью; балы и увеселенія смѣнялись одни другими.—Дворъ ея въ самое короткое время обратился въ средоточіе блеска, изящества... и всякаго рода интригъ. Не имѣвъ прежнихъ средствъ нравиться, Елизавета тѣмъ беззастѣнчивѣй отдавалась своимъ неудержимымъ наклонностямъ, при чемъ награждала свыше мѣры и возвышала своихъ угодниковъ—въ обиду ясновельможныхъ пановъ. Всякій изъ нихъ, одинъ передъ другимъ, почиталъ себя цвѣтомъ государственной мудрости,—а она ихъ не слушалась и жаловала своихъ приближенныхъ. Ропотъ противъ правительницы былъ страшный; поляки негодовали въ то же время и на отдѣленіе отъ нихъ Галичины, отданной Владиславу Опольскому. Людвигъ наконецъ отозвалъ Елизавету; заключилъ и съ герцогомъ Опольскимъ особый договоръ, по которому Галичьскія владѣнія возвратилъ себѣ, присоединивъ ихъ прямо къ венгерской державѣ; а герцогу далъ другія области (уѣзды Добрыньскій, Гнѣвковскій и Бидгощскій)—кромѣ того его же и назначилъ королевскимъ намѣстникомъ всей Польши.

Пока Владиславъ Опольскій владѣлъ Галичемъ, православная русь и литва жаловались на его страстную преданность Риму и злую ревность къ обращенію всѣхъ въ латинство,—но тамошніе бояре и мелкіе русско-литовскіе державцы не противились герцогу, такъ какъ онъ мало вмѣшивался въ прочія дѣла, а управлялъ Галичиной черезъ самихъ мѣстныхъ державцевъ, русскихъ

же и литовскихъ, которыхъ считалъ хотя и подручниками своими, однакожъ князьями же здѣшняго края.

Но въ Польшѣ отнеслись къ герцогу иначе. Тамъ—хотя Владиславъ былъ настоящій Пястовичь и на самую корону польскую имѣлъ больше правъ, чѣмъ другъ его Людвигъ (что и ставило къ нему польско-венгерскаго короля въ особенныя, отличавшіяся нѣжной разборчивостью, дружескія отношенія)—въ Польшѣ не взлюбили Владислава Опольскаго, именно какъ слишкомъ самостоятельнаго и неподатливаго на уступки правителя. Поляки звали своего земляка «нѣмцемъ», какъ и всѣхъ вообще своихъ захудалыхъ князей, чьи мелкія владѣнія замѣшались и затерялись въ нѣмецкихъ. Краковъ притомъ, осиротѣвшій по выбытіи изъ него двора королевы, соскучился по Елизаветѣ: тамъ многіе желали ея возвращенія. Все это докучало Людвигу и удручало его,—тѣмъ болѣе, что польскія неурядицы опять усложнились вторженіями литовскихъ князей—и на этотъ разъ уже не одного Любарта, отыскивавшаго всѣхъ здѣшнихъ земель, какъ законнаго своего наслѣдія,—но еще и Ольгерда съ Кейстутомъ. Отвоевывая старинныя русскія области, литовцы захватывали уже и польскія владѣнія и рвали ихъ на части. Самъ Людвигъ приходилъ сюда не одинъ разъ воевать съ Кейстутомъ и Ольгердомъ,—какъ успѣхи, такъ же и неудачи воюющихъ сторонъ колебались. Съ «Литвой» уладились наконецъ временными уступками, при чемъ часть здѣшнихъ русскихъ владѣній была признана за литовскими князьями, а другую часть Ольгердъ и Кейстутъ уступили венгерскому королю.

Между тѣмъ, когда еще Елизавета царила въ Краковѣ, она нашла искуснаго и ревностнаго исполнителя своихъ предначертаній въ тамошнемъ архидіаконѣ, канцлерѣ Завишѣ: вскорѣ никого уже и не было сильнѣй его въ цѣломъ вельможествѣ. Съ помощью этого краковскаго архидіакона и цѣною разныхъ новыхъ уступокъ шляхтѣ—частью дарованныхъ, частью обѣщанныхъ въ грядущемъ—Елизаветѣ удалось достигнуть весьма важной государственной мѣры. Ей удалось склонить польскіе чины признать будущею королевой Польши одну изъ своихъ внучекъ, ту или другую дочь Людвига—по выбору ихъ отца, матери или бабки. У польско-венгерскаго короля, такимъ образомъ, для водворенія порядка въ безпорядочной странѣ оставалось еще въ запасѣ и это средство. Мало прельщаясь польскою короной и лично даже тяготясь ею, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ въ виду

въ будущемъ передать ее одной изъ дочерей своихъ,—и не переставалъ искать расположенія у поляковъ.

Онъ отозвалъ ненавистнаго для нихъ герцога Владислава Опольскаго и далъ напослѣдокъ странѣ вельможеское управленіе—подъ верховенствомъ Завиши. Архидіаконъ къ этому времени уже былъ повышенъ въ бискупа краковскаго: Завиша и принялъ бразды правленія. Но тогда началось кругомъ такое нестроеніе, что пришлось всѣмъ жалѣть объ удаленіи герцога Опольскаго. Не прошло много времени, и продолжать вельможеское правленіе подъ главенствомъ Завиши оказалось невозможнымъ; къ тому же Краковскій бискупъ—ко всеобщей радости цѣлой страны—погибъ нечаяннымъ образомъ: преслѣдуя одну робкую юную дѣвицу, убѣгавшую отъ его насилія, онъ—упавъ съ лѣстницы—расшибся на смерть. Такъ избавилась Польша отъ боярскаго правленія Завиши!

Тогда Людвигъ собралъ польскіе чины на сеймъ и торжественно представилъ полякамъ свою дочь Марію, а съ нею нареченнаго тѣмъ временемъ ея жениха Сигизмунда (это былъ сынъ императора Карла IV). Марія была старшая наслѣдница польско-венгерскаго короля; своего нареченнаго затя, ея будущаго супруга Сигизмунда, король и поручилъ милостивому расположенію польскаго народа. Когда въ 1382 году Людвигъ умеръ, по его завѣщанію и оказалось, что корону польскую онъ назначилъ именно старшей своей дочери Маріи, обручницѣ Сигизмунда (бывшаго въ то время принцемъ Браннаго Бора или, какъ переиначали нѣмцы, *Бранденбурга*), а венгерскую корону онъ оставилъ меньшой дочери Ядвигѣ, помолвленной съ дѣтства австрійскому герцогу Вильгельму и уже обвѣнчанной съ нимъ. Какъ для Венгріи, такъ и для Польши въ томъ уже не было никакой новости, и оставалось только исполнить волю почившаго короля.

Но какъ въ Польшѣ, такъ и въ самой Венгріи, годъ цѣлый по кончинѣ Людвига, не прекращались явныя, творились и тайныя смуты. Поляки, собственно говоря, не смущались переходомъ ихъ державы въ чужой родъ подъ слабую женскую руку, тогда какъ налицо между ними находились еще и мужскіе потомки Пяста. Напротивъ, какъ ясное вельможество, такъ и вся вольная шляхта привыкли уже къ тому, чтобы выторговывать себѣ какъ можно больше правъ и льготъ—при шаткости и призрачности для виду поставленной королевской власти,

нужной имъ—въ страхъ народу—лишь для увеличенія собственнаго же блеска и въ огражденіе своихъ же привилегій. Отстраняя и принижая своихъ настоящихъ князей королевскаго рода, польскіе магнаты—чѣмъ слабѣй и призрачнѣй были выкрикнутые ими короли—тѣмъ легче могли сами подъ именами старостъ, маршаловъ и прочихъ разныхъ чиновъ обогащаться цѣлыми областями-городами и закрѣпощать государственную власть въ собственныя руки. Но въ этихъ именно видахъ поляки и не были довольны назначеніемъ къ нимъ бранденбургскаго принца, жениха старшей Людвиговой дочери Маріи,—а предпочитали ей меньшую, оговаривая къ тому же, что она должна будетъ вступить въ бракъ съ такимъ женихомъ, который полюбится «Польской націи», то-есть «съ воли сейма».

Въ Венгріи, напротивъ того, затруднялись признать королевой двѣнадцатилѣтнюю Ядвигу и, повидимому, предпочитали ей старшую Людвигову дочь, Марію,—по крайней мѣрѣ такъ устроилось на первыхъ же порахъ само собою, что именно Марія стала глядѣть наслѣдницей Венгерскаго престола, а управляла всѣмъ ея мать, вдова Людвига, тезоименитая съ его матерью—Елизавета.

Когда, при такой неопредѣленности, нареченный женихъ Маріи, Сигизмундъ, явился въ Польшу въ качествѣ намѣстника—ему не дали утвердиться. Поляки послали въ Венгрію объявить правительницѣ, что согласны будутъ признать своею королевой лишь ту изъ двухъ ея дочерей, которая обяжется жить въ Польшѣ.

Но и вся Венгрія волновалась уже изъ края въ край; тамъ всѣми дѣлами завѣдывалъ банъ Гара, любимецъ овдовѣвшей Елизаветы, сразу навлекшій общую ненависть не только на себя, но и на вдовствовавшую королеву. Тамъ же особенно не посчастливилось и жениху Маріи, бранденбургскому принцу; хотѣли даже отказать Сигизмунду и хлопотали о повѣнчаніи Маріи съ однимъ изъ французскихъ герцоговъ, но неудачно. Въ довершеніе всего, возмутились южныя населенія «*яже у Андріатскаго моря*»: тамъ не хотѣли и слышать о бранденбургскомъ маркграфѣ и манили венгерскою короной одного изъ герцоговъ, притязавшихъ на Неаполь, бывшаго сродни покойному Людвигу.

Безпорядки въ Польшѣ—напрасно дожидавшейся рѣшеній изъ Венгріи—разразились наконецъ кровавыми усобицами по всей странѣ: тогда какъ одни все настоятельнѣе требовали Ядви-

гу, другіе уже не видѣли причинъ отказывать Маріи съ Сигизмундомъ; были и горячія головы, готовыя пасть за одного изъ Пястовичей, Земовита. Въ такихъ обстоятельствахъ, королева-мать, вдова Людвига, вынуждена была наконецъ рѣшить выборъ между дочерьми и объявила наслѣдницей своего мужа на польскій престолъ—Ядвигу; но сторонники младшей королевны не удовольствовались тѣмъ, требовали уже немедленнаго ея прибытія на мѣсто: кровавыя усобицы по всей странѣ не унимались. Елизавета рѣшилась и на эту крайность, разсталась съ несовершеннолѣтней дочерью: Ядвигу отпустили въ Краковъ. Тамъ на главу 13-тилѣтней отроковицы поспѣшили возложить вѣнецъ Пяста,—и этимъ коронаціоннымъ торжествомъ, совершившимся въ Краковѣ осенью 1383 года, покрылись наконецъ происходившія смуты. Всѣ только спрашивали другъ друга: кто же будетъ супругомъ обвѣнчанной королевны? кому быть королемъ?—вопросъ, который въ предварительныхъ общихъ чертахъ уже былъ и предрѣшенъ въ таинственныхъ высшихъ сферахъ: нуженъ былъ женихъ—наивыгоднѣйшій для Польши во всѣхъ отношеніяхъ.

Двухъ лѣтъ, втеченіи которыхъ Ядвига, оторванная отъ семейнаго лона и разобщенная со всѣмъ окружавшимъ міромъ, истинно была жертвою частныхъ видовъ и государственной политики «духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ» Кракова и Рима,—этихъ двухъ лѣтъ, пока Ядвига достигла 16-тилѣтняго возраста—было совершенно достаточно, чтобы и самое рѣшеніе о выборѣ ей жениха созрѣло окончательно и было приведено къ благополучному концу. Въ зиму, съ декабря 1385 г. на генварь 1386 г., огласилось наконецъ уже почти на всю Европу то, что въ таинственныхъ высшихъ сферахъ незадолго еще передъ тѣмъ содержалось въ строжайшей тайнѣ.

Австрійскій герцогъ Вильгельмъ, спохватившійся о замышленіи отнять у него обрученную невѣсту, неожиданно прибылъ въ Краковъ. Онъ и она были ровесники; брачный ихъ союзъ былъ уже благословленъ церковью, когда имъ было 8 лѣтъ отъ роду,—послѣ чего ихъ разлучили на уговорѣ дать имъ свидѣться и жить супругами по прошествіи пяти лѣтъ. Втеченіи этого срока Ядвига воспитывалась въ австрійскомъ марграфствѣ, въ Вѣнѣ, а Вильгельмъ въ Будахъ, въ Венгріи. Отецъ Ядвиги, Людвигъ, не дожилъ до желанной дочерней радости; а его вдова Елизавета сама теперь была напослѣдокъ игралищемъ судьбы, измѣнившей

такъ неожиданно жребіи обѣихъ сиротъ ея. Юность, красота, блескъ, знатность и богатство—все должно было расположить къ герцогу Вильгельму, пріѣхавшему съ цѣлой дружиной тѣлохранителей, когда онъ вдругъ ослѣпилъ и озадачилъ и смутилъ неожиданнымъ своимъ появленіемъ весь краковскій замокъ; а для Ядвиги ея суженый былъ еще тѣмъ желаннымъ избавителемъ, сказочнымъ царевичемъ, который для того и явился, чтобы вывести ее изъ тоски одиночества и душнаго плѣна. Съ перваго же ихъ свиданья, онъ отдался всѣмъ сердцемъ Ядвигѣ, а она ему.

Примасы и прелаты, духовные и свѣтскіе чины, приставленные оберегать вѣнчанную королеву, также дамы и кавалеры ея двора—какъ ни растерялись на первыхъ порахъ отъ пріѣзда ея законнаго супруга или потому именно, что слишкомъ растерялись—идти противъ ихъ велѣній не возмогли. Вскорѣ однакожъ герцогу былъ возбраненъ входъ въ замокъ: мужъ и жена продолжали тогда видѣться ежедневно въ одномъ францисканскомъ монастырѣ, при чемъ «дамы и кавалеры, составлявшіе ихъ свиту, услаждали себя музыкой и танцами». Но въ Краковѣ и въ Римѣ не только состоялось между свѣтскими и духовными чинами окончательное рѣшеніе о выдачѣ шестнадцати-лѣтней Ядвиги за сорока-лѣтняго Ягайла,—не только было истребовано согласіе королевы Елизаветы на разрывъ брака съ Вильгельмомъ-и испрошено материнское благословеніе на союзъ дочери съ Ягайлой,—а получено даже разрѣшеніе Рима, потребное для расторженія перваго брака и благословеніе отъ живого мужа на второй,—въ силу чего и было послано особое приглашеніе Ягайлѣ ускорить своимъ прибытіемъ въ Краковъ на свое двойное торжество: поспѣшить принять вѣнчаніе—брачное съ Ядвигой, и королевское—съ Польшей. Оставалось только Вильгельма проводить силой и обѣщаніемъ двухъ сотъ тысячъ червонцевъ въ уплату брачной неустойки, а Ядвигу силою же отстранить отъ Вильгельма,—а вслѣдъ затѣмъ склонить на союзъ съ Ягайлой уже убѣжденіями религіознаго свойства о величіи предназначеннаго ей жребія просвѣтить литвиновъ и русиновъ своимъ богоугоднымъ бракомъ,—подвига, на который съ высоты «Римскаго апостольскаго престола» благословлялъ ее самъ «намѣстникъ Бога». Послѣ того, какъ это было исполнено, Ягайло 12 февраля 1386 года прибылъ въ Краковъ, 14-го былъ перекрещенъ въ латинскую вѣру, а 17-го пріялъ оба вѣнца—брачный и королевскій.

Въ слѣдующій же годъ (1387 г.), Ягайло, въ исполненіе брачнаго своего договора, приводилъ къ вѣрности «римскому апостольскому престолу» Жмойть и Пруссовъ; а въ то же время Ядвига въ окруженіи польскаго вельможества и многочисленнаго войска отторгала галичьскія владѣнія сестры своей Маріи отъ Венгріи—къ себѣ, къ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Владиславъ Опольскій возвратилъ Галичскія владѣнія назадъ покойному венгерскому королю Людвигу, они управлялись, подъ главенствомъ королевскихъ коммиссаровъ, «*старостами*» изъ мѣстныхъ державцевъ, присягнувшихъ королю быть его подручниками; по нѣкоторымъ изъ городовъ Венгры держали и военные постои. Ядвига, по волѣ сейма, должна была отнять эти города у сестры своей Маріи: время и средства для того были выбраны самыя благопріятныя. Здѣшніе русскіе и литовскіе князья, разумѣется, не имѣли рвенія проливать кровь за венгерскую королеву Марію и ея Бранденбургскаго жениха; Ядвига же, приступая къ здѣшнимъ городамъ, не столько воевала, какъ вступала съ ними въ договоры, дѣлая имъ самыя льготныя и выгодныя предложенія въ случаѣ ихъ передачи и занимала городъ за городомъ безъ труда,—а сестрѣ ея Маріи было въ то время не до Галича.

Въ Венгріи происходило уже кровопролитіе страшнѣй того, которое передъ тѣмъ творилось въ Польшѣ: мятежъ среди южныхъ славянскихъ населеній «*яже у Андріатскаго моря*», принялъ громадные размѣры. Когда по ихъ зову прибылъ изъ королевства обѣихъ Сицилій герцогъ, родственный покойному Людвигу, онъ былъ убитъ въ Венгріи измѣннническимъ образомъ и, по всѣмъ уликамъ, самъ дворъ былъ замѣшанъ въ этомъ предательствѣ. Далматійцы и Хорваты всей страной поднялись на отмщенье. По совѣту Гара, королева-мать, взявъ съ собой королеву-дочь Марію, поѣхала успокоивать страну самолично. Но тамъ, въ свою очередь, и она попала въ засаду. Кроаты, подъ начальствомъ выборнаго отъ всей земли Яна, захватили обѣихъ королевъ, мать и дочь, Елизавету и Марію въ плѣнъ,—а бана Гара на ихъ глазахъ предали смерти. Когда же союзники Венеціанъ, противники Хорватовъ, приступили къ замку, гдѣ были заключены обѣ плѣнницы, и требовали ихъ освобожденія—Янъ перебросилъ къ нимъ черезъ стѣну трупъ задушенной Елизаветы, вдовы Людвига, — и грозилъ поступить точно также и съ Маріей, если они не отойдутъ прочь. Лишь по прошествіи уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ Марія была выпущена изъ этого плѣна:

походъ ея сестры Ядвиги на Галичь и совпалъ со временемъ плѣненія венгерской королевы. Послѣ того, въ одно и то же время Польша праздновала отторженіе галичьскихъ владѣній отъ Венгріи и присоединеніе ихъ къ себѣ, а Венгрія—свадьбу Сигизмунда съ Маріей.

Этотъ бранденбургскій принцъ, не умѣвшій защитить своей невѣсты отъ обрушившихся на нее бѣдствій и не вступившійся за нее все время ея несчастій, повѣнчавшись послѣ того съ нею, и получилъ корону Венгріи, занялъ венгерскій престолъ Людвига; впослѣдствіи былъ еще королемъ Богеміи; кромѣ того, его же избрали имперскіе чины быть и императоромъ «священно-римской Германской имперіи». Сигизмундъ и Ягайло такимъ образомъ породнились между собою: были свояками по роднымъ сестрамъ—Маріи и Ядвигѣ.

Этотъ самый императоръ ославился тѣмъ между прочимъ, что, подписавъ Іоанну Гуссу «опасную грамоту» для присутствованія на Костанцскомъ соборѣ, потомъ задержалъ Гусса и предалъ сожженію на кострѣ; а по смерти Маріи, женившись на извѣстной графинѣ Чилли, допустилъ подданныхъ своей имперіи быть свидѣтелями такихъ съ ея стороны похожденій, за которыя она прослыла на всю западную Европу *нѣмецкой Мессалиной*. Что касается Ягайлы, онъ по кончинѣ Ядвиги (1394 г.), не оставившей ему наслѣдниковъ, вступалъ въ бракъ, послѣдовательно за каждымъ новымъ вдовствомъ, еще три раза,—и ото всѣхъ четырехъ женъ лишь отъ послѣдней—первый разъ когда ему было 76 лѣтъ, а второй разъ, когда ему было 78 лѣтъ—оставилъ двухъ потомковъ. Императоръ Сигизмундъ, какъ прирожденный маркграфъ бранденбургскій, былъ воспитанъ въ истомъ духѣ прусско-ливонскихъ рыцарей: ревновалъ Литву къ польскому королевству. Хотя по случаю свояченичества и пріятельствовалъ свояку Ягайлѣ, однакожъ съ тѣмъ вмѣстѣ—къ неудовольствію не столько впрочемъ Ягайла Ольгердовича, какъ самихъ Поляковъ, Сигизмундъ больше благопріятствовалъ въ другихъ случаяхъ противнику Польши—Витовту; самый онъ, бывъ тогда уже императоромъ и въ разладѣ съ папой, и послалъ литовскому державцу ту корону, которую «*Ляхове нежичивше коруны Литве тую*

Распаденіе Руси въ XIV-мъ вѣкѣ.

Русская держава, при Ярославлѣ Мудромъ связанная черезъ родство сыновей и дочерей его со всѣми западными королевствами и съ восточною Греческой Имперіей и, такимъ образомъ, занимавшая еще въ XI-мъ вѣкѣ видное мѣсто среди прочихъ государствъ тогдашней Европы, можно бы сказать, въ XIV-мъ вѣкѣ—для всѣхъ-же государствъ западной Европы болѣе не существовала. Ни этой державы, простиравшейся отъ полуночныхъ странъ до подошвы кавказскихъ горъ и отъ степей Задонскихъ и Заволжинскихъ до городовъ Дунайскихъ,—ни здѣшняго народа, носившаго подъ великою державой и одно громкое имя, однимъ словомъ, Руси—для всего Запада, ровно и не было никогда. Самое имя *„Русь“* тамъ уже было позабыто.

Монголы, втеченіи ста лѣтъ не тревожившіе остальной Европы, уже казались ей къ этому времени исконными обитателями здѣшнихъ мѣстъ и утвердившимися тутъ навсегда. Римскій папа величалъ царившихъ тутъ хановъ „императорами“ и поддерживалъ съ ними безпрерывную связь; также и прочіе европейскіе государи охотно вступали въ сношенія съ ними. Извѣстно уже, что Михаилъ Палеологъ, выдавъ свою Ефросинію за хана Ногая, имѣлъ въ немъ вѣрнаго союзника противъ восточныхъ славянъ: Сербовъ и Болгаръ Дунайскихъ. Королъ Франціи, Людовикъ IX-й Благочестивый, также ссылался съ *„Обладателемъ вселенной“* и принялъ отъ него дружественные подарки. Среди вольныхъ городовъ Италіи славились тогда всемірною торговлей и могуществомъ на всѣхъ моряхъ двѣ властолюбивыя соперницы—Генуя и Венеція: обѣ и вступили въ дѣятельныя сношенія съ татарами.

Въ мѣстахъ древней Таматархи, гдѣ Мстиславъ *„иже зарѣза Редедю предъ полками Косожскими“* бралъ дань съ горскихъ народовъ и куда еще отецъ Мономаха присылалъ посадника Ратибора *)—татары давно вытѣснили половцевъ; но къ описываемому времени дали тутъ водвориться Генуэзцамъ и Венеціанамъ,—они же содержали тутъ и многочисленное войско. Первые получили отъ здѣшнихъ хановъ

*) См. I томъ.

урочище, звавшееся *Каффа* (Ѳеодосія), вторые основали въ азовскомъ морѣ при устьѣ Дона славившійся потомъ Азовъ. Имѣя у себя искусныхъ зодчихъ и щедрые золотомъ, Генуэзцы выстроили такой чудный городъ, что, позавидовавъ ему, татары хотѣли отнять его себѣ; но итальянцы, оградивъ Каффу боевыми башнями и высокими каменными стѣнами, не только удержали ее за собою, а распространили еще отсюда торговлю и могущественное вліяніе по всему лукоморью. Впослѣдствіи ихъ истребили тутъ уже не одни татары, а еще и турки; но въ описываемое время могущественное вліяніе итальянцевъ простиралось на всѣ почти ближніе и дальніе города здѣшняго полуострова (Судакъ, Балакалава), въ томъ числѣ и на древнюю Корсунь. Замѣчательно, что въ Корсунѣ уже находился (въ 1333-мъ году) латинскій бискупъ и простиралъ свое *миссіонерство* даже къ кавказскимъ горамъ: латинство уже вводилось и у древнихъ яссовъ.

Каффа (Ѳеодосія) стояла въ Черноморьѣ у теплыхъ водъ; а неподалеку отъ берега внутри полуострова славился богатѣйшій татарскій городъ *Крымъ*—„столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня“.—Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, была воздвигнута иждивеніемъ одного изъ дальнихъ мусульманскихъ салтановъ (Бибарсъ египетскій), который бывъ отсюда родомъ, испросилъ у хановъ позволеніе украсить этимъ памятникомъ свою родину. Крымъ-городъ велъ тогда обширнѣйшую торговлю, посредничая между Азіей и Европой. Сюда стекались, привозимые именно итальянцами, богатѣйшіе и разнообразнѣйшіе товары изъ Цареграда и отъ Фряговъ, со всѣхъ концовъ Европы,—и обмѣнивались тутъ на привозимые изъ Азіи: хоразанскіе, китайскіе и индійскіе товары, стекавшіеся сюда отовсюду же съ отдаленнѣйшихъ концевъ татарскихъ владѣній. Хивинскіе купцы и бухарскіе, проводившіе въ странствіи сюда около четверти года, обыкновенно не брали съ собой и запасовъ въ дорогу: какъ здѣсь на мѣстѣ, такъ и на всемъ пути, находили все нужное въ гостинницахъ,—такъ монголы были попечительны къ торговлѣ. Впослѣдствіи отъ этого знаменитаго *Крымъ-города* остались однѣ только развалины, но имя его уже увѣковѣ-

чилось навсегда: весь здѣшній полуостровъ и прозвался по немъ однимъ общимъ именемъ—Крымъ.

Такимъ образомъ, не только въ древней Тьмутараканѣ, но и въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ древле властвовали Греки, перемѣшанные съ Хозарами—многое видоизмѣнилось. Въ мѣстахъ той самой Корсуни, гдѣ древле Греки—боясь русскаго могущества—*извели не мечемъ, такъ ложью* родоначальника первыхъ галичьскихъ князей, отравили изгоя Ростислава Вдадиміровича (внука Ярослава, отъ старшаго его сына, рано умершаго Владиміра)—не только болѣе не оставалось многихъ прежнихъ городовъ греческихъ, а большею частью, самыя имена ихъ не уцѣлѣли. Къ описываемому времени здѣсь уцѣлѣли частью лишь остатки Ногайской орды; но по разрушеніи ея ханомъ Тохтой большая ея часть была опять переведена ближе къ царскимъ улусамъ самого Сарайскаго хана—внѣ Крымскаго полуострова. А въ слѣдующемъ вѣкѣ, въ XV-мъ, здѣсь—внутри полуострова уже гнѣздилась „*Крымская орда*“ такъ называемыхъ Гирѣевъ или Кильдѣевъ. Коротко сказать: отъ стариннаго грекохозарскаго населенія здѣсь не осталось больше и слѣда *).

За Крымомъ, отъ устья Днѣпра до гирлъ Дуная, шли мѣста изстари подвластныя князьямъ Галича: къ XIV-му вѣку и они подверглись множайшимъ превратностямъ—заодно съ самимъ галичьскимъ княженіемъ. Въ до-татарское время—и чѣмъ ближе къ старинѣ Мономаха, тѣмъ все бо-

*) См. I томъ.—Давніе старожилы здѣшнихъ мѣстъ, Греки, и перемѣшавшіеся съ ними Хозары—въ томъ лишь развѣ оставили неизгладимый слѣдъ по устойчивости своей, что ихъ здѣшніе потомки наименѣе запечатлѣлись монгольскимъ оттѣнкомъ. Даже принявъ на себя распространившееся здѣсь напослѣдокъ общее имя „*Крымскихъ татаръ*“, туземцы сохранили однакожъ старинныя черты своего племени чище и безпримѣснѣй. Нѣкоторая устойчивость противъ полнаго сліянія съ монголами и противъ полнаго поглощенія собственныхъ племенныхъ чертъ монгольскими—отразилась болѣе или менѣе всюду въ мѣстахъ, заспженныхъ этими пришлыми завоевателями, — однакожъ нигдѣ она не могла сказаться сильнѣе, какъ именно въ здѣшнихъ поселеніяхъ, издревле греческихъ. Тутъ и удержались, въ старинномъ мѣстномъ населеніи, старинныя же племенныя черты почти въ неприкосновенной цѣлости,—чего не могло и быть въ прочихъ мѣстахъ среди болѣе подходившихъ къ татарамъ и менѣе устойчивыхъ населеній, къ какимъ по необходимости должно отнести всѣхъ ордынцевъ Средней Азіи и самихъ Волжанъ-Болгаръ.

лѣе—постоянно поминались русскіе города въ при-Дунавьѣ, также по западному склону Карпатовъ въ глубь Семиградія за Тиссу, еще и въ сторону междурѣчія Вислока и Дунайца. Даже во времена Ярослава Осмомысла его держава простиралась къ Уграмъ и Ляхамъ—весьма далеко. Не такъ было еще и до татаръ, уже по кончинѣ Романа-великаго, когда Волынь и Галичъ терзались на части иноплеменными сосѣдями, вторгавшимися сюда подъ видомъ покровительства Романовымъ сиротамъ, а въ самомъ дѣлѣ для расхищенія здѣшнихъ мѣстъ. Еще при Романѣ-великомъ, воевавшемъ Половцевъ въ при-Дунавьѣ—когда эти мѣста слились заодно, можно бы сказать, со всею прозывавшеюся тогда *„степью Половецкой“*—уже русское народонаселеніе, крѣпче державшееся Галичины, отхлынуло отъ здѣшнихъ мѣстъ; а которое удерживалось тутъ изстари или даже селилось тутъ вновь—носило нелестное прозвище *берладниковъ*, изстари же и утвердившееся за здѣшнимъ сбродным населеніемъ. А какъ только пришли татары—все тутъ измѣнилось. Когда они тѣснили галичьскихъ и волынскихъ князей въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній—ужъ не до того было задалымъ потомкамъ Романа-великаго, чтобы охранять дальнія окраины и отвоевывать спорные предѣлы своихъ полу-уничтоженныхъ княжествъ. Ни старинный русскій Берладъ—владѣніе между Прутомъ и Середомъ—ни малый Галичъ въ устьяхъ Дуная (нынѣшній Галацъ), ни тѣмъ болѣе старинныя русскія селенія, простиравшіяся за Тиссу—въ XIV-мъ вѣкѣ болѣе не поминались въ чертѣ галичьскихъ вдадѣній: Угры ихъ присвоили себѣ. Извѣстно уже, что при нашествіи Батыя, половецкій ханъ Котянъ передался Венгріи съ тридцатью тысячью слишкомъ кибитокъ: надоже было гдѣ-нибудь поселиться и этимъ кочевникамъ.

Но кромѣ Половцевъ скитались въ тамошнихъ планинахъ и многія другія, полуосѣдлыя и полукочевыя, полувольныя и полуподвластныя державцамъ Венгріи—разноименныя, можно бы сказать, и вовсе безыменныя племена, коснѣвшія во полу-дикости: смѣсь и осколки минувшихъ народовъ. Въ числѣ ихъ были однакожъ и болѣе самостоятельныя, хотя по происхожденію также образовавшіяся изъ разносмѣшенія, а не цѣльныя-безпримѣсныя племена. Къ числу такихъ именно поселенцевъ Венгріи принадлежали

Волохи, правильнѣе же: собственно такъ называемые Влахи, они же еще и Румуны *). Во время венгерскаго короля Людвига, отца Ядвиги, значительная доля этихъ Влаховъ уже переселилась изъ Венгріи въ древне-русскія мѣста, частью еще удерживавшіяся, а частью и заброшенныя татарами: Венгрія же всѣ тѣ мѣста почитала тогда своими. Хотя здѣсь и много уцѣлѣло коренного, прямо-русскаго народонаселенія, но все оно въ XIV вѣкѣ уже къ составу Галичскаго княженія болѣе не принадлежало. Эта вольная Русь при натискѣ Татаръ отливала отъ здѣшнихъ мѣстъ, а при уходѣ Татаръ вновь придвигалась къ стариннымъ своимъ селитьбамъ. Въ то именно промежуточное время, когда, послѣ разрушенія Венгріи Татарами, они впослѣдствіи покинули здѣшнія мѣста, тутъ и образовалось—по точному выраженію нашихъ лѣтописцевъ—*„мѣсто пусто во край татарскихъ кочевищъ“*. Тутъ, на опустѣломъ мѣстѣ, и зачалось то самое *„господарство“*, которое вслѣдъ затѣмъ и начали оспаривать другъ у друга Венгры и Поляки, такъ какъ они же спорили между собой вообще за остатки Галичскаго княженія. Занявъ *„мѣсто пусто во край татарскихъ кочевищъ“*, Влахи стали управляться собственными воеводами, которые прозвались *„господарями“*. Одни изъ нихъ удержались ближе къ побережью Дуная: то—*„Влашьская Земля“*; другая ихъ часть ушла дальше и сѣла на рѣкѣ Молдавѣ. *„И оттолѣ начашася“*, какъ говоритъ лѣтописецъ, *„Божіимъ произволеніемъ Молдавская Земля“*, при чемъ въ подробности указано, какъ привелъ ихъ сюда на новоселье Драгошъ, они-же *„назваша его себѣ государемъ и вое-*

---

*) Отдаленнѣйшая ихъ старина совпадаетъ еще со временами древнихъ Римлянъ, когда, покоривъ Задунайскія страны, древніе Римляне переселяли оттуда зовомыхъ Дако-Гетовъ цѣлыми многочисленными населеніями въ окраины собственныхъ владѣній на свою сторону изъ-за Дуная и перемѣшивали ихъ съ отсѣдами своего же собственнаго римскаго населенія въ дальныхъ, можно бы сказать, ссылочныхъ своихъ римскихъ поселкахъ. Смѣшавшіеся съ отсѣдами Римлянъ (откуда и прозвище: *румуны*) эти зовомые Дако-Геты, во-1-хъ, несомнѣнно были близки къ славянству и замѣшались съ нимъ еще въ Задунавьѣ; а кромѣ того, во-2-хъ, по переселеніи ихъ древними Римлянами на свою сторону изъ-за Дуная, они приняли еще въ себя примѣсь и давнихъ же старинныхъ славянъ *„яже у Адріатскаго моря“*: тутъ также почиталось отечество Влаховъ.

водою“, послѣ чего обстоятельно разсказано и о наслѣдникахъ Драгоша: *„который государь послѣ котораго сѣлъ“*. А одинъ изъ ихъ воеводъ, по имени Бессарабъ, занялъ древне-галичскія мѣста по всему побережью Прута: имя сохранилось и доселѣ въ наименованіи той области Бессарабіей. Всѣ эти *румуны*, такимъ образомъ, еще ранѣе переселенія ихъ въ здѣшнія мѣста составлявшіе смѣсь сугубаго славянства, перемѣшаннаго съ отсѣдами древнихъ римлянъ (Славянъ собственно дунайскихъ и *„яже у Адріатскаго моря“*), попавъ въ мѣста старожитной Руси, прямо сказать, еще и обрусѣли напослѣдокъ. Новопришлые данники венгерскихъ королей, перемѣшавшись со здѣшнимъ русскимъ населеніемъ, приняли не только русскій языкъ и русскую грамоту, но и русскую вѣру. Такъ какъ однакоже вольная здѣшняя Русь болѣе не принадлежала къ державѣ Святого Владиміра и была безгосударна, румуны же подъ властью своихъ „господарей“ стремились именно къ тому, чтобы державствовать въ здѣшней странѣ—то рано или поздно должны были возобладать надъ здѣшнимъ старинным туземнымъ народонаселеніемъ. И это тѣмъ болѣе, что держава молдавскихъ господарей,—не говоря уже о дальнѣйшемъ подчиненіи Туркамъ,—по слабости своей, на первыхъ-же порахъ, какъ только возникла, обращалась уже за покровительствомъ и даже прямо подчинялась то Венгріи, то Польшѣ, а то зовомой „Литвѣ“,—онѣ же стремились не къ усиленію Руси, а къ тому, напротивъ, что бы *ея имя безпамятнымъ сотворить* *). Тѣмъ не менѣе, однако, во всей Молдавіи даже въ XVII-мъ вѣкѣ господствующимъ языкомъ былъ русскій—не только церковнымъ, но и судебнымъ языкомъ. Также и грамота у „румуновъ“ была русская: только въ 1671-мъ году напечатаны были Поляками въ Львовѣ пер-

*) Высказанное лѣтописцемъ сочувствіе къ *„начавшейся Божіимъ произволеніемъ Земль Молдавской“*, къ сожалѣнію, уцѣлѣло въ такомъ сказаніи, текстъ котораго не только поврежденъ мѣстами, а очевидно подвергся искаженію. Не важны, разумѣется, подробности о томъ, какъ Дракуль свѣдалъ „о красотѣ земли, и о рѣкахъ, и о криницахъ“ тѣхъ мѣстъ, куда перевелъ земляковъ на новоселье: узналъ впервые, охотясь за туромъ, и прочее,—ни о томъ даже, *„который государь послѣ котораго сѣлъ“*; но въ этомъ, очевидно, поврежденномъ и явно искаженномъ разсказѣ есть нѣчто поважнѣе. Тутъ сохранились такія упоминанія о *„старыхъ римлянахъ“* и *„новыхъ римлянахъ“* и о *„старомъ и новомъ латинскомъ*

выя книги на валашскомъ языкѣ, и то русскими буквами: остерегались еще кириллицу замѣнить латынью. При всемъ томъ, однако, такимъ образомъ, въ XIV-мъ вѣкѣ не стало больше стариннаго русскаго Галича: древняя столица Романа великаго и стольный городъ Холмъ его сына Даніила Романовича, и другой стольный городъ Львовъ внука Романова Льва Юрьевича звались уже тогда „староствами“ Польши, остальное-же ихъ достояніе—„Молдавіей“ и „Валахіей“.

Днѣстръ, Прутъ, Середъ и самъ Дунай!.. безъ ихъ по-

закономъ“ въ связи съ тѣмъ, что „*папа отлучися отъ православія въ латинство*“ или еще „*отъ града Венеціи* пріидоша сущіе въ христіанской вѣрѣ, избѣгоша отъ гоненія еретикъ на христіане“,—смыслъ которыхъ, при всей искаженности этихъ именно упоминаній, выступаетъ однакожъ явно. Объ упоминаемомъ тутъ же одномъ изъ венгерскихъ королей лѣтописецъ замѣчаетъ: „крещеный православнымъ сербскимъ епископомъ „*держалъ онъ Христову вѣру въ сердцы тайно, а языкомъ и Кралевскимъ украшеніемъ бяше латынинъ*“. Оказывается, что, кромѣ обращенія православныхъ въ латинство открытымъ образомъ и, такъ сказать, законодательнымъ порядкомъ, со всею строгостью и во всей силѣ подчиненія римско-католической церковности,—по случаю упорства, должно быть, именно Славянъ, „*яже у Адріатскаго моря*“,—прибѣгали къ совращенію въ латинство еще незримо и незамѣтно, съ сохраненіемъ по наружности стариннаго православія и безъ нарушенія его церковныхъ обычаевъ и церковныхъ обрядовъ—лишь бы только новообращенные признавали главенство папы. Иначе какъ такъ, нельзя по крайней мѣрѣ и понять упоминаемыхъ въ этомъ сказаніи „старыхъ и новыхъ римлянъ“. Эти „новые римляне“, напримѣръ, имѣли „*свой латинскій законъ*“, явно отличавшійся отъ „латинскаго закона старыхъ римлянъ“, ибо когда „старые римляне“ нудили ихъ, „новыхъ римлянъ“, къ собственному закону, тогда эти притѣсняемые „новые римляне, имѣвшіе *свой* латинскій законъ“, испрашивали себѣ покровительства у венгерскихъ королей, дабы ихъ „*не уклонили въ латинскій законъ и позволили бы имъ держати христіанскій законъ греческій*“. О нихъ же тутъ прибавлено, что они брали за себя женъ угорскихъ (слѣдовательно, стараго римско-католическаго закона), но какъ? „*пояше за себя жены угоркы отъ латинскаго закону во свою вѣру христіанскую*“. Опредѣливъ этихъ „новыхъ римлянъ, имѣвшихъ *свой* латинскій законъ“ весьма точнымъ опредѣленіемъ, тѣмъ именно, что, собственно говоря, они держались греческаго закона, лѣтописецъ продолжаетъ: „*И въ нихъ бѣ человѣкъ разуменъ и мужественъ, именемъ Дракулъ*“, который „принявъ *отъ Бога* во сердце *мысль, да быхъ разсмотрилъ себѣ на жительство мѣсто*“, ушелъ изъ Венгріи, перешелъ Угорскіе планины, поселился на рѣчкѣ Молдавѣ, послѣ чего, въ заключеніе, и становится вполнѣ понятно сочувствіе православнаго лѣтописца, выразившееся въ словахъ: „И оттолѣ Божіимъ произволеніемъ начашася

мину шагу нельзя было ступить въ исторіи древней Руси, а съ этого времени уже ихъ именъ въ ней болѣе не слыхать; низовья Серета и Прута, и понизовье даже Днѣстра, звались уже къ описываемому времени *„Влашьскою Землею“*; а въ ихъ верховьяхъ—въ одну сторону шла Венгрія, въ другую—Польша. Послѣдняя домогалась захватить и Волынь, но отъ сихъ мѣстъ простиралась Литва.

Это великое княжество, заключавшее въ себѣ, вмѣстѣ съ Кіевомъ, Подолію и Волынь,—а къ древнимъ Полоцкимъ владѣніямъ присоединившее даже Смоленскъ—правда, не

Молдавская Земля“.—Замѣчательно, что Ядвига старалась ввести въ отвоеванномъ ею у своей сестры Галичѣ именно этотъ самый *„латинскій законъ новыхъ римлянъ“*. Она знала, что въ Прагѣ латинскіе монахи чина Бенедикта отправляли богослуженіе на славянскомъ языкѣ: имъ и ввѣрено было учить богословію *русиновъ*. „Въ 1390-мъ году королева Ядвига призвала изъ Праги монаховъ чина Бенедикта, отправляющихъ богослуженіе на языкѣ славянскомъ, построила для нихъ церковь и монастырь во имя Св. Креста, въ Краковѣ.—Цѣль вызова ихъ заключалась въ томъ, чтобы увѣрить литовскихъ и галичскихъ Русиновъ, такъ крѣпко отстаивавшихъ богослуженіе на родномъ языкѣ, въ возможности признавать папу главой христіанства, не отрекаясь, впрочемъ вовсе, отъ славянскаго языка“. Послѣ того, какъ своякъ Ядвиги и Ягайла, императоръ Сигизмундъ, предалъ Гусса сожженію на кострѣ, онъ говорилъ между прочимъ, что „вся разница духовенста греческаго въ томъ, что оно брадато, а у римлянъ бритое“. Дѣйствительно, въ дополненіе къ разрѣшенію славянскаго богослуженія латинскимъ монахамъ въ видахъ прикровеннаго совращенія православныхъ къ признанію главенства папы, почувствована была еще необходимость и брадатаго латинскаго духовенства,—едва ли даже не ранѣе появленія гусситовъ.—Вмѣстѣ со Влахами могли еще въ земляхъ, занятыхъ ими, перемѣшиваться и исчезавшіе мало-по-малу остатки Половцевъ, которыхъ въ Венгріи звали по-старинѣ Куманами. Хотя и они были обращены въ латинство (на этомъ именно уговорѣ былъ принятъ ханъ Котянъ со всѣмъ своимъ многотысячнымъ населеніемъ), но усердіемъ къ Папѣ, повидимому, не отличались. По крайней мѣрѣ, во времена Людвига, отца Ядвиги, Мадьяры, очень хвалясь многочисленностью своего войска, составленнаго изъ этихъ римско-католическихъ Ордынцевъ, не почитали ихъ особенно приверженными „священно-римскому престолу“. Когда папа Климентъ VI произнесъ свой судебный приговоръ по дѣлу неаполитанской королевы Іоанны и благочестивый венгерскій король подчинился папскому рѣшенію безпрекословно, Мадьяры роптали, говоря: „то ли дѣло было бы напустить на такихъ судей сотню тысячъ нашихъ Кумановъ!“ Такъ говорилъ между прочимъ одинъ изъ мадьярскихъ историковъ, искренность чувствъ котораго въ этомъ случаѣ трудно бы и заподозрить, такъ какъ онъ и самъ принадлежалъ къ латинскому духовенству.

хотѣло себя почитать Польшею; его державцы писались „Русско-Литовскими“ великими князьями, пытались даже пополнить свой титулъ и добавкою *„всея Руси“*. Но, кромѣ державы Святаго Владиміра, какая-же могла быть еще иная Русь? святая и православная, которая держалась его завѣта—много ли, мало ли занимала мѣста въ мірѣ—*вся* тутъ и была она, Русь. А вѣнценосецъ Литвы, двоюродный братъ Ягайла, съ нимъ же заодно, снискалъ себѣ полное благоволеніе Рима: Папа (Мартинъ V) въ награду за преданность и ревностное распространеніе латинства даровалъ Витовту лестный титулъ *главнаго своего Намѣстника въ русскихъ земляхъ.* Таковы же были, за исключеніемъ Свидригайла, всѣ дальнѣйшіе преемники и послѣдователи Витовта. Ихъ держава, разумѣется, была не русская и напротивъ того составляла враждебное Руси государство, у котораго не даромъ же все время и столицей была не *„матерь русскихъ городовъ“* Кіевъ, а полурусская и полуополяченная Вильна, воздвигнутая на берегу Виліи и превознесенная язычникомъ Гедиминомъ въ близкомъ сосѣдствѣ древняго православнаго Вилькоміра на рѣкѣ Святой.

Съ „Литвой“ смыкалась враждебная Руси и ужъ вовсе иноземная *Ливонія.* Хотя обѣ эти державы и вели еще между собой соперническія распри, но одна и та же общая цѣль — наступательная война противъ Руси — составлявшая ихъ удѣлъ отначала, все болѣе и болѣе вела ихъ ко взаимному сближенію. Витовтъ, нѣкогда ожесточенный врагъ Нѣмецкихъ рыцарей, сталъ ихъ другомъ и союзникомъ напослѣдокъ: онъ уступалъ имъ въ полную волю Псковъ и обязался даже содѣйствовать присоединенію Пскова къ Ливоніи; а они съ своей стороны великодушно отказывались отъ Новгородскихъ владѣній въ пользу Литвы и обязались Витовту помогать въ свою очередь—покоренію имъ Новгорода.

Рядомъ съ Ливоніей простирали уже къ этому времени, въ отторгнутыхъ отъ Руси владѣніяхъ, свою державу и Шведы. Послѣ множайшихъ побѣдъ надъ ними при сыновьяхъ Александра Невскаго, новгородцы, изнуренные послѣдними смутами распавшагося вконецъ Владимірскаго княженія, вынуждены были заключить *„вѣчный миръ“*—какъ прежде съ „Датскими“, такъ напослѣдокъ и со „Свейски-

ми“ нѣмцами. Чтобы не дать имъ хода внутрь своихъ дальнѣйшихъ владѣній, они укрѣпили тогда сильнѣе прежняго городъ Орѣховъ при входѣ въ Ладожское озеро, а при-Невскую сторону къ Выбору, знатную часть своей Корелiи, должны были уступить Шведамъ. Рижскiе и Свейскiе нѣмцы, такимъ образомъ, не отказываясь отъ новыхъ посягательствъ на отторженiе дальнѣйшихъ предѣловъ Руси, всѣ уже захваченныя отъ нея земли почитали къ этому времени законнымъ своимъ достояніемъ, принадлежавшимъ имъ по праву крѣпчайшихъ договоровъ. Ливонцы,—уступивъ къ тому же по тайному соглашенiю Новгородъ подъ власть Литвы,—тѣмъ охотнѣе вступали въ торговыя сношенiя съ новгородцами, льстясь дѣйствительными выгодами своихъ купцовъ отъ связей съ новгородскими и льстя имъ въ то же время важнымъ мѣстомъ, которое они, новгородцы, какъ друзья нѣмцевъ, занимаютъ въ новомъ—преобразовавшемся тогда изъ стараго—Ганзейскомъ союзѣ.

А терзаемый попрежнему внутренними раздорами и несогласiемъ,—притомъ уже мало видя себѣ помощи отъ безсильныхъ Владимiрскихъ князей, а видя себя только понасну плательщикомъ ихъ долговъ и расходовъ, коими эти князья покупали себѣ Ханскiе ярлыки и, дружбу съ татарами,—Новгородъ, дѣйствительно угрожаемый Литвою, давалъ уже у себя пріютъ сродникамъ Ягайла, отводилъ въ своихъ владѣніяхъ (напримѣръ, Наримонту) цѣлые удѣлы,—и звалъ ихъ къ себѣ, литовскихъ князей, на смѣну Владимiрскихъ. Такова была Русская Земля, растерзанная на части, къ серединѣ XIV вѣка.

И всею своею тяжестью, всѣмъ подавляющимъ бременемъ монгольскаго ига—какъ разъ въ это самое время—Орда татарская налегла именно на ту серединную часть Русской Земли, которая со времени Всеволода-Большое-Гнѣздо,—безъ того, чтобы съ чьей-либо стороны это было обращаемо въ умышленный титулъ,—стала уже именоваться *Великою Русью*. Можно бы сказать, клочекъ Руси временъ Ярослава-Мудраго,—этотъ малый остатокъ отъ обширной державы Святаго Владиміра,—одинъ только и уцѣлѣлъ напослѣдокъ—нерушимо вѣрный его преданiямъ и его завѣту.

Кипчакская орда въ XIV вѣкѣ.

Никогда Татарская Орда, еще со времени Батыя, не была такъ сильна и грозна, какъ при воцареніи въ ней Узбека. Этотъ ханъ Кипчака (ум. 1340 г.) пользовался такимъ-же поклоненіемъ у восточныхъ народовъ и былъ столько же боготворимъ ими, какъ Цезарь на Западѣ; на всемъ мусульманскомъ востокѣ тамошніе царьки и салтаны, обративъ его имя себѣ въ почетный титулъ, стали прозываться въ честь его *узбеками*. Уже предшественникъ его *) бывшій вначалѣ угодникомъ черноморскаго хана Ногая, а напослѣдокъ его грозный побѣдитель и сокрушитель Ногайской орды, Тохта, успѣлъ отчасти возстановить грозную власть Золото-ордынскихъ хановъ, поколебленную было при Алгуѣ и Телебугѣ. А Кипчакская орда при Узбекѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ его Ханскій Сарай, „царевъ-городъ на Волгѣ“, возвысились до небывалой высоты,—на что были особенныя причины.

Китай въ эту пору и индійскія владѣнія, персидскія и прочія, составлявшіе вмѣстѣ со всѣми остальными нѣкогда единую державу Великаго Могола—по истеченіи уже больше ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, совсѣмъ подѣлились напослѣдокъ между *„великими царями свѣта“* на отдѣльныя, одна отъ другой болѣе независившія державы.

Однимъ изъ такихъ *„великихъ царей свѣта“*, какъ ихъ называли на Востокѣ, числился теперь и Узбекъ. Также и его Кипчакъ составлялъ одну изъ великихъ „частей свѣта“, ихъ же восточные писатели всего-на-всего насчитывали въ цѣломъ мірѣ только семь. При ханѣ Беркіѣ и Менгу-Темирѣ приходилось еще Кипчакской Ордѣ вѣдаться съ Великой Монголіей; послѣ нихъ эта связь все болѣе прерывалась: монгольское вліяніе на Кипчакъ слабѣло,—это вліяніе и вовсе прекратилось при Узбекѣ,—при немъ связь Кипчака съ Великою Монголіей порвалась вконецъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ именно при Узбекѣ водворилось окончательно и магоме-

*) По однимъ—Тохта былъ отецъ Узбековъ, по другимъ его дядя; а по многоженству и унаслѣдованію супругъ родными братьями послѣ одного другимъ, родство татарское вообще смутно.

танство въ Ордѣ: „*Озбякъ войде въ богомерзкую вѣру Сарацинскую*“ или *царь Озбякъ обесерменился*“, какъ объ немъ сказано въ лѣтописи. По мѣрѣ того, какъ Кипчакская Орда все болѣе отрывалась отъ нѣдръ Монголіи и обходилась собственнымъ народонаселеніемъ Торкскихъ областей, приданныхъ къ ней отъ раздѣленнаго на части Ховарезма,—по ихъ всеобщему магометанству все болѣе и болѣе „басурманилась“ и Сарай-Орда, унаслѣдованная Узбекомъ. Уже при Беркіѣ усилилось въ ней магометанство, усиливалось все больше и при Тохтѣ; Узбекъ же, наконецъ, торжественно призналъ Исламъ: провозгласилъ Магометово ученіе господствующимъ въ своей Ордѣ,—хотя самъ въ душѣ и остался отличавшимся вѣротерпимостью монголомъ, какъ и всѣ его предки. Лишь мало-по-малу и только впослѣдствіи измѣнились въ этомъ отношеніи здѣшніе татары, какъ вообще же мало-по-малу начали видоизмѣняться и во многомъ, а не въ одномъ этомъ. Такое отдѣленіе Кипчакской Орды отъ Монголіи, разумѣется, предвѣщало и ей самой дальнѣйшій разрывъ на отдѣльныя части въ грядущемъ *).

Но при Узбекѣ еще было полное единство владѣемой имъ „Части свѣта“; съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ видѣли и дотолѣ еще небывалое грозное могущество его „Кипчака“, подвластнаго ему одному и всецѣло зависѣвшаго отъ его воли,—это и ставило Узбека превыше всѣхъ прежнихъ здѣшнихъ хановъ. Пышность и грозная внушительность его двора поражала всѣхъ приходившихъ къ нему издалека—либо на поклонъ изъ странъ подвластныхъ, либо съ посольствомъ—изъ странъ, искавшихъ его дружбы. Императоръ Андроникъ Палеологъ отдалъ одну изъ своихъ дочерей въ жены Узбеку,—и она, состоя въ числѣ прочихъ татарскихъ ханшъ, навѣщала съ береговъ Волги родителя своего въ Цареградѣ, сопровождаемая туда—кромѣ толпы рабынь и невольниковъ—пятитысячнымъ татарскимъ отрядомъ. Оба двора, греческій и

---

*) Ханства, включенныя въ Кипчакъ отъ разныхъ областей Ховарезма, пошли въ свою очередь отдѣляться, одно за другимъ, отъ Сарай-Орды,—такъ, напримѣръ, образовалась „*Синяя Орда*“ за Яикомъ. Въ свою очередь и сама Сарайская, при-Волжинская Орда, пошла мало-по-малу дѣлиться на астраханскихъ, казанскихъ, крымскихъ татаръ и т. д.

татарскій, постоянно обмѣнивались между собой дружескими Послами и дарами. Папа (въ особливости, Бенедиктъ XII) превозносилъ Узбека хвалой и славой, величая его въ своихъ посланіяхъ Императоромъ всѣхъ Татарій, и пользовался его дружбой для подчиненія „священно-римскому престолу“ если не его самого и не всей его державы, по крайней мѣрѣ жителей Крыма и Кавказа. Авиньонъ, гдѣ тогда пребывали Папы, хвалившійся, что никогда еще не переживалъ эпохи столь блистательной, какъ въ эту пору „папскаго плѣненія“—Авиньонъ хвалился еще и тѣмъ, что между вѣнчанныхъ и другихъ высоко-поставленныхъ гостей Римскаго первосвященника, не разъ видалъ въ стѣнахъ своихъ пословъ Узбека.

Послѣ того, какъ „*бысть ослаба на Руси*“, почувствованная всѣми при Менгу-Темирѣ и потомъ за время происходившихъ въ Ордѣ усобицъ—опять стало тяжело въ послѣдніе годы при усилившемся Тохтѣ. Но его наслѣдникъ (воцарившійся въ 1312 году) навелъ на всѣхъ ужасъ, было уже и позабытый всѣми, и напомнилъ мощь — прямо сказать — самого Батыя. Никогда еще не была такъ страшна-грозна Орда Ханская и не пало въ ней столько княжескихъ головъ, какъ при Узбекѣ.

Время, переживаемое тогда нашими предками, было самое тяжкое и мрачное на Руси. Измученные уже цѣлымъ столѣтіемъ монгольскаго ига, претерпѣлись они къ „*пару конному*“! пріучились „*крещеные*“ среди „*духа татарскаго живыми быть*“! Грубѣлъ народъ, суровѣли нравы,—приглядѣлись уже къ татарскому правежу: какъ виновныхъ или простыхъ должниковъ выводили на-площадь и били батогами на торгу,—стали привыкать къ розгамъ и кнуту. Несуществовавшая въ древней Руси смертная казнь стала вводиться въ употребленіе, завелись пытки.

Нѣкогда молодые князья воспитывались доблестнымъ примѣромъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, объ нихъ же держалась молва въ Кіевѣ, что они „*Грековъ послушными сотворили*“,—княжичи еще съ колыбели вслушивались въ разсказы о громкихъ подвигахъ своихъ предковъ на Дунаѣ и за Дунаемъ,—о славныхъ походахъ въ Половецкую степь,—русскихъ дѣтей съ молоду пріучали „*никого не бояться кромѣ Бога*“. Теперь съ дѣтства привыкало ухо молодыхъ княжичей къ щелканью

щетовъ *), по которымъ откладывали серебро и золото для отсылки въ Орду въ дань хану,—пріучались и къ страху передъ ханскимъ именемъ, слыша съ дѣтства же: „*Богъ на небѣ, а ханъ на землѣ*“. Не въ томъ былъ грѣхъ, такимъ образомъ, что кнутъ и палки завелись отъ татаръ на Руси, а въ томъ, что портились сами русскіе люди. Не въ томъ заключалась тогдашняя порча нравовъ и не то въ нихъ грозило опасностью, что стали они сходить на мужицкую грубость и дикую простоту: большой бѣды еще не было бы въ томъ. А въ томъ была бѣда истинная и опасность заключалась въ томъ, что одичаніе внѣдрялось гораздо глубже: проѣдало насквозь и ржавчина шла внутрь. Не сельщина-деревеньщина и не смердъ, не лапотникъ, однимъ словомъ, а бархатникъ грубѣлъ тогда отъ Монгола. Не наружная проказа мертвила тѣло, а душевная тлила духъ.

Про Монголовъ къ тому же надо правду сказать: всякій изъ нихъ, какъ истый дикарь природы, при всей своей лютости имѣлъ отъ природы же и заповѣданное ему, чему оставался вѣренъ и что чтилъ. Но когда въ русской правдѣ воспитанный человѣкъ, соблазняясь татарскимъ успѣхомъ и взявши силу Монгола за образецъ, колебался въ душѣ: правда ли еще все то, въ чемъ его воспитали?.. злѣй Монгола и лишѣй татаръ были подобные люди, носившіе имя христіанъ.

Если многіе изъ татаръ женились на русскихъ, принимали крещеніе и русѣли; если завелись во многихъ княженіяхъ цѣлыя слободы и обширныя усадьбы, какъ бы полу-независимыя владѣнія обрусѣлыхъ татаръ (царевичъ Петръ ордынскій, Бугай въ Устюгѣ, царевичи: Берка, Аредичь, Серкизъ и другіе) и ихъ владѣльцы славились добрымъ, а нѣкоторые даже и святымъ житіемъ—то были сплошь и противуположные примѣры. Всюду же развелись еще и такіе вертепы и притоны, которые напоминали Ахметову слободу въ „*области курскаго княженія*“, а въ нихъ и по сосѣдству съ ними производились русскими людьми такія дѣла, которыя по

---

*) Отъ татаръ пошли у насъ слова: деньги, таможня, казна, кнутъ, кабакъ и прочія, въ русскомъ языкѣ ихъ не было. Нынѣ употребляемыя въ лавкахъ „*щеты*“, которыя за-границей зовутъ русскими—также заимствованы отъ татаръ и составляютъ остатокъ того времени.

лютости и жестокости далеко превосходили злодѣянія пересорившихся сродниковъ: Ливецкаго съ Воргольскимъ.

Все, что за это время накопилось темнаго на Руси и что въ ней уцѣлѣло свѣтлаго—отразилось съ такою полнотою въ борьбѣ московскаго князя Юрія Даниловича съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ, что и память о томъ со всѣми подробностями сохранилась изъ рода въ роды. Грѣхи одного, тяжкіе грѣхи тогдашней Руси, искуплены были тогда же къ ея чести—святостью другого.

Великій Князь Московскій и всея Руси Иванъ Даниловичъ Калита.

I. Отъ кончины отца его Даніила до вокняженія на Владимірскомъ престолѣ (1303—1328 гг.).

Времена Іоанна и личныя свойства Князя.—Дѣло своего отца Даніила Александровича довершилъ его сынъ Иванъ Даниловичъ: какъ Даніилъ собралъ вкругъ Москвы цѣлое княженіе, и она обратилась въ столицу новаго зародившагося княжества, сильнѣйшаго противъ всѣхъ разрознившихся удѣловъ—такъ Иванъ Даниловичъ началъ уже вкругъ Московскаго княженія собирать разрознившіяся части самихъ удѣловъ, тогдашней разрозненной Руси,—и Москва стала при немъ „сердцемъ Русской земли“: ея истинною столицей.

Смолоду сходный съ отцомъ, Иванъ Даниловичъ долгое время, подобно самому Даніилу, держался вдали отъ виднаго историческаго поприща и въ сторонѣ отъ главныхъ событій. Не имѣвъ святыхъ добродѣтелей отца, онъ однакоже болѣе остальныхъ братьевъ (старшаго Юрія и младшихъ Александра, Бориса, Аоанасія) и нравомъ напоминалъ Даніила: смолоду любилъ монастыри, былъ прилеженъ къ церкви, отличался домовитостью и скопидомствомъ,—послѣднее въ немъ доходило даже до излишества. Старшіе князья воевали изъ-за великаго княженія, оспаривали другъ у друга и Новгородъ, и Владиміръ: соперничать въ этомъ Калита оставилъ старшему своему брату Юрью. А самъ захоронился въ мирномъ наслѣдіи отца своего—московскомъ

княженіи, пополненномъ переяславскимъ, — и добрыя-ли, злыя-ли дѣла, творившіяся тогда на Руси, обращали на себя общее вниманіе—Иванъ Даниловичъ оставался имъ не причастенъ. Трудно-бы даже и опредѣлить за это время: сидѣлъ-ли онъ особливымъ удѣльнымъ княземъ, напримѣръ, въ Переяславлѣ-залѣсскомъ? или все время—тогда какъ старшій его братъ Юрій занималъ то Новгородъ, то Владиміръ, а то еще проживалъ въ Ордѣ—не оба-ли вмѣстѣ владѣли и Москвою?

Похоже, что Юрій, сдѣлавшись Великимъ Княземъ (1319 г.), вовсе уступилъ Москву Ивану,—ранѣе-же того времени держали ее оба вмѣстѣ. Неожиданная кончина Юрія, не оставившаго потомковъ (1325 г.), свела напослѣдокъ подъ рукой Ивана Даниловича все наслѣдство ихъ отца Даніила, пополнившееся еще и примыслами самого брата—въ нераздѣльную державу: ихъ прочіе братья скончались одинъ за другимъ преждевременно еще раньше. А вскорѣ послѣ того (именно спустя три года) ханъ назначилъ еще Іоанна и Великимъ Княземъ. Смертью старшаго брата Юрія, такимъ образомъ, почти съ тѣмъ вмѣстѣ и вокняженіемъ на Владимірскомъ престолѣ, долговременное княженіе Ивана Даниловича Калиты и дѣлится на двѣ неровныя половины.

Его дѣятельность, какъ Великаго Князя, со времени восшествія на Владимірскій престолъ (1328 г.) и даже до самой кончины (1340 г.)—была у всѣхъ на виду: всѣ главныя событія того времени и прикосновенныя къ нимъ лица уже неразрывно связаны съ его именемъ; оно и не сходитъ со страницъ лѣтописи—не только изъ года въ годъ, можно-бы сказать: изо дня въ день. А до тѣхъ поръ, за цѣлыя четверть вѣка, ровно его и не числилось между тогдашними князьями; если втеченіи этихъ двадцати-пяти лѣтъ имя его изрѣдка и упоминалось въ лѣтописяхъ—всегда отрывочно и лишь мелькомъ. Только дружественное къ нему расположеніе прославившагося тогда святителя Петра и многолѣтняя преданность самого Іоанна этому святому митрополиту—доказываютъ о княжеской дѣятельности Іоанна, что она дѣлилась тогда поровну между обоими городами: Москвою и Переславлемъ-залѣсскимъ *); тутъ и пребы-

*) Извѣстно уже, что митрополитъ Максимъ, обозрѣвая владиміро-волынскую эпархію, отличилъ особливымъ вниманіемъ тамошняго уроженца, игумена Ратьскаго монастыря, именемъ Петра, который тогда-же

валъ онъ въ полной безызвѣстности—прежде, чѣмъ сдѣлаться Великимъ Княземъ.

Объ этой долговременной и нешумной дѣятельности Іоанна (1303—1328 гг.) можно сказать только, что, захоронясь въ мирномъ наслѣдіи отца своего, онъ забирался втихомолку силой и богатствомъ: исподволь богатѣлъ богатѣніемъ своего края и усиливался его успѣшнымъ ростомъ,—въ томъ и провелъ все это время, что копилъ казну, силу и богатство. А въ честности извѣстно еще, что во всей его области перевелись тати и разбойники: *„злодѣйственныхъ хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своей“*. Это составляло, какъ видно, особенное отличіе его княженія: такой тишины и безопасности, кромѣ какъ здѣсь, нигдѣ не

поднесъ митрополиту чуднаго письма икону, и самъ Петръ былъ ея иконописцемъ. Кромѣ развѣ самого митрополита Максима, замѣтилъ-ли кто тогда это событіе? Кто-бы думалъ, что безвѣстному уроженцу Галича и Волыни, благословившему монастырскимъ устроеніемъ берега Рати, предстоитъ благословить въ неотдаленномъ грядущемъ берега Москвы-рѣки для устроенія столицы, изъ которой выйдетъ спасеніе Руси! Галичь и Волынь—въ лицѣ митрополита Петра—дали уже втораго первосвятителя всей Русской землѣ: самъ знаменитый Кириллъ былъ родомъ оттуда. Южнорусскіе Князья, по разрушеніи Кіева татарами, особенно заботились о возстановленіи тамошней митрополіи, и Кириллъ—какъ вѣроятно—былъ назначенъ по ходатайству Даніила Романовича галичьскаго. Но, какъ извѣстно, этотъ митрополитъ большею частью пребывалъ на сѣверѣ, а его преемникъ Максимъ и вовсе оставилъ Кіевъ. Послѣ Максима отправился въ Цареградъ ставиться въ митрополиты одинъ изъ епископовъ—Геронтій. Повидимому, это былъ близкій человѣкъ почившему владыкѣ, ибо онъ взялъ съ собою въ путь бояръ митрополита, его святительскія ризы и утварь: въ томъ числѣ и икону Богоматери, написанную Петромъ. Но не Геронтій, а Петръ занялъ святительскую каѳедру, послѣ Максима;—случилось-же это такъ. Потомки Даніила Романовича не были съ своей стороны довольны удаленіемъ митрополитовъ на сѣверъ, и Юрій Львовичъ—такъ какъ Кіевъ былъ разрушенъ и существовалъ только по имени—*„восхоте Галичскую Епископію въ митрополію претворити“*. Онъ убѣдилъ чтимаго Ратьковскаго игумена ѣхать въ Цареградъ; отправилъ съ нимъ цѣлое посольство къ Патріарху и отъ себя. Въ Цареградѣ приняли Петра съ любовью, ибо всѣ знали о его добромъ подвижническомъ житіи. Семи лѣтъ научась грамотѣ, и на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ поступивъ въ монастырь, Петръ смиренно служилъ въ тяжелой должности при пекарнѣ; носилъ на себѣ дрова и воду для всей братіи, мылъ ихъ вретища и отличался кротостью и благочестіемъ,—былъ истинный подвижникъ, проводившій время въ постѣ и молитвѣ,—кромѣ того занимался иконописаніемъ *„бысть*

находили; немудрено поэтому, что сюда устремилось народонаселеніе, умножились тутъ промыслы и торговля.

Тому, впрочемъ, способствовало и само̀ серединное положеніе новообразовавшагося княженія: тутъ именно, прямо сказать, въ сердцѣ Русской земли скрещивались и всѣ ея пути—съ сѣвера на югъ и отъ запада къ востоку. Ватаги и товары, ходившіе изъ кіево-черниговскихъ мѣстъ вверхъ по Деснѣ и волокомъ въ Оку, съѣзжались подъ Коломной въ устьѣ Москвы-рѣки съ ватагами и товарами, приходившими Волгой изъ Нижняго и Мологи: эта же была дорога и въ муромо-рязанскія мѣста. Водный путь по Москвѣ-рѣкѣ вдругъ оживился, сами новгородцы начали дорожить имъ. Москва уже наполнилась тогда торговцами разныхъ мѣстъ. Но не только торговыхъ, всякихъ людей отовсюду прибывало. Па-

---

иконникъ чудесъ": все, что получалъ за свой иконописный трудъ, раздавалъ нищимъ. За благочестіе удостоился онъ діаконскаго сана, а потомъ и пресвитерскаго,—при чемъ однако не переставалъ служить всей братіи по прежнему. Напослѣдокъ, пожелавъ уединенія, удалился на берега Рати, гдѣ и основалъ монастырь: игуменствуя-же въ немъ и пріобрѣлъ славу подвигами своими—во всемъ народѣ въ Галичѣ и на Волынѣ. Отправленный Галичьскимъ Княземъ въ Цареградъ уже послѣ того, какъ туда-же собрался Геронтій, Петръ прибылъ раньше его. Случилось, что когда Геронтій сѣлъ на корабль, поднялась буря и долго носила корабль по морю; а Петръ на другомъ кораблѣ благополучно достигъ греческой столицы, Патріархъ (Аѳанасій) съ любовью принялъ Петра, немедленно созвалъ Соборъ для избранія его митрополитомъ и рукоположилъ его. Когда-же послѣ того прибылъ Геронтій, патріархъ не только отказалъ въ его поставленіи,—но, отобравъ у него привезенныя святительскія одежды и жезлъ Максимовъ, икону написанную Петромъ и нѣкогда поднесенную имъ Максиму—и все передалъ новопоставленному митрополиту, самому Петру. Желаніе князя Юрія Львовича, такимъ образомъ было исполнено лишь въ половину: Ратьковскій игуменъ сталъ митрополитомъ, но не Галича, а *всея Руси*,—это было въ 1308-мъ году. Святитель Петръ, обходя дальнія и ближнія области, срединныя и крайнія, малыя и великія по всей Руси,—посѣщая Владиміръ-волынскій и Клязьминскій, и Кіевъ, и Новгородъ, и Тверь и Брянскъ—вездѣ поучалъ „*премѣнитися на лучшее*", съ печалью видя, что отъ „владычества *невѣрныхъ* повредились нравы „*заблудшихъ христіанъ*". Въ Сараѣ онъ даже нашелъ нужнымъ смѣнить тогдашняго владыку, передалъ Сарайскую каѳедру достойнѣйшему епископу; изъ прочихъ его обличительныхъ дѣяній извѣстны, напримѣръ, его прещенія въ Брянскѣ по случаю лютыхъ и кровавыхъ ссоръ между тамошними князьями. Назначеніе его однакоже должно было возбудить неудовольствіе сторонниковъ Геронтія; въ Твери къ тому-же епископствовалъ тѣмъ временемъ Андрѣй: „бѣ-же сей

шенымъ людямъ было здѣсь удобнѣе селиться, чѣмъ въ разоряемыхъ княжескими усобицами прочихъ мѣстахъ; а кромѣ того по богатству здѣшнихъ вотчинниковъ (отъ нихъ же первымъ былъ самъ Князь) хозяйственныя условія для новоселовъ были здѣсь выгоднѣй,—и льготны, какъ нигдѣ. А что касается до той щедрости, съ какою служилые люди принимались на службу московскими князьями, въ этомъ отношеніи уже ни одинъ изъ князей не могъ соперничать съ ними. Примѣръ прихода въ Москву боярина Бяконта изъ Чернигова, отмѣченный въ лѣтописяхъ еще за время Іоаннова отца Даніила, конечно, не былъ единственнымъ. Изъ-подъ Кіева пришелъ на службу къ Ивану Даниловичу знатный бояринъ Родіонъ Нестеровичъ и привелъ съ собой тысячу семьсотъ своей дружины: Иванъ Даниловичъ далъ ему *полъ-Волока-Ламскаго*, потомъ села подъ Москвой на рѣкѣ Всходнѣ *на пятнадцати верстахъ*. Бояре и дворяне изъ многихъ городовъ бывшаго

Андрѣй родомъ литвинъ, сынъ Ерденовъ литовскаго князя", повидимому, льстившійся и самъ быть митрополитомъ. Отъ него именно посланъ былъ втайнѣ лживый доносъ на Петра въ Цареградъ,—и патріархъ былъ вынужденъ прислать одного изъ своихъ клириковъ, „*мужа сановитаго и мудраго*", поручивъ ему разобрать дѣло. Соборъ по этому поводу, въ зиму съ Декабря 1310-года на Генварь 1311-го, состоялся въ Переяславлѣ-залѣсскомъ—въ полное посрамленіе свидѣтельствовавшаго ложно и въ прославленіе праведника. Когда въ присутствіи многочисленнаго духовенства и нѣсколькихъ Князей, принимавшихъ участіе въ этомъ Соборѣ, былъ прочитанъ доносъ на митрополита, произошло необычайное волненіе. Принадлежавшіе къ сторонѣ, расположенной къ Герденеву сыну, находившемуся тутъ-же, подняли такой шумъ, что и принимавшіе сторону митрополита, возмущенные духомъ, не могли воздержаться. Тогда Петръ сказалъ: „Братія и чада! Я не лучше пророка Іоны; если ради меня великое смятеніе, изгоните меня—да утихнетъ молва". Когда-же изобличилась лживость доноса, обнаружился еще самъ посрамленный виновникъ его,—святитель Петръ тихо сказалъ ему: „Миръ ти, чадо! не ты сотворилъ это, а діаволъ". Все время послѣ того,—и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе,—святитель уже пользовался всеобщею единодушною къ нему любовью всѣхъ безъ изъятія Князей и народонаселеній. Изъ Князей присутствовали на этомъ соборѣ Тверскіе, сыновья Михаила Ярославича, такъ какъ Андрѣй епископствовалъ именно въ ихъ области,—тутъ-же долженъ былъ находиться и Князь самого Переяславля-залѣсскаго, которымъ за то время и полагаютъ Ивана Даниловича. Дружественное расположеніе святителя Петра и Переяславскаго Князя, скрѣпленное впослѣдствіи частыми посѣщеніями Москвы митрополитомъ, какъ вѣроятно, и возникло еще со времени именно этого Собора.

Владимірскаго княженія, оставляя прочихъ князей, измельчавшихъ въ ихъ раздробившихся удѣлахъ, охотно переходили къ усилившемуся Московскому Князю и, получая отъ него земли съ обязанностью службы, почитали уже лестнымъ для себя приложиться къ здѣшнему земству. Изъ самой Орды выѣзжали многія татарскія семьи—знатные вельможи, крестившіеся со всѣмъ родомъ своимъ и прилагавшіеся къ православной Руси, и предпочитали селиться именно въ Московскомъ княженіи: въ томъ числѣ пришелъ къ Ивану Даниловичу мурза Четъ, предокъ знаменитаго впослѣдствіи рода Годуновыхъ.

Со всѣхъ сторонъ и ото всѣхъ концовъ потому и стекались всякіе люди такъ охотно къ здѣшнему рачительному и хозяйственному князю-вотчиннику, что въ его новообразовавшемся княженіи не было и въ поминѣ тѣхъ неурядицъ, которыя не переводились тогда всюду въ старинныхъ или на старый ладъ образовавшихся удѣлахъ. А таковы именно и были всѣ до одного образовавшіеся за послѣднее время удѣлы распавшагося на части Владимірскаго княженія,—лишь въ Москвѣ, еще со времени Даніила упрочился новый порядокъ.

Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ прочихъ мѣстахъ, по всѣмъ волостямъ раздробившагося Владимірскаго княженья, вдобавокъ къ общимъ бѣдствіямъ отъ междоусобія князей и навожденія ими татаръ другъ на друга, происходили тогда еще внутреннія смуты отъ волновавшагося вездѣ народа; вспыхивали то и дѣло мятежи повсюду отъ всеобщаго земскаго настроенія. Такъ, въ самые послѣдніе дни великаго князя Андрѣя Городецкаго (ум. 1304 г.) между прочими тогдашними смутами, разразился еще мятежъ и въ главномъ изъ его удѣловъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ: „*избиша черные люди бояръ князевыхъ*“. По смерти Андрѣя Городецкаго не сыновьямъ его достался престолъ великокняжескій: они ниспали въ полную неизвѣстность *); о старшемъ изъ

*) Историческая важность и знаменіе эпохи въ томъ и заключается за это время, что всѣ эти незначительные князья быстро, одинъ за другимъ, ниспадаютъ въ полную неизвѣстность и ихъ удѣлы сходятъ нанѣтъ: а тѣхъ, кто не оставилъ слѣда въ исторіи, зачѣмъ же въ ней и поминать? Потомки Андрѣя ли Городецкаго, прочихъ ли подобныхъ князей, уже потому не стоятъ помину, что сами современники не помнили

нихъ (Михаилѣ Андрѣевичѣ) только то̀ именно и осталось памятно, что онъ унаслѣдовалъ эту-самую смуту: „*изби всѣхъ вѣчниковъ, иже избиша бояръ*“. Незадолго передъ тѣмъ случились подобныя же волненія и въ Костромѣ; также и тамъ изъ-за боярскаго управленія произошло возстаніе въ народѣ: „*бысть вѣче на бояръ, на Явидовича, да на Жеребца, и на иныхъ; тогда же Зерна убиша и Александра*“. Неоднократны лѣтописныя упоминанія о такихъ же за то время мятежахъ въ Суздалѣ и Ростовѣ: „*взмется земля вся*“, или еще: „*бысть замятня во всей Суздальской земли во всѣхъ градѣхъ*“,—а на тогдашнемъ языкѣ это прямо обозначаетъ народную смуту и чисто земское разстройство.

Въ Твери, сравнительно говоря, общій строй ближе под-

и плохо отличали ихъ. Такъ, упомянутый Михаилъ Андрѣевичъ, сынъ Городецкаго, въ одной изъ лѣтописей смѣшивается даже съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ: „въ Новѣ-городѣ, въ Нижнемъ, черные люди побили бояръ; пришедъ же князь Михайло *Ярославичъ* изъ Орды въ Новгородъ, въ Нижній, и изби вѣчниковъ“. Но и правильное въ другихъ лѣтописяхъ обозначеніе этого князя „Михаиломъ Андрѣевичемъ“ не избавляетъ еще изслѣдователей отъ препинаній: былъ ли этотъ Михаилъ Андрѣевичъ—сынъ Городецкаго? или не происходитъ ли онъ отъ Андрѣя Ярославича, приходившагося братомъ Невскому, тогда какъ Андрѣй Городецкій Невскому сынъ? И этимъ препинаніямъ не становится конца, такъ какъ по лѣтописямъ далѣе, въ одномъ случаѣ Суздале-Шуйскіе князья поминаются за потомковъ того Михаила Андрѣевича, который былъ сыномъ Андрѣя Ярославича, а въ другомъ случаѣ тѣ же Суздале-Шуйскіе князья поминаются за потомковъ Андрѣя Городецкаго и его сына Михаила же Андрѣевича. Подобнаго рода препинанія безполезны въ томъ именно отношеніи, что обо всѣхъ подобныхъ князьяхъ, не оставившихъ по себѣ прочной памяти, не прокъ и поминать. Если бы у кого встрѣтилась особливая цѣль и какая-либо исключительная надобность доискиваться мѣстонахожденія удѣловъ или подробностей родословія подобныхъ князей—дѣло другое. Что упоминаемый въ данномъ случаѣ „Михаилъ Андрѣевичъ“ былъ сынъ Городецкаго—допускаютъ потому только, что на то сыскался свидѣтель, имѣвшій особливую цѣль и собственную надобность доискиваться его родословія. Это князь Василій Ивановичъ Шуйскій. По своемъ воцареніи, ровно триста лѣтъ спустя послѣ описываемаго времени, онъ нашелъ нужнымъ напомнить о своемъ происхожденіи по прямой линіи отъ Александра Невскаго (а не отъ брата его Андрѣя Ярославича) и въ своей извѣстительной грамотѣ производитъ себя отъ Андрѣя Городецкаго именно черезъ упоминаемаго въ данномъ случаѣ Михаила Андрѣевича. Но другіе изслѣдователи полагаютъ, что Василій Шуйскій показывалъ неправильно, бывъ потомкомъ Андрѣя Ярославича,—и это вѣрнѣе.

ходилъ къ московскому, чѣмъ, напримѣръ, въ старинныхъ городахъ Суздалѣ и Ростовѣ; повидимому, еще съ основанія Тверскаго удѣла Ярославомъ Ярославичемъ, само народонаселеніе отличалось тамъ преданностью своему Князю; ту же любовь перенесли Тверичи и на его сына Михаила Ярославича. При всемъ томъ, однако, даже и въ Твери, соперничествовавшей тогда съ Москвой, земскаго лада не доставало. Того плотнаго единенія сверху до-низу—отъ князя съ боярами и со всѣмъ Дворомъ его, и служилыхъ и торговыхъ людей до крестьянъ пашеныхъ, въ цѣломъ народонаселеніи—тутъ не было, какъ въ Москвѣ. По близкому сосѣдству съ Новгородомъ и съ его пригородомъ Торжкомъ, вообще говоря, въ Твери, чувствовалось новгородское вліянье и давала себя знать новгородская примѣсь. Буйное тамошнее населеніе, хотя и плохо отражало набѣги Литовцевъ, грабившихъ почти безнаказанно Тверскіе предѣлы, отличалось однакожъ безразсудною дерзостью противъ татарскихъ пословъ и баскаковъ. При малѣйшемъ поводѣ, а то и безъ всякаго предлога, вѣчно похвалялись Тверичи своею готовностью возстать противъ татаръ и грозили всеобщимъ у себя истребленіемъ *„сыроядцевъ“*, понуждая къ тому всякій же разъ и Князей своихъ: сладить съ населеніемъ въ этихъ случаяхъ, какъ это оказалось вскорѣ, ни Михаилъ Ярославичъ, ни его дѣти уже не могли. Притомъ бояре и дворяне, набравшіеся къ Михаилу Ярославичу въ большомъ числѣ изъ дружинъ Андрѣя Городецкаго и съ разныхъ сторонъ, въ надеждѣ, что никто другой, а онъ именно по смерти Андрѣя будетъ Великимъ Княземъ,—радѣльцами собственно Тверскому княжеству вовсе не были. Нахлынувшіе большею частью со стороны, они и глядѣли на-сторону: какъ сами между собой, такъ и относительно мѣстнаго населенія, единодушіемъ не отличались. Были между ними и такіе—похоже притомъ изъ принадлежавшихъ именно къ коренному тверскому населенію—которые склонялись и уже переходили къ Москвѣ. Стояли и они въ свою очередь не за то, чему Тверь еще давала у себя мѣсто: „удѣльщина-неурядица, боярскіе старинные заводы“, а предпочитали тотъ земскій строй и тѣ новые порядки, которые заводились въ Москвѣ. Московское княженіе къ тому же, успѣвъ себѣ купить цѣной непротивле-

нія татарамъ полное отъ нихъ спокойствіе еще во времена Даніила, можно бы сказать, отличалось этимъ при Иванѣ Даніиловичѣ стократъ. Тишайшій князь слылъ за такого усерднаго и преданнаго слугу Хана, казалось, лучшаго не могли бы и желать Ордынцы.

Юрьева неправда къ Тверскому князю Михаилу Ярославичу.—По смерти Андрѣя Городецкаго (1304 г.) стали два князя соперниками одинъ противъ другого: сперлись ихъ права, *съпростася*, на великое княженье. По славѣ и могуществу дѣда своего Александра Невскаго и по усилившемуся значенію Московскаго княженья, всѣхъ старше почиталъ себя Юрій Даниловичъ. А въ самомъ дѣлѣ, старшимъ по родословію приходился дядя его двоюродный (сынъ Ярослава Ярославича, меньшаго брата Невскаго) князь Михаилъ Ярославичъ Тверской. Оба спѣшили занять стольный Владиміръ и склонить къ себѣ Новгородъ. Одинъ передъ другимъ оба спѣшили въ Орду. Бояре князя Городецкаго, находившіеся въ Новгородѣ, усердно хлопотали въ вольномъ городѣ за Тверскаго князя; къ нему же съѣхались въ Тверь и дружинники изъ Городца, изъ Нижняго и всѣхъ прочихъ мѣстъ, гдѣ посадничали передъ тѣмъ отъ руки скончавшагося в. к. Андрѣя: никто не сомнѣвался, что опроставшійся послѣ него престолъ достанется Михаилу. Тогдашній митрополитъ Максимъ, оставившій Кіевъ, какъ уже извѣстно, и пребывавшій все время во Владимірѣ, также почиталъ старѣйшинство Тверскаго князя. Но занять Владиміръ раньше Михаила удалось Юрію; а Новгородъ раздвоился: тамъ не отказывали Михаилу Ярославичу, но были сторонники и Юрія Даниловича. Новгородцы прислали отвѣтъ обоимъ, что они примутъ того изъ нихъ, кому Ханъ дастъ великое княженье; а на Тверскаго къ тому же и роптали: какъ это онъ еще не утвердился въ правахъ, а ужъ намѣстниковъ сталъ присылать новгородцамъ? Митрополитъ Максимъ былъ дружески расположенъ къ семьѣ многочаднаго и чадолюбиваго Михаила, почиталъ вдовствовавшую матерь его Ксенію за особенную избранницу Божію, чтилъ и супругу Михаилову, княгиню Анну за многія ея добродѣтели,—Юрій казался ему вовсе неправымъ передъ старѣйшимъ сродникомъ своимъ. Видя все-

общее бранное замѣшательство и уже двинувшіеся полки обоихъ споривших князей, онъ горячо заботился объ ихъ примиреніи; не только грозилъ прещеніемъ, но и кроткими увѣщаніями, даже слезно умолялъ Юрія оставить свои начинанія и склониться къ миру. Казалось, произвели дѣйствіе увѣщанія старца: до кровопролитія тотъ разъ во Владимірѣ не дошло. Но Московскій Князь не отлагалъ своихъ притязаній; митрополитъ говорилъ ему: изъ-за чего быть враждѣ? Михаилъ добръ и не обидитъ сродника своего. Святитель ставилъ себя въ томъ порукой, ссылался и на ручательство матери Ксеніи и княгини Анны: какую только захочетъ волость получить Юрій изъ ихъ владѣній—ту ему и отдастъ великій князь Михаилъ Ярославичь! Изъ-за чего же воевать, зачѣмъ ѣхать къ хану? Пусть Юрій слово дастъ, что не будетъ искать подъ Михаиломъ Ярославичемъ великаго княженья. Но Юрій не давалъ на себя слова митрополиту, что не поѣдетъ въ Орду. Какъ Владыко ни склонялъ его къ правдѣ,—какъ ни заклиналъ всѣмъ, что есть святого на свѣтѣ—Юрій сказалъ только напослѣдокъ: *„не за тѣмъ, чтобы искать великаго княженья, я за другимъ поѣду въ Орду“*—и сказалъ правду, больше чѣмъ самъ предполагалъ о томъ. Все его поведеніе не замедлило обнаружить: ни передъ чѣмъ не остановится маловѣрный князь, лишь бы достичь всего, что „любо-дорого“ ему казалось на свѣтѣ, а правды и святыни ровно и не было для него. Орда всемогущая! Хановъ мечь—слово устъ его! и царскій его престолъ... ничего не казалось въ умѣ Юрія больше ихъ въ мірѣ и сильнѣй на свѣтѣ: на нихъ онъ и возложилъ все упованіе свое. Въ Ордѣ его обворожили готовностью пировать и дружить съ нимъ всѣ до одного вельможи татарскіе, а про дядю ему говорили: „Дай больше противъ Михаила—тебѣ и дадимъ великое княженье“. Но пока шелъ торгъ между ними и одинъ противъ другого наддавалъ больше, кланяясь ханшамъ и ближнимъ хана, и князьямъ, и вельможамъ ордынскимъ—не столько золота и серебра оказалось у Юрія, сколько его было у Михаила Ярославича. Тогда самъ Юрій пришелъ къ нему, *къ отцу и брату своему*, и сказалъ напослѣдокъ: „не станемъ больше спорить, не хочу губить вотчины своей, пусть она будетъ твоею“. И царь Тохта утвердилъ, такимъ образомъ, великое княженье за Михаиломъ:

прошло восемь мѣсяцевъ, когда онъ, наконецъ, возвратился изъ Орды. А тѣмъ временемъ—какъ они были въ Ордѣ, ратное движеніе и бранные раздоры не унимались на Руси. Еще когда Юрій, задумавъ тягаться съ Михаиломъ, шелъ въ Орду—его чуть не захватили въ плѣнъ подъ Суздалемъ приверженцы Михаила. Онъ спасся отъ сторожившихъ его отрядовъ и прошелъ окольными путями; а братъ его меньшой (Борисъ Даниловичъ), посланный было Юріемъ захватить Кострому, тогда же былъ отведенъ плѣнникомъ въ Тверь. Тогда же новгородцы выгнали отъ себя бояръ, нахавшихъ изъ Твери принять городъ въ управленіе именемъ Михаила,—и стали на всякій случай укрѣплять Торжокъ, готовясь къ войнѣ съ Тверью. Но въ Твери было задумано иное: тамъ готовились изгономъ захватить Переяславль-залѣсскій, чтобы оторвать его отъ Московскаго княженія.

Извѣстно уже, что одинъ изъ бояръ, Акинѳій, не ужившись съ московскими порядками, ушелъ на сторону искать, гдѣ лучше; въ это самое время, хорошо принятый Тверскимъ княземъ, Акинѳъ и первенствовалъ въ тамошнемъ боярствѣ,—самый онъ и затѣялъ этотъ злобный походъ: онъ и сталъ во главѣ войска, двинувшагося къ Переяславлю. Но въ Твери было много доброжелателей Московскаго княженья, и они дали знать о замышленіи Акинѳія. Предводимому имъ войску не только не удалось захватить Переяславль изгономъ, а въ бою подъ его стѣнами—съ воинствомъ, которое на-спѣхъ привелъ Иванъ Даниловичъ—самъ Акинѳій сложилъ голову. Упоминается при этомъ, что именно Родіонъ Несторовичь—тотъ самый бояринъ, который пришелъ къ Ивану Даниловичу изъ-подъ Кіева—былъ главнымъ виновникомъ тогдашняго пораженія Акинѳа. „Бысть бой крѣпокъ подъ Переяславлемъ, и убіенъ бысть ту Акинѳъ и зять его Давидъ, и много Тверичь избіени бысть ту, а иныхъ многихъ на погони побиша, а дѣти Акинѳовы Іоаннъ да Ѳеодоръ убѣгоша вмалѣ во Тверь“. Родіонъ Несторовичь голову своего павшаго противника и, можно сказать, предмѣстника, поднялъ на своемъ копьѣ и представилъ Князю. Имя же мелькомъ упомянутое по этому случаю Ивана Даниловича—какъ раньше того не приводилось въ лѣтописи, такъ и снова умолкло въ ней опять на долго: въ дальнѣйшихъ распряхъ съ Тверью уже дѣйствующимъ лицомъ вы-

ступаетъ возвратившійся тѣмъ временемъ изъ Орды самъ Юрій Даниловичь.

Великій Князь Михаилъ Ярославичь, также возвратившійся изъ Орды, утвердясь согласно уже условленному о томъ договору, княземъ и въ Новгородѣ,—не могъ оставить безъ отомщенія гибели главнѣйшаго изъ своихъ бояръ павшаго Акиноія. Походъ противъ Московскаго державца былъ теперь предпринятъ Великимъ Княземъ уже во всю силу, какою только могло располагать его Тверское княжество; тѣмъ не менѣе однако Михаилъ не былъ въ состояніи одолѣть столицы братьевъ Даниловичей. Непримиримые противники, не осиливъ на этотъ разъ одинъ другого—одинъ принужденный отступить безуспѣшно, а другой дать врагу уйти безнаказанно—вынуждены были заключить миръ между собою,—казалось бы только и оставалось Михаилу Ярославичу послѣ того великокняжить въ мирѣ: кромѣ Юрія не было враговъ у Михаила. Но Юрій Даниловичъ, и замирившись съ Великимъ Княземъ, открыто не признавалъ его главенства,—не только оказывалъ непокорность съ своей стороны, а прямо еще и свое надъ нимъ превосходство. Поводовъ и предлоговъ къ тому было кругомъ много. Изъ-за однихъ сопредѣльныхъ волостей и рубежей переяславско-московскаго княжества съ Тверью—ихъ сосѣдскіе раздоры не прекращались. Юрій не только не уступалъ оспариваемыхъ у него Тверью рубежей, а захватывалъ все болѣе и прилагалъ къ своимъ волостямъ еще и Тверскія. По крайней мѣрѣ, постоянная жалоба Михаила Ярославича въ томъ и состояла на Юрія, что онъ вступается въ его собственную опричину, Тверскую. Самъ онъ, Тверской князь, не искалъ въ сторону къ Москвѣ иныхъ земель, опричь тѣхъ, которыя принадлежали къ Твери еще при отцѣ его; а Московскій князь, нарушая предѣлъ братнинъ, вступался въ опричину самого Михаила. Одно это уже вело къ постояннымъ ссорамъ, а кромѣ того и въ Новгородѣ и во Владимірѣ Юрій не оставлялъ соперника своего въ покоѣ: велъ противъ него явныя и тайныя козни. Въ обоихъ этихъ городахъ имѣлъ онъ сторонниковъ и сообщниковъ, умножалъ ихъ число и находился съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, подыскиваясь подъ Михаиломъ. Новгородъ же былъ таковъ искони: кто бы тамъ ни княжилъ—никогда не было единодушія между нов-

городцами къ водворившемуся у нихъ князю; тамъ всегда спорило нѣсколько враждебныхъ сторонъ,—и тогда какъ одни держались за сидѣвшаго у нихъ князя, другіе непремѣнно требовали его изгнанія и замѣны новымъ княземъ: тайныя и явныя ссылки Михаиловыхъ противниковъ съ Юріемъ между Москвой и Новгородомъ не прекращались.

Юрій Даниловичъ, притомъ, былъ—какъ тогда говорилось—одинъ человѣкъ съ братомъ своимъ Иваномъ Даниловичемъ; только съ нимъ владѣлъ онъ сообща и безраздѣльно всею унаслѣдованною вотчиной, а меньшой братіи части въ ней не давалъ (ни Александру, ни Борису съ Аѳанасіемъ,—Александръ же вскорѣ и скончался). Очевидно было, Юрій искалъ испомѣстить ихъ, всю свою меньшую братію въ чужихъ удѣлахъ; въ этихъ именно видахъ и послалъ Бориса въ Кострому, когда онъ попался плѣнникомъ въ Тверь. Кромѣ Костромы, не оставлялъ онъ все время притязаній еще на Нижній-новгородъ и вообще на города, гдѣ престолъ опрастывался—какъ выморочный или даже какъ только спорный. Юрій не затруднялся распоряжаться чужими удѣлами пуще самого Великаго Князя: у Москвы съ Тверью не замедлилъ по этому поводу возгорѣться споръ именно изъ-за Нижняго-новгорода. Только особенному терпѣнію и кротости Михаила Юрій былъ обязанъ тѣмъ, что наглость его притязаній сходила съ рукъ,—но чѣмъ болѣе ему уступалъ Михаилъ, тѣмъ безграничнѣй становились и притязанія Юрія. Нельзя къ тому не прибавить, что и силы ихъ были почти равныя: Московскій князь такъ превосходилъ въ ту пору всѣхъ прочихъ, что Тверской князь—усиленный даже великокняжескими правами—не былъ его сильнѣе. Въ 1308-мъ году—спустя лишь три года послѣ перваго своего похода на Москву—Михаилъ волей-неволей вынужденъ былъ вновь взяться за оружіе противъ неунимавшагося противника своего: Юрій уже открыто дѣйствовалъ противъ великаго князя въ Новгородѣ; ко всѣмъ прежнимъ неудовольствіямъ между ними прибавилась еще и распря: *„о новгородскомъ княженіи“*. Этотъ второй походъ вновь предпринялъ Михаилъ Ярославичъ *„всею силою“* своего Тверского княжества, *„и бысть бой у Москвы и много зла сотвори“*, но и вновь опять *„града не взявъ, отыде“*. Силы противниковъ оказались равными: одинъ отступилъ безуспѣшно,

а другой далъ уйти безнаказанно, вынуждены были заключить миръ.

Но если этотъ старшій Даниловичь не затруднялся, мимо великаго князя, распоряжаться въ чужихъ областяхъ, въ томъ числѣ даже въ Тверской, вступаясь въ опричину самого Михаила,—того меньше стѣснялся онъ въ своей собинѣ, которую почиталъ исключительно своею. Извѣстно, между прочимъ, что младшіе его братья выбѣжали наконецъ изъ его владѣній и—до новаго съ нимъ примиренья, когда одному изъ нихъ онъ далъ въ управленіе Новгородъ—нашли себѣ пріютъ въ Твери. Но особенно всѣхъ поразило, какъ обошелся Юрій въ ту пору съ двумя изъ князей, прикосновенныхъ къ дѣламъ Московскаго княженья еще со времени Даніила. Одинъ изъ нихъ былъ Можайскій,—тотъ захудалый и бѣдный, къ тому же безнаслѣдный князь, съ которымъ отецъ Юрія Даніилъ соблюдалъ миръ и дружбу, и—какъ вѣроятно—велъ мирные переговоры о верховьяхъ Москвы-рѣки. Этотъ князь былъ бездѣтенъ, и его подмосковный удѣлъ вовсе отчуждился тогда отъ смоленскихъ владѣній, которыя большею частью отошли къ Литвѣ: звали его Святославъ, а по отчеству неизвѣстенъ. Другой князь—Константинъ Романовичъ—былъ тотъ самый, котораго Даніилъ, послѣ извѣстной войны съ Рязанью, „*приведе съ собою къ Москвѣ и держа его у себя; но въ береженіи и чести всяцей; хотяше бо ся съ нимъ укрѣпити крестнымъ цѣлованіемъ, и отпустити его въ его вотчину княженіе Рязанское*“. Хотя Даніилъ своею побѣдой надъ Рязанью и утвердилъ тогда за Московскимъ княженіемъ пограничныя мѣста спорныя съ нею, но—какъ видно—простиралъ на нихъ свою власть лишь въ мѣру надобности и не безъ оговорокъ. Юрій, какъ не замедлило оказаться по смерти Даніила Александровича, былъ противъ распоряженій отца своего, обходившагося кротко съ этими князьями. Онъ во-1-хъ „ходи ратью къ Можайску и взя его, а князя Святослава изымалъ и приведе на Москву“; а во-2-хъ „повелѣ у себя на Москвѣ князя Рязанскаго Константина Романовича убити“. Съ этимъ могъ сравниться одинъ еще развѣ его поступокъ, допущенный имъ себѣ впослѣдствіи въ одну изъ самыхъ уже послѣднихъ войнъ его съ Михаиломъ Ярославичемъ. Великій Князь, разбивъ Юрія, прислалъ къ нему въ Москву одного изъ сво-

ихъ бояръ, Александра Марковича, *„посольствомъ о любви“*: Юрій не только тогда отвергнулъ предложенный миръ, но велѣлъ еще Александра Марковича казнить смертью. Такъ, вопреки посольскому праву, соблюдаемому даже у *невѣрныхъ*, этотъ посолъ отъ Михаила къ Юрію „пріялъ нужную смерть и бысть между ими нелюбіе веліе“. Повершилось тотъ разъ это *„веліе нелюбіе“* уже вскорѣ конечною гибелью Михаила; но много надлежало еще передъ тѣмъ вытерпѣть несчастному Великому Князю отъ Московскаго, за то только, что онъ, дядя, по своему старѣйшинству, мѣшалъ первенству Юрія, двоюроднаго племянника своего,—надлежало еще смѣниться и многимъ событіямъ.

Положеніе Михаила Ярославича, какъ новгородскаго князя, было изъ самыхъ затруднительныхъ. Объ эту пору всѣ изстари-спорные рубежи между Новгородомъ и Владимірскимъ княженіемъ пали всею тяжестью ихъ обороны и браней за нихъ—исключительно на одну Тверь и на долю ея именно Тверскихъ и Кашинскихъ князей. Былъ ли Михаилъ Ярославичъ добръ-князь въ отношеніи новгородцевъ или не добръ—одинъ онъ былъ тогда по необходимости насильникомъ ихъ старинныхъ льготъ и если не захватчикомъ, то притѣснителемъ ихъ древнихъ рубежей и урочищъ—въ мѣстахъ, смежныхъ съ Тверью, роднымъ стольнымъ городомъ своимъ. Въ этомъ отношеніи противникъ его, Московскій князь, былъ поставленъ въ гораздо благопріятнѣйшія условія и располагалъ самымъ легкимъ способомъ, ничего не стоившими ему средствами—нравиться Новгороду-великому. Москва въ эту пору была совсѣмъ загорожена отъ Новгорода именно самою Тверью и Кашиномъ, и отчасти удѣлами прочихъ князей: въ смежности съ Новгородомъ не состояла. Напротивъ того, Тверскіе князья и ихъ сродичи Кашинскіе на всемъ протяженіи своихъ границъ всюду и отовсюду смѣшивались владѣньями своими со спорными новгородскими мѣстами: ихъ вотчина повсюду и отовсюду смыкалась съ Новгородомъ.

Пока Владимірскіе князья не тщетно именовались „Великими“ и Владимірское княженіе состояло подъ ихъ державой во всей цѣлости,—или даже когда повелись тутъ мѣстами и особые удѣлы, но ихъ подручные державцы оставались еще безспорными „подручниками“ Великихъ

Князей (такъ было при Ярославѣ Всеволодовичѣ и его сынѣ Александрѣ Невскомъ),—до тѣхъ поръ и Тверское ихъ владѣніе рубежами своими Новгороду не поступалось. Хотя еще при Мстиславѣ Удаломъ, покровительствовавшемъ Новгороду и нанесшемъ при Липецѣ пораженіе Владимірскимъ князьямъ, многое уже измѣнилось къ ихъ невыгодѣ, а во льготу новгородцевъ, — однакожъ при Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Невскомъ отчасти многое уже было и возстановлено Владимірскимъ княженіемъ въ пользу своихъ тверскихъ владѣній. Но послѣ Александра Невскаго уже было не такъ; когда Тверь окончательно сошла на удѣлъ Ярослава Ярославича, притязанія новгородцевъ относительно Твери уже не унимались. Новгородцамъ мало было владѣть Торжкомъ или Волокомъ, а вообще удалось возвратить себѣ многія изъ тамошнихъ *„водъ и земель“*, — съ тѣмъ вмѣстѣ возстановить и многія изъ своихъ прежнихъ правъ и старинныхъ льготъ, ими было и утраченныя въ тѣхъ мѣстахъ. Извѣстно къ тому же, что безсильный Ярославъ Ярославичъ, первый удѣльный князь Тверской, всѣмъ готовъ былъ жертвовать съ своей стороны, лишь бы удержаться на столѣ у новгородцевъ. Неоднократно изгоняемый ими, онъ покупалъ всякій разъ свое возвращеніе къ нимъ цѣною—какихъ только они требовали уступокъ, и цѣловалъ имъ крестъ *на всей ихъ волѣ*. Новгородцы требовали и отъ его сына, отъ Михаила Ярославича, чтобы онъ княжилъ по старинѣ, разумѣется, отца своего, а никакъ, напримѣръ, не Александра Невскаго. Договариваясь съ нимъ, чтобы управленіе велось по старинѣ, по всей волѣ новгородцевъ: *„а земль и водъ старый рубежъ по старымъ грамотамъ“*, они тутъ же и добавляли рѣшительно: *„по старому рубежу въ крестное цѣлованіе, какъ было при отцѣ твоемъ Ярославѣ“*. Какъ ни усилилась и ни утвердилась Тверь при своемъ основателѣ,—этомъ самомъ Ярославѣ Ярославичѣ (употреблявшемъ большую часть получаемыхъ съ Новгорода доходовъ именно на украшеніе и возвеличеніе собственной своей столицы), какъ въ свою очередь ни возвысилъ родную Тверь и сынъ его, также для того только и добивавшійся прибытковъ себѣ отъ Новгорода, чтобы новгородскимъ богатствомъ возвысить славу и утвердить могущество собственной род-

ной вотчины своей,—разумѣется, не подъ силу было Твери тягаться съ Новгородомъ. Удѣльные Тверскіе князья не могли давать отпоръ притязаніямъ новгородцевъ въ ту же силу и мѣру, какъ въ былое время это дѣлали прежніе Великіе Князья. Къ невзгодѣ Михаила Ярославича, такимъ образомъ,—добръ онъ или не добръ былъ князь для новгородцевъ,—ему и выпало на долю быть съ ними въ непремѣнной враждѣ и въ нескончаемой борьбѣ ужъ по самой смежности ихъ изстари-спорныхъ рубежей на всемъ протяженіи. Новгородцамъ естественно было не взлюбить Князя, чья вотчина издревле образовалась въ стѣсненіе „льготныхъ мѣстъ новгородскихъ“,—такого Князя, чья столица, сама Тверь, образовалась нѣкогда изъ заброшенныхъ осколковъ ихъ же владѣній. А какъ только этотъ Князь возымѣлъ еще силу и прямо обнаружилъ стремленіе вознести родной удѣлъ въ такое первенствующее княжество, ему же предстояло бы еще и повелѣвать Новгороду,—прямо сказать, ненависть новгородцевъ къ Михаилу была безпримѣрна; они готовы были на все, лишь бы сгубить такого сосѣда.

Уже съ самаго начала, какъ только, возвратясь изъ Орды Великимъ Княземъ, Михаилъ Ярославичъ былъ принятъ на княженіе новгородцами,—обнаружились несогласія между ними. Онъ оставилъ тамъ за себя намѣстниковъ, а самъ пребывалъ въ Твери; гнѣваясь, выводилъ не одинъ разъ и намѣстниковъ оттуда, грозилъ новгородцамъ то войною, то невпускомъ хлѣба; они, смиряясь, присылали по обыкновеніе своего Владыку просить: *„что ся учинило промежу Князя и Новгорода розратье,* чтобы *то все Князь отложилъ“*; онъ склонялся на миръ безпрекословно, а то требовалъ еще къ тому въ доплату нѣсколько тысячъ гривенъ; новгородцы исполняли требованіе, опять утверждались миромъ и ссорились снова. Кончилось однако тѣмъ напослѣдокъ, къ чему шло отъ начала. Они обратились къ Московскому Князю, чьи владѣнія тогда не соприкасались съ новгородскими, и просили у нихъ княжить. Началось тогда совмѣстничество, и уже не прерывалось „двоевластіе“ на Руси: и Михаилъ Ярославичъ числился новгородскимъ княземъ, требовалъ *ордынскаго выхода* и собственныхъ княжьихъ доходовъ по великокняжескому своему праву, бывъ въ

томъ утвержденъ Ханомъ,—въ то же время и Юрій Даниловичъ сажалъ въ Новгородѣ собственныхъ намѣстниковъ, велъ походы противъ иноплеменниковъ въ Чудьскихъ мѣстахъ, а то и противъ Тверского князя новгородскими полками: по зову самихъ новгородцевъ.

Изъ случившихся за то время событій два были особенно важны и отразились множайшими послѣдствіями на Руси. Умеръ митрополитъ Максимъ (въ зиму съ декабря 1305 на генварь 1306 года), похороненный во Владимірѣ,—послѣ того, втеченіи двухъ лѣтъ, сѣверная Русь не видѣла у себя первосвященнаго владыки. Въ 1309 году съ юга пришелъ новопоставленный въ Цареградѣ „*митрополитъ Кіевскій и всея Руси Петръ*“ и пастырская его ревность не замедлила обнаружиться многимъ его участіемъ какъ въ церковныхъ дѣлахъ, такъ и княжескихъ. Въ Твери, какъ уже извѣстно, находился тогда недругъ его и какъ полагали даже—его совмѣстникъ, прощенный имъ епископъ Андрѣй, сынъ литовскаго князя Герденя; по примиреніи съ митрополитомъ, онъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ продолжалъ епископствовать въ Твери, но потомъ (1315 г.) заключился инокомъ („*въ своемъ монастырѣ на Шошѣ святыя Богородицы*“), и Петръ посвятилъ на его мѣсто епископомъ Твери Варсонофія*). Епископъ Варсонофій, какъ, вѣроятно, поста-

*) Андрѣй и скончался инокомъ у себя въ этомъ монастырѣ въ 1323 г.; тогда же былъ перенесенъ въ Тверь, гдѣ и схороненъ торжественно въ Спасскомъ соборѣ замѣстителемъ своимъ епископомъ Варсонофіемъ. Объ этомъ сынѣ Герденя, участвовавшемъ въ извѣстномъ Переяславскомъ Соборѣ, уже было упомянуто выше (см. примѣч. на стран. 308). Замѣчательно, что на томъ соборѣ, между прочимъ, были осуждены еретическія мнѣнія одного „*протопопа новгородскаго, къ нему же приставша мнозіи отъ причта церковнаго*“, при чемъ упоминается, что они находили поддержку въ Андрѣѣ („*епископъ Тверскій Андрѣй помогаше имъ*“). О характерѣ ихъ лжеученія можно судить изъ того, что соблазненные ими „мнози отъ инокъ изшедше оженихуся“. Достойно притомъ замѣчанія и то еще, что митрополитъ Петръ одолѣлъ тотъ разъ лжеучителей по „*многу прению бывшу*“ съ помощью находившихся на соборѣ „епископовъ, игуменовъ, поповъ, діаконовъ и черницовъ и присланнаго Патріархомъ *клирика ученаго*“; кромѣ того былъ еще поддержанъ „*помощью и заступленіемъ князя Ивана Даниловича*“. Этимъ несомнѣнно подтверждается начало дружественныхъ отношеній къ Іоанну первосвятителя Петра, съ самаго начала его прибытія на сѣверъ, а кромѣ того и нераздѣльное совладѣніе обоихъ братьевъ, Юрія и Іоанна, унаслѣдован-

вленный по ходатайству самого Михаила Ярославича, былъ особенно любимъ въ своей эпархіи и истинно преданъ, любимому же здѣсь всѣмъ народомъ, доблестному Князю. Не разъ случалось ему добрымъ своимъ содѣйствіемъ памятно послужить всему княжескому семейству; сколько могъ, смирялъ онъ и лютую вражду къ Тверскому князю противника его, непримиримаго Московскаго князя; ему же выпало потомъ на долю схоронить и оба гроба обоихъ же противниковъ. Самъ митрополитъ Петръ (около 1311 г.) утишилъ своимъ вмѣшательствомъ новую, нежданно вспыхнувшую ссору между Моской и Тверью. Сынъ Михаила Ярославича, славившійся грозными очами своими, Димитрій, велъ уже изъ Владиміра войска въ Нижній-новгородъ какъ, вѣроятно, не для завладѣнія имъ въ свою пользу, а толькв для водворенія тамъ князя, угоднаго Твери; а Московскій князь готовъ былъ и въ свою очередь вмѣшаться въ тамошнія распри за одного изъ тѣхъ наслѣдниковъ, кого считалъ—право или не право—подручникомъ своимъ. Митрополитъ, случившись въ это самое время во Владимірѣ, не далъ своего благословенія Димитрію Михаиловичу, *онъ же, стоя во Владимірѣ три недѣли и распустивъ рать, возвратися во свояси.* Отсюда Митрополитъ направился къ югу; вскорѣ услыхали объ его стараніи примирить Брянскихъ князей и уже его благодѣтельная архипастырская дѣятельность не переставала.

Другимъ важнымъ событіемъ было, по смерти Тохты въ 1313-мъ году, воцареніе въ ордѣ могучаго Узбека: опять всѣ князья должны были ѣхать въ Сарай на поклонъ новому Хану у утвердиться на своихъ престолахъ; всѣ князья приходили въ орду и выправляли ярлыки—каждый на свое имя. Великій князь Михаилъ Ярославичъ первый повезъ многіе дары хану и ханшамъ, и князьямъ ордынскимъ,—ему первому и дали почувствовать въ ордѣ грозную перемѣну

нымъ отъ отца московско-переяславскимъ княженіемъ. Прочіе ихъ братья не участвовали въ этомъ наслѣдіи; когда говорилось кратко и просто *братья Даниловичи*—разумѣлись именно лишь два старшіе брата; прочіе—одно время искали себѣ пріюта въ Твери, а впослѣдствіи получали отъ Юрія въ управленіе, то его собственный примыселъ Можайскъ, то Новгородъ; посадить же Бориса въ Костромѣ ему не удалось.

новаго воцаренія. О новомъ ханѣ, принявшемъ магометанство, утвердилась уже тогда общая молва на Руси, что такъ какъ „*Озбякъ войде въ богомерзкую вѣру Сарачинскую оттолѣ наипаче не пощадѣте роду христіанскому*“. Но Узбекъ, не закоренѣвъ еще въ мусульманскомъ законѣ, остался въ душѣ истымъ монголомъ, что и подтвердилось на дѣлѣ. Съ Великимъ Княземъ двинулся тогда въ путь самъ митрополитъ „*всея Руси*“; оба они пріѣхали въ орду въ одно время,—и „*милостью Божіей Петръ митрополитъ отпущенъ бысть на Русь въ борзѣ*“. Узбекъ, мусульманинъ лишь по имени, великолѣпно принявъ владыку, далъ ему ярлыкъ въ возобновленіе всѣхъ правъ, дарованныхъ церкви и ея служителямъ прародителями его. „*Узбеково слово всѣмъ нашимъ князьямъ великимъ и среднимъ и нижнимъ*“—писалъ онъ въ своей царской грамотѣ,—„*всѣмъ людямъ* высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ *нашего царства*, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша—Бога безсмертнаго силою—власть держитъ и слово владѣетъ: да никто же обидитъ на Руси соборную церковь митрополита Петра“—и подъ страхомъ смерти запрещалось тѣснить церковныхъ людей и самое ихъ имущество. „Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи правымъ сердцемъ и правою мыслью молить Бога за насъ и за наши жены и за наши дѣти и за наше племя.—А кто взымаетъ Божья, и тотъ будетъ Богу повиненъ, а отъ насъ будетъ казненъ,—*отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ*.—Отъ соборные церкви и отъ Петра митрополита никто же да не взымаетъ и отъ ихъ людей и ото всего его причта; тѣ-бо за насъ Бога молятъ и насъ блюдутъ и наше воинство укрѣпляютъ. Кто-бъ того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ. И мы, Богу молясь, по первыхъ царей грамотамъ—какъ то было прежъ насъ—такоже управляемъ и жалуемъ.—Такъ ярлыкъ данъ, такъ слово наше учинили“.—Первосвятитель возвратился во Владиміръ скорѣе, чѣмъ его ожидали.

А Михаила Ярославича и ждать перестали; напослѣдокъ и вовсе не чаяли его возвращенья. Какъ бы именно въ доказательство того, что въ безчисленномъ множествѣ „великихъ, среднихъ и нижнихъ“ князей, подвластныхъ хану Узбеку, Михаилъ почитался однимъ изъ числа самыхъ

великихъ—его и не отпускали дольше всѣхъ прочихъ „царевичей и салтановъ“: годъ цѣлый держали въ ордѣ. Не переставалъ онъ это время получать съ родины вѣсти объ увеличивавшейся все болѣе и болѣе враждѣ Юрія; приходили къ нему изъ Твери и разъ отъ разу все болѣе дорогіе грузы серебра и золота и прочихъ поминокъ, безъ чего нельзя было и челомъ бить хану и ханшамъ и князьямъ ордынскимъ. Безъ этого нельзя было просить о милостивомъ утвержденіи на томъ, чѣмъ онъ былъ пожалованъ почившимъ царемъ Тохтой, нельзя было и жаловаться на своеволіе противника своего, Московскаго князя.

Этимъ долгимъ отсутствіемъ Михаила, его пребываніемъ въ Ордѣ, какъ нельзя лучше и воспользовался Юрій Даниловичъ для приведенія къ благополучному концу своихъ дѣлъ въ Новгородѣ и счетовъ съ своей соперницей Тверью. Не только Торжокъ или Волокъ, а хотя бы даже и Кашинскія мѣста по самую Тверь—московскій князь готовъ былъ предоставить новгородцамъ, такъ какъ самъ ничего не терялъ черезъ это, а еще выигрывалъ, ослабляя тѣмъ соперника своего, тверскаго сосѣда. Новгородцы и обратились къ такому желанному князю съ просьбою, чтобы онъ приходилъ скорѣе. Юрій Даниловичъ, овладѣвъ Можайскомъ, повидимому, не остановился на одномъ этомъ, а простиралъ свою власть и далѣе: ко Ржевскимъ мѣстамъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ тамошнихъ захудалыхъ и вовсе незначительныхъ князей, котораго даже и по отчеству не именовали, а звали Ѳедоромъ, по городу же, откуда онъ былъ родомъ—Ржевскимъ, состоялъ подручникомъ у Юрія или прямо даже включился во дворъ его. Этого Ѳедора Ржевскаго Юрій и послалъ въ Новгородъ (1314 г.) „*Пріиде* въ Новгородъ-великій съ Москвы отъ князя Юрія Даниловича князь Ѳеодоръ Ржевскій, и *изнима намѣстники княжь Михаиловы Тверскаго*, держа ихъ во *владычнѣ дворѣ*“, вслѣдъ затѣмъ „Новгородцы *поидоша* со княземъ Ѳедоромъ на Волгу“. Тогда Тверь всѣми своими полками двинулась имъ на встрѣчу; повелъ ихъ, *грозя очами*, старшій сынъ великаго князя Дмитрій Михайловичъ, но остановились противъ непріятелей на своемъ Волжскомъ берегу. Шесть недѣль простояли тутъ Тверичи: правда, не посмѣли напасть на новгородцевъ, однакожъ защитили свою тверскую сторону; но

время было ужъ къ заморозкамъ: Волга вскорѣ должна была стать назиму. Дмитрій Михаиловичъ нашелся вынужденнымъ заключить миръ, также и новгородцы не рѣшались продолжать нападеніе: такъ или иначе, непріятели обязались миромъ между собой, дали-же его тверичамъ новгородцы *на всей своей волѣ*, послѣ чего прямо отсюда и послали „на Москву по князя Юрія Даниловича; князь-же Юрій *пріиде* въ Новгородъ *тоя-жъ зимы* и съ братомъ своимъ Аѳанасьемъ, и *сѣде* на столѣ. И рады быша новгородцы хотѣнію своему". Съ этого и началось опять, какъ во времена Дмитрія и Андрѣя Александровичей, двоевластіе въ несуществовавшемъ болѣе Владимірскомъ великомъ княженьи. Новгородъ и даже самъ Владиміръ находились можно-бы сказать, въ перемежавшемся владѣніи то Великаго Князя, утвержденнаго Ханомъ въ этомъ званіи, Михаила Ярославича, то своевольнаго Юрія—по самый конецъ дней того и другого, ибо даже послѣ кончины Михаила не одинъ Юрій числился Великимъ Княземъ, а въ то же время и Михаиловъ сынъ Димитрій—не безъ нѣкотораго согласія на то даже со стороны Хана.

Пребываніе у Узбека въ ордѣ Михаила Ярославича пришло напослѣдокъ къ благополучному концу. Узбекъ утвердилъ за нимъ пожалованное ему еще Тохтой великое княженье; съ тѣмъ вмѣстѣ ему же приказалъ Новгородъ, что и велѣно было привести въ исполненіе ханскими полками, данными ему въ помощь. Съ Михаиломъ отправились изъ орды три салтана (Тайтемиръ, Махрожа и Индый), а своевольному московскому князю грозили гнѣвомъ: его позвали. Юрій Даниловичъ, позванный царемъ, пошелъ изъ Новгорода, оставивъ въ немъ на столѣ брата своего Аѳанасія, съ нимъ и Ѳедора Ржевскаго; съ Юріемъ-же отправили тогда отъ себя и новгородцы въ орду цѣлое посольство. Помощь новгородцевъ тѣмъ особенно пригодилась Юрію, что они не привыкли посылать отъ себя ходатаевъ съ пустыми руками: такъ сыпали серебромъ и золотомъ въ случаѣ надобности, что денежною силой нельзя было съ ними и ровняться. Юрію было уже не привыкать, какъ надо себя держать въ Ордѣ: обвороженный, еще при первомъ знакомствѣ съ нею, готовностью тамошнихъ вельможъ дружить и пировать съ нимъ, онъ завелъ тамъ пріятелей себѣ

еще со временъ Тохты; но какая-же была разница теперь и тогда! Посуливъ новгородцамъ сбыть Тверскаго князя, онъ обнадежилъ ихъ избавленіемъ отъ такого разорительнаго сосѣда, что и щедрость новгородцевъ на этотъ разъ къ своему освободителю была безмѣрна. Получивъ уже знатное вспоможеніе себѣ въ дорогу и обнадеженный ими въ дальнѣйшей помощи во всякое время и въ какой-бы ни потребовалось мѣрѣ, лишь-бы сбылось по *„ихъ хотѣнію“*—Юрій не сомнѣвался въ удачѣ; а какъ только въѣхалъ въ ханскую столицу, все въ ней казалось ему одно другаго благопріятнѣй.

Его противникъ, тягавшійся съ нимъ еще при старомъ Тохтѣ и обновившій теперь опять тяжбу при новомъ молодомъ царѣ, князь Михаилъ Ярославичъ,—это было очевидно для Юрія,—хотя и получилъ ярлыкъ на великое княженіе, но не имѣлъ успѣха; очевидно было: онъ ни съ кѣмъ не сблизился изъ Ордынцевъ, не умѣлъ никого расположить къ себѣ. Кроткій и тихій, онъ—по всему знать—даже послушливостью своею не вселилъ къ себѣ особеннаго уваженія Монголовъ, а своею трезвенностью и всегда ровнымъ нравомъ—прямо сказать—былъ несносенъ для нихъ. „Бѣ-же сей князь великій Михаилъ Ярославичъ“,—говоритъ лѣтопись,—„церквамъ прилеженъ, піянства не любяше, иноческаго чина всегда желаше“, при чемъ отмѣчено: *„татарстіи князи не любяху его вси“*, и прибавленъ еще ихъ подлинный отзывъ о немъ: *„неключимъ есть намъ и не послѣдуетъ правомъ нашимъ“*. Юрій Даниловичъ, напротивъ того, одинаково тутъ полюбился—какъ всѣмъ старымъ, такъ и новымъ знакомымъ своимъ. Изъ всѣхъ вельможъ, славившихся тогда приближеніемъ къ новому царю, умѣлѣе прочихъ и всѣхъ виднѣе казался Кавгадый; съ Кавгадыемъ Юрій и сошелся ближе всѣхъ. Не прошло много времени, объ Юрьѣ стало слышно, что самъ Ханъ милостивъ къ нему. Вскорѣ Юрій сталъ своимъ человѣкомъ—не только во всей ордѣ, но и во дворцѣ ханскомъ,—ни одного пиршественнаго праздника уже не обходилось безъ него. Женившись рано, еще при отцѣ своемъ (1297 г.) на одной изъ княженъ ростовскихъ, Юрій Даниловичъ вдовѣлъ въ ту пору: прошли слухи, что нашлась ему тутъ и невѣста, въ ордѣ. Спустя еще немного времени, стало уже извѣстно, что любимѣйшая сестра хана выходитъ замужъ за Юрія. Уз-

бекъ дозволилъ ей креститься и ее назвали Агаѳіей. Юрій Даниловичъ зажился тогда „въ татарахъ“ около двухъ лѣтъ и его тамошнее пребываніе дѣйствительно повершилось выгодною женитьбой: Узбекъ выдалъ за него свою любимую сестру Кончаку. Юрій возвратился на родину зятемъ Хана, сталъ ему Узбекъ шуриномъ.

А между тѣмъ, пока Юрій оправдывался въ ордѣ, братъ его Аѳанасій Даниловичъ и Ѳедоръ Ржевскій, посаженные имъ въ Новгородѣ, вели войну противъ только-что возвратившагося изъ орды Великаго Князя. Заслыша на себя походъ его съ Татарами, присланными ему въ помощь, выступили подъ Торжокъ и подъ его стѣнами были совершенно разбиты. Войско на этотъ разъ у нихъ было сильное и даже не малочисленное; но оно состояло изъ дружинъ боярскихъ, самъ же народъ новгородскій не принималъ участія въ этой распрѣ. Князья выступили *„съ новгородскими бояры, безъ черныхъ людей*, и бысть битва велія и сѣча зла, и *побиша мужей новгородскихъ*, посадниковъ, тысяцкаго и бояръ и прочихъ *нарочитыхъ много*, а иныя новгородскія силы пали и числа нѣтъ: едва съ малыми остатками князь Аѳанасій Даниловичъ и князь Ѳедоръ Ржевскій *вбѣгоша* въ городъ“. Михаилъ Ярославичъ послалъ сказать затворившимся въ осаду: „выдайте мнѣ князя Аѳанасія и князя Ѳедора Ржевскаго, и я кончу миромъ“; осажденные отвѣтили по-боярски: „честно умремъ за св. Софію, не выдадимъ“. Великій Князь послалъ сказать другой разъ: „выдайте одного Ржевскаго“; не хотѣли бояре его выдавать, но выдали. Былъ заключенъ миръ и вскорѣ же разразился новой ожесточеннѣйшею войною, затянувшейся еще на годъ. Только-что было Михаилъ Ярославичъ водворилъ своихъ посадниковъ въ Новгородѣ, ихъ выгнали, *„выслаша* намѣстниковъ Великаго Князя изъ Новгорода“: оба года, пока Юрій проживалъ въ ордѣ, война Твери съ Новгородомъ не прекращалась.

Новгородцы винили Великаго Князя въ несоблюденіи договора; а похоже — не устояли въ немъ сами. Дань, наложенная тотъ разъ на нихъ Михаиломъ подъ Торжкомъ, не была ему выплачена ими; они же винили его въ томъ, что онъ задержалъ отъ нихъ заложниковъ, людей у нихъ многихъ забралъ, оружіе и коней у всѣхъ отнялъ и т. п. Они вновь обослались съ Юріемъ: цѣлое посоль-

ство отрядили отъ себя въ орду самовольно,—тверскіе отряды сослѣдили и переняли этихъ пословъ. Новгородцы жаловались потомъ еще въ слѣдующемъ году, что послѣ того даже какъ Михаилъ Ярославичъ потерпѣлъ пораженіе и съ позоромъ отступилъ отъ Новгорода, они къ нему съ мольбой и любовью присылали въ Тверь владыку своего просить за людей своихъ, а онъ и тутъ не отпустилъ ихъ. А тверичи указывали новгородцамъ на ихъ неправду: зачѣмъ они шлютъ въ орду къ Юрію! подняли противъ тверичей и Псковъ, и Ладогу, и Рушанъ, Корелу съ Ижорой и съ Вожанами!—а на вѣчѣ у себя въ Новгородѣ Игната Бѣска въ Волховъ сбросили за то: будто онъ къ князю Михаилу Ярославичу перевѣтъ держалъ, а правда ли то—и сами того не вѣдаютъ!—зачѣмъ еще и Данiилу Писцова убили и т. п. Пораженія же въ тотъ разъ хотя и не потерпѣлъ Великій Князь отъ новгородцевъ; но въ самомъ дѣлѣ, подступивъ къ Новгороду (1316 г.) и видя, что въ помощь новгородцамъ пришли даже Псковичи, Рушане и Ладожане съ прочими,—*„пойде прочь, не успѣвъ ничтоже“*; воины его заблудились тогда среди болотъ и озеръ, начали умирать съ голода; поѣли всѣхъ лошадей своихъ, грызли ремни, голенища, сдирали кожу со щитовъ *„прiидоша пѣши въ домы своя, а иные мнози изомроша“*.

Не столько впрочемъ сама по себѣ эта злополучная война, какъ важная вѣсть, вскорѣ полученная Михаиломъ, вынудила его поспѣшно заключить миръ съ новгородцами. Онъ самъ вызвалъ въ Торжокъ пословъ отъ нихъ, возвратилъ ихъ плѣнныхъ и захваченныхъ у нихъ заложниковъ, простилъ имъ всѣ недоимки. Новгородцы-же съ своей стороны обязались отстать отъ Юрія, больше не помогать ему противъ Михаила, впередъ не вмѣшиваться въ ихъ распри. На этомъ обѣ стороны сговорились полнымъ миромъ между собой и утвердили его крестнымъ цѣлованiемъ.

А вѣсть, полученная Михаиломъ, дѣйствительно, была важная: время ему было вовсе отступиться отъ великаго княженія и совсѣмъ захорониться удѣльнымъ тверскимъ княземъ въ своей опричинѣ, а все прочее отложить. Достигнувшее до его ушей, раньше чѣмъ началась молва о томъ—и о чемъ даже не подозрѣвали новгородцы, заключая съ нимъ миръ—вдругъ огласилась по всюду. Царскій зять

Юрій съ молодою своей княгиней выступилъ изъ орды съ великими ханскими полками и въ окруженіи сильныхъ ордынскихъ князей, приближеннѣйшихъ вельможъ царскихъ (поминали особенно троихъ: Кавгадыя, Астрабыла и Телебугу), шли снимать съ великаго княженья Михаила Ярославича; грозный шуринъ Юрьевъ отдалъ великое княженіе своему зятю. Никто болѣе не сомнѣвался, что Юрій Даниловичъ сдѣланъ былъ Владимірскимъ великимъ княземъ,—таковъ былъ всеобщій голосъ,—и первый тому повѣрилъ, такъ уже и смотрѣлъ на это самъ Михаилъ Ярославичъ.

Съ покорностью ожидая вѣстей о томъ, онъ ничего однако не дождался. Изъ орды ни особаго къ нему посла о томъ, ниже единаго слова отъ хана, ни даже какихъ-либо слуховъ въ подтвержденіе тому отъ своихъ собственныхъ людей, находившихся въ Сараѣ,—ничего ни откуда не приходило; а все, что дѣлалось въ воинскомъ станѣ противниковъ и о чемъ всѣ знали, было истинно невѣроятно. Тамъ всѣмъ распоряжался Кавгадый. Помощникъ его Телебуга былъ имъ посланъ въ Новгородъ, чтобы поднять всѣ тамошнія народонаселенія: шли бы всѣми своими силами подъ Юрьевы знамена. Астрабылъ посланъ былъ въ другую сторону: поднять всю Низовскую Землю *). Сюда именно, въ

---

*) За это время, большею частью, измельчавшихъ князей по захудалымъ волостямъ Суздаля и Ярославля, Костромы и Нижняго уже не отличали по именамъ, а звали *„иными князьями“* или упоминали про нихъ: *„иные князья“*. Трудно было бы впрочемъ и отличить тамошнихъ мелкихъ владѣтелей не только по ихъ множеству, а еще и по разнообразію ихъ. Къ Руси тутъ во множествѣ приложились объ эту пору еще и Татары: не мало уже было татарскихъ князьковъ, обжившихся между туземцами. Они заводили тутъ собственныя усадьбы и цѣлыя слободы, жили себѣ вольными салтанами. Разжившіеся откупщики и ихъ дольщики изъ „басурмановъ“, обоярившіеся баскаки, доживавшіе свой вѣкъ въ благопріобрѣтенныхъ селахъ, и подобные владѣльцы уже не составляли тогда рѣдкости на Руси: многіе изъ нихъ числились князьями. Особенно такого люду было много въ Нижегородскомъ владѣніи, гдѣ къ тому же примѣшивалась еще и Мордва: были тутъ не бѣдные-же владѣльцы, имѣвшіе даже собственныхъ ратниковъ, именно между Мордовскими князцами. Какъ самъ здѣшній городъ былъ прозванъ *Нижнимъ*, такъ и все ближнее къ нему Поволжье, даже до Костромскихъ и Ярославскихъ мѣстъ (съ населеніями селъ и городовъ тѣхъ округовъ, углублявшихся внутрь отъ Порѣчья) звалось въ эту пору вообще *„Низовскою*

сторону къ Костромѣ, и стремился Кавгадый съ собственнымъ своимъ полкомъ и ратями Юрія Даниловича; здѣсь сжидались они съ новгородцами—сверху отъ Мологи и Бѣжецкихъ мѣстъ, а Нижегородскихъ полковъ ждали снизу. Михаилъ Ярославичъ, опасаясь ихъ вторженія въ Тверь, думалъ уже объ оборонѣ своей столицы: заложили въ ней кремль пуще прежняго и спѣшили наскоро укрѣпить его; снеслись съ нѣкоторыми изъ окольныхъ князей. Но и въ Суздалѣ и въ Ростовѣ, также въ самомъ Владимірѣ, никто не зналъ ничего опредѣленнаго: тогда какъ нѣкоторые изъ князей готовы были взять сторону Михаила Ярославича, другіе уже передались его противникамъ, прочіе колебались между воюющими сторонами: всѣ однако получили повелѣніе отъ Кавгадыя спѣшить подъ Юрьевы знамена. Тогда Михаилъ Ярославичъ, собравъ войско, выступилъ къ Костромѣ; но, остановясь въ виду враговъ, послалъ сказать Юрію: „братъ мой! ежели царь далъ тебѣ великое княженье, азъ отступаюся. Княжи на великомъ княженьи: уступаю тебѣ; но въ мою опричину не вступайся“. Тутъ, на берегу Волги, оба стана и переговаривались одинъ съ другимъ долгое время. Не одинъ разъ Михаилъ посылалъ своихъ людей и къ Кавгадыю вести и съ нимъ переговоры,—присылалъ къ нему и Кавгадый татаръ съ мирными рѣчами.

Одною изъ главныхъ обязанностей, съ тѣмъ вмѣстѣ и отличительнымъ правомъ Великаго Князя было то, чтобы собираемую съ прочихъ князей дань передавать хану: такъ называемый „ордынскій выходъ“. Этимъ завѣдывалъ самъ Великій Князь; это лежало на его личномъ отвѣтѣ, а съ меньшими князьями ему было предоставлено вѣдаться по этому дѣлу какъ онъ самъ знаетъ. Точно также и меньшіе князья вѣдались по этому дѣлу съ нимъ однимъ, Великимъ Княземъ, а сами не имѣли права соваться съ данью въ Орду. Поэтому у всѣхъ Великихъ Князей за послѣднее время велись нескончаемые споры со всѣми прочими по поводу этихъ

Землею“. Отличали еще Ростовъ и Суздаль, хотя стала уже пропадать ихъ старинная слава,—отличали самый Владиміръ; наиболѣе отличали тогда именно Тверь въ верховьѣ Волги, такъ какъ тутъ крѣпились еще болѣе или менѣе видныя княженья,—а прочее смѣшивалось заодно и звалось единымъ этимъ общимъ именемъ: *Низовскою Землею*.

сборовъ: взаимныя пререканія о недоборахъ или переборахъ были постоянныя, и никогда нельзя было въ точности распутать этихъ сложныхъ—то напередъ оплаченныхъ, то запущенныхъ и безпрестанно еще—распоряженіями, приходившими изъ Орды—мѣнявшихся и колеблемыхъ счетовъ. Но Михаилъ Ярославичъ отличался и въ этомъ дѣлѣ порядливостью, какъ и во всемъ; сколько имъ отъ кого сокровищъ принято было—все это у него *„исписано бяше“* и дани онъ отдавалъ право. Разъ теперь великое княженье было снято съ него, онъ почиталъ обязанностью своею все, что у него было собрано дани, а также и заботу о дальнѣйшемъ ея сборѣ—передать Юрію. Обо всемъ подобномъ онъ и велъ переговоры съ Кавгадыемъ, какъ съ посломъ ханскимъ; не переставалъ повторять чрезъословъ же Юрію: „отступаюсь тебѣ великимъ княженіемъ, прими у меня и *выходъ* царю,—буду сидѣть въ опричинѣ своей, оставь меня только“. Долго тянувшіеся переговоры заключились наконецъ миромъ,—и Михаилъ тутъ же на глазахъ своихъ противниковъ *„распусти* все свое войско и „вмалѣ пойде въ свою вотчину *съ домочадцы своими*“. На чемъ былъ заключенъ миръ, повидимому, и сами воюющія стороны путемъ не знали; а въ народѣ—такъ и не дознались. Одни говорили, что Михаилъ Ярославичъ уступилъ свое старѣйшинство Юрію; а другіе говорили напротивъ того, что Юрій Даниловичъ поступился на этотъ разъ своимъ великокняжескимъ престоломъ въ пользу Михаила.

Воинскій станъ Юрія и Кавгадыя между тѣмъ не только не былъ распущенъ, а все пополнялся. Втеченіи цѣлаго лѣта подходили къ Костромѣ полки за полками съ разныхъ сторонъ. Къ осени уже всѣ суздальскіе князья отложились отъ Михаила и перешли на сторону Юрія Даниловича. Самъ онъ, съѣздивъ на побывку въ Москву, возвратился въ полки съ княгиней: и Кончака, какъ ее продолжали звать въ народѣ, хотя крестное ея имя было Агаѳія—должна была участвовать въ готовившемся походѣ. Втеченіи цѣлаго лѣта продолжали укрѣплять и Тверь: по всему знать, предстояло ей ждать неминуемаго вторженія, приходилось готовиться въ осаду. Осенью, къ октябрю мѣсяцу, Кавгадый съ Юріемъ выступили наконецъ изъ Костромы: по татарскому повелѣнію вся Низовская Земля поднялась если

не всѣмъ своимъ народонаселеніемъ, всѣми своими князьми. Состоялось въ то же время соглашеніе и съ новгородцами: имъ было велѣно идти къ Торжку и *„готовымъ быти ратью ко Твери“*. При войскахъ Юрія и Кавгадыя шли „суздальскіе князья“ и „множество татаръ, и бесерменъ, и мордвы“; еще пришелъ *„инъкій князь“*, привелъ съ собой не малую силу; подошли къ нимъ, кромѣ того, и другіе полки *„со инѣми князьями многими“*. Походъ открылся Суздальскими и Ростовскими мѣстами, и хотя они принадлежали союзникамъ, однако сборное войско, состоявшее на половину изъ азіатовъ (въ томъ числѣ упомянуты даже Хивинцы), не пощадило и дружескихъ мѣстъ. Кавгадый съ Юріемъ повели походъ съ Костромы на Ростовъ, отъ Ростова къ Переяславлю-залѣсскому; отсюда взяли въ сторону къ Твери, пошли къ Дмитрову, а изъ Дмитрова къ Клину.

А въ то же время новгородцы двигались съ противоположной стороны, отъ Торжка, и, расположась здѣсь станомъ, ждали извѣстій отъ Юрія съ татарами: приступить ли къ Твери? Какъ только вступили союзники въ вотчину Тверскаго князя, началось повальное истребленіе: жгли, грабили, забирали плѣнныхъ безъ числа, *„бысть тупа велика*, мужей отбирали въ рабство, а другихъ мучали различными муками и смерти предавали, а женъ ихъ срамили поганые“, пожгли и опустошили всю здѣшнюю за Клиномъ волость отъ перваго встрѣченнаго на пути и до послѣдняго селенья,—но Тверь обошли. Въ стольный городъ Михаила Ярославича Кавгадый еще и въ это самое время присылалъ къ нему отъ себя татаръ со льстивыми рѣчами. Отстранившись отъ Твери, они переправились за Волгу воевать и ту сторону тверскихъ владѣній.

Михаилъ Ярославичъ вышелъ наконецъ изъ долготерпѣнія своего. Тверь съ ея буйнымъ населеніемъ всегда отличалась „ненавидѣніемъ Татаръ“ и похвалялась угрозами ихъ избіенія. Но теперь не лютый крикъ ожесточенныхъ сердецъ слышался кругомъ, а вопль многострадальнаго народа молилъ о заступленіи. Дѣти Великаго Князя, всѣ его бояре и дружина единогласно требовали войны. *„Блаженный же князь Михайло“* призвалъ епископа своего, и князей, и бояръ на совѣтъ; кромѣ владыки Варсонофія, были тутъ игумны и духовникъ князя, и дружинники,—со-

бралось много приближенныхъ князя. Онъ всѣмъ имъ говорилъ: „Отцы, и братья, и сыны мои! научите меня и скажите мнѣ. Сами видите: отступился я отъ великаго княженія, и выходъ царскій Юрію сдавалъ! а вотъ сколько онъ вотчинѣ моей зла сотворилъ. Я все терпѣлъ и ждалъ: утолится же наконецъ его злоба! нѣтъ, вижу, онъ головы моей ищетъ. Истинно говорю: ни въ чемъ передъ нимъ обвинить себя не найду,—буду ли въ чемъ виноватъ, скажите мнѣ“... и онъ зарыдалъ. Общими слезами, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтили всѣ присутствовавшіе и единогласно говорили: „правъ ты, нашъ государь, правъ во всемъ! всѣ твое смиреніе передъ племянникомъ видятъ! онъ же вотъ какъ поступилъ! половину твоей волости извоевалъ и другую сгубить хочетъ. Нельзя тебѣ не идти противъ него; всѣ мы за тобой! и жизнь отдать готовы“. Ожилъ въ радости Михаилъ Ярославичъ, но смирилъ бранные клики, особенно-же укротилъ сыновей своихъ: Димитрія, уже вспыхнувшаго по своему обычаю и сверкавшаго грозными очами, также Александра Михаиловича, рвавшагося въ бой тѣмъ же часомъ,—благодарилъ всю свою вѣрную дружину,—благословился у епископа и духовника своего. И съ кротостью говорилъ опять: „Сказано: кто положитъ душу за друга своего—великъ у Господа наречется. А намъ, братья, не за одного друга и не за двухъ голову свою приходится положить, а вотъ за сколько народа! многихъ у насъ перебили, а сколько еще съ собой въ плѣнъ ведутъ! и жены ихъ и дочери отъ поганыхъ терпятъ! ежели за нихъ за всѣхъ мы души свои положимъ—вмѣнитъ и намъ Господь во спасеніе“.

Бой Тверичей съ многочисленнымъ непріятелемъ произошелъ въ сорока верстахъ отъ ихъ столицы, въ четвергъ 22 декабря 1317 года. Какъ ни лихо бился Юрій: много головъ пало около него; видѣлъ онъ кругомъ себя безчисленно много своихъ ратныхъ подъ конями изъязвленныхъ, падающими, какъ снопы въ жатву, и, разбитый на голову, бѣжалъ вмалѣ въ Торжокъ и далѣе въ Новгородъ. Его станъ достался въ руки побѣдителей; въ его княжеской ставкѣ нашли Кончаку и Юрьева брата, Бориса. Кавгадый, какъ только завидѣлъ, что битва проиграна, велѣлъ своему полку свернуть знамена, а потомъ спрашивалъ: гдѣ Вели-

кій Князь? и желалъ съ нимъ видѣться. Самъ же Михаилъ вышелъ изъ боя, съ ногъ до головы изсѣченъ и изрубленъ по всему своему бранному доспѣху, а раны на тѣлѣ не было и ни одной не ощутилъ. Радость побѣдителей была несказанная при видѣ необозримаго множества спасеннаго ими народа: стекались благодарить побѣдоносныхъ воиновъ толпы за толпами, всѣ освобожденные изъ плѣна: „*множества душа, бывшая въ скверныхъ рукахъ поганскихъ*“. Но тому, что многихъ татаръ, ихъ князей и бояръ, *побиша* и *изымаша,* самъ побѣдитель не радъ былъ своей побѣдѣ.

Сразу объяснилось теперь, какъ это можно было предугадывать и вначалѣ, что весь этотъ погромъ Юрій задумалъ безъ царева слова и велъ походъ безъ повелѣнія ханова: также и великимъ княземъ онъ нареченъ не былъ. Но что изъ этого вышло!.. безчисленно много Татаръ *падоша,* „поимаша князя Бориса Даниловича и *иныхъ князей многихъ* и бояръ и татаръ изымаша“, и какое еще сотворилось дѣло—кромѣ Юрьева брата, и его Кончака, „яже бѣ сестра Азбяка ордынскаго“, попалась въ плѣнъ; къ тому же ханскій посолъ съ разбитымъ своимъ станомъ очутился въ плѣну—со всѣмъ этимъ не знали какъ и быть въ Твери. Тяжело ей было праздновать свой успѣхъ и не радость торжествовать свою побѣду. Кончаку съ честью помѣстилъ Великій Князь у себя во дворцѣ и, окруживъ всякимъ попеченіемъ, велѣлъ приставленнымъ къ ней людямъ со всѣмъ усердіемъ беречь княгиню. Кавгадыя въ Твери чествовали пирами и дарами, онъ же все повторялъ только Великому Князю: „въ твоей нынѣ волѣ всѣ мы“. Дарили и честили также всѣхъ бояръ Кавгадыевыхъ; въ свою очередь и они отвѣчали льстивыми похвалами, а никого не обманули безбожные кровопійцы! Одного того, сколько у нихъ награбленнаго добра назадъ отобрали и сколько плѣннаго народа освободили, которыхъ плѣнниковъ ужъ они вели въ свои улусы продавать по всѣмъ базарамъ, ввѣкъ теперь обѣщались не забыть хищники,—это было у нихъ въ глазахъ написано, затаили месть въ злолукавой татарской душѣ соратники Кавгадыя. Всѣхъ ихъ не плѣнниками, а почетными гостями держалъ у себя въ Твери Михаилъ Ярославичъ, — какъ ввелъ въ свою столицу съ почетомъ, также „и многу честь воздаде Кавгадыю и Татарамъ его“ на прощаньи.

Въ ту же зиму, около Масляной недѣли, Юрій вновь вторгнулся въ опричину Михаила, приведя съ собою новгородцевъ; но Великій Князь послѣ полной, такъ недавно еще одержанной надъ нимъ побѣды, не хотѣлъ другой разъ повторять кровопролитія. Выступивъ къ нему навстрѣчу, онъ загородилъ ему „бродъ на Волгѣ“, въ которомъ мѣстѣ Юрій хотѣлъ переправиться на тверской берегъ и *„ту мало бой не бысть“*: ограничилось словесною бранью. Михаилъ Ярославичъ послалъ ему сказать, что не миновать имъ обоимъ ѣхать къ Хану, такъ изъ-за чего же воевать еще передъ тѣмъ другъ противъ друга? „Поѣдемъ вмѣстѣ въ орду“, предлагалъ Великій Князь, „тамъ и будемъ жаловаться другъ на друга: пусть самъ Ханъ и разсудитъ между нами“. Юрій же дерзко и заносчиво возражалъ на это; отъ него послы за послами являлись со многими рѣчами; насилу наконецъ удалось склонить его къ примиренію. На томъ именно и рѣшили, что оба пойдутъ въ орду судиться къ Хану; а Михаилъ Ярославичъ прибавилъ еще Юрію, что его братъ и его княгиня будутъ имъ немедленно освобождены изъ плѣна. Противники скрѣпили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ, разошлись на этотъ разъ безъ кровопролитія мирно. Большая бѣда приключилась тѣмъ временемъ и пала на великаго князя: Кончака умерла въ плѣну, и прошелъ слухъ, что она *уморена зельемъ*. Княжичь Борисъ Даниловичъ, находившійся съ нею въ Твери все время, могъ лучше другихъ свидѣтельствовать брату, что она умерла отъ себя своею смертью, и сейчасъ же былъ отпущенъ къ нему по уговору изъ плѣна. О гробѣ несчастной Агаѳіи, какъ вѣроятно, не дождались тогда распоряженій изъ Москвы,—ея гробъ вывезли изъ Твери и передали родственникамъ же московскаго князя, въ Ростовѣ. Удрученный горемъ, Михаилъ Ярославичъ долженъ былъ все время нести сердечную муку въ разсужденіи своихъ отношеній къ племяннику и *„брату“*, какъ онъ всегда называлъ Юрія: сама судьба его преслѣдовала, чуть онъ съ нимъ сближался; словно ужъ это рокъ былъ такой: быть имъ въ вѣчной ссорѣ. И это сынъ того, съ кѣмъ Михаилъ вѣкъ цѣлый дѣлилъ любовь и дружбу! о комъ говорилъ и писалъ нѣкогда: „я съ братомъ своимъ старѣйшимъ Даніиломъ—*одинъ есмь*!“

Дѣйствительно, съ родителемъ Юрія, святымъ москов-

скимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ, жилъ Михаилъ Ярославичъ душа въ душу: не ссорились они между собой вѣкъ цѣлый,—даже и въ томъ случаѣ, когда безпрестанные въ ту пору раздѣлы и передѣлы волостей подавали къ тому, казалось бы, неизбѣжный поводъ. Мирно сосѣдствуя другъ съ другомъ, они во всемъ и помогали другъ другу; вдвоемъ ходили въ одни и тѣ-же походы; враги и друзья у нихъ были общіе; одинъ не оставлялъ другаго ни въ бѣдѣ, ни въ нуждѣ,—были, какъ тогда говорилось, одинъ человѣкъ. Михаилъ Ярославичъ, по смерти Кончака, рѣшился отправить къ Юрію дружеское выраженіе—не вражды къ нему съ своей стороны, а участія и пріязни: „*посла Александра Марковича на Москву посольствомъ о любви*“,—и что же? „*И уби его князь Юрій Даниловичъ Московскій*“. Это была уже послѣдняя попытка Михаила примириться съ Юріемъ: „*и бысть между ими нелюбіе веліе*“.

Узнавъ, что Великій Князь готовится ѣхать въ орду, Кавгадый требовалъ, чтобы сейчасъ-же самъ Юрій, всѣ дѣла бросивъ, спѣшилъ туда и непремѣнно-бы предупредилъ пріѣздъ Михаила; а въ явное тому доказательство, что дѣло чрезвычайной важности, самъ онъ, Кавгадый, тѣмъ-же часомъ и собрался въ путь. Уѣзжая, Кавгадый велѣлъ Юрію набрать, чего больше нельзя, „*должниковъ*“ и „заимодавцевъ“ Михаила: такъ звались татарами вообще всѣ доношики и истцы, подававшіе жалобы на князей. Этихъ „должниковъ“ и „заимодавцевъ“ и вызывали въ судъ доказывать на князей, противъ которыхъ поданы жалобы; такимъ образомъ, обвиняемые князья и являлись какъ бы отвѣтчиками этихъ истцевъ. А такъ какъ, главнымъ образомъ, всѣ жалобы и доносы на князей сводились на переплаты по сбору дани, на вымогательство лишняго и утайку внесеннаго, при чемъ доносчики требовали съ обвиняемыхъ возврата излишнезабраннаго, а обвиняемые въ свою очередь взводили долги и недоимки на самихъ обвинителей, то всѣ подобнаго рода жалобы и звались у татаръ „*долгами*“, а сами тягавшіеся—„*должниками*“. Подобныя-же дѣла не переводились у князей съ откупщиками дани и ихъ дольщиками. Но это уже были весьма крупныя дѣла, и сами жалобщики при этомъ были знатные мужи: князья-бояре татарскіе и важные бесермены, орудовавшіе огромными счетами серебра и зо-

лота. У нихъ нерѣдко должны были занимать князья и вели съ ними крупные счеты при внесеніи „выхода ордынскаго“: занимая у нихъ, предоставляли въ ихъ распоряженіе свои княжескіе доходы и пошлины съ разныхъ статей. Кто кому оставался долженъ въ этихъ случаяхъ напослѣдокъ—изъ этого возникали неразрѣшимые споры. Жалобы и подобныхъ князей-бояръ татарскихъ, важныхъ „бесерменовъ“, относились къ такому-же разряду; всѣ подобные истцы также звались у татаръ *„должниками“* и „заимодавцами“. Ихъ и велѣлъ Кавгадый—чего больше нельзя—набрать Юрію противъ Михаила. Кромѣ того, онъ велѣлъ Юрію привести съ собой-же въ орду,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, но чтобъ непремѣнно набралъ, своей братьи: князей съ суздальскихъ-ли волостей или костромскихъ, или изъ волостей нижегородскихъ,—а также и *„иныхъ нѣкакихъ князей“*; требовалъ также, чтобы непремѣнно съ нимъ прибыли и новгородскіе бояре въ орду; новгородцевъ велѣлъ привести съ собой непремѣнно. Долго было бы и перечислять все въ подробности, чѣмъ распорядился Кавгадый, спѣшно собравшись въ орду.

Особы, подобныя ему, распоряжались всѣми баскаками татарскими, монгольскими воеводами по разнымъ областямъ и вообще чиновниками ханскими, сидѣвшими на службѣ въ Русской землѣ, какъ конюхами своими. Всѣ эти баскаки и воеводы, и чиновники, и помощники чиновниковъ были страшны и грозны лишь для подъяремной Руси. Но грозные и страшные для крестьянъ православныхъ, они обращались въ презрительнѣйшихъ угодниковъ, въ рабьихъ слугъ—предъ наѣзжавшими изъ орды отъ Хана. Такихъ пріѣзжихъ звали на Руси обыкновенно „послами“, иногда „великими послами“; но сами монголы—жирѣвшіе на Руси баскаки и воеводы, не опредѣляя ихъ чиновъ, величали ихъ именно „особами“, точно опредѣляя при томъ, который изъ нихъ котораго былъ выше по степени приближенія къ Хану. Монголы страшились ихъ пуще, чѣмъ сами русскіе,—почитали все возможнымъ для нихъ—и каковы бы ни были жестокости съ ихъ стороны, говорили про такихъ особъ: „на то у царя и сильные вельможи, чтобы гордыхъ и непокорливыхъ Хану послушными сотворить“. Къ такимъ именно особамъ принадлежалъ и Кавгадый: осмѣлиться ему прекословить было нельзя.

Въ эту же пору—самую злую и темную пору монгольскаго ига на Руси—особенно участились наѣзды подобныхъ „великихъ пословъ“. Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда Кавгадый вторгнулся изъ-подъ Клина разорять тверскія волости, *„прiиде изъ Орды посолъ лютъ именемъ Коча и убилъ сто и двадесять человѣкъ у града Костромы и потомъ пришедъ весь Ростовъ повоева ратью“* (въ зиму съ декабря 1317-го на генварь 1318-го года). Спустя годъ, упоминается снова: *„быша въ Ростовѣ злiи Татарове“*, а спустя еще два года: *„приходи на Русь посолъ силенъ именемъ Ахмылъ, и много пакости чини по Низовской земли, и Ярославль взя, и много христiанъ изсѣче, и пойде въ Орду“* *).

Святой мученикъ Михаилъ Ярославичъ Тверской.—При такомъ ходѣ дѣлъ, разумѣется, и походъ Кавгадыя не только не представлялъ чего-либо особеннаго, выходившаго вонъ изъ

*) *„Посолъ силенъ Ахмылъ“*, *„посолъ силенъ Свинчебуга“*, Тайтамiръ и прочіе постоянно поминаются за это время; также и военныя прогулки татаръ не ограничивались только примѣрами, уже указанными выше. И рязанская область и прочія не менѣе подвергались вторженію татаръ. Подъ 1308 г. упоминается: „Убiенъ бысть въ Ордѣ князь Василій Константиновичъ Рязанскій, *и Татарове воеваше Рязань“;* ранѣе этого года и послѣ неоднократны извѣстія о разоренiи Рязанскихъ волостей послами, наѣзжавшими изъ орды.—Въ зиму съ декабря 1310 г. на генварь 1311 г. происходили лютыя усобицы между Брянскимя князьями: татары приходили сюда рѣшать эти распри по зову самихъ князей. Во время здѣшнихъ смутъ едва не погибъ первосвятитель Петръ, посѣтившій, какъ уже извѣстно, и здѣшніе предѣлы. Брянскомъ овладѣлъ тогда князь Святославъ Глѣбовичъ, *„возносившiйся умомъ своимъ и силою, тѣломъ крѣпокъ и мужественъ зѣло“;* племянникъ его князь Василій привелъ татаръ на дядю и требовалъ возвращенія своей волости. Случившiйся тутъ въ это самое время митрополитъ Петръ уговаривалъ похитителя: „подѣлись, сынъ мой, княженіемъ съ племянникомъ своимъ или оставь ему городъ, не губи Брянска“, говорилъ митрополитъ. А гордецъ отвѣтилъ: „не могу, государь-отецъ, Брянцы меня не отпустятъ отъ себя, всѣ готовы за меня головы свои положить“—и выступилъ биться. Но Брянцы пометали стяги и выдали князя; тогда онъ затворился въ городѣ и только „Дворомъ своимъ“ отражалъ приступы татаръ и бился съ ними, но „избiенъ бысть въ полку“. Когда татары пошли на приступъ, а потомъ, взявъ городъ на щитъ, предали его опустошенію, „святитель Петръ затворился въ церкви, и Богъ тамо сохрани его отъ поганыхъ Татаръ“. Какъ во время приступа, такъ и въ полѣ, татары бились жестоко; „помрачиша стрѣлы татарскія воздухъ и бысть яко дождь; *тажъ конями и саблями снящася*, и бысть сѣча зла“.

ряду по тогдашнимъ обстоятельствамъ,—напротивъ того, составлялъ, можно сказать, общее явленіе на Руси. Михаилъ Ярославичъ самъ не радъ былъ одержанной имъ 22 декабря тверской побѣдѣ,—хорошо зналъ, что ему надо было повиниться и скорѣй оправдаться передъ Ханомъ; но если не спѣшилъ, а все еще день за днемъ откладывалъ свою поѣздку къ Хану—единственно потому, что свою правду въ борьбѣ съ его зятемъ считалъ слишкомъ очевидною на этотъ разъ. Тѣмъ не менѣе однако, какъ только вскрылись рѣки (весна 1318 г.), онъ уже отправилъ сына своего въ Орду: знакъ—столько-же правоты своей, какъ безусловной и подчиненсти хану. Это былъ княжичъ Константинъ Михаиловичъ, тогда еще 12-ти-лѣтній: не столько по возрасту своему, какъ по врожденной тихости и кротости—совершенное дитя; къ княжичу, разумѣется, были приставлены и бояре.

Тогдашній Ханъ, *грозный и могучій* Узбекъ, какимъ его почитали на Востокѣ, славился еще и тѣмъ, что это былъ мудрѣйшій и правосуднѣйшій изъ владыкъ земныхъ, когда-либо царившихъ во вселенной: такова была о немъ молва общая. Если такъ, присылка Михаиломъ своего сына въ Орду—княжича, котораго можно было тутъ-же придушить или съ голода уморить въ темницѣ—ручалась за невинность отца въ глазахъ Хана: въ томъ даже случаѣ, если и допустить, что Юрій Даниловичъ съ Кавгадыемъ втеченіи всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ не теряли даромъ времени въ ордѣ. А они явились туда, одинъ за другимъ вскорѣ, и не оставляли своихъ козней противъ Михаила,—всѣ знали: „*Кавгадый Хану безпрестанно клевета̀ше на него*“. Извѣстное *всей Ордѣ*—то-есть очень немногимъ въ ней, въ комъ однакожъ и заключалась *вся* ея сила—дошло слухами и до Великаго Князя наконецъ. Былъ уже августъ мѣсяцъ въ послѣднихъ числахъ, когда онъ сказалъ княгинѣ, что ѣдетъ и далѣе откладывать нельзя. Княгиня Анна, обливаясь слезами, не хотѣла его отпускать, не рѣшалась разстаться съ нимъ; епископъ Варсонофій со всѣмъ освященнымъ соборомъ молебствовали у Спаса, гдѣ князь прощался у гроба родителя своего; вся Тверь провожала его со слезами; съ нимъ въ путь ѣхало нѣсколько священниковъ и два дьякона; взялъ онъ сколько надо было бояръ и отроковъ съ собою, но не великое число. Владыкѣ онъ на прощаньи говорилъ: „много

я думалъ, отецъ святой, какъ бы помочь христіанамъ; но по грѣхамъ моимъ въ насъ раздоры, а людямъ тягость. Ежели случится кровь свою пролью, не забуди меня никогда поминать: да проститъ мнѣ Господь Богъ всѣ грѣхи мои"; на утѣшенье-же Владыки и надежду о скоромъ возвращеніи возразилъ: „лишь бы хоть сколько-нибудь христіанъ облегчить". Княгиня Анна, ихъ сынъ малолѣтній княжичъ Василій и вся княжеская семья сѣли съ нимъ въ струга и проводили Волгою до самой рѣки Нерли, по которой шли уже владѣнья Переяславля-залѣсскаго.

Тутъ, при впаденіи въ Волгу Нерли, былъ ихъ послѣдній станъ. Здѣсь на мѣстѣ прощанія съ семействомъ Великій Князь исповѣдался передъ отцемъ своимъ духовнымъ, игуменомъ Іоанномъ, и пріобщился Святыхъ Таинъ. Отсюда провожавшіе „*возвратистася* со многимъ рыданіемъ, не *могуще* разлучиться отъ возлюбленнаго Князя; онъ же *пойде* ко Владиміру, а съ нимъ два его сына: князь Димитрій да князь Александръ". Во Владимірѣ надлежало Михаилу Ярославичу, по обязанностямъ Великаго Князя, принять ѣхавшаго царскаго посла Ахмыла, отъ него-же надѣялись узнать и свѣжихъ вѣстей ордынскихъ. Зловѣще было все, что услыхали они отъ пріѣхавшаго посла. Ахмылъ совѣтовалъ Князю какъ можно спѣшить въ орду; а на всѣ его разспросы не далъ толковаго отвѣта, при чемъ шепнулъ ему: „оболгалъ тебя Кавгадый передъ Ханомъ!" Князь спрашивалъ еще и еще,— Ахмылъ прибавилъ только: „ближе мѣсяца будь тамъ! еслиже не будешь и рати ужъ высланы на тебя! а Кавгадый про тебя молвитъ: не бывать ему въ *Ордѣ*". Больше ничего не узнали отъ великаго посла. Помрачились князевы думцы, и молодые князья смутились. Подумавъ между собой, бояре дали совѣтъ Князю не ѣхать въ Орду; дѣти также говорили: „пошли насъ;" задумался и самъ Михаилъ Ярославичъ: повидимому, онъ этого не ожидалъ. Ѣхать-ли, не ѣхать-ли—надо было однако это рѣшить скорѣе. Бояре сказали ему: „ужъ вотъ одинъ изъ твоихъ сыновей тамъ теперь, еще туда и пошли и другаго". Сыновья также просили его: „послушайся насъ, не ѣзди! самъ ты слышалъ: обнесли тебя передъ царемъ. Дай его гнѣву пройти. Лучше насъ пошли. А какъ минетъ царскій гнѣвъ, тогда и поѣдешь". Онъ молчалъ, а они повторяли оба: „пошли насъ кого-ни-

будь". Долго сидѣлъ онъ въ задумчивости; наконецъ съ поразительной рѣшимостью и необычайнымъ смиреніемъ сказалъ, обращаясь ко всѣмъ: „видите ли, други мои, не требуетъ царь васъ, дѣтей моихъ, и никотораго изъ всѣхъ насъ, развѣ меня—моей головы хочетъ; ежели уклонюсь, всей нашей вотчинѣ изъ-за меня плѣнъ будетъ: множество христіанъ погибнетъ. Вѣдь, умереть же когда-нибудь! такъ лучше свою душу за многихъ и положить". На этомъ и кончилась ихъ дума. Не откладывая долѣе, онъ на прощаньи далъ поученье дѣтямъ, сказалъ о своихъ распоряженіяхъ, какъ онъ раздѣлилъ вотчину, передалъ имъ и духовное завѣщаніе, написавъ грамоту: *„не могуще разлучитися на многъ слезъ ихъ, и едва разлучистася"*. Всю дорогу, можно бы сказать, былъ онъ подавленъ и задыхался однимъ. Михаилъ готовъ былъ всю свою душу излить передъ Узбекомъ, увѣренный въ правотѣ своей, но... введутъ его для челобитья и уведутъ послѣ поклона лютые татарскіе вельможи: таковъ обычай у Хана своихъ подданныхъ принимать. Царь будетъ милостивъ къ нему,—въ этомъ не сомнѣвался Михаилъ,—лишь бы узналъ всю правду. Но дойдетъ-ли до царя правда, въ этомъ сомнѣвался Михаилъ. Никого не заставъ въ Сарай-Ордѣ, откуда только что передъ тѣмъ выѣхалъ Узбекъ, Михаилъ долженъ былъ сдѣлать новую, еще вторую тысячу верстъ... И нашелъ Хана на берегу моря Сурожскаго, или Азовскаго, при устьѣ Дона. Въ самый день чуда ангела своего—*Чудо Архангеля Михаила, 6-го сентября*—тезоименитый Архистратигу великій князь въѣхалъ наконецъ въ Орду.

Молодой княжичъ Константинъ, здороваясь съ отцемъ, не могъ ему передать никакихъ важныхъ вѣстей; отъ него отецъ узналъ только, что ханша одна есть добрая, у которой онъ часто бываетъ, и она его очень любитъ. Отъ бояръ-же своихъ, бывшихъ тутъ все время съ княжичемъ, Михаилъ узналъ про самого Хана: отъ царя никто до сихъ поръ ни единаго слова о Михаилѣ Ярославичѣ худаго не слыхалъ и всегда въ своихъ рѣчахъ Великимъ Княземъ царь поминаетъ его. А они, князевы бояре, также всѣмъ ханшамъ поклонъ отдали, имъ приходится ихъ видать: съ пріѣзду дары имъ подали какъ должно, и все время не перестаютъ какъ должно подавать; были съ пріѣзда и на царевыхъ очахъ: на

Хана грѣхъ что сказать. А про всю Орду, съ тѣмъ вмѣстѣ о Юріи Даниловичѣ и о Кавгадыѣ, Михаилъ отъ своихъ бояръ узналъ лишь то самое, что съ первыхъ-же дней своего пріѣзда и потомъ все время самъ видѣлъ собственными глазами. Великій Князъ привезъ по обычаю и съ собой всякихъ даровъ, какъ должно; кланяясь ими, дарилъ всѣхъ княгинь и князей ордынскихъ: всѣ приняли милостиво его поклоны,—былъ наконецъ съ поклономъ и у женъ хановыхъ и всѣ ханши милостиво приняли его дары; а которая изъ нихъ была ласкова къ его сыну, ту онъ особо благодарилъ за всѣ ея милости къ малому дитѣ. И наступилъ рѣшительный день: билъ челомъ до лица земнаго Михаилъ Ярославичъ самому царю Узбеку и, правду сказать: ничего въ немъ грознаго не нашелъ. Таковъ-же былъ царь съ нимъ теперь, какъ и тотъ разъ, когда ему свой ханскій ярлыкъ на великое княженіе выдавалъ и милостиво принялъ великокняжескіе дары. Но и только,—ни худаго ни добраго,—кромѣ обычныхъ ханскихъ словъ, какія слова ханы своимъ подданнымъ, допуская ихъ до себя, отъ себя говорятъ, ничего больше не сказалъ Узбекъ Михаилу и отпустилъ. А орда—Ордой; для *всей* орды былъ теперь Михаилъ чужой. Ни Юрій ни Кавгадый ужъ съ нимъ и не видѣлись теперь,—при встрѣчахъ, ровно не замѣчали, либо не узнавали другъ друга. А такъ какъ *вся* Орда была заодно съ ними,—такъ по крайней мѣрѣ казалось Михаилу, словно, и прочіе сторонились отъ него. Не новый слухъ, а уже слышанный Михаиломъ во Владимірѣ отъ Ахмыла и еще раньше того достигнувшій до него еще въ Твери, всѣ подтвердили ему и здѣсь, не переставали подтверждать и всякій день: „*Кавгадый безпрестанно клеветалъ Хану на него*“. Говорили, что приближенные къ царю вельможи не одинъ разъ ему докладывали о необходимости суда надъ Михаиломъ; а когда царь обѣщалъ приказать судъ, но потомъ забывалъ объ этомъ, докладывали ему еще о важности поступившихъ и все болѣе возраставшихъ уликъ, испрашивали такимъ образомъ неотложности суда. Вельможи заводили рѣчь при этомъ, что тѣмъ только и держится правда въ царствѣ, какъ самъ Богъ велѣлъ, что царь милуетъ правыхъ, а виновныхъ казнитъ; если-же вѣрному и невѣрному—одна всѣмъ честь будетъ рабамъ царскимъ,—тогда и

царство долго не устоитъ. Недоброжелательство *всей* Орды къ князю Михаилу было такъ явно и общеизвѣстно, что потомъ образовались по этому поводу сказки и басни на Руси, повторенныя отчасти даже и въ лѣтописяхъ. Разсказывали, напримѣръ, будто мудрый и правосудный ханъ Узбекъ приставилъ—вскорѣ-же по пріѣздѣ въ орду Михаила—цѣлую особенную стражу къ нему, чтобы никто ему не чинилъ въ ордѣ обиды. Разсказывали еще, что по пріѣздѣ Кавгадыя, когда онъ только первый разъ началъ доносить на Михаила обо всѣхъ его измѣнахъ,—какъ онъ не отдаетъ сполна ханской дани, а копитъ себѣ казну и пересылаетъ ее въ Литву и Ливонію, хочетъ туда бѣжать и не пріѣдетъ въ Орду,—Ханъ еще лѣтомъ велѣлъ бросить въ тюрьму его малаго княжича и заморить голодомъ. Но тогда-же Ханъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, надоумленный своими боярами: „если ты заморишь сына, отецъ и подавно не пріѣдетъ“. Разсказывали даже, что когда слухъ пришелъ о выѣздѣ Михаила, Кавгадый такъ перепугался его прибытія въ Орду, что выслалъ своихъ людей ему навстрѣчу перенять его въ дорогѣ и убить его. Постоянно слыша подобные и еще болѣе смутные толки и собственными глазами видя, что не все въ нихъ басня, а судя по многому есть и правда въ нихъ, Михаилъ Ярославичъ провелъ цѣлыхъ полтора мѣсяца въ Ордѣ въ мучительнѣйшемъ ожиданіи: смилуется-ли къ нему судьба? Тѣмъ болѣе, что втеченіи этихъ шести недѣль онъ насмотрѣлся еще—повидимому состоявшихъ въ дружбѣ съ Юріемъ Даниловичемъ и Кавгадыемъ, постоянно водившихся съ ними—такихъ мурзъ татарскихъ и мордовскихъ князцевъ, которые казались очень подозрительны для него: какая бы могла быть у нихъ дружба съ Юріемъ? Кромѣ того, случилось ему повстрѣчать и „*иныхъ князей*“ и „*нѣкіихъ*“ изъ своихъ; а съ ними еще и кое-кого изъ Новгородцевъ, съ которыми онъ никакъ не ожидалъ встрѣтиться въ Ордѣ. Мучительные полтора мѣсяца прошли безъ всякаго рѣшенія судьбы, какъ вдругъ она рѣшилась.

Ханъ, столько-же удручаемый важными занятіями, какъ и заботами о мѣрахъ для разсѣянія своего, собрался идти „на ловы“ къ горамъ Кавказа и дальше. Впрочемъ и пышная забава ханская на этотъ разъ отвѣчала потребно-

стямъ царственныхъ заботъ его: кто говорилъ, что всею Ордой собираются на царскую охоту, а кто говорилъ, что Ханъ несетъ войну въ Персидскіе предѣлы, — похоже было, что предпринималось и то и другое. Надо было передъ выступленіемъ въ походъ повершить нѣкоторыя хотя и не важныя, большею частью мелкія дѣла, но накопившіяся уже давно и которыми не переставали докучать Хану: въ томъ числѣ и споръ его зятя съ Михаиломъ. Онъ сказалъ своимъ вельможамъ, нежданно-негаданно для нихъ: „судите князя великаго съ княземъ Юрьемъ, и судивши— мнѣ скажите". Кавгадый съ товарищами никакъ, тѣмъ часомъ, не ожидали этого, а онъ еще прибавилъ имъ: „котораго правду мнѣ скажете—того хочу жаловать, а виноватаго казни предать".—Больше ничего не требовалось Кавгадыю. На другой-же день объявили Михаилу Ярославичу, что онъ преданъ суду по царскому повелѣнію, и на этотъ разъ уже дѣйствительно была къ нему приставлена стража. Тогда-то и стали принимать прошенія и жалобы на него; „должники" и „заимодавцы" являлись одни за другими. Набралось много жалобъ; онъ бралъ дань и не отдавалъ Хану; онъ перевелъ свою казну къ Ливонцамъ и просилъ себѣ у нихъ помощи отъ римскаго Папы; онъ хотѣлъ бѣжать въ Литву; многимъ татарскимъ князьямъ и баскакамъ, у которыхъ для взноса дани занималъ деньги, потомъ не отдавалъ; не князь праведный былъ подвластнымъ городамъ, должно быть, Новгороду именно, а грабитель былъ, и проч. и проч. И все сводилось еще къ уголовнымъ винамъ: Кончаку зеліемъ уморилъ, противъ царскаго посла бился, царевой дани не давалъ.

Ордынскіе князья собрались на судъ „во едину вежу за царевъ дворъ", передъ ними кучами лежали жалобы и прошенія: *„покладаху мнози грамоты съ многимъ замышленіемъ на Князя Михаила"*. Въ числѣ его судей сидѣли и князь Юрій съ Кавгадыемъ; они же были обвинителями и свидѣтелями по уголовнымъ его винамъ. Когда ввели обвиненнаго, довольно было только взглянуть все, что представилось глазамъ его, чтобы повторить себѣ мысленно слова, сказанныя ему въ отчаяньи его боярами: „все, что ты будешь говорить въ свою правду, пропустятъ они мимо ушей и будутъ отвращаться ото всего; а что скажетъ Юрій,—во всемъ послушаютъ Юрьевыхъ

рѣчей". Такъ и было; на большую часть взводимыхъ на него обвиненій обвиняемый не отвѣчалъ; но подробными счетами съ должниками и заимодавцами своими даже утомилъ своихъ судей. Когда же все слилось въ ихъ вражьемъ скопѣ въ одинъ злорадный гулъ, требовавшій головы его, онъ вразъ имъ далъ краткій отвѣтъ на все, чѣмъ они мучили его долго и что онъ имъ долго-же во всѣхъ подробностяхъ объяснялъ. Одни счеты „выхода ордынскаго" заняли ужъ сколько времени; а онъ кромѣ того и все, что бралъ съ кого сокровищъ—всему представилъ подробныя же писаные счеты. Не повторять же всего этого было. Они кричали: „гордъ *еси* и нопокорливъ Хану! посла его Кавгадыя осрамилъ! бился съ царевымъ посломъ! Посла побилъ! дани ханскія на себя взымалъ, а Хану не давалъ! княгиню Юрьеву зельемъ уморилъ! князей и татаръ царевыхъ побилъ!" А онъ имъ сказалъ: „Хана *есьми* слушалъ и слушаю, и работаю ему, и дани даю ему право. А посолъ ханскій пришелъ на меня ратью, и *азъ* поневолѣ бился съ нимъ, и потомъ его чтилъ и дарилъ, и отпустилъ со многою честью и со многими *дары*. Княгиню Юрьеву зеліемъ не уморилъ *есмь*: умерла она отъ себя, своею смертью". Судъ кончился и пошли доложить царю. Узбекъ ихъ ждалъ. Судьи сказали: „князь Михаилъ Ярославичъ по суду достоинъ смерти, а впрочемъ твое вольное слово великаго Хана—какъ повелитъ?" и разсказали, въ чемъ заключаются главныя вины. Ханъ велѣлъ пересмотрѣть другой разъ все дѣло и испытать истину достовѣрнѣй. Смутились царскіе слуги и отошли въ послушаніи; но потомъ всѣ они просили Узбека по совѣту Кавгадыя, и самъ Кавгадый въ томъ убѣждалъ царя: „достоинъ есть Михаилъ смерти по своимъ винамъ; если-же ты велишь пересмотрѣть ихъ вновь, пусть станетъ Михаилъ связанъ на судѣ: пусть такъ и отвѣчаетъ. Не хотимъ мы тебя, Ханъ великій, обидимымъ видѣть, а насъ поношаемыхъ: наше, вѣдь, безчестье—твое царское безчестье есть, а твоя слава и честь—всѣхъ насъ и всей Орды". А Кавгадый къ тому прибавилъ еще, что между княземъ Юріемъ и Михаиломъ, все что только было—ему лучше всѣхъ извѣстно: „*Ханъ великій!*—сказалъ Кавгадый Узбеку,—*мнѣ вся вѣдома суть: возложи на меня и на мою душу*". Ждали рѣшенія. „Дѣлайте, какъ хотите,—подумавши

отвѣтилъ Узбекъ,—а только праведно судите моимъ судомъ; нашъ, вѣдь, судъ ханскій праведенъ долженъ быть и милостивъ; праведно же судите и, судивши, мнѣ скажите". Второй разъ собрались князья въ судебное засѣданіе въ той же опять вежѣ. Михаила поставили связаннымъ передъ собой, и какъ въ первое засѣданіе „во всемъ *слушаху* Юрьевыхъ рѣчей, Михаиловыхъ же рѣчей *отвращахуся*"— также повторилось и второй разъ. Опять приводилось все сызнова, — отъ помощи Римскаго Папы черезъ Ливонцевъ и бѣгства въ Литву до отравленія Кончаки, утайки дани и прочаго. Приведенный на веревкѣ и со связанными назадъ руками, Михаилъ ничего ужъ новаго не сказалъ своимъ судьямъ, а только прибавилъ противъ прежняго слѣдующія слова: „Братъ мой Юрій Даниловичъ попамятовалъ бы мою дружбу и любовь къ его отцу: я его отцу Даніилу Александровичу въ бѣдахъ много помогалъ. Да и ему самому брату Юрію, въ чемъ-же мое сопротивленье? я развѣ на него, онъ возсталъ на меня! все ему владѣть хотѣлось не такъ, какъ по нашему обычаю и по правдѣ повелося: вотъ откуда и вся вражда пошла! Да развѣ я сопротивляюсь? чего онъ хочетъ—все и сейчасъ передъ нимъ! будь лишь на то воля хана, и если вы повелите, все онъ и получитъ". Тутъ онъ поклонился всѣмъ своимъ судьямъ и прибавилъ: „на мнѣ-же... покажите судъ правъ и милостивъ на мнѣ". Вдругъ тогда все замѣшалося; это Кавгадый стремительно всталъ съ мѣста, чѣмъ и всѣхъ увлекъ съ собою. „Не милости достоинъ ты, а смерти!.."—кричалъ онъ прямо въ лицо Михаилу и потомъ все одно то же,—„*смерти достоинъ*"!—въ неистовствѣ повторялъ, обращаясь уже не къ осужденному, а ко всѣмъ судьямъ. Прочіе велѣли воинамъ увести осужденнаго князя. Это происходило въ пятницу, и судъ затянулся глубоко въ вечеръ; но такъ какъ Ханъ велѣлъ неотлагательно доложить ему о рѣшеніи, всѣ и пошли къ нему прямо изъ засѣданія.—„Судили второй разъ по твоему повелѣнію, государь, и другой разъ должны повторить: по суду Михаилъ достоинъ смерти!"—сказали ему князья ордынскіе, царскіе вельможные бояре.—Что жъ, если такъ праведно есть,—отвѣтилъ Ханъ,—по вашему суду и сотворите". Была уже почти совсѣмъ ночь, когда принесли оковы и цѣпи желѣзныя въ

шатеръ осужденнаго князя; пришли заковать его; но не все было улажено и долго было прилаживать, какъ надо; а время ужъ было позднее: заковали ему только руки и надѣли цѣпь на шею; тогда-же бояръ и всѣхъ людей его разогнали прочь, ужъ никого не допускали къ нему, а приставили воинскую стражу. Хотѣли судьи поспѣшить и исполненіемъ приговора; но когда о томъ доложили Узбеку, онъ отложилъ.

Съ того самаго часа, какъ его связаннаго повели во второй судъ, Михаилъ уже видѣлъ, что все кончено для него. Когда, по возвращеніи оттуда, онъ нашелъ нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ у себя въ вежѣ, собравшихся для утѣшенія, онъ просилъ ихъ ради-Бога ничего ему не говорить; а духовнику своему сказалъ тогда же словами псалма: *„дни мои минули какъ дымъ, прошли какъ сновидѣніе“*. Когда-же, спустя часъ-другой послѣ того, принесли еще и оковы, разогнали всю его дружину, сорвали съ него княжеское одѣянье—разграбивъ по обычаю, какъ это позволялось у татаръ дѣлать съ осужденными, все, что нашли у него въ вѣжѣ—и воины на его глазахъ раздѣлили добычу, а его оставили одного на цѣпи съ закованными руками,—душа страдальца выносила уже смертельную муку. *„Удалиша отъ меня дружину мою и знаеміи отъ страстей...“* —вспомнились ему еще и эти другія слова псалмопѣвца. Въ воскресенье узналъ онъ, что вся Орда выступаетъ вслѣдъ Хана великою царскою охотой (на ловы звѣрей) къ Тереку и за Терекъ; пойдетъ и онъ. Тѣмъ-же днемъ возложили на него *„древо великое“*: казнь, заимствованная татарами у китайцевъ. Это было ярмо осужденныхъ на-смерть; такое орудіе, которое столькоже причиняло мученіе, сколько обозначало и поруганіе. Это была тяжелая колода, сплоченная изъ грузныхъ брусьевъ правильнымъ и равнымъ въ длину и ширину четыреугольникомъ, въ три четверти обыкновеннаго человѣческаго роста; въ самой ея серединѣ былъ прорѣзъ для пропуска головы, а пропустивъ въ него голову, его и замыкали у шеи, послѣ чего колода лежала всею тяжестью на плечахъ. У ея краевъ, направо и налѣво, въ поменьшіе прорѣзы вставлялись руки осужденнаго и также замыкались наглухо. Отъ нея спускалась желѣзная цѣпь, на которой и водили колодника приставленные къ нему воины. Такъ по-

вели измученнаго страдальца *„въ ловы за ханомъ“* и *„пробыстъ тамъ въ той нуждѣ двадцать пять дней“*. Когда водрузили ему *„на выю древо великое, прообразующее поносную муку“*, и сказали путь, въ который онъ пойдетъ, князь съ *неизрѣченнымъ терпѣніемъ* покорился участи и самъ еще утѣшалъ готовившихся выступить съ нимъ своихъ ближнихъ. Кромѣ нѣсколькихъ бояръ и прочихъ слугъ, были съ нимъ четыре священника; два изъ нихъ священно-инока и два мірскихъ, два діакона и одинъ игуменъ; въ ихъ числѣ поминаются Александръ и Маркъ, какъ отцы его духовные. По ихъ свидѣтельству, онъ въ эти скорбныя и тяжкія минуты молился объ одномъ: „Боже мой! далъ ты мнѣ перенести начатокъ мученія, сподоби и докончить подвигъ мой“.

Пышная забава ханская такъ описывается исторіографомъ. „Сія любимая забава хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телѣгахъ везли товары индѣйскіе и греческіе; роскошь, веселіе гостйствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся орда тронулась, вслѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ не рѣшилъ судьбы его“.

Большую часть пути гнали осужденнаго пѣшимъ; на стоянкахъ допускали по временамъ быть ему въ своей вѣжѣ безъ колоды, но въ такомъ случаѣ ее замѣняли цѣпи и оковы; въ рѣдкихъ случаяхъ заковывали однѣ только руки или ноги. Зато не возбраняли болѣе своимъ людямъ посѣщать князя; также *„не возбраняху ему ничто-же, еже по христіанскому закону творима суть“*: въ походномъ шатрѣ своемъ онъ слушалъ всенощныя и обѣдни. Съ самаго того времени, какъ онъ выѣхалъ изъ Владиміра въ роковое путешествіе, не оставлялъ онъ поста и молитвы: всякое воскресенье пріобщался Святыхъ Таинъ. И какъ всю жизнь свою соблюдалъ обычай—не только днемъ, но и въ глубокій часъ ночи становиться на молитву—такъ особенно во все это страшное время не оставлялъ обычая своего. Отличавшись знаніемъ всего писанія вообще, онъ почти всю псалтирь могъ приводить наизусть; въ томъ и искалъ подкрѣпленія изму-

ченной душѣ своей, молясь непрестанно: „да не прельстятъ меня словеса лукавыхъ, ни да устрашитъ прещеніе нечестивыхъ“. Ближніе знали, что князь мучится смертельно; извѣстно было отъ его духовника,—отъ отрока, который ворочалъ передъ нимъ листы псалтири, когда самъ онъ былъ въ оковахъ,—что терзанія души его доходили до отчаянія. Но когда сынъ ли его княжичъ Константинъ былъ при немъ или допускали къ нему бояръ его, Михаилъ Ярославичъ *„свѣтлымъ лицемъ и веселымъ взоромъ и веселыми словесы тѣшаше бояръ и слугъ своихъ“*. Даже „древо великое“, одного вида котораго ужъ не могли выносить его скорбные и печальные бояре, не возмущало его. „Объ этомъ ли скорбите? это ли печалитъ васъ?—говорилъ онъ имъ—такая малость!..“ и безъ малѣйшаго озлобленія, *„никоего же озлобленія пріемлюще“* указывалъ на ярмо свое. На одномъ привалѣ, когда орда расположилась въ людномъ городѣ, Кавгадый—созвавъ друзей своихъ, татарскихъ князей и *„инѣхъ нѣкіихъ“*, всѣхъ должниковъ и заимодавцевъ Михаила—велѣлъ вывести его на площадь, усыпанную народомъ, и поставилъ передъ собой на колѣни. Онъ такъ поздоровался съ Михаиломъ и долго еще здраствовалъ мученику такъ, что ядъ аспида—казалось—былъ въ устахъ его. Ухмыльнувшись приставамъ и мигнувъ на ихъ колодника, онъ имъ сказалъ: „что вы ему не облегчите?.. Облегчили бы отъ колоды?“ И тѣ, ухмыляясь, отвѣчали ему въ ладъ: „ужо облегчимъ! не сегодня-завтра, какъ велишь—такъ все и исполнимъ“. Онъ опять сказалъ имъ: „поддержите на немъ, не легко плечамъ-то“—и одинъ изъ приставовъ, стоявшихъ за колодникомъ, приподнялъ и поддерживалъ на немъ колоду. На прощаньи Кавгадый сталъ еще шутить: „ничего, потерпи, Михайло! нашъ царь милостивъ; а ужъ таковъ у него обычай: будь то хоть племянникъ его родной—такое же древо вскладаютъ на него; а гнѣвъ минетъ—взведутъ въ прежнюю честь. Не сегодня-завтра и съ тебя снимутъ: въ большей чести еще будешь“. Когда татаринъ удалился, а Михаила подняли на ноги и повели на-цѣпи въ вѣжу, онъ попросилъ: „нѣтъ ли стульца? дайте сѣсть, отекли ноги“. Его посадили; но всякій здѣшній народъ разноплеменный, окруживъ со всѣхъ сторонъ, не расходился отъ него. Одинъ изъ своихъ сказалъ ему: „смотрятъ на тебя въ такой укоризнѣ,

а всѣмъ вѣдомо, что великъ былъ въ землѣ своей: лучше бы пойти въ вѣжу". Онъ всталъ и его повели; и всю дорогу не могъ укрыть отъ народа, отереть сдерживаемыхъ слезъ, капавшихъ съ рѣсницъ—потому что руки были въ колодѣ же заключены у него. Другой разъ, когда царская охота еще отошла верстъ за сто, на такомъ же привалѣ въ другомъ людномъ мѣстѣ Кавгадый и другой разъ велѣлъ его поставить на торгу. Также со всего базара народъ толпился вкругъ него; но Кавгадый говорилъ уже другія рѣчи въ этотъ разъ. Онъ поучалъ народъ: „смотрите: какъ милостивъ нашъ царь и праведенъ судъ его! князь Михаилъ по своимъ злымъ дѣламъ всякой милости отчуждился, зато и въ нуждѣ и въ тягости, а по нихъ и смерть приметъ. Но по своей ханской милости и по величеству своему велитъ и осужденнаго почтить—потому: скоро смерть приметъ". И Кавгадый велѣлъ снять колоду, подать питія, овощей и всякаго яденья; въ самомъ дѣлѣ принесли много винограда и всякихъ сластей, которыми та страна славилась во всемъ мірѣ. Михаилъ же ни къ чему не прикоснулся и не *вкушаше*.

Наступилъ и ноябрь, это было самое тяжелое время для него... близилось 8-е число—день ангела его. Это былъ день—нѣкогда радостнѣйшій въ жизни—не только самого Князя, можно бы сказать, цѣлой Твери. Восьмое ноября памятно было освященіемъ соборнаго храма, построеннаго Михаиломъ; въ этотъ день былъ его бракъ съ княгиней Анной; 8-го ноября—тому назадъ 16 лѣтъ—были постриги старшаго ихъ сына Димитрія. Въ этотъ день у нихъ съ княгиней Анной, отъ епископа со всѣмъ освященнымъ соборомъ и боярства до старцевъ и старицъ богадѣленныхъ и нищихъ и калѣкъ перехожихъ—всѣ были званными гостями княжескаго семейства, и домъ ихъ былъ тѣсенъ отъ множества сорадующагося имъ народа. Икона его ангела, предъ которой обыкновенно молебствовали въ тѣ дни, сейчасъ была съ нимъ, въ вѣжѣ узника-страдальца. Передъ нею же молебствовалъ онъ и теперь, въ этотъ роковой для себя 1318-й годъ, въ середу ноября 8-го *). Отцы его духовные были

*) Икона Архистратига Михаила, предъ которой молился благовѣрный Князь, и донынѣ осѣняетъ раку съ его мощами.

съ нимъ, священство, діаконы,—княжичъ Константинъ былъ тутъ же съ отцомъ; бояре и слуги были—хотя не въ великомъ числѣ—съ тою же прежнею любовью и преданностью, съ тѣмъ же усердіемъ къ нему,—а самъ онъ ужъ ничѣмъ не могъ утѣшить ихъ.

А пышная ханская забава не унималась. Орда находилась уже далеко за Терекомъ и за горами Черкасскими, близъ того самаго Ясскаго города Дедякова, который сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ взятъ русскими князьями для хана Менгу-Темира. Близился уже и другой праздничный день въ этомъ памятномъ для Михаила мѣсяцѣ ноября—21 число, Введеніе: лишь двѣ недѣли отдѣляли собой оба эти праздника одинъ отъ другого; но за эти двѣ недѣли стало узнать нельзя изстрадавшагося Михаила: *„оттолѣ бяше видѣти очи его полны слезъ“*. Къ отмѣнной тихости и кротости, которыми былъ проникнутъ за все время страданія смиренный видъ его, прибавилось напослѣдокъ нѣчто, какъ бы свидѣтельствовавшее *„яко уже скончатися доброму его теченію“*,—нѣчто столь умилительное, что его нельзя было видѣть безъ слезъ. Даже иноплеменники, вѣрные и невѣрные, той Ясской страны—когда вели его на цѣпи среди народныхъ торжищъ—истинно умилялись при видѣ его. „Бяху тамъ мнози народи: Цареградцы, Нѣмцы, Литва, Русь, Кизилбаши и иніе мнози вѣрные и невѣрные, и видяше Михаила не бѣ никто же безъ слезъ въ ту годину“. Праздникъ Введенія провелъ онъ въ неизрѣченномъ томленіи; весь этотъ день, случившійся тогда во вторникъ, терзался какъ умирающій—ни съ кѣмъ не говоря и никому не отвѣчая. Въ ночь „рано зело въ Среду“ просилъ своего игумена (Марка) собрать въ вѣжу всѣхъ, сколько было съ нимъ духовенства, и „со слезами и рыданіемъ великимъ“ говорилъ: „сотворите мнѣ любовь, поминайте меня въ молитвахъ вашихъ; не забудьте меня никогда: да проститъ мнѣ Господь Богъ грѣхи мои, много я согрѣшилъ передъ нимъ“. Соборомъ пѣли заутреню и часы. Онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься; когда начали читать *правило*, велѣлъ книгу положить передъ собою и читалъ самъ, исповѣдался отцу своему духовному „таже божественной службѣ бывши, причастися“. Послѣ того онъ поцѣловалъ отца своего духовнаго, *„таже вся священники и діаконы цѣловаше“*—и со слезами повто-

рилъ просьбу: да не забудутъ его поминать. Тогда послалъ за сыномъ; слышали, какъ онъ говорилъ ему: *„держи чисто православную вѣру“* и объ матери его и о братьяхъ его; говорилъ еще, что когда его не будетъ, не забывали бы за него всѣхъ, кто былъ съ нимъ при страданіяхъ его. Уже разсвѣло, когда изнеможенный онъ впалъ въ сонъ. Но не воины и приставы разбудили его, приходившіе съ наступленіемъ дня воздѣвать на него колоду и дѣлать все прочее повелѣнное имъ,—онъ скоро проснулся самъ; а ровно къ полдню ужъ его не было въ живыхъ.

Какъ судъ татарскій, такъ и приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ татары производили по-свойски. Лишь бы утвердилъ ханъ судебное рѣшеніе Кавгадыя съ товарищами объ Михаилѣ—исполненіе приговора не заставило бы себя ждать. Всѣ „должники“ и „заимодавцы“, подавшіе жалобы на осужденнаго,—князья татарскіе и другіе, и самъ Кавгадый съ Юріемъ—какъ только ихъ недругъ былъ осужденъ татарскимъ судомъ—приставили къ нему и отъ себя стражей. Хотя къ осужденному ставили воиновъ прямо отъ хана,—также и для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора отпускались нарочно царскіе воины—но почиталось обыкновенно, что обвиненный выдается головою тѣмъ, отъ кого жалобы поступили на него; поэтому и всѣмъ жалобщикамъ предоставлялось обыкновенно у татаръ караулить свою жертву и лишь бы ханъ утвердилъ казнь—собственноручно участвовать въ ея исполненіи или высылать собственныхъ людей для этого—въ помощь царскимъ воинамъ. Эти послѣдніе тогда только *исполняли повелѣнное*, если не было никого охотниковъ, кромѣ нихъ; а если были на то охотники, такъ и царскіе воины только помогали имъ,—а охотники въ этихъ случаяхъ весьма часто управлялись и безъ нихъ. Впрочемъ, такъ какъ при казни осужденнаго не обходилось безъ того, чтобы не расхитить его имущества, не забрать людей его, или по крайней мѣрѣ обобрать и ихъ сколько можно—то царскіе воины радовались обыкновенно, когда ихъ отряжали для совершенія казни и, сколько бы ни набралось охотниковъ распорядиться безъ нихъ, не упускали съ своей стороны пользоваться и на свою долю предоставленными имъ въ этихъ случаяхъ правами. Коротко сказать: лишь-бы *повелѣлъ ханъ*—вотъ этого приходи-

лось иногда дожидаться, а исполнялось повелѣніе—мигомъ, живо.

Рано утромъ въ середу—22 ноября 1318-го года—царская ли охота выѣзжала впередъ послѣ долгой стоянки, были ли получены важныя вѣсти съ Персидской границы, побуждавшія скоро обратить царскую охоту „ловы звѣрей“ въ царскій походъ противъ тамошнихъ салтановъ, просто ли ханъ съ утра всталъ въ такомъ расположеніи духа—къ нему входили и отъ него исходили съ важными государственными дѣлами. Между прочимъ *„въ тотъ же часъ окаянный Кавгадый вхожаше ко царю и исхождаше со отвѣты на убіеніе блаженнаго.*

Михаилъ между тѣмъ—это было къ полдню—впалъ въ лютую смертную тоску пуще прежняго; сколько могли, отцы духовные утѣшали; но онъ терзался больше, велѣлъ подать псалтирь: и разогнуть передъ собой книгу. Онъ началъ читать, гдѣ открылось; это былъ псаломъ 54-й. Прочитавъ: *„сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя и покры мя тьма“*... остановился. Въ молчаньи поникли и всѣ окружавшіе его. „Вотъ что псаломъ молвитъ!.. а-сь?“—обратился онъ къ отцамъ духовнымъ. Они же не знали что сказать, *не хотѣвши больше его смутити.* Тогда одинъ изъ нихъ возразилъ ему: „самъ ты, господине, всѣ псалмы вѣдаешь! тутъ же, въ этой главизнѣ, пишетъ далѣе: возверзи на Господа печаль твою—и поддержитъ тя и не дастъ во вѣки смятенія праведнику“. Одинъ изъ княжьихъ отроковъ вбѣжалъ въ вѣжу; на немъ лица не было, и насилу выговорилъ: Господине Княже“!.. Всѣ оцѣпенѣли, слушая его; а онъ говорилъ *измолкшимъ гласомъ*: „идутъ уже отъ Орды Кавгадый и Великій Князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо сюда къ вѣжѣ“. Михаилъ тяжело поднялся съ пола въ колодѣ своей; всѣ слышали, какъ онъ тихо сказалъ про себя: „вѣдаю на что идутъ“,—и сейчасъ же велѣлъ увести сына къ ханшѣ Баялынѣ. Кавгадый и Юрій послали убійцъ, а сами сошли съ коней, остановились на торгу отъ вѣжи не далѣе верженія камня—а мѣсто было близь базара: сталъ собираться и народъ къ нимъ. Люди приняли у нихъ коней, а также и у прочихъ воеводъ, столпились въ ожиданіи приказаній, а которыхъ отрядили къ дѣлу—шли дѣлать повелѣнное—прямо къ вѣжѣ.

Много съ Кавгадыемъ было татарскихъ князей и иныхъ разноплеменныхъ „нѣкіихъ князей“ изъ должниковъ и заимодавцевъ. *„И бѣ страшно въ той часъ, братіе, видѣти отъ многихъ странъ множество* пригнавшихъ къ княжеской Михаиловой вѣжѣ“ — такъ разсказывалъ одинъ изъ очевидцевъ и, по всей вѣроятности, именно одинъ изъ духовенства, состоявшаго тогда при Князѣ. Ихъ всѣхъ, а также и слугъ князя, разогнали тѣмъ же часомъ: нѣкоторые изъ нихъ поплатились увѣчьемъ, когда ихъ гнали изъ вѣжи. Ввалившаяся туда здоровенная толпа мигомъ покончила. Колодника такъ ударили о земь, что—видѣть можно было—какъ дрогнула вся вѣжа и ее въ одномъ мѣстѣ прошибло колодою... Но оглушенный насмерть могучими ударами безъ счету и упавъ мертвецомъ, онъ вдругъ вскочилъ съ полу въ предсмертномъ усиліи и—не дали опомниться, пока онъ озирался... жесточе и злобнѣй прежняго опять били всей толпой—*„пинаху пятами нещадно“* и колодою выворачивали голову изъ позвонковъ шеи, давили на полу, били руками и ногами по всему тѣлу... а одинъ прибавлялъ въ слухъ: „скокливъ больно! поспѣшенъ некстати!“ и дошибалъ ударъ за ударомъ... Можно бы сказать, это ужъ былъ трупъ бездыханный, когда одинъ изъ злодѣевъ (въ ихъ татарской толпѣ двое помянуты русскимъ именемъ Иванецъ и Романецъ) вонзилъ ножъ въ ребры, похвалившись, что угодилъ въ самое сердце. Захвативъ съ собой послѣдки изъ имущества найденнаго въ вѣжѣ, а съ убитаго сорвавъ все, бросили трупъ у порога и, вернувшись къ своимъ, доложили: „готово“. Князьямъ и воеводамъ подали коней; въ многолюднѣйшемъ сопровожденіи Кавгадый и Юрій подъѣхали взглянуть тѣло. Никто не разобралъ: что Юрій говорилъ Кавгадыю; но всѣ слышали, какъ Кавгадый бранилъ Юрія: „чего глядишь! онъ тебѣ старшій братъ, ровно отецъ, былъ! вели прикрыть“. Одинъ изъ Юрьевыхъ отроковъ снялъ съ себя верхнее и накинулъ на трупъ неважное одѣяніе, которое звалось тогда котыгою. Потомъ еще Кавгадый говорилъ Юрію: пусть самъ онъ и возьметъ *родителей* и пошлетъ домой и велитъ честно похоронить на родинѣ. И опять заключилъ бранью: „Чего-жъ ждешь! Скорѣе вели. Стыдись народа-то“. Юрій дѣйствительно распорядился тѣмъ же часомъ: велѣно было убрать

тѣло и приготовиться людямъ къ отъѣзду съ нимъ. Къ вѣжѣ вскорѣ подъѣхала телѣга, трупъ положили на доску, привязали къ ней крѣпко на крѣпко веревками и отвезли.

И огласилось по всему базару, что не стало блаженнаго, пріялъ неповинную смертъ бывшій великимъ въ своей землѣ дальній Князь—тотъ самый, котораго въ послѣднее время не можно было видѣть безъ слезъ, когда его показывали на торгу. Въ здѣшней Ясской странѣ мѣсто было самое многонародное: торки, татары, яссы и косоги, разные христіане хоразанскіе, а многіе и невѣрные, хивинцы, бухарцы,—но вѣрные и невѣрные всѣ наполнились слухомъ, что въ ихъ городѣ погибъ праведникъ,—и никого не было при немъ, кто бы опряталъ тѣло по благочестивому обряду, потому что онъ изъ дальней земли, и не было кому о немъ вѣсти донести. И съ базара на базаръ, изъ селенія въ другое, по всѣмъ здѣшнимъ городамъ ближнимъ и дальнимъ, разнеслись о томъ слухи. „*Мнози отъ различныхъ языкъ, живущіе на мѣстѣ томъ*“, смущенные происшедшимъ, не переставали потомъ передавать и всѣмъ другимъ наѣзжимъ, и всюду, куда наѣзжали сами—ко всеобщему же народному смущенію—все, чѣмъ были смущены сами.

Тѣло убитаго князя увезли вонъ изъ города на окраину за тамошнюю рѣчку *Аджь*: первую ночь по убіеніи оно тамъ и оставалось. А на языкѣ здѣшнихъ жителей *Аджь* значило „*Горечь-рѣка*“—„истинно горесть и есть, говорили тогда, видѣть такую горестную кончину“. Къ утру случилось нѣчто невѣроятное, ибо невѣроятно было-бы предположить, что убитый только обмеръ отъ нанесенныхъ ему ранъ и, очнувшись, умеръ уже только въ ту самую ночь, истекая кровью. Оказалось, что два отрока, приставленные сторожить тѣло, испугались въ той глухой сторонѣ оставаться одни ночью: „*пріятъ ихъ страхъ и ужасъ великій; не могуще терпѣти, отбѣгоша въ станы*“. По необходимости должно заключить, что приходили ночные посѣтители, можетъ быть и недобрые люди. Когда отроки возвратились рано утромъ, „не обрѣли тѣла на доскѣ: телѣга стояла на своемъ мѣстѣ и доска на ней была попрежнему привязана веревками; но самое тѣло лежало въ сторонѣ—раною къ землѣ и много крови вышло изъ язвы, правая рука подъ головой, а лѣвая у язвы, покрытое тѣмъ-же одѣяніемъ, какъ и прежде“. Тутъ

же, въ пустынномъ загородьи, и гіенъ и волковъ и шакаловъ, всякаго звѣря, по ночамъ всегда сбиралось много „*множеству безчисленну сущу*“—и тѣло всю ночь пролежало на землѣ отъ нихъ неприкосновенно. „Великъ этотъ человѣкъ у Бога!“—говорили вѣрные и невѣрные,—„и звѣри не коснулись его!“ Къ тому же еще многіе вѣрные и „*мнози отъ невѣрныхъ*“ видѣли, какъ чудесно озарилось все мѣсто за „горестной-рѣкой“, гдѣ пребывало тѣло: два освѣщенныхъ облака соступались и разступались тамъ всю ночь, какъ солнце сіяли,—и всѣ дивились: „чудо явное! самъ Богъ ужъ это праведнику даетъ“. Когда тѣло повезли дальше въ Маджары, тамъ весь народъ ожидалъ неповинно-убіеннаго, спѣшили поклониться гробу. Случилось тамъ много русскихъ; между наѣхавшими купцами были лично знавшіе Князя,—всѣ они изготовились встрѣтить печальный поѣздъ, накупили покрововъ и свѣчъ, хотѣли обвить усопшаго многоцѣнными плащаницами. Но путевые бояре, приставленные Юріемъ, въѣхали въ Маджары тайно. Когда же ихъ просили поставить гробъ въ церкви, хотѣли панихиды пѣть,—всѣ желали, чтобы свѣчи церковныя все время горѣли при гробѣ,—приставы всѣхъ прогнали и никого не допустили. „Не въ церкви поставили гробъ праведника, а въ хлѣву“: такъ говорили всѣ про нихъ въ раздраженномъ народѣ. И въ радости прибавляли: „Но и тутъ Господь прославилъ его. „*Мнози отъ различныхъ языкъ* по вся ночь видѣли какъ бы радугу небесную, преклонявшуюся на ту *хлѣвину, идѣ же лежитъ тѣло*“. И что же? чѣмъ болѣе на своемъ пути бояре и приставы утаивали всякій разъ о своемъ пріѣздѣ, а во время стоянокъ никого не допускали,—по мѣрѣ того, какъ это все болѣе оглашалось въ народѣ—тѣмъ все болѣе и стекалось его при подходѣ къ многолюднымъ селеніямъ. Особенно всѣхъ поразила торжественная встрѣча, когда они стали подходить къ Бездѣжу—мѣстечко уже на самомъ выходѣ изъ страны Горскихъ народовъ къ рубежамъ нижняго по-Волжья. Множество народа вышло со всей округи, выѣхали горцы и верхами на своихъ скакунахъ; а бояре и тутъ утаили: къ самому Бездѣжу подошли тогда только, какъ стемнѣло. Но черезъ это еще торжественнѣе вышла встрѣча. Какъ стали приближаться къ городу, „мнози видѣвши изъ града около саней множество народу идяху со

свѣчами, а иніи на коняхъ,—съ фонари на воздусѣхъ,—ѣздяше,—и такъ привезоша во градъ". Но и здѣсь путевые бояре „не поставили въ церкви", забились никому невѣдомо въ глухомъ дворѣ; а какъ провѣдали въ народѣ, стали и туда стекаться къ праведнику; но приставы и тутъ никого не допустили, *„но и во дворъ стрежахутъ его"*, всѣхъ отгоняли прочь. За то, ко всеобщей радости народа, къ утру же и огласилось по всему городу, что „одинъ отъ стрсгущихъ въ ночи возлежа вверхъ саней, сущихъ съ тѣлесемъ святаго, и тако невидимо нѣкая сила сверже его далече съ саней, онъ же великою болѣзнью едва возста".

И оттолѣ повезоша его въ Русь.

Еще чудеснѣе было то, что когда такое множество невѣрныхъ, а съ ними и хоразанскихъ христіанъ несторіанскаго толка—далѣе Армяне и Грузины, наконецъ, прямо сказать, „бесермены" по всей Горской странѣ—такъ чтили проходившій мимо ихъ гробъ невѣдомо для нихъ про что убіеннаго и никому изъ нихъ невѣдомаго князя,—сами виновники его убіенія, православные христіане, забыли и думать о томъ. Свершивъ злодѣяніе, князья (на большую половину, впрочемъ, татарскіе и бесерменскіе князья, ибо рѣчь о приспѣшникахъ Кавгадыя, но тутъ были однакожъ и Юрій со своими),—князья и бояре за попойкой вспоминали татарскій судъ надъ Михаиломъ и весело хвалились другъ передъ другомъ: кто изъ нихъ тогда успѣшнѣе наклеветалъ на покойнаго Михаила Ярославича. Въ первую ночь по его убіеніи, „сами же князи и бояре въ единой вѣжѣ піяху вино, повѣствующе, кто какову вину изрече на святаго". Еще чудеснѣе, что не прошло полнаго года послѣ этого пира—и главный изъ пировавшихъ и повѣствовавшихъ на этомъ пирѣ—тотъ самый, который пуще всѣхъ хвалился, что это онъ тогда убѣдилъ хана: *мнѣ вся въдома! возложи, царю, на мою душу!*—самъ Кавгадый погибъ злѣе, чѣмъ тотъ, кого онъ умертвилъ палачами. Отъ общей ли молвы, которая ходила здѣсь въ полухристіанской и полубесерменской странѣ,—другое ли было внушеніе Хану въ подтвержденіе тѣхъ колебаній, которыя онъ обнаружилъ, медля рѣшеніемъ судьбы Михаила—Узбекъ вскорѣ послѣ его казни впалъ въ угрюмость. А еще спустя немного времени, о Кавгадыѣ пропалъ и слухъ. Никто въ

точности не зналъ на Руси: куда онъ дѣлся, послѣ того какъ пріобрѣлъ въ ней всеобщую извѣстность. Никто о немъ не упоминалъ въ Ордѣ. Словно онъ былъ вычеркнутъ изъ памяти людской. Объ этомъ многіе изъ русскихъ, случавшіеся въ Ордѣ, старались узнать. Но чѣмъ выше стоялъ тотъ Монголъ, къ кому о томъ обращались съ тайнымъ вопросомъ,—чѣмъ извѣстнѣе было про того Монгола, что онъ въ милости у Хана,—тѣмъ осторожнѣе всякій изъ нихъ умалчивалъ о томъ... Не многіе узнали напослѣдокъ истину о сгинувшемъ царскомъ вельможѣ. Ему былъ сказанъ гнѣвъ Узбека: да не узритъ онъ больше царскихъ очей, ни свѣта Божьяго,—и *„не пребывъ убо ни единаго лѣта, злъ изверже окаянный животъ свой“*.

Прославленіе памяти Михаила Тверскаго.—Уже только на слѣдующій годъ, не ближе весны 1319 году, Юрій Даниловичъ возвратился изъ Орды съ ханскимъ ярлыкомъ на Великое Княженье. Онъ выравнился теперь по родословію съ сыновьями Тверского князя, котораго не стало; если они и имѣли передъ нимъ то преимущество, что наслѣдовали своему отцу великому князю, тогда какъ Юрьевъ отецъ не великокняжилъ на своемъ вѣку, зато и онъ въ свою очередь превосходилъ ихъ старшинствомъ дѣда своего Невскаго, который былъ старше ихъ дѣда, Ярослава Ярославича. Но при такомъ равенствѣ по родословію Юрій по множеству своихъ богатствъ и ратною силою, какъ Московскій князь, превосходилъ ихъ уже безъ всякаго сравненія. Такимъ образомъ, пожалованный старѣйшинствомъ по волѣ Хана, онъ и во всѣхъ отношеніяхъ въ глазахъ самихъ князей былъ безспорно старшимъ, всѣ подчинились ему.

Онъ спѣшилъ во Владиміръ скорѣе вокняжиться на тамошнемъ престолѣ и въ Москвѣ остановился лишь проѣздомъ; туда же привезъ съ собой княжича Константина Михайловича и бояръ и слугъ отца его. Княжича со всѣмъ дворомъ его захватилъ онъ изъ Орды не то по-родственному, а не то какъ плѣнныхъ; держалъ же ихъ у себя нѣкоторое время, такъ сказать, какъ заложниковъ. Въ Твери еще не имѣли слуховъ о совершившемся и только мучились въ томленіи безызвѣстности и скорбныхъ предчувствій.

Тысячи двѣ съ половиной верстъ было отъ нихъ до мѣста убіенія князя: оттуда никакихъ вѣстей къ нимъ не доходило, въ самомъ Сарай-городѣ не получалось вѣстей оттуда. Въ Твери не знали еще ничего вѣрнаго даже и тогда, какъ гробъ Михаила къ лѣту уже былъ привезенъ въ Москву и тамъ схороненъ тѣмъ же временемъ. Какъ только заслышали о Юрьевомъ возвращеніи, сейчасъ же прислали изъ Твери навѣдаться отъ имени княгини Анны, ея сыновей и владыки Варсонофія. Когда же ихъ посланные возвратились съ печальною вѣстью,—когда плачъ и рыданія заступили мѣсто томленія безызвѣстности и горестныхъ предчувствій,—безутѣшная скорбь распространилась отъ великокняжескаго дворца до послѣдней лачуги. Вся Тверь оплакивала страдальческую кончину любимаго князя. Напрасно святитель Варсонофій, самъ едва сдерживая слезы, утѣшалъ Великую княгиню и все княжеское семейство,—былъ плачъ великій *на многіе дни безутѣшно*.

Только-что Юрій прибылъ во Владиміръ, Дмитрій Михаиловичъ, утвердившійся уже по духовному завѣщанію отца своего на Тверскомъ престолѣ, прислалъ къ нему, новому Великому князю, въ его стольный городъ, не простыхъ или даже нарочитыхъ пословъ, а брата своего Александра со множествомъ бояръ своихъ—просить о выдачѣ тѣла блаженно-почившаго князя. Не изъ чувства мстительности, разумѣется, а смущаясь освѣжать память въ народѣ о такомъ дѣлѣ, которое предпочиталъ считать заглохшимъ, и самую память о немъ заглушить,—Юрій не хотѣлъ допустить этого; тѣмъ болѣе, что по нраву своему, пожалуй, искренно считалъ: не все ли равно—гдѣ лежать тѣлу. По крайней мѣрѣ, гробъ Кончаки, напримѣръ, не заботилъ его переносомъ къ себѣ въ вотчину *) нисколько. Но Тверитяне не сходились съ нимъ во мнѣніяхъ по этому поводу, настаивали, молили неотступно и *„едва умолиша Великаго князя“*. Тогда наконецъ изъ Твери присланы были на Москву бояре съ игуменомъ и духовенствомъ, подняли и понесли

*) Лишь нѣкоторыя лѣтописи о похоронахъ Кончаки въ Ростовѣ упоминаютъ подъ этимъ годомъ; другія же, и болѣе правильно, относятъ это ко времени самой кончины ея. Гробъ Кончаки оттого и вывезли тогда въ Ростовъ, что тамъ же, какъ вѣроятно, схоронена была и первая Юрьева супруга, бывшая изъ ростовскихъ княженъ.

святыню съ благолѣпною честью. И чѣмъ ближе она подходила къ себѣ домой, тѣмъ отъ силы въ силу возрастало поклоненіе ей всенароднаго множества, срѣтавшаго ее со слезами—не только скорби, но и радостнаго умиленія, то порывомъ кликовъ и жаждой лобзанія, а то колѣнопреклоненно въ благоговѣніи и молитвенной тишинѣ—на всемъ пути ея. Тверь ждать заждалась: народъ сталъ выходить навстрѣчу...

Тамъ ужъ знали все, все. Отъ княгини Анны и отъ ея сиротъ уже не отходили теперь тѣ самые, о которыхъ *онъ* въ послѣдніе часы своей жизни просилъ княжича Константина: не забыли ли бы ихъ, когда его не будетъ—всѣхъ бывшихъ съ нимъ во дни страданія его. Они все, чему были самовидцы изо дня въ день, подробно разсказали благовѣрной княгинѣ, передали ей все; а она ихъ удерживала и не отпускала отъ себя, требовала, чтобы ей разсказывали еще и еще... Они сказывали, какъ онъ ежедневно поминалъ присныхъ, каждый день слышали отъ него имена разлученныхъ съ нимъ,—и ни единой жалобы не проронилъ за все время, а повторялъ только: „на меня царю сказали неправду“. Въ горахъ ему не разъ предлагали, и ужъ все къ тому приготовлено было, спастись бѣгствомъ; его умоляли: „уклонись въ горы, проводники и кони—все готово“,—а онъ возражалъ: „уклонюсь одинъ, а въ какой бѣдѣ людей оставлю! Божья воля да будетъ“. Когда же въ неодолимой скорби источалъ слезы *яко рѣку*, воздохнетъ бывало тяжкимъ воздыханіемъ и тихо молвитъ съ умиленіемъ: „ежели бы я на сію муку не пришелъ,—сколько бы изъ-за меня народа погибло!“—и просилъ молитвы совершать. Благовѣрная же княгиня, *„аки губа напояемая,* вслушивалась съ благоговѣніемъ и роняла слезы—уже не скорби земной, а небеснаго умиленія: предначертанныя въ мысляхъ, келья себѣ и смиренные покровы иноки, день и ночь непрестанныя молитвы за него и, сколько Богъ силы подастъ, въ память его помощь всѣмъ страждущимъ—стали дѣломъ всей жизни для нея. А шествіе издали—давали ужъ знать—приближалось...

Великая княгиня и дѣти: Дмитрій, Александръ и Василій—встрѣтили его, двинувшись впередъ на судахъ по Волгѣ. А епископъ Варсонофій, съ крестами и иконами, съ игуме-

нами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, и безчисленное множество народа дожидались на берегу у церкви Архангела Михаила. Какъ только завидѣлось вдали и пѣвчіе запѣли „Святый Боже, святый крѣпкій!..“ народъ взывалъ къ своему князю, какъ-бы живому... *отъ многаго вопля не было слышно поющихъ.* Все устремилось къ гробу. Насилу могли протѣсниться съ нимъ къ крестному ходу и не могли уже внести въ церковь по тѣснотѣ народной. Каждый хотѣлъ видѣть драгоцѣнную ношу. Поставили противъ паперти у церковныхъ воротъ, чтобы утолилась народная печаль, *„и едва внесоша въ церковь“*. Уже тамъ только раскрыли гробъ и при всемъ ужасѣ въ радости своей не знали какъ благодарить Бога: почившій въ гробу Михаилъ еще прозирался въ мученическихъ останкахъ и было можно лобзать ихъ. Княгиню неразумно успокоивали отъ ея плача, а она вся была въ благодарственныхъ слезахъ. Старшій сынъ Дмитрій приникъ къ отцу и обнималъ его какъ живаго. Вся Тверь свидѣлась опять съ усопшимъ княземъ: всѣмъ народомъ лобзались и прощались съ нимъ. Молва, какъ бы едиными устами отъ дворца великокняжескаго и до послѣдней будки на посадѣ, была во всемъ народѣ одна и та же: „везли его мученическія мощи къ намъ изъ дальней земли,—то на телѣгѣ, то въ саняхъ, на Москвѣ пролежалъ все лѣто, и не лишилъ насъ Богъ радости: далъ народу проститься съ нимъ, всѣмъ далъ его на прощаньи повидать“. Владыка Варсонофій изготовилъ для погребенья новый каменный гробъ, и когда изъ церкви Архангела Михаила перенесли опять всѣмъ народомъ святаго мученика въ Спасъ-Преображенскій соборъ, епископъ Варсонофій съ духовенствомъ благочестно и благообразно съ благоговѣніемъ переложили его въ новоустроенную гробницу. Тутъ именно послѣ надгробныхъ пѣснопѣній, 1319 года, сентября 6-го дня, и похоронили блаженнаго Михаила *„на десной странѣ“* отъ царскихъ вратъ въ здѣшнемъ, имъ самимъ созданномъ, соборѣ. Случилось такъ, что прошлаго 1318-года, не заставъ никого въ Сарай-Ордѣ, въ этотъ самый день, 6-го сентября, прибылъ князь Михаилъ Ярославичъ къ устью Дона у Сурожскаго моря.

Дальнѣйшая судьба княжествъ: Тверскаго и Московскаго. — Событія шли между тѣмъ своимъ чередомъ, и въ короткое вре-

мя совершилось много перемѣнъ. Вскорѣ умеръ Борисъ Даниловичъ (1319 г.), а два года спустя и Аѳанасій, котораго Юрій посадилъ въ Новгородѣ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ сыновей Даніила Александровича остались лишь двое: самъ Юрій и его братъ Иванъ Даниловичъ,—двое, за которыми и утвердилось по преимуществу названіе *братья Даниловичи*. Юрій попрежнему лишь изрѣдка и только наѣздомъ навѣщалъ Москву, самъ же пребывалъ большею частью въ своемъ стольномъ городѣ Владимірѣ, а то въ Новгородѣ; отсюда и грозилъ прочимъ князьямъ: такъ, напримѣръ, онъ ходилъ походомъ на Рязань, не оставилъ въ покоѣ и Твери. Младшій же его братъ Иванъ Даниловичъ попрежнему, захоронясь въ Москвѣ и въ Переяславлѣ, продолжалъ мирную, никому незримую дѣятельность, и оставался въ сторонѣ отъ совершавшихся событій. Полагаютъ, что по возвращеніи изъ Орды великимъ княземъ Юрій совсѣмъ передалъ родовую вотчину брату своему Ивану Даниловичу; въ связи именно съ этимъ, какъ вѣроятно, состояло и то, что Московскій князь ходилъ въ орду на поклонъ къ Узбеку. Другой надобности, какъ только выправить себѣ ярлыкъ на княженіе, тогда еще не было у Ивана Даниловича,—раньше назначенія своего старшаго брата великимъ княземъ, Московскій князь еще ни разу не ходилъ въ орду: лишь этою первою поѣздкой (1320 г.) и проложилъ себѣ туда дорогу.

А въ Твери тѣмъ же годомъ (лѣтомъ 1320 г.) отпраздновались три свадьбы: всѣ сыновья бывшаго великаго князя, за исключеніемъ лишь самаго послѣдняго, Василья, оженились тогда одинъ за другимъ слѣдомъ. Младшіе, Александръ и Константинъ Михайловичи, взяли за себя русскихъ княженъ, а старшему Димитрію Михайловичу привели невѣсту изъ Литвы. Это была дочь Гедимина. Ихъ свадьбу торжественно совершалъ епископъ Варсонофій въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, „у гроба родителей“, и весь народъ принималъ участіе въ радости княжескаго семейства: „*бысть всѣмъ людямъ радость во Твери*“. Съ Литвой у тверскихъ князей, чему уже самый этотъ бракъ служитъ доказательствомъ, образовались живыя связи; сыновья Гедимина и родственники этого прославившагося державца охотно приглашались тогда русскими населеньями къ себѣ на княженіе по разнымъ городамъ не только въ такіе, какъ нѣкоторые изъ незначитель-

ныхъ городовъ, напримѣръ захудалой въ ту пору Смоленской области, но даже въ Псковъ и самый Новгородъ—какъ свои. Въ Псковѣ заслужилъ всеобщую любовь народа, спустя нѣкоторое время послѣ Довмонта, также Литовскій князь, славно отражавшій нападеніе Ливонцевъ и неоднократно наносившій имъ жестокія пораженія,—князь не столько извѣстный, какъ Довмонтъ, но крестное имя его Давидъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что и онъ также былъ православнымъ. Тверь, по родству своего князя съ Гедиминомъ, очевидно, находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Литвою. Таковы же, по всей вѣроятности, были сношенія Димитрія и къ псковскому князю Давиду литовскому: по крайней мѣрѣ, дальнѣйшій пріемъ, который братъ Димитріевъ Александръ Михайловичъ нашелъ себѣ вскорѣ во Псковѣ и въ Литвѣ, подтверждаетъ ихъ добрыя установившіяся связи съ Тверью.

Трудно было доблестному Тверскому князю, старшему сыну Михаила Ярославича, находиться въ дружбѣ и любви съ убійцею отца своего. Онъ не только не искалъ сблизиться или даже свидѣться съ великимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ,—прямо сказать, избѣгалъ слышать его имя. Открытаго и прямаго нрава, добрый и правдивый, но вспыльчивый и неудержимый на слово и на дѣло,—отъ юности своей уже слывшій Дмитріемъ *Грозныя-Очи*,—онъ избѣгалъ одинаково и мира, и войны, даже и бранной встрѣчи съ Великимъ Княземъ. А избѣжать было трудно. Юрій Даниловичъ только что кончилъ свой краткій Рязанскій походъ, вѣроятно, предпринятый въ наказаніе кому-либо изъ тамошнихъ князей, мстившихъ ему за кровь Константина Романовича—двинулся походомъ на Тверь. Шелъ онъ, очевидно, какъ это называлось тогда, „*взять честь свою*“, а не для того, чтобы Тверь „*взятьемъ взять*“. Какъ встарь, такъ и въ это время, походы весьма часто предпринимались князьями другъ противъ друга для того только, чтобы „*въ грозѣ и въ страхѣ взять миръ*“. Младшіе князья обязаны были передъ Великимъ исполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ при его вокняженьи — въ доказательство если не особливой покорности съ своей стороны, то по крайней мѣрѣ признанія его старѣйшинства надъ собою; со всякимъ изъ младшихъ Великій Князь утверждался обыкновенно до-

говоромъ по этому поводу и приводилъ къ крестному цѣлованію. Въ Ордѣ еще велся обычай, что при пожалованіи Ханомъ ярлыка на великое княженье—младшій обязанъ былъ *„вести коня подъ Великимъ Княземъ“*. Не такой чести, разумѣется, искалъ себѣ Юрій Даниловичъ отъ Димитрія; но по всему знать—Тверской князь не оказалъ ему съ своей стороны ничего того, что уже было исполнено всѣми прочими князьями. Для того, чтобы его принудить къ тому, Юрій и повелъ на Тверь свои великокняжескія рати. Заслышавъ на себя походъ, Дмитрій Михайловичь не захотѣлъ выступить войною. Онъ обратился къ другу ихъ княжескаго дома, епископу Варсонофію, и просилъ его избавить отъ личныхъ переговоровъ съ Юріемъ, заранѣе соглашаясь на все, лишь бы Великій Князь тѣмъ не докучалъ ему болѣе. Со всегдашнимъ усердіемъ Тверской святитель исполнилъ просьбу своего духовнаго сына, склонилъ Юрія отложить напрасную брань и удовольствоваться торжественнымъ свидѣтельствомъ со стороны Дмитрія, что онъ спора о великомъ княженьи подымать не будетъ. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ знаковъ подчиненія младшихъ князей за это время было внесеніе ханской дани въ Орду не самолично, а передачей ея Великому Князю. На этомъ Юрій настаивалъ; если тотъ разъ и затянулись переговоры Варсонофія, то именно изъ-за одного этого. Но Димитрій Михайловичъ согласился и на это напослѣдокъ. Онъ выслалъ Великому Князю находившіеся у него въ сборѣ съ Твери для ханскаго взноса двѣ тысячи гривенъ: *„того же лѣта* (1321 г.) *князь великій Юрій взя серебро выходное съ Тверскихъ князей“*, причемъ и добавлено лѣтописцемъ: *„по докучанію“*, — а на слѣдующій же годъ (1322 г.) самъ поѣхалъ въ Орду. Онъ долженъ былъ, какъ старшій вотчинникъ Твери, утвердиться на ея престолѣ ярлыкомъ Хана: ѣхать ему на поклонъ къ Узбеку рано или поздно было неизбѣжно. Но при этомъ случилось нѣчто неожиданное.

Дмитрій Михайловичъ, по общепринятому обычаю, привезъ многіе дары Хану и справилъ свой поклонъ, какъ должно. Не вытерпѣла однако его душа, не удержалась высказать Хану все, что въ ней накипѣло и, сверхъ всякаго чаянія, быть можетъ, для самого себя и въ полное нарушеніе обычая уже явно для всѣхъ—*„повѣда Ханови вся неправды ве-*

ликаго князя Юрія, какъ неправедно съ Кавгадыемъ оклеветаша и сами на смерть осудиша и убиша отца его“.—Впечатлѣніе было громовое. Дмитрій *Грозныя-Очи*, разумѣется, высказалъ это со всею почтительностью къ Хану: поговорка „*близъ царя близъ смерти*“ была тогда во всеобщемъ ходу на Руси. Притомъ самый пріѣздъ его въ орду уже служилъ знакомъ вѣрности его службы. Къ тому же, онъ могъ сослаться еще и на то,—и не умолчалъ, разумѣется, объ этомъ, что подчинился волѣ Хана: призналъ и признаетъ съ своей стороны главенство Юрія, въ доказательство чего могъ даже привести и то самое, что передалъ ему „ордынскій выходъ“ (того серебра двѣ тысячи гривенъ, которыя Юрій не внесъ въ орду, какъ тогда же оказалось). Возможно, что Юрій втеченіи истекшаго года только не поспѣшилъ надлежавшимъ внесеніемъ; весьма возможно, что у него и въ мысли не было при этомъ о какой-либо утайкѣ этой дани,—тѣмъ болѣе, что по принятіи того серебра онъ тогда же ушелъ въ Новгородъ и съ тѣхъ поръ пропадалъ въ безпрерывныхъ походахъ, лихо воевалъ противъ „Свейскихъ“ Нѣмцевъ подъ Выборомъ, ходилъ и противъ „Рижскихъ“ Нѣмцевъ заодно съ новгородцами: даже и не возвращался еще изъ тѣхъ своихъ дальнихъ походовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, по ордынскимъ правиламъ, такъ поступать не полагалось—и велѣно было немедленно вызвать Юрія: за нимъ послали. А къ самому Дмитрію Михайловичу Узбекъ былъ милостивъ, какъ ни къ кому еще изъ тогдашнихъ князей; ему понравилась смѣлая рѣчь: „*князю Димитрію воздаде честь многу*“. А какъ только огласился такой неожиданный успѣхъ Дмитрія Михайловича, тѣмъ же часомъ всѣ ордынскіе князья стали одинъ другаго почтительнѣе передъ нимъ: „*вси князи чтяху его*“. Молва о томъ стала ходить повсюду и, по обыкновенію, къ были стали еще примѣшивать небылицы. Составился даже и такой разсказъ въ простонародьѣ, будто именно Дмитрій и надоумилъ этотъ разъ Узбека въ коварствѣ Кавгадыя, а тотъ и не подозрѣвалъ о томъ раньше; будто бы самъ Ханъ пыталъ послѣ того Михаиловыхъ судей и „повелѣ Кавгадыя тако-же ругати и мучити, яко той сотвори Михаилу“. На самомъ же дѣлѣ Кавгадый сгибъ тогда же, „*не пребывъ и единаго лѣта*“; полагать надо: это самое, о чемъ не могли знать въ про-

стонародьѣ, но что князю Димитрію было извѣстно, и могло еще подвигнуть его горячо высказаться передъ Узбекомъ, передъ этимъ „мудрымъ и правосуднымъ Ханомъ“, какимъ его почитали на Востокѣ. Къ Юрію еще разъ послали подтвержденіе явиться въ орду,—а Дмитрію Михайловичу дали Великое княженье и татарскую помощь въ дорогу: съ нимъ былъ отпущенъ ханскій посолъ Свинчебуга.

И вновь началось двоевластіе на Руси, которое при Татарахъ, собственно говоря, не переводилось: такъ было еще отъ самаго начала при Батыѣ, также было при сыновьяхъ Невскаго,—такъ продолжалось и теперь при наступившемъ совмѣстничествѣ Юрія Даниловича и Дмитрія Грозныя-Очи. Какъ ни странно казалось бы новое татарское рѣшеніе, но назначеніе великихъ князей на Руси велось у Татаръ именно такъ. Кромѣ того, что у ордынцевъ были свои особыя, нѣсколько сбивчивыя понятія на этотъ счетъ,—по крайней мѣрѣ казавшіяся сбивчивыми для Русскихъ и не совсѣмъ сходившіяся съ русскими понятіями о значеніи Великаго Князя,—едва ли къ тому же не было еще всякій разъ при этомъ и нѣкотораго умышленнаго разсчета у хановъ. При совмѣстничествѣ двухъ властителей, зорко наблюдавшихъ другъ за другомъ для доноса однимъ на другого въ орду при всякомъ малѣйшемъ поводѣ къ тому,—Хану было спокойнѣе управлять безпокойнымъ краемъ. При томъ, въ заботу хановъ вовсе не входило какъ, съ одной стороны, водворять единодушіе въ покоренной странѣ, такъ съ другой стороны и поддерживать во что бы то ни стало пожалованнаго ярлыкомъ ханскимъ. Чѣмъ болѣе у подвластныхъ данниковъ плодилось усобицъ и соперничествъ между князьями, лишь бы дань уплачивалась ими, тѣмъ это выгоднѣй казалось ордынцамъ.

Два года вслѣдъ за тѣмъ (съ декабря 1322 на генварь 1323 и въ зиму 1323 на 1324 годъ) никто на Руси не вѣдалъ: кто именно состоитъ Великимъ Княземъ; одни называли Юрія Даниловича, другіе — Дмитрія Михайловича и оба — по всеобщему же увѣренію — великокняжили царевымъ именемъ, имѣя въ рукахъ и тотъ и другой ярлыкъ ханскій. Оба же года тянулась и непроглядная смута. Юрій оборонялъ Новгородскіе предѣлы отъ непрекращавшихся вторженій Шведовъ и бился, кромѣ того, съ тверскими

полками, которые привелъ на него братъ Дмитріевъ, князь Александръ Михаиловичъ Тверской. Настигнутый Тверичами при рѣкѣ Урдомѣ въ Ярославскихъ мѣстахъ, при чемъ захваченъ былъ обозъ Юрьевъ съ его казною, Великій Князь отбѣжалъ во Псковъ, куда его призывали Псковичи, тѣснимые со всѣхъ сторонъ Нѣмцами; а сидѣвшій у нихъ литовскій князь Давидъ отлучился временно на родину къ себѣ въ Литву. Но Юрія потребовали назадъ къ себѣ Новгородцы, вновь угрожаемые Шведами. Едва оборонились отъ нихъ подъ Орѣховомъ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера и Свейскіе Нѣмцы вынуждены были заключить „вѣчный миръ“, изъ Пскова вновь прислали за Великимъ Княземъ. Нѣмцы громоздили стѣнобитныя орудія и башни на колесахъ, ставили уже лѣстницы къ стѣнамъ, готовились лѣзть на приступъ; а по всей окрестности награбили коней и скота, забрали множество народа въ плѣнъ и открыли торгъ у себя въ станахъ: тутъ же продавали плѣнниковъ. На выручку Псковитянъ пришелъ князь изъ Изборска (по захудалости вовсе неизвѣстный Евстафій) и отнялъ у Нѣмцевъ много плѣнниковъ и забраннаго ими скота; а вслѣдъ затѣмъ подошелъ изъ Литвы самъ князь Давидъ и нанесъ Нѣмцамъ, по своему обыкновенію, жестокое пораженіе, орудія же ихъ стѣнобитныя всѣ поломалъ и сжегъ. Самъ Великій Князь тѣмъ временемъ, только что управившись со Шведами, Юрій пошелъ съ новгородцами на Заволочье и сильно воевали въ Устюжскихъ мѣстахъ. Зная о себѣ, что онъ вызванъ въ Орду и что соперникъ его Дмитрій Михайловичъ назначенъ Великимъ Княземъ, о чемъ могъ быть извѣщенъ братомъ, повидимому, онъ и просилъ брата своего быть за него челобитчикомъ передъ Ханомъ, съѣздить въ Орду и ходатайствовать о снятіи опалы. Къ этому именно времени относится вторая поѣздка въ Орду Ивана Даниловича, а за себя лично онъ тогда не имѣлъ и надобности о чемъ-либо ходатайствовать передъ Ханомъ. Между тѣмъ и ново-назначенный великій князь Дмитрій Михайловичъ, выступивъ въ походъ вмѣстѣ съ Свинчебугомъ, даннымъ ему въ помощь, вдвоёмъ нигдѣ не могли отыскать Юрія: по удаленіи опальнаго великаго князя въ Заволочье о немъ тамъ и слухи замерли напослѣдокъ.

Если цѣлью втораго посѣщенія орды Иваномъ Данило-

вичемъ было въ самомъ дѣлѣ тайное порученіе, данное ему Юріемъ, повидимому, эта цѣль была достигнута. Правда, при возвращеніи, съ Московскимъ княземъ тогда же выѣхалъ на Русь посолъ Ахмылъ подтвердить Юрію ханское повелѣніе и не преминулъ при такомъ удобномъ случаѣ воспользоваться, по обычаю Татаръ, прогулками въ разныхъ мѣстахъ Владимірскаго княженія. Но по крайней мѣрѣ личная безопасность опальнаго князя и возможность ему пребывать въ ордѣ безбоязненно казались уже болѣе, чѣмъ вѣроятными,—эта главная цѣль казалась уже достигнутою вполнѣ. Требовалось ли только оправдать своего брата въ той мѣшкотности, которая обнаружилась по задержкѣ имъ тверскаго „выхода“, или нужно было вообще свидѣтельствовать о безусловной вѣрности и преданности Хану,—старшій братъ въ этомъ случаѣ могъ вполнѣ положиться на меньшого своего брата: никто бы не могъ лучше Ивана Даниловича исполнить подобнаго порученія. Еще съ перваго своего посѣщенія Иванъ Даниловичъ оставилъ по себѣ наилучшее впечатлѣніе въ Ордѣ. Правда, онъ не казался такъ богатъ и такъ щедръ, какъ его братъ Юрій; онъ подносилъ дары съ разсмотрѣніемъ, но никого не обошелъ и зналъ кому чѣмъ угодить: всѣхъ поразилъ обходительностью и благоразуміемъ своимъ. Притомъ онъ пріѣзжалъ тотъ первый разъ лишь утвердиться на своей вотчинѣ, которую ему передалъ Юрій, а теперь было иное дѣло. Если, въ самомъ дѣлѣ, старшій братъ поручилъ ему собственную свою защиту и просилъ пріуготовить себѣ путь въ Орду благонадежный,—несомнѣнно, сами дары на этотъ разъ были таковы именно, такъ щедры и богаты, какъ къ тому привыкли ордынцы, когда ихъ получали отъ самого Юрія. Если еще первый разъ, представляясь Хану, тишайшій князь удостоился выслушать, что въ Ордѣ не забыли о вѣрности ихъ отца и всего ихъ рода, на что и не преминулъ отвѣтить съ своей стороны, что радъ идти по стопамъ отцовъ и дѣдовъ,—разумѣется, теперь, при второмъ своемъ пріѣздѣ, уже не ограничился однимъ этимъ. Онъ, безъ сомнѣнія, на такомъ ласковомъ словѣ лишній разъ билъ Хану челомъ до лица земнаго и прибавилъ, что проситъ дозволенія прислать еще и сына своего на поклонъ въ Орду, ибо и въ немъ готовилъ вѣрнаго и усерднаго

слугу Хану,—на что, разумѣется, и получилъ милостивый отвѣтъ при отпускѣ, что рады будутъ видѣть его сына въ Ордѣ. Успокоенный вѣстями, полученными отъ своего брата, Юрій, однако, долго еще колебался: пускаться ли въ роковой путь? Наведя вновь и вновь необходимыя справки объ обстоятельствахъ, ожидавшихъ его по пріѣздѣ въ орду, и вполнѣ убѣдясь, что онѣ для него благопріятны, онъ не прежде, однако, рѣшился двинуться въ путь, какъ прибѣгнувъ къ рѣшительному средству. Зная, что при опасности пускаться туда съ пустыми руками, напротивъ того, смѣло можно разсчитывать на удачу и ручаться за успѣхъ, когда довольно серебра и золота въ рукахъ, этимъ онъ и запасся въ преизбыткѣ: опять поѣхалъ въ сопровожденіи Новгородцевъ: *„умоли Новгородцы, дабы его проводили во Орду съ дары довольны“*. Прямо изъ Устюжскихъ мѣстъ взялъ онъ въ сторону Вятки, оттуда на Пермь, спустился Камой въ Волгу: такимъ путемъ и двинулся наконецъ на зовъ Хана.

Было уже лѣто 1325 года, когда, за неимѣніемъ вѣстей о Юріи, замолкнувшихъ на Руси, не знали и живъ ли онъ. Но къ осени огласилось, что онъ доброденствуетъ у царскаго своего шурина, благополучно гоститъ въ Ордѣ—прибылъ же туда, бывъ на Вяткѣ и въ Перми, Волгою, а въ нее спустился именно Камой: оттого и не было о немъ слуховъ. Это смутило Великаго Князя Дмитрія. Онъ не могъ забыть, какъ тотъ разъ,—въ памятный по своему злосчастію пріѣздъ съ покойнымъ отцомъ во Владиміръ,—встрѣтившійся съ ними ордынецъ предупреждалъ Михаила Ярославича, что онъ оклеветанъ передъ Ханомъ, и спѣшилъ бы въ Орду для своего оправданія. Часто съ тѣхъ поръ приходило на умъ Димитрію, что если бы несчастный отецъ не промѣшкалъ тогда все лѣто до осени, пожалуй, горе-злосчастіе и не постигло бы его. Вскорѣ, такимъ образомъ, огласилась и другая вѣсть въ народѣ, что и другой Великій Князь, Дмитрій Михайловичъ, поѣхалъ въ Орду: оба станутъ на судъ передъ Ханомъ! Всѣ и ждали: который изъ двухъ возвратится Великимъ Княземъ? кого изъ нихъ выберетъ царь? Таковы были за это время главныя, важнѣйшія событія! вотъ на что сошли споры за великое княженіе въ вотчинѣ Ярослава Всеволодича, этого перваго князя-данника Татаръ,

при внукахъ и правнукахъ его. Казавшіеся уже совершенно ничтожными еще при братьяхъ и сыновьяхъ Невскаго, они, эти княжескіе споры, ко времени Ивана Даниловича Калиты, прямо сказать, изникли въ конецъ. Съ его времени если еще и не начался новый складъ на Руси, такъ старый уже сломался. Все время, со дня смерти отца своего Даніила Александровича и съ года смерти дяди своего Андрѣя Городецкаго (1304 г.) до сихъ поръ, Иванъ Даниловичъ въ междуусобія не вступался: по прежнему сидѣлъ захоронясь въ своемъ родовомъ наслѣдіи, забирался втихомолку силой и богатствомъ,—исподволь богатѣлъ богатѣніемъ своего края и усиливался его успѣшнымъ ростомъ,—копилъ казну, силу и богатство. И имъ было сдѣлано довольно.

Задавшись рѣшеніемъ и закалившись въ рѣшимости—до времени не только не возбуждать врага, но еще усыплять его своею покорностью, а потомъ, забравшись силою, и отразить жестокое насиліе,—онъ неукоснительно шелъ къ своей цѣли впередъ и закалъ у него въ душѣ былъ крѣпкій. Безропотный данникъ Татаръ и въ потѣ лица работникъ Хану, сказать бы: онъ казался тишайшимъ и смиреннѣйшимъ между князьями, себѣ же на умѣ былъ всѣхъ ихъ дальновиднѣй. Въ высшей степени обладалъ онъ умѣньемъ подчиниться, гдѣ надо, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать тѣмъ рѣшительнѣй, гдѣ приходилось быть безпощаднымъ и неумолимымъ. Обладалъ онъ въ высшей мѣрѣ тѣмъ свойствомъ, которое сдѣлалось потомъ наслѣдственнымъ признакомъ въ роду его. Это было свойство, которымъ даже любили потомъ хвалиться Московскіе князья, ставъ государями, и которое увѣковѣчилось въ ходячемъ разсказѣ о славнѣйшемъ потомкѣ Калиты, Іоаннѣ III-мъ, извѣстнымъ изреченіемъ о сломанной трости: *„Кабы погнулась, такъ бы не сломалась“*. Княженье Ивана Даниловича, упрочившись тѣмъ временемъ, являло нѣчто новое, чего не находили тогда нигдѣ кромѣ: такое благоустройство, отъ котораго было совсѣмъ отвыкли на Руси,—тотъ добрый порядокъ, который внушительно свидѣтельствовалъ о себѣ, что заложенъ въ прокъ и ручался за добрую же будущность впереди. А его столица возвысилась *„паче всѣхъ городовъ русскихъ“* того времени. Тутъ—и лишь тутъ именно—чувствовалось обновленіе силы самой: возрожденіе того самаго,

чего Русь была лишена Монголомъ. Княженіе Іоанна намекало уже въ грядущемъ на возможность достиженія и главной тогдашней цѣли—избавленія отъ самихъ его покровителей, татарскихъ Хановъ.

Прозорливый старецъ, святитель Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, переѣзжая, подобно своимъ предшественникамъ, изъ города въ городъ, обозрѣвая эпархію, подолгу гащивалъ въ столицѣ Ивана Даниловича,—и по вопросу: *гдѣ утвердитъ престолъ митрополіи,*—окончательно остановилъ свой выборъ на Москвѣ. Онъ благословилъ Ивана Даниловича построить въ Москвѣ соборный храмъ Богородицы, какъ это сдѣлалъ Андрѣй Боголюбскій во Владимірѣ, когда пожелалъ его сдѣлать великокняжескою столицей на смѣну Кіева. Святитель Петръ, незадолго до блаженной своей кончины говорилъ Князю: „если въ семъ градѣ воздвигнешь домъ Богородицы, прославишься пуще иныхъ князей и родъ твой возвеличится; кости мои останутся тутъ и святители тутъ поживутъ; градъ сей великимъ наречется и взыдутъ его руки на плечи враговъ нашихъ“. Святитель Петръ, такимъ образомъ, предвѣщалъ уже освобожденіе Руси отъ Монгола: въ ту пору нельзя было еще о томъ говорить яснѣе. Уже чувствовалось,—благодаря именно благоуспѣшному княженію Іоанна, именно у него въ княженіи и чувствовалось особенно живо,—зачинавшееся обновленіе и возрожденіе русской силы. Что она превозможетъ напослѣдокъ—о томъ уже свѣтилась надежда впереди. Но по тѣмъ лютымъ временамъ о томъ говорилось лишь прикровенно. Такія слова, какъ: „ежели насъ Богъ отъ Татаръ избавитъ“, или еще: „ежели насъ Богъ освободитъ отъ Орды“—стали произносить вслухъ, громко, только при внукахъ Іоанна, даже еще не при его дѣтяхъ; а при его правнукахъ это стало уже за обычай. *„Оже ны Богъ избавитъ, освободитъ отъ Орды“*—не только говорили, но это самое включали при своихъ договорахъ еще и въ свои писанныя грамоты всѣ князья безъ исключенія. „Москва прославится и взыдутъ ея руки на плечи враговъ“,—такъ записано у лѣтописцевъ вдохновенное слово, изреченное прозорливцемъ въ самыя мрачныя времена Монгольскаго ига, въ темную темь злѣйшей татарщины на Руси. Сбылось по слову Святителя. Иванъ Да-

ниловичъ заложилъ каменный храмъ Богородицы—Успенскій соборъ. Митрополитъ Петръ самъ своими руками уготовилъ для себя гробницу въ предалтарьѣ, въ одной изъ стѣнъ собора, чтобы свято почить тутъ: да не разлучаются и послѣ него дальнѣйшіе его преемники со святымъ избраннымъ имъ мѣстомъ, которое самъ онъ и благословилъ во вѣкъ. Тайный Промыселъ Божій видимымъ содѣйствіемъ Петра митрополита воочію объявился въ судьбѣ Іоанна и во всей его княжеской дѣятельности,—даже по кончинѣ блаженнаго старца оставался нѣкій неисповѣдимо-глубокій, неизгладимый слѣдъ... Уроженецъ Волыни и Галича, нѣкогда игуменъ Ратьскаго монастыря, исходившій на старости лѣтъ, по святительскимъ эпархіальнымъ обязанностямъ, изъ края въ край всю растерзанную тогда на части, страдавшую подъ монгольскимъ игомъ, а мѣстами находившуюся во власти иновѣрныхъ иноплеменниковъ, раздробленную, приниженную и полуистребленную Русь,—разумѣется, никто такъ и не болѣлъ тогда за нее душою, какъ самъ онъ, святой старецъ *митрополитъ Кіевскій и всея Руси*. Благословивъ тихіе и мирные берега Москвы-рѣки и затаившагося тутъ Князя, разумѣется, святитель внушилъ ему: да не *предастъ забвенію, всячески себя утѣшая*, да не забудетъ въ своей столицѣ *всей Руси*. Держава Святаго Владиміра!.. завѣты Мономаха!.. преданія святыхъ кіевскихъ временъ—вотъ о чемъ всероссійскій святитель не переставалъ напоминать Московскому князю. А то самое, что онъ благословилъ еще избрать средоточный городъ Русской земли, эту столицу любимаго имъ Князя, каѳедрою митрополіи своей и захотѣлъ почивать тутъ во-вѣки, дабы и преемники его не покидали мѣста свята,—должно было на всю жизнь Князя напоминать ему завѣтъ святительскій и содѣйствовать его исполненію всѣми же потомками Князя изъ рода въ родъ. Переселеніе сюда *„митрополита всея Руси“* сразу возвысило Москву; уже на самыхъ первыхъ порахъ сдѣлало ее какъ бы всероссійскою столицей.

Кромѣ Успенскаго собора, Иванъ Даниловичъ воздвигнулъ вскорѣ еще многія церкви въ Москвѣ: каменную, *Спасъ на Бору*, уцѣлѣвшую до сихъ поръ; Архангельскій соборъ, гдѣ стали погребать Московскихъ государей; церковь Іоанна Лѣствичника, нынѣ придѣлъ къ колокольнѣ Ивана

Великаго, и другія церкви и монастыри. Тогда же Иванъ Даниловичъ утвердилъ и московскій Кремль, обнесъ его стѣнами *изъ древъ дубовыхъ*, окружилъ рвомъ, — княжескій дворецъ и святыни стали глядѣть изъ-за стѣнъ Кремля неприступною твердыней. Въ мѣру тогдашнихъ средствъ строительнаго искусства и по богатымъ средствамъ Московскаго князя столица его возвысилась и украсилась въ мѣру же и предназначенной чести быть первопрестольною столицей: прочіе города уже поникли передъ ней и напрасно бы пытались соперничать съ нею. Московскіе князья и прежде по богатствамъ своимъ превосходили всѣхъ прочихъ; а теперь, отъ близости къ ихъ престолу всероссійскихъ іерарховъ, еще болѣе возвысились въ глазахъ народа. Какъ древле въ Кіевѣ великокняжеская власть и дворецъ великокняжескій осѣнялись еще святынею Печерской Лавры, которая праведниками и угодниками своими какъ солнце сіяла на всю Русскую землю,—такъ, по кіевскому образцу и по завѣту священной старины еще Владиміра Святаго, здѣсь, въ Москвѣ, власть Московскихъ князей и державство государей всея Руси должны были утверждаться подъ сѣнію-же церковной святыни. Дворцовыя палаты не разлучались и тутъ отъ монастырскихъ келлій,— и на Москвѣ, также какъ въ Кіевѣ, было великое единеніе въ духѣ мира и любви между православною Русскою Церковью и православнымъ русскимъ державствомъ. Какъ сосѣдство дворцовыхъ палатъ и монастырскихъ келлій, также и осѣненіе здѣшнихъ верховъ княжескаго терема многочисленными крестами главъ церковныхъ—все напоминало Москвѣ ту православную кіевскую старину, когда и Ярославъ Мудрый и Мономахъ—всѣ благочестивые потомки Владиміра Святаго—*„предержали земное царство, небесному присягая“*.

Такъ въ долговременное и совершенно незримое для исторіи княженіе Ивана Даниловича возвысилась Москва— его столица. Про его старшаго брата Юрія въ точности и не знали, гдѣ именно онъ княжилъ или, по крайней мѣрѣ, въ какомъ больше городѣ пребывалъ обыкновенно,—не то во Владимірѣ, не то въ Новгородѣ,—чаще всего былъ въ походахъ, а больше проживалъ въ Ордѣ цѣлыми годами. Напротивъ, про Ивана Даниловича всѣ знали, что онъ вѣкъ цѣлый

сидѣлъ въ Москвѣ, развѣ еще навѣдывался въ Переяславль-залѣсскій, больше того никуда не отлучался. Про злодѣянія или даже только худыя дѣла князей не любили много говорить на Руси. Много говорили и любили плодить рѣчи о добрыхъ дѣяніяхъ княжескихъ; въ лѣтописяхъ записывали подробно даже до мелочей все слышанное о такихъ святыхъ людяхъ, какимъ былъ напримѣръ Михаилъ Ярославичъ Тверской. Все относящееся до его мученической кончины сохранено лѣтописцами для памяти потомства такъ, что мы обязаны ихъ благодарить. Но такъ какъ нельзя утаить на свѣтѣ и злодѣяній, говорили и объ Юріи, также записали и объ немъ лѣтописцы: *„уби князя Константина Романовича“*, или еще *„уби посла Александра Марковича“*, но и только, безъ всякихъ добавленій. Не многимъ больше сказывали, или записали по крайней мѣрѣ, и о томъ, какъ онъ и Кавгадый вдвоемъ *„оклеветаша князя Михаила“*. Доброй молвы объ Юріи, прямо сказать, не слыхать было на руси; а о братѣ его Иванѣ Даниловичѣ, напротивъ того, молва была общая, что противъ всѣхъ тогдашнихъ княжествъ у него *„на Москвѣ покойнѣе есть“*, и въ отличіе ото всѣхъ прочихъ князей приводили объ немъ ту особенность, что онъ *„злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своей“*. Ставили ему еще и то въ заслугу, что по любви своей къ святымъ Божіимъ церквамъ и монастырямъ, нравомъ онъ напоминалъ отца своего Даніила, худого-же слова ни единаго до сихъ поръ не было объ немъ слышно. Какъ по случаю всѣхъ вообще походовъ и столкновеній Юрія, въ нихъ же участвовали и прочіе его братья (Борисъ, Аѳанасій, Александръ), такъ въ частности и въ его кровавомъ спорѣ съ Михаиломъ—Иванъ Даниловичъ ниже единымъ словомъ не былъ упомянутъ ни разу; ото всего, что происходило въ это время, онъ былъ въ сторонѣ. А когда на Москву привезли гробъ Михаила, самъ Иванъ Даниловичъ, какъ вѣроятно, распорядился похоронить его въ любимомъ своемъ, имъ самимъ и созданномъ Спасопреображенскомъ монастырѣ, находившемся возлѣ самыхъ палатъ его. Кромѣ того не можетъ подлежать сомнѣнію, что тогда же обошелся онъ дружески съ княжичемъ Константиномъ Михаиловичемъ, котораго Юрій привезъ какъ плѣнника изъ Орды.

Съ этимъ кроткимъ и тихимъ княжичемъ, въ которомъ Иванъ Даниловичъ чтилъ сироту дяди своего Михаила, обошелся онъ такъ любовно, что Константинъ Михаиловичъ вѣкъ цѣлый не забывалъ потомъ дружбы Іоанна. По крайней мѣрѣ, всю свою жизнь онъ не разрывалъ собственной своей дружбы съ Московскимъ княземъ и вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Васильемъ Михайловичемъ всегда принималъ сторону Ивана Даниловича, даже при его борьбѣ съ Тверью. Если при всѣхъ такихъ качествахъ этотъ лучшій изъ сыновей Даніила сохранялъ еще постоянный миръ и со старшимъ своимъ братомъ—нельзя этого не вмѣнить ему въ добрую же заслугу, какъ съ другой стороны впрочемъ отчасти и самому Юрію. Извѣстно уже, что одно время всѣ прочіе братья (Александръ, Борисъ, Аѳанасій) выбѣжали отъ своеволія Юрія: одинъ только Иванъ Даниловичъ умѣлъ ужиться даже и съ нимъ: худо ли, хорошо ли было братнино старшинство,—почиталъ старшинство Юрія. Было же что-нибудь недюжинное, а ставившее изъ ряду вонъ и отличавшее Іоанна, когда самъ даже Юрій смущался передъ нимъ: изъ всѣхъ младшихъ противъ себя только и почиталъ его одного. Очевидно притомъ, что несклонный къ домосѣдству, ни къ семейному образу жизни, ни даже къ княжескому, какъ тогда по старинѣ жили русскіе князья, Юрій постоянно рвался, самъ не зная куда; праздный гуляка ужъ по своему нраву, онъ нуждался только въ деньгахъ, и чѣмъ больше ему ихъ давали, тѣмъ болѣе въ нихъ нуждался,—тѣмъ больше требовалъ ихъ между прочимъ и отъ своего брата. Въ этомъ отношеніи онъ даже радъ былъ имѣть такого мудраго и никогда ему не отказывавшаго въ его неумѣренныхъ требованіяхъ неистощимо богатаго казначея, какимъ былъ всегда для него родной братъ, взявшій на себя тяжелую обязанность вести ихъ родовую отчину въ надлежащемъ порядкѣ. Очень немудрено, что, при такой неразрывной дружбѣ *„братьевъ Даниловичей“*, Іоаннъ былъ крайне встревоженъ, заслышавъ о назначеніи великимъ княземъ Дмитрія Михаиловича на мѣсто своего брата. Быть-можетъ, хотя и всѣ мѣры уже были приняты заранѣе для благополучнаго прибытія Юрія въ Орду и даже для снятія съ него опалы, не безъ страха однако ожидалъ Іоаннъ у себя въ Москвѣ: чѣмъ разрѣ-

шится тамъ участь его брата? Особенно долженъ былъ онъ устрашиться, когда заслышалъ еще, что и самъ другой великій князь Дмитрій Михаиловичъ кинулся туда-же и оба предстали на судъ Узбека. Сомнѣнья нѣтъ, и онъ ждалъ, дождаться не могъ,—вопросъ, заботившій тогда всѣхъ и въ самомъ народѣ,—который же изъ двухъ возвратится къ нимъ Великимъ Княземъ, кого изъ нихъ выберетъ царь?

Изъ Орды не дождались ни того, ни другого, оттуда привезли въ Москву гробъ Юрія Даниловича. Слезы вырвались изъ глазъ Іоанна, неудержимыя и безутѣшныя слезы по злосчастномъ и нераскаянномъ, вѣкъ цѣлый губившемъ себя и безъ покаянія погибшемъ братѣ. Къ Петру митрополиту, по эпархіальнымъ обязанностямъ своимъ, случилось тогда прибыть въ Москву епископу Варсонофію изъ Твери. Оба утѣшали Московскаго князя, стараясь упованіемъ на милость Божію смягчить отчаяніе его,—оно было безнадежно.

Осенній и почти даже зимній мѣсяцъ, памятный для всей Твери по всеобщимъ въ ней воспоминаніямъ о великокняжеской семьѣ Михаила Ярославича, погибшаго въ этомъ мѣсяцѣ на другой день послѣ Введенія,—ноябрь былъ роковымъ мѣсяцемъ и для сына его Димитрія Грозныя-Очи. Тамъ, въ Ордѣ, у Хана, помянувъ заупокойной обѣдней родителя своего въ день его ангела, Архистратига Михаила, дожидался онъ ханскаго суда и по самый праздникъ Введенія, 21-го ноября, канунъ мученической кончины отца его. Но въ самый этотъ день—(у басурманъ нѣтъ обычая святить христіанскіе праздники, ни считаться съ тѣмъ, что православныхъ день Введенія призываетъ къ обѣднѣ)—Дмитрій и Юрій были позваны на судъ Хана. Встрѣтились они, и не выдержало пылкое сердце! Чего не ждалъ, чему бы и не повѣрилъ самъ Димитрій, если бы за мигъ передъ тѣмъ ему сказали о томъ, то самое и случилось 21-го ноября 1325-го года и гдѣ же? чуть не у подножья трона царскаго и можно бы сказать на очахъ Хана. Тамъ, гдѣ Юрій Даниловичъ мнилъ когда-то получить все, чѣмъ жизнь была красна по его легковѣрію, гдѣ онъ чаялъ себѣ найти силу и покровъ необоримые—тамъ и нашелъ гибельную смерть свою. Мечъ блеснулъ такъ неожиданно для всѣхъ, что и предупредить нельзя было: Димитрій „вонзилъ мечъ

въ убійцу отца своего". „Этого простить нельзя! чуть не у престола царскаго и въ виду Хана! неслыханное дѣло!" голосила вся Орда. Вельможи ханскіе, втайнѣ негодовавшіе на Димитрія съ тѣхъ еще поръ, какъ всѣ до одного *„много чтяху его"*, едва онъ полюбился Хану, особенно настойчиво требовали его немедленной казни, взвыли и не переставали выть въ одинъ голосъ: Узбекъ велѣлъ имъ замолчать. А когда вѣсть о томъ огласилась еще и на Руси, увѣренность всѣхъ и общеизвѣстность о томъ, что Дмитрій *„много чтится"* и любимъ Ханомъ, была такъ велика, что вначалѣ всѣ думали, будто Дмитрій совершилъ такой поступокъ по волѣ Хана,—и въ такомъ случаѣ не смутились бы тѣмъ ни мало. Но когда потомъ вѣрно узнали, что убилъ Дмитрій Юрія безъ ханскаго повелѣнія—смущеніе было всеобщее и великое. На Москвѣ, кромѣ тверского епископа Варсонофія, были еще и другіе; къ первосвятителю въ его городъ духовенство стекалось отовсюду. Пріѣхалъ тогда „ставиться у митрополита на владычество" Моисей изъ Новгорода. Соборнѣ отпѣвали Юрія Даниловича: „Петръ митрополитъ, и архіепископъ Новгородскій Моисей, и Ростовскій Прохоръ, и тверской владыка Варсонофій, и рязанскій владыка Григорій и плакался по немъ братъ его князь Иванъ Даниловичъ и вси люди,—убилъ бо *бяше* его въ Ордѣ князъ Дмитрій Михаиловичъ безъ царева слова".

Безутѣшное горе выносила вдовствовавшая княгиня инока Анна: постригшись въ черницы подъ именемъ Евфросиніи, она потомъ посхимилась и приняла свое прежнее имя опять Анны. Къ неисцѣлимой боли въ душѣ ея прибавилась еще новая свѣжая рана: не увидитъ она больше своего Димитрія, первенца материнской любви ея. Не дождалась его, своего яснаго сокола, и молодая Гедиминовна: князь ея мужественный и правдивый, любимый всѣми и еще 27-ми лѣтній, тамъ и сгибнетъ въ Ордѣ: казнятъ его, отрубятъ ему голову. Но Узбекъ медлилъ своимъ рѣшеніемъ. Прошла зима, наступило лѣто, прошло больше полгода; ужъ всѣ думали: такъ и обойдется. Къ осени судился въ Ордѣ одинъ изъ чернигово-рязанскихъ князей, Александръ Новосильскій; его осудили къ смертной казни и пришли къ хану за утвержденіемъ приговора. А Узбекъ

„*бысть гнѣвенъ зѣло на всѣхъ князей Тверскихъ*“, называлъ ихъ крамольниками и противниками себѣ,—жаловался, что они вѣчно на него воюютъ, и кстати за-одно велѣлъ тогда казнить обоихъ. 15-го сентября 1326-го года вывели на казнь Новосильскаго князя и Дмитрія Михайловича, и „*того же часа на единѣмъ мѣстѣ убиша обоихъ*“. Тѣло Тверского князя было привезено въ родной городъ; тотъ же народъ, оплакивавшій смерть отца его, оплакивалъ и гробъ Михаилова сына; хоронилъ его тотъ же самый владыка, епископъ Варсонофій, и положилъ въ томъ же соборѣ подлѣ отца его. Великая Княгиня Марія Гедиминовна „того же лѣта *постриженся во иноческій чинъ*“. Но Узбекъ, казнивъ Дмитрія, какъ бы еще и оправдалъ казненнаго: оказалъ великую милость къ памяти его. „*Аще* и гнѣвенъ *бысть*, но по Великомъ Князѣ Дмитріи Михайловичѣ *даде* княженіе брату его Князю Александру Михаиловичу“. Это всѣхъ изумило. Александръ впрочемъ не удержался на великокняжескомъ престолѣ: едва вступилъ на него, не прошло еще полныхъ двенадцати мѣсяцевъ, и ужъ кончилось его великое княженіе.

Можно отмѣтить лишь два событія за этотъ краткій промежутокъ времени. Въ Новгородъ отъ Гедимина, изъ Литвы, прибыло важное посольство,—этого еще и не водилось до тѣхъ поръ. Во главѣ посольства стоялъ „*братъ Великаго Князя Гедимина*“, почитавшійся тогда Полоцкимъ княземъ; были въ послахъ еще и другіе князья: напримѣръ, изъ захудалаго рода Минскихъ князей и прочіе—одинъ другого неизвѣстнѣй. Новгородъ, черезъ посредство Литвы, заключилъ этотъ разъ „*миръ съ Нѣмцами*“, то-есть съ Ливоніей; кромѣ того, сблизился черезъ это и съ самимъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ; сблизилась съ нимъ тогда и Тверь *).

*) Сближеніе это было настолько значительно, что спустя немного времени новые переговоры съ новгородцами Гедиминъ велъ уже о томъ, чтобы они дали въ своихъ владѣніяхъ удѣлъ и даже удѣлы сыновьямъ его. Вообще, въ Псковѣ и Новгородѣ и даже въ самой Твери установилось въ эту пору сближеніе съ „Литвою“ столь тѣсное, что съ одной стороны, при случаѣ, уже разсчитывали на ея помощь, а съ другой стороны и неслыханное дотолѣ выраженіе въ здѣшнихъ мѣстахъ: „*княженіе изъ Литовскіе руки*“—стало уже вводиться въ употребленіе и пошло въ ходъ. Въ этихъ соображеніяхъ и лѣтописнаго упоминанія подъ 1326-мъ годомъ: „*приходиша изъ Литвы въ Новгородъ послы*: братъ великаго князя Гедимина и проч.“ нельзя опустить мимо.

Въ томъ же 1326-мъ году, какъ значится въ лѣтописи: „20-го декабря преставися преосвященный Петръ митрополитъ Кіевскій и всея Руси. *Бѣ же* на погребеніи его князь Иванъ Даниловичъ и епископъ Луцкій Ѳеодосій и весь чинъ священническій, *и вси московстіи народы*. Уроженца Галича и Волыни, такимъ образомъ, Петра митрополита хоронилъ епископъ Луцкій, прибывшій оттуда же, изъ тѣхъ дальнихъ мѣстъ. Этотъ самый Луцкъ иновѣрные иноплеменники звали тогда уже одни польскимъ городомъ, а ихъ соперники—литовскимъ, какъ и многіе другіе православные города. А ихъ влыдыки, стекаясь на Москву къ первосвятителю по дѣламъ своихъ эпархій, узнавали въ Іоанновой столицѣ свою родную. Послѣ святого Петра митрополита былъ поставленъ Ѳеогность и не захотѣлъ уже разставаться съ соборнымъ храмомъ Богородицы, гдѣ почилъ его предмѣстникъ: „*придя въ Москву, нача жити ту*“. Миръ и тишина здѣсь были полные; послѣ того, какъ Іоаннъ схоронилъ брата Юрія, ничѣмъ болѣе не нарушались они—ни въ его домѣ, ни въ цѣломъ княженіи; оба эти года прошли и не видать было какъ, только что развѣ семья его прибавилась. Все былъ у него одинъ лишь наслѣдникъ, уже двѣнадцатилѣтній къ этому времени, Семенъ; а то пошли погодки. Подъ 1326-мъ годомъ записано въ лѣтописи: „*родися Князю Ивану сынъ Іоаннъ на память Іоанна Лѣствичника*“ (замѣтьте его: это будущій отецъ Димитрія Донского). А подъ 1327-мъ годомъ записано: „*родися князю Іоанну сынъ Андрѣй* (будущій отецъ Владиміра Андрѣевича Храбраго). Не только устроилъ Иванъ Даниловичъ, но уже и освятилъ къ этому времени домъ Богородицы: не великъ былъ соборъ, а все-таки каменный. Того же лѣта, какъ у него родился сынъ Андрѣй, „*священа быть*“ и церковь святой Богородицы епископомъ ростовскимъ Прохоромъ, мѣсяца августа 4-го дня.

А въ этотъ же самый августъ (1327-го года) въ Твери сотворилось такое дѣло: страшно было и подумать. Ханъ прислалъ туда брата своего двоюроднаго Чолхана (сынъ недоброй памяти Дюденя, „*посолъ силенъ*“, какъ о немъ выражались въ народѣ). Съ нимъ прибыло множество князей и гостей ордынскихъ,—сила воинскихъ отрядовъ. Чолханъ занялъ тамошній дворецъ, построенный еще Михаи-

ломъ Ярославичемъ послѣ памятнаго Тверского пожара; весь красный княжескій дворъ, терема и дѣтинецъ заняли Татары, а ихъ воинство рисположилось по всему городу постоемъ. *Начаша*, по обыкновенію, *великое насиліе творить*; мало было дней какъ пришли, а ужъ много зла сотворили. Все шло какъ всегда водилось у Татаръ, по обыкновенію. Но необычайно на этотъ разъ отвѣтила имъ Тверь. Въ народѣ пошли толки, что князя Александра и всю его братію Татары хотятъ избить: самъ Щелканъ сядетъ въ Твери на княженьи, а иныхъ своихъ князей хочетъ по инымъ городамъ послать и всѣхъ христіанъ въ свою татарскую вѣру привести. И на грѣхъ къ тому же: праздникъ былъ на дворѣ, великое торжище у нихъ въ городѣ открывалось, день Успенья Богородицы подошелъ, а басурманы того не разбираютъ,—на самое-то 15-е августа и велѣлъ посолъ собрать весь народъ передъ собой: онъ-де всѣмъ имъ царское повелѣніе объявитъ, всю ханскую волю возвѣститъ; *„приспѣвшу же дню тържественну, а ему хотящу своя творити въ собраніи людей“*... Утромъ, на зарѣ рано, въ ту пору, когда изъ-подъ города еще „ночного“ не пригоняли, а Татары по обыкновенію въ „ночномъ“ ловили жеребятъ на ѣду, случилось въ самой Твери дьякону одному свою кобылу на водопой вести. Былъ такой дьяконъ въ Твери: звали его Дюдко, а кобыла у него была жирная и молодая! Татары и кинулись отнимать, а Дюдюкъ отшибъ у нихъ кобылу и сталъ въ набатъ звонить; съ того и взялась драка, а тамъ ужъ и пошла рѣзня по всему городу. Шумъ, звонъ и стукъ оружія, общая тревога разбудили самого Чолхана; все за нимъ поднялось: самъ Чолханъ выступилъ боемъ. Только-что солнце начало всходить, ужъ сѣча шла по всѣмъ улицамъ... Себя не щадилъ, врѣзываясь въ самую гущу враговъ, бился на смерть князь Александръ, памятуя мученическія страданія отца и неправедно пролитую кровь брата своего. Татары уже всѣми силами своими *„составишася въ бой“*; обѣ стороны ломили одна другую, задыхаясь въ бою; бились могуче и упорно черезъ весь день и едва къ вечеру одолѣлъ Александръ. Чолханъ бросился на красный княжій дворъ и заперся во дворцѣ. Александръ не пожалѣлъ родителева строенія, самъ собственными руками зажегъ сѣни. Чолханъ сгорѣлъ въ дыму, всѣ его Та-

тары тамъ съ нимъ и погибли; а гостей Ордынскихъ всѣхъ до одного изрубили Тверичи и тѣхъ даже, которые изстари у нихъ жили и новопріѣзжихъ; ловили басурманъ по улицамъ, кого въ дворахъ жгли, кого въ рѣкѣ утопили. Къ свѣту ужъ не осталось ни одного Татарина живого. Такъ отъ князя Александра понесъ муку царскій братъ Чолханъ Дюденовичъ.

„*Слышавъ сія, ханъ Узбекъ*“ въ ярости гнѣва противъ бунтовщиковъ и во многой скорби по братаничѣ своемъ Щелканѣ, „*посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московскаго*“. Не замедливший князь, похоже было тогда, изумилъ ордынцевъ скорымъ прибытіемъ и самого хана послушаніемъ своимъ; нашелъ тамъ всѣхъ въ неописанной тревогѣ; въ Ордѣ ужъ думали: вся Русь поднялась на ноги и вышла изъ повиновенья. Іоанну дали часть царской рати самого Узбека, съ нею былъ отпущенъ и ихъ воевода; отпустили съ нимъ многихъ князей ордынскихъ и еще, которые находились тогда въ Ордѣ, прибавили мелкихъ русскихъ Князей; дали къ тому еще пять темниковъ съ ихъ десятитысячными отрядами подъ каждымъ, прямо сказать: дали такое войско, что можно было завоевать цѣлое царство, а не только чего требовалъ ханъ—стереть Тверское княжество съ лица земного. Отъ Узбека и не видывали еще грозы такой: „*рыкаше яко левъ*“, пылалъ гнѣвомъ и клялся съ корнемъ истребить злое гнѣздилище. Отпускаемому войску велѣно было неисправимыхъ Тверскихъ князей за ихъ вѣчную крамолу ни одного живымъ не отпустить и прочую непокорную землю Русскую всю плѣнить. Случился въ ту пору одинъ изъ Рязанскихъ князей (Василій), вызванный на судъ въ орду: Ханъ велѣлъ ему сейчасъ же голову отрубить; вслѣдъ затѣмъ, когда уже выступившія полчища воевали во всю силу и о своихъ побѣдахъ давали знать въ орду, опять въ ней отсѣкли и еще голову одному князю: „*того же лѣта убиша Татарове князя Ивана Ярославича Рязанскаго въ Ордѣ*“.

Того же лѣта (1328-го г.) творилось лютое и страшное кровопролитіе на всемъ пространствѣ владѣній бывшаго Великаго Князя и по сосѣдству. Полчища, приведенныя Иваномъ Даниловичемъ (татарскихъ именъ воеводскихъ трудно было и разобрать; поминали главнымъ Чуктуроли-

на, а кто звалъ его Туралыкъ, еще Сюга,—имъ и числа не было), и татарскія войска на этотъ разъ были несмѣтны. *„Поидоша ко Твери и взяша градъ Тверь и Кашинъ, а грады и волости пусты сотвориша, а люди изсѣкоша, а иныхъ въ плѣнъ поведоша“*. Князь Александръ Михайловичъ съ братіей бѣжалъ въ Новгородъ; новгородцы не дали имъ у себя оставаться долго, боясь Татаръ: Александръ Михаиловичъ укрылся во Псковѣ. Когда войска, ведомые Иваномъ Даниловичемъ, извоевавъ всю Новоторжскую область, стали приближаться къ Новгороду,—Іоаннъ отправилъ туда пословъ отъ себя и отъ Монголовъ. Новгородцы почтили ханскихъ пословъ выносомъ дани, которая была заготовлена у нихъ въ „выходъ“: имъ и сдали прямо наруки сколько было собрано тогда серебра—двѣ тысячи гривенъ. А кромѣ того, по своему обыкновенію, сдѣлали богатую складчину и прислали еще въ полки татарскіе на поклонъ всѣмъ князьямъ Ордынскимъ нарочитыхъ людей своихъ *„со множествомъ даровъ“*. Тутъ рѣшено было, что Новгородъ отберетъ отъ себя еще цѣлое посольство прямо въ орду къ самому хану: Ивана Даниловича и просили взять съ собой это посольство, допустить этимъ новгородскимъ послáмъ съ нимъ вмѣстѣ и пойти въ Орду для изъявленія новгородскаго послушанія. Тутъ же присоединился къ Ивану Даниловичу тверской князь Константинъ Михайловичъ, любимый братаничъ его. О Константинѣ и Василіи Михайловичахъ пронесся слухъ, что и они, за одно съ Александромъ, бѣжали во Псковъ; но эти младшіе князья укрылись на то безвременье въ Ладогѣ. Іоаннъ взялъ Константина Михайловича съ собою, обѣщалъ ему ходатайствовать за него передъ Ханомъ. Трудно бы исчислить, во что обошлась тогда вспышка буйныхъ Тверитянъ многимъ и премногимъ городамъ русскимъ и тьмочисленному православному народу,—сколько зла причинило это отчаянное дѣло—тѣмъ, лишь развѣ и извинительное Тверскому князю, что было имъ сдѣлано необдуманно, въ полномъ же отчаяніи своемъ.

„Ханъ,—по выраженію историіографа,—съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ“. Тверь

и Кашинъ и всѣ селенія тверской области, и Торжокъ—были выжжены до тла и раззорены пусто, народъ истребленъ всюду и отовсюду разведенъ въ плѣнъ; уцѣлѣвшіе *„сѣли потомъ во Твери въ великей нищетѣ и убожествѣ“*: вся ихъ земля Тверская обратилась въ пустыню непроходимую. А татарскія полчища, кончивъ походъ, пошли назадъ *со многимъ полономъ и богатствомъ*. „Бысть тогда всей Русской землѣ велія тягость и томленіе и кровопролитіе отъ Татаръ: не только расхищали имѣніе, скотъ и коней забирали, но жены и дщери емлюща, по своей волѣ держаху елико хотяху, а кто перекался—мучили и убивали“. И лѣтописецъ заключаетъ: „Только соблюлъ Господъ Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его вотчину отъ плѣненія и кровопролитія татарскаго“. Уже къ осени того же года (1328-го) князь Иванъ Даниловичъ былъ въ Ордѣ съ докладомъ объ исполненіи ханской воли; съ нимъ же были послы новгородскіе (главный помянутъ даже именемъ: Ѳедоръ-Колесница) и тверской князь Константинъ Михайловичъ. Узбекъ обошелся милостиво со всѣми, а Іоанна принялъ еще и съ честью великою, далъ ему „великое княженье Владимірское *и иныя княженія даде ему къ Москвѣ*“,—исполнилъ и всѣ его ходатайства: велѣлъ Константину Михайловичу быть на Тверскомъ княженіи,—пожаловалъ и посольство Ѳедора-Колесницы по челобитью ихъ. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, всѣмъ же имъ за-едино велѣлъ искать князя Александра Михайловича. Всѣмъ имъ грозно было подтверждено на отпускѣ, чтобы князя Александра „поимать и на судъ къ Хану привести“.

Великій князь Московскій и всея Руси Иванъ Даниловичъ Калита.

II. Отъ вокняженія на Владимірскомъ престолѣ до кончины (1328—1340 гг.).

Лѣтопись говоритъ: *„сѣде князь Иванъ Даниловичъ на великомъ княженьи на Москвѣ, и бысть тишина христіанамъ по всей Русской землѣ на многія лѣта“*. Послѣ неисчислимыхъ распрей между князьями и татарскихъ вторженій, не прекращавшихся по кончинѣ Александра Невскаго слишкомъ

полстолѣтія, ни на одинъ годъ, можно сказать безъ преувеличенія, тишина, наступившая при его внукѣ, должна была казаться чудомъ и надолго запечатлѣться въ памяти народа. Она самая, эта всеобщая и многолѣтняя тишина, установившаяся при Іоаннѣ, и составляетъ самое главное событіе за время его княженія: другихъ—не только съ нимъ равныхъ, а, вообще говоря, крупныхъ замѣчательныхъ событій напрасно стали бы и искать.

Къ этому времени всѣ знали про Ивана Даниловича, что онъ вошелъ въ полное довѣріе у могущественно царившаго Узбека,—всѣ прочіе князья склонились передъ Московскимъ, „вѣдуще яко Ханъ вся по его просьбѣ сотворитъ!“

Походъ на Псковъ противъ князя Александра Михайловича. Объ этомъ всѣ знали и прежде; но теперь это могъ подтвердить князь Константинъ Михайловичъ, только-что получившій тверское княженіе, благодаря заступленію Іоанна; о томъ же могли свидѣтельствовать послы новгородскіе, бывшіе въ Ордѣ съ Ѳеодоромъ-Колесницей—благодаря Іоанну же ласково принятые Ханомъ. А по возвращеніи изъ Орды, всѣ они вмѣстѣ, и самъ Иванъ Даниловичъ—немедленно съѣхались на общее совѣщаніе въ Новгородъ, куда было велѣно собраться и всѣмъ прочимъ князьямъ. Сюда же пріѣхалъ къ нимъ и новоприбывшій митрополитъ Ѳеогностъ, „гречинъ родомъ“. Очевидцы гнѣва Узбека, *„рыкавшаго яко левъ“*, доложивъ о томъ собранію, спрашивали общаго совѣта: какъ исполнить то, что имъ велѣно—*„сыскать князя Александра Михайловича и его къ Хану на судъ привести?“*

Замѣчательный былъ тогда владыко въ Новгородѣ, поставленный еще святымъ Петромъ митрополитомъ, всѣми прославляемый и чтимый архіепископъ Моисей; разумѣется, онъ изъ первыхъ и былъ званъ Великимъ Княземъ на совѣтъ по такому важному дѣлу. Рѣшили единогласно отправить въ Псковъ къ Александру Михайловичу мирное посольство и отъ имени всѣхъ сказать ему такъ: „Ханъ тебя въ орду на судъ зоветъ; постражди, если надо будетъ, какъ добрый воинъ Христовъ за всѣхъ насъ и за Русскую Землю. Суди, княже, самъ, что лучше? Одному ли тебѣ погибнуть,

насъ ли всѣхъ предать гибели, и всю Русскую Землю пусту сотворить?“ Но изъ Пскова возвратились съ отвѣтомъ, что тамъ всѣмъ народомъ ополчились за Александра Михайловича! Псковичи не отпускаютъ его отъ себя! На томъ утвердились и крестнымъ цѣлованіемъ между собой, что не оставитъ онъ ихъ, а они его.

Въ многочисленной силѣ двинулись тогда на Псковъ походомъ; кромѣ ратей Великаго Князя шли подъ нимъ полки—обоихъ тверскихъ князей, Константина и Василія Михайловичей, еще князя суздальскаго (Александра Васильевича) *и иныхъ многихъ князей русскихъ*,—выступили также и сами новгородцы: *„бысть рать велика и сила многа и сташа во окопахъ“*. Иванъ Даниловичъ, не желая псковичамъ досады творить, не подступилъ къ самому городу, а расположился станомъ по близости и опять вступилъ въ мирные переговоры. Отрядивъ пословъ отъ себя, онъ присоединилъ къ нимъ еще владыку новгородскаго Моисея и ихъ тысяцкаго (Аврама) и просилъ кротостью убѣдить Александра. Псковскій князь, дѣйствительно, былъ растроганъ до слезъ и говорилъ: „Каждому воздастъ Богъ по дѣламъ его,—что жизнь? какъ сонъ исчезаетъ!.. Дѣла наши, одни они, туда за нами вслѣдъ идутъ“: *„сжалився, похотѣ идти въ Орду“*. Но псковичи всѣмъ городомъ поклялись на вѣчѣ не выдавать князя и не отпустили его отъ себя. „Убьютъ тебя въ ордѣ, какъ отца твоего и твоего брата!“ — говорили ему псковичи передъ великокняжескими послами. — „Пусть ихъ обѣщались Узбеку предать тебя!.. не слушайся ихъ,—всѣ мы за тебя умремъ поголовно. Если посмѣютъ идти на насъ, всѣ тутъ и ляжемъ на одномъ мѣстѣ съ тобою“. Послы передали, возвратясь къ своимъ, видѣнное и слышанное ими; а Александръ Михайловичъ велѣлъ къ тому прибавить еще и отъ себя, — выслалъ имъ сказать такъ: „Любовь и терпѣнье, конечно, отъ меня требуютъ, чтобы я шелъ въ Орду. Лучше одному мнѣ за всѣхъ, нежели изъ-за одного меня всѣмъ погибать. Но годилось бы и вамъ также другъ за друга и братъ за брата стоять, а татарамъ не выдавать; лучше было бы всѣмъ намъ противъ нихъ въ единеньи быть, вы же противное творите: сами ихъ наводите на христіанъ“.

Весь станъ помутился; голосъ былъ общій: Псковичи

твердо взялись по князя Александра, по-сердцу онъ имъ, не вынять его и не выгнать изъ Пскова!“ А Великій Князь зналъ и больше того, что слышалось кругомъ въ полкахъ, о чемъ онъ могъ по доходившимъ извѣстіямъ догадываться и прежде, но въ чемъ теперь болѣе не сомнѣвался. Псковъ, видимое дѣло, надѣялся еще этотъ разъ на помощь тайно содѣйствовавшей ему Ливоніи, былъ въ явномъ подчиненіи и у покровительствовавшей ему Литвы *). Александръ Михайловичъ въ это время, прямо сказать, былъ „подручникомъ“ Гедимина; о нѣкоторомъ союзѣ псковскаго князя и вообще псковичей за это же время съ Ливонцами также могло быть извѣстно Іоанну. „*Близъ ихъ и пѣмцы: се имъ помощь есть*“,—сказалъ Иванъ Даниловичъ, совѣщаясь съ союзниками своими, — и въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ обратился за содѣйствіемъ къ митрополиту Ѳеогносту, просилъ его личнаго вмѣшательства въ это дѣло. Іоаннъ могъ припомнить, какъ во время войнъ тверскихъ князей съ братомъ его Юріемъ остановлена была лютая брань съ самаго начала заступленіемъ митрополита Максима. Еще другой былъ случай и болѣе памятный — уже во дни святителя Петра. Когда Дмитрій Грозныя-Очи, воюя противъ Іоаннова брата, велъ свои войска на Нижній-Новгородъ и уже былъ съ ними подъ Владиміромъ, митрополитъ Петръ остановилъ его грознымъ святительскимъ прещеніемъ: „*не] далъ благословенія Димитрію, онъ же стоялъ три недѣли, возвратися въ землю свою*“. Грекъ Ѳеогностъ не только не затруднился обращенною къ нему просьбой, а, повидимому, ревностью своей и рѣшимостью даже изумилъ всѣхъ просителей. Когда всѣ „*начаша увѣщевати и молити преосвященнаго митрополита Ѳеогноста дабы отлученіемъ и запрещеніемъ связалъ князя*

*) Послѣ Довмонта и другого литовскаго князя Давида, Псковъ уже не прерывалъ своихъ сношеній съ Литвою, а по усиленіи въ ней возвеличившагося Гедимина, вовсе былъ склоненъ примкнуть къ его могущественной державѣ. Иванъ Даниловичъ, еще со времени женитьбы Димитрія Грозныя-Очи на дочери литовскаго державца, могъ знать о зачинавшихся сношеніяхъ Твери съ Литвою; настолько и въ свою очередь принималъ во вниманіе силу и вѣсъ Гедиминовой державы, что счелъ нужнымъ и самъ породниться съ могучимъ державцемъ; вскорѣ собственнаго наслѣдника, старшаго своего сына Симеона, онъ женилъ также на Гедиминовнѣ.

Александра и послалъ въ Орду къ Хану“, онъ изъявилъ готовность немедленно же изрѣчь проклятіе на Псковскаго князя, если онъ не пойдетъ въ орду, также и на всѣхъ псковичей, если они его не выдадутъ. Сейчасъ же было отправлено соборное посольство въ Псковъ и объявлено всему городу: если они не подчинятся—да будутъ прокляты, да престанетъ служба въ святыхъ Божіихъ церквахъ и будутъ отлучены всѣ. Ничего подобнаго еще никогда не бывало на Руси, развѣ только полтораста лѣтъ тому назадъ при изгнаніи изъ Владиміра „лжаго владыки Ѳеодорца“, когда онъ запечаталъ было церкви по всему городу, но „*злой*“ и „*погибъ злъ*“ тогда же. Князь Александръ Михайловичъ не захотѣлъ гибели всему городу. „Братья и друзья мои! — сказалъ онъ псковичамъ на прощаньи, — пусть не будетъ на мнѣ вашего крестнаго цѣлованія, ни моего на васъ! Не хочу вашей землѣ тягости ни отъ Хана, ни отъ русскихъ князей. Пускай успокоятся враги мои, ищущіе моей смерти! Иду вонъ изъ вашего города! Изъ-за меня, худаго и грѣшнаго, да не будетъ святительскаго проклятія на всѣхъ васъ“. Онъ просилъ только — и псковичи поклялись ему въ томъ — сберечь его княгиню и всю его семью,—торжественно простился на вѣчѣ со всѣмъ городомъ, и они проводили его „со плачемъ и рыданіемъ великимъ“ по всей доброй волѣ его. Онъ сказалъ имъ на прощаньи, что не останется безъ крова: найдетъ пріютъ себѣ либо у нѣмцевъ, либо въ Литвѣ.

По его удаленіи, псковичи выслали сказать Великому Князю: „князь Александръ отъ насъ выѣхалъ: а тебѣ господину своему Князю Великому Псковъ кланяется отъ мала и до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовы, и жены, и малыя дѣти“. Первому еще изъ московскихъ князей приходилось теперь Ивану Даниловичу давать миръ Пскову „по-старинѣ“, какъ „вотчинѣ и дѣдинѣ своей“, и онъ принялъ ихъ челобитье о мирѣ и любви: далъ имъ вѣчный миръ. Тогда же митрополитъ Ѳеогностъ съ владыкою новгородскимъ послали свое благословеніе посаднику и всему Пскову.

Если ханамъ докладывали о бѣгствѣ кого-либо изъ супротивниковъ въ ненавистную для татаръ „Литву“ или еще „Ливонію“, они только хмурились въ безсильной злобѣ:

такъ долженъ былъ поступить, разумѣется, и Узбекъ, узнавъ о бѣгствѣ Михаилова сына. Скрывъ досаду, что жертва ушла изъ рукъ, Монголъ, пожалуй, грозилъ ей въ душѣ тысячьми лютѣйшихъ мукъ, если попадется опять въ руки, но взыскивать со своихъ слугъ за бѣглеца въ Литву не приходилось. Покорители Пскова возвратились въ Новгородъ въ полномъ сознаніи хорошо сослуженной службы Хану и больше не безпокоились о томъ. Великій Князь къ себѣ въ Москву, прочіе князья въ прочія вотчины—всѣ изъ Новгорода пошли во свояси, а митрополитъ Ѳеогностъ прямо отсюда поѣхалъ въ Волынскую землю (1330 г.) и въ Галичъ.

Сближеніе Пскова съ Литвою. Тѣмъ временемъ обще-любимый въ Новгородѣ владыко Моисей вдругъ съѣхалъ со своего владычнаго двора въ Колмицкій монастырь и отказался отъ архіепископства своего. „А немощенъ и хилъ онъ не былъ, какъ должно здравъ былъ, и много *молиша* его новгородцы всѣмъ Новымъ городомъ поклономъ, дабы сѣлъ на своемъ столѣ, не оставлялъ святительства своего. Онъ же постригся въ схиму, никого не послушался; а благословилъ новгородцевъ, сказавъ имъ: выберите на мое мѣсто другого, достойнаго такого святительскаго сану, я вамъ его благословлю“. Новгородцы же много думали-гадали, три четверти года оставались безъ владыки; наконецъ вдругъ возлюбили всѣмъ городомъ, отъ мала до велика, бѣльцы и черницы, — видно ужъ такъ Богъ назначилъ, — Калику Григорія, мужа добраго *„богоименита въ преподобствѣ своемъ“* еще же кроткаго и смиреннаго, а былъ онъ іереемъ въ приходѣ Косьмы и Даміана на Холопьей улицѣ. Убѣдили его принять святый ангельскій образъ и нареченъ былъ при постриженіи Васильемъ,—посадили послѣ того на владычнемъ дворѣ — и ждали: когда можно будетъ отправить его ставиться къ митрополиту. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Ѳеогностъ прислалъ звать его къ себѣ на Волынь. Съ Васильемъ отправились въ путь и новгородскіе бояре (Кузьма Твердиславичъ, Варѳоломей Евстафьевичъ, сынъ тысяцкаго); а въ Литвѣ всѣ они были захвачены Гедиминомъ и ихъ держали, какъ бы въ плѣну, цѣлое лѣто. Великій князь Литовскій вступилъ съ

ними въ переговоры—на томъ ихъ и отпустилъ отъ себя—чтобы новгородцы приняли къ себѣ на княженье его сына Нариманта, дали бы ему въ вотчину пригороды новгородскіе: Ладогу и Орѣховый городокъ и часть Корелы. Тогда же узнали они и о происшедшей за это время перемѣнѣ въ Псковѣ: тамъ опять вокняжился Александръ Михайловичъ. Но не возвращеніе Александра само по себѣ смутило новгородцевъ въ этомъ случаѣ, а открывшаяся измѣна Пскова: „зане псковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новгороду, посадили себѣ князя Александра на княженіе *изъ Литовскіе руки*“, а это для нихъ подтвердилось и явно, когда они прибыли наконецъ къ митрополиту. „Въ то же время пріѣхаша послы *изо Пскова, отъ князя Александра Михайловича, и отъ Гедимина и отъ всѣхъ князей Литовскихъ*, къ митрополиту Ѳеогносту и приведоша съ собой Арсенія, хотяще его поставить на владычество во Псковѣ“. Такимъ образомъ, Великое Княжество литовское, давъ князя *„отъ руки своей“* Пскову, стремилось еще отторгнуть его, сдѣлать независимымъ отъ Новгорода въ эпархіальномъ отношеніи. Къ полному удовольствію Василья, митрополитъ Ѳеогностъ, поставивъ его архіепископомъ Новгороду, отказалъ литовскимъ и псковскимъ просителямъ: не получивъ желаемаго, они удалились *„со срамомъ“*. Самъ Василій и окружавшіе его новгородцы, приписывая такой благопріятный исходъ своему смиренію, объясняли неудачу противниковъ тѣмъ, что „Богъ всегда низлагаетъ высокія мысли вознесшихся высокомѣріемъ своимъ“; но гречинъ Ѳеогностъ руководился въ этомъ случаѣ, разумѣется, еще и инымъ соображеніемъ. У него было въ свѣжей памяти, какъ только что передъ симъ онъ проклялъ Псковъ и князя Александра, при чемъ самое отлученіе произвелъ тотъ разъ не иначе, какъ привлекши къ тому новгородскаго владыку. Василій, смѣнившій посхимившагося Моисея, былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ архіепископовъ новгородскихъ—и не по однимъ только церковнымъ дѣламъ Новгорода. Замѣчательно, что послѣ благоуспѣшнаго поставленія Василія, самъ онъ и его спутники боялись возвращаться назадъ Литвою и предпочли путь на Кіевъ. Гедининъ, раздраженный отказомъ посрамленному Арсенію и успѣхомъ новгородцевъ, въ самомъ дѣлѣ выслалъ цѣлый

отрядъ въ погоню за ними; но, бывъ во-время предупреждены о томъ на пути спѣшнымъ гонцомъ, присланнымъ отъ митрополита, новгородцы благополучно миновали литовцевъ; зато въ Кіевской области подверглись опасности отъ тамошняго князя Ѳеодора и татарскихъ баскаковъ, преслѣдовавшихъ ихъ оттуда даже до Черниговскихъ предѣловъ *). Радость необычайная была въ Новгородѣ по возвращеніи ново-поставленнаго архіепископа, а бывшій владыко Моисей тѣмъ временемъ „заложи церковь каменную Воскресенія на Деревяницѣ, и созда монастырь честенъ“.

---

*) Нельзя не замѣтить, что это случайное упоминаніе о Кіевскомъ князѣ Ѳеодорѣ и о татарскихъ баскакахъ подъ Кіевомъ—служитъ лишнимъ дополнительнымъ доказательствомъ весьма многому, ясному, впрочемъ, и безъ того. Во-первыхъ, тому, что тамошнія мѣста вовсе не до такой степени обезлюдѣли, какъ выставляютъ нѣкоторые бытописатели, утверждающіе, что вся та южная страна заселена лишь впослѣдствіи заботами польскихъ королей и разнороднѣйшимъ населеніемъ, въ томъ числѣ хлынувшею будто бы сюда „угорскою русью“. Во-вторыхъ, какъ упоминаніе о самомъ „кіевскомъ князѣ“, такъ особенно о здѣшнихъ татарскихъ баскакахъ опровергаетъ и баснословныя сказанія о полномъ подчиненіи кіевскихъ мѣстъ Гедимину. Послѣ Узбека, а никакъ не въ его время, слѣдовательно никакъ же не при Гедиминѣ, а во времена его сына Ольгерда, Кіевъ былъ настолько заброшенъ татарами; что вошелъ въ составъ „Литвы“. Совершенно основательно, поэтому, мнѣніе тѣхъ добросовѣстныхъ повѣствователей о судьбахъ Галицкой Руси (наприм., Зубрицкій), которые самый походъ Гедимина на Кіевъ иначе не зовутъ, какъ „*вымышленнымъ*“. Судьбы юго-западной руси, какъ весьма понятно, уже не имѣли къ тому времени своихъ прежнихъ мѣстныхъ повѣствователей, правдивыхъ русскихъ лѣтописцевъ; иноплеменные же повѣствователи не только не заботились о вѣрной ихъ передачѣ, напротивъ того прямо были озабочены одѣть ихъ въ непроницаемую мглу для потомства. А правдивые русскіе лѣтописцы, продолжавшіе по старинѣ безхитростно записывать событія, совершавшіяся въ сѣверной Руси, вовсе уже почти не имѣли тогда свѣдѣній о происходившемъ на югѣ. Тѣмъ не менѣе однако свѣдѣнія о походѣ Узбека на „Литву“ (при чемъ прямо разумѣть должно южно-русскія мѣста) уцѣлѣли въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и приводятся лишь отрывочно и глухо. Подъ 1325 годомъ: „Царь Азбекъ послалъ князей воевать Литвы и много зла сотвориша Литвѣ, и со многимъ полономъ пріидоша въ Орду“. Подъ 1338 годомъ „Тогожъ лѣта татарове воеваша Литву“. Что это относится до Кіевскихъ мѣстъ—ясно само собою: въ распавшемся Владимірскомъ княженіи ни одинъ изъ князей не былъ тогда призываемъ татарами для похода въ Литву.

Утвердясь вторично во Псковѣ, Александръ Михайловичъ спокойно княжилъ тамъ втеченіи десяти лѣтъ,—а Иванъ Даниловичъ, принявшій крестное цѣлованіе отъ Псковичей на свое имя, хотя съ возвратомъ къ нимъ Александра и лишился *„вотчины и дѣдины своей“*,—въ это дѣло не вступался. Съ братьями же Александровыми, княземъ Константиномъ Михайловичемъ тверскимъ и съ младшимъ Василіемъ (получившимъ удѣлъ въ Кашинѣ) Великій Князь сохранялъ неизмѣнную дружбу. Когда въ зиму съ 1331-го на 1332 годъ онъ ходилъ снова въ орду по дѣламъ къ Узбеку, опять бралъ туда съ собой и Константина Михайловича; а въ орду Великій Князь отлучался весьма часто,—нерѣдко и самъ Ханъ присылалъ за нимъ. „Тояжь зимы (съ 1333 на 1334-мъ) пріиде изъ орды посолъ Саранчукъ по Великаго Князя; Иванъ Даниловичъ пойде въ орду съ посломъ Саранчукомъ, — пріиде изъ орды отъ Хана Озбяка съ пожалованіемъ и съ честью“.

Исключительное положеніе Московскаго Князя. Обязанные всѣмъ покровительству Іоанна, молодые Тверскіе князья оставались все время у него въ повиновеніи и похоже было: тѣмъ не тяготились. Требованія къ нимъ съ его стороны могли заключаться лишь въ томъ развѣ, чтобы ихъ тверскія владѣнія не загораживали ему, въ случаѣ надобности, дорогу въ Новгородъ, такъ какъ отъ Москвы, его великокняжеской столицы, Новгородъ былъ совершенно замкнутъ Тверскимъ княжествомъ. Сами же у себя въ отчинѣ распоряжались они безъ вмѣшательства со стороны Великаго Князя и никакихъ особенныхъ обязанностей къ нему, лишнихъ противъ прочихъ князей, не имѣли. Константинъ Михаиловичъ, тихій и кроткій съ дѣтства, такимъ же остался навсегда; за свой добрый нравъ пользовался всеобщею любовью: *„нача княжити тихо и мирно“*, сказано о немъ. Не отличавшись какими-либо видными способностями противъ другихъ, многое совершилъ въ тишинѣ, чего и буйнымъ не удавалось. Тверь — послѣ погрома за Шевкалово убіеніе — начала при немъ опять мало-помалу приходить въ благоустройство; всѣ ему отдавали справедливость, какъ онъ, возвратясь на пепелище *„въ нищетѣ и убожествѣ“*, умѣлъ *„людей собрать и утѣшить отъ великой*

скорби и печали“, — звали его „*собирателемъ Тверскаго княженья*“ и „*охранителемъ*“ его.

Не только Тверскіе, и всѣ вообще князья находились въ подчиненіи у Іоанна: къ тому пришло, можно бы сказать, само собою. Не титуломъ своимъ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ всѣхъ ихъ могущественнѣй и сильнѣе. Еще со времени кончины Андрѣя Городецкаго, всѣ безъ исключенія князья, кромѣ двухъ — Тверскаго и Московскаго — затерялись въ мелкихъ удѣлахъ и стали ниспадать въ полную безызвѣстность. Ни Ростовъ, ни Суздаль, ни Ярославль, ни Кострома и прочіе не могли уже тогда выставить князей, которые бы равнялись съ Тверскимъ или Московскимъ. Одни только эти державцы, двухъ этихъ соперничествовавшихъ тогда городовъ, выдавались изъ ряду вонъ и высились надъ всѣми прочими: равныхъ имъ ужъ не было никого. А въ описываемую пору, когда Тверь была принижена передъ Москвою, Москва же напротивъ вознеслась выше прежней мѣры, самъ и князь ея превосходилъ уже всѣхъ прочихъ безмѣрно.

Стольнымъ Владиміромъ послѣднее время владѣлъ суздальскій князь (Александръ Васильевичъ) не какъ столицею, а какъ бы уже удѣльнымъ городомъ. Великіе Князья давно уже перестали жить въ немъ, а Іоаннъ и вовсе не разлучался съ Москвою. При назначеніи его Великимъ Княземъ Узбекъ, какъ уже сказано, „*даде ему иныя многія княженія къ Москвѣ*“, самый-же городъ Владиміръ пожаловалъ Суздальскому князю. Этотъ князь — повидимому любитель краснаго звона — извѣстенъ тѣмъ, между прочимъ, что въ новопожалованномъ ему городѣ снялъ главный колоколъ Владимірскаго Собора и отвезъ къ себѣ въ Суздаль. Но „*колоколъ не почалъ звонить, якоже во Владимірѣ*“. Устрашенный его глухимъ звукомъ, Князь понялъ тогда, что „согрубилъ“ противъ святаго храма и возвратилъ колоколъ во Владиміръ на прежнее мѣсто: „*и паки бысть гласъ, яко же и прежде богоугоденъ*“. Когда этотъ князь умеръ, Иванъ Даниловичъ присоединилъ Владиміръ къ собственнымъ владѣніямъ, а наслѣднику Суздальскаго князя и предоставилъ довольствоваться однимъ Суздалемъ. Нѣкоторые изъ князей находились въ подчиненіи у Ивана Даниловича по родственнымъ связямъ съ нимъ. Одну изъ своихъ

дочерей онъ выдалъ за Ярославскаго князя (Василія Давидовича), другую за Ростовскаго (Константина)—и оба зятя опасались не слушаться своего тестя. Сила его, кромѣ уже неограниченнаго довѣрія къ нему Хана, заключалась еще въ томъ, что въ его рукахъ сосредоточивались всѣ сборы съ прочихъ князей ханской дани. Никто, какъ видно, изъ всѣхъ прежнихъ Великихъ Князей не доставлялъ еще столько дани въ орду, какъ Иванъ Даниловичъ; никто же не былъ и такимъ самовластнымъ распорядителемъ по ея сбору между князьями, какъ онъ. Это создало ему совершенно исключительное положеніе между всѣми ими.

Но не только однимъ этимъ занималъ онъ исключительное положеніе между тогдашними князьями,—можно бы сказать, и самъ по себѣ составлялъ выдающееся исключеніе между ними. Нечаянный ли успѣхъ его мирной хозяйственной дѣятельности въ затишьѣ своего родового наслѣдія и случайныя особенности унаслѣдованнаго имъ княжества повели къ тому,—былъ ли онъ съ дѣтства еще родителемъ воспитанъ въ такомъ духѣ или самъ возросъ и мужалъ въ немъ, но такъ отъ начала сложилось все его княженіе и сами обстоятельства благопріятствовали тому—одинъ онъ изъ всѣхъ тогдашнихъ князей, имѣлъ ясную и твердо поставленную цѣль передъ собою. Не мелкіе удѣльные распри и счеты въ пользу того или другаго изъ удѣловъ, а береженіе *всей Руси* поставилъ онъ цѣлью своего великаго княженія и, бывши, собственно говоря, лишь Московскимъ княземъ, извнутри своего удѣла прозрѣвалъ *всю Русь*. Это сказывалось у него во всѣмъ,—не только въ титулѣ, который онъ себѣ присвоилъ: „*Великій Князь Московскій и всея Руси*“, но и въ отношеніяхъ его — къ Новгороду, ко всѣмъ прочимъ княженіямъ, и къ самому хану Узбеку.

Соблюдать въ цѣлости здѣшнюю землю—роковымъ образомъ значило тогда соблюдать въ цѣлости державу самого Хана: одно съ другимъ по тѣмъ злосчастнымъ временамъ совпадало. И примѣняясь къ такимъ обстоятельствамъ, Иванъ Даниловичъ съ рѣдкимъ искусствомъ пользовался ими: въ самомъ источникѣ тогдашняго злополучія, въ Ордѣ татарской, онъ и нашелъ главное орудіе къ достиженію своей цѣли. Сомнѣнія нѣтъ, что онъ не переставалъ, напримѣръ, указывать Узбеку на зловредное усиленіе Литовской дер-

жавы и какъ самъ воевалъ съ литвою, также побуждалъ къ тому и Узбека. Онъ же указывалъ Хану на неистощимыя богатства Новгорода, заключавшіяся въ отдаленныхъ земляхъ Печорскаго края, вѣдать которыя новгородцы не допускали Великихъ Князей. Узбекъ честилъ и жаловалъ такого несравненнаго по усердію неутомимаго работника своего,—а Московскій князь тѣмъ успѣшнѣе достигалъ намѣченной себѣ цѣли, уже не тщетно именуясь Великимъ Княземъ, притомъ не только Владимірскимъ, а *всея Руси*.

Замѣчательно, что за все время своего великаго княженія Иванъ Даниловичъ ни съ кѣмъ изъ прочихъ князей не вступалъ въ личныя ссоры и междоусобныя брани,—ни одного изъ нихъ не лишилъ наслѣдственныхъ удѣловъ, противъ ни котораго изъ нихъ не ходилъ войною. Съ тѣмъ вмѣстѣ однако всѣхъ держалъ въ повиновеніи и всѣ безъ исключенія слушались его. Значительнѣе всѣхъ прочихъ князей и виднѣйшимъ изъ нихъ былъ, безспорно, самъ Александръ Михайловичъ: благодаря кому же, какъ не Іоанну, могъ онъ спокойно втеченіи десяти лѣтъ княжить во Псковѣ? Иванъ Даниловичъ не только оружіемъ или какимъ-либо вмѣшательствомъ, ниже единымъ словомъ, не тревожилъ его въ Псковскомъ уединеніи; но за его подозрительными сношеніями съ державой Гедимина и съ Ливоніей слѣдилъ зорко и не прощалъ ему ихъ.

Новгородъ, страшась могущества Іоанна, постоянно заискивалъ передъ нимъ и всячески предлагалъ свою дружбу,—не отказываясь посылать ему дань въ Москву, въ его новую столицу, вносилъ ее больше чѣмъ когда-либо въ прежній стольній городъ Владиміръ. Иванъ Даниловичъ, какъ Московскій князь, могъ бы совершенно удовольствоваться той данью и честью, которыми Новгородъ старался склонить его на свою сторону, — но какъ Великій Князь всея Руси, онъ не довольствовался этимъ. Іоаннъ открыто требовалъ отъ Новгорода того именно, чѣмъ дѣйствительно великій господинъ Новгородъ былъ повиненъ всей Русской землѣ: ни новгородскихъ притязаній, ни исключительное пользованіе Заволоцкой Чудью, ни угрозы бояръ новгородскихъ передаться Литвѣ — Іоаннъ не прощалъ Новгороду; изъ-за этого все время воевалъ съ нимъ и ни въ какія сдѣлки съ нимъ не вступалъ.

Отношеніе Іоанна къ Новгороду. За все время великаго княженія Іоаннъ ясно давалъ чувствовать новгородцамъ, что требуютъ отъ нихъ не лишнихъ тысячъ гривнъ, нужныхъ ему на свои московскія постройки, а старинныхъ рубежей, которые предками его—еще со времени Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода Большое Гнѣздо—были упрочены за Владимірскимъ великимъ княженіемъ *). Кромѣ того, онъ указывалъ новгородцамъ, что не имъ однимъ, а всей Руси лежитъ путь — не только въ мѣста Заволоцкой Чуди въ сѣверномъ Подвиньѣ, а еще за Каму и даже за Камень. Подъ такимъ именемъ „*Камень*“ разумѣли тогда Уральскія горы; слѣдовательно, и подъ „*За-каменьскими*“ мѣстами разумѣлись уже Сибирскіе предѣлы. Не только сѣверное Подвинье, Пермь и Печорскій

*) Волокъ, Торжокъ и нѣкоторыя другія мѣста еще при сыновьяхъ Всеволода Большое-Гнѣздо почитались принадлежавшими не Новгороду, а Владимірскому великому княженью. Многое тутъ измѣнилъ въ пользу новгородцевъ Мстиславъ Удалой, нанеся пораженіе Владимірскимъ князьямъ Липецкою побѣдой. Во-первыхъ, сами города, присоединенные ко Владимірской области, могли тогда опять возвратиться Новгородцамъ; а во-вторыхъ, въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ вліяніе Владимірскихъ князей усилилось уже настолько, что они тамъ распоряжались, вовсе не считаясь съ ограничительными новгородскими условіями — напримѣръ въ Бѣжецкомъ Верхѣ, — могло сызнова утвердиться вліяніе исключительно однихъ Новгородцевъ. Тутъ они ужъ опять требовали отъ князей: не заводить слободъ, не селить своихъ людей и здѣшнихъ не выводить отсюда, держать отъ себя тіуновъ лишь на половину а чтобы другая половина была отъ самихъ новгородцевъ и проч. и проч. По всему знать, этотъ ущербъ владимірскихъ державцевъ, причиненный имъ Мстиславомъ Удалымъ, впослѣдствіи былъ заглаженъ и, если не вполнѣ, однакожь въ извѣстной степени вознаградился, особенно при Александрѣ Невскомъ. Но такъ какъ подобное вліяніе и вводъ во владѣніе не столько зависѣли отъ писанныхъ договоровъ, какъ прямо отъ силы и могущества осуществиться на дѣлѣ, разумѣется, и всѣ подобныя перемѣны, происходившія тогда въ Бѣжецкомъ Верхѣ, Волокѣ и Торжкѣ, не оставили по себѣ яркихъ слѣдовъ въ письменныхъ договорахъ. Волокъ, напримѣръ, при Иванѣ Даниловичѣ на половину принадлежалъ ему, а другая половина находилась во владѣніи Новгородцевъ. Извѣстный бояринъ Родіонъ Несторовичъ получилъ отъ Московскаго князя „*полъ-Волока*“ въ числѣ прочихъ данныхъ ему земель; онъ же завладѣлъ въ пользу своего князя и другою половиной Волока. „Князь Великій даде ему въ вотчину полъ-Волока Ламскаго, а другая бысть половина Новгородская. По лѣтѣ же единомъ Родіонъ сосла посадника Новгородскаго Микулу и приведе весь (Волокъ) къ Великому Князю“.

край, а даже мѣста за Ураломъ—такъ называемую Югру—Иванъ Даниловичъ почиталъ достояніемъ всей Руси, а никакъ не однихъ новгородцевъ. Великій господинъ Новгородъ упорно стоялъ на своемъ, что тѣ мѣста составляютъ исключительную собственность одного его и почиталъ ихъ возбраненными для всѣхъ *„лютными мѣстами своими“*,—а Московскій князь съ этимъ не соглашался. Сверхъ того наконецъ зорко слѣдилъ Иванъ Даниловичъ и за тѣми подозрительными сношеніями, которыя начались тогда у Новгорода съ *„Литвою“*. Бояре новгородскіе не только считали себя въ правѣ призывать къ себѣ на княженіе Литовскихъ князей, а повидимому готовы были даже вовсе подчинить Новгородъ покровительству „Литвы“, лишь бы держать его по своей волѣ, отъ всѣхъ прочихъ княженій особо. А великій князь Московскій всея Руси не допускалъ этого.

Возвратясь въ 1332-мъ году изъ орды, Иванъ Даниловичъ предъявилъ отъ имени Хана такое требованіе новгородцамъ, на которое они отвѣтили отказомъ; а онъ настаивалъ на своемъ требованіи и, въ залогъ его исполненія, немедленно-же занялъ войскомъ Торжокъ и Бѣжецкій верхъ. Съ того и пошелъ споръ у Московскаго князя съ Новгородомъ, то затихавшій на время по смиренію новгородцевъ, то разгаравшійся съ новою силой по *„неисправленію ихъ“*,—споръ, длившійся безъ конца, втеченіи цѣлаго княженія Іоанна,—а поводомъ къ спору было *Закамское*, или можетъ быть правильнѣй: *За-каменьское* серебро *). Другими словами, это значило: Московскій князь потребовалъ отъ Новгорода денежнаго схода съ тѣхъ мѣстъ, которыя до тѣхъ поръ почитались вовсе неприкосновенными и не

*) Добываніе руды въ Сибирскихъ странахъ велось съ незапамятной старины. Новгородъ получалъ оттуда серебро, отчасти ведя торговлю въ тамошнихъ мѣстахъ, а отчасти прямо какъ дань съ туземцевъ подчиненной ему Пермской страны. Вся та дальняя сторона, по рѣкѣ Камѣ, и прозывалась За-Камскою. Но такъ какъ далѣе шли Уральскія горы, слывшія подъ однимъ сборнымъ именемъ *„Каменъ“*, а за Камень простиралась еще и Югра, составлявшая также новгородское владѣніе, то и серебро, получаемое изъ тѣхъ мѣстъ, могло прозываться Закамскимъ, но еще и За-каменьскимъ. Серебро, потребованное Московскимъ княземъ отъ Новгорода, и названо въ лѣтописяхъ: по однимъ—Закамское серебро, а по другимъ „серебро За-каменьское“, въ обоихъ случаяхъ впрочемъ смыслъ требованія совершенно ясенъ.

подвѣдомыми для князей, управлявшихъ Новгородомъ,—потребовалъ распространенія и установленія даней и пошлинъ на всѣ новгородскія владѣнія включительно даже до Сибирскихъ предѣловъ. Въ Новгородѣ, по обыкновенію, вспыхнули безпорядки; смѣнили одного за другимъ двухъ посадниковъ, произошли и грабительства подъ предлогомъ розыска виновныхъ въ измѣнѣ Новгороду и въ расположеніи къ Московскому князю. Тогда Иванъ Даниловичъ, не довольствуясь простымъ занятіемъ Торжка и Бѣжецка, велѣлъ идти въ новгородскую область Суздальскимъ и Рязанскимъ князьямъ,—самъ пришелъ туда ратью, *„со всѣми низовскими князьями“* и пробылъ два мѣсяца *„воюя волость новгородскую“*. Всѣхъ своихъ намѣстниковъ тогда-же изовсѣхъ новгородскихъ владѣній онъ вывелъ отовсюду. Два раза присылали къ нему новгородцы просить мира, *„зовучи его на столъ въ Новгородъ“*; второй разъ вмѣстѣ съ боярами прибылъ и владыка Василій,—они привезли отъ имени всего Новгорода пять сотъ гривенъ серебра съ собою. Первый разъ онъ вовсе не принялъ пословъ, а второй—допустилъ ихъ до себя, но въ ихъ челобитьѣ отказалъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Новгородъ все болѣе вступалъ въ ссору съ Великимъ Княземъ, все болѣе-же искалъ онъ сблизиться со Псковомъ. Владыко Василій, укрѣпившій тѣмъ временемъ часть новгородскаго Кремля каменными стѣнами, нашелъ нужнымъ навѣстить Псковичей и дать имъ свое архипастырское благословеніе, котораго онъ ихъ лишалъ такъ долго. Съ самаго поставленія своего, втеченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не посѣщалъ тамошней эпархіи, враждуя за происки Пскова отдѣлиться отъ Новгорода: тѣмъ торжественнѣй былъ его пріѣздъ туда напослѣдокъ. Въ это время у князя Александра Михайловича родился сынъ; владыко Василій окрестилъ его и самъ былъ воспріемникомъ этого княжича Михаила. Въ то же время Новгородъ вошелъ въ дружбу съ „Литвою“. Оттуда прибылъ сынъ Гедимина Наримонтъ (крестное имя Глѣбъ), Новгородцы же *пріяша* его съ радостью и *взяша* отъ него крестное цѣлованіе“, дали ему Ладогу и Орѣховый городъ въ вотчину и часть Корелы.

Тогда Иванъ Даниловичъ вновь поѣхалъ въ орду къ Узбеку, и огласилось по его возвращеньи, что былъ онъ тамъ

принятъ съ великою честью и вошелъ въ силу больше прежняго, награжденный новымъ пожалованіемъ отъ Хана. Это испугало новгородцевъ. Когда Іоаннъ находился въ ордѣ, владыко Василій пріѣзжалъ къ митрополиту Ѳеогносту только что возвратившемуся тогда изъ Царьграда, привезъ ему богатые дары отъ всего Новгорода и просилъ заступиться за Новгородъ предъ Іоанномъ. Благодаря-ли именно заступленію Ѳеогноста,—по осторожности-ли, которою вообще отличался Московскій князь, разсчетливо принявшій въ соображеніе сближеніе Новгорода съ Литвой и со Псковомъ, происшедшее за время его отсутствія—ходатайство новгородцевъ о мирѣ увѣнчалось на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ. Когда отъ новгородцевъ прибыло новое посольство во главѣ съ ихъ тысячскимъ (Варѳоломеемъ Юрьевичемъ), и они смиренно просили, чтобы Великій Князь отложилъ свое нелюбье и пришелъ бы къ нимъ въ Новгородъ, свою вотчину,—Іоаннъ принялъословъ съ удивившею ихъ ласковостью и далъ милостивый отвѣтъ. Въ 1335-мъ году 16 февраля онъ торжественно въѣхалъ въ Новгородъ, встрѣченный на княжескомъ дворѣ у святой Софіи владыкой Василіемъ съ крестами и иконами: радость новгородцевъ о примиреніи съ Московскимъ княземъ была великая; они чтили его многими дарами, были щедры и на обѣщанія быть съ нимъ въ вѣчномъ мирѣ на всей его волѣ. Усердіе новгородцевъ дошло тотъ разъ до того, что они вызвались немедленно всѣми своими войсками вновь итти съ нимъ походомъ на Псковъ. Условились даже въ подробности о псковскомъ походѣ; однако Иванъ Даниловичъ удовольствовался лишь огласку слуховъ о томъ, а самое это дѣло отложилъ: похода противъ Пскова не предпринялъ.

Онъ воспользовался тотъ разъ предложеніемъ новгородскаго войска для необычайнаго похода въ другую сторону, а именно—въ Литву. Вмѣстѣ съ собственными полками онъ отрядилъ новгородцевъ воевать: „Рясну, Осѣченъ и иные городки литовскіе“; они были взяты войсками Ивана Даниловича и выжжены [1]). Хотя и не изъ особенно важныхъ былъ этотъ литовскій походъ, однакожь отличался кровопролитными боями: „*убиша* тогда Литва много

[1]) Эти городки въ верховьи Днѣпра относятся въ настоящее время къ уѣздному городу Чаусы, Могилевской губерніи.

людей добрыхъ Новгородцевъ", зато и они въ свою очередь „Литвы *избиша* безъ числа". Довольный новгородскимъ пріемомъ и ласкою отвѣчая на ласку, Иванъ Даниловичъ пригласилъ къ себѣ въ Москву владыку Василія, посадника, тысячскаго и бояръ новгородскихъ, и много чествовалъ ихъ у себя въ столицѣ; они-же дивились благоустроенію ея. Какъ выросла Москва за это время, видно уже изъ того, что при одномъ изъ случившихся въ ней пожаровъ упоминается, что однѣхъ только церквей сгорѣло въ ней восемнадцать. Казалось, установилось полное дружелюбіе между Новгородомъ и Москвою.

Наримонтъ Гедимноновичъ между тѣмъ не оправдалъ ожиданія новгородцевъ и постоянно проводилъ время въ томъ, что отлучался отъ нихъ въ Литву. Въ самомъ-ли дѣлѣ, Иванъ Даниловичъ ласкалъ новгородцевъ лишь изъ разсчета и осторожности, опасавшись присутствія у нихъ Наримонта, а уходъ отъ нихъ этого Литовскаго князя вновь ему развязывалъ руки, или по другимъ причинамъ,—втеченіи около двухъ лѣтъ миръ Москвы съ Новгородомъ не нарушался. Главною тому причиной впрочемъ могла быть и уступчивость новгородцевъ—если не ко всѣмъ, по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ требованій Іоанна. Такъ, напримѣръ, онъ ужъ вовсе не стѣснялся покупать земли и заводить слободы въ новгородскихъ владѣніяхъ, заселять ихъ своими людьми и тому подобное, чего въ прежнее время и для другихъ князей новгородцы не допускали. Но Великій Князь не отступался въ то же время и отъ главныхъ своихъ требованій, которыя имъ были отъ начала предъявлены Новгороду, новгородцы же въ свою очередь и до сихъ поръ уклонялись ихъ исполнить и миръ Москвы съ Новгородомъ нарушился самъ собою. Великій Князь Иванъ Даниловичъ *„прогнѣвася на Новгородцы* за неисправленіе ихъ" (1337 г.) и послалъ отряды въ Заволоцкую Чудь собрать Двинскую дань. Это была дань старинная, которую Подвинье платило Владимірскому княженью еще во времена Андрея Боголюбскаго [1]). Великому Князю Московскому и

---

[1]) См. I-й томъ. — Какъ вѣроятно, и мѣста тамошняго Подвинья отошли отъ Владимірскаго княженья въ пользу Новгородцевъ еще со времени Липецкаго боя; послѣ же того, при Татарахъ, Владимірскому княженью и вовсе было не до спора съ Новгородомъ о Двинской дани.

всея Руси естественно было вспомнить объ этой Двинской дани, которую Новгородъ, пользуясь сокрушеніемъ Владимірскаго княженья, опять присвоилъ исключительно себѣ и считалъ неподвѣдомой русскимъ князьямъ. Но, очевидно, Иванъ Даниловичъ имѣлъ въ виду на этотъ разъ лишь напомнить новгородцамъ о принадлежности того Подвинья ко всей Руси, а не ко „льготнымъ мѣстамъ великаго господина Новгорода“,—войны-же за обладаніе тѣмъ краемъ еще не предпринималъ. Отряды, посланные туда, были весьма немногочисленны, такъ какъ и вся ихъ задача ограничивалась именно лишь сборомъ дани, а занятія того края даже и не предполагалось тотъ разъ. Прогнѣвавшись на новгородцевъ за неисправленіе ихъ, Великій Князь „*посла* на Двину за Волокъ дани взяти; они-же *вземше* дани *идоша*, а Новгородцы съ Бѣлозерцы пришедше не *хотяху* дати и бысть имъ бой и тако *разыдошася*“.—Война Московскаго князя съ Новгородомъ предстояла еще впереди и только надвигалась; а по мѣрѣ того, какъ снова казалась неизбѣжною—Новгородъ снова искалъ сближенія со Псковомъ. Но псковичи хорошо знали, что Новгородъ обращается къ нимъ за помощью лишь изъ боязни Великаго Князя; а когда передъ тѣмъ онъ былъ заодно съ новгородцами, такъ сами они еще предлагали ему итти на Псковъ. Къ этому же времени самъ Псковъ готовъ былъ обратиться къ Ивану Даниловичу: псковичи ничего не имѣли противъ Великаго Князя. Ихъ удерживало отъ повиновенья ему лишь княженіе у нихъ Александра Михайловича,—но случилось такъ, что этотъ князь уже выѣхалъ отъ нихъ въ эту пору. Псковичи ужъ и вовсе не желали теперь сближенія съ Новгородомъ. Когда къ нимъ пріѣхалъ въ этотъ другой разъ владыко Василій, они не хотѣли даже принять его: не дали ему такъ называемаго „*подъѣзда*“ или части судныхъ пошлинъ, которыя у нихъ отлагались въ пользу владыки. Новгородскій архіепископъ, не достигнувъ тайной цѣли своего пріѣзда, а кромѣ того еще и обиженный Псковитянами, послалъ проклятіе на ихъ городъ. Но,—по словамъ исторіографа,—никого не устрашилъ тѣмъ: „напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви и, слѣдуя примѣру митрополита Ѳеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное

спокойно; а разгнѣванный архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или политикою и не согласной съ духомъ христіанства".

Первенство Іоанна между всѣми князьями.—Но если московскій властитель, въ качествѣ Великаго Князя всея Руси, такъ неотступно предъявлялъ свои требованія вольному господину Новгороду, разумѣется, съ прочими княжествами, обратившимися тогда спошь въ мелкіе удѣлы, уже и вовсе не чинился. Ихъ захудалымъ вотчинникамъ спорить съ Московскимъ княземъ больше не приходилось. Не говоря уже объ исключительномъ положеніи, въ которое онъ успѣлъ себя поставить къ Хану,—ни о томъ, что боярство и дворянство отовсюду изъ скудѣвшихъ удѣловъ охотно переходило къ нему на службу и предпочитало его Московское княженіе всѣмъ прочимъ,—и о томъ, наконецъ, что для самого народа, для всѣхъ здѣшнихъ народонаселеній, успѣхъ Москвы и ея князя былъ желаннымъ,—Иванъ Даниловичъ не имѣлъ больше соперниковъ между князьями уже по самой простой причинѣ. Не только ни одинъ изъ нихъ не могъ съ нимъ соперничать силой и богатствомъ,—а ужь по многочисленности своихъ полковъ и богатствомъ казны своей, превосходя всякаго изъ нихъ въ отдѣльности, онъ былъ въ состояніи соперничать противъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Вначалѣ Иванъ Даниловичъ многолѣтнею хозяйственною дѣятельностью въ одномъ только родовомъ своемъ наслѣдіи умѣлъ уже скопить несмѣтную казну, силу и богатство. А орудуя съ тѣмъ же хозяйственнымъ умѣньемъ напослѣдокъ — когда *„царь Азбякъ даде ему иныя многія княженья къ Москвѣ, а столъ Володимерь"*, и когда, сдавъ ему въ полное распоряженіе сборъ *ордынскаго выхода*, поставилъ его какъ бы откупщикомъ этой дани—прямо сказать, Московскій князь несмѣтными богатствами своими превосходилъ всѣхъ прочихъ князей, вмѣстѣ взятыхъ, — могъ даже богатствомъ скоплявшагося у него въ казнѣ серебра и золота мѣриться съ самимъ Новгородомъ. „Тишина Іоаннова княженія,—говоритъ исторіографъ,—способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и другія области работу нѣмецкихъ фабрикъ. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Влади-

міра или Ярославля встрѣтиться съ шайками татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбека, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ *холопій городокъ,* съѣзжались купцы нѣмецкіе, греческіе, итальянскіе, персидскіе и казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра; безчисленныя суда покрывали Волгу — сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI-го вѣка".

Однихъ городовъ, кромѣ Москвы и Переяславля, насчитывалось въ княженіи Іоанна больше, чѣмъ было простыхъ селеній въ прочихъ удѣлахъ: Можайскъ, Коломна, Руза, Звенигородъ, Серпуховъ, Верея и другія; кромѣ того, пріобрѣталъ онъ еще и покупкою у бѣднѣвшихъ князей не только села, но и города въ ихъ оскудѣвшихъ удѣлахъ: такъ имъ были куплены—Угличь, Бѣлозерскъ, Галичь Мерянскій. Однихъ подмосковныхъ слободъ съ волостями перечислилъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи свыше сорока поименно, столько-же и большихъ селъ подмосковныхъ; а кромѣ того владѣлъ и въ другихъ княжествахъ цѣлыми городами съ ихъ уѣздами и отдѣльными селеніями въ разныхъ уѣздахъ. Онъ постоянно умножалъ свои вотчины, покупалъ и мѣнялъ у бояръ и монастырей, получалъ въ подарокъ или по завѣщанію, или по наслѣдству отъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ другомъ своемъ завѣщаніи, вдобавокъ ко всему перечисленному въ первомъ, поименованы имъ еще семнадцать новыхъ селеній, о которыхъ и упомянуто прямо въ завѣщаніи: которое село у кого было имъ куплено или промѣнено. При такомъ богатствѣ, составлявшемъ его личное имущество—велики были и княжескія владѣнія Іоанна: извѣстно, напримѣръ, что при назначеніи его Великимъ Княземъ, ему данъ былъ ханомъ Нижній-Новгородъ и удѣлы въ Костромѣ. Ведя счеты съ прочими князьями по сбору дани и самъ отвѣчая передъ ханомъ за срочный взносъ ея полностью, разумѣется, ему приходилось выручать неисправныхъ плательщиковъ и многіе изъ такихъ князей становились его неоплатными должниками, а всѣ князья безъ исключенія болѣе или менѣе зависившими отъ него и нуждавшимися въ его покрови-

тельствѣ. Не стѣсняясь ропотомъ бояръ новгородскихъ, онъ и въ тамошнихъ владѣніяхъ постоянно скупалъ села и заводилъ цѣлыя слободы. Такъ, простирая власть изъ своей столицы вдаль всюду на правахъ Великаго Князя, коимъ онъ сумѣлъ вновь придать подобающее значеніе, онъ кромѣ того во всѣхъ же областяхъ до дальнаго Галича-Мерянскаго и Бѣлозерскихъ мѣстъ былъ силенъ собственными вотчинами своими,—захватывавшими индѣ цѣлые города и уѣзды, а гдѣ пересѣкавшими и пронизывавшими чужія области прочихъ князей. Вездѣ распространялось его вліяніе и всюду утверждалась зависимость отъ него.

Не только многіе изъ бояръ и дворянъ прочихъ оскудѣвшихъ княженій охотно переходили на службу къ Іоанну и предпочитали уже Московское княженіе всѣмъ прочимъ: туда же охотно стремился народъ изъ разныхъ областей. Вездѣ же по всѣмъ областямъ бывшаго Владимірскаго княженія сами народонаселенія многочисленныхъ его городовъ—рады были усиленію Московскаго князя. Его возраставшее могущество сказывалось по всѣмъ областямъ — ближнимъ и дальнимъ отъ его столицы—вездѣ одинаково благотворно. Повсюду, съ водворившейся тишиною, водворялся и порядокъ: затихали докучавшія всѣмъ смуты и усобицы „сами на ся воевавшихъ“ князей: *„неурядица-удѣльщина“*, какъ ее называлъ народъ, прекращалась.

Вопросъ цѣлыхъ народонаселеній, составлявшихъ „Великую Русь“ Всеволода-Большое Гнѣздо, смущавшій ихъ по раздробленіи Владимірскаго княженія на разрознившіяся части—*который же наконецъ князь сыщется всѣхъ сильнѣе, чья столица могла бы стянуть къ себѣ какъ къ сердцу, отчуждившіеся не по ихъ винѣ другъ отъ друга здѣшніе города и населенія*,—этотъ, можно бы сказать, народный вопросъ былъ теперь рѣшенъ, казалось, самъ собою. При внезапномъ возвышеніи Ивана Даниловича надъ всѣми князьями и явномъ преимуществѣ его Московскаго княженія надъ всѣми прочими,—самъ онъ и казался уже всему народу такимъ желаннымъ княземъ, а его стольный городъ—желанною для всѣхъ столицей.

Убіеніе въ Ордѣ князя Александра Михайловича Тверского и сына его Ѳеодора.—Прошло около десяти лѣтъ, какъ князь

Александръ Михайловичъ, никѣмъ не тревожимый, княжилъ у псковичей. Хотя посадничество тамъ зависѣло отъ Великаго Князя или собственно отъ того, кто управлялъ Новгородомъ,—и замкнутая особливость, въ какую заключился Псковъ, претила новгородцамъ,—хотя они еще въ 1335-мъ году сами предложили Ивану Даниловичу идти на Псковъ походомъ и ужъ были для того собраны рати, но Великій Князь оставилъ это дѣло. Невѣроятно, чтобы Ханъ не зналъ о присутствіи во Псковѣ Михайлова сына, а почиталъ бы его безвѣстно пропавшимъ въ Литвѣ; еще невѣроятнѣй, чтобы забылъ въ немъ виновника злой гибели Чолхана, любимаго братанича своего: родовая месть почиталась за священную обязанность у Монголовъ, отказываться отъ нея не въ обычаѣ Татаръ. А самъ Александръ Михайловичъ всѣ же эти десять лѣтъ не зналъ себѣ утѣшенія. Его мучила тоска по родинѣ. Старшій сынъ его Ѳеодоръ былъ уже на возрастѣ: княжичу исполнилось пятнадцать лѣтъ; подросталъ и рожденный во Псковѣ Михаилъ, крестникъ новгородскаго владыки Василія,—еще годъ другой и пора бы ужъ было везти его въ Новгородъ къ владыкѣ, отцу крестному, учиться грамотѣ. А онъ, ихъ несчастный родитель, утаиваясь ото всѣхъ во Псковѣ, готовилъ сыновьямъ горькую участь изгоевъ.

Давило душу добраго князя не менѣе сильно еще и другое. Ему казалось: лучше въ Богѣ умереть, чѣмъ вѣкъ вѣковать во злѣ; онъ не переставалъ тужить и скорбѣть все объ одномъ и томъ же. Мученическая кончина отца и старшаго брата Димитрія, страданія ихъ обоихъ въ Ордѣ не выходили у него изъ ума; а онъ—когда самъ первосвятитель, грозя отлученіемъ, умолялъ его послѣдовать ихъ доброму подвигу за весь народъ свой—убоялся идти имъ вслѣдъ. Жить, утаиваясь ото всѣхъ изъ боязни Хана, ему стало невыносимо. Онъ не вытерпѣлъ напослѣдокъ и рѣшился идти въ Орду; когда открылъ такое намѣреніе своимъ ближнимъ,—въ томъ числѣ и схимоинокѣ Аннѣ, матери своей, — всѣ ужаснулись рѣшимости его. Мать говорила сыну: „*Божественное писаніе не повелѣваетъ самому себя на смерть предавать*“; а онъ возражалъ: „праведники и святые люди не отказывались за Христа мученическую смерть принять, а я весь въ грѣхахъ отъ рожденія и согрѣшать не перестаю,—какъ же мнѣ маловре-

меннаго страданія не потерпѣть? Что наша жизнь, какъ не сонъ или тѣнь мимогрядущая! Одни только дѣла наши за нами вслѣдъ идутъ". Всѣ тогда въ глубокой горести сказали: воля Господня да будетъ! *и тако умолчаша.* Александръ Михайловичъ послалъ бояръ своихъ и къ митрополиту Ѳеогносту, прося благословенія и мо́литвы отъ него. Ѳеогностъ прислалъ ему совѣтъ не откладывать своего рѣшенія и благословилъ его въ путь. Истекло уже тринадцать лѣтъ съ того перваго Александрова пріѣзда въ Орду, когда Ханъ пожаловалъ его Великимъ княженіемъ, и прошло десять лѣтъ, какъ онъ оставался ханскимъ ослушникомъ, не являлся на судъ его. Минута мщенья за гибель Чолхана наступила наконецъ. Александръ опять видѣлъ Узбека, а Узбекъ его — ихъ взоры встрѣтились. Ханъ игралъ своей жертвой не какъ, по дѣтской пословицѣ, кошка съ мышкой, а просто по татарскому обычаю: прежде чѣмъ отослать на казнь надо же было ему принять поклонъ и дары казнимаго... Но, къ изумленію ханскихъ вельможъ и самого Узбека, князь Александръ Михайловичъ стоялъ не только безтрепетно передъ нимъ, а съ яснымъ взоромъ и открытымъ лицомъ; не только не робѣлъ слово молвить, а всѣхъ поразилъ, какъ громомъ, неожиданною рѣчью: „Царь-Государь верховный! хоть и много зла сотворилъ я, виноватъ передъ тобою, но самъ пришелъ къ тебѣ: или смерть или жизнь принять. Какъ тебѣ Богъ извѣститъ—на все готовъ—пусть такъ и будетъ. Ежели Бога ради по своему ханскому величеству дашь мнѣ милость—благодарю Бога и твою милость; ежели же смерти предашь меня—достоинъ есмь смерти", и онъ поклонился: „Голова моя передъ тобою". Узбекъ онѣмѣлъ отъ изумленія и всѣ дивились... но Хану ли не найти словъ? Указавъ вельможамъ на колѣнопреклоненнаго и склонившаго повинную голову просителя, Узбекъ сказалъ: „видите ли, какъ смиренною мудростью князь Александръ избавилъ себя отъ смерти",—и, пожаловавъ его Тверскою вотчиной, отпустилъ на русь.

Но ужь съ самаго начала было что то зловѣщее: помстилось Александру, что его не добромъ отпустили изъ Орды. А вскорѣ это и подтвердилось. Когда посланные съ нимъ Ханскіе чиновники посадили его на Тверскомъ княженіи, главный изъ нихъ Авдулъ, возвращаясь въ Орду, взялъ туда

старшаго Александрова сына Ѳеодора съ собою, сказывая ханскую милость. А изъ Орды отъ 15-тилѣтняго княжича не замедлила вѣсть, что его не отпускаютъ и Ханъ гнѣвенъ. Взять сына у отца и держать его заложникомъ въ Ордѣ—плохая это была милость отъ царя Александру. Въ Твери между тѣмъ начались волненія, казавшіяся послѣ десятилѣтняго затишья и установившихся добрыхъ сношеній съ Москвою уже необычными въ здѣшнихъ мѣстахъ. Возвращеніе сюда стараго князя, по необходимости, значило здѣсь возвращеніе къ стариннымъ удѣльнымъ порядкамъ прежнихъ дней. Александръ къ тому же привезъ съ чужбины новыхъ бояръ и дружинниковъ, частью иноземцевъ. Главнымъ у себя въ боярствѣ поставилъ онъ хотя и крестившагося въ русскую вѣру, но иноземца же; это былъ Матвѣй Доль, нѣмецъ изъ Ливоніи. Кроткій, добрый и тихій Константинъ Михайловичъ, не обинуясь, уступилъ Тверь старшему своему брату и пребывалъ съ нимъ въ полной любви; но тверское боярство не обрадовалось возврату къ тѣмъ порядкамъ, выразителемъ которыхъ былъ возвратившійся къ нимъ князь. „*Отъѣхаша бояре мнозіи отъ князя Александра Михайловича Тверскаго на Москву къ великому князю Ивану Даниловичу*“.

Московскій Князь, разумѣется, не могъ и требовать себѣ отъ новаго тверского державца такого же повиновенія, какое все время ему оказывалъ Константинъ Михайловичъ: Александръ былъ вначалѣ самъ Великимъ Княземъ, — не могъ же онъ забыть, ни Иванъ Даниловичъ, что они оба—совмѣстники. Пока Александръ уединенно княжилъ въ Псковѣ, Иванъ Даниловичъ хотя и не прощалъ ему сношеній съ Литвою, оставлялъ однакожъ въ покоѣ. Но съ его возвращеніемъ на родину опять возобновлялось притязаніе Тверского княжества не зависѣть отъ Великаго Князя всея Руси, быть самому о себѣ, отъ другихъ особо; а по примѣру Тверского Князя, и даже по совѣту съ нимъ, того же самаго должны были искать и прочіе князья: въ Суздалѣ, въ Ростовѣ и въ Ярославѣ. Какъ только отложилась Тверь, при вокняженіи въ ней Александра, отъ длившагося втеченіи десяти лѣтъ подчиненія Іоанну—то-же не замедлило отразиться и повсюду: такъ же въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ въ Суздалѣ и Ростовѣ, а больше того именно въ Яро-

славлѣ у внука Ѳеодора Чернаго, князя Василія Давидовича, Іоаннова зятя, который вдругъ сталъ оказывать явное неповиновеніе своему тестю. Недобрые слухи, съ тѣмъ вмѣстѣ доходили и изъ Литвы... Иванъ Даниловичъ, казалось, мгновенно утратилъ все, что исподволь медленно шагъ за шагомъ втеченіи десяти лѣтъ упрочивалъ за собой: быть ли ему, не быть ли Великимъ Княземъ отъ сей поры—самый ужъ этотъ вопросъ представлялся спорнымъ. Самъ Александръ чувствовалъ потребность выяснить имъ между собой взаимныя отношенія другъ къ другу; но Великій Князь отъ всякихъ съ нимъ объясненій уклонялся съ своей стороны. Изъ Твери, наконецъ, прибыло къ Ивану Даниловичу посольство отъ князя Александра: онъ ссылался миромъ о своей Тверской вотчинѣ, но Иванъ Даниловичъ затруднялся докончить съ нимъ на чемъ-бы то ни было, ни на чемъ не утвердился съ его послами и поѣхалъ въ Орду. Этотъ его отъѣздъ къ Узбеку произвелъ на всѣхъ особенное впечатлѣніе тотъ разъ; онъ взялъ съ собою двухъ старшихъ своихъ сыновей: Симеона и Іоанна Ивановичей; а младшаго Андрѣя тогда же послалъ въ Новгородъ. Также и эта ссылка въ Новгородъ сына Андрѣя была не безъ особеннаго значенія; два года оставался Великій Князь не то въ мирѣ, не то въ размирьѣ съ новгородцами. Они не исполняли требованій Іоанна, а онъ не отступалъ отъ своихъ требованій. Присылкою къ нимъ на княженье Андрѣя Іоанновича Великій князь напомнилъ имъ лишній разъ, что почитаетъ Новгородъ своей вотчиной и, мимо себя, ничьей кромѣ.

Тамъ за послѣднее время не прекращались все одни и тѣ же непорядки: у новгородцевъ продолжались неудовольствія съ ихъ литовскимъ княземъ. Ладожскій и Орѣховскій вотчинникъ князь Наримонтъ Гедиминовичъ, отъѣзжая постоянно въ Литву, плохо защищалъ ихъ предѣлы отъ вторженія Свейскихъ нѣмцевъ: то вмѣсто себя оставилъ сына своего Ѳеодора Наримонтовича, а наконецъ того и сына вывелъ изъ Ладоги, оставилъ за себя однихъ намѣстниковъ. Свейскіе нѣмцы съ воеводой Остеномъ возмутили всю Корелу противъ Руси и съ ихъ помощью *„воевали Обонежье и пришли къ Ладогѣ пожгли посады“*. Тогда противъ нихъ поднялась гулящая молодь, пришли поволь-ники *„молодцы новгородскіе“* и всѣхъ прогнали: вторглись

еще и въ часть Кореліи, уступленной Шведамъ: „нѣмецкую Корелію пусту сотвориша, обилія на поляхъ пожгоша и скотъ изсѣкоша“. Намѣстникъ Шведскаго Короля, впрочемъ, прислалъ изъ Выбора тѣмъ же часомъ просить мира у новгородцевъ, ссылаясь, что размирье произошло безъ его вѣдома: *„учинилъ то Остенъ о своемъ умѣ!“* и миръ былъ заключенъ по Невскому договору, какъ его постановилъ въ прежніе годы еще братъ Ивана Даниловича, Юрій: всю крамольную Корелу развели сидѣть смирно: опять *гдѣ кто жилъ* по своимъ мѣстамъ.

Изъ Орды Иванъ Даниловичъ возвратился съ новою честью и съ новымъ великимъ пожалованіемъ. Какъ прежняя честь и прежнія пожалованія, которыя Ханъ воздавалъ Іоанну, явно для всѣхъ сводились къ тому, что были *„вси князи Русскіе подъ руцѣ его даны“*, такъ еще болѣе подтвердилось это и теперь. Стало общеизвѣстно, что по думѣ и хотѣнію Іоанна всѣ князья были вызваны въ Орду выслушать волю Хана: *„его думою“* посла царь Азбякъ на Русь по князя Александра Михайловича и по князя Василья Давидовича Ярославскаго и по всѣхъ князей“. Тогда же Узбекъ послалъ воевать Литву; *„татарове воевоша Литву“* именно въ кіевскихъ мѣстахъ: одни только южно-русскіе князья проливали кровь въ этомъ Литовскомъ походѣ, а изъ князей сѣверной Руси ни одинъ не участвовалъ въ немъ *).

Замѣчательно, что около этого времени поступили къ Узбеку жалобы въ ордѣ на Александра Михайловича отъ челобитчиковъ изъ Ливоніи и Литвы. Когда изгнанникъ скитался на чужбинѣ, многіе изъ нѣмецкихъ рыцарей, а также

---

*) Первый походъ на Литву при Узбекѣ, относимый по лѣтописямъ къ 1325-му году, могъ дать поводъ къ польскимъ сказаніямъ о баснословномъ боѣ на Ирпенѣ и о походахъ Гедимина на Кіевъ, относимомъ ими къ 1321 году. Также и тотъ разъ Литовскій походъ былъ веденъ Татарами безъ участія сѣверно-русскихъ князей. Это подтверждается и тѣмъ между прочимъ, что при баснословномъ описаніи баснословнаго боя упоминаются лишь Брянскіе князья Святославъ и Василій, Олегъ Переяславскій, Волынскій князь Левъ и нѣкій Станиславъ—съ явными еще и несообразностями объ этихъ князьяхъ. О томъ походѣ по русскимъ лѣтописямъ извѣстно только, что *„царъ Узбякъ послалъ князей въ Литву воевать, и много зла сотвориша Литвѣ, и со многимъ полономъ пріидоша въ Орду“*.

и вельможъ литовскихъ, обѣщавъ ему въ помощь вооруженное содѣйствіе съ своей стороны, всячески вымогали отъ него дары при этомъ. И хотя никто изъ нихъ все время никакой помощи ему не оказалъ, однакожъ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ далъ на себя долговыя обязательства. А такъ какъ дѣло шло именно о содѣйствіи князю, лишившемуся престола и готовившемуся вновь добывать его, а не о простой помощи нуждавшемуся изгнаннику, то и „обѣты", данные на себя Александромъ, были весьма значительны. Полтора года своихъ скитаній онъ провелъ, прямо сказать, въ нищетѣ и убожествѣ; но, и проживая въ Псковѣ, не имѣлъ чѣмъ уплатить своимъ мнимымъ союзникамъ, неотвязчивымъ должникамъ своимъ. Онъ не имѣлъ возможности удовлетворить ихъ даже тогда, какъ—благодаря не ихъ услугамъ, впрочемъ, а собственной мудрости—дѣйствительно возвратилъ себѣ Тверское княженіе, а они тутъ и предъявили ему свои требованія. „Онъ же, вѣдая себя *неповинна* и не могши отдать, *отказа имъ, а иныхъ проси да подождутъ до исправы*". Но рыцари и вельможи не согласились ждать, а прямо съ жалобой на него обратились въ орду къ самому Хану. Узбекъ, когда ему доложили о вздорномъ ихъ дѣлѣ, велѣлъ ихъ гнать прочь. Однакожъ такими жалобами да клеветами опять ханскіе уши наполнились лишнимъ напоминаніемъ о сношеніяхъ съ Литвой и Ливоніей ненавистнаго Михаилова сына. Жаждавъ его крови за кровь Чолхана и до того пораженный тотъ разъ безстрашіемъ Александра, что—самъ не зная какъ—выпустилъ его изъ рукъ, Узбекъ ему своего прощенія не прощалъ. Александръ тогда уже съ самаго начала, еще не выѣхавъ изъ орды, чувствовалъ всею душою, что, бывъ на-волосъ отъ смертной казни, не избавился отъ нея. И теперь, когда всѣ князья, въ томъ числѣ и онъ, получивъ призывъ въ орду, начали готовиться къ отъѣзду, Александръ напередъ зналъ, что не ѣхать ему туда нельзя, а его возврату оттуда не быть. Онъ спѣшно послалъ къ сыну Ѳеодору за скорыми вѣстями: отъ несчастнаго княжича пришелъ отчаянный отвѣтъ и за себя и за своего отца.

А изъ Москвы опять тѣмъ временемъ великій князь Иванъ Даниловичъ, безъ зова, а самъ, по собственному хотѣнію, поѣхалъ къ Хану и взялъ съ собой всѣхъ своихъ трехъ сыновей, на этотъ разъ: и Симеона, и Іоанна и Андрѣя

Ивановичей; послѣднему было тогда всего десять лѣтъ. Къ Александру Михайловичу прибылъ новый посолъ отъ Хана поторопить князя пріѣздомъ, сказывая ему милость отъ царя Узбека. Если за годъ передъ тѣмъ онъ пошелъ туда на вольное страданіе, когда никому изъ его дѣтей не грозила изъ-за него опасность, тѣмъ рѣшительнѣй собрался въ путь теперь, когда въ Ордѣ заложникомъ держали его сына Ѳеодора. И все совмѣстилось къ увеличенію скорби его отъѣзда. Схимо-инока Анна, мать его, прощалась съ нимъ, заливаясь слезами, и не скрывали уже они другъ отъ друга, что больше не увидятся въ здѣшней жизни; а братъ ихъ любимый Константинъ Михайловичъ, заболѣвъ тогда, лежалъ безъ памяти въ бреду. „*Уже кончается!*“, сказалъ о немъ Александръ, прощаясь съ нимъ, и тихо повторялъ объ немъ матери и меньшому своему брату Василію Михайловичу: „это охранитель нашъ, онъ возстановилъ всю нашу Тверскую вотчину“. Когда вышли на Волгу провожать Александра Михайловича, поднялась страшная буря,—Василій Михайловичъ, съ боярами и слугами своими, ѣхалъ провожать брата; ладьи ихъ долго не могли отчалить отъ пристани. Какъ ни бились гребцы, бурей и налетавшими вихрями ихъ несло назадъ, и опять прибивало къ берегу,—все предсказывало несчастному князю, что будетъ ему тамъ бѣда, куда онъ держитъ путь.

Ранѣе прибытія Александра въ орду Иванъ Даниловичъ уже возвратился оттуда, но всѣхъ троихъ сыновей оставилъ у Хана. Въ одно время съ Тверскимъ княземъ поѣхали въ орду князья Бѣлозерскій и Ярославскій. „Ненавидя послѣдняго, — говоритъ исторіографъ, — и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ, и ѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя“ *). Какъ только

*) Возможно, что Иванъ Даниловичъ выслалъ перенять на пути своего зятя не съ тѣмъ, чтобы возбранить ему путь въ Орду, куда по его же, Ивана Даниловича, думѣ и хотѣнію были вызваны всѣ князья Узбекомъ, въ томъ числѣ и Василій Давидовичъ, а для предварительнаго ему совѣта и внушенія со стороны тестя. Должно замѣтить, что объ этомъ „перенятіи на пути“, во-первыхъ, ничего не говорится въ достовѣрнѣйшихъ изъ лѣтописей (напр., Воскресенской), а во-вторыхъ, во всѣхъ про-

Александръ Михайловичъ приблизился къ ханскимъ улусамъ княжичъ Ѳеодоръ выѣхалъ навстрѣчу къ отцу и со слезами извѣстилъ его о страшномъ гнѣвѣ Хана. „Одинъ разъ умереть. Если не теперь умереть, все равно умру же. Да будетъ воля Божія“, отвѣтилъ Александръ и уже потомъ за все время мучительныхъ ожиданій повторялъ только „Господи, буди Твоя воля, а не моя“ и молился: „живъ ли, мертвъ ли буду—прости, Господи, всѣ прегрѣшенія мои“. Когда, по неизмѣнному обычаю, заведенному у Татаръ, онъ представилъ привезенные съ собой богатые дары Хану и его Двору, ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Ему не было сказано ни винъ его, ни сдѣлано какихъ-либо запросовъ или потребовано оправданія, а объявлено безъ суда, что Ханъ велитъ его предать смертной казни; впрочемъ, даже до конца, до самаго послѣдняго дня—рокового 29-го октября—онъ не былъ лишенъ свободы. Въ самый этотъ день, отслушавъ у себя въ шатрѣ заутреню, онъ послалъ еще къ одной изъ ханскихъ женъ, благодѣтельствовавшей его сыну, узнать о своей участи, а самъ сѣлъ на коня и поѣхалъ также разспрашивать: нѣтъ ли какихъ извѣстій? У кого-то „*изъ знаемыхъ имъ*“ не скрыли отъ него, что это и есть уже его послѣдній день. Возвратясь тогда въ свой шатеръ, онъ обнялъ сына и простился съ нимъ, цѣловалъ бояръ и слугъ своихъ, у всѣхъ просилъ прощенія, обнялъ со слезами духовника своего, исповѣдался ему и причастился. Тогда же и сынъ его Ѳеодоръ, и всѣ ихъ бояре пріобщились Святыхъ Таинъ: никто изъ нихъ больше не чаялъ остаться живъ. Заслышавъ приближенье палачей, Александръ самъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу. Сорвавъ съ него всѣ одежды донага, связали ему руки и подвели къ ханскому вельможѣ Тавлугбегу, сидѣвшему на конѣ. „Убейте!“ крикнулъ Тавлугбегъ. Татары повалили на землю рядомъ сына и отца, Ѳеодора и Александра, били и топтали ихъ, а потомъ отрубили имъ головы, а самые трупы розняли по частямъ. Бояре и слуги разбѣжались и потомъ почти всѣ скрылись изъ Орды; которые же остались тутъ

чихъ, гдѣ и упоминается о томъ вскользь, нѣтъ тѣхъ объясненій, которыя къ тому прибавлены исторіографомъ. Рѣшительно ни одна изъ лѣтописей на подобное объясненіе права не даетъ.

„*вземши тѣлеса ихъ, повезоша на Русь*“. Когда прибыли во Владиміръ, митрополитъ Ѳеогностъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ вышелъ во срѣтеніе гробовымъ останкамъ и, совершивъ надъ ними надгробное моленіе, отпустилъ ихъ съ благословеніемъ; а въ Переяславлѣ-залѣсскомъ ихъ встрѣтили оба князя: Константинъ и Василій Михайловичи, также Ростовскій епископъ (Гавріилъ) и прибывшій съ ними Тверской епископъ (Ѳеодоръ), и послѣ надгробнаго рыданія и моленія провожали ихъ въ Тверь. Тамъ, у церкви Михаила Архангела, на берегу Волги, „*срѣтоша ихъ граждане и вземши ихъ на главы своя, понесоша во градъ*“. Схимо-инока Анна, мать Александра, и княгиня его съ дѣтьми своими, „*и весь градъ плакашась о нихъ горько на много время. И тако Тверское княженіе до конца опустѣ*“. Ихъ похоронили тамъ же подлѣ гробовъ Михаила и Димитрія, въ Спаскомъ соборѣ: четыре жертвы, погибшія одна за другой и одна другой безжалостнѣй отъ Узбекова тиранства. Такъ несчастный Александръ и неповинный сынъ его Ѳеодоръ приняли мученическую кончину 29-го октября 1339-го года *).

„Тою же зимою отпущены были изъ Орды съ пожалованіемъ сыновья великаго князя Іоанна Даниловича: Семенъ, Іоаннъ и Андрей, съ любовью“—заключаетъ лѣтописецъ; а въ другой лѣтописи то-же самое передано еще живѣе: „Ханъ Азбякъ отпустилъ изъ Орды съ пожалованіемъ и со многою честью и любовью дѣтей великаго князя Ивана Даниловича, князя Семена да братію его князя Ивана и Андрѣя Ивановичевъ въ отчину ихъ; и пріидоша на Москву съ великою радостью и веселіемъ“.

Послѣдніе годы великокняженія Іоанна. Кромѣ четырехъ гробницъ—Михаила, Димитрія, Александра и Ѳеодора—воздвигшихся въ Тверскомъ соборѣ, какъ уже извѣстно, остались и другіе памятники тиранства Узбека: тогда же пало въ Ордѣ и еще нѣсколько княжескихъ головъ по его мановенью. Въ лѣтописяхъ поминаются убіенными въ Ордѣ „*повелѣніемъ безбожнаго царя Азбяка*“ еще слѣдующіе: князь Ѳедоръ Стародубскій, князь Василій рязанскій, князь Але-

*) Вмѣстѣ съ Александромъ убіеніе и его несовершеннолѣтняго княжича Ѳеодора явно подтверждаетъ въ этомъ случаѣ личную месть Узбека къ виновнику злой гибели Чолхана.

ксандръ новосильскій и Рязанскій князь Иванъ Ярославичъ. Казнивъ послѣдняго, Узбекъ отдалъ Рязань его сыну Ивану Ивановичу Коротопалому (прозвище *коротопалый* дается въ народѣ за тѣлесный недостатокъ плохо-уродившихся пальцевъ).

Этотъ князь Иванъ Коротопалый, упоминаемый лѣтописью лишь вскользь и мелькомъ, какъ и всѣ вообще захудалые князья захудалыхъ вотчинъ, выступаетъ однакожъ явно съ тѣми же чертами особенной лютости и суровости, которыя обратились, можно бы сказать, въ родовую принадлежность рязанскихъ князей. Его княженье, кромѣ того, служитъ наглядным доказательствомъ того общаго „безнарядья“, которое происходило тогда по окраинамъ, куда еще не успѣла достигнуть великокняжеская власть Ивана Даниловича и гдѣ не упрочилось его господство. Иванъ Коротопалый (въ 1339-мъ году) напалъ на двоюроднаго своего брата князя Пронскаго (Александра Михайловича), везшаго дань въ Орду, очевидно, почитая себя старшимъ, а его „подручникомъ“ своимъ, не имѣвшимъ права вносить дань иначе, какъ черезъ него „Великаго Рязанскаго Князя“—и не только ограбилъ своего двоюроднаго брата, но *„ограбя, привде во градъ свой Рязанскій-Переяславль, и тамъ убіенъ бысть князь Пронскій отъ своего брата князя Ивана Ивановича“*. Такое же „безнарядье“ происходило и въ другой рязанской окраинѣ, относившейся къ древнимъ черниговскимъ предѣламъ въ Карачевскихъ мѣстахъ. Въ томъ же году (1339-мъ) при междуусобіи тамошнихъ князей погибъ — ничѣмъ другимъ неизвѣстный, только по этому случаю и упоминаемый въ лѣтописи,—Андрѣй Мстиславичъ, убитый своимъ племянникомъ Василіемъ Пантелеймоновичемъ: князь, который, также, кромѣ одного этого убійства, ничѣмъ больше и неизвѣстенъ по лѣтописямъ. Тогда же разразился страшный мятежъ въ Брянскѣ, напомнившій смуты во время его посѣщенія святымъ митрополитомъ Петромъ, не успѣвшимъ примирить Брянскихъ князей во время-оно. Тамъ въ зиму (съ 1339-го на 1340-й годъ) случилось быть митрополиту Ѳеогносту: при немъ и вспыхнулъ мятежъ въ городѣ. Въ самый Николинъ день (6-го декабря) *злые крамольники сошлись вѣчемъ* противъ князя Святослава Глѣбовича и тщетны были усилія митрополита спасти его: онъ далъ князю убѣжи-

ще въ той самой церкви, гдѣ по-утру совершалъ служеніе по случаю храмового праздника „и не возможе уняти ихъ, но выведши изъ цервки святого Николы и убиша“: также и этотъ князь только и упоминается по случаю этой гибельной кончины, а кромѣ того ничѣмъ не извѣстенъ.

Чѣмъ больше подобныя смуты и неурядицы угрожали распространиться всюду, куда не простиралась могучая власть Іоанна, тѣмъ болѣе всѣ тамошнія народонаселенія сами искали совмѣститься подъ его руку, завидовали тишинѣ и спокойствію подвластныхъ ему областей, находившихся подъ его державой,—не только не сторонились отъ нея прочь, а стремились включиться въ нее и сами, явно уже предпочитали могущественнаго „московскаго князя“ всѣмъ прочимъ безсильнымъ державцамъ, чьи владѣнія не заслуживали болѣе и наименованія княженій. Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Даниловичъ сдѣлался Великимъ Княземъ и *бысть оттолѣ тишина велія: престаше Татарове воевать Русскую землю*“—народонаселенія селъ и городовъ бывшаго владимірскаго княженія такъ успокоились подъ его державой и такъ привыкли къ возстановившемуся мирному порядку, что потомъ уже отвращались и страшились усобицъ между своими удѣльными князьями столько же, какъ и самихъ татарскихъ вторженій. Тогда уже, благодаря именно Ивану Даниловичу, вовсе прекратились нашествія въ родѣ прежнихъ походовъ Неврюя и Дюденя,—не повторялись болѣе и наѣзды такихъ Пословъ, какъ Ахмылъ или Тайтомиръ и прочіе,—между тѣмъ селы и города пустѣли по временамъ и жители разбѣгались и скрывались въ лѣсахъ—отъ истребительныхъ войнъ, обратившихся напослѣдокъ у размножившихся удѣльныхъ князей въ простые разбойные набѣги и грабительскія нападенія другъ на друга. Такъ, напримѣръ, когда не стало тверского князя Константина Михайловича (когда не было въ живыхъ и Ивана Даниловича) пошли такія усобицы между Тверью и Кашиномъ, что о тогдашнемъ бѣгствѣ горожанъ и опустѣньи селъ даже особо упоминается въ лѣтописи. Именно говорится, что послѣ того, какъ Тверскому владыкѣ удалось наконецъ, примиривъ ссорившихся тогда князей, убѣдить ихъ *„въ единомыслiи, въ совѣтѣ и во единствѣ жити“*, стали и жители возвращаться *„во грады ихъ, во власти и во всю землю Твер-*

скую“: безъ того все опустѣло. Самый переходъ тверскихъ бояръ къ московскому князю еще во времена Александра Михайловича доказываетъ успѣхъ Москвы и то всеобщее предпочтеніе, которымъ пользовался Иванъ Даниловичъ.

Но тутъ и конецъ похвалъ: однимъ этимъ и ограничивается благодарственная память православныхъ къ Іоанну; о дальнѣйшемъ и обо всемъ прочемъ—давъ ему только мѣткое, но не ѣдкое прозвище „Калиты“—народъ молчитъ. Не многаго требуетъ русскій народъ отъ своихъ державцевъ, а сверхъ силъ—ничего; но по неумолимому запросу Божьей правды и по изумительно-чуткой разборчивости въ этомъ отношеніи—судъ его къ своимъ князьямъ, прямо сказать, безпощадно-неумолимъ. Таковъ же и къ Іоанну. Онъ не только не пользовался всенародной любовью, какъ дѣдъ его Александръ Невскій или отецъ Даніилъ московскій,—а прямо сказать: былъ нелюбимъ. При всемъ томъ, что въ немъ видѣли желаннаго Князя, чья столица—какъ сердце—оживляла собой окружавшія области и притягивала къ себѣ окрестныя населенія, самъ онъ лично не пользовался сочувствіемъ въ народѣ; къ нему именно сердце не лежало ни у кого. По всему знать: отъ Александрова внука и Даніилова сына весь русскій народъ считалъ себя въ правѣ требовать больше, чѣмъ исполненія одного того, что *и язычники творятъ;* мало было того только, чтобы Великій Князь Московскій и всея Руси Иванъ Даниловичъ не походилъ на своего брата Юрія. Драгоцѣнно было и благодѣтельно дня народа то общее благо, о которомъ, повидимому, такъ заботился и которому такъ усердно весь свой вѣкъ служилъ Іоаннъ: но не получилъ себѣ за то отъ народа благодарственной памяти ни у современниковъ, ни въ потомствѣ... какъ вообще не благодарятъ за тѣ добрыя дѣла, кои благодѣтель содѣлываетъ *себѣ на умъ* и, впереди всѣхъ, не забывая себя.

Положеніе, которое по Узбековой милости пріобрѣлъ Иванъ Даниловичъ, было очевидно для всѣхъ, а для князей въ особенности; всѣ до одного склонились передъ нимъ, *„вѣдуще, яко Ханъ вся по его просьбѣ сотворитъ“*. Больше того: знали всѣ напередъ, что и по смерти Іоанна ужъ ничего не измѣнится въ этомъ отношеніи: всѣ мѣры имъ были приняты напередъ, чтобы и послѣ себя передать пер-

венство въ свой родъ, а не другимъ ближнимъ. „По смерти великаго князя Іоанна вскорѣ *идоша* въ Орду сыновья его: князь Симеонъ, Іоаннъ и Андрѣй Ивановичи и иніи князи многіи. Ханъ же Азбякъ яко вельми *любяше* и *чтяше* отца ихъ, *пріятъ* ихъ съ честью и любовью, не долго державъ *поучи я*, како жити въ тишинѣ и послушнымъ быти велѣнію его; *обѣща* имъ яко никоихъ навѣтовъ на нихъ не приметъ и никому княженія великаго не вдастъ: но по нихъ чадамъ ихъ да будетъ".—И народъ въ точности опредѣлилъ княженіе Іоаннова сына, записавъ о Симеонѣ, что были при немъ: *„вся князи русскіе подъ руцѣ его даны"*; а о внукѣ Іоанна записано еще опредѣленнѣй: *„всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю"*, а которые ему не повиновались,—*„на тѣхъ нача посягати"*. Такъ потрудился Іоаннъ за себя и за весь родъ свой.

И при такомъ ревностномъ его усердіи въ свою пользу и *своихъ си*, понятны справедливыя на него жалобы современниковъ; понятны, можно-бы сказать, даже и тѣ язвительные укоры, которые такъ щедро расточаются на главу Іоанна въ потомствѣ всѣми безъ исключенія позднѣйшими его историками, даже до нашихъ дней. Но первыя не преувеличены и знаютъ за что корятъ; а о послѣднихъ нельзя этого сказать. Ростовскій лѣтописецъ пишетъ, напримѣръ: „Настало насилованье многое, сирѣчь княженіе великое Московское досталось Ивану Даниловичу, купно же и Ростовское къ Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, пачеже князьямъ ихъ; отнялась отъ нихъ власть и честь и слава и имѣніе; и *потянуша* къ Москвѣ. И изыде повеленіе Великаго Князя Ивана Даниловича; и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій Воевода, единъ отъ вельможъ, именемъ Василій Кочевъ, и съ нимъ Миняй". Далѣе про нихъ разсказывается: какую великую тягость наложили москвичи тогда на весь градъ и живущихъ въ немъ: „не мало отъ Ростовецъ москвичамъ имѣнія своя съ нужею отдаваху" и какъ они передали поруганію и примучили ростовскаго старѣйшаго боярина Аверкія: только что живъ остался! Такъ, повторяемъ, изливаетъ свои жалобы на Іоанна современный ему ростовскій лѣтописецъ,—и это понятно. А позднѣйшіе историки даже до нашихъ дней, выставляя Іоанна „проныривымъ человѣкомъ, способнымъ на всякія козни и не

задумывавшимся въ выборѣ средствъ для своихъ выгодъ“, возводятъ на него такія вымышленныя обвиненія, что за ними лѣтописнаго Ивана Даниловича не видать: обвиняютъ его въ такой жестокости и въ такомъ вѣроломствѣ, словно не было и святыни для него. Но описывать Ивана Даниловича вѣроломнымъ злодѣемъ и ссылаться притомъ на букву и духъ лѣтописей — значило бы не понимать ихъ. Въ томъ и ужасъ откровенія народной совѣсти объ Іоаннѣ, что по всеобщимъ отзывамъ всѣ его поступки были почти безупречны и многіе даже благонравны,—ни однимъ злодѣяніемъ онъ себя не омрачилъ и ни одного дѣла, которое бы запятнало его неизгладимымъ укоромъ, не совершилъ. Объ немъ отзывались даже напротивъ, что былъ онъ „всякими добродѣтелями и благочестіемъ украшенъ и неимущимъ неоскудную руку простиралъ“; мало этого: „любомудрія желатель сый“, еще какъ только вступилъ на великокняжескій престолъ, пожелалъ непремѣнно монашескихъ келій возлѣ себя рядомъ со дворцомъ: „иноческаго житія ревнитель, ихъ же ни въ день, ни въ нощь, ни во единъ часъ отлученъ быти хотяше“,—а тѣмъ не менѣе однако и при всемъ томъ—по гласу народному, гласу Божьему — къ лику святыхъ причтенъ не былъ. На его памяти лежитъ совсѣмъ не то, въ чемъ излишне корятъ его позднѣйшіе историки, взводящіе вна него наконецъ даже обвиненіе въ томъ, будто онъ, „оклеветавъ и очернивъ Александра Михайловича, упросилъ хана казнить его“, на что ни одинъ изъ лѣтописцевъ не даетъ права. Но то̀ страшно, что всѣ они увѣрены, повидимому, и даже убѣждены въ томъ, что довольно было бы тотъ разъ Іоанну, „вѣдуще, яко ханъ вся по его просьбѣ сотворитъ“, довольно было бы молвить одно только слово Узбеку и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Александръ Михайловичъ былъ бы спасенъ. Подумать страшно — судя именно по буквѣ и духу дошедшихъ до насъ отъ того времени лѣтописей—что первый самъ Іоаннъ и считалъ однимъ изъ тяжкихъ грѣховъ своей жизни то, что не заступился тотъ разъ передъ мстительнымъ Узбекомъ за виновника Чолхановой гибели: не для этого съѣздилъ въ Орду! Довольно было и такого поступка, что онъ дѣйствительно поспѣшилъ тотъ разъ въ Орду для того лишь, чтобы представить всѣхъ троихъ сыновей Хану! нашелъ время казать царю трехъ будущихъ усердныхъ слугъ

Ханскому престолу! Довольно уже было этого, чтобы не переставать потомъ класть земные поклоны въ полъ у себя по ночамъ не то въ монастырѣ, а не то во дворцѣ, — въ своей обкуренной ладономъ и убранной по церковному великокняжеской палатѣ,—въ храминѣ, уставленной иконами съ теплившимися передъ ними лампадами, негасимыми день и ночь. Слишкомъ было довольно говоримъ, для сокрушеній и воздыханій *„о мимотекущемъ аки паутина житіи“* всего того, о чемъ дѣйствительно говорятъ лѣтописи, чтобы измышлять еще несообразныя вины, объ нихъ-же въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину.

Одинъ изъ историковъ внушительно говоритъ про Іоанна, что онъ *„пріобрѣлъ важныя выгоды утвержденіемъ у себя митрополичьяго престола“*; другой высказывается еще рѣшительнѣе: *„нашелъ надежное орудіе въ духовной власти митрополита“*. Но если въ самомъ дѣлѣ „выгода“ руководила въ семъ случаѣ московскимъ княземъ и онъ духовную власть дѣйствительно обратилъ въ „орудіе“ — это лишній грѣхъ на душѣ Іоанна и вотъ новое бремя на памяти его. Ибо по прекрасному выраженію исторіографа, уже приведенному выше: „угроза именемъ церкви, внушенная политикой, не согласна съ духомъ христіанства“. Ничего подобнаго не знала древняя Русь за весь Кіевскій и даже Владимірскій періодъ. Къ чести Іоанна должно сказать однако, что со стороны позднѣйшихъ историковъ тутъ относительно его, очевидно, есть нѣкоторое недоразумѣніе. Не надо забывать, что не преемникъ Петра былъ первоучителемъ и духовнымъ отцомъ Іоанна, а святой митрополитъ Петръ—предпочитавшій отречься отъ сана, быть изверженнымъ, какъ Іона, чѣмъ кого-либо смущать святительствомъ своимъ,—святитель отпустившій злѣйшую хулу на себя злѣйшему врагу кроткимъ словомъ: „миръ ти, чадо, не ты сотворилъ это, а діаволъ“. Заподозрить къ нему искренность Іоанна значило бы въ этомъ случаѣ оскорбить самого прозорливца. Іоаннъ могъ погрѣшать противъ заповѣдей какъ всѣ люди, — слѣдовательно, по грѣхамъ своимъ, и Божье имя поминать всуе; но его отношенія къ святому старцу были святыя. До самой смерти своей онъ благоговѣйно чтилъ святого и страшился его прещеній; самая смерть его, какъ извѣстно, была ему предзнаменована явленіемъ Петра. Отношенія

князя къ Ѳеогносту—по всѣмъ свѣдѣніямъ—ограничивались только служебными и дѣловыми ихъ сношеніями; напротивъ объ отношеніяхъ князя къ Петру—нѣтъ другихъ и свѣдѣній, какъ только объ самыхъ близкихъ и душевныхъ сношеніяхъ. „Во едину отъ нощій почивающему Іоанну на ложѣ своемъ,—такъ записано объ его смерти,—внезапу поторжеся цѣпь у двери ложницы его, и глаголъ слышася: *се старецъ пріиде*! а не видѣ никого же глаголящаго, и уразумѣ великій князь, яко сбытся ему пророченіе чудотворца Петра, и скоро возставъ, оставляетъ вся, и въ монастырь отходитъ Преображенія, въ немъ-же и мнишескаго чина сподобися воспріяти, и съ миромъ къ Богу отыде“. Не прошло и полгода послѣ убіенія въ ордѣ Александра Михайловича съ сыномъ Ѳеодоромъ, какъ умеръ-же и Іоаннъ, 31-го марта 1340-го года, имѣвъ тогда около 50 лѣтъ отъ роду.

Въ такой краткій промежутокъ времени не успѣло, разумѣется, совершиться какихъ-либо важныхъ перемѣнъ въ державѣ великаго князя,—самъ же себѣ онъ остался неизмѣнно вѣренъ даже до конца. Превознесенный выше прежняго надъ всѣми князьями, выслушавшими повелѣніе о всеобщей ему покорности изъ устъ самого хана, Іоаннъ вернулся тотъ разъ изъ Орды въ могуществѣ еще небываломъ. Безотлагательно потребовалъ онъ тогда отъ новгородцевъ исполненія всего того, на чемъ такъ долго настаивалъ безуспѣшно. Изъ Новгорода прислали ему „ордынскій выходъ“, обычно платимый новгородцами,—онъ же требовалъ отъ нихъ „еще другаго выхода“: такой дани, раскладка которой простиралась-бы и на всѣ ихъ волости безъ исключенья, даже до сибирскихъ предѣловъ. Такой именно дани отъ новгородцевъ—по грозному увѣренію Іоанна—ханъ съ него и запросилъ на этотъ разъ. Отъ новгородцевъ пришелъ—обычный въ этихъ случаяхъ—отвѣтъ, что этого „отъ сотворенія міра не бывало“. Они уже не смѣли требовать отъ Ивана Даниловича исполненія тѣхъ стѣснительныхъ условій, которымъ волей-неволей подчинялись великокняжившіе напослѣдокъ тверскіе князья еще со времени перваго тверского князя Ярослава Ярославича. При Иванѣ Даниловичѣ, какъ извѣстно, Торжокъ, Волокъ и даже Бѣжецкія мѣста опять находились въ распоряженіи великаго князя, а не

новгородцевъ,—и онъ не стѣснялся заводить села и слободы въ ихъ владѣніяхъ, позволялъ себѣ и другія вольности противъ „вольности новгородской“. Но притязаніе на Югру и Печору—не говоря уже о Двинскихъ мѣстахъ—на владѣнія, простиравшіяся за Каму и даже за Камень, казалось новгородцамъ такимъ посягательствомъ на ихъ вольность, что они рѣшительно воспротивились тому. Уже не крестоцѣловальныя записи тверского князя Ярослава Ярославича ставили они на видъ грозному московскому державцу, ихъ же онъ не признавалъ для себя обязательными съ самаго начала,—а ссылались на льготную уставную грамоту самого прапращура его Ярослава Мудраго, сына Владиміра Святаго,—говоря, что ей быть вѣрнымъ обязанъ и самъ онъ, Иванъ Даніловичъ: на томъ, дескать, и самъ онъ не отказывалъ имъ въ крестномъ цѣлованіи. А великій князь, не вступая съ ними въ прѣнія, опять сослался на волю Хана, на повелѣніе Узбека и подтвердилъ свое требованіе: „дайте мнѣ *царевъ запросъ*: то самое, чего у меня царь *запрошалъ*“.

Тогда же, какъ бы на показъ всѣмъ, что ханскимъ судомъ и тверское княжество вмѣстѣ съ прочими отдано въ полное его распоряженіе, Іоаннъ, подтвердивъ миръ съ воротившимся тамъ вновь Константиномъ Михайловичемъ, явно для всѣхъ подтвердилъ господство Москвы надъ Тверью. Онъ приказалъ снять колоколъ съ главнаго Тверского храма св. Спаса и прислать его въ Москву, что и было исполнено безпрекословно.

Литва между тѣмъ, все болѣе усиливаясь подъ державой Гедимина, явно уже стремилась подчинить себѣ и Смоленскъ. Эта область, отъ начала не завоеванная татарами, была избавлена отъ монгольскаго ига; однакожъ, по общей связи съ покоренною Русью, если не всѣми предѣлами, то нѣкоторыми изъ нихъ болѣе или менѣе зависѣла отъ татаръ. Они, впрочемъ, не злоупотребляли тамошнимъ своимъ господствомъ, какъ и вообще повсюду на окраинѣ своихъ владѣній *). Пришло къ тому напослѣдокъ, что Смоленскъ пред-

*) Изъ-за обладанія нѣкоторыми изъ тамошнихъ спорныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, не переводились счеты со Смолянами, завѣщанные изъ старины, у Черниговскихъ князей; не прекратились и по-сю пору. Татары не одинъ разъ помогали Брянскимъ князьямъ при ихъ вторженіяхъ въ Смоленскіе предѣлы; за описываемое время упоминается, напримѣръ,

почелъ и вовсе приложится къ Гедиминовой державѣ: тамошній князь находилъ уже выгоднымъ и въ свою очередь княжить *„изъ подъ Литовскіе руки“*. По ханскому повелѣнію тогда всѣ русскія войска, какъ самого Ивана Даниловича, такъ и подчиненныхъ ему княжествъ, должны были двинуться походомъ на Смоленскъ. Въ Москву къ великому князю прибылъ изъ Орды по этому случаю великій ханскій посолъ Тавлугбекъ—и это отвлекло Іоанна отъ готовившейся войны съ Новгородомъ. Она уже была объявлена Іоанномъ, и онъ вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ: *„не быть ему миръ съ Новымгородомъ“*... но вслѣдъ за кратковременнымъ Смоленскимъ походомъ послѣдовала и кончина Великаго князя.

Онъ послалъ въ этотъ смоленскій походъ *„по цареву повелѣнію“* суздальскаго князя (Константина Васильевича), ростовскаго (Константина Борисовича), князя Юрьевскаго, Друцкаго и другихъ, и московскую рать съ воеводами своими, а самъ не пошелъ. Татарское войско, подъ предводительствомъ Тавлугбека и приведенные имъ русскіе полки „стояше у града немного дней, и поидоша прочь, граду не успѣвшу ничто-же“,—а годъ спустя послѣ этого похода Литва грозила уже своимъ вторженіемъ самому московскому княженью: сынъ Гедимина Ольгердъ въ 1341-мъ году подступилъ „со многою ратью къ граду Можайску, волости и села плѣнилъ, посадъ сжегъ и, не взявъ города, хотя стоялъ подъ нимъ, возвратился во свояси“... но уже Іоанна тогда не было въ живыхъ.

Онъ скончался, хотя и преждевременно, нежданною для всѣхъ кончиной, но—какъ уже извѣстно—успѣлъ принять схиму, постригшись у Спаса на Бору, въ своемъ любимомъ Спасскомъ монастырѣ, — и погребенъ въ Архангельскомъ, имъ самимъ построенномъ, соборѣ. Здѣсь его гробница и открыла собою длинный рядъ и цѣлые ряды послѣдовавшихъ затѣмъ гробницъ Государей Московскихъ — его потомковъ: Архангельскій соборъ и сдѣлался усыпальницею всего ихъ княжескаго рода.

походъ 1334 года, когда пріиде ратью съ татары князь Дмитрій Брянскій къ Смоленску на князя Иванъ Александровича, и бишась много и взяша миръ“.

Узбекъ, кромѣ того, что любилъ въ Іоаннѣ вѣрнаго слугу, работавшаго на него усердно, прямо еще былъ и дружески расположенъ къ нему лично; кромѣ того, что поставилъ выше всѣхъ князей, жаловалъ и честилъ его по ханьски, еще дѣлалъ ему отъ себя—именно съ видомъ любезности уже чисто личной—маленькіе дружескіе подарки. Въ томъ числѣ подарилъ ему и ту бездѣлку—дорожную сумочку, татарскую *калиту*—которой суждено было пріобрѣсти историческую знаменитость. Объ Іоаннѣ его хвалители говорили, что онъ *„всѣмъ неимущимъ неоскудно руку простираше“*; онъ дѣйствительно любилъ подавать нищимъ. Объ немъ разсказывали, что когда онъ выходилъ изъ дому, куда бы ни шелъ, непремѣнно набивалъ полный мѣшокъ серебреницами и грошами и при встрѣчѣ со всякимъ нищимъ подавалъ ему. Драгоцѣнный—по пословицѣ „не дорогъ подарокъ, а дорога любовь“—милостивый даръ, полученный изъ собственныхъ рукъ Узбека, онъ и обратилъ въ тотъ мѣшокъ, который наполнялъ деньгами,—съ нимъ ужъ никогда и не разставался, изъ него и подавалъ серебреницы и гроши нищимъ. Отъ зоркой внимательности рода не укрылось, разумѣется, ни одно изъ тѣхъ особенныхъ свойствъ и личныхъ качествъ Іоанна, за которыя его такъ не любили въ народѣ. Но минуя всѣ прочія слабости не располагавшаго съ себѣ Князя, который вѣкъ цѣлый *себѣ на умѣ*—послушливъ былъ къ Хану и забиралъ силу въ руку, при общемъ благѣ не забывалъ себя, скопидомничалъ и раздавалъ гроши нищимъ—православные себѣ же на умѣ и звали его *„Калитою“*.

А главными хвалителями Іоанна были тѣ „сановитые въ преподобствѣ мнихи“, которыхъ онъ—по благословенію Ѳеогноста—изъ зарѣчнаго Даніилова монастыря перевелъ къ себѣ во дворъ, устроивъ для нихъ тотъ Спасскій монастырь, „его же возлюби паче иныхъ монастырей и многу милостыню даяше мнихамъ ту сущимъ; ясти же, и пити, и одежа, и оброки и всяко требованіе неоскудно подаваше имъ и оборону велику творяше имъ—необидимымъ быти никѣмъ же“. По словамъ этихъ хвалителей: *„Іоаннъ боголюбивъ сый, паче-же рещи и мнихолюбивъ“*, черезъ то, что перевелъ сюда обитель *„пріобрѣте симъ мзду благочестну и славу благоугодну“*. Послѣ Іоанна, какъ уже извѣстно, и

дѣти и внуки и правнуки его поддерживали этотъ великокняжескій придворный монастырь съ такою же щедростью и со всѣми исключительными льготами, присвоенными ему отъ основанія Иваномъ Даниловичемъ. Поэтому и сами „мнихи ту сущіе“ изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе и за вѣкомъ вѣкъ продолжали славить основателя и его потомковъ, говоря; „яко-же онъ, христолюбивый князь,—иноческаго житія ревнитель, ихъ же ни въ день ни въ нощь, ни во единъ часъ отлученъ быти хотяше,—благое основаніе положи, сице и дѣти его, и внучата, и правнучата, его потому же ходяще и тако-же творяще, ту-же мзду и славу пріемлютъ“... Извѣстно однако, что „мзду и славу“ въ этомъ случаѣ воздавали сами же „сущіе ту“; а въ народѣ, напротивъ того, чтившемъ святую память Даніила и почитавшимъ за святыню самую гробницу его, скорбѣли въ тишинѣ и безмолвно сѣтовали о томъ, что заглохъ въ то время самый погостъ на томъ мѣстѣ, гдѣ все оскудѣло такъ *„яко ни слѣду монастыря познаватися, токмо единая церковь оста и прозвася мѣсто то сельцо Даниловское“*. Извѣстно и то самое, что если тамъ вдругъ вновь засіяла „красота и свѣтлость церковная“—то благодаря именно народной памяти о *„мѣстѣ святѣ“*, и если самая гробница Даніила—черезъ три столѣтія отсюда—объявилась во всей своей славѣ, такъ потому именно, что народная тропа не заросла къ ней втеченіи вѣковъ.

Заключеніе древней русской исторіи.—Отсюда начинается—и уже начался—суровый, грозный московскій періодъ. Кончилась весна русской жизни. Миновали безвозвратно не только для стариннаго Кіева, даже и для послѣдовавшаго за нимъ Владиміра—ихъ золотой вѣкъ и счастливыя времена. Слава обоихъ городовъ заключалась уже въ одномъ ихъ имени. Оба стольныхъ города древней Руси замѣнились третьей столицей, о которой почти и не слыхать было до тѣхъ поръ. Съ четырнадцатаго же вѣка *Москва* и *Москва* только и слышалось кругомъ. Молва была общая, что вѣра въ ней красна и красота ея церквей велика и что одинъ онъ, московскій, пишется *Великимъ княземъ всея Руси*... Но какое же было его княженье?

Во всѣ стороны отъ его княжества,—тамъ, гдѣ прежде

кругомъ была русь—даже имени ея не существовало. Куда ни поглядѣть,—къ морю ли, бывшему нѣкогда въ Полоцкомъ и Новгородскомъ владѣніи, къ кіевскому ли при-Днѣпровью или горамъ Карпатскимъ, къ древнему ли владѣнію Мстислава и Романа Краснаго у подошвы Кавказскихъ горъ—на сѣверѣ и югѣ, къ востоку и на западѣ... стало узнать нельзя—гдѣ что было?

Безвозвратно прошли тѣ времена на Руси, когда вся она цѣльная и живая, единая во множествѣ неисчислимыхъ княженій, дробилась и волновалась, какъ вольная ширь морская, въ безконечномъ разнообразіи великихъ и удѣльныхъ княжествъ размножившихся князей Дома св. Владиміра. Всякое было живо само о себѣ, отъ другихъ особо,—и въ то же время всѣ сливались въ общую родину православныхъ. Много было селъ-городовъ въ любомъ изъ княженій: свои вездѣ села съ приселками, свои города и пригороды,—на всякій же удѣлъ была и своя столица. И всѣ крестоглавые города—а между ними высившіеся колокольнями и церквами выше прочихъ столицы красныя даже по всѣмъ удѣламъ—сливались въ одинъ великій міръ: вся Земля святорусская. Тогда князья тѣшились въ рукопашныхъ схваткахъ и больше забавлялись лихими боями—больше только мѣрились силой и боролись удалью между собой—чѣмъ дѣйствительно воевали другъ съ другомъ. Кромѣ Половцевъ, другой и заботы не было у князей, далеко они своихъ видовъ не простирали; ни съ которой стороны, съ чужи (кромѣ опять развѣ Чуди) ни откуда вражьихъ козней, ни захватовъ, ни нападеній не ожидали. А у себя дома уряжали землю и давали судъ людямъ: для князей это было привычнымъ дѣломъ; въ томъ и проходило все ихъ житье-бытье, безбѣдное, привольное и лучше котораго сами не желали,—жили просто и по̀просту безъ всякой политики, можно бы сказать.

И эти времена прошли. Послѣ того, какъ вражья сила одолѣла кругомъ, нельзя было въ прежней простотѣ вѣкъ вѣковать. Изъ всѣхъ силъ надо было вооружиться, чтобы вражью политику сокрушить: „продать все“—по всемірной пословицѣ—„и купить мечь“: силу отразить силой. Но съ возрастаніемъ силы меча неразлучна языческая грубость—та самая, которую нашъ лѣтописецъ отнесъ къ вѣнценосному Миндовгу: „*гордѣти вельми, возносясь славою великою*

и не творя противъ себя никого же“... роковое зло, изъ котораго есть ли и выходъ?.. Возможно ли его сочетать и примирить — не говоря уже о христіанскомъ законѣ — съ тою славянской *„правдой по закону святу“*, которую первобытные славяне чтили еще издревле на своей индійской, а потомъ на Дунайской прадѣдинѣ — задолго до Рождества Христова? Если и возможно, то трудно. Тѣмъ невозможнѣе, — а слѣдовательно, если и возможно, то еще и еще труднѣе — сочетать съ христіанскимъ закономъ, которымъ окрестилась Русь при св. Владимірѣ. Труденъ и опасенъ казался ей тотъ новый путь, которымъ - хочешь не хочешь предстояло итти. Если древле-кіевскіе князья, жалуясь духовникамъ своимъ, что *„міръ и княженье не могутъ быть безъ грѣха“*, стыдились славы міра и совѣсть православныхъ державцевъ, еще со времени Владиміра святого, зазрила вводить у себя византійскіе порядки, — заставляла ихъ на многое, къ чему ихъ склоняли греки, отвѣчать отказомъ: *„Русь свои обычаи имутъ“*:.. возникалъ уже роковой вопросъ: не помутилось бы впередъ это *„своеобычіе Руси“* при дальнѣйшемъ предстоявшемъ ей ходѣ. Устоитъ ли православная въ святой простотѣ? Но что̀ вдали—Богъ вѣсть: кромѣ Божіихъ святыхъ людей, прозорливцевъ грядущаго, кто можетъ въ будущее глядѣть?.. И наступило время такъ или иначе сплотиться въ грозную твердыню — время созиданія страшной государственной силы въ Русской Землѣ: той силы, которой ей вовсе не доставало,—отсутствіе которой и повело къ распаденію Руси: больше ее и въ мірѣ не поминали. Нѣмцы и Ляхи, Литва и Татары порѣшили, ее, казалось, совсѣмъ.

О древнемъ богатырѣ есть сказка у русскаго народа. Повалили его наземь, розняли по частямъ, и ихъ по̀-полю раскидали. Оживутъ ли разбросанные члены, встанетъ ли богатырь? Ивану царевичу велѣно было собрать ихъ воедино и сказано притомъ: возьми живой воды и мертвой, спрысни тѣло; но прежде мертвой водой, а ужъ потомъ живою. Казалось, къ концу XIV-го вѣка уже довольно были „мертвой водою спрыснуты“—всѣ до одной клеймомъ мертвизны были запечатлѣны растерзанныя части поверженнаго на̀земь богатыря, древле звавшагося Русью. „Живой воды“ надо было для воскрешенія тѣла. Не та или другая изъ его

частей могла воскреснуть въ отдѣльности, чтобы могъ оправиться богатырь и встать на-ноги,—а надо было, чтобы взялась общая жизнь извнутри тѣла. Ни одна изъ его частей, порознь отъ другихъ, не оживала. Какъ ни дышала еще и какъ ни хотѣла вырости та или другая изъ нихъ—не выросло ничего изъ никоторой. Лишь той части Русской Земли дано было, наконецъ, для всѣхъ сдѣлаться сердцемъ, которая сама о себѣ меньше всѣхъ значила отначала и никогда стать на-ноги порознь отъ другихъ не надмѣвалась; изнутри ея и заструилась жизнь по всему тѣлу.

Но тутъ предѣлъ. Отселѣ въ судьбахъ русскаго народа—новая задача на многія лѣта дальнѣйшаго историческаго труда. Чему быть далѣе? разъ мы дошли до XIV-го вѣка, это ужъ на первой очереди вопросъ о „Московскомъ государствѣ". Время Ивана Даниловича Калиты, „Великаго князя московскаго и всея Руси" и составляетъ переходъ къ нему. Образъ этого державца, можно бы сказать, двуликій: однимъ онъ смотритъ къ Кіеву, временъ еще св. Владиміра, а другимъ—къ намъ. Кіевскія и владимірскія времена при немъ кончились навсегда. Кругомъ было не узнать прошлаго, все былое перевелось. Ходъ вещей измѣнился и люди стали не тѣ. Всѣ видѣли и знали: рушился прежній строй, зачалось новое стремя,—а куда шло—Богъ вѣсть. Вѣдомо было всѣмъ и каждому: чему больше не бывать,—и никому незримо слагались новые пути, неизслѣдимые и неисповѣдимые въ грядущихъ судьбахъ русскаго народа: никому невѣдомо творилось то, чему быть.

Коротко сказать: на исходѣ XIV вѣка кончились *„первые пять вѣковъ родной старины"*. Отсюда начинается и уже начался Московскій періодъ. Его продолженіе — внѣ предѣловъ дописаннаго нами труда. Далѣе уже слѣдуетъ „исторія Московскаго государства", а *„Русской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ"*—конецъ.

КОНЕЦЪ III И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Московская Центральная
Публичная Библиотека